11 53/496
62

12572

МАТЕРІАЛЫ

И 53/496

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ II.

КОРРЕКТУРЫ:

Императора Александра II-го.
Генерала князя М. Д. Горчакова 2-го.
Генералъ-лейтенанта Хрулева.
Контръ-адмирала Истомина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

2007081641

65
262

МАТЕРІАЛЫ

У 53/496

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН.СЕКТ.

ВЫПУСКЪ II.

ПОРТРЕТЫ:

Императора Александра II-го.
Генерала князя М. Д. Горчакова 2-го.
Генералъ-лейтенанта Хрулева.
Контръ-адмирала Истомина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ, Литейный проспектъ, № 39.
1871.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛ-КА
имени
В. И. Ленина
44396-43

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Приготовленіе Англіи и Франціи къ отправленію войскъ въ Турцію. 1

Начальствующія лица во французскихъ и англійскихъ войскахъ и составъ ихъ войскъ 5

Дальнѣйшія распоряженія по отправленію союзныхъ войскъ въ Турцію 8

Пренія въ нижнемъ парламентѣ 8-го (20-го) февраля. . . 14

Брошюра д'Израэли. 27

Слухи въ Константинополѣ о появленіи русскаго флота въ Черномъ морѣ 29

Вторичный выходъ союзныхъ флотовъ въ Черное море . . 30

Свѣдѣнія объ англійскомъ флотѣ въ Черномъ морѣ . . . 32

Французская эскадра Чернаго моря, подъ начальствомъ вице-адмирала Гамелена 34

Плаваніе и дѣйствіе союзныхъ флотовъ у нашихъ береговъ. 35

Слово высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, въ одесскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ, въ великій четвергокъ, 8-го апрѣля, при появленіи передъ Одессою непріятельскаго флота 40

Бомбардированіе Одессы 44

Свѣдѣнія, сообщенныя шхиперами коммерческихъ судовъ, захваченныхъ въ призъ непріятельскими пароходами съ 1-го по 4-е апрѣля 1854 г. 53

Извѣстія съ Чернаго моря 57

Слово, произнесенное преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 10-го апрѣля 1854 г., въ великую субботу, въ день бомбардированія г. Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французовъ 61

Два новыя донесенія барона Остенъ-Сакена. 64

Переводъ письма вице-адмирала Дондаса къ генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену 66

Первый выстрѣлъ союзниковъ-магометанъ въ христіанскій городъ Одессу *Ростислава* 63
Подвиги студентовъ одесскаго Ришельевскаго лицея . . . 71
Высочайшая грамота генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену 1-му 72
Высочайшая грамота жителямъ города Одессы. 73
Письмо изъ Одессы къ А. К. *К. Картамышева* 74
Статьи иностранныхъ газетъ по поводу бомбардированія г. Одессы. 88
Статья „Одесскаго Вѣстника“ о бомбардированіи Одессы . 89
Письма изъ Одессы. 95
Опроверженіе донесенія адмирала Гамелена 126
Высочайшій рескриптъ, данный на имя преосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго . 130
Извѣстіе о взятіи парохода „Тигръ“ 131
Англійскій пароходъ „Тигръ“ (Письмо въ редакцію «Сѣверной Пчелы» русскаго флотскаго офицера) 134
Письмо англійскаго медика, бывшаго на пароходѣ «Тигръ» 137
Переводъ отрывка изъ письма г. Аллана 139
Извлеченіе изъ разсказовъ гг. Эдингтона и Селивана, служившихъ на пароходѣ «Тигръ» 140
Объ отпускѣ изъ одесскаго порта англійскихъ купеческихъ судовъ 142
Плаваніе союзныхъ флотовъ въ виду Севастополя . . . 143
Извлеченіе изъ донесенія его свѣтлости начальника морскаго штаба генералъ-адъютанта князя Меншикова . . 144
Отправленіе союзныхъ войскъ въ Турцію 144
Пребываніе союзныхъ генераловъ въ Константинополѣ . . 172
Несогласія между генералами союзныхъ войскъ 174
Движеніе судовъ черноморскаго флота въ іюнѣ 1854 года и перестрѣлка у Севастополя 175
Движеніе союзныхъ войскъ изъ Галлиполи къ Адріанополю и Варнѣ 181
Извѣстія съ Чернаго моря 239
Прокламація императора французовъ къ войскамъ, находящимся въ Турціи 242
Приготовленіе союзниковъ къ высадкѣ въ Крымъ . . . 244
Отплытіе союзныхъ флотовъ къ берегамъ Крыма. . . . 256
Высадка англо-французовъ въ Крымъ. 262
Сраженіе на р. Альмѣ 8 го (20-го) сентября 1854 года. . 269
Описаніе сраженія составленное капитаномъ *Енишерловымъ* 272

Переводъ изъ соч. *Герена* о сраженіи при Альмѣ . . . 323
Описаніе альмскаго сраженія, составленное по *Кинглэку* . 355
Описаніе альмскаго сраженія, составленное *В. А. Левчевскимъ* 402
Отрывокъ изъ статьи Нѣсколько замѣчаній очевидца на составленные капитаномъ генеральнаго штаба *Аничковымъ* «Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи» 419
Письмо къ редактору «Русскаго Инвалида», *О. Квицинскаго* 422
Замѣчанія на предъидущую статью, *князя Петра Горчакова* 426
Новыя подробности о сраженіи при Альмѣ, *В. Кирьякова* . 430
Нѣсколько словъ противъ «Новыхъ подробностей о сраженіи при Альмѣ», изложенныхъ генераломъ Кирьяковымъ въ № 136 «Русскаго Инвалида», генералъ-маіора *В. Вунша* 440
Возраженіе на статью генералъ маіора Вунша генералъ-лейтенанта *Кирьякова* 452
Отрывокъ изъ письма пѣхотнаго офицера 460
Воспоминаніе о началѣ крымской кампаніи въ 1854 году *Г. Д Щербачева* 464
Дарья Севастопольская 475
Статьи иностранныхъ газетъ о сраженіи при р. Альмѣ . . 478
Опроверженіе показаній маршала Сентъ-Арно объ альмскомъ сраженіи 491

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стран.
Генералъ-адъютантъ князь **М. Д. Горчаковъ**. 1
Смерть князя М. Д. Горчакова, *Е. К.* 20

Генералъ лейтенантъ Степанъ Александровичъ **Хрулевъ** . . 22
Генералъ Хрулевъ 53
Переписка генералъ-лейтенанта Д. Б. Броневскаго съ генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ 58
Адресъ генералъ-лейтенанту Хрулеву 59
Отвѣтъ генералъ-лейтенанта Хрулева 61
Обѣдъ, данный въ одесскомъ клубѣ въ честь генералъ-лейтенанта Хрулева 66

Обѣдъ, въ честь генералъ-лейтенанта Хрулева, данный членами московскаго англійскаго клуба *С. Шевырева*. . 64
Рѣчи, сказанныя на обѣдѣ, данномъ артиллерійстами Степану Александровичу Хрулеву 71
Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ (некрологъ) 73
Похороны Степана Александровича Хрулева въ Севастополѣ 82

Контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ **Истоминъ**. . . . 87
Письмо Истомина къ Лайонсу 91
О кончинѣ контръ-адмирала Истомина 92
Письмо П. С. Нахимова, къ вдовѣ М. П. Лазарева . . . 93
Вѣсти изъ Севастополя. 95
Похороны контръ-адмирала Истомина. 97

АЛФАВИТЫ.

Личныхъ именъ авторовъ 100
Именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ . . . . . —
Сухопутныхъ войскъ и флота 110
Алфавитъ судовъ 114
Укрѣпленій, построенныхъ въ Севастополѣ 116

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Защитники чести Россіи и славы!
Вашъ подвигъ и древнихъ героевъ затмилъ:
Отъ васъ получили *четыре* державы
Лишь груды развалинъ! да груды могилъ!
Мы любимъ отчизну! но вы намъ явились
Примѣромъ высокой, священной любви!
Одиннадцать мѣсяцевъ слишкомъ вы бились
Подъ адскимъ огнемъ, утопая въ крови!
Нѣтъ! въ жизни народовъ все можетъ случиться!
Вновь силу событій извѣдаетъ свѣтъ,
Но Крымское дѣло едваль повторится,
Хоть Русь проживетъ за три тысячи лѣтъ!!
Такъ тостъ нашъ за тѣхъ, *кто отъ бомбъ и отъ дыма,*
Отъ вылазокъ, штурмовъ остался въ живыхъ!
За васъ, безпардонные витязи Крыма,
Мы пьемъ какъ за кровныхъ, безцѣнныхъ родныхъ!

(Изъ стих. И. Григорьева, сказаннаго на обѣдѣ черноморскимъ героямъ)

АЛЕКСАНДРЪ II

ПРИГОТОВЛЕНІЯ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ КЪ ОТПРАВЛЕНІЮ ВОЙСКЪ ВЪ ТУРЦІЮ.

Англійскія газеты наполнены планами и другими приготовленіями на случай военныхъ дѣйствій. Парижскій корреспондентъ газеты «Times» пишетъ, напримѣръ, что на Востокъ посланъ будетъ корпусъ войскъ, состоящій изъ 70 или 80 т. человѣкъ: 50 или 60 т. французовъ, 15 или 20 т. англичанъ. Во французскомъ отрядѣ 25 или 30 т. будутъ взяты изъ африканской арміи, остальные изъ арміи, находящейся въ самой Франціи. Соединенный англо-французскій корпусъ перевезенъ будетъ въ Чивита-Веккію и отсюда сухимъ путемъ отправится въ Анкону. Если Австрія не позволитъ высадить войска, въ одномъ изъ ея адріатическихъ портовъ, то они будутъ доставлены въ какой-нибудь турецкій портъ, лежащій ниже, и отсюда пойдутъ въ Сербію, а потомъ туда, гдѣ окажется въ нихъ надобность. Корреспондентъ другой газеты, «Chronicle», пишетъ объ этомъ же предметѣ слѣдующее: «Мнѣ сказывали, что французскія и англійскія вспомогательныя войска будутъ посланы не въ Кандію, какъ предполагалось прежде, но въ Эносъ, въ Румелію. Какъ кажется, намѣрены образовать вспомогательный корпусъ у Адріанополя, который можно назвать ключемъ Турціи. Пунктъ этотъ удобенъ и въ томъ отношеніи, что отсюда легче, чѣмъ изъ другихъ мѣстъ Европейской Турціи, поддерживать сообщеніе съ Англіею и Франціею. Рѣка Марица, пройдя черезъ Адріанополь, впадаетъ въ Эносскомъ заливѣ въ море и можетъ способствовать доставкѣ въ Адріанополь различныхъ припасовъ. Впрочемъ, эносскій портъ, кажется, такъ занесенъ пескомъ, что большіе корабли не могутъ входить туда.

Извѣстно, что экспедиціонная армія будетъ состоять изъ 40 т. французскихъ войскъ и 10 т. англійскихъ. Вотъ письмо въ газету «Times» изъ Виндзора: «Вчера вечеромъ въ здѣшнихъ пѣхотныхъ казармахъ полученъ приказъ 350 рядовымъ 2-го баталіона шотландскихъ гвардейскихъ фузилеровъ приготовиться къ отъѣзду въ четвергъ или пятницу въ Константинополь. Точно такіе же отряды будутъ взяты и изъ другихъ шести баталіоновъ нѣшей гвардіи, что составитъ всего 2,500 человѣкъ. Изъ Виндзора гвардія, подъ командою полковника *Дейксона*, отправится прямо къ порту, въ которомъ предназначено посадить ее на суда. Сегодня по-утру посланъ въ окрестныя мѣста отрядъ фузилеровъ, при нѣсколькихъ офицерахъ, для набора рекрутъ. Чтобы облегчить это дѣло, законная мѣра роста, требуемая отъ рекрутъ, уменьшена на полтора дюйма. Подобное распоряженіе вынудила необходимость укомплектовать полкъ до 1,600 человѣкъ. Въ кавалерійскихъ казармахъ до сихъ поръ не получено еще никакихъ предписаній, но, по весьма вѣрнымъ извѣстіямъ, на мѣсто войны будетъ отправлена королевская конная гвардія». Еще отрывокъ изъ письма въ газету «Times». «Въ Вульвичѣ не получено еще никакихъ официальныхъ предписаній, но всѣ говорятъ о приготовленіяхъ къ войнѣ. Всѣмъ извѣстно, что цѣпи ваголовъ ежедневно привозятъ военные запасы изъ здѣшняго королевскаго арсенала въ общее складочное мѣсто, гдѣ они будутъ находиться въ готовности для отправленія, смотря по надобности, внутрь страны или за границу. Сегодня носился здѣсь слухъ, что два полка королевской конной гвардіи и шесть артиллерійскихъ ротъ получили предписаніе быть въ готовности къ отправленію въ Средиземное море (1).

Парижъ, 24 февраля 1854 года. Военныя приготовленія производятся здѣсь съ большою дѣятельностью. Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 19-го февраля: «Сперва хотѣли отправить весь корпусъ вдругъ, но потомъ перемѣнили мнѣніе, и постепенно сажаютъ войска на суда

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 34.

въ мѣстахъ отплытія, замѣщая ихъ потомъ, если нужно. Флотъ Атлантическаго океана, посадивъ войска въ Алжирѣ и Оранѣ, возвратился въ Тулонъ для укомплектованія этого транспорта. Кромѣ трехъ отправляемыхъ дивизій, пошлютъ еще четвертую, подъ начальствомъ генерала *Боске*. Говорятъ даже о пятой, кавалерійской дивизіи, подъ командою генерала *Морри*. Число людей этихъ пяти дивизій можетъ простираться до шестидесяти тысячъ. Всѣ желаютъ участвовать въ этой экспедиціи. Болѣе шестидесяти бригадныхъ генераловъ просили объ этомъ. «Если полученныя мною свѣдѣнія вѣрны, говоритъ корреспондентъ, вотъ какой принятъ общій планъ для экспедиціонной арміи, который, какъ увѣряютъ, былъ предметомъ дипломатическихъ сношеній. На первый разъ экспедиція будетъ только оборонительная, а именно: часть войска высажена будетъ въ Эносъ, небольшой гавани при устьѣ Марицы. Городъ Эносъ имѣетъ до 8 т. жителей и служитъ складочнымъ мѣстомъ для адріанопольской торговли. Если это будетъ нужно, и когда султанъ отправится въ Адріанополь, корпусъ, стоящій въ Архипелагѣ, можетъ прямо отправиться въ сію столицу. Другая часть экспедиціи будетъ содержать гарнизонъ въ Константинополѣ. Въ это время укрѣпятъ этотъ городъ самымъ сильнымъ образомъ. Онъ построенъ на треугольномъ мысѣ и можетъ быть атакованъ только съ сухаго пути. Съ этой стороны существуетъ уже тройная стѣна, правда въ довольно плохомъ состояніи, но ее починятъ. Кажется, что передъ стѣною и за нынѣшнею оградою устроятъ фортификаціонную линію съ большими бастіонами, люнетами, прикрытымъ путемъ и другими полевыми верками. Увѣряютъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ можно укрѣпить Константинополь очень сильно. Часть англійскихъ полковъ пріѣдетъ въ Константинополь 10 марта, а французскія войска явятся вскорѣ потомъ. Алжирскіе полки будутъ отправлены первые, но ихъ нельзя посадить на суда прежде трехъ недѣль. Во Франціи спѣшатъ наборомъ войскъ. Но военные слухи произвели нѣкоторое волненіе въ департаментахъ, и потому, какъ кажется, рѣшено

оставить дома женатыхъ изъ резервныхъ участковъ 1851—1852 годовъ.... (1)

Военный министръ маршалъ *Сентъ-Арно*. не смотря на всегдашнее свое нездоровье. окончательно уже назначенъ главнокомандующимъ *восточною* арміею. Маршалъ уже давно въ немилости. и теперь пользуются этимъ случаемъ, чтобъ удалить человѣка. котораго характеръ не довольно гибокъ. а преданность сомнительна. Принцъ Наполеонъ надѣялся получить званіе главнокомандующаго. но это нашли неудобнымъ. Ему даютъ команду надъ резервомъ. въ 30.000 человѣкъ. который останется въ Тулонѣ. Вспомогательный корпусъ будетъ состоять изъ 10.000 человѣкъ опытныхъ алжирскихъ солдатъ. Дивизіонные генералы также будутъ взяты всѣ изъ Алжиріи. Съ какимъ непріятелемъ будетъ воевать это англо-французское войско? Съ русскими? Едва-ли. Полагаютъ. что ему прежде всего будетъ много работы. для потушенія греческаго возстанія. принимающаго огромные размѣры. Думаютъ, что въ теченіе марта оно распространится по всей Турціи и обхватитъ Іоническіе и Архипелажскіе острова. Греки, проживающіе въ Парижѣ. не скрываютъ своихъ надеждъ. Они объявляютъ. что насталъ часъ возстановленія византійской имперіи. Вслѣдствіе этого возстанія, положеніе г. Маврокордато. греческаго посланника въ Парижѣ, сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Императоръ призывалъ его къ себѣ и старался получить объясненія, но посланникъ. болѣе воинъ нежели дипломатъ, могъ сообщить только самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Или онъ дѣйствительно ничего не знаетъ. или не хочетъ знать. Это выдуманное или истинное незнаніе не понравилось императору. который объявилъ. что будетъ поступать съ греками точно такъ же, какъ съ русскими (?!) (2).

Маршалъ *Сентъ-Арно* постоянно боленъ. Друзья его опасаются. чтобы походъ не стоилъ ему жизни. Но маршалъ не слушаетъ ихъ совѣтовъ отказаться отъ главнаго

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 41.

(2) „Сѣверная Пчела» 1854 г. № 48.

начальства надъ арміей. Г-жа де Сентъ-Арно поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ и намѣрена не отставать отъ своего мужа даже въ сраженіяхъ. Она извѣстна своимъ мужествомъ, потому что въ Африкѣ сопровождала генерала во многихъ экспедиціяхъ. У нея даже, говорятъ, нѣтъ недостатка въ военныхъ свѣдѣніяхъ (1).

Болѣзненное положеніе маршала Сентъ-Арно возбуждаетъ много толковъ; утверждаютъ, что генералъ *Канробертъ*, на случай его кончины, уже уполномоченъ занять его мѣсто. Маршалъ остановится четыре дня въ Марселѣ. Такой отдыхъ послѣ столь неутомительнаго путешествія (изъ Парижа въ Марсель) усиливаетъ слухи о болѣзни генерала (2).

Начальствующія лица во французскихъ и англійскихъ войскахъ и составъ ихъ войскъ.

Парижъ, 13-го марта 1854 года. Мы говорили, что въ «Монитерѣ» обнародовано вчера описаніе состава и устройства *восточной* арміи. Главнокомандующимъ назначенъ, какъ извѣстно, маршалъ *де-Сентъ-Арно*, при которомъ должно состоять 10 адъютантовъ и офицеровъ-ординарцевъ. Начальникомъ главнаго штаба назначенъ бригадный генералъ *де-Мартенпре* (Martimprey); кромѣ того, къ главному штабу принадлежатъ: второй начальникъ его, подполковникъ *Жарра* (Jarras), командующій всею артилеріею полковникъ *Лебефъ*, начальникъ инженеровъ полковникъ *Тритье*, 5 офицеровъ генеральнаго штаба, 4 артилерійскихъ, 5 инженерныхъ и проч. Начальникомъ 1-й дивизіи назначенъ генералъ *Канробертъ*, подъ которымъ командуютъ бригадами генералы *Эспинассъ* и *Винуа;* начальникъ 2-й дивизіи—генералъ *Боске;* бригадные командиры этой дивизіи — *д'Отмаръ* и *Буа*; кавалеріею командуетъ генералъ *д'Алонвиль*; резервнымъ корпусомъ принцъ *Наполеонъ;* резервною дивизіею, отдѣленною отъ главной

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 59.
(2) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 88.

арміи, имѣющею совершенно особенное устройство—дивизіонный генералъ *Форе*, подъ которымъ командуютъ: пѣхотою бригадные генералы *де-Іурмель* и *д'Орель*, а кавалеріею бригадный генералъ *Кассеньоль*. Что касается до состава войскъ, то главная армія, раздѣленная на двѣ дивизіи и такъ называемый резервный корпусъ принца Наполеона, состоитъ изъ 3-хъ баталіоновъ егерей (венсенскихъ) и африканскихъ стрѣлковъ (tirailleurs indigènes), 11-ти полковъ линейной пѣхоты, въ томъ числѣ 3-хъ полковъ африканскихъ зуавовъ (французскія войска, одѣтыя по восточному, съ чѣмъ-то въ родѣ тюрбана на головѣ, въ красныхъ шароварахъ и узкихъ полусапожкахъ изъ мягкой кожи), 2-хъ полковъ легкой кавалеріи (chasseurs d'Afrique), $11^1/_2$ батарей артиллеріи, 3-хъ ротъ саперовъ, отрядовъ жандармовъ, ремесленниковъ и проч. Резервная дивизія состоитъ изъ баталіона егерей, 4-хъ полковъ линейной пѣхоты, 2-хъ полковъ тяжелой кавалеріи (кирасирскаго и драгунскаго), 3-хъ батарей артиллеріи, одной роты инженеровъ, и проч. Если считать каждый пѣхотный полкъ въ 2 баталіона и каждый баталіонъ пѣхоты или егерей въ 1,000 чел., то всѣ силы восточной арміи должны простираться приблизительно до 50.000 чел. (1).

Лондонъ, 18-го февраля 1854 года. Въ «Sun» пишутъ, что герцогъ *Кембриджскій* третьяго дня формально назначенъ вторымъ главнокомандующимъ турецкою экспедиціею. Первымъ будетъ лордъ *Раглань*. Другою дивизіею будетъ командовать сэръ Дж. *Броунъ*. Полковникъ *Бентинкъ* и сэръ Коллинъ *Кемпбель* будутъ командовать бригадами. Послѣдній, считающійся однимъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ въ арміи, былъ правою рукою *Чарлса Непира* въ Остъ-Индіи. Секретаремъ лорда Раглана будетъ полковникъ *Стиль*, а генералъ-адъютантомъ полковникъ *Гордонъ*.

Въ «Morning Chronicle» сказано: «Лордъ *Раглань* отказывается, какъ кажется, отъ командованія англійскимъ корпусомъ, собираемымъ на южныхъ берегахъ Англіи для отправленія въ Турцію, если этотъ корпусъ не будетъ до-

(1) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. № 57.

веденъ до двадцати тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ. Менѣе того, по его мнѣнію, недостаточно. Онъ старый опытный офицеръ испанской войны, и знаетъ, какъ быстро ослабляется армія отъ трудовъ, климата и многихъ болѣзней, не говоря о неизбѣжныхъ потеряхъ подъ огнемъ непріятельскимъ. Мнѣніе его было одобрено, и потребовано шесть новыхъ баталіоновъ для пополненія корпуса (1).

Лондонъ, 16-го марта 1854 года. Сэръ *Ричардъ Ингленъ* и сэръ *Лесси Эвансъ* назначены начальниками дивизій въ экспедиціонной арміи, въ которой будетъ находиться кавалерійская дивизія, въ 2.000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа *Кардигана* и полковника *Скарлетта* (2).

Изъ *Лондона* въ «Neue Preussische Zeitung.» отъ 16-го февраля 1854 года, пишутъ, что извѣстіе объ окончательномъ отправленіи экспедиціоннаго корпуса, разумѣется, вполнѣ удовлетворило тамошнюю войнолюбивую партію. Англійскія военныя газеты тоже занимаются мыслію о дѣятельномъ употребленіи сухопутныхъ силъ Англіи на Востокѣ, но въ нихъ смотрятъ на все это съ самой благопріятной стороны, какъ и крикуны на митингахъ, воюющіе за стаканами пива или джина. Такъ, напримѣръ, въ «Naval and Military Gazette» (издаваемой подъ руководствомъ военнаго министерства) «съ нѣкоторымъ опасеніемъ» смотритъ на выборъ главнокомандующаго, говоря, что не желательно бы было видѣть на этомъ мѣстѣ генерала слишкомъ престарѣлаго, и давая чувствовать при томъ, что большая часть англійскихъ генераловъ не имѣютъ уже, по лѣтамъ своимъ, ни силы, ни дѣятельности; шайка выходцевъ, разумѣется, радуется до изступленія, видя, что война уже рѣшена. Кишкели и Кошуты услаждаются властолюбивыми мечтаніями (3).

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 39.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 60.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 43.

Дальнѣйшія распоряженія по отправленію союзныхъ войскъ въ Турцію.

Порта получила уже отъ французскаго и англійскаго посланниковъ оффиціальное объявленіе о скоромъ прибытіи англо-французской вспомогательной арміи въ 80,000 человѣкъ. Когда это сообщили шейхъ-эль-исламу, онъ тотчасъ приказалъ совершать во всѣхъ мечетяхъ турецкой имперіи молитвы о благоденствіи Англіи и Франціи (1).

Въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ изъ Лондона, что всю кавалерію, назначенную для отправленія въ Турцію, рѣшено отправить моремъ, а не сухимъ путемъ, чрезъ Францію, до Марселя. Эта мѣра принята для того, чтобы не подвергать сихъ войскъ безполезной усталости. Кавалерійскіе штабы должны были отправиться 19-го или 20-го марта чрезъ Парижъ въ Марсель, откуда, на казенномъ пароходѣ, отправятся въ Галлиполи. Такимъ образомъ начальникъ кавалеріи, графъ *Луканъ*, со всѣмъ своимъ штабомъ, будетъ тамъ прежде нежели войско (2).

Парижъ, 17-го марта 1854 года. Въ «Ind. Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 16-го марта, что формированіе экспедиціонной арміи подвигается впередъ медленно, и нѣсколько офицеровъ, долженствовавшихъ отправиться въ Тулонъ, получили приказаніе оставаться до времени въ Парижѣ, потому что экспедиція во всякомъ случаѣ отправится не прежде, какъ въ концѣ мѣсяца, и этимъ офицерамъ трудно было бы найти квартиры въ Тулонѣ. Самъ маршалъ *Сентъ-Арно* намѣренъ отдохнуть нѣсколько времени. Онъ пріѣдетъ въ Марсель не прежде 25-го числа. Врачи говорятъ, что здоровье его поправится въ походѣ, и что кабинетные труды были для него вредны. Два кавалерійскіе полка, кирасирскій и драгунскій, не трогались еще изъ Ліона. Въ «Toulonnais» 13-го марта сказано, что движеніе войскъ, назначенныхъ въ восточную армію, и

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 49.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 85.

отправляющихся изъ Тулона, начнется около 20-го марта (1)....

Парижъ, 24-го марта 1854 года. Въ «Ind. Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 22-го марта, что генералъ *Канробе́ръ* потребовалъ, для перевозки войскъ, всѣхъ купеческихъ судовъ, стоящихъ въ южныхъ портахъ. Но многія изъ этихъ судовъ были греческія, и хозяева отказались отдать ихъ въ распоряженіе союзныхъ державъ для употребленія въ пользу непримиримыхъ враговъ ихъ, турокъ (2)....

Парижъ, 29-го марта 1854 года. Изъ Парижа пишутъ въ «Ind. Belge»: Утверждаютъ, что журналамъ будетъ запрещено обнародовать извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, кромѣ помѣщаемыхъ въ «Монитерѣ». На-дняхъ носился слухъ о перемѣнахъ въ министерствѣ. Онѣ происходятъ отъ неудовольствія, выраженнаго *свыше* на медленность въ отправленіи войскъ и на распредѣленіе эскадръ. Принцъ *(Жеромъ-Наполеонъ)*, получившій командованіе въ восточной экспедиціи, сильно выразилъ нетерпѣніе арміи, обманутой въ своихъ надеждахъ. Говорили было, что *Сентъ-Арно* впалъ въ немилость и даже лишенъ командованія арміею. Достовѣрно то, что маршалъ *Сентъ-Арно*, въ сопровожденіи маршала *Вальяна*, явился въ Тюльерійскомъ дворцѣ, и въ отвѣтъ на обвиненія, которымъ подвергался, напоминалъ императору, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нѣсколько разъ просилъ приказанія на отправленіе войскъ, и не дождался, вѣроятно потому, что откладывали приказанія, въ надеждѣ на сохраненіе мира. Наконецъ вдругъ потребовали немедленнаго ихъ исполненія, и онъ нашелся въ невозможности привести въ дѣйствіе такія важныя мѣры въ короткое время. Между тѣмъ маршалъ собирается ѣхать 10-го апрѣля. Слышно, что генералу *Канроберу* даны надлежащія полномочія дѣйствовать, въ обстоятельствахъ важныхъ и непредвидѣнныхъ, если

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 60.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 65.

бы *Сентъ-Арно* не прибылъ на мѣсто до того времени.— По другимъ извѣстіямъ, бурная погода и противные вѣтры замедляютъ отправленіе французскихъ войскъ изъ Тулона (1)».

Англійскія газеты сильно жалуются на медленность въ отправленіи войскъ на Востокъ. Газета «the Times», между прочимъ, говоритъ: «Все это должно подать какъ нашимъ союзникамъ, такъ и врагамъ весьма невыгодное понятіе о нашихъ военныхъ способахъ, и если у нихъ есть время для смѣха, то, безъ сомнѣнія, они не мало потѣшатся надъ извѣстіемъ, напечатаннымъ сегодня въ газетахъ и съ важностію возвѣщающимъ, что лимерикскій оружейный мастеръ, нѣкто г. *Іампри*, три дня и три ночи былъ занятъ оттачиваньемъ сабель 11-го гусарскаго полка. Пройдетъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ, пока эта блестящая легкая кавалерія увидитъ непріятеля, и если бы г. *Іампри* былъ даже въ состояніи наточить ея сабли такъ остро, что онѣ могли бы служить ей вмѣсто бритвъ, то все-таки извѣстно, что, въ стальныхъ ножнахъ своихъ, онѣ черезъ недѣлю будутъ опять такъ тупы, какъ каминные щипцы. Да и что это за гусары, которые не умѣютъ сами наточить своихъ сабель, а принуждены обращаться, за три мѣсяца до встрѣчи съ непріятелемъ, къ какому-то ирландскому ножевщику? Ужь не отправится-ли г. *Іампри* изъ Лимерика за нашими гусарами на Востокъ, съ своимъ точильнымъ камнемъ?» Вообще, извѣстія о точеніи сабель играютъ теперь важную роль въ англійскихъ провинціальныхъ газетахъ (2).

Изъ Парижа пишутъ, отъ 5-го апрѣля 1854 года, въ «Аугсбургской Газетѣ»: «Вотъ уже 10 дней, какъ мы находимся въ военномъ положеніи, а между тѣмъ нигдѣ не замѣтно признаковъ энергическихъ мѣръ; обѣщаютъ только, что къ началу мая въ Константинополѣ будетъ 50,000

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 70.
(2) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 89.

человѣкъ войска, тогда какъ въ то же время Россія можетъ выставить въ шестеро болѣе. Недостаетъ особенно боевыхъ припасовъ, и въ этомъ отношеніи безпечность и беззаботность бывшаго военнаго министра, маршала *Сентъ-Арно*, право, безпримѣрны. Вотъ почему экспедиція отправляется такъ медленно; не смотря на дѣятельность маршала *Вальяна*, онъ не можетъ въ нѣсколько дней исправить то, что предшественникъ его испортилъ въ два года. Изъ Парижа и Лондона посланы въ Константинополь новыя денежныя ссуды (1).

Всѣ помнятъ, что первые пѣхотные полки отправились изъ Англіи въ Турцію недавно. Съ умысломъ или по незнанію (и то и другое не служитъ къ чести) объявлено было въ газетахъ, что вся союзная армія вскорѣ придетъ къ Дунаю. Съ тѣхъ поръ прошло два мѣсяца, и только первые французскіе и англійскіе баталіоны прибыли въ Галлиполи, но кавалеріи и артиллеріи ни Франція, ни Англія еще не отправляли. Отъ этого возникаютъ всеобщія и справедливыя обвиненія. Каждый понимаетъ, что баталіонъ можетъ быть готовъ къ выступленію чрезъ нѣсколько дней, и что пароходъ быстро привезетъ его къ мѣсту назначенія. Но перевозъ лошадей, пушекъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, дѣло совсѣмъ иное. Для этого нужно набрать большое число парусныхъ судовъ, приспособленныхъ къ этому дѣлу, и перевозка ихъ требуетъ до шести недѣль и болѣе. Поэтому константинопольскій корреспондентъ «Times» и пишетъ, отъ 8-го апрѣля, что вся союзная армія будетъ на мѣстѣ не прежде какъ черезъ три мѣсяца, потому что нельзя послать противъ непріятеля пѣхоты безъ конницы и артиллеріи, а какъ 200,000 русскихъ на Дунаѣ будутъ имѣть передъ собою не болѣе 70,000 англичанъ и французовъ, и могутъ получать подкрѣпленія гораздо легче, нежели союзныя войска, то опредѣлительно можно сказать, что, при всѣхъ усиліяхъ Франціи и Англіи, русскіе вездѣ будутъ втрое и вчетверо силь-

(1) „С.Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 80.

нѣе. При безнадежности на турецкую армію, рѣшатся-ли союзники перейти чрезъ Балканы и двинуться къ Дунаю, это вопросъ другой и весьма сомнительный (1).

Въ «Zeit» сообщаютъ извѣстія изъ Константинополя. до 13-го февраля 1854 года. Отрицательный отвѣтъ С.-Петербургскаго Кабинета на турецкую ноту полученъ былъ Портою по телеграфической депешѣ турецкаго посланника въ Вѣнѣ, привезенной изъ Бѣлграда нарочнымъ. На «Карадокѣ» прибыли въ Константинополь нѣсколько французскихъ и англійскихъ офицеровъ и. между прочими, англійскій генералъ *Бургоинъ*; въ свитѣ его находились сынъ англійскаго посланника въ Парижѣ. французскій инженерный полковникъ *Арманъ*. маіоръ генеральнаго штаба *Маньянъ* и проч. Генералъ *Бургоинъ* и полковникъ *Арманъ* отправились, 11-го числа, въ Дарданеллы для осмотра, какъ говорятъ, укрѣпленій, которыя почитаютъ весьма неудовлетворительными съ сухопутной стороны. Союзные флоты все еще въ Бейкосѣ. Для обороны Дарданельскихъ замковъ поставленъ тамъ отрядъ англо-французскихъ піонеровъ (2).

18-го марта прибыли въ Адріанополь два англійскіе инженера и осматривали казармы. Въ одной могутъ помѣститься 15.000. а въ другой 3.000 человѣкъ съ 2,000 лошадей. На другой день обозрѣвали они окрестности, и намѣрены были также осмотрѣть Энось и Родосто (3).

По письму изъ Лондона, отъ 20-го марта 1854 года, въ берлинской газетѣ «Zeit» и даже по письмамъ изъ Константинополя. гдѣ сэръ Дж. *Бургоинъ* открыто говорилъ въ смыслѣ, что всѣ военныя приготовленія Англіи и Франціи имѣютъ цѣлью занять только укрѣпленный лагерь между Константинополемъ и Адріанополемъ, для прикрытія столицы.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 93.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 47.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 83.

По частнымъ письмамъ изъ Константинополя, въ «Daily News», генералъ сэръ Дж. Бургоинъ осматривалъ Галлиполи, чтобы видѣть, удобенъ-ли этотъ городъ для укрѣпленной морской станціи англійскихъ военныхъ судовъ. Впрочемъ, теперь говорятъ, что Галлиполи будетъ въ особенности сборнымъ мѣстомъ французскихъ войскъ (1).

Въ одномъ журналѣ пишутъ, что въ Константинополѣ происходило волненіе вслѣдствіе недостатка хлѣба, оказавшагося вдругъ по совершенномъ прекращеніи подвоза съ Чернаго моря—это правда. Сообщаю вамъ оттуда нѣкоторыя подробности, полученныя мною отъ вѣрнаго человѣка. Англійскій инженеръ-генералъ сэръ Джонъ *Бургоинъ* отправилъ къ своему правительству подробное донесеніе о томъ, какія пособія можетъ найти въ Турціи отправляемая туда армія. Въ самомъ началѣ онъ говоритъ, что она должна привести съ собою все, даже съѣстные припасы. Въ хлѣбѣ собственно нѣтъ недостатка, но турецкіе солдаты, разбѣжавшіеся по деревнямъ на добычу, заставили поселянъ скрыть все, что у нихъ осталось. Всѣ пособія ничтожны. Лошади, на которыхъ надѣялись, неспособны къ службѣ. Должно будетъ привезти съ собою и строевой лѣсъ, если хотятъ строить понтоны и телѣги. Въ этомъ положеніи, кажется, рѣшились устроить въ мѣстѣ, которое будетъ выбрано впослѣдствіи, большой укрѣпленный лагерь, который командовалъ бы входомъ въ Черное море. Хотятъ построить, близъ Галлиполи, на Дарданелльскомъ проливѣ, нѣчто въ родѣ англо-французскаго города. Тамъ построены будутъ укрѣпленія, и такъ какъ въ Турціи нѣтъ хорошихъ работниковъ, то ремесленники всякаго рода будутъ привезены изъ Франціи и Англіи. По мнѣнію генерала *Бургоина*, должно увеличить число вспомогательнаго корпуса до 120.000 человѣкъ, такъ чтобы, за исключеніемъ больныхъ и нестроевыхъ, можно было всегда имѣть

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 68.

два 50,000 корпуса, и отправлять ихъ, куда надобность потребуетъ (1).»

Прибытіе англо-французскихъ вспомогательныхъ войскъ не нравится туркамъ точно также, какъ и присутствіе союзныхъ флотовъ въ Босфорѣ. Они какъ бы предчувствуютъ, что эти иностранныя войска не выйдутъ изъ турецкихъ владѣній безъ большихъ перемѣнъ въ Турціи: такое мнѣніе такъ распространено въ турецкомъ населеніи, что теперь множество турокъ отказываются продавать дома и земли свои, если имъ не даютъ весьма высокой цѣны, потому что, говорятъ они, когда танзиматъ войдетъ въ силу и христіане получатъ право владѣть недвижимыми имуществами, цѣна ихъ чрезвычайно поднимется (2).

Преніе въ нижнемъ парламентѣ 8-го (20-го) февраля.

Въ преніи, которое, въ засѣданіи нижняго парламента 8-го (20-го) февраля, предшествовало утвержденію бюджета морскаго министерства, *г. Кобденъ* съ жаромъ возставалъ противъ войны, предпринимаемой Англіею въ пользу Турціи. «Я долженъ говорить», сказалъ онъ, «потому что даже послѣ рѣчи благороднаго лорда (*Джона Росселя*), поразившей мой слухъ шумомъ битвъ, я все еще не понимаю, въ какомъ мы собственно положеніи. Насъ до такой степени возбудили противъ Россіи, что мы почитаемъ эту борьбу слѣдствіемъ личнаго оскорбленія и совсѣмъ забываемъ начало спора. Мы забываемъ, что, въ 1851 году, нѣкто *г. Лавалеттъ* явился въ Константинополь и досадилъ намъ *энергическимъ* тономъ, какимъ онъ изложилъ Порть свои требованія относительно Святыхъ Мѣстъ. Этотъ *г. Лавалеттъ* представлялъ французскую республику, и онъ-то первый нарушилъ status quo. Намъ говорятъ, что Франція благородно отказалась отъ своихъ требованій.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 1.
(2) „С.-Петербур. Вѣдом.“ 1854 № 67

Тѣмъ не менѣе справедливо, что Франція первая нарушила спокойствіе Европы. Не грустно-ли видѣть, что послѣ семи или восьми-вѣковаго царствованія христіанской вѣры, мы готовы идти на войну и залить міръ кровью не за христіанство, а за исламизмъ? Порта отказалась дать общія ручательства относительно Святыхъ Мѣстъ. Нота, составленная четырьмя великими державами и одобренная Россіею, была отринута Турціею. Таковы факты. Остается узнать: благоразумно-ли было совѣтовать Турціи не подписывать этой ноты?... Чего требуетъ Россія? Права вмѣшиваться въ дѣла Турціи, когда она почтетъ то нужнымъ, какъ мы хотѣли вмѣшаться въ дѣла Бразиліи. Говорятъ, мы должны поддержать независимость Турціи; но надобно сперва спросить: независимая-ли страна Турція? Если бы Турція была просвѣщенною страною, если бы тотъ же вопросъ относился, напримѣръ, къ Пруссіи, мы могли бы ее спасти и потомъ предоставить самой себѣ; но христіанское народонаселеніе Турціи всегда будетъ нуждаться въ защитѣ противъ своего собственнаго правительства. Въ прошломъ году, лордъ *Кларендонъ* два раза предписывалъ лорду *Стратфорду* сдѣлать султану сильныя представленія по поводу несправедливостей и притѣсненій, терпимыхъ христіанами. Что значитъ теперь союзъ между двумя странами, изъ которыхъ одна требуетъ отъ другой уничтоженія ея законовъ, т. е. корана? Меня гораздо менѣе удивляло бы возстаніе христіанъ, подвластныхъ Портѣ. Я не осуждаю турокъ за то, что они мухаммедане, но, мнѣ кажется, большинство народонаселенія Турціи—христіане, и еслибъ Россія завоевала Турцію, то хотя бы мы послали на Востокъ 50,000 войска, мы и тогда не сдѣлали бы ничего, потому что противъ насъ было бы большинство народонаселенія Турціи. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что войска, посылаемыя нами нынѣ, не будутъ заниматься рѣшеніемъ внутреннихъ споровъ и останутся вѣрными правилу невмѣшательства». Въ заключеніе ораторъ сказалъ, что правительство дѣлаетъ большую ошибку, посылая на Дунай жалкій корпусъ въ 20,000 человѣкъ, и что война должна бы остаться морскою. «Въ противномъ случаѣ»,

присовокупилъ г. Кобденъ, «было бы лучше возвратиться къ проекту вѣнской конференціи» (1).

— Въ засѣданіи нижняго парламента, 9-го (21-го) марта, предводитель оппозиціонной партіи *д'Израэли*, послѣ длинной рѣчи о финансахъ и политической экономіи, вдругъ перешелъ къ политикѣ. Онъ объявилъ, что деньги, ассигнованныя министерству для военныхъ дѣйствій, можно почитать брошенными даромъ; что министры такъ же не согласны между собою по восточному вопросу, какъ и по реформѣ и народному воспитанію. Недавно каждый изъ нихъ выражалъ по турецкимъ дѣламъ свое мнѣніе, и какое оказалось у нихъ согласіе? Лордъ *Джонъ Россель* назвалъ независимость Турціи великимъ событіемъ. Послѣ того г. *Гладстонъ* отправился въ Манчестеръ, и въ рѣчи своей назвалъ тамъ эту независимость пустою фразою. Потомъ лордъ *Кларендонъ* объявилъ, что Англія наиболѣе сражается за права христіанъ въ Турціи, а лордъ *Пальмерстонъ* сказалъ: «Нѣтъ! мы не должны теперь требовать у султана слишкомъ много уступокъ». Лордъ *Абердинъ*, наконецъ, ничего не говорилъ, а только стоналъ, ухватясь руками за голову. Въ слѣдъ затѣмъ *д'Израэли* спросилъ: знаютъ-ли министры сами, за что хотятъ сражаться, и для чего требуютъ у Англіи денегъ? За событіе или за фразу? За христіанъ или за турокъ? Онъ же думаетъ, что война эта ни что иное, какъ произведеніе министерства, сложеннаго изъ разнородныхъ стихій. При совершенно единогласномъ министерствѣ, даже при чисто-абердиновской партіи, этой войны не было бы. Ею обязаны только сумятицѣ, несогласіямъ и неопредѣленности пестраго и по необходимости безхарактернаго министерства. При сихъ словахъ раздались рукоплесканія и возгласы: слушайте! слушайте! Не смотря на все это, *д'Израэли* объявилъ, что, по причинѣ важности положенія нынѣшнихъ дѣлъ, онъ не предлагаетъ выразить министерству недовѣрчивость парламента. Прежде, нежели отнять ее у министерства, хочетъ онъ имѣть доказательство, что министерство имѣетъ само

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 45.

къ себѣ довѣренность, и что одинъ министръ довѣряетъ другому (Одобреніе и смѣхъ) (1).

— Въ «Times» напечатана примѣчательная рѣчь, произнесенная въ нижнемъ парламентѣ 31-го марта *г. Брейтомъ*, по поводу объявленія войны Россіи. Вотъ существо ея. «Я намѣренъ, говоритъ ораторъ, разсмотрѣть только необходимость этой войны въ отношеніи къ выгодамъ Англіи, не касаясь вопроса о справедливости войны. рѣшеннаго со временъ Немврода». Въ началѣ г. Брейтъ напоминаетъ, что Англія теперь союзница Франціи, которая была первою виновницею нынѣшнихъ раздоровъ, и что, для лучшаго опредѣленія вопроса. нужно сперва оцѣнить истинное положеніе Турціи. Здѣсь ораторъ доказываетъ, что вмѣсто успѣховъ, которые провозгласилъ одинъ членъ парламента (*Пальмерстонъ*). Турція представляетъ всѣ признаки слабости и упадка. Благородный депутатъ лондонскаго Сити (*лордъ Джонъ Россель*) выхвалялъ именемъ правительства эту войну, и оправдывалъ дѣйствія министерства, но онъ (*г. Брейтъ*) находитъ, что требованіямъ Россіи приписывали всегда больше важности, нежели они имѣли, и смотрѣли на нихъ въ превратномъ видѣ. Россія желала только, продолжаетъ онъ, заключенія добросовѣстнаго договора съ Турціею и ручательства въ исполненіи этого договора. Благородный лордъ согласился, что Россія имѣла право жаловаться на Турцію по прежнимъ своимъ съ нею договорамъ и преданіямъ. Слѣдственно, вопросъ состоялъ только въ томъ, какою формою слѣдовало облечь сіи требованія. подавшія поводъ ко всѣмъ этимъ несчастнымъ раздорамъ. Турція побуждена была Англіею къ сопротивленію этимъ требованіямъ. Благородный лордъ старался, правда, доказать, что самъ султанъ рѣшился на это сопротивленіе. и что лордъ *Стрэдфордъ* только ободрялъ его, а не настаивалъ. Но онъ (*г. Брейтъ*) приглашаетъ кого угодно прочесть депеши лорда *Стрэдфорда*, чтобъ убѣдиться. что англійскій посланникъ съ начала до конца самымъ сильнымъ образомъ побуждалъ Турцію отказывать

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 65.

Россіи въ малѣйшихъ уступкахъ. Въ депешѣ 10-го мая 1853 года, онъ отдастъ отчетъ въ тайной аудіенціи, которую имѣлъ у султана, и, какъ именно говоритъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ доказать султану всю опасность, которой подвергается его имперія. Лордъ *Стратфордъ* настаивалъ на отказѣ Турціи, обѣщая султану, что Англія не только одобритъ его рѣшеніе, но и окажетъ ему свое посредничество и вооруженную помощь въ случаѣ войны съ Россіею. *Г. Брейтъ* находитъ, что съ той самой минуты, какъ было дано это обѣщаніе, война сдѣлалась неизбѣжною. Турція издавна была въ спорѣ съ Россіею, и лишь только Англія и Франція формально обязались подать султану помощь. онъ выпустилъ бы изъ виду свои выгоды, еслибъ не объявилъ войны. Послѣ отказа заключить трактатъ, предложенный *княземъ Меншиковымъ*, Россія объявила, что удовольствуется сенедомъ (конвенціею); когда же и въ этомъ было отказано. россійскій посланникъ предложилъ дать ему простую ноту со включеніемъ въ нее условій между Турціею и Россіею. Султану дали совѣтъ отвергнуть все это и, для побужденія къ тому, обѣщали ему пособіе и помощь. Что должно было произойти отъ этого? Султанъ боялся возбудить неудовольствіе Англіи и Франціи, если не отвергнетъ всѣхъ требованій Россіи. Онъ такъ и сдѣлалъ, и 22-го мая *князь Меншиковъ* выѣхалъ изъ Константинополя, а 3-го іюля русскіе перешли чрезъ Прутъ. Г. *Брейтъ* переходитъ потомъ къ извѣстной вѣнской нотѣ. «Она (говоритъ *Брейтъ*) была принята четырьмя посланниками въ Вѣнѣ, одобрена императоромъ французовъ, который слыветъ за умнаго и проницательнаго человѣка, и утверждена даже пятью членами Англійскаго Кабинета, которые всѣ были министрами иностранныхъ дѣлъ, слѣдственно знакомы со всѣми оттѣнками дипломатическаго языка. Всѣ эти лица согласились, что въ вѣнской нотѣ заключаются предложенія, на которыя Турція можетъ согласиться безъ нарушенія ея чести, независимости и цѣлости. Что же сдѣлали изъ этой ноты? Она отправлена была въ С.-Петербургъ, и Императоръ Всероссійскій принялъ ее откровенно и вполнѣ. Получивъ

это извѣстіе, министры сказали, что вопросъ конченъ, и не осталось никакихъ предлоговъ къ несогласіямъ. Потомъ нота была отправлена въ Константинополь, и что произошло тамъ? Турція отказалась принять ее, и предложила нѣкоторыя измѣненія». Г. Брейтъ спрашиваетъ за симъ: что подумать о такихъ судьяхъ, каковы четыре вѣнскіе посланника и англійское правительство съ французскимъ, которые, разбирая дѣло въ трехъ разныхъ городахъ, и согласясь, что предложеніе можетъ быть принято Турціею безъ нарушенія ея чести и независимости, потомъ вдругъ перемѣняютъ свое мнѣніе и объявляютъ, что нота эта Портою принята быть не можетъ. Въ оправданіе свое, благородный лордъ вставилъ одно послѣдовавшее за тѣмъ обстоятельство, а именно, что истолкованіе и смыслъ, приданные Россіею нотѣ, поставили Турцію въ невозможность принять ее. Но г. *Брейтъ* сомнѣвается, чтобъ Россія, своимъ истолкованіемъ ноты, дала ей иной смыслъ. Благородный лордъ сказалъ, что, послѣ возраженій Турціи противъ ноты, ея уже нельзя было принять. Не смотря на это, переговоры продолжались. Императоръ Всероссійскій самъ объявилъ, въ присутствіи лорда *Вестморленда*, что онъ согласенъ принять вѣнскую ноту не въ смыслѣ мнимаго истолкованія Русскаго Кабинета, но въ томъ, въ какомъ она была составлена посланниками, и однако же, на той самой недѣлѣ, когда переговоры клонились къ успѣшному окончанію, собрался турецкій совѣтъ, состоявшій изъ шестидесяти и до ста лицъ. Въ этомъ совѣтѣ не было ни одного представителя христіанства, и онъ состоялъ исключительно изъ фанатиковъ старинной Турціи. Совѣтъ этотъ, боясь, чтобъ съ Россіею не заключили мира, рѣшилъ начать войну, и 1-го октября, когда Императоръ Всероссійскій только что объявилъ о принятіи вѣнской ноты, явилось объявленіе войны со стороны Турціи, и турецкія войска въ слѣдъ за тѣмъ перешли чрезъ Дунай.

«Послѣ этого можно сказать, что Англія увлечена была, союзомъ своимъ съ Портою, въ величайшія затрудненія. Союзники сдѣлали Россіи предложеніе, которое, по мнѣнію ихъ, могло быть принято и Портою. Порта отвергла

его. а Россія приняла. и въ ту минуту. какъ переговоры по этому предмету еще продолжались, Турція—этотъ союзникъ, за котораго Англія должна проливать кровь свою и истощать свои богатства — Турція увлеченная фанатизмомъ. объявила войну. перешла чрезъ Дунай и повергла Европу въ хаосъ затрудненій и опасностей, изъ котораго, по мнѣнію *г. Брейта*. не спасутъ ея ни нынѣшнее. ни будущія министерства. И такъ (говоритъ ораторъ) сдѣланы были два промаха (blundevs). Первый состоялъ въ совѣтѣ. данномъ Турціи. чтобъ она противилась. Но его мнѣнію, выгоднѣе было бы и для Турціи. и для Англіи посовѣтовать Портѣ принять предложенія Россіи. Вторая ошибка состояла въ поддержаніи Турціи по поводу вѣнской ноты. Послѣ того политика Англіи. предоставившая рѣшеніе войны и мира третьему лицу (и какому?), сдѣлалась гибельною какъ для Англіи. такъ и для Турціи. *Г. Брейтъ* говоритъ, что. во всякомъ случаѣ. султанъ, будучи союзникомъ Франціи и Англіи, долженъ бы былъ до объявленія войны посовѣтоваться съ ними. Ораторъ выражаетъ убѣжденіе, что можно было бы избѣжать войны, еслибъ Турція согласилась или на предложеніе *князя Меншикова*. или на вѣнскую ноту, или даже, когда она отказалась отъ обоихъ, Англія и Франція должны были предоставить ея собственнымъ своимъ силамъ веденіе начатой ею войны, сами же онѣ могли оставаться зрительницами борьбы до той минуты, когда бъ борьба эта сдѣлалась опасною для равновѣсія Европы. И онѣ успѣли бы всегда въ этомъ случаѣ явиться посредниками для прекращенія войны.

«Избѣгая такимъ образомъ войны, говоритъ *г. Брейтъ*, въ которую англійское правительство увлеклось, не зная когда и какъ она кончится. неужели Англія и Турція не имѣли бы выгодъ, какихъ ожидаютъ отъ нынѣшней своей политики?» Одинъ благородный лордъ (*Пальмерстонъ*) говорилъ о равновѣсіи силъ, но это выраженіе слишкомъ шаткое, которому мудрено придать истинный смыслъ. Г. *Брейтъ* желалъ бы имѣть объясненіе словъ «*равновѣсіе силъ*». Ораторъ припоминаетъ. что въ 1790 году вся пар-

тія виговъ отвергла мысль, чтобъ Турція могла значить что нибудь въ этомъ равновѣсіи, и въ доказательство приводитъ замѣчательныя слова, произнесенныя тогда въ парламентѣ знаменитымъ *Боркомъ*, *Вайтбридомъ* и *Фоксомъ*, а въ 1828 году лордомъ *Голландомъ*, извѣстнымъ своею прозорливостью. *Г. Брейтъ* ссылается на этихъ государственныхъ людей, потому что ищетъ въ нынѣшнемъ вопросѣ не пользъ Турціи, а выгодъ Англіи.

«Равновѣсіе силъ, продолжаетъ ораторъ, дѣйствительно составляетъ теперь вопросъ, на которомъ все основано. Но почему не объявили войны Франціи, когда она овладѣла Алжиромъ? Турція и надъ Алжиромъ имѣла право верховной власти, и Франція, овладѣвъ имъ, не сдѣлала ли Средиземнаго моря французскимъ озеромъ? Но Англія весьма благоразумно удержалась отъ сопротивленія. Результатъ былъ не безполезенъ для Европы. Англія не подверглась никакой опасности, и осталась въ мирѣ съ Франціею. Зачѣмъ не вмѣшались мы въ войну Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою, сосѣдей съ нашею Канадою, которая подвергалась опасности? «Еслибъ равновѣсіе силъ, продолжаетъ Брейтъ, должно было всегда служить поводомъ къ войнѣ, то предметъ этотъ существовалъ бы безпрестанно, и не было бы никогда прочнаго мира, коль скоро виды или выгоды какого нибудь кабинета потребовали увлечь Англію въ войну съ другою державою, и между тѣмъ Англія нынѣшнимъ своимъ могуществомъ и богатствомъ обязана единственно сохраненію мира. Существуетъ, однако же, равновѣсіе силъ, говоритъ Брейтъ, котораго не должны терять изъ виду наши государственные люди. Если бъ раззорительная война съ Россіею продолжалась семь лѣтъ (а война эта, начавшись съ Россіею, можетъ кончиться враждою съ половиною Европы, потому что Австрія и Пруссія скорѣе присоединятся къ Россіи, нежели къ Англіи, и потому что нынѣшніе союзы, можетъ быть, окажутся непрочными и непродолжительными), если бъ эта война продолжалась семь лѣтъ, а Соединенные Штаты во все это время остались въ мирѣ, то послѣдствія ея были бы пагубны какъ для торговли нашей,

такъ и для развитія нашихъ механическихъ средствъ. Соединенные Штаты воспользовались бы всѣми бѣдствіями Англіи, происшедшими отъ безумной мысли, будто мы возстановимъ Оттоманскую Имперію, и навсегда предохранимъ ее отъ нападеній Россіи. Торговля наша упадетъ, народъ будетъ страдать, вездѣ обнаружатся неудовольствія, переселеніе въ Америку усилится болѣе прежняго, и тогда прійдется рѣшить вопросъ между Англіею и Соединенными Штатами: за кѣмъ останется превосходство въ промышленности и въ силѣ на морѣ, которою мы такъ дорожимъ? Ораторъ повторяетъ, что самое печальное заблужденіе состоитъ въ теоріи равновѣсія силъ: должно рѣшить вопросъ о мирѣ и войнѣ по правиламъ болѣе яснымъ, опредѣленнымъ и возвышеннымъ.

«Политика англійскаго правительства, изложенная въ посланіи королевы, состоитъ, если не ошибаюсь, въ сохраненіи цѣлости и независимости Турціи, въ прекращеніи преобладающаго духа Россіи и въ защитѣ выгодъ Англіи. Цѣлость и независимость Турціи? Но въ какомъ она теперь положеніи? Въ ней нынѣ три иностранныя арміи. Въ Болгаріи сто тысячъ русскихъ. Англичане и французы ищутъ себѣ помѣщенія у Дарданеллъ—и Богъ вѣсть, когда оттуда выйдутъ. Это нимало не составляетъ независимости государства. Скажу еще болѣе: почти во всѣхъ турецкихъ провинціяхъ вспыхнуло возмущеніе. Оно непремѣнно распространится отъ дурной системы правительства, которая теперь еще хуже прежней, отъ безсилія его и нравственнаго упадка администраціи. При этомъ у Турціи подъ ружьемъ двѣсти тысячъ войска. Финансы ея болѣе нежели разстроены, и въ эту самую минуту, какъ въ границахъ ея стоятъ нѣсколько иностранныхъ армій, союзники ея дѣлаютъ ей предложенія и требованія въ отношеніи къ большинству ея народонаселенія. Что же можетъ больше этого нарушить независимость и цѣлость ея, какъ ихъ понимаетъ благородный лордъ (*Россель*), если не эти требованія»?

Здѣсь ораторъ упоминаетъ, по письмамъ въ «Times», о нѣкоторыхъ льготахъ, полученныхъ въ пользу христіанъ.

Г. *Брейтъ* спрашиваетъ парламентъ: пострадала ли бы

цѣлость и независимость Турціи, еслибъ англійское правительство и лордъ *Редклифъ* присовѣтовали Портѣ принять послѣднюю ноту *князя Меншикова* (а между ею и прочими нотами г. Брейтъ не видитъ никакой разности), и еслибъ настаивали, чтобъ Турція приняла вѣнскую ноту въ первобытной ли ея редакціи, или съ объясненіями, на которыя Россія согласилась? Г. *Брейтъ* думаетъ, что, напротивъ того, независимость эта и цѣлость были бы нарушены менѣе нынѣшняго. Сверхъ того, ораторъ спрашиваетъ: не труднѣе ли будетъ Турціи со временемъ противиться преобладанію и нападеніямъ Россіи? При разстройствѣ своихъ финансовъ, успѣетъ ли Турція когда либо собрать двѣсти тысячъ войска? Впрочемъ, прибавляетъ *Брейтъ*, есть люди, и даже англійскіе государственные люди, которые думаютъ, что, при окончаніи войны, Турція уже не будетъ существовать, слѣдственно вовсе не воспользуется нынѣшними усиліями Англіи для сохраненія ея цѣлости и независимости.

«Мы хотимъ удержать нападенія Россіи, продолжаетъ ораторъ: это одинъ обманчивыя фразы, давшія пищу газетнымъ статьямъ и послужившія для ослѣпленія тѣхъ, которые не знали всѣхъ подробностей вопроса. Если Турція разрушится, то Россія выиграетъ гораздо болѣе, нежели выиграла бы отъ принятія даже первоначальной ноты *князя Меншикова*. Еще не предлагали раздробить Россію между союзниками, и это, впрочемъ, было бы не такъ легко и даже труднѣе того, еслибъ Россіи вздумалось раздробить Великобританію. Но положимъ даже, что въ нынѣшней войнѣ Россія будетъ истощена; кто ручается: что, собравшись потомъ съ силами, она не представитъ новой и гораздо сильнѣйшей ноты противъ поданной княземъ *Меншиковымъ*»?

Ораторъ разсматриваетъ потомъ третій вопросъ, а именно: сколько потерпятъ въ этомъ дѣлѣ выгоды Англіи? «Прекрасно, говоритъ онъ, чувствовать дружбу къ Турціи, но лишь только это чувство вовлекаетъ насъ въ войну, которая нанесетъ вредъ всему человѣчеству, вопросъ измѣняется, и ораторъ почитаетъ себя въ правѣ спросить:

какихъ непосредственныхъ выгодъ ожидаетъ Англія отъ этой войны»?

«Въ прошломъ году оказался значительный остатокъ отъ доходовъ, а теперь, когда, по словамъ одного благороднаго графа, мы насильно увлечены въ войну, канцлеръ казначейства, вмѣсто осуществленія своей благодѣтельной системы, внезапно видитъ, что этотъ остатокъ у него пропалъ. Парламентъ рѣшилъ удвоить налогъ съ доходовъ; но весьма ошибаются, полагая, что этотъ налогъ принесетъ вдвое противъ прежняго. Многіе негоціанты и промышленники пострадаютъ въ своихъ доходахъ въ слѣдствіе войны. Другіе въ этомъ году ничего не получатъ, такъ что, благодаря нынѣшней системѣ правительства, вся тяжесть войны падетъ на поземельную собственность. И такъ налогъ съ доходовъ будетъ рычагомъ и орудіемъ, которыми англійскіе помѣщики будутъ поддерживать цѣлость и независимость Турціи». *Г. Брейтъ* поздравляетъ всѣхъ засѣдающихъ въ парламентѣ помѣщиковъ съ тѣмъ, что у каждаго изъ нихъ сидитъ на плечахъ по турку. Онъ весьма сожалѣетъ, что Англія, благодаря политикѣ своихъ министровъ, принуждена проливать кровь свою и расточать сокровища для сохраненія политической независимости державы, у которой двадцать милліоновъ жителей и болѣе.

Что же касается до англійской торговли (*г. Брейтъ* въ особенности говоритъ о Ланкастерскомъ графствѣ, обширнѣйшемъ мануфактурномъ округѣ Англіи), то всѣ коммерческія дѣла съ Россіею должны прекратиться, потому что, по приказанію правительства, всякая торговля съ Россіею будетъ въ настоящее время преступленіемъ. Торговля съ Германіею тоже понесетъ чрезвычайные ущербы. Въ Левантѣ она равномѣрно упадетъ по причинѣ нынѣшняго положенія дѣлъ въ Греціи и Сиріи. Всякая коммерческая собственность уменьшится по мѣрѣ увеличенія налоговъ, платимыхъ Англіею; цѣнность капиталовъ уже упала на сто двадцать милліоновъ, акціи желѣзныхъ дорогъ на двадцать пять процентовъ, по причинѣ упадка капиталовъ на восемдесятъ милліоновъ, слѣдственно потеря составляетъ уже двѣсти милліоновъ. Разумѣется, что для всѣхъ этихъ

капиталовъ было бы большимъ утѣшеніемъ, еслибъ они знали, что поддерживаютъ независимость Турціи; но какъ они были орудіемъ только для приведенія въ эту страну трехъ чужестранныхъ армій, для изнуренія средствъ Турціи и для разрушенія ея гораздо вѣрнѣе, нежели русскими, то и прискорбно видѣть, что всѣ люди, принесшіе столько жертвъ, не получатъ отъ правительства обѣщанныхъ имъ плодовъ.

«Говорили, продолжаетъ *г. Брейтъ*, что въ этой экспедиціи будутъ участвовать тридцать тысячъ человѣкъ, и вскорѣ, можетъ быть, двадцать тысячъ англичанъ сдѣлаются жертвами этой войны, тогда какъ насильственная смерть одного человѣка возбуждаетъ у насъ всеобщій ужасъ». И если парламентъ долженъ рѣшить такой важный вопросъ о войнѣ, то, по мнѣнію *г. Брейта*, онъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, знать, что война эта имѣетъ достаточную причину, что съ нею связаны выгоды Англіи, что позволено предвидѣть возможность успѣха, и что польза, которую пріобрѣтетъ Англія, соразмѣрна съ огромными ея пожертвованіями. Сверхъ того, ораторъ желалъ бы обратить вниманіе парламента на чрезвычайное затрудненіе и опасности союзовъ, заключенныхъ Англіею. Союзъ ея съ Турціею вовлекъ ее въ войну. Теперь она соединилась съ Франціею. Что до него касается, онъ (Брейтъ) желалъ бы не имѣть союза ни съ какою націею, чтобъ Англія не была принуждена дѣйствовать вопреки своимъ выгодамъ и обязанностямъ. Теперь турецкое правительство обязалось не заключать мира безъ согласія Англіи и Франціи, а англійское правительство заключило съ послѣднею державою союзъ, который можетъ причинить величайшія затрудненія въ будущихъ событіяхъ. Разсматривая всю сущность вопроса, изучивъ всю синюю книгу (документы, представленные парламенту) и тайную переписку, сообразивъ все что извѣстно о Турціи и Россіи, видя положеніе Пруссіи и Австріи и чувствуя всю опасность, которой подвергается Англія, *г. Брейтъ* объявляетъ, что онъ пораженъ удивленіемъ, разсматривая политику англійскаго правительства, и ужасается при одной мысли о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ

этой политики. Ораторъ утверждаетъ, что онъ своими рѣчами нимало не думаетъ противупоставлять правительству оппозиціи; что во многихъ случаяхъ онъ воздерживался отъ неодобренія его мѣръ, но нынѣшнія обстоятельства кажутся ему столь важными, что онъ долженъ искренно выразить парламенту все свое мнѣніе. Можетъ быть, ему скажутъ, что война эта очень популярна, и потому всякая оппозиція противъ нея покажется чудовищною. Но онъ совершенно увѣренъ, что въ нижнемъ парламентѣ она нимало не пользуется популярностью, а что касается до криковъ внѣ сей залы, до возгласовъ газетъ и нѣсколькихъ человѣкъ, желающихъ вовлечь правительство въ войну, онъ душевно презираетъ всѣхъ, которые, единственно для пріобрѣтенія этой популярности, боятся вымолвить слово, которымъ могли бы отвратить войну. Г. *Брейтъ* припоминаетъ, что самыя популярныя войны Англіи были американская и французская. Обѣ онѣ поддерживаемы были газетами, и до такой степени, что война 1803 года была возбуждена, и миръ сдѣлался почти невозможнымъ единственно отъ газетныхъ статей. Г. *Брейтъ* припоминаетъ слова одного изъ отличныхъ писателей и государственныхъ людей Франціи: «Всякое государство, понимающее уроки прошедшихъ событій своей имперіи и могущее дѣйствовать сообразно съ этою опытностью, безопасно среди самыхъ грозныхъ переворотовъ». Событія же англійской исторіи показываютъ ему (Брейту), что посредничество Англіи въ раздорахъ Европы не только всегда было безполезно, но и даже въ высшей степени гибельно. Англія никогда не достигала цѣли своего посредничества. Послѣ первыхъ революціонныхъ войнъ, имѣла она 800 милліоновъ фунт. стерл. долга, а Европа очутилась въ большемъ порабощеніи прежде, нежели Англія сдѣлала шагъ для освобожденія ея. Онъ (*Брейтъ*) одинъ изъ тѣхъ, которые думаютъ, что еслибъ въ продолженіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ Англія не вмѣшивалась въ дѣла, въ которыхъ ея владѣнія или выгоды не были въ опасности, она имѣла бы достаточно денегъ, чтобъ истребить у себя нищенство и преступленія, терзающія ее, чтобъ превратить все го-

сударство въ цвѣтущій садъ и дать всему народу хорошее воспитаніе. Правда, тогда было бы менѣе военной славы, не было бы ни Трафальгара, ни Ватерлоо, но за то Англія представила бы свѣту примѣръ христіанской державы съ благодѣтельными законами, кроткой и справедливой ко всѣмъ державамъ, и основывающей свою политику на незыблемыхъ правилахъ христіанской нравственности (1).

Брошюра Д'Израэли.

Въ «Neue Preussische Zeitung» оцѣниваютъ слѣдующимъ образомъ брошюру, написанную г. *д'Израэли* о восточномъ вопросѣ: «Мы сдѣлали бы г. *д'Израэли* очень сомнительное привѣтствіе, еслибъ сказали только, что онъ гораздо благоразумнѣе и дальновиднѣе прусскихъ приверженцевъ союза съ Англіею. Если бы его брошюра была также похвальна содержаніемъ, какъ искусно написана, ее можно было бы почитать образцовымъ произведеніемъ полемики. Дѣйствительно, послушаемъ, какъ этотъ искусный англійскій публицистъ критикуетъ разные проэкты по восточному вопросу: «Допустимъ (говоритъ онъ въ началѣ), что мы соединимся съ Франціею и съ нѣкоторыми другими державами, чтобъ отразить русскихъ и спасти Константинополь. Трудно было бы предвидѣть затрудненія, которыя возстанутъ потомъ. Что намъ тогда дѣлать? Возвратиться домой, и оставить турецкое правительство въ нынѣшнемъ его положеніи? Тогда оно будетъ вѣчнымъ бременемъ для своихъ союзниковъ, и, какъ обыкновенно, это ляжетъ на счетъ Англіи. Но предположимъ даже, что мы хотимъ этого, можемъ-ли мы сохранить Турцію въ нынѣшнемъ ея положеніи? Не думаемъ. Матеріальныя силы ея носятъ на себѣ отпечатокъ упадка и разрушенія, а что касается до нравственной силы, то слово это въ отношеніи къ такой странѣ смѣшно. Правительство ея упало до послѣдней крайности, и если наши ость-индскія владѣнія,

(1) «Сѣверная Пчела» 1854 года №№ 78 и 79.

или безопасность европейскихъ націй и западной Азіи зависятъ отъ продолженія его существованія, то эта покупка не стоитъ пятилѣтнихъ доходовъ. Человѣческій родъ дивится съ трепетомъ твердости и нравственному, и политическому положенію Государя, начавшаго войну съ этою имперіею, но съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ скорбятъ и трепещутъ при мысли, что Европа еще долѣе будетъ оскверняема существованіемъ этой смѣси политической и нравственной слабости, составляющей характеръ Турціи. Оттоманская Имперія должна пасть непремѣнно. Всѣ соединенныя силы Англіи и Франціи не въ состояніи будутъ поддержать ее. И такъ, если Турція должна пасть, то, въ случаѣ еслибъ она, при содѣйствіи своихъ союзниковъ, отразила русскихъ, какимъ образомъ произойдетъ это паденіе? Свергнуть-ли султана? Весь свѣтъ, конечно, будетъ отвѣчать: нѣтъ! Ну, такъ вы хотите оставить его на тронѣ, и вздумаете преобразовать его узаконенія. Скажете-ли въ отвѣтъ: да? Мы будемъ отвѣчать, что вы не можете ихъ преобразовать до такой степени, чтобъ они соотвѣтствовали нынѣшнему положенію Европы иначе, какъ съ уничтоженіемъ исламизма, на что Турція не согласится. Въ такомъ случаѣ, отразивъ русскихъ, вы должны будете сражаться съ турками, и, Богу одному извѣстно, что произойдетъ изъ этой борьбы. Русскіе снова примутъ въ ней участіе. Персы и афганцы, вѣроятно, тоже, и тогда наступитъ конецъ». Мы прибавимъ: *д'Израэли* не одинъ такъ пишетъ. Недавно *Кобденъ* говорилъ въ томъ же смыслѣ, *Кобденъ*, который былъ дотолѣ образцомъ всѣхъ душъ, воспламененныхъ обожаніемъ хлопчатой бумаги, и всѣхъ сердецъ, любящихъ банковые билеты. Точно такъ же говорилъ бы и лордъ *Джонъ Россель*, если бъ не былъ въ сію минуту министромъ. А насъ хотятъ убѣдить, что священный долгъ требуетъ отъ Пруссіи заключенія съ Англіею союза для поддержанія имперіи, о которой сама Англія говоритъ, что ее поддержать невозможно (¹)!

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 35.

Слухи въ Константинополѣ о появленіи русскаго флота въ Черномъ морѣ.

Вотъ письмо одного изъ офицеровъ, служащаго на англійскомъ флотѣ, находящемся въ Черномъ морѣ, къ своему другу. Письмо писано отъ 12 марта 1854 года. «Послѣдніе три дня мы находились постоянно въ тревожномъ состояніи, въ слѣдствіе извѣстій, что русскіе вышли въ море. Извѣстія эти оказались лишенными всякаго основанія. Вечеромъ, 16 марта, въ десять часовъ, доставлена отъ посланника депеша, съ приложеніемъ другой отъ генеральнаго консула, который получилъ извѣстіе, что одно бременское судно, прибывшее изъ Евпаторіи, видѣло 15 большихъ русскихъ кораблей, крейсеровавшихъ между Евпаторіей и Севастополемъ. Извѣстіе это, полученное оффиціальнымъ образомъ отъ королевскаго посланника, заставило адмирала рѣшиться тотчасъ же приступить къ приготовленіямъ къ выходу въ море, чтобы оставить гавань съ возможною поспѣшностью. Депеша немедленно сообщена французскому адмиралу, который, между тѣмъ, не имѣлъ никакого извѣстія отъ своего посланника, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписано, чтобы флотъ былъ готовъ къ разсвѣту. Впрочемъ, сэръ *Э. Лайонсъ* рѣшился самъ приняться за развѣдываніе и лично отобрать показанія отъ шкипера бременскаго судна. Въ слѣдствіе этого рано утромъ къ французскому адмиралу посланъ отъ адмирала *Дондаса* лейтенантъ; французскій адмиралъ также призналъ за лучшее подождать, что разузнаетъ сэръ *Э. Лайонсъ*. Послѣдній отправился на пароходѣ «Кародокъ». Въ Константинополѣ, хозяинъ бременскаго судна разсказалъ ему, что, находясь отъ встрѣченныхъ кораблей по крайней мѣрѣ въ четырнадцати миляхъ, онъ не могъ разсмотрѣть флага, а равно военныя ли эти суда или нѣтъ, велики ли они или малы. Однимъ словомъ, онъ не могъ дать никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Сэръ *Э. Лайонсъ* возвратился на флотъ и, безъ сомнѣнія, мы не пошли въ море. Такимъ образомъ, если бы адмиралы вышли въ море, положившись на рѣшительный и оффиціальный тонъ депеши посланника, то они только повредили бы всѣ свои суда, потому что въ настоящее время на морѣ самая дур-

ная погода, какъ всегда во время равноденствія. Сегодня идетъ проливной дождь и дуетъ сильный вѣтеръ. Къ эскадрѣ присоединились «Retribution» и «Caton». Новостей ими не привезено никакихъ; они принуждены были бороться съ дурной погодой. Сегодня поутру получили также извѣстіе отъ «Sampson» и спутника его «Cacique» изъ Требизонда: очень дурная погода и сильный морозъ. По нашимъ разсчетамъ, они должны быть сегодня около Севастополя, и послѣ завтра, вѣроятно, будутъ здѣсь. Если русскіе корабли въ морѣ, то мы получимъ достовѣрное объ этомъ свѣдѣніе, потому что эти пароходы должны съ ними встрѣтиться. Нечего сказать, время у насъ теперь тревожное. Мы принуждены постоянно бодрствовать и тѣломъ, и духомъ; пароходы наши то и дѣло путешествуютъ вокругъ Чернаго моря и возвращаются съ однимъ отвѣтомъ, что не видали русскихъ кораблей. Сегодня остановили нѣмецкій галіотъ, шедшій, какъ и бременское судно, изъ Евпаторіи, и получили обычный отвѣтъ: «ужасная погода и ничего не видали» ([1]).

Вторичный выходъ союзныхъ флотовъ въ Черное море.

Въ «Patrie» сообщаютъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, что соединенные флоты вышли изъ Бейкоса не 24-го, а 26-го марта, и, вступивъ въ Черное море, пошли къ Варнѣ.

Телеграфическою депешею изъ Марселя сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 30-го марта, что союзный флотъ крейсеруетъ между Варною и Ковариою ([2]).

Сообщаемъ наиболѣе интересныя подробности изъ писемъ константинопольскихъ корреспондентовъ въ различныя англійскія газеты. 24-го марта 1854 г. по-полудни вся соединенная англо-французская эскадра снялась въ Босфоръ съ якоря и вступила въ Черное море. Въ три часа въ Константинопольскомъ проливѣ остались только пароходъ «Retribution» и французскія суда «Charlemagne»

([1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1854 г. № 78.

([2]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 77.

и «Héron». Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что для флота куплено значительное число ручныхъ потаенныхъ фонарей, и что въ послѣднее время изготовлено на одной кузницѣ въ Буюкдере множество абордажнаго оружія. Куда именно отправится флотъ, съ точностію неизвѣстно. Передъ выходомъ въ море, *Дондасъ* отдалъ приказъ офицерамъ своего корабля, то же самое сдѣлалъ и французскій адмиралъ. Поговаривали о Севастополѣ, Кавказскомъ берегѣ, Одессѣ. Оттоманскій флотъ остался на якорѣ въ Буюкдере. Турецкіе адмиралы просили позволенія сопровождать соединенный флотъ; но англійскій и французскій адмиралы отказали имъ въ томъ, зная, какъ трудно управлять въ это время года большими парусными судами въ Черномъ морѣ, и предвидя, что турецкіе корабли только затруднятъ ихъ движенія. Такой отказъ очень оскорбилъ турецкихъ адмираловъ и офицеровъ. Теперь рѣшено, что въ Константинополѣ будетъ расположено 10,000 человѣкъ британскаго войска; большія скутарійскія казармы приготовляютъ для 12,000 французскихъ солдатъ (1).....

Вотъ что пишутъ въ лондонскомъ полумининстерскомъ журналѣ изъ Константинополя, отъ 22-го марта: «Кажется, что русскіе намѣрены, въ числѣ 200,000 человѣкъ, перейти черезъ Дунай. Едва ли *Омеръ-паша* можетъ противопоставить имъ столько же войска: онъ умоляетъ правительство прислать къ нему еще, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ человѣкъ. Въ то же время, лордъ *Стрэдфордъ* настоятельно требуетъ, чтобы Порта отправила 5,000 на греческую границу, гдѣ горсть турецкихъ силъ, туда отправленныхъ, легко можетъ быть окружена и истреблена греками. Въ Константинополѣ находится десять тысячъ человѣкъ, и, если они выйдутъ, греки зажгутъ городъ.

«Что касается до флота, то я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что дисциплина на немъ очень плоха, и что на кораблѣ «Альбіонъ» возникъ явный бунтъ: люди не хотятъ работать. Разу-

---

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 года № 81. Остальныя извѣстія относятся до прибытія въ Скутари 300 человѣкъ билибійцевъ и до переправы русскихъ черезъ Дунай. *Ред.*

мѣется. что стараются скрывать все это, да шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вы знаете, какъ неохотно адмиралъ *Дондасъ* пускался въ море. Недѣли за двѣ или за три извѣстили его, что русская эскадра вышла въ море для снабженія припасами фортовъ на черкесскомъ берегу. Посолъ убѣдилъ адмирала выйти въ море и воспрепятствовать этой экспедиціи. Спустя нѣкоторое время. адмиралъ послалъ пароходъ «Самсонъ» для рекогносцировки. Вчера «Самсонъ» воротился, и донесъ. что видѣлъ семь русскихъ пароходовъ и четыре транспорта; на послѣднихъ были войска и запасы. Эти корабли высаживали людей на берегъ, для разворенія небольшихъ береговыхъ укрѣпленій, изъ которыхъ выведены были люди и запасы».

Въ «Times» пишутъ: «По извѣстіямъ изъ Константинополя, недостатокъ въ каменномъ углѣ препятствуетъ пароходамъ и винтовымъ кораблямъ союзнаго флота успѣшно дѣйствовать въ Черномъ морѣ. Оказывается, что въ военныхъ движеніяхъ потребно большое количество топлива. Можетъ быть, этотъ недостатокъ ослабитъ всѣ наши дѣйствія въ тѣхъ странахъ. Угольныя копи въ Иракліи могли бы быть намъ очень полезны, но онѣ еще не изслѣдованы достаточно» (1).

По извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ 27-го марта 1854 г., пишутъ въ «Preussische Correspondenz», по выходѣ англо-французскаго флота изъ Бейкоса. оставались тамъ только корабли «Наполеонъ» «Самсонъ» и «Аяччіо», а также два австрійскіе корвета и одинъ американскій (2).

Свѣдѣнія объ англійскомъ флотѣ въ Черномъ Морѣ:

Названіе кораблей.	Фамиліи командировъ.	Число Пушекъ.	Тоновъ.	Экипажъ.	Паровыхъ силъ.
Британія (адмиральскій корабль)	Капитанъ Картеръ	120	2616	970	
Трафальгаръ	Капит. Гревилль	120	2694	970	
Каинъ	Капит. Мишель	116	3083	970	

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 79.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 81.

Агамемнонъ (подъ флагомъ контр-адмирала сэръ Е. Лайонса) (Lyons)	Капит. Саймондсъ	91	3074	820	600
Родней	Капит. Грагамсъ	90	2598	820	
Альбіонъ	Капит. Люшингтонъ	90	3083	820	
Лондонъ	Капит. С. Эденъ	90	2591	820	
Ванжансъ	К. Лор. Эд. Руссель	84	2284	750	
Беллерофонъ	К. Лордъ Паулеттъ	78	2056	650	
Санспарейль	Капит. Дакресъ	71	2334	700	350
Леандръ	Капит. Кингъ	50	1987	500	
Аретузъ	Капит. Мэндсъ	50	2130	500	
Діамондъ	Сар. Пиль	28	1054	260	
Ретрибюшенъ	Кап. Друммондъ	21	1641	300	400
Сидонъ	Кап. Голдсмисъ	22	1328	300	560
Гайфлайеръ	Кап. Муръ	21	1153	230	250
Террибль	Кап. М. Клеверли	21	1847	300	800
Модестъ	Ком. Стеуартъ	18	562	175	
Тигеръ	Кап. Жиффардъ	16	1220	220	400
Фюріезъ	Кап. Лорингъ	16	1286	220	400
Фроликъ?	Коман. Ноллесъ	16	511	120	
Уаспъ	Коман. Лордъ І. Гай	14	970	150	100
Нигеръ	Ком. Гисъ	14	1013	170	400
Шируатеръ	Лейт. Гортонъ	8	343	54	160
Аполло (магазинъ)	Мастеръ Жонсонъ	8	1084	84	
Циклопсъ	Мастеръ Робертсъ	6	1106	320	320
Фиребраудъ	Кап. Гайде Паркеръ	6	1190	200	410
Сампсонъ	Кап. Іонсонъ	6	1297	200	467
Инфлексибль	Ком. Попплсуэлль	6	1124	160	378
Фюри	Ком. Татамъ	6	1123	515	160
Везувіусъ	Ком. Поуеллъ	6	976	280	160
Ардентъ	Лейт. Грайллсъ	5	800	65	200
Спитфайръ	Ком. Спрэттъ	5	432	50	140
Тритонъ	Лейт. Лаойдъ	3	650	65	260
Антелопъ	Лейт. Юингъ	3	649	65	264
Карадокъ	Лейт. Дерриманъ	2	650	65	350
Бенчи	Лейт. Рейнольдсъ		656	60	350

Англійская эскадра на Черномъ морѣ состоитъ изъ 37 судовъ, на которыхъ находится 1,329 орудій и 13,918 человѣкъ матросовъ; число силъ паровыхъ машинъ равняется 5,859.

Всѣ большіе корабли только парусные, исключая кораблей Агамемнонъ и Санспарейль (весьма не хорошо построенный), между тѣмъ какъ во флотѣ, назначаемомъ въ Балтійское море, всѣ корабли, исключая шести, приводятся въ движеніе, кромѣ парусовъ, и парами.

Если сравнимъ корабли новѣйшей постройки съ линейными кораблями, бывшими во время большой войны, то найдемъ, что они вооружены такимъ образомъ, что вѣсъ одновременно выбрасываемыхъ снарядовъ, съ одной стороны, заключался между 900 и 1700 фунтами (livres), нынѣ, какъ, напримѣръ на кораблѣ «Дюкъ-де-Веллингтонъ», этотъ вѣсъ болѣе 4000 фунтовъ.

Французская эскадра Чернаго моря подъ начальствомъ вице-адмирала Гамелена (Hamelin).

Названія кораблей.	Рангъ кораблей.	Число пушекъ.	паров. силъ.
Фридландъ (Le Friedland)	1-го	120	—
Вальми (Le Valmy)	1-го	120	—
Городъ Парижъ (La Vile de Paris) . . .	1-го	120	—
Генрихъ IV (Le Henri IV)	2-го	100	—
Байярдъ (Le Bayard)	3-го	90	—
Шарлеманъ (Le Charlemagne) причисляемый къ третьему рангу.	3-го	90	450
Іена (L'Iena)	3-го	90	—
Юпитеръ (Le Jupiter).	3-го	90	—
Маренго (Le Marengo).	4-го	80	—
Гомеръ (Le Gomer)—паровой фрегатъ . .		16	450
Магадоръ (Le Magador) — — — — —		8	650
Декартъ (Le Descartes) — — — — —		20	540
Вобанъ (Le Vauban) — — — — —		20	540
Касикъ (Le Casique) — — — — —		14	450
Магеланъ (Le Magellan)— — — — —		14	450
Санэ (Le Sané) . . — — — — —		14	450
Катонъ (Le Caton) паровой корветъ . .		4	260
Прометей (Le Promethée) посылочный пароходъ		4	200
Саламандра (La Salamandre).		2	120
Серіозъ (La Sérieuse), корветъ съ закрытою батареею		30	—
Меркуръ (Le Mercure) бригъ	1-го класса	20	—
Оливье (L'Olivier). . —	1-го	20	—
Боманоаръ (Le Beaumanoir)	1-го	20	—
Серфъ (Le Cerf) бригъ для посылокъ. . .		10	—
Геронъ (Le Héron) пароходъ		2	200
Муеттъ (La Mouette) Cap. fr. d'Heureux. .		2	200
Итого 26 вымпеловъ		1,120	4,960

Эскадрѣ вице-адмирала *Брюа* (Bruat), называемой океанскою, предполагается дѣйствовать на Черномъ морѣ, близъ

Галлиполи и въ Левантскомъ Архипелагѣ; эту эскадру составляютъ слѣдующія суда:

Названія кораблей.	Рангъ кораб.	Число пушек.	Паров. силъ.	Фамилія командировъ
Монтебелло	1-го	120	—	
Наполеонъ, паровой корабль .		92	960	
Сюффренъ	3-го	90	—	Cap. de v. Clavaud.
Жанъ-Бартъ, причис. къ 3 рангу	3-го	90	450	
Городъ Марсель	4-го	80	—	Laffon de Ladébat.
Алжеръ	4-го	80	—	Saisset.
Помона, фрег. причис. къ 3 р.	3-го	40	220	
Каффарелли, пароходо-фрегатъ.		14	450	
Роландъ, пароходо-корветъ. .		8	400	
Примоге (Le Primauguet) . .		8	400	
Итого десять вымпеловъ		622	2,880	

Сверхъ сего восемь фрегатовъ, восемь паровыхъ корветовъ и семь пароходовъ не получили еще никакого назначенія.

Вообще въ настоящее время на французскомъ военномъ флотѣ служитъ около пятидесяти шести тысячъ человѣкъ (1).

Плаваніе и дѣйствія союзныхъ флотовъ у нашихъ береговъ.

Вчера, 1-го апрѣля, появились предъ одесскимъ портомъ три военныхъ парохода: два англійскихъ и одинъ французскій; какъ вчера, такъ и сегодня они держались въ виду нашего порта, то отходя на нѣкоторое разстояніе, то приближаясь. По видимому, они производятъ промѣры, и захватили три русскихъ каботажныхъ судна вблизи порта (2).

Непріятельскіе пароходы, крейсеровавшіе въ теченіе трехъ дней въ одесскомъ заливѣ, удалились вчера, 4-го апрѣля, отъ нашихъ береговъ. Первое появленіе этихъ пароходовъ въ виду одесскаго порта не могло не произвести безпокойства въ жителяхъ нашего мирнаго города, при-

(1) Морск. Сборн. 1854 г. № 4. Краткія свѣдѣнія о составѣ флота можно найти также въ «Сѣверной Пчелѣ» 1854 г. № 75 и «Русскомъ Инвалидѣ» 1854 года № 87.

(2) Одесскій Вѣст. 1854 г. № 36.

выкшихъ видѣть до сихъ поръ англійскій и французскій флаги только на купеческихъ корабляхъ, приходившихъ къ намъ за хлѣбомъ, для продовольствія Англіи и Франціи. Это безпокойство было, впрочемъ, не продолжительно: общее убѣжденіе въ твердости мѣръ, принятыхъ военнымъ начальствомъ къ сохраненію порядка и безопасности въ городѣ, благотворно подѣйствовало на всѣхъ, и всѣ не замедлили возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Но въ массѣ любопытствующихъ, всѣхъ сословій и всѣхъ націй, ежедневно собиравшихся на приморскомъ бульварѣ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на морѣ, первое чувство безпокойства замѣнилось скоро другимъ всеобщимъ чувствомъ, котораго мы наименовать не хотимъ, но которое выражалось громко и на всѣхъ почти языкахъ Европы. Могучіе левіаѳаны-пароходы, явившіеся на нашемъ рейдѣ подъ гордыми флагами Англіи и Франціи, ни разу не приближались на выстрѣлъ къ береговымъ нашимъ батареямъ, а въ теченіе трехъ дней гонялись, въ виду нашего города, за мелкими каботажными судами, беззаботно плывшими изъ сосѣднихъ портовъ къ Одессѣ и изъ Одессы въ другіе русскіе порты. Они не устыдились даже стрѣлять по нѣкоторымъ изъ этихъ совершенно безоружныхъ лодокъ, на которыхъ всего экипажа бываетъ отъ 3-хъ до 5-ти человѣкъ. Очевидно было, что, прежде стяжанія военныхъ лавровъ, пароходы эти хотѣли воспользоваться, изъ корыстныхъ видовъ, предоставленнымъ имъ правомъ захватывать призы. По извѣстіямъ оказывается, что англійскіе пароходы открыли свои дѣйствія такими же подвигами и въ виду другихъ русскихъ черноморскихъ портовъ: только тамъ дѣйствовали они еще постыднѣе: появляясь предъ крѣпостями, они поднимали не свои, а чужіе, не принадлежащіе имъ флаги—австрійскій и русскій, чтобы обмануть бдительность береговыхъ начальствъ. Къ чувствамъ корысти, достойнымъ корсарскихъ каперовъ, они присоединили подлогъ, котораго едва ли можно было ожидать въ настоящее время отъ націй, называющихъ себя образованными. Развивающійся на нихъ флагъ—не флагъ Абукира и Трафальгара: нѣтъ—это флагъ Копенгагена! — Сколько намъ до сихъ поръ из-

вѣстно, въ теченіе трехдневнаго своего крейсерства, въ виду нашихъ береговъ, англо-французскіе пароходы захватили въ одесскомъ заливѣ и у Кинбурна 13 каботажныхъ судовъ, изъ коихъ 6 были съ грузомъ хлѣба, угля и соли; вчера они увели съ собою эти суда на букспрѣ. Не можемъ не заключить этого извѣстія совѣтомъ хозяевамъ каботажныхъ судовъ на всемъ побережьѣ Чернаго и Азовскаго морей не выходить до времени изъ своихъ портовъ, чтобы не попадаться въ руки выжидающихъ ихъ, вѣроятно, повсюду поборниковъ луны, думающихъ гораздо болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о спасеніи Турціи (¹).

Марта 27 (апрѣля 8) дня, паровой фрегатъ «Фюри» приблизился къ Одессѣ. Когда съ берега произведены были два холостые пушечные выстрѣла, фрегатъ остановился, не бросивъ однакожъ якоря, поднялъ англійскій флагъ и спустилъ на воду шлюпку подъ переговорнымъ флагомъ: парламентеръ, подойдя къ берегу, спрашивалъ: находится ли еще въ городѣ британскій консулъ.

Узнавъ, что консулъ выѣхалъ, лодка отправилась обратно и отошла отъ берега уже далѣе пушечнаго выстрѣла, когда фрегатъ двинулся впередъ и сталъ приближаться къ молу. Командующій батареею офицеръ, исполняя приказаніе — «не допускать непріятельскаго парохода на разстояніе пушечнаго выстрѣла», подалъ фрегату знакъ остановиться, и когда онъ того не исполнилъ, пустилъ въ него ядро: въ это время переговорная шлюпка была не только внѣ выстрѣла, но даже не по его направленію. Послѣ этого выстрѣла фрегатъ повернулъ назадъ и быстро удалился.

Апрѣля 2 (14) предъ Одессою явились три парохода, два англійскихъ и одинъ французскій, съ вопросомъ: «*зачѣмъ стрѣляли по переговорной шлюпкѣ?*».

Имъ сказали, въ чемъ было дѣло, но начальникъ эскадры желалъ имѣть отвѣтъ письменный, и генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ приказалъ передать ему слѣдующую записку:

(¹) „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 37.

Одесса. 2 (14) апрѣля 1854 года. «Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ почитаетъ долгомъ выразить адмиралу *Дондасу* изумленіе, возбужденное въ немъ извѣстіемъ, будто бы изъ одесской гавани стрѣляли по фрегату «Фюри», находившемуся подъ переговорнымъ флагомъ.

«По прибытіи «Фюри» были произведены два холостые пушечные выстрѣла, въ слѣдствіе которыхъ фрегатъ поднялъ свой *національный* флагъ и остановился внѣ выстрѣла. Лодка подъ *бѣлымъ* флагомъ тотчасъ же отправилась отъ фрегата къ молу, гдѣ ее встрѣтилъ дежурный офицеръ, который, на вопросъ англійскаго офицера, отвѣчалъ, что англійскій консулъ уже выѣхалъ изъ Одессы. Безъ дальнихъ переговоровъ лодка отправилась обратно къ фрегату и уже подходила къ нему, когда фрегатъ, вмѣсто того, чтобъ ее дождаться, двинулся въ направленіи къ молу, оставивъ лодку влѣво отъ себя, и приблизился къ батареямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Тогда-то офицеръ, командующій баттареею на молѣ, исполняя отданное приказаніе—не позволять непріятельскимъ военнымъ судамъ подходить ближе пушечнаго выстрѣла, почелъ обязанностью открыть огонь, не по парламентеру, а по непріятельскому судну, подошедшему слишкомъ близко къ берегу, хотя этому судну и поданъ былъ, двумя холостыми выстрѣлами, знакъ остановиться.

«Это простое изложеніе дѣла, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно доведено до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора, должно уничтожить само собою предположеніе—котораго, впрочемъ, нельзя допустить — будто бы въ русскихъ гаваняхъ не уважаютъ переговорнаго флага, за неприкосновенность котораго ручаются законы, общіе всѣмъ просвѣщеннымъ націямъ».

Подписалъ: генералъ-адъютантъ Его Императорскаго Величества, Баронъ *Остенъ-Сакенъ*.

Между городомъ Одессою и одесскимъ маякомъ, на картѣ значащимся подъ названіемъ маякъ Фонтанъ, въ настоящее время устроена телеграфическая линія: телеграфъ, находящійся у маяка, передаетъ свѣдѣнія въ Одессу объ

всемъ усматриваемомъ имъ на разстилающемся предъ нимъ обширномъ горизонтѣ Чернаго моря. Такимъ образомъ, 8 апрѣля, въ 8 ч. 45 м. по полуночи, телеграфъ увѣдомилъ, что на горизонтѣ показалась эскадра, состоящая изъ двадцати двухъ судовъ: она шла въ линіи баталіи лѣвымъ галсомъ. но, по дальности и туманности горизонта, нельзя было различить ранга судовъ.

Въ 10 часовъ 45 минутъ по полуночи, эскадра находилась отъ одесскаго маяка на OSO въ разстояніи миль четырнадцати, и при этомъ замѣчено, что она состояла изъ двадцати четырехъ судовъ, въ числѣ которыхъ четыре парохода. Суда лавировали имѣя брамсели и бомбрамсели.

Около полудня на горизонтѣ показались еще: парусный корабль и пароходъ по направленію на SSO.

Въ 12 часовъ 45 минутъ непріятельская эскадра прошла безъ флаговъ траверзъ маяка.

Въ 1 часъ 20 минутъ по полудни замѣтили, что эскадру составляютъ: три трехъ-дечные корабля, одиннадцать двухъ-дечныхъ, шесть пароходовъ и шесть фрегатовъ.

Корабли шли въ линіи баталіи, четыре парохода впереди, по сторонамъ, два парохода въ корабельной линіи. Фрегаты составляли вторую колонну.

Въ два часа трехъ-мачтовый, съ гребными колесами, пароходъ, отдѣляясь отъ эскадры и предшествуя ей, дѣлалъ промѣръ, по разнымъ направленіямъ, подходилъ къ иностраннымъ коммерческимъ кораблямъ, стоявшимъ на рейдѣ; эти суда снимались съ якоря, отходили на взморье, и становились внѣ пушечныхъ выстрѣловъ.

Въ три часа передніе корабли, прійдя на траверзъ карантинной гавани, начали становиться на якорь въ разстояніи отъ берега около трехъ миль.

Въ половинѣ седьмаго часа эскадра стала на якорь, расположась вдоль берега до траверза малаго фонтана. Ближайшіе къ городу корабли и при нихъ три парохода подняли англійскіе флаги, прочія суда оставались безъ флаговъ. Всю ночь одинъ изъ фрегатовъ крейсеровалъ (1).

(1) Морской Сборникъ 1854 г. № 5.

Слово высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, въ Одесскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ, въ великій четвертокъ, 8-го апрѣля, при появленіи предъ Одессою непріятельскаго флота.

Въ такой великій и святый день, какъ нынѣшній, и вездѣ, гдѣмъ паче во храмѣ, не хотѣлось бы думать о чемъ либо другомъ, какъ о возлюбленномъ Спасителѣ и Господѣ нашемъ. Который, нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную... Но, видно, такъ угодно было Его же всесвятой волѣ, чтобы мы, и въ этотъ день, и въ семъ священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побесѣдовали не столько о томъ, что́ было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами.

Что же съ нами? Не что либо совершенно новое и неожиданное, и однако же всего менѣе желанное и пріятное: враги наши, столько времени угрожавшіе намъ своимъ нашествіемъ, наконецъ предъ нами, на водахъ нашихъ.

Въ такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, кои не постигали града нашего со времени его основанія, легко придти въ смущеніе и не малодушному. И вотъ, какъ бы прямо къ ободренію и утѣшенію нашему, мы въ нынѣшній же вечеръ услышимъ изъ устъ самого Спасителя нашего слѣдующія утѣшительныя слова: *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (1). Возлюбленнымъ ученикамъ Христовымъ, во время страданія Его, предстояли опасности и искушенія гораздо большія, чѣмъ предстоятъ теперь намъ; и однако же Божественный наставникъ не позволяетъ имъ предаваться страху и унынію: *да не смущается сердце ваше;* и въ то же время указуетъ имъ на самое вѣрное и дѣйствительное средство къ благодушію: *вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте!* То есть, какъ бы такъ говорилъ Господь: имѣйте токмо вѣру живую и упованіе твердое на Меня и Отца Моего, и никакое зло не прикоснется къ вамъ и буря пройдетъ мимо васъ безвредно. Поелику же Сей Всемогущій Спаситель есть единъ *вчера и днесь и тойже во вѣ-*

(1) Іоан. XIV, 1. XVI, 33.

ки (1), поелику Онъ всегда и вездѣ можетъ, какъ свидѣтельствуетъ Св. Павелъ, спасти *всѣхъ приходящихъ чрезъ него къ Богу* (2), *живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ*, то мы, въ духѣ вѣры и упованія, не усумнимся обратить нынѣ утѣшительныя слова Его ко всему граду нашему и сказать: не смущайся и ты, возлюбленный градъ, отъ лица враговъ твоихъ, кои страшны болѣе именемъ своимъ и нашимъ воображеніемъ о нихъ, нежели дѣйствительною возможностію вредить намъ! Не смущайся, а вѣруй твердо въ Бога и во Спасителя твоего, вѣруй и покажи вѣру твою отъ чувствъ и дѣлъ твоихъ! Тогда весь страхъ и смущеніе сами собою удалятся отъ тебя; ибо сила Всевышняго откроется въ тебѣ, и помощь Господня узрится на тебѣ. Отецъ Всемогущій не оставитъ и нынѣ возлюбленнаго Сына, какъ не оставилъ Его на Голговѣ; а любезнобильный Сынъ не оставитъ насъ, кои вѣруемъ во имя Его и готовы теперь терпѣть отъ враговъ не ради нашихъ выгодъ или пріобрѣтеній, а единственно во славу животворящаго креста Его.

Въ самомъ дѣлѣ, за что воздвигаютъ на насъ брань эти гордые пришлецы? Мы не трогали и не думали трогать ни ихъ чести, ни ихъ собственности: мы желали токмо защитить честь вѣры христіанской, обезопасить жизнь и собственность собратій нашихъ по Вѣрѣ отъ безумія и гордости мусульманской. Это ли наша неправда? За сіе ли возставать на насъ съ такою злобою? Ахъ, если бы у враговъ нашихъ не угасла живая вѣра въ Спасителя и не оскудѣла христіанская любовь къ ближнимъ, то, вмѣсто нападенія на насъ, они сами, подобно намъ, должны бы давно стать противъ притѣснителей христіанства на Востокѣ и положить конецъ ихъ кровожадной свирѣпости. Сего самаго и ожидали отъ нихъ всѣ истинные послѣдователи вѣры христіанской; сего именно надѣялись всѣ некрещіе друзья человѣчества; для сего-то и съ нашей стороны было истощено столько терпѣнія, принесено столько

(1) Евр. XIII, 8.
(2) Евр. VII, 25.

С.С.С.Р. В.И. ЛЕНИНА ВОЕН. СЕКТ.

жертвъ: не наша вина, если мы остались наконецъ одни, подъ знаменемъ креста, у подножія гроба Господня!....

Посему-то смотрите и, къ утѣшенію своему, примѣтьте, какъ Господь видимо начинаетъ принимать дѣло наше подъ Свое особенное, всемогущее руководительство! Предстоящія намъ теперь искушенія открываются именно вмѣстѣ съ началомъ страданій Христовыхъ: мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнію креста Христова. Не утѣшеніе ли это для того, кто вѣруетъ въ Господа Іисуса и любитъ крестъ Его?—Самый день нынѣшній, въ который явились противу насъ враги, служитъ для насъ знаменіемъ во благо. Ибо, какъ именуется онъ издревле отъ всѣхъ православныхъ чадъ церкви —днемъ *чистымъ*. И въ сей-то самый день, какъ бы въ знакъ и выраженіе чистоты и правости нашего дѣла, а, слѣдовательно, и въ побужденіе насъ къ вѣрѣ и благодушію, допущено свыше открыться нападенію на насъ!....

Но, братія мои, да не послужитъ сіе для насъ въ пищу гордости духовной и суетной праведности фарисейской, толико противной Тому, Кто сказалъ о Себѣ, что Онъ *кротокъ и смиренъ сердцемъ* (1).—Если объ апостолахъ Христовыхъ речено: *чисти есте, но не вси* (2), если и первоверховный изъ апостоловъ имѣлъ нужду въ омовеніи ногъ, дабы содѣлаться совершенно чистымъ: то тѣмъ паче намъ невозможно сказать, что мы чисты семы вси, и чтобы кто либо изъ насъ не имѣлъ уже никакой нужды въ очищеніи себя отъ страстей и грѣховъ. *Аще речемъ*, пишетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (3). Но грѣхи и страсти самое неблагоуспѣшное напутіе для тѣхъ, коимъ угрожаетъ нападеніе отъ враговъ; ибо ими привлекается гнѣвъ Божій. Посему не будьте праздными зрителями того священнаго обряда, который сейчасъ будетъ совершаться предъ вами: когда мы будемъ, по чину Св. Церкви, омы-

---

(1) Мат. XI, 29.
(2) Іоан. XIII, 10.
(3) Іоан. 1, 8.

вать позѣ сослужителямъ нашимъ, вы омывайте въ то время души и сердца ваши.

Для сего помысли, возлюбленный, о грѣхахъ твоихъ и о томъ, какъ прогнѣвана ими благость Божія, какъ осквернено ими собственное твое существо, какъ гнѣвъ Божій будетъ поражать тебя на судѣ всемірномъ, а можетъ быть еще и въ сей жизни—помысли, говорю, о всемъ этомъ; и если Господь подастъ тебѣ при семъ слезы умиленія сердечнаго, то омывайся сими драгоцѣнными слезами, какъ можно болѣе. Въ сей купели погружалась блудница, омывавшая ноги Спасителя своего слезами, и вышла изъ нея чистою и спасенною. Тоже будетъ и съ тобою! У кого не достанетъ слезъ, а есть блага вѣка сего—стяжанія и богатства, тотъ сими омыть жизнь и душу свою водами милосердія. Потокъ милостыни цѣлебенъ и силенъ къ омовенію самыхъ черныхъ пятенъ совѣсти, какъ показываютъ многіе примѣры въ словѣ Божіемъ. Прекрасно также дѣйствуетъ къ очищенію грѣховъ нашихъ отложеніе ненависти и прощеніе обидъ ближнимъ нашимъ; ибо самъ Спаситель сказалъ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (¹)!

Есть и другія средства къ очищенію себя отъ грѣховъ и къ пріятію благодати Божіей, только бы мы захотѣли искренно разстаться съ тѣми нечистыми и богопротивными кумирами, коимъ доселѣ поклонялись безумно.

И на что лучше употребить слѣдующіе святые дни, какъ не на сіе великое дѣло спасенія душъ нашихъ? Особенно, когда съ этимъ дѣломъ соединилась теперь и внѣшняя наша безопасность отъ враговъ? Ибо, все въ десницѣ Божіей, и все безпрекословно покоряется Его пресвятой волѣ. Восхощетъ—и само море возмутится противу враговъ нашихъ и размещетъ, яко хвраетіе, пловучія твердыни ихъ. Восхощетъ—и громы онѣмѣютъ въ рукахъ ихъ и праздно разсыпятся надъ нами по воздуху. Восхощетъ — и наши брега явятся неприступными, и одинъ изъ защитниковъ нашихъ поженетъ тысячи, а десять—тьмы.

(¹) Матѳ. VI 14.

Страшны посему собственно не враги, а грѣхи наши, лишающіе насъ благодати Господней.

Дабы сего не послѣдовало съ нами, то, вмѣсто страховъ и смущенія, начнемъ, по примѣру древнихъ ниневитянъ, дѣло нскренняго покаянія. На нихъ былъ уже изреченъ судъ Божій, однако же пость и молитва, смиреніе и сокрушеніе сердца отвратили отъ нихъ гнѣвъ Божій. Тѣмъ паче мы можемъ улучить милость и заступленіе свыше, коп ратуемъ и подвизаемся не за себя, а за крестъ и гробъ Христовъ, и улучимъ, коль скоро явимъ въ себѣ истинныхъ ратниковъ Христовыхъ, облеченныхъ не въ одно оружіе земное, а и въ *оружія Божія* (1), то есть, въ вѣру живую, упованіе твердое, любовь нелицемѣрную къ правдѣ и смиреніе христіанское.—Аминь (2).

БОМБАРДИРОВАНІЕ ОДЕССЫ.

9 Апрѣля, въ 5 часовъ 35 минутъ утра, телеграфъ съ Одесскаго Маяка увѣдомилъ, что на горизонтѣ видны три парохода по направленію на OSO.

Къ шести съ половиною часамъ усмотрѣнные пароходы подошли къ эскадрѣ, и держались подъ парами. Два изъ нихъ были подъ англійскими, а третій подъ французскимъ флагами.

Въ шесть часовъ утра одинъ изъ кораблей (пятый считая отъ корабля, находившагося на траверзѣ карантина) снялся съ якоря, и, послѣ нѣсколькихъ измѣненій курса,

(1) Ефес. VI, 13.

(2) „Одес. Вѣстн.“ 1854 г. № 79. Независимо отъ этого слова, преосвященнымъ сказано нѣсколько другихъ относящихся до военныхъ событій. — Желающіе могутъ найти ихъ въ „Одес. Вѣстн.“ 1854 г. № 59, 65, 72, 76, 81 и 93. Тоже въ „Сборникѣ Путилова“ кн. 16, стран. 86—110. „Сѣв. Пч.“ 1854 г. № 141.

отправился по направленію къ Очакову, откуда, въ одиннадцать часовъ, слышны были пушечные выстрѣлы.

Въ три часа по полудни французскій пароходъ, снявшись съ якоря, прошелъ на рейдъ, имѣя на фок-брамъ-стеньгѣ русскій военный флагъ. Когда онъ остановился подъ парами, съ него отвалила къ берегу шлюпка подъ переговорнымъ флагомъ: къ ней на встрѣчу вышелъ изъ карантина баркасъ. Послѣ пяти минутъ шлюпки разошлись. Непріятельская шлюпка передала два письма, адресованныя на имя Его Высокопревосходительства *Барона Остенъ-Сакена*, одно на французскомъ, а другое на англійскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія:

«Передъ Одессою. 21 апрѣля (н. ст.) 1854 г.

«Г. Губернаторъ.

«Такъ какъ письмо Вашего Превосходительства, отъ 14 апрѣля, полученное нами только сегодня утромъ, содержитъ лишь ложныя показанія въ оправданіе неслыханнаго (inqualifiable) покушенія одесскихъ властей противъ одного изъ нашихъ фрегатовъ и его гребнаго судна, которыя оба были подъ переговорнымъ флагомъ.

«И какъ, не смотря на этотъ флагъ, съ батарей города брошено нѣсколько ядеръ на фрегатъ и на судно его, въ ту минуту, когда послѣднее удалялось отъ мола, куда оно довѣрчиво приблизилось:

«А потому оба вице-адмирала, начальствующіе надъ соединенными эскадрами Англіи и Франціи, почитаютъ себя въ правѣ требовать удовлетворенія отъ Вашего Превосходительства.

«Въ слѣдствіе сего, всѣ англійскія, французскія и русскія суда, стоящія въ настоящее время при одесской крѣпости или батареяхъ, должны быть немедленно присоединены къ двумъ соединеннымъ эскадрамъ.

«Если до солнечнаго заката вице-адмиралы не получатъ отвѣта или получатъ лишь отвѣтъ отрицательный, то они будутъ принуждены прибѣгнуть къ силѣ, для отмщенія за оскорбленіе, нанесенное флагу одной изъ соединенныхъ эскадръ: хотя человѣколюбіе и побуждаетъ ихъ принять лишь

съ сожалѣніемъ это послѣднее рѣшеніе, отвѣтственность за которое падаетъ не на нихъ.

«Примите и проч. Вице-адмиралы, начальствующіе надъ соединенными эскадрами Англіи и Франціи. (Подпис.): Гамеленъ. Дондасъ».

Отвѣта на письма не послѣдовало съ нашей стороны.

Требованіе, какъ читатели видятъ, было основано на совершенно ложномъ истолкованіи происшествія съ фрегатомъ «Фюри» $\frac{\text{Марта 27}}{\text{Апрѣля 8}}$ дня.

Не смотря на то, непріятели сочли это происшествіе достаточнымъ предлогомъ для дерзкаго своего требованія; причемъ не постыдились, подъ видомъ человѣколюбія, выражая сожалѣніе о необходимости, бомбардировать торговый городъ! (¹).

По внимательномъ разсмотрѣніи оказалось, что непріятельская эскадра состоитъ изъ кораблей:

Англійскихъ трехъ-дечныхъ 3, одинъ изъ нихъ подъ синимъ, вице-адмиральскимъ флагомъ. Англійскихъ двухъ-дечныхъ 2, одинъ изъ нихъ подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ съ краснымъ крестомъ, пароходовъ съ колесами 5, пароходовъ, движимыхъ архимедовымъ винтомъ, 1, фрегатовъ 1, транспортовъ 1; итого 13. Французскихъ трехъ-дечныхъ кораблей 3, одинъ изъ нихъ подъ вице-адмиральскимъ, другой подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, французскихъ двухъ-дечныхъ кораблей 6, пароходовъ съ колесами 4, транспортовъ 1; итого 14.

Съ пяти и до шести часовъ по полудни на корабляхъ англійской эскадры происходило ученье отдачи, перемѣны и уборки парусовъ.

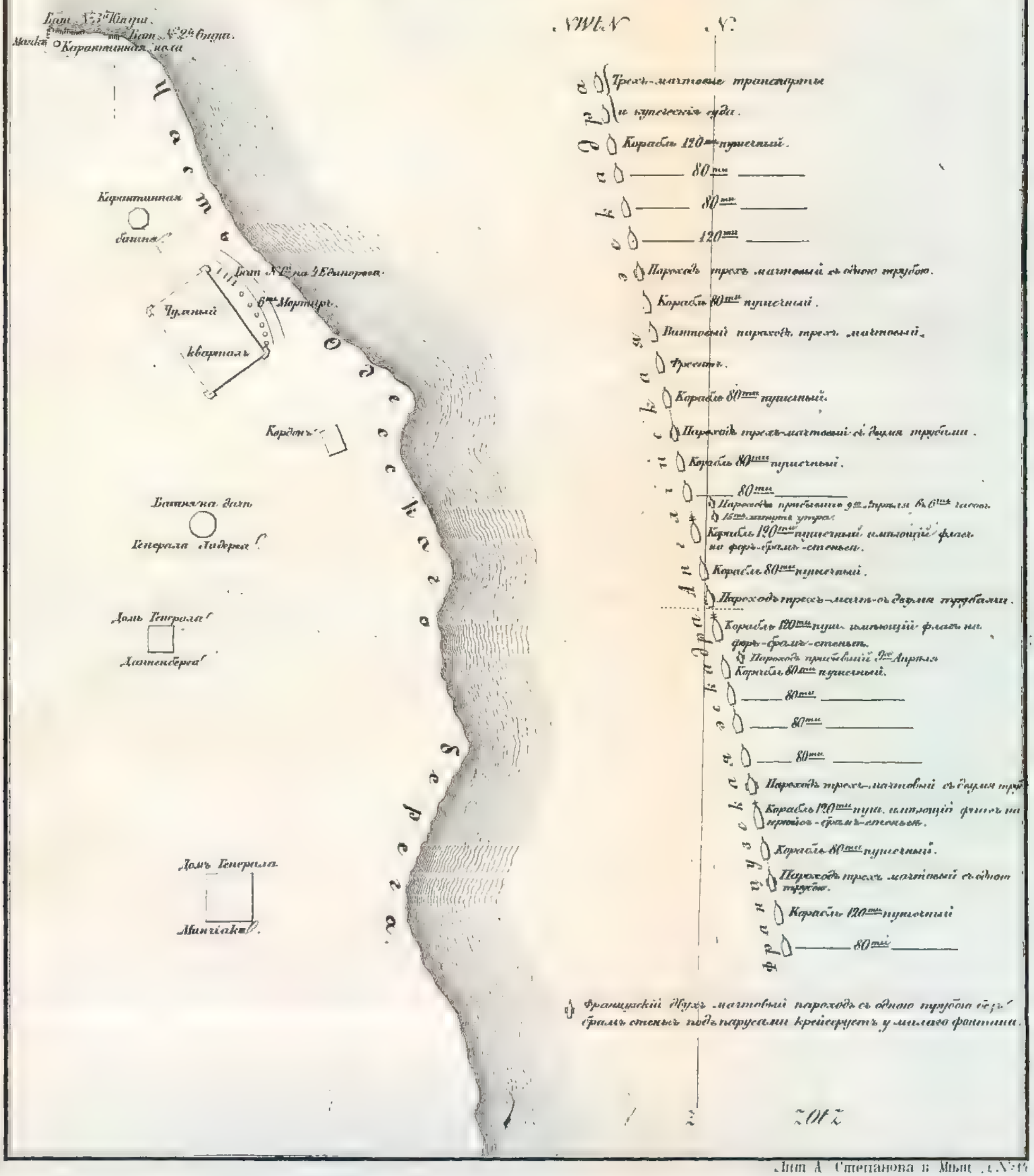
10-го апрѣля, въ 5 часовъ 20 минутъ по полуночи, винтовой двухъ-дечный корабль снялся съ якоря и подъ парусами поджидалъ готовящіеся пароходы. Въ шесть часовъ снялись съ якоря четыре парохода англійскихъ и три французскихъ, и направились, вмѣстѣ съ кораблемъ, неровнымъ ходомъ, на одесскій рейдъ. Два англійскіе парохода и одинъ

(¹) Морской Сборникъ 1854 г. № 5; тотъ же самый разсказъ, но съ добавленіями редакціи, напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ 1854 г. № 88 и другихъ газетахъ. *Ред.*

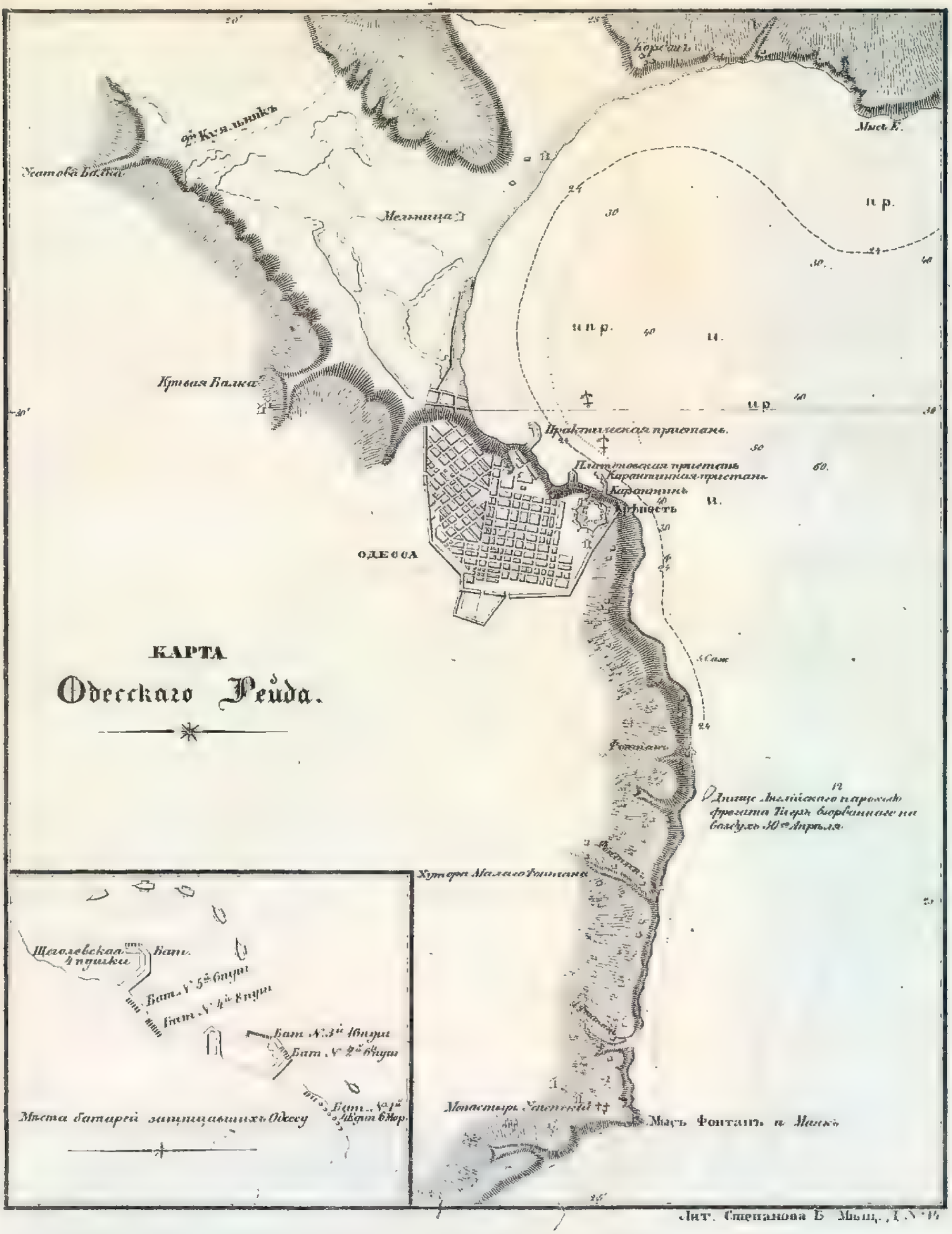
ПЛАНЪ БОМБАРДИРОВАНІЯ Г. ОДЕССЫ

и

Расположеніе непріятельскаго флота въ виду Г. Одессы, въ разстояніи отъ берега примѣрно около 2½ италіян. миль 9го Апрѣля 1854 г.



Лит. А. Степанова в Мыш. д. № 14



Лит. Степанова Б. Мыш., Д. № 14

французскій пошли впередъ къ военно-практической гавани. Передовымъ былъ англійскій пароходъ «Фюри», предварительно промѣрявшій нѣсколько разъ одесскій рейдъ, въ прежніе свои рейсы; остальные же пароходы, съ кораблемъ, ставшимъ на якорь, держались подъ парами внѣ выстрѣловъ всѣхъ нашихъ батарей, южнѣе карантина (1).

Въ половинѣ седьмаго часа, пароходъ «Фюри» зашелъ за Андросовскую молу, остановился подъ парами въ разстояніи отъ нея не болѣе трехъ съ половиною кабельтовъ, отправилъ на буксирѣ три корабельные барказа ближе къ молѣ, и открылъ канонаду по батареѣ № 6, находящейся на концѣ Практическаго мола, и по стоявшимъ въ углу гавани двумъ пароходамъ, «Андія» и «Днѣпръ». Командиры этихъ пароходовъ, по предварительному распоряженію открывъ краны, немедленно потопили свои суда.

Въ слѣдъ за «Фюри», по той же батареѣ и по стоявшимъ въ гавани купеческимъ судамъ открыли канонаду французскій и англійскій пароходы, съ которыхъ также отправлено было подъ Андросовскій молъ по одному барказу.

Эти пять непріятельскихъ барказовъ, кромѣ гребцовъ, имѣли значительное число людей. Держась на веслахъ, они бросали въ городъ конгревовы ракеты.

Въ половинѣ восьмаго часа, англійскій пароходъ направилъ выстрѣлы въ углубленіе одесскаго залива (на Пересыпь) по подошедшей туда полевой артиллеріи; но вскорѣ, въ слѣдствіе поврежденія у него кормы и лѣваго колеса мѣткими выстрѣлами двухъ орудій, которыя въ состояніи были дѣйствовать съ батареи № 6, удалился ко флоту.

Въ восемь часовъ къ дѣйствующимъ по батареѣ № 6 непріятельскимъ пароходамъ подошли еще два: англійскій и французскій; удерживая выгодное положеніе подъ парами, они палили по той же батареѣ. Дѣйствующіе пароходы по временамъ удалялись на взморье, а на ихъ мѣсто подходили другіе; всѣхъ же дѣйствовавшихъ пароходовъ было восемь.

Въ то время, какъ пароходы такимъ образомъ дѣйствовали на рейдѣ, въ десять минутъ восьмаго часа по полу-

(1) См. прилагаемые при семъ планы дѣйствій.

ночи, показался на горизонтѣ идущій съ моря пароходъ, о чемъ наша телеграфическая линія сдѣлала сигналъ.

Замѣтивъ поднятый по этому случаю на башнѣ дачи генерала Лидерса флагъ, англійскій адмиралъ сигналомъ приказалъ, крейсеровавшему подъ парусами фрегату, бомбардировать сигнальную башню.

Въ семь часовъ сорокъ минутъ, при марсельномъ вѣтрѣ отъ SW, этотъ фрегатъ весьма близко подошелъ къ берегу, и, маневрируя подъ парусами, открылъ по башнѣ канонаду. По немъ открыла огонь батарея № 1-й.

Послѣ двадцати минутъ фрегатъ отошелъ отъ берега, а въ восемь часовъ сорокъ минутъ повторилъ тотъ же маневръ и дѣйствовалъ по прежнему около двадцати минутъ, наконецъ отошелъ и держался подъ парусами у флота.

Около полудня подошли еще четыре парохода и вмѣстѣ съ четырьмя прежними открыли усиленную канонаду, направляя выстрѣлы преимущественно на усмотрѣнный ими пороховой погребъ близъ батареи № 6-й.

Храбрые артиллеристы, дѣйствовавшіе на той батареѣ, названной въ послѣдствіи *Щеголевскою*, поспѣшили вынести изъ погреба порохъ въ картузахъ и спрятали его подъ платформу одного не дѣйствовавшаго орудія; но вскорѣ упавшее на платформу загорѣвшееся зданіе карантиннаго домика взорвало спрятанный порохъ.

Щеголевская батарея сначала сражалась четырьмя, а потомъ двумя орудіями, подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, въ продолженіе шести часовъ, въ послѣднее время противъ трехъ сотъ пятидесяти орудій слишкомъ. Наконецъ, кругомъ охваченная пламенемъ горѣвшихъ судовъ и мерлоновъ, лишась пороху отъ взрыва, батарея замолчала.

Храбрый прапорщикъ *Щеголевъ* вывелъ прислугу, одушевленную его спокойствіемъ и самоотверженіемъ. Предъ его выходомъ изъ огня, три непріятельскіе парохода были взяты на буксиръ.

Генералъ-адъютантъ *баронъ Остенъ-Сакенъ*, свидѣтель рѣдкаго мужества прапорщика *Щеголева* и прислуги ба-

тареи № 6, поздравилъ особенно отличившихся на ней нижнихъ чиновъ кавалерами знака отличія военнаго ордена.

Государь Императоръ, по прочтеніи донесенія о семъ подвигѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: прапорщика *Щеголева* произвесть въ штабсъ-капитаны и подвигъ его представить на обсужденіе кавалерской думы ордена Святаго Георгія; нижнимъ же чинамъ, наиболѣе отличившимся, дать еще десять знаковъ отличія военнаго ордена, кромѣ розданныхъ уже генералъ-адъютантомъ *барономъ Остенъ-Сакеномъ*.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ осчастливилъ *Щеголева* слѣдующимъ рескриптомъ.

Любезный Щеголевъ.

Поздравляю тебя съ славнымъ твоимъ подвигомъ и съ Царскою за него наградою.

Посылаю тебѣ Высочайшій приказъ о производствѣ тебя въ подпоручики, въ поручики и въ штабсъ-капитаны; грамоту, со статутомъ, на Всемилостивѣйше пожалованный тебѣ орденъ Св. Георгія и самый орденъ.

Прилагаю при семъ же и Георгіевскій крестъ съ Моей груди; прими его какъ подарокъ признательнаго отца почтенному сыну.

Благодарю тебя за твою мужественную, стойко-уставную заслугу; благодарю тебя отъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ отнынѣ имя твое будетъ произноситься съ уваженіемъ и подвигъ твой будетъ служить примѣромъ воинской доблести.

Запечатываю еще въ Мой конвертъ два на имя твое письма, оба тебѣ поздравительныя и оба тебѣ благодарственныя: одно отъ всего Дворянскаго полка, другое отъ оставшихся еще въ этомъ полку однолѣтнихъ твоихъ ротныхъ совоспитанниковъ.

Спасибо, голубчикъ Щеголевъ; наградилъ тебя Государь—наградитъ тебя и Богъ.

Обнимаю тебя.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича рукою написано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Вознеся теплую молитву къ Всемогущему Творцу, сподобившему насъ видѣть безпримѣрныя дѣла нашихъ молодыхъ соотечественниковъ, читать въ рескриптѣ Государя Цесаревича изліяніе чувствъ нѣжнаго Отца-Воспитателя, съ извѣщеніемъ достойнаго воспитанника о неожиданныхъ имъ милостяхъ Государя Императора, возвратимся къ непріятелю, усиливавшемуся разорить торговый городъ—житницу Западной Европы.

Не требующіе большой глубины, непріятельскіе желѣзные пароходы, окруживъ Практическій молъ, сверхъ чаянія близко подходили къ берегу, и одинъ изъ нихъ двинулся къ предмѣстію Пересыпь, съ лодками; бросаемыя съ нихъ конгревовы ракеты зажигали наши коммерческія суда въ гавани и строенія на этомъ предмѣстьѣ. Войска, на лодкахъ находившіяся, пытались сдѣлать высадку, но, встрѣченныя картечью изъ 4-хъ полевыхъ орудій резервной № 14-го батареи 5-й артиллерійской дивизіи, подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ резервнаго и запаснаго баталіоновъ Томскаго и резервнаго баталіона Колыванскаго егерскаго полковъ, поставленныхъ въ засадѣ, обращены въ бѣгство къ судамъ, и, преслѣдуемыя ядрами, понесли значительную потерю.

Въ пять часовъ по полудни канонада была прекращена по сигналу съ флагманскаго корабля, репетованнаго всѣмъ флотомъ.

Къ шести часамъ всѣ пароходы съ барказами подошли къ флоту, за исключеніемъ англійскаго, остановившагося на рейдѣ внѣ выстрѣловъ.

Одиннадцати-часовою канонадою непріятель заставилъ замолчать четырехъ-пушечную батарею № 6; повредилъ и зажегъ: оба мола Практической гавани, четыре купеческіе корабля и землечерпательную машину, потоплены бывшія въ гавани суда, незначительно повреждены нѣкоторыя зданія на бульварѣ и произведенъ пожаръ въ двѣнадцати мѣстахъ на Пересыпи.

Непріятельская артиллерія, не смотря на превосходство калибровъ и число орудій, не имѣла удачи. Батареи наши нисколько не потерпѣли, исключая 6-й. Убито всего у насъ

нижнихъ чиновъ 4, ранено: состоящій по артиллеріи подполковникъ *Мещерскій* и нижнихъ чиновъ 45; оконтужено нижнихъ чиновъ 12.

Войска, участвовавшія въ бою и оставшіяся въ резервѣ, сражаясь за вѣру, Царя и честь Россіи, одушевлены были безстрашіемъ и примѣрнымъ усердіемъ.

Съ шести часовъ вечера до разсвѣта 11-го апрѣля непріятельскій флотъ оставался на занятой имъ позиціи, безъ всякаго движенія. Съ разсвѣтомъ 11-го апрѣля, одинъ англійскій пароходъ снялся съ якоря, прошелъ по рейду, сдѣлалъ по разнымъ направленіямъ около двадцати выстрѣловъ, и въ шесть часовъ утра, прекративъ пальбу, подошелъ къ флоту. Съ батарей №№ 4 и 5-й не замедлили отвѣчать на выстрѣлы и, одною изъ брошенныхъ съ батареи № 4-й бомбою, сорвало съ боканцевъ парохода шлюпку, а другая ударила въ руль парохода, оторвавъ барказы, находившіеся у парохода на букирѣ. Въ три часа по полудни одинъ изъ англійскихъ пароходовъ ушелъ въ море, но въ четверть восьмаго часа возвратился къ флоту. Въ продолженіе дня вѣтеръ дулъ отъ SSW свѣжій, съ зыбью.

Въ четыре часа англійская эскадра спустила брамъ-стеньги на пайтовы, а французская до вечера оставалась даже съ брамъ-реями. До полуночи, кромѣ флагманскихъ заревыхъ пушекъ и вспышекъ на всѣхъ судахъ ничего не замѣчено.

Въ Одессѣ, ночью съ великой субботы на Свѣтлое Воскресеніе, совершены были, съ обычною торжественностію, во всѣхъ церквахъ, утреня и литургія Свѣтлаго Воскресенія: церкви были полны народа. Генералъ-адъютанты баронъ *Остенъ-Сакенъ* и *Анненковъ* присутствовали, въ походной парадной формѣ, при богослуженіи въ соборѣ. Предъ окончаніемъ литургіи, преосвященный *Иннокентій* произнесъ слово о положеніи города и обстоятельствахъ минувшаго дня.

12-го апрѣля, винтовой французскій пароходъ отправился въ море, вѣроятно для наблюденій—и въ то же время пришелъ съ моря коммерческій бригъ; онъ былъ встрѣченъ англійскою и французскою шлюпками.

Около полудня пароходъ, отправившійся утромъ, и австрійскій коммерческій бригъ подошли къ флоту. Послѣдній, опрошенный шлюпкою, сталъ на якорь между прочими коммерческими судами, а пароходъ отправился въ море.

До 13-го апрѣля не происходило никакихъ дѣйствій, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Въ шесть часовъ послѣ полудня мимо флота проходилъ съ рейда французскій коммерческій бригъ, который, по выстрѣлу съ англійскаго контръ-адмиральскаго корабля, остановился у флота, подъ парусами; на этотъ бригъ привезено на англійскихъ шлюпкахъ до семидесяти человѣкъ въ халатахъ и нѣсколько наполненныхъ мѣшковъ; а на двухъ французскихъ шлюпкахъ до пятидесяти человѣкъ.

Въ восемь часовъ послѣ полудня, французскій коммерческій бригъ съ помѣщенными на немъ съ флота людьми пошелъ къ группѣ другихъ коммерческихъ судовъ и сталъ на якорь.

14-го апрѣля, около шести часовъ утра, южный передовой корабль снялся съ якоря и легъ въ море; за нимъ снимались послѣдовательно прочіе корабли и пароходы.

Одинъ поврежденный французскій батарейный пароходъ взятъ другимъ на буксиръ.

Въ началѣ девятаго часа снялся послѣдній корабль непріятельскаго флота. Какъ корабли, такъ и пароходы, подъ парусами, строились въ линію баталіи, легкіе пароходы на вѣтрѣ у кораблей.

Передовой корабль при вѣтрѣ NO взялъ курсъ на SOtS. Пройдя маякъ, корабль и три парохода, въ числѣ которыхъ былъ и поврежденный, легли на SSW; остальныя суда флота продолжали идти по румбу SOtS.

Въ среду утромъ, адмиралъ *Дондасъ* выслалъ въ Одессу, на австрійскомъ коммерческомъ кораблѣ, 49 человѣкъ шхиперовъ и экипажа, бывшихъ на русскихъ каботажныхъ судахъ, захваченныхъ прежде непріятельскими пароходами, на одесскомъ рейдѣ, у входа въ Очаковскій лиманъ и въ другихъ мѣстахъ. Грозная туча, тяготѣвшая надъ городомъ, исчезла; жители вздохнули свободнѣе, и городъ съ того времени сталъ принимать свой обычный видъ.

Первою мыслію начальствующаго надъ войсками, генералъ-адъютанта *барона Остенъ-Сакена*, было возблагодарить Господа силъ за спасеніе города Одессы (1).

Свѣдѣнія, сообщенныя шкиперами коммерческихъ судовъ, захваченныхъ въ призъ непріятельскими пароходами, съ 1 по 4 апрѣля 1854 года.

2-го апрѣля въ десять часовъ утра подошелъ къ устью Днѣпровскаго лимана, подъ русскимъ военнымъ флагомъ, англійскій пароходъ «Ретрибюшенъ», спустилъ на воду четыре гребныя судна для промѣра глубины, и малымъ ходомъ началъ входить въ лиманъ; но, послѣ перваго выстрѣла съ Кинбурнской крѣпости, поворотилъ въ море, отошелъ на половину разстоянія между Кинбурнскою Косою и островомъ Березанью и, держась здѣсь подъ парами, далъ приказаніе вооруженнымъ гребнымъ судамъ взять стоявшія въ устьѣ лимана на якорѣ купеческія суда. Сначала взяты были четыре требаки, нагруженныя: двѣ — углемъ, одна мукою и одна льномъ; потомъ — шкуна, наконецъ бригъ, къ которому посланы были три вооруженныя гребныя судна, въ предположеніи, что онъ военный. Шкиперъ этого брига, вольный штурманъ *Масловскій*, поставилъ паруса, чтобъ отойти на мель; но по немъ открыта была съ парохода канонада, грозившая потопленіемъ брига, и въ то же время его настигли гребныя суда, съ которыхъ взошли на бригъ три офицера и тридцать человѣкъ вооруженныхъ матросовъ и, арестовавъ экипажъ судна, направили бригъ въ Одессу. Около восьми часовъ вечера, всѣ арестованныя суда, конвоируемыя пароходомъ, положили якорь на взморьѣ одесскаго рейда, подлѣ арестованныхъ прежде того пяти купеческихъ судовъ. На разсвѣтѣ третьяго числа, каменный уголь, находившійся на лодкахъ, былъ перегруженъ на пароходы, а остальной грузъ — на захваченный прежде того бригъ, «Графъ Никитинъ». Взятые въ плѣнъ на судахъ люди были свезены на французскій паро-

(1) Морской Сборникъ 1854 г. № 5

ходъ «Декартъ» и англійскій — «Ретрибюшенъ», по двадцати восьми человѣкъ на каждый.

На разсвѣтѣ четвертаго апрѣля, пароходы «Декартъ» и «Ретрибюшенъ», взявъ на буксиръ всѣ арестованныя суда, отправились къ острову Фидониси. Плаваніе продолжалось весьма медленно, не смотря на попутный N вѣтръ. Пароходы часто, особенно ночью, то отходили въ море, то придерживались къ берегу. Шестаго числа, около полудня, по прибытіи къ острову Фидониси, суда поставлены были на якорь, въ пяти миляхъ отъ острова къ востоку: два парохода стали около судовъ; чрезъ нѣсколько времени подошелъ еще одинъ англійскій пароходъ и тутъ же сталъ на якорь. Утромъ седьмаго числа прибылъ англійскій пароходъ съ повелѣніемъ бомбардировать Сулинъ, почему всѣ четыре парохода пошли къ сулинскому устью. Шедшій впереди англійскій пароходъ подошелъ къ берегу такъ близко, что сталъ на мель. По перегрузкѣ на малый пароходъ достаточнаго количества угля и послѣ шести часовъ большихъ усилій, пароходъ, помощію машины, верповъ и пособіемъ трехъ прочихъ пароходовъ, былъ снятъ. Въ это время подошедшее іоническое судно извѣстило, что въ Сулинѣ нѣтъ никого, кромѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей, и всѣ они не русскіе, и что самое устье Дуная нисколько не укрѣплено. Поэтому бомбардировка была отмѣнена, и пароходы, вечеромъ того же дня, отправились къ острову Фидониси. Всю ночь пароходы продержались въ морѣ подъ парами, а утромъ въ восемь часовъ прибыли къ острову и стали на якорь, на прежнемъ мѣстѣ.

Въ два часа по полудни прибыли два англійскіе парохода съ повелѣніемъ слѣдовать въ Одессу. Эти три парохода прибыли туда 9-го числа утромъ къ эскадрѣ, стоявшей уже на якорѣ, оставивъ четвертый пароходъ у призовыхъ судовъ. Плѣнные были свезены съ парохода «Декартъ» на французскій трехъ-дечный корабль: «Ville de Paris», подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, а съ парохода «Ретрибюшенъ» на англійскій трехдечный корабль, на которомъ находился адмиралъ Дондасъ.

Шхипера единогласно показываютъ, что какъ парохо-

ды, такъ и корабли союзнаго флота комплектованы экипажами весьма дурно, людьми, набранными большею частію съ коммерческихъ судовъ разныхъ націй, и то въ ограниченномъ числѣ; людьми, не привыкшими къ морю и несвѣдущими въ морской службѣ, въ числѣ которыхъ находится много не свыше двѣнадцатилѣтняго возраста (на кораблѣ, на которомъ находится Дондасъ, такихъ около двухъ сотъ человѣкъ). Замѣчено также отсутствіе всякой дисциплины. Маневры производились медленно и съ шумомъ. Между матросами, и даже между офицерами, весьма часто обнаруживается ропотъ за дурную провизію, которой, впрочемъ, имѣютъ еще на пять мѣсяцевъ; но въ свѣжей провизіи совершенный недостатокъ, не только для офицерскаго стола, но и для больныхъ. На корабляхъ вообще много больныхъ и значительная смертность.

О послѣдствіяхъ канонады, происходившей 10-го числа, шхипера показываютъ слѣдующее: 1) Въ корпусъ французскаго парохода попало два каленыя ядра, отчего онъ загорѣлся; по этому онъ былъ отведенъ другимъ пароходомъ къ эскадрѣ, и съ двухъ кораблей посланы на него пожарные инструменты, для потушенія огня. 2) Въ фрегатъ, подходившій къ батареѣ № 1-й (у дачи графини Ланжеронъ) попало два ядра, на вылетъ чрезъ оба борта; однимъ оторвало ноги командиру фрегата, и съ тѣмъ вмѣстѣ убито и ранено до шести человѣкъ. 3) Когда пароходы, послѣ боя, возвращались къ эскадрѣ, каждый изъ нихъ имѣлъ пробоины, что особенно замѣтно было на кожухахъ. 4) На пароходѣ «Фюри», подходившемъ 11-го числа, также замѣтно было поврежденіе, и хотя отъ нашихъ людей скрывали, но къ нимъ доходили слухи, что на этомъ пароходѣ убитъ кто-то изъ лицъ значительныхъ, что въ пароходъ попало четыре ядра, и что осколками мачты изувѣчено четыре человѣка. 5) Число убитыхъ и раненыхъ считаютъ до тридцати пяти.

На эскадрѣ часто и много говорили о томъ, что одесская батарея стрѣляла по переговорному флагу; на это наши возражали, что нѣсколько выстрѣловъ съ ядрами сдѣлано потому, что съ батарей замѣчено было, что на-

роходъ весьма близко подходилъ къ берегу и производилъ съемку.

Шхиперъ Масловскій показалъ, что пароходъ «Ретрибюшенъ», по видимому, донесъ своему адмиралу, что 2-го числа апрѣля онъ сжегъ казенный транспортъ. Это онъ заключаетъ изъ вопросовъ, какіе были ему сдѣланы французскимъ адмираломъ, который не хотѣлъ ему вѣрить, что этого не было, и что нашъ пароходъ Турокъ», въ виду парохода «Ретрибюшенъ», отвелъ транспортъ въ Николаевъ.

На вопросъ о глубинѣ въ лиманѣ, наши шхипера отвѣчали, что тамъ не больше одиннадцати футовъ, и когда адмиралъ съ неудовольствіемъ возразилъ: какимъ же образомъ проводятъ корабли? отвѣчали, что ихъ проводятъ на камеляхъ.

Удивлялись, какимъ образомъ могла держаться одна пушка, которая дѣйствовала безъ умолку, и спрашивали: не привязаны ли люди къ этой пушкѣ? Плѣнные отвѣчали, что люди привязаны къ каждой изъ пушекъ въ исполненіе своего дѣла, а въ настоящее время пушки наши не дѣйствуютъ потому, что пароходы внѣ ихъ выстрѣловъ.

Спрашивали: такъ ли укрѣпленъ Очаковъ какъ Кинбурнъ? Отвѣтъ былъ, что въ Очаковѣ гораздо больше осадныхъ орудій, какъ въ Кинбурнѣ. Какое число войскъ въ Одессѣ? На это отвѣчали, что, сколько имъ извѣстно, число войска простиралось до 60-ти тысячъ пѣхоты, 12-ти тысячъ кавалеріи и двѣсти полевыхъ орудій.

По мнѣнію шхиперовъ, соединенная эскадра отправилась въ Синопъ или куда-либо для снабженія свѣжею провизіею, въ которой на флотѣ весьма нуждались.

Въ рапортѣ вице-адмирала Гамелена (Hamelin), напечатанномъ въ Le Moniteur Universel, № 131, находимъ, что противъ Одессы 10 (20) апрѣля, дѣйствовали слѣдующія французскія суда:

Фрегатъ «Вобанъ» (le Vauban) подъ командою капитана D'Herbinghen. Фрегатъ «Декартъ» (le Descartes) подъ командою капитана Derrieau. Паровой фрегатъ «Могадоръ» (le Mogador), подъ командою капитана Wailly. Паровой

корветъ «Катонъ» (le Caton). подъ командою капитана Pottueau.

Англійскія суда:

Корабль «Санъ-Парейль», подъ командою капитана Dakress. Фрегатъ «Тигръ» (30 апрѣля взятый въ плѣнъ и потомъ взорванный на воздухъ). подъ командою капитана Gifard. Фрегатъ «Самсонъ», подъ командою капитана Jones. Паровой фрегатъ «Террибль», подъ командою капитана Cleverly. Паровой фрегатъ «Фюріозъ», подъ командою капитана L'Oring. Паровой фрегатъ «Ретрибюшенъ», подъ командою капитана Drummont. Паровой корветъ «Гайфлайеръ», подъ командою капитана Moor.

Чрезъ полтора часа послѣ начала канонады въ фрегатъ «le Vauban» попали три каленыхъ ядра. отъ которыхъ онъ загорѣлся. Дѣйствіемъ своихъ пожарныхъ инструментовъ онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ что принужденъ былъ оставить свое мѣсто. Къ полудню пожаръ потушенъ и фрегатъ вступилъ въ линію бомбардирующихъ судовъ. Увидя взрывъ (нѣсколькихъ картузовъ на Щеголевской батареѣ), французы и англичане кричали «ура».

Убитыхъ на фрегатѣ *Вобанъ* два. раненыхъ три.

На англійскихъ судахъ убитъ одинъ, ранено девять ([1]).

Извѣстія съ Чернаго моря.

Сейчасъ (18-го апрѣля) полученъ военнымъ министромъ отъ генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена* 1-го, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, списокъ съ донесенія его главнокомандующему дѣйствующею арміею, отъ 10-го сего апрѣля, о покушеніи, сдѣланномъ противу города Одессы, соединенными англійскимъ и французскимъ флотами.

Военныя дѣйствія сихъ флотовъ открыты въ самый день страстной субботы, и они нисколько не остановили во всѣхъ церквахъ богослуженія: храмы были наполнены на-

([1]) Морской Сборникъ 1854 г. № 5.

родомъ, который, какъ въ обыкновенное время, съ умиленіемъ возносилъ молитвы ко Всевышнему. и въ городѣ всѣ сословія отличались совершеннымъ спокойствіемъ.

Списокъ съ донесенія господину главнокомандующему дѣйствующею арміею, генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена 1-го, отъ 10-го апрѣля 1854 г.

«Вчерашній день непріятельская эскадра, въ числѣ шести трехдечныхъ, тринадцати двухдечныхъ линейныхъ кораблей и девяти пароходовъ, подошла къ Одессѣ и стала на позиціи, правымъ флангомъ противъ батареи № 1-й, въ трехъ верстахъ отъ берега.

«Около четырехъ часовъ по полудни, адмиралы *Дондасъ* и *Гамеленъ*, чрезъ парламентера, прислали ко мнѣ, на англійскомъ и французскомъ языкахъ, одинаковаго содержанія, дерзкое, основанное на лжи, письмо, съ требованіемъ, чтобъ имъ выданы были находившіяся въ Одессѣ англійскія, французскія и русскія суда. Письмо это, какъ они и сами, вѣроятно, ожидали, оставлено мною безъ отвѣта.

«Сегодня, въ шесть съ половиною часовъ утра, девять непріятельскихъ пароходовъ, изъ коихъ одинъ 54-хъ-пушечный и восемь большею частью 32-хъ-пушечные, пройдя внѣ выстрѣла мимо 1-й, или правой батареи, атаковали постепенно остальныя пять батарей, стрѣляя по временамъ и въ городъ; наконецъ обратились всѣ на шестую или лѣвую батарею, устроенную на оконечности Практическаго мола, состоящую изъ четырехъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ; къ пароходамъ присоединился потомъ и линейный 84-хъ-пушечный винтовый корабль.

«Непріятель, пользуясь большимъ калибромъ своихъ орудій, въ особенности 68-ми и 96-ти-фунтовыми бомбическими пушками, не подходилъ на близкое разстояніе, и потому 4-я и 5-я наши батареи, болѣе удаленныя, мало принимали участія въ боѣ, хотя находились подъ выстрѣлами; но 6-я или лѣвая батарея, подъ начальствомъ пра-

порщика *Щеголева* (¹), сражалась сначала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, въ продолженіе шести часовъ; въ послѣднее же время противъ болѣе трехъ сотъ пятидесяти орудій. При всемъ томъ батарея замолчала, и храбрый прапорщикъ *Щеголевъ* вывелъ прислугу только тогда, когда примыкающія къ тылу батареи, стоящія въ гавани суда и мерлоны батареи объяты были пламенемъ. Спокойствіе и самоотверженіе его передались прислугѣ, и передъ концемъ его подвига три непріятельскіе парохода были взяты на буксиръ.

«Будучи самъ свидѣтелемъ столь рѣдкаго мужества, и, по власти мнѣ данной, поздравилъ особенно отличившихся нижнихъ чиновъ помянутой батареи кавалерами знака отличія Военнаго Ордена, и полагаю, что прапорщикъ *Щеголевъ* заслуживаетъ особую награду.

«Между тѣмъ непріятельскіе желѣзные пароходы, не требующіе большой глубины, для окруженія Практическаго мола, сверхъ чаянія, подходили близко къ берегу, и одинъ изъ нихъ отдѣлился даже къ предмѣстію Пересыпь съ гребными лодками, которыя конгревовыми ракетами зажигали наши суда на Практической гавани и строенія на означенномъ предмѣстьѣ. Войска, на лодкахъ находившіяся, пытались сдѣлать высадку, но, встрѣченныя картечью изъ четырехъ полевыхъ орудій резервной № 14-го батареи 5-й артиллерійской дивизіи, подъ прикрытіемъ шести ротъ резервнаго и запаснаго баталіоновъ Томскаго и резервнаго баталіона Колыванскаго егерскихъ полковъ, поставленныхъ въ засадѣ, обращены въ бѣгство къ судамъ и, преслѣдуемыя ядрами, понесли значительную потерю.

«Въ слѣдъ за симъ непріятельскіе линейные корабли отдѣлялись отъ линіи и подходили къ дачѣ генерала Лидерса, для открытія по ней огня, но, встрѣчаемые выстрѣлами изъ батарей № 1-го, 2-го и 3-го, перестрѣливались съ ними и отходили назадъ, что и повторяли нѣсколько разъ.

(¹) Резервной № 14-го батареи 5-й артиллерійской дивизіи.

«Бой продолжался около двѣнадцати часовъ, и въ седьмомъ часу вечера непріятельскій линейный корабль и пароходы потянулись съ лѣваго нашего фланга къ своей позиціи, а линейный корабль, стоявшій противъ 1-й, 2-й и 3-й батарей, отошелъ изъ-подъ выстрѣловъ.

«Непріятельская артиллерія, не смотря на превосходство калибровъ, не имѣла удачи. Батареи наши, отлично устроенныя, нисколько не потерпѣли, исключая 6-й. Убито всего у насъ нижнихъ чиновъ четыре, ранено: состоящій по артиллеріи подполковникъ *Мещерскій* и нижнихъ чиновъ сорокъ пять; контужено нижнихъ чиновъ двѣнадцать.

«Войска, участвовавшія въ бою и остававшіяся въ резервѣ, сражаясь за вѣру, Царя и честь Россіи, одушевлены были безстрашіемъ и примѣрнымъ усердіемъ.

«Явившійся ко мнѣ за часъ до начатія боя, генералъ-адъютантъ *Анненковъ* принималъ особенное участіе въ ходѣ дѣла, и, съ свойственною ему опытностью и распорядительностью, былъ мнѣ весьма полезенъ. Успѣху дѣла также много способствовали: начальникъ штаба 3-го корпуса, генералъ маіоръ *Тетеревниковъ*, начальникъ постояннаго пѣшаго артиллерійскаго резерва, генералъ-маіоръ *Майдель*, командующій одесскимъ гарнизономъ генералъ-маіоръ *Корвинъ-Красинскій;* командовавшій прибрежными батареями, командиръ резервной бригады 5-й артиллерійской дивизіи, полковникъ *Яновскій*, и командовавшій отрядомъ на Пересыпи, Украинскаго егерскаго полка маіоръ *Чемерзинъ*. О прочихъ отличившихся я буду имѣть честь представить Вашей Свѣтлости, по полученіи предетавленія отъ частныхъ начальниковъ.

«Завтра должно ожидать новой атаки непріятеля. Я приказалъ снять мерлоны съ 4-й и 5-й батарей, стѣснявшіе кругъ дѣйствія артиллеріи, и въ продолженіе ночи построить на Пересыпи брустверъ для четырехъ полевыхъ батарейныхъ орудій.—Непріятель, вѣроятно, употребитъ всѣ свои силы; но я добросовѣстно приму неравный бой въ день Воскресенія Христа Спасителя».

Сегодня (18-го апрѣля) вечеромъ получено новое донесеніе отъ генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*, что, въ теченіе 11-го и 12-го чиселъ сего мѣсяца, соединенные англійскій и французскій флоты, атаковавшіе Одессу 10-го, не возобновляли покушеній своихъ противъ города. 11-го числа ими предпринято было только обозрѣніе линіи нашихъ батарей, посредствомъ одного французскаго парохода, но при этомъ пущенная съ одной изъ означенныхъ батарей бомба ударила въ руль парохода и оторвала привязанные къ нему барказы.

13-го числа утромъ непріятельскіе флоты стояли на якорѣ на прежней позиціи (1).

Слово, произнесенное преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 10-го апрѣля 1854 года, въ великую субботу, въ день бомбардированія г. Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французовъ.

И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ собственными главами нашими!... Привѣтствуемъ васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ Мироносицъ, кои также, среди не малыхъ страховъ и опасеній отъ іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. — Вы не оставили его теперь. — Онъ, Преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя *небеса мимо идутъ съ шумомъ*, самыя *стихіи, сжигаемы, запорятся, а земля и, яже на ней, дѣла сгорятъ.*

Тяжкая година надъ нами, братія!—О градѣ нашемъ со всею точностію можно теперь сказать словами св. Давида, яко врази *наши обыщедша обыдоша* насъ, *яко пчелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь въ терніи.* То самое море, которое доселѣ обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды

(1) „Сѣв. Пчела" 1854 г. № 87.

жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышащую. изъ коей несутся на насъ молніи и громы.

Но будемъ ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у живоноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшенъ самый адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду*, говоритъ св. Давидъ. *посредѣ тьмы и сѣни смертныя, не убоюся зла.* Почему? *Яко ты*, Господи. *со мною еси.* Важно по сему не то, что происходитъ теперь. а то. съ кѣмъ теперь Господь: съ нами, или со врагами нашими. — Но можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насъ за враговъ креста Христова? Можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои. будучи сами христіанами. не усрамились сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмущать столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробѣ?— Нѣтъ. если есть кто со врагами нашими, то развѣ Веліаръ и Магометъ. за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь Всеблагій съ нами. кои, аще не чисты и грѣшны есмы, но подвизаемся во славу пресвятаго Имени Его, сражаемся не за наши какія-либо выгоды, а за вѣру православную. за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по вѣрѣ.

И смотрите, какъ Господь видимо показалъ, что Онъ съ нами противъ враговъ нашихъ!—Они могли напасть на насъ когда угодно, но напали именно не въ другое какое либо время, а въ самый день погребенія Господня, какъ бы во свидѣтельство того, что мы ратуемъ именно за крестъ и гробъ Господень. Враги наши, можетъ быть. думали прогорчить этимъ для насъ свое нападеніе. а въ самомъ дѣлѣ они усладили симъ всю его горечь: ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ, у Его животворящаго креста и живоноснаго гроба. *Аще бо*, говоритъ апостолъ, *съ нимъ умрохомъ. то съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ, и воцаримся.* Въ такомъ случаѣ хотя бы кто изъ насъ лишился нынѣ самой жизни. то, при живой вѣрѣ въ силу креста Христова, онъ ничего не потеряетъ, ибо и ему будетъ сказано: *днесь со мною будеши въ раи!*

А враги наши самымъ нападеніемъ на насъ въ сей день потеряли уже невозвратно многое. Всюду, гдѣ услышать о ихъ нечестіи (а гдѣ не услышать?), изумятся и скажутъ: несчастные, развѣ не могли они, изъ уваженія къ общему для христіанъ знаменію спасенія, отложить на время свою злобу и алчность?—А что возглаголетъ и разсудитъ о нихъ Господь? О, *Онъ поругаемъ не бываетъ*! Не желаемъ зла и врагамъ нашимъ, ибо слышали вчера, какъ Господь молился за самыхъ распинателей своихъ: но, памятуя судьбы Божіи въ подобныхъ случаяхъ, не можемъ не сказать, что тѣ, кои дерзнули возмутить покой Господа своего во гробѣ, едва ли сами сойдутъ съ миромъ въ свои собственные гробы...

Если же Господь съ нами, то чего намъ страшиться? Онъ, Всемогущій, защититъ насъ отъ всякаго зла. И смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ уже оскудѣвать оружія: но много ли успѣлъ онъ сдѣлать намъ зла? О имени Господнемъ дерзаемъ увѣрить васъ, что не болѣе сдѣлаетъ намъ зла и до вечера. Ибо кто съ нами, Тотъ сильнѣе того, кто съ ними: лунѣ не затмить солнца. Веліару и Магомету не побѣдить Христа.

И такъ, облобызавъ снова язвы Спасителя, идите съ миромъ, братія мои, въ домы свои, и ждите спасенія отъ Господа, всегда вездѣ спасающаго правыя сердцемъ. За великою субботою всегда слѣдуетъ Свѣтлый день Воскресенія, за настоящею, сугубо-великою для насъ, субботою должно послѣдовать и сугубо-великое Воскресеніе, то есть, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Господа, и наше избавленіе отъ обыдшихъ насъ золъ, и воскресеніе всего православнаго Востока изъ гроба четырехвѣковаго рабства мусульманскаго.

А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, *да не речетъ врагъ* града нашего: *укрыхся на него*! Пусть возлюбленный женихъ душъ, имѣющій въ полунощи изыти изъ гроба, яко

отъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его воскресшаго и съ собою вся совоскресившаго. Аминь (1).

Два новыя донесенія барона Остенъ-Сакена.

Въ дополненіе къ извѣстіямъ о непріязненномъ покушеніи соединенныхъ англійскаго и французскаго флотовъ противъ города Одессы, сообщаются вновь, для общаго свѣдѣнія, полученные сегодня утромъ, два списка съ донесенія генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена* 1-го, къ главнокомандующему дѣйствующею арміею, отъ 13-го и 14-го апрѣля.

1-е донесеніе отъ 13-го апрѣля.

Сегодня англо-французскій флотъ не только ничего противъ Одессы не предпринималъ, но видитъ производимыя нами въ большомъ размѣрѣ работы, и нисколько имъ не препятствуетъ.

Для меня непостижимо это бездѣйствіе; но, во всякомъ случаѣ, видимы благословенное Богомъ наше оружіе и правое наше дѣло. Отпоръ, данный непріятелю съ малыми средствами противъ огромной его артиллеріи, и двѣнадцати-часовое тщетное усиліе сбить прибрежныя батареи— не могли произвести на него впечатлѣнія, тѣмъ сильнѣйшаго, что участвовавшія въ бою суда его болѣе или менѣе потерпѣли.

2-е донесеніе отъ 14-го апрѣля.

Слава Всевышнему! Честь имѣю донести Вашей Свѣтлости, что англо-французская огромная эскадра удалилась отъ Одессы, нанеся ей и войскамъ Его Императорскаго Величества мало вреда, и не смѣя приближаться къ батареямъ, послѣ отпора 10-го числа и наказанія парохода-фрегата, подошедшаго на пушечный выстрѣлъ, для обозрѣнія, 11-го числа.

---

(1) „Херс. Губ. Вѣд." 1854 г. № 28.

Сегодня, въ восемь часовъ утра, снялись съ якоря и пошли, сколько можно замѣтить: три поврежденные парохода-фрегата и одинъ линейный корабль—по направленію на SW., а остальныя на SO.

Вице-адмиралъ *Дондасъ* прислалъ ко мнѣ на австрійскомъ купеческомъ суднѣ, стоявшемъ на рейдѣ, 49 вольныхъ русскихъ шхиперовъ и матросовъ, при письмѣ, которое честь имѣю въ подлинникѣ представить Вашей Свѣтлости.

Во время нахожденія предъ Одессою непріятеля, въ городѣ сохранепъ примѣрный порядокъ и, не смотря на много оставленныхъ жителями домовъ, и нѣкоторыхъ незапертыми, не было ни одного неодобрительнаго случая.

Трогательно было видѣть усердіе жителей: подъ самымъ огнемъ громившей артиллеріи, нѣкоторые разносили солдатамъ съѣстные припасы, на ночь становились съ ружьями на берегу въ окрестностяхъ, для отраженія подъѣзжавшихъ барказовъ, и всѣ, безъ различія націй и вѣроисповѣданій, были проникнуты негодованіемъ на союзниковъ поклонниковъ луны, старавшихся разрушить домы гражданъ и поражавшихъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей; полное сочувствіе ихъ правому дѣлу ясно выражалось. Тосканскій подданный *Жижи-Моки*, служащій боцманомъ въ карантинѣ тридцать лѣтъ, пріобрѣвшій общее уваженіе и любовь, выстроилъ, съ моего дозволенія, на свой счетъ, батарею, вооружаетъ ее шестью 24-хъ-фунтовыми пушками, служившими вмѣсто столбовъ и купленными имъ у города, будетъ дѣйствовать своею прислугою и принимаетъ присягу на подданство Россіи.

Начальники и войска одушевлены примѣрнымъ усердіемъ, безстрашіемъ и чувствомъ долга. Артиллерія покрыла себя новою славою: отсутствіе торопливости, полное спокойствіе, примѣрная стрѣльба, знаніе дѣла начальниковъ и офицеровъ—изъ коихъ большая часть командовавшихъ батареями молодые офицеры, воспитанники корпусовъ — наконецъ, безпримѣрный артиллерійскій подвигъ Щеголевской батареи и ея начальника, показали врагамъ нашимъ, что суда ихъ, вооруженныя орудіями огромнаго

калибра, не могутъ безнаказанно приблизиться къ прибрежнымъ нашимъ батареямъ.

Враги наши не могутъ не видѣть въ этомъ событіи воли защитника правыхъ сердцемъ, проникнутыхъ пламенною преданностью Царю-Помазаннику Божію и любовію къ благочестивому отечеству.

Переводъ письма вице-адмирала Дондаса къ генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену I-му.

Вице-адмиралъ Дондасъ имѣетъ честь увѣдомить его превосходительство генералъ-адъютанта Его Величества Императора Всероссійскаго, барона *Остенъ-Сакена*, что такъ какъ соединенныя эскадры не желаютъ удерживать долѣе, чѣмъ было необходимо, небольшое число русскихъ купеческихъ матросовъ (всего 49 чел.), захваченныхъ ими въ плѣнъ, то онъ передалъ ихъ австрійскому судну, съ тѣмъ, чтобъ они были имъ высажены въ Одессѣ (1).

J. W. DUNDAS.

Корабль Ея Британскаго Величества „Британія“,
у Одессы, 12-го (24-го) апрѣля 1854 года.

Первый выстрѣлъ союзниковъ магометанъ въ христіанскій городъ Одессу (2).

I.

Въ страстную пятницу, около четырехъ часовъ по полудни, православные толпами выходили изъ церквей, отслушавъ вечерню. Сердце каждаго христіанина исполнено было умиленія и содрогалось еще отъ божественныхъ словъ благовѣстителя о страстяхъ Господнихъ. Приложившись къ пречистой плащаницѣ и облобызавъ нетлѣнныя раны добровольцо пострадавшаго за насъ Искупителя.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 89.

(2) Этотъ разсказъ почерпнутъ изъ частныхъ писемъ, полученныхъ изъ Одессы. *Примѣч. редак. Сѣв. Пчел.*

каждый проникнутъ былъ до глубины души таинствомъ искупленія и вознесся мыслію въ горнія, *идѣ же нѣсть болѣзнь, ни воздыханія*. Православные, выходя изъ церкви, повторяли поученіе, почерпаемое каждымъ христіаниномъ у гроба Господня. «Коль Сынъ Божій пострадалъ за насъ, грѣшныхъ, намъ ли жалѣть живота для защиты православія»?

Вдругъ разнесся слухъ, что въ виду города показались англо-французы. Народъ, услышавъ это извѣстіе, не упалъ духомъ, не пришелъ въ уныніе, но, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, устремился густыми толпами на берегъ моря, посмотрѣть на невиданное зрѣлище, убѣдиться собственными глазами, что англо-французы не однимъ словомъ, *а дѣломъ* дерзаютъ грозить христолюбивому воинству и народу.

Высоко еще стояло солнце на небѣ, озаряя золотистыми лучами зеркальную поверхность совершенно спокойныхъ водъ необъятнаго моря. Безоблачный, лазурный небосклонъ, склоняясь къ морю, замыкалъ горизонтъ, на которомъ рѣзко обрисовывались черные очерки громадныхъ непріятельскихъ кораблей. Двадцать восемь судовъ различныхъ размѣровъ выстроились на стражѣ полукругомъ, угрожая пока издали заступникамъ Животворящаго Креста. Тишина прекраснаго весенняго вечера нарушалась лишь говоромъ собравшейся толпы на берегу моря (1).

II.

«Вишь вороны,» замѣтилъ дюжій мужичекъ, расправляя окладистую русую бороду: «вишь плавать научились! Эва-та крылья распустили, да клюва завострили. А что, служба.—продолжалъ мужичекъ, обращаясь къ проходящему солдату, – чай нехристи припасли не малую толику *крупнаго гороху* православнымъ на угощенье?»

— Не замай —отвѣчалъ солдатъ —пусть ихъ куражат-

(1) Слѣдующіе разговоры приведены нами съ намѣреніемъ показать необычайное спокойствіе и присутствіе народнаго духа во время подобныхъ тяжелыхъ и важныхъ обстоятельствъ. *Примѣч. редак. Спв. Пчелы.*

ся: они намъ гороху подсеютъ, а мы уважимъ ихъ да киселя наваримъ.

«А для чего жь они такъ далеко остановились? Почитай вереты съ три отъ пристани будетъ.» сказалъ парень изъ толпы: «аль кого еще поджидаютъ, что ли?»

— Вишь, говорятъ, отписали начальнику нашему грамоту: выдавай-молъ корабли, а не то такъ-и-такъ живьемъ возьмемъ, камень на камнѣ не оставимъ, церкви Божіи разоримъ... А вотъ начальство и отвѣту не дало, а только плюнуло ворогу въ бороду: «полѣзай молъ самъ въ печь, да хлѣбъ доставай, коли ѣсть хочешь». Вотъ они, я-чай, и выжидаютъ, пока печь истопится, да *ухваты* снаряжаютъ, а мы кочергой помѣшиваемъ, да дровецъ подкидываемъ.

Въ это время нѣкоторыя суда соединеннаго флота пришли въ движеніе, медленно выступая впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ приблизиться къ пристани. Народъ, замѣтивъ это, умолкъ на минуту, съ любопытствомъ слѣдя за движеніемъ непріятельскихъ пароходовъ; при воцарившемся молчаніи до толпы долетали звуки веселой музыки, расположенной на палубѣ линейныхъ кораблей, замыкавшихъ непріятельскую операціонную линію.

«Тьфу ты», замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ: «и въ страстную пятницу пѣсни играютъ, да еще душегубство замышляютъ. Съ нами крестная сила! Прости, Господи!»

И весь народъ снялъ шапки и набожно перекрестился.

Между тѣмъ, девять пароходовъ медленно выступали, стройно равняясь въ одну линію, и, наконецъ, повернувшись бортомъ къ угрожаемому городу, бросили якоря и выстроились внѣ пушечнаго выстрѣла.

«Что жь это они? аль палить сбираются?» заговорилъ статный парень, засучивъ рукава и по-молодецки подбоченясь.

«Эхъ ты, пустая голова,» прервалъ его служивый: «далече больно! зубъ не хватитъ; вишь ты, солнышко садится, на ночлегъ собрались, якоря спустили».

Дѣйствительно, небесное свѣтило быстро склонялось

къ горизонту; черные очерки кораблей, казалось, принимали еще болѣе громадные размѣры, и весь западъ покрылся пурпуровымъ отливомъ, какъ бы краснѣя за недостойные поступки западныхъ державъ. Вскорѣ наступили сумерки; на корабляхъ показались сторожевые огни, а народъ все толпился на берегу моря.

«Полно вамъ тутъ глазѣть, ребята,» сказалъ наконецъ одинъ изъ присутствующихъ: «пошли по домамъ, а то ужо ударитъ колоколъ къ заутрени, а вы и глазъ не продерете».

«Вѣстимо правда, что дѣло такъ дѣло!» И толпы стали расходиться, оставивъ наблюденіе надъ дѣйствіемъ враговъ неусыпному русскому воинству, денно и нощно защищающему предѣлы благословеннаго отечества.

III.

Въ три часа пополуночи (съ пятницы на субботу) зазвучалъ соборный колоколъ; священному призыву отозвались во всѣхъ церквахъ, и вскорѣ *храмы наполнились народомъ, который, какъ въ обыкновенное время, съ умиленіемъ возносилъ молитвы ко Всевышнему* (1).

Началось поучительное, трогательное богослуженіе, въ которомъ каждое слово гласитъ о небесной любви къ роду человѣческому божественнаго нашего Искупителя Іисуса Христа.

Стеченіе православныхъ такъ увеличилось, что паперти и окрестности церквей покрылись молящимися. Блистательное освѣщеніе внутренности храмовъ, зажженныя свѣчи молящихся извнѣ ярко озаряли христіанскій городъ, составляя рѣзкую противоположность съ мракомъ, въ которомъ утопали грозящіе союзники невѣрныхъ.

Долго православные возносили теплыя мольбы къ Престолу Всевышняго, забывая земныя угрозы и внимая въ силу небесныхъ обѣтованій. При возгласѣ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ,» съ *востока* показалось дневное свѣтило, и, разсѣявъ мракъ, покрывающій поборни-

(1) См. донесеніе генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена.

ковъ исламизма, вновь изобличило преступные ихъ замыслы.

Пока храмы оглашались божественнымъ пѣніемъ «Слава въ вышнихъ Богу», непріятельскіе корабли быстро приближались къ городу, какъ бы движимые чудовищною, адскою злобою и желая покорать спокойно молящихся христіанъ.

Наконецъ началось шествіе погребенія пречистаго тѣла Господня; изъ отверзтыхъ дверей храмовъ показались хоругви, образа, церковнослужители, поющіе «Святый Боже, святый крѣпкій», и пречистая плащаница. При появленіи шествія, народъ, находившійся внѣ церкви, съ умиленіемъ преклонилъ колѣни, и въ эту самую минуту воздухъ поколебался отъ сильнаго взрыва, содрогнулись далекія окрестности—злодѣяніе совершилось, и непріятель пустилъ первое ядро въ христіанскій городъ; но злобное ихъ нетерпѣніе не увѣнчалось успѣхомъ: православные невредимо продолжали шествіе, и только къ пѣнію клироса присоединились голоса народа, спокойно и съ упованіемъ на благость Всевышняго воспѣвавшіе «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!»

IV.

По окончаніи утрени, почти все народонаселеніе собралось на берегу моря. Никто не помышлялъ объ опасности, и каждому хотѣлось полюбоваться храбростью, хладнокровіемъ, стойкостью славнаго нашего воинства. Озлобленные враги подходили ближе и ближе къ нашимъ батареямъ, предполагая устрашить многочисленностью своихъ орудій, но наши упорно отвѣчали имъ, и храбрый прапорщикъ *Щеголевъ* доказалъ имъ, что и четыре орудія не легко заставить умолкнуть даже громомъ трехъ сотъ пятидесяти пушекъ.

Не намъ описывать доблести русскаго оружія: онѣ запишутся на скрижаляхъ отечественной исторіи; но напомнимъ здѣсь, что бой продолжался около двѣнадцати часовъ, и что непріятельскія суда, не смотря на ихъ многочисленность и прочное вооруженіе, отошли въ первый

день изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ батарей, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи.

Неоднократно командующій войсками посылалъ сказать жителямъ, и въ особенности женщинамъ, толпившимся на бульварѣ и на пристани, что они безполезно подвергаются опасности, но они отвѣчали, что «жизнь ихъ и смерть въ волѣ Божіей, а что русское сердце просится оставаться тамъ, гдѣ подвизаются защитники родины».

Очевидцы разсказываютъ, что, во время бомбардированія, два юные воспитанника лицея, желая быть полезными, добровольно передавали приказанія командующаго на 6-ю батарею, находившуюся подъ начальствомъ прапорщика *Щеголева*, на которую преимущественно устремлялись выстрѣлы непріятеля.

Богъ охранилъ юныхъ ревнителей-новобранцевъ: они вышли невредимо изъ перваго подвига, совершеннаго ими на защиту отечества.

Командующій одесскими войсками оканчиваетъ донесеніе свое слѣдующими словами: «Завтра непріятель вѣроятно употребитъ всѣ свои силы, но я добросовѣстно приму неравный бой въ день Воскресенія Христа Спасителя».

Не разсѣялся еще дымъ, столбомъ стоявшій надъ городомъ отъ недавняго бомбардированія, не успокоились еще окрестности отъ страшныхъ потрясеній непріятельскихъ орудій, какъ соборный колоколъ вновь зазвучалъ, призывая къ молитвѣ и вскорѣ храмы огласились общимъ торжественнымъ пѣніемъ: «Христосъ воскресе!» Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его (1)!

Ростиславъ.

Подвиги студентовъ Одесскаго Ришельевскаго лицея.

Во время бомбардированія Одессы англо-французскимъ флотомъ, сочувствіе къ правому дѣлу и негодованіе къ врагамъ вызвали даже юношей, едва вышедшихъ изъ отроческаго возраста, студентовъ Ришельевскаго лицея: *Деми-*

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 90.

нистра. *Скоробогатова* и *Шуля*, на совершеніе подвиговъ мужества и самоотверженія.

Деминистръ и *Скоробогатовъ*. въ самомъ пылу боя. неоднократно ходили на батарею № 6-го, на которую были сосредоточены выстрѣлы непріятельскихъ пароходовъ. и приносили генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену* отъ прапорщика (нынѣ штабсъ-капитана) *Щеголева* необходимыя свѣдѣнія. Студентъ же *Шуль*, видя, что крестьянинъ. везшій заряды на воловьемъ возѣ для батареи № 6-го (нынѣ *Щеголевской*). съ испуга бросилъ возъ и бѣжалъ. вскочилъ на повозку и, сквозь градъ летящихъ ядеръ, бомбъ и гранатной картечи. привезъ заряды по назначенію.

По докладу о семъ Государю Императору, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: студентовъ *Деминистра*, *Скоробогатова* и *Шуля* записать на службу портупей-прапорщиками, и Всемилостивѣйше пожаловалъ имъ знаки отличія военнаго ордена (1).

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи, командиру 3-го пѣхотнаго корпуса барону Остенъ-Сакену 1-му.

Въ тотъ самый день, когда собравшіеся въ православныхъ храмахъ жители Одессы совершали память о погребеніи распятаго за искупленіе человѣчества Сына Божія, союзники враговъ Его Святаго Имени посягнули на разрушеніе сего города — мира и торговли, въ коемъ Европа всегда находила отверзтыя житницы въ тяжкіе для нея неурожайные годы. Соединенные англійскій и французскій флоты, въ продолженіе двѣнадцати часовъ, громили наши батареи, жилища гражданъ и стоящія въ гавани купеческія суда. Но неустрашимыя войска, лично вами руководимыя и исполненныя твердаго упованія на Всевышняго Покровителя праваго дѣла, со славою отразили упорный натискъ непріятеля на берегъ, принявшій во времена апостольскія

(1) „Сѣв. Пч." 1854 г. № 94.

Святаго Предвозвѣстника вѣры христіанской въ благословенномъ нашемъ отечествѣ. Геройская стойкость и самоотверженіе войскъ, воодушевленныхъ вашимъ примѣромъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ; городъ спасенъ отъ разоренія, и непріятельскіе флоты скрылись въ море. Въ справедливое воздаяніе за сей блистательный подвигъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны (¹).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ, 21-го апрѣля 1854 года.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Жителямъ нашего любезно-вѣрнаго города Одессы.

Англійскій и французскій флоты, войдя въ Черное море, устремились тому нѣсколько дней на мирный и открытый европейской торговлѣ городъ Одессу.

Генералъ-адъютантъ баронъ *Остенъ-Сакенъ*, свидѣтельствуя о блистательномъ мужествѣ, съ которымъ покушенія непріятеля отражены были военною силою, довелъ также до Нашего свѣдѣнія, что, среди угрожавшей жителямъ опасности, внутреннее спокойствіе соблюдалось ими безъ малѣйшаго нарушенія, и что они, съ примѣрнымъ усердіемъ, исполняли всѣ распоряженія мѣстныхъ властей.

Сознаніе долга, указуемаго святою вѣрою и преданностью къ престолу, одушевляетъ, къ искреннему утѣшенію Нашему, всѣхъ любезныхъ намъ вѣрноподданныхъ. Въ Одессѣ же достохвальное чувство это явилось въ полномъ развитіи подъ громомъ непріятельскихъ орудій.

Твердость и самоотверженіе жителей сего города не могли не обратить на себя Нашего вниманія, и Намъ пріятно

(¹) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 90.

изъявить всѣмъ сословіямъ онаго, по этому случаю, особенное Наше благоволеніе (¹).

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ 26-го апрѣля 1854 г.

Письмо изъ Одессы къ А. К.

Вы хотите знать, что у насъ дѣлалось на страстной и свѣтлой недѣлѣ. Не берусь вполнѣ удовлетворить вашему желанію: для этого нужно было бы имѣть крылья и сотню глазъ. Я передамъ вамъ только личныя свои впечатлѣнія: но какъ эти впечатлѣнія похожи на впечатлѣнія очень многихъ, оставшихся въ это время въ Одессѣ, то я надѣюсь, что отчасти удовлетворю вашему желанію.

Послѣ появленія на нашемъ заливѣ трехъ непріятельскихъ пароходовъ (1-го апрѣля), которые на нашихъ глазахъ гонялись за херсонскими лодками и стрѣляли по нимъ, многія семейства, жившія въ приморскихъ частяхъ, стали выѣзжать изъ Одессы, или перебираться въ болѣе удаленныя отъ моря части города и за городъ. Движеніе это сдѣлалось особенно чувствительнымъ съ страстнаго четверга.

Но въ страстной четвергъ, когда 19 непріятельскихъ линейныхъ кораблей и 9 пароходовъ постепенно выстраивались въ длинную линію въ виду нашего города, когда экипажи съ пожитками и горожанами стремились въ предмѣстье Молдованку и за заставы — густыя и еще болѣе многочисленныя толпы горожанъ и жителей предмѣстьевъ стремились на бульваръ, на дачу графини Ланжеронъ и къ другимъ приморскимъ мѣстамъ. Весь берегъ, отъ дома князя Воронцова до биржи и, съ другой стороны, до дачи

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 96. Жителямъ наиболѣе пострадавшимъ при бомбардированіи Всемилостивѣйшее пожаловано въ пособіе 6,539 руб. Списокъ получившихъ пособіе и подробности раздачи его см. „Рус. Инв.“ 1854 г. № 184. Торжество объявленія грамоты и описаніе церемоніи, происходившей по этому случаю, см. Сѣв. Пчел. 1854 г. № 118. *Ред.*

графини Ланжеронъ, былъ густо унизанъ чернѣвшеюся массою народа. Съ бульвара нельзя было видѣть всей линіи непріятельской: она скрывалась за карантиннымъ мысомъ. Но съ дачи графини Ланжеронъ она была видна, какъ на ладони: въ хорошую зрительную трубу можно было не только видѣть подаваемые эскадрѣ знаки съ флагманскаго корабля и считать пушки, но и замѣчать движеніе на палубахъ. Часовъ въ семь, насмотрѣвшись вдоволь на непріятельскую эскадру, я возвратился въ городъ, мало заботясь о разныхъ толкахъ, доходившихъ въ тотъ вечеръ до моего слуха.

Прошла пятница. Въ этотъ день переселеніе усилилось, любопытные по вчерашнему покрывали берегъ.

На другой день, часовъ въ 7, меня разбудили словами: «вставайте — бомбардируютъ городъ»! Я всталъ и отворилъ форточку: рокотъ пушечной пальбы гремѣлъ въ воздухѣ. Я напился чаю, одѣлся и вышелъ. Пройдя кварталъ Ямской улицы, на которой я квартирую, я поворотилъ на Гулевую и достигнулъ Соборной площади. Здѣсь стояли отряды пѣхоты, улановъ и артиллеріи; кой-гдѣ варили кашу. Гулъ канонады слышенъ былъ здѣсь очень ясно: изрѣдка только можно было различать отдѣльные выстрѣлы; большею же частью это былъ несмолкаемый трескъ, разрываемый вѣтромъ, и то ярко, то слабѣе доносившійся до слуха. Дойдя до гауптвахты, я поворотилъ на Преображенскую, и остановился на углу, чтобъ оглянуться; предо мной была Соборная площадь, съ примыкающими къ ней улицами: видъ знакомый и въ то же время новый. Площадь превратилась въ военный станъ: улицы казались просторнѣе и шире отъ отсутствія обычнаго на нихъ движенія. Движеніе было на нихъ, но иное, нежели къ какому привыкли глаза мои: экипажей почти нигдѣ не было видно; верховые — военные, полицейскіе и горожане — проносились по разнымъ направленіямъ; уланскіе пикеты мѣрнымъ шагомъ двигались мимо домовъ; пѣшеходы поспѣшно шли по направленію къ морю. Видъ улицъ и движеніе по нимъ пѣшеходовъ напоминало мнѣ то одесское время, когда наступаютъ первые холодные осенніе дни, когда выходя, изъ

дому по дѣлу, покрѣпче заворачиваешься въ теплое пальто и быстро мчишься по улицѣ, ни съ кѣмъ не останавливаясь.

Я пошелъ мимо Европейской гостиницы. Не доходя дома Джуиковскихъ, я вдругъ увидѣлъ, какъ всѣ прохожіе бросились къ одному мѣсту; я послѣдовалъ примѣру прочихъ. Толпа окружила какого-то мастероваго, который, стоя безъ фуражки, протиралъ себѣ глаза: бомба, упавшая неподалеку, засыпала ему глаза пескомъ. Рокотъ канонады не позволилъ никому изъ насъ слышать ея разрыва. Первымъ дѣломъ мастероваго, когда онъ протеръ себѣ глаза, было искать осколковъ бомбы, и, дѣйствительно, прохожіе подобрали нѣсколько кусковъ ея, разметанныхъ по улицѣ.

Я остановился въ нерѣшительности. Часть прохожихъ пошла къ приморскому концу Преображенской, другая часть поворотила назадъ. Я поворотилъ налѣво, прошелъ Елисаветинскую улицу, вышелъ на Торговую и, дойдя до бывшаго дома Малахова, остановился на береговой возвышенности, откуда идетъ пѣшеходный спускъ къ заводу Фалька. Здѣсь было множество народа, слѣдившаго за дѣйствіями громадныхъ непріятельскихъ пароходовъ; они окружали оконечность Практическаго мола и громили его со всѣхъ сторонъ, направляя выстрѣлы и на обращенную къ нимъ часть города; когда вѣтеръ разносилъ дымъ, впереди пароходовъ видѣлись канонирскія лодки, пускавшія конгревовы ракеты. Полетъ ядеръ и бомбъ можно было слѣдить, но не глазомъ, а слухомъ: за выстрѣломъ слѣдовалъ визгъ, который изъ рѣзкаго постепенно переходилъ въ слабый и внезапно смолкалъ при достиженіи цѣли; по самому тону визга, болѣе тонкаго или густаго, можно было догадываться о меньшемъ или большемъ калибрѣ снаряда. Разрывъ бомбъ въ воздухѣ ясно былъ видѣнъ: не видя полета бомбы, мы вдругъ видѣли надъ собою небольшое, ярко опредѣленное облачко дыма. Полетъ ракетъ можно было хорошо различать: онѣ, подымаясь, быстро вращались и оставляли за собою длинную струю дыма. Я хотѣлъ сосчитать число выстрѣловъ въ минуту; но мнѣ не удалось, хотя я нѣсколько разъ принимался за эту работу. Послѣ

нѣсколькихъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ. вдругъ раздавался залпъ цѣлаго борта или рокотъ нѣсколькихъ одновременныхъ выстрѣловъ. Не считая этихъ залповъ и совокупныхъ выстрѣловъ, я насчитывалъ отдѣльныхъ выстрѣловъ отъ 15-ти до 25-ти въ минуту. Занимаясь этими наблюденіями, я однакожъ не могъ не обратить вниманія и на то, что дѣлалось вокругъ меня. Нѣсколько русскихъ мужичковъ беззаботно лежали спиною вверхъ на самомъ краю обрыва, и, подпершись руками и болтая ногами, смотрѣли на бой. Другіе, стоя тутъ же, всякій зарядъ, пролетавшій высоко надъ ними или разсыпавшійся внизу обрыва, сопровождали смѣхомъ, прибаутками и насмѣшливыми жестами. Словомъ, они дразнили ближайшій къ намъ пароходъ, вызывая его стрѣлять по себѣ. Не знаю, замѣтилъ ли непріятель эти движенія, или просто замѣтилъ толпу народа, только это не была случайность: была минута, когда нѣсколько, одинъ въ слѣдъ за другимъ пущенныхъ снарядовъ провизжали вблизи насъ съ такою выразительностью, что большинство зрителей нагнулись, а остальные прилегли на-земь. Явно было, что стрѣляли по насъ. Одна изъ бомбъ ударила въ сосѣдній магазинъ и прошла сквозь двѣ стѣны на вылетъ; другая ударила въ домъ преосвященнаго, отшибла уголъ у церкви и упала во дворъ; третья влѣпилась въ домъ Скаржинскихъ, четвертая въ домъ Мавро, въ квартиру нашего военнаго губернатора, нѣкоторыя упали вблизи этихъ мѣстъ и цѣсколько дальше. Не успѣлъ я оглянуться, какъ наши мужички снова были на ногахъ и принялись за прежнюю забаву. Не смотря на всю серьезность, которую я чувствовалъ въ эти минуты, я не могъ удержаться отъ улыбки, воображая себѣ бѣшенство пароходныхъ джентльменовъ, которые, не смотря на страшные свои снаряды, не могли разогнать толпы безпечно-смѣющагося надъ ними народа.

Отсюда я пошелъ на бульваръ, чрезъ Херсонскую и Дерибасовскую улицы, держась постоянно лѣваго тротуара, какъ болѣе безопаснаго, потому что онъ со стороны моря былъ подъ защитою зданій. На Херсонской я узналъ, что въ домъ, занимаемый нашимъ военнымъ начальникомъ,

генераломъ *Остенъ-Сакеномъ*, упало нѣсколько бомбъ. На Дерибасовской улицѣ, въ домѣ г-жи Маріи, я увидѣлъ огромное отверстіе, пробитое бомбой, попавшею въ лавку француза, ружейника Фурни. Напротивъ этой лавки, въ банковскомъ домѣ, бомба, упавшая во дворъ, вырыла огромную яму. Завлеченный туда прохожими, останавливавшимися у воротъ, и осматривая съ ними эту бомбу, я прочелъ на ней клеймо: «Toulon».

На бульварѣ я засталъ большое стеченіе народа. На пространствѣ отъ дома князя Воронцова до биржеваго зданія и за нимъ были толпы зрителей. Здѣсь находился и генералъ *Остенъ-Сакенъ* съ своимъ штабомъ. Отсюда видна была вся непріятельская эскадра, стоявшая въ боевой линіи, въ виду бульвара. Когда, неподалеку отъ генералъ-губернаторской канцеляріи, молодой человѣкъ, лѣтъ 17-ти. *Стремецкій*, былъ смертельно раненъ осколкомъ бомбы, попавшимъ ему между груди и плеча, лѣвая сторона бульвара до лѣстницы опустѣла. Но и у лѣстницы не долго оставались зрители: бомба ударила въ пьедесталъ монумента дюка де-Ришелье и заставила ихъ отодвинуться еще далѣе на правую половину бульвара, къ биржѣ. У лѣстницы остался одинъ только человѣкъ: это былъ мужчина лѣтъ сорока, низенькій, плечистый, стоявшій у перилъ по правую руку лѣстницы; онъ такъ пристально слѣдилъ въ лорнетъ за движеніемъ снявшагося съ позиціи линейнаго корабля, что не замѣтилъ ни бомбы, ударившей въ монументъ, ни движенія народа послѣдовавшаго за этимъ. Генералъ *Остенъ-Сакенъ*, находившійся у праваго павильона, подошелъ къ нему.

— Этотъ корабль идетъ, кажется, на помощь къ своимъ пароходамъ, сказалъ онъ наблюдателю.

— Да, ваше высокопревосходительство.

— Что на немъ бѣлѣетъ у самаго носа?

— Это кливера, малые носовые паруса, которые облегчаютъ повороты кораблю.

— Вы отставной морякъ?

— Нѣтъ, я русскій купецъ.

Въ эту минуту мальчикъ, взбѣжавшій снизу на буль-

варную площадку лѣстницы, вышвырнулъ изъ полы огромную бомбу и, толкнувъ ее ногою, покатилъ ее впередъ по бульвару.

— Что ты дѣлаешь? закричалъ ему кто-то: разорветъ!

— Не-боясь, не разорветъ: она теперь у меня въ полону!

Вскорѣ я увидѣлъ этого самаго мальчика и русскаго купца, поспѣшно бѣжавшихъ къ морю внизъ по лѣстницѣ. Они достигли конца ея, поворотили къ дому Потапова и исчезли изъ виду. Минутъ черезъ 15, они снова показались на ней, таща огромную бомбу. Когда имъ оставалось сдѣлать послѣдній уступъ, на площадкѣ предъидущаго упала и разорвалась граната. Они взбѣжали на бульваръ и ушли съ своими трофеями по направленію къ клубу.

— Безразсудство! замѣтилъ возлѣ меня кто-то изъ свидѣтелей этого случая.

Скажите лучше: безпечная отвага—признакъ природнаго безстрашія!

Между тѣмъ, на бульварѣ показался мужчина, ведя подъ руку молодую женщину, бодро и съ любопытствомъ спѣшившую впередъ. Они шли къ мѣсту, гдѣ виднѣлась группа сѣрыхъ шинелей и блистали каски свиты нашего военнаго начальника. Увидѣвъ ихъ, генералъ *Остенъ-Сакенъ* сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, обратившись къ бодро выступавшей дамѣ, замѣтилъ ей:

— Неужели вы не боитесь?

— Развѣ я не русская? смѣло отвѣтила она.

И она повлекла впередъ своего спутника (¹).

Я прошелъ къ биржѣ. Здѣсь было самое многолюдное стеченіе зрителей, у перилъ, передъ зданіемъ и по обѣимъ сторонамъ зданія. Отсюда я долго смотрѣлъ, какъ восемь пароходовъ и линейный корабль, будто разъяренные звѣри, бѣшено ревѣли, извергая опустошительный огонь въ оконечность Практическаго мола. И эта оконечность, едва замѣтная точка въ сравненіи съ окружавшими ее врагами,

---

(¹) Д-ца Видманъ со своимъ отцомъ. См. № 45 Од. В., гдѣ разсказанъ этотъ случай, оффиціально намъ сообщенный.

которую, казалось, одинъ пароходъ могъ разгромить въ прахъ, рѣшившись стать къ ней близко лицомъ къ лицу, эта малая точка жила и дѣйствовала, показывала присутствіе въ себѣ души, не молчала, страшила соимище враговъ, устранявшихся отъ ея выстрѣловъ, держала ихъ въ почтительномъ отдаленіи. Я видѣлъ эту батарею, когда она была кончена, видѣлъ четыре ея пушки, видѣлъ пространство, занимаемое ею, равное пространству какой-нибудь комнаты; да и кто изъ насъ не видѣлъ ея? Съ біеніемъ сердца слѣдилъ я, вмѣстѣ съ окружавшими меня, за біеніемъ ея жизни. Ревутъ, гремятъ непріятельскіе выстрѣлы, то раздаваясь батальнымъ огнемъ, то сливаясь въ общій гулъ залповъ. И вотъ, послѣ многихъ десятковъ непріятельскихъ громовъ, съ батареи мелькаетъ дымокъ: мы выпрямляемся и жадно устремляемъ глаза впередъ по направленію выстрѣла. «Попалъ!» раздается въ толпѣ, и слова «Богъ помочь!» «молодецъ!» сливаются въ одно общее восклицаніе. И снова притаиваешь дыханіе, ожидая новаго выстрѣла нашей батареи, стоишь, забывая опасность.

Девятый пароходъ, снявшійся на нашихъ глазахъ съ своей позиціи, вывелъ насъ изъ забвенія. Отправляясь на мѣсто боя, онъ, поровнявшись съ линіею биржи, пустилъ въ зрителей нѣсколько бомбъ. Я видѣлъ дымъ перваго выстрѣла, вдругъ услышалъ крикъ въ толпѣ: «бомба на насъ! бомба!» Я поднялъ глаза: ярко опредѣленное, большое бѣлое облако дыма, саженяхъ въ десяти отъ насъ, быстро развернулось и расплылось. Въ слѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, по тому же направленію и столь же неудачный. Многіе изъ зрителей, въ томъ числѣ и я, не захотѣли ждать третьяго, который могъ быть удачнѣе двухъ первыхъ, и оставили занимаемую ими позицію. Я отправился домой обѣдать. Послѣ обѣда я заснулъ какъ убитый. Когда я проснулся, канонады уже не было слышно.

Я пошелъ пройдтись по городу. На улицахъ было сильное движеніе: пѣшеходы съ узлами, нагруженныя телѣги, экипажи со множествомъ сѣдоковъ, и особенно женщинъ

и дѣтей, все это быстро шевелилось по направленію отъ моря. Ставни многихъ домовъ были заперты. Кой-гдѣ составлялись группы прохожихъ: офицеръ и простолюдинъ, чиновникъ и мастеровой стояли вмѣстѣ, дружелюбно разговаривая о происшествіяхъ дня, будто давніе знакомые. Имя прапорщика *Щеголева* слышалось во всѣхъ разговорахъ. Я зашелъ къ нѣкоторымъ знакомымъ: ворота были заперты, дворы безлюдны; кой-кто изъ прислуги, оставшейся въ домѣ, объявлялъ мнѣ, что господа уѣхали куда-то на Молдаванку, куда-то изъ города, но куда именно — неизвѣстно. Въ домѣ Маюрова, на площади Александровскаго проспекта, имѣющемъ множество жильцевъ и ремесленное поселеніе котораго всегда шумно шевелилось и работало на дворѣ, это безлюдье было для меня еще чувствительнѣе. Однакожъ я нашелъ здѣсь ***, котораго искалъ. Видъ его комнатъ непріятно поразилъ меня: онѣ были пусты, стѣны голы; на столѣ въ столовой стояло нѣсколько корзинокъ и узелковъ. Онъ объявилъ мнѣ, что вещи и мебель онъ спряталъ въ подвалахъ, что семейство отправилъ за городъ, и что самъ ждетъ экипажа, чтобъ уѣхать къ своимъ. Онъ долго говорилъ о причинахъ, побуждающихъ его къ выѣзду, какъ бы оправдываясь предо мною. Я вовсе не думалъ обвинять его, хотя и рѣшился оставаться въ городѣ: въ такіе дни всякій отвѣчаетъ за себя. Мы взошли на крышу, чтобъ взглянуть на море: непріятельская эскадра занимала свою утреннюю боевую позицію. Подъ нами на улицахъ было торопливое движеніе, между тѣмъ какъ въ дворахъ было тихо и пустынно. Вечеръ былъ сумрачный и холодный: солнце сѣло въ тучахъ, рѣзкій вѣтеръ взвѣвалъ пыль по улицамъ. Зарево пожара краснѣло съ сѣвера надъ городскими крышами: это горѣли суда и оконечности Практическаго мола и Андросовской гавани. Неизвѣстное завтра стояло передъ нами.... Жаль мнѣ стало моего роднаго города. На прощанье съ *** мы пожали другъ другу руки крѣпче обыкновеннаго, съ словами: «дай Богъ увидѣться!»

Въ полночь благовѣсть во всѣхъ церквахъ возвѣстилъ наступленіе Свѣтлаго праздника. Я обошелъ нѣсколько

церквей и потомъ вошелъ въ соборъ: всѣ церкви были полны, даже полнѣе, чѣмъ въ другіе годы; какъ и въ другіе годы, онѣ были иллюминованы снаружи плошками: вокругъ собора горѣли смоляныя бочки. Здѣсь священнодѣйствовалъ нашъ достойный преосвященный, который во всѣ дни осады не разставался съ нами и, краснорѣчивыми словами своими и еще краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ, укрѣплялъ насъ въ преданности волѣ Божіей, вѣрнѣйшемъ источникѣ мужества и спокойствія. Стоя у колонны и слушая стройное пѣніе гимновъ, смотря на ходъ служенія, которымъ православная церковь празднуетъ величайшее изъ торжествъ своихъ, видя тысячи народа, спокойно и усердно молящагося, я больше чѣмъ когда-либо чувствовалъ, чѣмъ сильна Россія, въ чемъ источникъ ея несокрушимой стойкости. Смотрите, думалъ я, вы, стоящіе на нашемъ рейдѣ, вы, торжествующіе свои побѣды надъ нашимъ отечествомъ только на своихъ пьяныхъ митингахъ, да въ крикливыхъ газетахъ; смотрите на русскій городъ, который, по его укрѣпленіямъ, можно назвать беззащитнымъ, сравнительно съ десятками пловучихъ крѣпостей, которыми вы его окружили. Вы его громили цѣлый день, а онъ, такъ же торжественно, какъ и всегда, празднуетъ, въ своихъ храмахъ, Христово Воскресенье. А развѣ вы, вы, которые не только жаждете намъ вреда вещественнаго, но и разсчитанно несете его намъ въ великіе для нашей церкви дни, чтобы соединить съ нимъ оскорбленіе священнѣйшаго изъ чувствъ нашихъ, развѣ вы не можете повторить въ эту ночь и въ большемъ размѣрѣ дѣйствій сегодняшняго дня? И гдѣ жъ тогда большіе опасности, какъ не въ храмахъ, и отъ самой высоты ихъ, и отъ многолюдства? И мы это знаемъ, знаемъ все, къ чему вы способны, и безбоязненно наполнили храмы, и, безбоязненно воспѣвая «Христосъ воскресе» и «се бо радость пріидетъ крестомъ всему міру», вѣруемъ, что русскимъ крестомъ внесется радость всему православному міру, угнетеніе котораго вы взялись отстаивать!...

На другой день я отправился на Молдаванку отыскивать своихъ знакомыхъ. Видъ ея, особенно по дорогѣ идущей отъ Черепенникова моста къ Тираспольской заставѣ,

представлялъ чрезвычайно оживленную картину. Мундиры улановъ, квартирующихъ здѣсь, пестрѣли повсюду; щегольскіе экипажи переселившихся сюда горожанъ безпрестанно попадались на глаза; дрожки съ сѣдоками изъ города, ѣхавшими, подобно мнѣ, поздравить друзей съ праздникомъ, и городскіе переселенцы, ѣхавшіе съ Молдаванки посмотрѣть на городъ, множество такихъ пѣшеходовъ, которыхъ привыкъ встрѣчать только на городскихъ улицахъ, движеніе продолжавшагося переселенія — все это оживляло предмѣстье никогда небывалымъ здѣсь многолюдствомъ и шумомъ. Вездѣ попадались мнѣ знакомыя лица. Въ небольшомъ домѣ, неподалеку отъ дома четвертой части, нашелъ я три знакомыхъ семейства, помѣщавшіяся въ трехъ комнатахъ. Пріемная напоминала комнату какого-нибудь постоялаго двора на большой дорогѣ: у стѣнъ лежали свернутыя постели, по угламъ стояли сундуки и узлы; по срединѣ стоялъ столъ съ пасхою и закусками. Здѣсь, какъ на пароходѣ, всѣ и все были вмѣстѣ, всѣ одушевлены были дружелюбіемъ. Здѣсь, кромѣ хозяевъ, нашелъ я и другихъ знакомыхъ, *бывшихъ* изъ города, и узналъ, кто гдѣ живетъ, кто куда уѣхалъ; здѣсь встрѣтилъ я и нѣсколько холостыхъ пріятелей, не трогавшихся съ мѣста и сожалѣвшихъ только о томъ, что къ знакомымъ на праздники надо ѣхать такъ далеко. Здѣсь было шумно и весело: споры о полетѣ бомбъ и другихъ вопросахъ по части артиллеріи, анекдоты вчерашняго дня (1), самое неудобство помѣщенія,

(1 Изъ анекдотовъ, слышанныхъ мною здѣсь, передамъ одинъ характеристическій.

Какая-то дама, ѣхавшая на Молдаванку на дрожкахъ, находясь уже въ этомъ предмѣстьѣ, сказала извощику, что онъ ее везетъ не въ ту сторону, куда ей надо. Извощикъ, замѣтивъ по ея произношенію, что она не русская, остановилъ лошадей и, обратясь къ ней, спросилъ:

— Ты, барыня, нѣмка.

— Нѣтъ, англичанка.

Извощикъ слѣзъ съ козелъ и, подойдя къ ней, сказалъ рѣшительно:

— Барыня, съ дрожекъ долой!

— Да вѣдь тебя договорили.

— Не хочу твоихъ денегъ.

— Я тебѣ дамъ двойную цѣну.

неудачи несостоявшагося переселенія, во время котораго иное нужное забыто, иное ненужное взято, и происходившія отъ того неловкости составляли неисчерпаемый источникъ веселой бесѣды, одушевленія и смѣха. Одинъ изъ хозяевъ, возвратившійся изъ города, внезапно явившись среди насъ, остановилъ жестомъ нашу бесѣду и объявилъ, что батарея, на которой вчера такъ стойко дѣйствовалъ прапорщикъ Щеголевъ, названа, по приказанію генерала *Остенъ-Сакена*, *Щеголевскою* (1), что непріятельскій пароходъ подходилъ утромъ къ Переѣзди, что наши артиллеристы усердно перехристовались съ нимъ нѣсколькими ловко пущенными въ него ядрами, и что онъ, потерявъ баркасы, изъ коихъ одинъ потопленъ, со стыдомъ и съ подбитымъ крыломъ, воротился къ своей эскадрѣ. Громкое ура мгновенно огласило комнату, и шампанское запѣнилось въ честь нашихъ недремлющихъ воиновъ, въ честь того, кто, новымъ приказомъ своимъ, такъ вѣрно угадалъ и прекрасно почтилъ общее всѣмъ намъ чувство, запечатлѣвъ его незабвенною для города памятью. Мы пили не изъ узкихъ бокаловъ, составляющихъ оффиціальную принадлежность шампанскаго: мы пили — кто изъ простой рюмки, кто изъ стакана, кто изъ чайной чашки, но никогда мы не пили его съ такимъ отраднымъ чувствомъ и единодушіемъ, какъ въ ту минуту.

Съ Молдаванки я отправился на бульваръ осмотрѣть поврежденія, произведенныя тамъ бомбардированіемъ. Они были незначительны. Въ домѣ Каруты въ третьемъ этажѣ была одна пробоина. Въ домѣ М. А. Парышкиной бомба, пробивъ стѣну верхняго этажа, прошла сквозь полъ и потолокъ антресоля; въ комнатѣ, гдѣ она разорвалась, она попортила всѣ стѣны и избила въ дребезги всю мебель. Въ генералъ-губернаторской канцеляріи не было почти ни одного стекла, и виднѣлось нѣсколько пробоинъ и мѣтокъ, также какъ и въ домѣ князя Воронцова и близкихъ къ

— Барыня, съ дрожекъ долой!

И оставивъ ее посреди улицы, онъ повхалъ порожнякомъ обратно въ городъ.

(1) Описаніе торжества при освященіи этой батареи можно найти въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1854 г. № 134. *Ред.*

этому дому зданіяхъ. На монументѣ дюка де-Ришелье былъ отбитъ отъ пьедестала кусокъ гранита. Поучительная мѣтка! Она будетъ говорить всякому: «Русскіе, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ 1812 года, воздвигли въ своемъ городѣ памятникъ французу; французы, черезъ 28 лѣтъ, явившись съ англичанами къ этому городу, не побоялись не уважить памяти соотечественника, память котораго уважили чужеземцы».

Я сошелъ по лѣстницѣ внизъ. Въ домѣ Потапова, въ зданіяхъ подъ домомъ князя Воронцова и въ другихъ прибрежныхъ, было довольно пробоинъ и мѣтокъ. Въ маленькомъ домѣ, принадлежащемъ къ саду князя Воронцова и стоящемъ у подошвы береговаго ската, пять или шесть бомбъ попали въ фасадъ, обращенный къ морю. Пять или шесть 68-ми и 96-ти-фунтовыхъ чугунныхъ ядеръ, пущенныхъ изъ пушки, достаточны, чтобы сокрушить и не такое ничтожное строеніе. А между тѣмъ это стояло: сильно израненное, оно твердо держалось и только дало легонькія трещины около пробоинъ. Слабость матеріяла, изъ котораго построены наши домы, составила теперь ихъ силу. Тяжелыя ядра, ударяясь въ стѣны болѣе твердыя, рушили бы ихъ: ударяясь въ наши — они свободно проходили насквозь. Мягкость нашего камня, легко пропускающаго сырость, составляла въ этомъ случаѣ его достоинство, и мы справедливо можемъ сказать, что во время бомбардировки и камни наши были за насъ и противъ враговъ нашихъ.

Я отправился къ Щеголевской батареѣ. Практическій молъ представлялъ явные слѣды опустошенія: стѣна, ограждающая молъ со стороны моря, была избита въ нѣсколькихъ мѣстахъ; кое-гдѣ огромной величины камни были сбиты и разметаны; въ гавани лежали избитыя и затопленныя суда; большое финляндское судно догорало на водѣ (1); сваи на оконечности мола горѣли; Андросовская гавань

(1) Въ числѣ затопленныхъ непріятельскими выстрѣлами судовъ былъ одинъ австрійскій бригъ; въ числѣ 4-хъ сгорѣвшихъ былъ одинъ турецкій бригъ.

дымилась также. Я обошелъ Щеголевскую батарею: она была вся обожжена и изрыта снаружи и внутри; внутри— зола, обгорѣлыя бревна, слѣды ударовъ бомбъ, избитые колеса и лафеты, и тѣла четырехъ пушекъ, лежащія на землѣ. Ставъ внутри батареи, оглянувшись кругомъ на слѣды опустошенія и пожара, вспомнивъ все, что происходило здѣсь въ субботу, я не постигалъ, какъ можно было выйдти отсюда живымъ и невредимымъ. А *Щеголевъ* вышелъ живъ и невредимъ, среди тысячи смертей (я не говорю опасностей), летавшихъ у его головы въ теченіе шести часовъ. Когда все вокругъ него было объято пламенемъ, и ему не оставалось больше возможности дѣйствовать, онъ построилъ оставшуюся у него прислугу въ колонку, скомандовалъ: «барабанщикъ впередъ!» и мѣрнымъ шагомъ прошелъ съ нею чрезъ всю гавань, сквозь сотни пронизывавшихъ ее чугунныхъ ядеръ. Да хранитъ его Богъ въ будущихъ его подвигахъ, такъ же какъ онъ чудесно сохранилъ его въ первомъ! Я молча снялъ шапку и, перекрестившись, поклонился чудному мѣсту, на которомъ русскій прапорщикъ сражался съ англо-французскою эскадрою; да — я смѣло говорю—сражался съ эскадрою, потому что противъ него было девять огромныхъ пароходовъ и 84-хъ пушечный корабль: и онъ держался въ теченіе шести часовъ, и въ теченіе шести часовъ держалъ ихъ въ почтительномъ отдаленіи.

Я прошелъ по берегу моря къ Пересыпи. На этомъ пространствѣ, въ заборахъ и домахъ, вездѣ видѣлись пробоины и мѣтки; подъ ногами безпрестанно попадались ямы и продольныя углубленія со взрытою около землею. Изъ нѣкоторыхъ углубленій прохожіе при мнѣ вытаскивали ядра и бомбы, сидѣвшія далеко въ землѣ. Вредъ, нанесенный предмѣстью Пересыпи, состоялъ изъ десятка полутора сгорѣвшихъ домовъ и многихъ пробоинъ въ разныхъ строеніяхъ.

На другой день вечеромъ, на бульварѣ была военная музыка: множество экипажей проѣзжало взадъ и впередъ по Бульварной улицѣ и тѣснилось у монумента; густыя толпы мужчинъ и дамъ прогуливались по бульвару,

въ виду непріятельской эскадры, стоявшей предъ бульваромъ и не могшей не видѣть этого гулянья и не слышать нашей музыки. Во вторникъ повторилось то же. Въ среду непріятельская эскадра ушла на разсвѣтѣ.

Въ четвергъ въ Михайловскомъ монастырѣ было благодарственное молебствіе за избавленіе нашего города отъ враговъ. Здѣсь было торжество вѣры и силы: по окончаніи богослуженія, мы видѣли у того же монастыря эволюціи нашихъ войскъ. Ихъ было собрано здѣсь 12 тысячъ; здѣсь были и пѣхота, и артиллерія, и конница. Мы видѣли, какъ густыя пѣшія колонны шли церемоніальнымъ маршемъ, поражая ухо могучимъ мѣрнымъ шагомъ; видѣли какъ онѣ, взявъ ружья на перевѣсъ, грозно стремились впередъ, въ штыки; видѣли, какъ живописные уланы вихремъ неслись въ атаку, оглашая степь топотомъ своихъ легкихъ коней; слышали оглушительное стремленіе конныхъ батарей, страшныхъ гуломъ своего движенія и блистаньемъ несущихся орудій. Глядя на нашихъ молодцовъ воиновъ, среди которыхъ мы съ особеннымъ любопытствомъ и сочувствіемъ отыскивали глазами тѣхъ, кого прославила у насъ страстная суббота, мы живѣе проникались одушевленіемъ къ своему родному, живѣе ощущали, что намъ нечего бояться.

Съ четверга городскіе переселенцы толпами стали возвращаться въ городъ. Въ субботу былъ въ театрѣ спектакль, въ воскресенье—многолюдивѣйшее гулянье на бульварѣ, при звукахъ четырехъ хоровъ военной музыки. И теперь наша городская жизнь снова пошла прежнимъ порядкомъ, и дни осады и день бомбардированія Одессы представляются мнѣ будто сонъ, но сонъ такой яркій, котораго не забудешь во всю жизнь со всѣми его подробностями (1).

Одесса 22-го апрѣля 1854 года.

К. Картамышевъ.

(1) „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. №№ 49 и 50.

Статьи иностранныхъ газетъ по поводу бомбардированія г. Одессы.

По поводу одесской бомбардировки въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ изъ Парижа. «Адмиралы очень хорошо знали, что англійскій и французскій консулы давно уже выѣхали изъ Одессы. Цѣлью ихъ прибытія была рекогносцировка, и только. Притомъ же англичане поступали всегда такъ. Событія 1800 года въ Копенгагенѣ и въ Алжирѣ въ 1816 г. служатъ этому доказательствомъ. Подъ предлогомъ парламентеровъ, англійскія суда подходятъ къ берегу и открываютъ огонь (1)».

«Какъ громко вопили журналисты въ англійскихъ газетахъ и англійскіе министры въ парламентѣ, по случаю бомбардировки Палермо и Мессины въ 1848 году! Они говорили, что должно назвать варварствомъ бомбардированіе неукрѣпленныхъ городовъ, и однакоже жители этихъ городовъ были бунтовщики, вооружившіеся противъ своего короля. Дѣйствительнымъ же варварствомъ было бомбардированіе Одессы, города открытаго совершенно. Только злоба и страсть къ разрушенію могли побудить союзниковъ на подобный поступокъ. Частное имущество истреблено, но военная сила Россіи отъ этого ничѣмъ не уменьшилась (2).

Въ «Тріестской Газетѣ», 8-го мая 1854 года, сказано, что въ то время, какъ пароходный фрегатъ «Ретрибюшенъ» стоялъ на якорѣ предъ Севастополемъ, прибывъ туда подъ предлогомъ отданія депешей, всѣ бывшіе на палубѣ занимались снятіемъ плановъ съ укрѣпленій этого порта. Русскіе не забыли этого урока. Когда, въ послѣдній разъ, «Фюри» выслалъ шлюпку въ Одессу подъ тѣмъ же предлогомъ, и потомъ, не смотря на предостерегательные выстрѣлы русскихъ, хотѣлъ самъ подойти ближе къ городу, въ него послали нѣсколько мѣткихъ ядеръ и принудили его удалиться. По законамъ войны, парламентеры и на сухомъ пути допускаются къ непріятельской позиціи

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 94.
(2) Тамъ же № 97.

или въ крѣпость не иначе, какъ съ завязанными глазами. По морскимъ же правиламъ, «Фюри» долженъ былъ, подходя къ Одессѣ, остановиться по крайней мѣрѣ въ трехъ морскихъ миляхъ отъ берега, поднять переговорный флагъ, и потомъ выслать шлюпку подъ такимъ же флагомъ, приказавъ ей однако же не подходить къ русскимъ батареямъ ближе пушечнаго выстрѣла, и дожидаться, доколѣ не выйдетъ къ ней на встрѣчу русская шлюпка. Англичане нарушили всѣ эти правила, какъ будто первая морская нація въ свѣтѣ ихъ не знаетъ. За это русскія ядра принудили ихъ удалиться. Нѣтъ сомнѣнія, что «Фюри» приходилъ съ филантропическимъ порученіемъ объявить о бомбардировкѣ Одессы. Англичане тоже воспользовались даннымъ имъ урокомъ. Союзный флотъ, съ 2,300 пушекъ и 22.000 человѣкъ, совершилъ первый свой подвигъ, пожалъ первые лавры. Если бъ, бомбардируя Одессу, истребили только собственность правительства, мы душевно бы объ этомъ пожалѣли, но не сказали бы ни слова, потому что это печальная неизбѣжность войны. Но, до начатія бомбардировки города, англичане истребили восемь русскихъ купеческихъ кораблей и одинъ нейтральный австрійскій, «Санта-Катарина», стоявшіе въ Практической гавани. Это событіе должно изумить весь свѣтъ и даже тѣхъ, которые проливали крокодиловы слезы надъ участью турокъ при Синопѣ (1).

Статья Одесскаго Вѣстника о бомбардированіи Одессы.

Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», отъ 16-го апрѣля, пишутъ: «Минувшая недѣля, по высокому слову преосвященнаго нашего архипастыря, была для Одессы «истинно страстною недѣлею: городъ Одесса получилъ крещеніе огнемъ и кровію». Соединенный англо-французскій флотъ, явившійся предъ нашимъ городомъ, въ числѣ сначала 25-ти вымпеловъ и усилившійся потомъ до 31-го вымпела, въ суббо-

(1) Сѣв. Пч. 1854 г. № 112.

ту, 10-го апрѣля, атаковалъ городъ и прибрежныя батареи. Неправедная война Англіи и Франціи съ Россіею началась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ, наименѣе можно было ея ожидать. Флотъ, которому равносильный въ полной его массѣ едва ли появлялся въ какомъ либо морскомъ сраженіи, напалъ на одинъ изъ самыхъ мирныхъ городовъ въ свѣтѣ, на городъ, который пріобрѣлъ названіе житницы Европы, и который, не далѣе какъ въ минувшую зиму, смѣло можно было назвать кормилицею Англіи и Франціи. Союзные адмиралы надѣялись, по всей вѣроятности, что торговый городъ, съ незначительными, по-видимому, укрѣпленіями, не выдержитъ напора ихъ страшныхъ силъ. Но не дрогнули защитники, которыхъ мужеству ввѣрена была Отцемъ Отечества охрана одного изъ богатѣйшихъ городовъ русскаго царства, не поколебались въ вѣрѣ къ святому промыслу, въ довѣріи къ неодолимости русскаго воинства въ защитѣ святаго дѣла и жители Одессы.

Великая суббота, 10-го апрѣля, останется однимъ изъ самыхъ памятныхъ дней въ лѣтописяхъ Одессы. Подробности о военныхъ дѣйствіяхъ этого дня изложены въ приказахъ доблестнаго военнаго начальника нашего края, г-на генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*. Прибавимъ къ тому только нѣсколько словъ о положеніи самаго города. Канонада съ непріятельскихъ судовъ началась въ шесть часовъ утра, въ то самое время, когда преосвященный *Иннокентій*, архіепископъ херсонскій и таврическій, обходилъ соборъ со святою плащаницею; непріятельскіе выстрѣлы не воспрепятствовали его высокопреосвященству довершить богослуженіе и благословить жителей и бывшія на соборной площади войска на предстоявшіе для нихъ подвиги. И благословеніе Божіе не осталось втунѣ. Въ то время, какъ прибрежныя батареи приняли непріятельскій огонь, а Щеголевская батарея, о четырехъ пушкахъ, съ изумительнымъ мужествомъ выдерживала, въ теченіе шести часовъ, атаку цѣлой эскадры, въ которой было не менѣе 350-ти орудій, ядра, бомбы, простыя и картечныя гранаты и конгревовы ракеты посыпались на городъ. Жите-

ли частей города, наиболѣе подверженныхъ непріятельскому огню, поспѣшно стали удаляться въ части города менѣе опасныя, но удаленіе это совершилось безъ малѣйшаго безпорядка въ городѣ. Не смотря на видимую опасность, множество зрителей, во время боя, покрывало бульваръ. Въ полдень совершена была, подъ громами непріятельскихъ орудій, литургія въ Преображенскомъ соборѣ. Преосвященный *Иннокентій*, при окончаніи оной, произнесъ слово, примѣненное къ обстоятельствамъ сего великаго дня для Одессы. Въ три часа пополудни, Щеголевская батарея замолкла, когда охватившій ее кругомъ пожаръ сдѣлалъ дѣйствіе ея рѣшительно невозможнымъ; но непріятельскіе корабли, не взирая на прекращеніе огня съ этой батареи, до самаго вечера выказывали, можно сказать, безсильную ярость, продолжая стрѣлять по городу. И повторимъ опять: благословеніе Вышняго видимо осѣняло Одессу. Нѣсколько десятковъ тысячъ выстрѣловъ, пущенныхъ въ городъ, произвели несравненно меньше вреда, нежели сколько можно было ожидать, потому что пароходы постоянно были удерживаемы въ отдаленіи береговыми батареями. Въ самомъ городѣ не разрушено ни одного зданія, не было ни одного пожара; конгревовы ракеты падали на городскія зданія уже погасшими; бомбы и гранаты разрывались въ весьма маломъ числѣ. Вѣдствія, произведенныя непріятельскимъ адскимъ огнемъ, ограничились пробитіемъ стѣнъ и крышъ во многихъ домахъ; изъ жителей ранено и убито менѣе десяти человѣкъ, хотя бомбы и гранаты съ рейда долетали до площади новаго базара и за католическую церковь, а съ судовъ, стрѣлявшихъ у дачи графини Ланжеронъ, за Михайловскій монастырь; болѣе всего пострадали отъ поврежденій дома князя М. С. Воронцова и М. А. Нарышкиной, на бульварѣ. На Пересыпи зажжены были конгревовыми ракетами шесть небольшихъ домовъ и соляной магазинъ; въ Практической гавани сожжено нѣсколько каботажныхъ судовъ и обгорѣла часть моловъ. Однимъ словомъ, вредъ, нанесенный Одессѣ въ этомъ день тяжкаго испытанія, былъ вовсе въ несоразмѣрности съ употребленными на то силами.

Въ ночи съ великой субботы на Свѣтлое Воскресеніе, совершены были, съ обычною торжественностью, во всѣхъ церквахъ, утреня и литургія Свѣтлаго Воскресенія. Церкви были полны народа. Гг. генералъ-адъютанты баронъ *Остенъ-Сакенъ* и *Анненковъ* присутствовали, въ походной парадной формѣ, при богослуженіи, въ соборѣ: предъ окончаніемъ литургіи, преосвященный *Иннокентій* произнесъ слово, по истинѣ вдохновенное, о положеніи города и обстоятельствахъ минувшаго дня. Указавши на страшное забытіе вѣры въ Бога врагами нашими, избравшими для перваго нападенія на Россію, воюющую за гробъ Господень, именно единственный день въ году, посвященный памяти гроба Господня, высокій витія выразилъ мысли, приведенныя нами въ началѣ этой статьи, и заключилъ успокоительнымъ увѣщаніемъ, что «всегда, послѣ великой пятницы и великой субботы, бываетъ Свѣтлое Воскресеніе».

И вдохновенныя эти слова оправдались на дѣлѣ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія одинъ только французскій пароходъ осмѣлился еще подойти къ городу и началъ-было стрѣльбу, но нѣсколько выстрѣловъ съ береговыхъ батарей удачно попали въ него, и заставили возвратиться, съ видимымъ поврежденіемъ, къ флоту, стоявшему вереатахъ въ пяти отъ города. Дни понедѣльника и вторника свѣтлой недѣли прошли спокойно; во вторникъ, опущенные до полумачтъ флаги непріятельскихъ кораблей показали, что тамъ происходитъ погребеніе одного изъ высшихъ офицеровъ. Оказалось, по свѣдѣніямъ позже полученнымъ, что въ субботу былъ смертельно раненъ командиръ одного изъ французскихъ кораблей. Наконецъ, въ среду утромъ, адмиралъ *Дондасъ* выслалъ въ Одессу, на австрійскомъ суднѣ, сорокъ девять человѣкъ шхиперовъ и экипажей, бывшихъ на русскихъ коботажныхъ судахъ, захваченныхъ прежде непріятельскими пароходами на одесскомъ рейдѣ, у входа въ Очаковскій лиманъ, и въ другихъ мѣстахъ, и въ то же время весь непріятельскій флотъ снялся съ якорей и удалился съ одесскаго рейда. Грозная туча, тяготѣвшая надъ городомъ, изчезла; жители вздохнули свободнѣе, и

городъ со вчерашняго дня сталъ принимать свой обычный видъ.

Первою мыслію начальствующаго надъ войсками въ нашемъ краю, г-на генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*, было возблагодарить Господа силъ за спасеніе города Одессы, и онъ распорядился о совершеніи въ слѣдующій день торжественнаго молебствія. Какъ день 10-го апрѣля былъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, такъ день 15 го апрѣля сдѣлался однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней Одессы.

Поутру въ этотъ день иностранные консулы и купечество, по желанію, предварительно изъявленному ими г. исправляющему должность генералъ-губернатора, генералъ-адъютанту *Анненкову*, явились къ Его Превосходительству, и вмѣстѣ съ нимъ и съ г. военнымъ губернаторомъ отправились къ г. генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену*, для изъявленія глубочайшей благодарности Его Высокопревосходительству и войскамъ за достославную оборону города Одессы, и за мѣры, принятыя къ сохраненію непарушимаго порядка въ городѣ, во все время пребыванія непріятельскаго флота на нашемъ рейдѣ, и особенно въ самый разгаръ бомбардированія города.

Въ десять часовъ, преосвященный *Иннокентій* совершилъ въ Архангело-Михайловскомъ монастырѣ, соборнѣ, божественную литургію, и при окончаніи которой онъ произнесъ еще одно изъ тѣхъ словъ, которыя такъ глубоко западаютъ въ душу и сердце молящихся. Между тѣмъ, войска: пѣхота, кавалерія и артиллерія, выстроились въ стройныхъ массахъ на крѣпостной эспланадѣ, на томъ мѣстѣ, откуда наиболѣе была видна картина боя 10-го числа, фронтомъ къ бывшей крѣпости, правымъ флангомъ къ монастырю, лѣвымъ къ морю; передъ ними, на возвышеніи, устроенъ былъ аналой для богослуженія.

По окончаніи литургіи, преосвященный архипастырь, съ сонмомъ духовенства и съ церковными хоругвями, въ сопровожденіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ начальствъ и иностранныхъ консуловъ въ парадныхъ мундирахъ, купечества и гражданъ всѣхъ сословій, вышедъ изъ церкви, прошелъ, съ праваго фланга войскъ, къ назначенному для

богослуженія мѣсту. По мѣрѣ прохожденія духовной процессіи, присоединялись къ ней знамена и штандарты войскъ, которые и окружили аналой: военная музыка играла молитву. Въ первомъ часу совершенно было благодарственное молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Его Императорскому Величеству, всему августѣйшему царскому дому и христолюбивому побѣдоносному россійскому воинству, причемъ со всѣхъ прибрежныхъ и полевыхъ батарей произведены были пушечные выстрѣлы. По окончаніи молебствія, преосвященный обошелъ войска, окропилъ ихъ святою водою и вручилъ по священной просфорѣ каждому полку и батареѣ. Музыка играла гимны: «Боже, Царя храни» и «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ Его Высокопревосходительствомъ генералъ-адъютантомъ баропомъ *Остенъ-Сакеномъ*, а кавалеріею и артиллеріею произведены были нѣкоторыя эволюціи.

Никогда подобнаго торжества Одесса не видала въ стѣнахъ своихъ. Не говоримъ о числѣ собранныхъ войскъ, о блистательномъ и мужественномъ ихъ видѣ; не говоримъ о велелѣпіи православнаго богослуженія на возвышенной равнинѣ, господствующей надъ городомъ и моремъ, но никакими словами нельзя выразить того благоговѣйнаго восторга, того одушевленія, той безпредѣльной благодарности къ святому промыслу, которыя ярко начертаны были на лицахъ какъ войскъ, такъ и жителей города, несмѣтными толпами покрывшихъ всю обширную площадь, гдѣ происходило это великое торжество. Всѣ живо чувствовали, всѣ съ слезами умиленія пересказывали другъ другу подробности этихъ великихъ дней для Одессы: благословеніе Божіе видимо осѣнило нашъ городъ и одушевило твердостью и мужествомъ какъ геройскихъ защитниковъ нашихъ, такъ и жителей Одессы. Никогда святыя слова: «Христосъ воскресе», не проникали такъ глубоко въ души наши: никогда не чувствовали мы такъ сильно, что Богъ съ нами и за насъ. Но если таковы были наши чувства, то съ какимъ сердечнымъ, радостнымъ трепетомъ должны были внимать побѣднымъ пѣснямъ церкви воины, оборонившіе городъ

нашъ отъ страшной грозы, разразившейся надъ нами, и такъ свято исполнившіе долгъ свой предъ Царемъ и отечествомъ! Подобныя минуты не забываются никогда и остаются самыми свѣтлыми точками въ жизни!

Оборона Одессы, считавшейся доселѣ беззащитною, покажетъ врагамъ нашимъ, какъ сильна и мощна Россія и войскомъ своимъ, и духомъ народнымъ! Свѣтлая недѣля Одессы, гдѣ началась неправедная война двухъ сильнѣйшихъ въ свѣтѣ морскихъ державъ противъ Россіи, послужитъ, мы въ томъ увѣрены, свѣтлою провозвѣстницею того, что ожидаетъ надменныхъ сыновъ Запада на всѣхъ предѣлахъ нашего православнаго отечества. По слову и волѣ монарха, вездѣ и всегда, на сушѣ и на морѣ, постоимъ мы крѣпко за себя и за святую Русь, и не дадимъ нарушить нашихъ границъ. Да поможетъ намъ Всевышній! (¹)

А. Тр....

Письма изъ Одессы.

I.

Одесса, 17-го апрѣля. Въ одесскій рейдъ безпрестанно появлялись непріятельскіе пароходы, забирали попадавшіяся въ морѣ русскія суда (большею частію херсонскія лодки съ экипажемъ о трехъ или пяти человѣкахъ, съ грузомъ провизіи или угля), грозили приходомъ всего флота для взятія самой Одессы, и мы, одесскіе жители, постоянно были въ тревогѣ. Наконецъ, 8-го апрѣля, дѣйствительно явился предъ Одессою флотъ англо-французскій изъ девятнадцати линейныхъ кораблей и девяти винтовыхъ пароходовъ, имѣя на всѣхъ судахъ до 1,900 пушекъ большаго калибра. По прибытіи флота непріятельскаго, адмиралы: англійскій *Дондасъ* и французскій *Гамеленъ* потребовали, чтобъ имъ сдали всѣ русскія суда, стоявшія въ портѣ, а также корабли англійскіе и французскіе, зааре-

(¹) Одесс. Вѣстникъ 1854 г. № 40. Въ томъ же № Вѣстника напечатаны упоминаемые въ статьѣ приказы барона Остенъ-Сакена.

стованные до случаю разгрузки съ нихъ пшеницы. На такое дерзкое требованіе имъ даже не отвѣчали. Тогда, 10-го числа, въ половинѣ седьмаго часа утра, они начали бомбардировать Одессу. Первое ядро, полетѣвшее въ Одессу, упало предъ лицеемъ, подъ окнами квартиры инспектора. Мы тотчасъ вывели воспитанниковъ изъ города, но послѣ я опять ѣздилъ въ лицей, для необходимыхъ распоряженій. Мнѣ сильно хотѣлось посмотрѣть вблизи на сражающихся, и я пошелъ на бульваръ, подлѣ котораго, внизу, стояли наши батареи № 4-й и 5-й. Въ это время было около одиннадцати часовъ; непріятель не перестрѣливался со всѣми батареями, а зашелъ почти въ тылъ крайней батареи № 6-й, въ военной гавани, на двухъ плоскодонныхъ пароходахъ, каждый о 32-хъ пушкахъ, и громилъ по хвостамъ эту беззащитную батарею, осыпая въ то же время ядрами и бомбами всю гавань и всѣ русскія суда, въ ней стоявшія. Командовавшій 6-ю батареею, прапорщикъ *Щеголевъ* могъ имъ отвѣчать изъ двухъ лишь крайнихъ орудій, и то тогда только, когда вѣтромъ и зыбью подносило ихъ пароходы на выстрѣлъ его пушки. Цѣлыхъ семь часовъ они бились съ этою батареею, и притомъ не въ числѣ двухъ, а восьми пароходовъ 32-хъ-пушечныхъ; разстрѣляли всѣ свои заряды, такъ что 84-хъ-пушечный винтовой корабль долженъ былъ имъ подвозить новые заряды, и прекратили канонаду по батареѣ лишь тогда, когда взорвали на воздухъ одинъ ящикъ съ порохомъ, и зажгли при этомъ деревянный сарай и обшивку батареи. Но и тутъ *Щеголевъ*, объятый со всѣми людьми пламенемъ, посылалъ имъ мѣткіе выстрѣлы. Это ихъ до того озлило, что они начали залпами бить въ гавань, и сорвали нѣсколько свай. Но *Щеголевъ* не прекратилъ отвѣчать имъ до тѣхъ поръ, пока они не отошли отъ него, и вышелъ цѣлъ и невредимъ съ батареи тогда, когда ушли и враги. Ихъ до того озадачила стойкость нашихъ людей и офицера *Щеголева*, что они спрашивали у нашихъ херсонскихъ мужиковъ, захваченныхъ ими прежде еще съ лодками, не приковываютъ ли у насъ къ пушкамъ людей и офицеровъ цѣпями? Канонада продолжалась не-

прерывно около тринадцати часовъ; много бросали въ городъ ядеръ, бомбъ и конгревовыхъ ракетъ, но поврежденія, ими сдѣланныя, ничтожны: повышибли стекла и подѣлали мѣстами, преимущественно въ домахъ на бульварѣ, пробоины или царапины, отбили кусокъ гранита у памятника Ришелье, въ пьедесталѣ; суда, стоявшія въ гавани, были объяты пламенемъ. Но непріятель также понесъ важныя потери: три парохода вышли на буксирѣ поврежденные; изъ нихъ въ одномъ совсѣмъ разбили машину, одинъ корабль лишился руля, другой носа, побросали въ море до тридцати труповъ, схоронили командира самаго большаго парохода, должно быть въ адмиральскомъ чинѣ, потому что на всемъ флотѣ, говорятъ, былъ вывѣшенъ трауръ; изъ пяти лодокъ ихъ, которыя бросились-было къ берегу, двѣ потоплены съ людьми—картечными выстрѣлами конно-артиллерійской батареи, посланной на позицію во время боя, между тѣмъ какъ у насъ убили только двухъ нижнихъ чиновъ. *Щеголевъ* только оглохъ на два дня, да немного опаленъ. По имени его названа теперь батарея, уже почти совсѣмъ возобновленная: она будетъ состоять, кажется, изъ шести орудій, вмѣсто прежнихъ четырехъ. Первые три дня Пасхи прошли покойно, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ выстрѣловъ, посланныхъ другъ другу въ первый день утромъ, отъ которыхъ намъ ни малѣйшаго вреда не сдѣлано, а французскому пароходу попала въ бокъ бомба, а въ носъ ядро, причемъ и командиръ его поплатился жизнію. На четвертый же день утромъ въ шесть часовъ они ушли, и съ тѣхъ поръ только по два или по три парохода показываются въ виду Одессы. Наканунѣ, предъ уходомъ своимъ, адмиралъ *Дондасъ* прислалъ письмо къ генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену*, при которомъ возвратилъ херсонскихъ мужичковъ, 49 человѣкъ, называя ихъ плѣнными. Вѣрно нечѣмъ было кормить. Говорятъ, что въ Одессу было прислано съ флота слѣдующее письмо, адресованное на имя австрійскаго консула и написанное по-нѣмецки: «Я здѣсь одинъ, и адмиралъ Дондасъ поручилъ мнѣ покорнѣйше васъ просить купить для него русскія дрожки и прислать ихъ въ Константинополь!»

И все! Вотъ чѣмъ кончилъ *Дондасъ*! Стало быть, онъ за дрожками пріѣзжалъ съ двадцатью восемью кораблями. Чудаки большіе эти англичане! И изъ-за чего такъ срамить могущественный флагъ двухъ великихъ націй, Англіи и Франціи? Изъ экспедиціи противъ Одессы никакъ нельзя вывести другаго заключенія, кромѣ того, что Дондасу захотѣлось пріобрѣсть русскія дрожки. Смѣшно, да и только (1)!

II.

Въ «Швабскомъ Меркуріѣ» напечатано письмо одного купца изъ Одессы. «Что вчера казалось невозможнымъ, то дѣйствительно случилось сегодня. Флотъ бомбардировалъ нашъ городъ, и я вамъ пишу при громѣ пушекъ. Не зная ничего, мы, вмѣстѣ съ П., пошли прогуляться съ дамами, были на батареяхъ, шутили, смѣялись, и въ семь часовъ воротились домой. Тамъ мы узнали съ удивленіемъ, что купцамъ данъ начальствомъ совѣтъ убирать свои товары въ безопасныя мѣста. Мы тотчасъ же принялись за работу спокойно и безъ торопливости. Проработали всю ночь. Въ пять часовъ утра каменщики задѣлали подвалы, въ которыхъ мы сложили самые дорогіе товары. Другой подвалъ наполнили съѣстными припасами, а деньги раздѣлили на три части. Поутру, въ половинѣ седьмаго, началась пальба съ восьми пароходовъ; линейные корабли не могли подойти такъ близко, по мелководью. Сначала городъ потерпѣлъ мало. Бомбы и ракеты падали на него и ничего не зажигали. Я въ это время два раза ходилъ на бульваръ, и видѣлъ какъ ядра прыгали по водѣ, и какъ бомбы падали въ разныя мѣста. Еслибъ это было не такъ страшно и опасно, я назвалъ бы это великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Я видѣлъ, какъ ядеръ двѣнадцать, ударившись въ одно мѣсто, съ трескомъ разорвались. Могу увѣрить васъ, что непріятельская стрѣльба была очень немѣткая. При самомъ началѣ бомбардировки, четыре па-

(1) Сѣв. Пчела 1854 г. № 102.

рохода обратили весь свой огонь противъ небольшой батареи въ четыре пушки, устроенной на концѣ мола Практической гавани; и хотя малые пароходы обошли ее во флангъ, но успѣли, послѣ нѣсколькихъ тысячъ выстрѣловъ, подбить только два орудія. Сегодня въ ночи вступили въ городъ четыре полка пѣхоты, легкая артиллерія и два полка гусаръ. Если непріятель рѣшится на высадку, ни одинъ изъ высаженныхъ не воротится. Жители спокойны; мы гуляемъ и куримъ сигары. Огонь усиливается. Кажется, начали пальбу линейные корабли. Въ семь часовъ огонь наконецъ прекратился. Четырехпушечная батарея выдерживала весь непріятельскій огонь до четырехъ часовъ. Храбрые артиллеристы исполняли свое дѣло съ такимъ спокойствіемъ и мужествомъ, что всѣ пришли отъ нихъ въ изумленіе. Семь часовъ сряду выдержали они, своими четырьмя пушками, огонь болѣе двухъ сотъ орудій, потому что, по написаніи моихъ послѣднихъ строкъ, всѣ пароходы обратились противъ нихъ. Около батареи вспыхнулъ пожаръ, но и среди огня и развалинъ батарея продолжала стрѣлять мѣтко, и повредила три парохода. Наконецъ, въ семь часовъ, загорѣлись въ гавани пять судовъ, отъ брошенныхъ туда во множествѣ бомбъ и ракетъ. Не прежде этой минуты батарея была оставлена. Баронъ *Остенъ-Сакенъ* обнималъ всѣхъ бывшихъ на батареѣ. Прочія батареи не могли участвовать въ дѣлѣ, потому что выстрѣлы ихъ не долетали до непріятеля. Тогда началось разрушеніе гавани. На Пересыпи (предмѣстьѣ) загорѣлись нѣсколько домовъ, но огонь вскорѣ погасили.

Воскресенье, день св. Пасхи, девять часовъ утра. Ночь прошла тихо; мы спали спокойно на своихъ мѣстахъ. Я ходилъ смотрѣть разрушеніе, произведенное непріятелемъ. Пальба еще не начиналась, и можно ходить повсюду. Вездѣ вырываютъ изъ земли ядра. Молъ и гавань горятъ еще. Я описывалъ вамъ въ прошломъ году здѣшнія забавы на Святой недѣлѣ; теперь другая картина. Въ воскресенье, въ пять часовъ, подошли еще одинъ пароходъ и канонирская лодка, и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, на которые отвѣчали съ батареи, устроенной за ночь на Пересыпи.

Однимъ выстрѣломъ опрокинута была лодка, другимъ поврежденъ пароходъ, онъ удалился. Третьяго дня непріятельская эскадра хотѣла налиться водою у небольшаго фонтана, неподалеку отъ города, и выслала для этого канонирскія лодки, но онѣ были отражены подоспѣвшею на мѣсто конною батареею. Въ половинѣ десятаго утромъ ушелъ весь непріятельскій флотъ. Можно сказать, что онъ унесъ съ собою больше пыли, нежели славы. Въ субботу поднялась такая пыль, что не видать было пароходовъ. Теперь офиціально извѣстно, что союзные адмиралы требовали выдачи русскихъ, англійскихъ и французскихъ судовъ, находившихся въ гавани. Изъ русскихъ купеческихъ судовъ сгорѣли только три; другія получили пробоины; нѣкоторыя затоплены самими хозяевами, чтобъ спасти ихъ отъ пожара; ихъ опять поднимутъ. Изъ иностранныхъ сбило у одного норвежскаго судна мачту, и ранило двухъ матросовъ. Адмиралы не сдѣлали никакой попытки для освобожденія англійскихъ и французскихъ судовъ, задержанныхъ въ карантинѣ. Флотъ пошелъ къ Севастополю, но если онъ и тамъ сдѣлаетъ не больше, то всѣ угрозы адмираловъ окажутся пустымъ хвастовствомъ. Если же они опять явятся къ намъ, я вамъ тотчасъ же сообщу о томъ; но, кажется, второй попытки уже не будетъ» (1).

III.

Въ Journal de St.-Pétersbourg напечатано слѣдующее письмо изъ Одессы. *отъ 19-го апрѣля*: «Безпристрастіе нашей газеты въ восточномъ вопросѣ побуждаетъ меня просить васъ именемъ чести и справедливости напечатать вѣрный разсказъ о событіяхъ, совершившихся въ бомбардированномъ коммерческомъ городѣ Одессѣ. Газету вашу отъ 31-го марта получили мы въ то самое время, какъ англо-французскій флотъ стоялъ на нашемъ рейдѣ. Вы говорите въ ней, что, *по словамъ Лондонской газеты и Парижскаго Монитера*, *Англія и Франція намѣрены дѣйствовать* въ

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 107.

начинающейся нынѣ войнѣ съ особенною умѣренностью и человѣколюбіемъ. Вы можете судить, въ какой мѣрѣ событія соотвѣтствуютъ словамъ этихъ двухъ народовъ, стоящихъ въ главѣ образованности нашего человѣколюбиваго и умѣреннаго вѣка. 27-го марта (с. с.) подошелъ у насъ къ берегу англійскій пароходъ, и по немъ произведенъ былъ выстрѣлъ холостымъ зарядомъ: этимъ давали знать, чтобъ онъ не шелъ далѣе. Онъ остановился и послалъ лодку подъ переговорнымъ флагомъ, которая подъѣхала къ Карантинному молу, и спросила извѣстій объ англійскомъ и французскомъ консулахъ. Комендантъ порта отвѣчалъ, что они уже за нѣсколько дней уѣхали, и объявилъ, чтобъ, за неимѣніемъ другихъ вопросовъ, она скорѣе отчалила отъ берега, потому что есть приказаніе стрѣлять во всякое непріятельское судно, которое подойдетъ къ берегу на пушечный выстрѣлъ. Лодка удалилась, а пароходъ, напротивъ того, сталъ приближаться къ берегу. Сдѣлано было вновь нѣсколько выстрѣловъ для предостереженія его, но какъ онъ все еще шелъ впередъ, выстрѣлили въ него ядромъ и попали: тогда онъ повернулъ и удалился. Чрезъ четыре дня (1-го апрѣля) появились три парохода, и подъ переговорнымъ флагомъ стали внѣ пушечнаго выстрѣла. Послали опросить ихъ, и они отвѣчали, что желаютъ имѣть удовлетворительное объясненіе о пушечномъ выстрѣлѣ противъ судна съ переговорнымъ флагомъ. Словесное объясненіе показалось имъ недостаточнымъ, и они объявили, что будутъ ждать письменнаго, которое имъ и было дано. Во время переговоровъ и ожиданія, три парохода бросились на десятокъ несчастныхъ каботажныхъ судовъ, которыя и были ими захвачены. Одно изъ нихъ, чтобъ спастись, кинулось на мель. Это печальное зрѣлище возбудило негодованіе всѣхъ жителей города, сбѣжавшихся на бульваръ, чтобъ видѣть, какъ большое военное судно преслѣдуетъ и поражаетъ ядрами жалкую лодку, держась однако же само за выстрѣлами нашихъ скромныхъ батарей, недавно построенныхъ наскоро. Эти три парохода ушли на другой день, ведя на буксирѣ захваченныя ими суда съ экипажами.

8-го апрѣля поутру, англо - французская эскадра, изъ 19-ти линейныхъ кораблей и 9-ти пароходовъ, стала въ трехъ тысячахъ метрахъ отъ Одессы. Уже прежде того слухи о бомбардировкѣ заставили нѣкоторыя богатыя семейства принять мѣры осторожности и переѣхать въ загородные домы, отдаленные отъ моря. Но большая часть жителей не хотѣли вѣрить этимъ печальнымъ слухамъ, и оставались въ городѣ. Мы думали, что торговый городъ, обитаемый большею частію иностранцами, наполненный англійскими и французскими товарами, городъ безъ защиты и укрѣпленій, кормившій въ прошедшую зиму весь Западъ, предназначенный, можетъ быть, и въ будущемъ къ спасенію его отъ голода, не имѣлъ, по видимому, никакой причины опасаться нападенія двухъ народовъ, высокопарно возвѣстившихъ, что они не хотятъ нарушать вемірной торговли. По этому-то и было построено наскоро малое только число батарей, чтобы турецкіе и египетскіе корабли не напали на насъ, надѣясь на безнаказанность, обезпечиваемую силами ихъ союзниковъ и покровителей. Напрасно неумолимая исторія напоминала намъ, что англійскій флагъ не разъ уже былъ заклейменъ постыдными пятнами такихъ дѣйствій, которыя до исполненія ихъ казались невозможными. Мы разсчитывали на наше исключительное положеніе и даже на содѣйствіе французской эскадры. Мы думали, что дурное дѣло всегда легче сдѣлать одному, нежели двоимъ, особливо когда другой представляетъ благородную и рыцарскую Францію, какъ называли ее до сихъ поръ. И что же? Адмиралы *Дондасъ* и *Гамленъ* оправдали боязливыхъ и малодушныхъ, которые бѣжали, говоря, что англичане способны на все, а мужественные люди, которые остались здѣсь съ своею безразсудною довѣренностью, оказались неправыми.

Флоты оставались въ бездѣйствіи тридцать часовъ; 9-го числа, около четырехъ часовъ по полудни, адмиралы прислали парламентера къ генералу барону *Остенъ-Сакену*, съ письмомъ, которымъ требовали, чтобъ имъ тотчасъ же выдали всѣ русскіе, французскіе и англійскіе корабли, находящіеся въ Практической и Карантинной гаваняхъ. Слѣд-

ственно не правда, чтобъ флоты пришли единственно для отомщенія за пушечный выстрѣлъ, потому что адмиралы говорили о немъ только мимоходомъ. Эту мнимую причину выставили уже потомъ, желая чѣмъ-нибудь оправдаться въ варварской и безсовѣстной бомбардировкѣ коммерческаго города. При томъ же, зачѣмъ бомбардировать городъ за пушечный выстрѣлъ вмѣсто того, чтобъ истребить одинъ батареи? Дерзкое и безразсудное требованіе адмираловъ, разумѣется, было оставлено безъ отвѣта. На другой день, 10-го числа, въ шесть часовъ утра, были мы пробуждены ужасною канонадою. Все еще думая, что атакуютъ одинъ батареи, большая часть жителей вышли на улицу, чтобъ посмотрѣть на это. Вскорѣ мы были разочарованы градомъ бомбъ, чиненыхъ ядеръ и конгревовыхъ ракетъ, свистѣвшихъ около ушей нашихъ.

Девять непріятельскихъ пароходовъ стрѣляли по городу и по батареямъ, съ которыхъ выстрѣлы до нихъ не достигали. Наконецъ они сосредоточили свои усилія противъ крайней батареи Практическаго мола, на которой были 4 пушки, подъ командою прапорщика *Щеголева*, молодаго человѣка двадцати одного года. Эта батарея геройски сопротивлялась въ теченіе девяти часовъ сряду. Она вся была избита ядрами, два орудія были подбиты, но огонь ея не прекращался, доколѣ не загорѣлся досчатый сарай, на бѣду находившійся по близости. Но непріятель, не довольствуясь атакою, всѣми своими силами, этой единственной батареи (къ нему еще подошелъ въ это время одинъ винтовой линейный корабль), обошелъ ее и, безнаказанно презрѣвъ честь и истинную неустрашимость, зажегъ конгревовыми ракетами большую часть мола и кораблей, стоящихъ въ этой гавани, и нѣсколько домовъ бѣднаго предмѣстья Пересыпи, крытыхъ соломою, и осыпалъ наконецъ въ то же время градомъ бомбъ всю часть города, простирающуюся по берегу съ этой стороны. Въ то же время вышелъ изъ линіи еще линейный корабль, началъ бросать бомбы на дачу Ланжеронъ, въ совершенно иной части города. Этотъ ужасный и гнусный бой двухъ сотъ противъ одного продолжался двѣнадцать часовъ, въ теченіе кото-

рыхъ непріятель, превосходными своими силами, громилъ городъ съ трехъ разныхъ пунктовъ, окруживъ его треугольникомъ огня и чугуна. Два раза пытались непріятели дѣлать высадку, но были отбиты съ потерею. Они подходили къ берегу на гребныхъ судахъ, чтобъ ближе бросать свои губительныя конгревовы ракеты, тогда какъ городъ защищался только двумя пушками и сухопутнымъ войскомъ. И при всемъ томъ они не успѣли ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій. У нихъ повреждены были три парохода и отведены на буксирѣ. Они потеряли большое число людей съ опрокинувшихся лодокъ, и только успѣли безславно зажечь нѣсколько кораблей и хижинъ, но не могли истребить огнемъ обширныхъ складовъ строеваго лѣса на Пересыпи. Въ числѣ сожженныхъ ими кораблей были одинъ англійскій, одинъ австрійскій и одинъ голландскій. Три матроса англійскихъ и французскихъ убиты ядрами своихъ соотечественниковъ.

На другой день, въ воскресенье, 11-го апрѣля, возобновилась атака, и возобновилась съ прежнею своею силою. Но, къ величайшему нашему удивленію, она черезъ часъ прекратилась, и уже не возобновлялась. Потомъ узнали мы, что одна изъ нашихъ бомбъ разбила у одного винтоваго корабля кормовую часть, убивъ нѣсколько человѣкъ, и зажгла самый корабль; этому случаю приписываютъ внезапное прекращеніе боя и быстрое окончательное удаленіе непріятеля. По полудни увидѣли мы на одномъ изъ адмиральскихъ кораблей черный полуспущенный флагъ, и распространился слухъ, что капитанъ этого винтоваго корабля убитъ. Въ понедѣльникъ (12-го) поутру слышно было еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Полагали, что насъ будутъ бомбардировать въ продолженіе часа каждое утро, но вскорѣ узнали, что эти выстрѣлы направлены не противъ батарей нашихъ, или города, но для воздания почести убитымъ. Въ тотъ же день по полудни, адмиралъ *Дондасъ* прислалъ къ барону *Остенъ-Сакену* письмо, которымъ предлагалъ размѣнъ сорока девяти русскихъ матросовъ, взятыхъ на каботажныхъ судахъ, на такое же число матросовъ англійскихъ и французскихъ. Нашъ храб-

рый и достойный генералъ отвѣчалъ, что размѣнъ военноплѣнныхъ зависитъ не отъ него, а отъ его свѣтлости фельдмаршала, и что онъ не почитаетъ себя въ правѣ располагать участью этихъ моряковъ, прибывшихъ до начала войны, на основаніи трактатовъ, и не почитаемыхъ военноплѣнными, какъ равно и русскіе матросы, которые взяты безоружными и безъ обороны съ ихъ стороны. Во вторникъ поутру, 13-го числа, адмиралъ *Дондасъ* писалъ еще къ барону *Остенъ-Сакену*, чтобъ увѣдомить его объ отходѣ флота, который доволенъ былъ исполненнымъ имъ отмщеніемъ (вѣроятно за невыдачу ему русскихъ, англійскихъ и французскихъ судовъ). Съ тѣмъ вмѣстѣ возвратилъ онъ ему плѣнныхъ русскихъ матросовъ, и просилъ австрійскаго консула заказать ему четверомѣстныя дрожки, и послать къ нему въ Константинополь. Наконецъ, въ восемь часовъ утра, флоты преважно удалились по направленію къ Крыму.

Во время боя, всѣ иностранцы, въ особенности многіе французы, живущіе въ нашемъ городѣ, выражали все свое негодованіе и прискорбіе, видя это бѣшеное нападеніе на торговый и почти безоружный городъ. Нѣкоторые изъ нихъ, движимые понятными чувствами, старались доказать, что городъ бомбардированъ не съ умысломъ, а нечаянно попадавшими въ него бомбами. Считаю долгомъ опровергнуть это нелѣпое увѣреніе, которымъ стараются смягчить жестокость преступленія, опровергая его по миновеніи опасности. Должно обнаружить истину во всей ея наготѣ, заклеймивъ въ глазахъ честныхъ людей всего свѣта тѣхъ, которые, зрѣло обдумавъ, рѣшились на такой стыдъ и преступленіе.

И такъ, вотъ славное и блистательное начало дѣйствій этого огромнаго союзнаго флота въ Черномъ морѣ! Чтобъ доказать свое могущество и удивить міръ великимъ подвигомъ, онъ выбралъ открытый торговый городъ, оставляя *на закуску* укрѣпленные военные города, имѣющіе арсеналы. И какой цѣли достигла эта грозная армада? Ужь, конечно, не славы: она не получила ничего изъ требованнаго ею. Она сражалась безъ чести, держась за выстрѣ-

лами, или обойдя единственную батарею, съ которой могли поражать ее. Она убивала и ранила англичанъ, французовъ и нейтральныхъ. Она нанесла важные ущербы своимъ соотечественникамъ. Что же касается до убытковъ въ нашей Практической гавани, а также потерь, понесенныхъ нѣсколькими частными лицами или торговлею, богатая, сильная Россія отъ нихъ и не поморщится. Напротивъ того, флотъ этотъ больше доказалъ злости, нежели надѣлалъ зла. Онъ самъ значительно пострадалъ, и оставитъ въ исторіи однимъ постыднымъ поступкомъ больше. Онъ совершилъ преступленіе, ничѣмъ неоправдываемое, и оно неразъ будетъ служить упрекомъ обѣимъ замыслившимъ его державамъ.

Я желалъ напечатать эту статью въ вашей газетѣ, читаемой повсюду, чтобы не смѣли исказить печальную и постыдную истину, когда наступитъ время самосознанія. Пусть знаетъ весь свѣтъ, что въ наше время коммерческій и беззащитный городъ былъ, безъ всякой причины и предлога, съ ожесточеніемъ бомбардированъ двѣнадцать часовъ въ одинъ день и часъ въ другой; что въ городъ и Практическій портъ было брошено десять тысячъ бомбъ и всякаго рода зажигательныхъ снарядовъ; что бомбы и ядра найдены во множествѣ на берегу, на огромномъ пространствѣ, въ садахъ, на дачахъ, которыхъ съ моря даже не видать; что если нашъ городъ относительно пострадалъ мало, то это приписать должно, во-первыхъ, благости провидѣнія, а во-вторыхъ, простору улицъ, площадей, дворовъ, мягкости нашего строительнаго камня, и положенію города на большой высотѣ надъ уровнемъ моря, но ужь, конечно, не чувству совѣсти или состраданія со стороны враговъ.

Въ особенности пусть узнаютъ свѣтъ и потомство, что двѣ великія христіанскія націи, изъ которыхъ одна выдаетъ себя за старшее чадо церкви, а другая непремѣнно предписываетъ святить день воскресный молитвою, размышленіемъ и чтеніемъ библіи, рѣшились, безъ всякой причины, къ подобной поспѣшности, бомбардировать христіанскій

городъ въ великую субботу и въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

Въ этомъ отношеніи обѣ онѣ были достойными союзницами Турціи. Турки должны быть ими чрезвычайно довольны, потому что именно въ страстную недѣлю и на праздникахъ пасхи магометане охотнѣе всего нападали на христіанъ и умерщвляли ихъ, бомбардировали и жгли города и деревни христіанскія въ теченіе войны, начавшейся въ 1821 году. Не грустно ли, милостивый государь, видѣть, что двѣ образованнѣйшія западныя націи, хвалящіяся своими высокими качествами человѣколюбія, подаютъ туркамъ, которыхъ они хотятъ обратить къ образованности запада, примѣръ святотатственнаго безбожія и безполезнаго варварства? Всѣ жители Одессы пострадали болѣе или менѣе. На мой домъ упали пять бомбъ. На каждый изъ другихъ досталось хоть по одной. Всѣ жители разсѣялись, и торговля остановилась. Но Одесса озарилась, въ неожиданной, невѣроятной и счастливой своей оборонѣ, блистательною славою, а замыслившіе и исполнившіе это нападеніе запятнали себя вѣчнымъ поношеніемъ. Мы можемъ еще подвергнуться атакѣ, потому что отъ подобныхъ непріятелей всего ожидаемъ, даже перемежающейся бомбардировки новаго изобрѣтенія. Мы можемъ пострадать еще болѣе, но при всемъ томъ будемъ сопротивляться. И если погибнемъ, что почти невозможно, то слава будетъ на нашей сторонѣ, а для враговъ нашихъ Одесса будетъ вѣчнымъ упрекомъ, потому что эта преступная и непростительная бомбардировка превосходитъ всѣ бывшія доселѣ событія, и даже станетъ выше бомбардировки Копенгагена, которою человѣчество безпрестанно упрекаетъ виновниковъ ея.

Д. Д. *бомбардированный житель Одессы.*

IV.

Одесса, 20-го апрѣля.

Вы теперь уже знаете про замѣчательный для Одессы день 10-е апрѣля. Офиціальное донесеніе объ этомъ днѣ само по себѣ такъ краснорѣчиво, что прибавлять къ нему

нечего. Если я пишу въ любезныя «Московскія Вѣдомости», то для того только, чтобъ сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніяхъ и положеніи москвича въ городѣ, который бомбардировали, или, лучше сказать, желали бомбардировать. Буду, по возможности, кратокъ.

Перваго апрѣля, рано поутру, жители Одессы узнали, что появились гости, правда ожидаемые, но приходъ которыхъ все-таки показался неожиданностью: три военные парохода, два англійскіе и одинъ французскій. Я сказалъ, что ихъ ожидали, и вотъ почему. Когда приходилъ къ намъ въ послѣдній разъ англійскій пароходъ «Фюри» и, желая подойти подъ самый берегъ, получилъ ударъ ядромъ, то разсказывали, что капитанъ его, уходя, многозначительно погрозилъ перстомъ на Одессу. Такой свирѣпый!

Вѣсть о приходѣ трехъ пароходовъ многіе приняли за обманъ (не забудьте, что это было 1-го апрѣля). Но общее движеніе населенія къ бульвару, который тянется по морскому берегу, скоро разувѣрило недовѣрявшихъ. Въ двѣнадцать часовъ, окончивъ свои служебныя занятія, я отправился посмотрѣть на пароходы. Бульваръ былъ биткомъ набитъ народомъ; по улицамъ двигались войска; сильные отряды стояли на всѣхъ пунктахъ берега. Въ купеческой гавани всѣ иностранныя суда (большею частію англійскія) вывѣсили свои флаги. Пароходы бродили безпрестанно около гавани, но всегда на благородномъ разстояніи отъ нашихъ батарей. Французскій пароходъ превосходилъ англійскіе бойкостью движеній и исправностью. Всѣ три парохода были огромныхъ размѣровъ, и дымъ отъ ихъ трубъ далеко виднѣлся. Въ продолженіе всего дня они занимались ловлею нашихъ купеческихъ лодокъ, которыя, ничего не зная, шли съ виномъ, солью и другими неважными продуктами. Нѣсколько этихъ барокъ было схвачено въ виду одесскаго бульвара. При мнѣ былъ слѣдующій случай: пароходъ (кажется, французскій) погнался за одною херсонскою баркой: шхиперъ ея, на всѣхъ парусахъ, полетѣлъ къ противоположному (отъ бульвара) берегу одесскаго залива: пароходъ за нимъ, но барка никакъ не хотѣла сдаваться; пароходъ не могъ дальше гнаться за нею

по мелководью, выстрѣлилъ и подбилъ ее. Нѣкоторые слышали, что съ барки отвѣчали врагу выстрѣломъ изъ маленькой пушки; затѣмъ бывшіе на ней люди сѣли въ лодку, и благополучно высадились на берегъ. Можете себѣ представить, съ какимъ чувствомъ мы смотрѣли съ берега на эту сцену! Русскіе мужики не утерпѣли; восклицанія и совѣты градомъ сыпались нашей баркѣ за четыре или за пять вертъ отъ берега: «Живѣй, живѣй, поворачивай направо!.. Уйдетъ, право слово уйдетъ!.. Подбилъ анаѳема-англичанинъ!.. Молодцы, уплыли!»... Пароходъ спустилъ баркасъ и притащилъ подбитое судно. Другое купеческое судно наше захватили враги въ то время, когда на бульварѣ стоялъ хозяинъ груза. Онъ дѣлалъ жесты, слѣдилъ глазами и сердцемъ за своимъ судномъ, какъ мать за ребенкомъ, котораго преслѣдуетъ лютый звѣрь. Нечего дѣлать, пришлось ему удовольствоваться сожалѣніями собратьевъ по торговлѣ и совѣтами благоразумныхъ, что не слѣдовало въ такое время отправлять судна, «маленько бы подождать,» и проч., и проч. Мнѣ разсказывали про поступокъ одного изъ нашихъ шхиперовъ, совершенно противоположный поступкамъ англичанъ. Вамъ извѣстно, что англійскіе корабли захватили нѣсколько нашихъ лодокъ, выставивъ чужой флагъ. Русскій шхиперъ, о которомъ я упомянулъ, встрѣтивъ близъ Одессы соединенный флотъ, поравнялся съ нимъ, и гордо выставилъ русскій флагъ! Онъ могъ бы уйти, еслибъ захотѣлъ употребить англійскій обманъ. Весь день 1-го апрѣля прошелъ для трехъ огромныхъ непріятельскихъ пароходовъ въ великомъ подвигѣ— захватывать безоружныя лодки. По временамъ одинъ изъ нихъ удалялся далеко отъ Одессы, завидѣвъ гдѣ нибудь нашу лодку, другой занимался промѣрами, третій карауллилъ добычу. На другой день пароходы ушли, по предположенію нѣкоторыхъ, праздновать англійскую пасху; по предположенію другихъ, привесть нѣсколько кораблей для дѣйствія противъ города, который защищенъ шестью небольшими батареями, и въ портѣ котораго не было ни одного военнаго корабля.

Надо сказать, что, еще до прибытія трехъ пароходовъ,

жители одесской набережной начали переселяться въ дальнія улицы. Въ день прибытія пароходовъ переселеніе, разумѣется, увеличилось. Одесскій Пале-Рояль, близкій къ морю, опустѣлъ. Переселеніе главнымъ образомъ направлено было въ предмѣстіе Молдаванку, которое внезапно оживилось, и, по извѣстному экономическому закону, квартиры въ немъ страшно вздорожали, тогда какъ въ лучшей части города, на набережной, сдѣлались ни по чемъ. Послѣ отбытія пароходовъ, жители Одессы еще денекъ поговорили о нихъ, стали-было забывать...

8 го апрѣля показалась соединенная французско-англійская армада изъ девятнадцати линейныхъ кораблей и девяти пароходовъ съ 1,900 пушками. Подобный флотъ не часто приходится видѣть. Любопытные отправились за городъ, гдѣ съ возвышенія видно было приближеніе кораблей. Я отправился въ пятомъ часу по полудни къ дачѣ Ланжеронъ, находящейся на довольно высокомъ берегу моря, не болѣе версты отъ городской черты. Тамъ было настоящее гулянье: толпы народа всѣхъ классовъ расположились на высотахъ и по берегу. Сильный отрядъ пѣхоты стоялъ вблизи на площади, у Михайловскаго Монастыря. Генералъ баронъ *Остенъ-Сакенъ*, съ нѣсколькими другими генералами и офицерами, стоялъ на высотѣ берега и наблюдалъ движеніе флота. Погода была прекрасная. Я сошелъ къ самому берегу, гдѣ устроена кофейня. Непріятельскіе корабли входили въ позицію, располагаясь дугою отъ одного края одесскаго залива до другаго. Громадные корабли на всѣхъ парусахъ неслись къ линіи, заворачивали, снимали паруса, бросали якорь. Зрѣлище очень интересное, особенно для непривычныхъ. Въ подзорную трубку можно было видѣть на кораблях людей, которые, кажется, также смотрѣли на насъ въ свои трубы. При взглядѣ на этотъ громадный флотъ, невольно приходила мысль: зачѣмъ онъ пришелъ къ Одессѣ? Для того, чтобъ блокировать одесскій портъ достаточно двухъ или трехъ пароходовъ, по той простой причинѣ, что въ немъ не было (и теперь нѣтъ) ни одного нашего военнаго корабля. Бомбардировать Одессу? Какъ-то не вѣрилось этому. Конечно, англичане неразъ

показали, что они не щекотливы въ средствахъ, — памятна до сихъ поръ бомбардировка Копенгагена. Но эта бомбардировка, если и не имѣла нравственныхъ и юридическихъ основаній, то имѣла хотя логическое — заставить Данію отдать свой флотъ и самое себя въ руки Англіи. Мысль, что союзные адмиралы привели флотъ съ тѣмъ, чтобъ вынудить что либо несогласное съ честью Россіи, была далека отъ насъ.

Пятница прошла въ разговорахъ о союзномъ флотѣ. Во весь день зажиточные жители приморскихъ улицъ вывозились въ предмѣстья и на дачи. Это послужило въ большую выгоду одесскимъ извощикамъ (большею частію великороссы): работы было пропасть, и цѣна самая красная. Надо было отдать честь одесскому населенію: во все время опасности нигдѣ не было замѣтно ни малодушія, ни страха. Великороссы здѣсь еще безстрашнѣе, нежели на коренной родинѣ: прикосновеніе съ другими племенами возбуждаетъ въ нихъ чувство своего нравственнаго превосходства. Слухъ о бомбардировкѣ нисколько не тревожилъ народа въ его обыкновенныхъ занятіяхъ. Разсказываютъ, будто одинъ бондарь, услышавъ, что городъ будутъ *бондировать* (т. е. бомбардировать), и полагая, что это какой нибудь актъ, относящійся къ его ремеслу, явился къ начальству съ предложеніемъ своихъ безвозмездныхъ услугъ.

Вечеромъ въ пятницу замѣтна была на всѣхъ лицахъ какая то тревожная торопливость: видно было, что важное извѣстіе пробѣжало въ народѣ. Подходя къ бульвару, я встрѣтилъ одного изъ моихъ знакомыхъ. На обычный вопросъ: что новаго? онъ отвѣчалъ: «Слышали ли вы, что адмиралы присылали парламентера къ генералу барону *Остенъ-Сакену* съ разными требованіями? Генералъ, конечно, отказалъ, и завтра утромъ начнется бомбардировка». Какія были предложенія иностранныхъ адмираловъ, невозможно было узнать. Кто говоритъ о денежной контрибуціи, кто о требованіи выдать корабли купеческіе, нагрузивъ ихъ пшеницею, и т. д. Только изъ приказа г. генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена мы узнали, уже послѣ отраженія враговъ, что они требовали выдачи всѣхъ

своихъ и русскихъ купеческихъ кораблей, стоявшихъ въ одесскихъ гаваняхъ. Впрочемъ, подробности требованій мало кого интересовали: достаточно было знать, что было требованіе несправедливое и оскорбительное, чтобъ быть увѣрену, что послѣдовалъ полный отказъ. Толпы народа приходили и удалялись съ бульвара въ заботливыхъ разговорахъ; лавки, магазины, трактиры запирались; изъ нихъ и изъ домовъ, близкихъ къ берегу, спѣшили вывозить все, что было можно и что было полегче; чего нельзя было вдругъ вывезти, то запрятывали въ подвалы; всѣ чувствовали, что на другой день будетъ что-то, чего еще не видала Одесса. Я отправился съ бульвара къ моимъ московскимъ знакомымъ: слухъ о бомбардировкѣ распространился. Пока мы толковали о предстоящемъ боѣ, слуга, посланный за чѣмъ-то въ магазинъ, возвратился съ извѣстіемъ, что всѣ лавки, даже мелочныя, заперты, и что въ сосѣднихъ домахъ уже начали вывозиться. Это извѣстіе положило конецъ разговорамъ, особенно когда одинъ изъ зашедшихъ къ намъ объявилъ, что домы, въ которыхъ обитали мои московскіе знакомые и я, будутъ находиться при бомбардированіи въ большой опасности. Мы условились при началѣ канонады собраться на Ришельевской улицѣ у одного изъ москвичей, потому что въ опасности быть вмѣстѣ какъ-то веселѣе и покойнѣе. Было уже около полуночи, когда я пришелъ на свою квартиру; по улицамъ слышался глухой стукъ нагруженныхъ телѣгъ. Я полагалъ, что канонада не скоро дойдетъ до моего дома, но вышло на-оборотъ.

Позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ о военномъ положеніи Одессы. Небольшой, но открытый и широкій заливъ, на одномъ изъ береговъ котораго расположена частію Одесса, тянется по прямой линіи, если не ошибаюсь, версты на четыре или на пять. Для кораблей устроены двѣ гавани: при началѣ залива — Карантинная, при концѣ—Практическая. Въ первой обыкновенно останавливаются Приходящіе иностранные корабли, во второй они принятся до выдержанія карантина и проч. Обѣ гавани искусственныя, и входъ въ нихъ довольно узокъ. Берегъ моря.

на которомъ расположена Одесса, очень высокъ. Шесть недавно устроенныхъ батарей защищаютъ берегъ: 1-я, въ восемь орудій, находится при началѣ залива, у дачи графа Ланжерона; 2-я, въ шесть орудій, и 3-я, въ шестнадцать, на Карантинной гавани; 4-я, въ восемь, посреди берега, на право отъ знаменитой лѣстницы въ двѣсти ступень, которая идетъ отъ моря къ бульвару; 5-я и 6-я на Карантинной гавани. Всѣ полагали, что ударъ непріятеля обрушится прежде всего на батарею № 1 й, но ошиблись.

Въ седьмомъ часу громъ канонады разбудилъ меня. Я отправился на назначенное сборное мѣсто. Проходя по де-Рибасовской улицѣ, узналъ, что непріятельскіе пароходы подошли подъ шестую батарею и стали такъ къ ней, что только одна пушка могла отвѣчать на ихъ выстрѣлы, что ядра падали уже въ новый лицей, и даже на де-Рибасовскую. Дѣйствительно, на этой послѣдней улицѣ ядро ударило въ окно втораго этажа, изъ котораго еще не успѣли выбраться жильцы; къ счастію, никого не убило и не ранило. Громъ выстрѣловъ былъ непрерывный; по временамъ раздавался ужасный залпъ съ цѣлаго борта большаго корабля. На Ришельевской улицѣ были расположены конная артиллерія и дивизіонъ уланъ, послѣдній прямо около нашего сборнаго мѣста. Трудно было узнать въ точности, что именно происходило. Возвращавшіеся съ бульвара говорили, что одна наша пушка продолжаетъ отстрѣливаться отъ нѣсколькихъ пароходовъ, но что за дымомъ нельзя разсмотрѣть положенія дѣла. Ядра, между тѣмъ, долетали къ Михайловскому монастырю: это доказывало, что непріятель дѣлаетъ попытки и противъ первыхъ трехъ батарей. Мы стояли съ походными посохами, и рѣшились не прежде удалиться съ нашего сборнаго мѣста, какъ тогда, когда ядра будутъ долетать до насъ. Нѣсколько часовъ прошло въ разговорахъ и слухахъ: кто говорилъ, что на непріятельской эскадрѣ замѣтны были лошади, и что, слѣдовательно, непріятель намѣренъ сдѣлать высадку. Это извѣстіе очень порадовало наши войска. Разсуждали еще о томъ, до какихъ мѣстъ могутъ долетать ядра, и проч. Часовъ въ одиннадцать пріѣхалъ къ ди-

визіону одинъ уланскій солдатъ, стоявшій вблизи бульвара. На вопросъ офицеровъ, что дѣлается на батареяхъ, солдатъ отвѣчалъ: «Наши бьютъ. — два парохода подбиты». Мы знали, что непріятельскіе пароходы подошли подъ шестую батарею такъ, что могли ее громить изъ всѣхъ своихъ пушекъ, между тѣмъ какъ она могла отвѣчать только изъ одной: поэтому каждый пойметъ, что извѣстіе улана было принято съ недовѣріемъ. «Да не врешь ли ты? сказалъ одинъ изъ офицеровъ: вѣдь ты не видалъ, стоялъ далеко отъ первой батареи!» Солдатъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ повторилъ прежде сказанное. Подвигъ *Щеголева* до того невѣроятенъ, что и теперь всѣ опытные офицеры говорятъ о немъ, какъ о неслыханномъ; всѣ въ изумленіи, но надо было любоваться невозмутимымъ видомъ улана-вѣстника: онъ сообщилъ о подбитіи одною пушкою двухъ кораблей какъ о чемъ-то очень естественномъ, чему такъ и быть должно! До какой степени чувство непобѣдимости, порожденное 150-ти-лѣтними побѣдами, твердо укрѣплено въ душѣ русскаго солдата, что онъ самые неслыханные въ военной исторіи подвиги считаетъ съ нашей стороны дѣломъ очень обыкновеннымъ! Его товарищи приняли это извѣстіе съ такимъ же хладнокровіемъ, и продолжали завтракать, угощаемые обывателями сосѣднихъ домовъ. Мы отправились, чтобъ узнать навѣрное о вѣсти, которой сильно хотѣлось вѣрить, а все-таки не вѣрилось. Извѣстіе подтвердилось. Канонада, между тѣмъ, гремѣла неумолкаемо. Множество народа стремилось къ бульвару посмотрѣть на пальбу, такъ что милиція должна была удерживать безстрашное любопытство. Бодрость одесскаго населенія была по истинѣ удивительна. Въ полдень мы начали справляться, гдѣ бы пообѣдать; трактиры были заперты, и открылось, что одна мужественная нѣмка, содержательница общаго стола, приготовила обѣдъ, не смотря на громъ пушекъ. Мы застали тамъ множество народу; обѣдъ кипѣлъ среди одушевленныхъ разговоровъ и выстрѣловъ. Вновь приходящіе сообщали новыя извѣстія: что было часъ назадъ считалось старымъ. Изъ оконъ видно было, что жители улицъ

лежащихъ за соборомъ, также начали двигаться къ Молдаванкѣ. Болѣе мужественные увязывали драгоцѣннѣйшее имущество и ждали на мѣстѣ приближенія грозы, въ томъ числѣ и наша нѣмка, которая поспѣшила убрать гравюры, украшавшія ея столовую. Проходя чрезъ соборную площадь, на которой стояло нѣсколько тысячъ пѣхоты и кавалеріи съ артиллеріей, я увидѣлъ, что одинъ батальонъ быстро пошелъ къ Пересыпи; мнѣ сказали, что непріятель, кажется, намѣренъ сдѣлать высадку въ этой части города, лежащей въ самомъ концѣ залива. Жители Одессы стали привыкать къ выстрѣламъ, и я зашелъ на свою квартиру: домъ былъ почти пустъ, ключъ отъ моего обиталища валялся при входѣ: я зашелъ къ себѣ немного отдохнуть. Въ Одессѣ, гдѣ много праздная народа, во всѣ эти тревожные дни не было ни одного воровства, хотя квартиры были не заперты, и даже на лѣстницахъ и дворахъ лежали узлы и стояли нагруженные экипажи безъ всякаго присмотра. Въ пять часовъ я пошелъ по направленію къ новому базару. Толпа мальчишекъ катила еще теплое ядро. Я спросилъ, гдѣ они его взяли. «Упало вотъ здѣсь, на новомъ базарѣ, убило бабу да солдата». Мальчишки продавали свою добычу. Одинъ парень, не принадлежавшій къ компаніи владѣвшей ядромъ, закричалъ мальчишкамъ: «Что вы, дураки, бросьте, разорветъ сейчасъ!».. Мальчишки отпрыгнули назадъ; хитрецъ подхватилъ ядро и убѣлъ, преслѣдуемый первыми пріобрѣтателями. Выстрѣлы продолжались, хотя и не такъ часто, какъ прежде. Въ шесть часовъ канонада умолкла, и толпы народа хлынули на бульваръ осматривать ея слѣдствія. Весь результатъ двѣнадцати-часовой канонады состоялъ въ нѣсколькихъ сожженныхъ домахъ на Пересыпи, въ разбитыхъ стеклахъ, въ пробоинахъ въ нѣкоторыхъ домахъ на бульварѣ, въ сбитой батареѣ Щеголева, которая защищалась съ такимъ неслыханнымъ мужествомъ. Одно ядро ударило въ гранитный піедесталъ монумента герцога Ришелье, поставленнаго среди бульвара; кусокъ гранита былъ имъ оторванъ. Любопытное дѣло: Одесса воздвигла монументъ благородному французу, котораго память до сихъ поръ

чтить, а французское ядро полетѣло въ него, какъ будто бы съ цѣлью показать, что тотъ народъ, къ которому принадлежитъ одинъ изъ основателей Одессы, чрезъ сорокъ лѣтъ пришелъ истреблять ее. Въ сердцѣ русскомъ не умретъ ни то, ни другое воспоминаніе! Вся непріятельская эскадра стояла въ своей первоначальной линіи: одинъ пароходъ стоялъ отдѣльно противъ бульвара. Вечеръ былъ очень тихій: на Практической гавани горѣли мель и довольно большой купеческій корабль. Кто-то замѣтилъ, что на непріятельскомъ пароходѣ снимаютъ дагерротипный видъ пожара, и что, вѣрно, явится во французской или англійской иллюстраціи картинка съ громкимъ именемъ «Bombardement d'Odessa!» На батареяхъ нашихъ кипѣли работы. Вечеромъ я зашелъ въ кандитерскую Келя (на Ришельевской улицѣ), почти единственную тогда открытую. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ изъ сослуживцевъ: каждый разсказывалъ о минувшемъ днѣ. Отъ одного изъ артиллерійскихъ офицеровъ, тутъ бывшихъ, узнали мы имя героя, начальствовавшаго шестою батареей; узнали также, что прапорщику *Щеголеву* всего восемнадцать лѣтъ, и что онъ очень недавно выпущенъ изъ корпуса. Раздавались всеобщія восторженныя похвалы его непоколебимому хладнокровію въ теченіе двѣнадцати часовъ, когда тысячи ядеръ падали вокругъ него, и отъ гула ихъ онъ получилъ временную глухоту. Иностранцы были въ ярости и негодованіи. «Если онѣ хотятъ драться, сказалъ одинъ французъ про свою и англійскую эскадры, такъ пусть идутъ въ Севастополь! Нечестно тревожить торговый городъ, когда самый успѣхъ не предетавляетъ никакой положительной выгоды». Почти всѣ были увѣрены, что на другой день канонада возобновится съ большимъ усиліемъ. Одинъ высшій артиллерійскій офицеръ нашъ сказалъ: «Если бы я былъ начальникомъ непріятельскихъ артиллеристовъ дѣйствовавшихъ сегодня, то повѣсился бы на мачтѣ!» Дѣйствительно трудно предетавить, чтобы триста пятьдесятъ непріятельскихъ пушекъ, въ виду и при пособіи остальнаго флота, въ теченіе дня, не могли сдѣлать чего нибудь побольше тѣхъ пустяковъ, которые они сдѣлали!.. Говорили о по-

двигахъ студентовъ здѣшняго лицея, *Гг. Деминистра*, *Скоробогатова* и *Пуля* (1). Студенты Ришельевскаго лицея достойнымъ образомъ поддержали то мнѣніе, которое Россія имѣетъ обо всѣхъ питомцахъ науки.

Сверхъ ожиданія, день Свѣтлаго Воскресенія прошелъ совершенно спокойно; утромъ только подходилъ-было одинъ пароходо-фрегатъ, но, встрѣченный мѣткими выстрѣлами, поворотилъ назадъ. Послѣ обѣда на бульварѣ играла музыка; гуляющихъ была бездна, въ томъ числѣ множество дамъ; генералы и офицеры, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, весело говорили о прошедшемъ днѣ. Съ непріятельскаго парохода, стоявшаго насупротивъ бульварной лѣстницы, лорнировали насъ: Одесса показала имъ, какъ мало она была встревожена! Понедѣльникъ также прошелъ спокойно. На другой день хоронили одного изъ капитановъ непріятельскихъ кораблей. Народъ, глядя съ берега на похороны, говорилъ, что это тотъ самый капитанъ, который осмѣлился грозить пальцемъ Одессѣ, т. е. капитанъ «Фюри». Но захваченные матросы нашихъ купеческихъ судовъ, возвратившись, объявили, что убитъ былъ французскій капитанъ. Ночью съ понедѣльника на вторникъ, по разсказамъ бывшихъ на берегу, нѣсколько пароходовъ непріятельскихъ шныряли по заливу съ фонарями: одесскіе остряки говорили, что Дондасъ велѣлъ искать свой мозгъ!...

Въ среду утромъ весь непріятельскій флотъ снялся съ якорей и изчезъ изъ вида.

Въ городѣ все приняло прежній видъ; уѣхавшіе мало по малу возвращаются, — всѣ принялись писать письма роднымъ и знакомымъ, въ томъ числѣ и вашъ покорный слуга вспомнилъ о родныхъ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

И такъ, Одессѣ досталось первой встрѣтить грудью французовъ и англичанъ! Не много хорошаго, кажется, могутъ ожидать они для себя впереди, особенно предъ Севастополемъ, гдѣ ихъ встрѣтятъ не нѣсколько небольшихъ батарей, а сотни пушекъ, неприступная крѣпость и силь-

---

(1) См. стр. 71 настоящаго Сборника.

ный черноморскій флотъ. Мы проводили гостей искреннимъ желаніемъ и впередъ такихъ же успѣховъ, какой имѣли они подъ Одессой (1).

V.

А милу хвалить, какъ ни хвали, все мало!

Дмитріевъ.

Нечаянное и неслыханное нападеніе двухъ сильныхъ флотовъ на мирную, неукрѣпленную Одессу и противорѣчивыя извѣстія о семъ страномъ случаѣ новѣйшей военной исторіи составляютъ теперь предметъ толковъ и изумленія всей Европы. Съ какою цѣлію предпринято и исполнено было это варварское дѣло? Въ какихъ обстоятельствахъ оно случилось? Какія будутъ вѣроятныя его послѣдствія?

Поводъ и цѣль этого разбойничьяго набѣга очевидны. Англія возбудила противу насъ безтолковую Турцію и легкомысленно-коварную Францію, въ томъ убѣжденіи, что Россія къ войнѣ не приготовилась, что сухопутныя ея силы не подоспѣютъ, въ достаточномъ числѣ, къ границамъ для отраженія напора образованныхъ и благородныхъ турокъ (какъ величаютъ донынѣ этихъ дикихъ головорѣзовъ въ западныхъ журналахъ), и, наконецъ, что англичанамъ и французамъ легко будетъ сладить съ русскимъ флотомъ, который, по словамъ благороднаго представителя Франціи, маркиза *де-Кюстина*, нашедшаго радостный отголосокъ въ Англіи и въ революціонной части Германіи, есть не иное что, какъ дѣтская игрушка. Турки, объявивъ войну, ринулись чрезъ Дунай и Азійскую границу, и въ обѣихъ странахъ были отражены, въ Азіи съ уничтоженіемъ ихъ арміи. Эскадра турецкая изчезла въ Синопѣ, какъ шекспировское привидѣніе. «Кто смѣетъ жечь корабли кромѣ насъ!» гнѣвно воскликнули великодушные сыны Британіи, въ душѣ радуясь, что нѣсколькими десятками кораблей стало меньше въ чужомъ флотѣ, чей-бы онъ ни былъ. Вотъ они, съ дядинымъ племянникомъ, вступились за невинную

(1) „Сѣвер. Пчел." 1854 г. № 105.

овечку, блистательную Порту, и сами начали войну съ Россіею. Мы-де васъ! Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ отправили на востокъ четвертую долю всей британской сухопутной силы (25 тысячъ), и тридцать тысячъ французовъ, забывъ только пушки да лошадей. *Лондасъ* и *Гамленъ* вышли въ январѣ въ Черное море; ихъ укачало, снасти порвало, корабли расшатало, а пользы не было никакой. Французскіе офицеры, изучившіе географію востока въ парижской комической оперѣ, жаждали покутить въ Трапезондѣ, въ которомъ жила la Princesse de Trébisonde, или Ma tante Antoine, въ пылкомъ воображеніи предвкушали перепки и ананасы, пили шербетъ и ширасское вино изъ золотыхъ кубковъ, гуляли по цвѣтущимъ лугамъ, залялись на персидскихъ коврахъ, смотря на танцы алмей и баядерокъ, при звукѣ арфъ и тимпановъ. Пришли — и увидѣли кучу бѣдныхъ хижинъ, обитаемыхъ грязными варварами. Назадъ, въ Бейкосъ: тамъ хоть забавляешься похожденіями египетскихъ матросовъ съ англійскими мичманами! Прекрасную, говорятъ, картину представлялъ союзный флотъ, возвращаясь къ злачнымъ берегамъ Босфора. Летали море зажигать, да не горитъ окаянное. Русскіе дѣйствовали благоразумно, осторожно, и, когда благопріятствовали обстоятельства, отважно и рѣшительно. Передъ носомъ высокомѣрныхъ союзниковъ сняли и уничтожили безполезныя въ настоящее время укрѣпленія на Абхазскомъ берегу, вывезли оттуда до пяти тысячъ солдатъ и усилили ими армію. Да какихъ солдатъ! закаленыхъ закавказцевъ: то же, что десять тысячъ англичанъ и двадцать тысячъ турокъ. Это было на югѣ, а что происходило на сѣверѣ? Преславутый *Чарлсъ Непиръ*, напившись пьянъ съ своими друзьями министрами, отпоровъ кошками за пьянство и буйство матросовъ «Беллерофона», дерзнувшихъ подражать начальству, и запасшись хлороформомъ, снялся съ якоря и отправился, въ началѣ марта, взять Кронштадтъ и опохмѣлиться въ Петербургѣ. Съ нимъ случилось то же, что съ однимъ моимъ пріятелемъ, степнякомъ, который, во время войны съ англичанами въ 1809 году, сердился, что наши войска нейдутъ прямо пѣш-

комъ на Англію. «Да какъ пойти? возразили ему: вѣдь Англія островъ». — «Неужели!» сказалъ онъ: «ну вотъ этого я не зналъ!» Такъ и съ англичанами. Выслали свой флотъ за два мѣсяца до освобожденія Финскаго залива отъ льда. Какъ будто не слыхали, что онъ вскрывается не ранѣе конца апрѣля. Вотъ флотъ шатается по Нѣмецкому и Варяжскому морю, зайдетъ то въ Готенбургъ, то въ Кіль, то въ Копенгагенъ, то въ Стокгольмъ. Матросы скучаютъ, бунтуютъ, сѣкутъ ихъ безъ милосердія, а двухъ ужъ повѣсили за любовь къ отечеству, то есть къ англійскимъ кабакамъ. Слышно, что стужа и сырость причинили на флотѣ большую смертность.

Между тѣмъ, громкія и хвастливыя обѣщанія публичныхъ рѣчей и газетныхъ статей напрягли любопытство и ожиданіе публики въ Европѣ до крайней степени. Забавникъ Сафиръ въ своемъ Юмористѣ (Венская газета) писалъ: «Господа актеры британскаго флота! Что жъ вы не начинаете? Поднимайте же завѣсу. Ужъ половина восьмаго. Публика вышла изъ терпѣнія, и слышно шиканье». Шиканье это было громче всего въ самой Англіи, не смотря на то, что министры успѣли купить большими деньгами покорность журналовъ. Важнѣе всего было то обстоятельство, что надлежало помыслить и о денежныхъ средствахъ, предложить парламенту назначеніе новыхъ налоговъ, а этого нельзя сдѣлать, не возбудивъ въ членахъ блистательными событіями надежды на успѣхъ. Въ Англіи не то, что въ Россіи. У насъ чѣмъ сильнѣе нужда и опасность, тѣмъ безкорыстнѣе и усерднѣе всѣ спѣшатъ на помощь правительству, не щадя ни жизни, ни имущества. Въ Англіи же, гдѣ министры суть не слуги королевы, а только прикащики богатыхъ торгашей и капиталистовъ, можно склонить публику къ пожертвованіямъ лишь обѣщаніемъ и надеждою барыша по сту на сто. Какъ и чѣмъ удовлетворить эту нетерпѣливую жажду славы и добычи? Разбить русскіе флоты? для этого надобно деревянными стѣнами разбить грозныя скалы и стѣны. Взять Севастополь или Кронштадтъ? глазъ видитъ да зубъ нейметъ. Наконецъ *Пальмерстонъ* и его товарищи рѣшились изумить

и обрадовать Англію блистательнымъ подвигомъ разрушенія Одессы. Одесса извѣстна и славна на всемъ западѣ: туда обращаются тусклые взоры голодающихъ французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, англичанъ когда неурожай въ собственной землѣ прекратитъ средства къ пропитанію. Туда несутъ золото и серебро Европы за насущный хлѣбъ. Разоримъ Одессу, обогатимъ еще однимъ трофеемъ монументъ, красующійся именами Текселя, Копенгагена, Китая, Дона Пасифико, короля москитосовъ, имама маскатскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приказаніе бомбардировать Одессу дано было лондонскимъ министерствомъ (съ сообщеніемъ о томъ парижскому таковому жъ). Это явствуетъ изъ того, что заолго до событія писали о немъ въ тамошнихъ газетахъ, какъ о дѣлѣ совершившемся. Канцелярская тайна въ Англіи невозможна и неизвѣстна. Адмиралы исполнили предписаніе, избравъ для того день великой субботы, какъ бы въ угожденіе правовѣрнымъ мусульманамъ, своимъ любезнымъ союзникамъ. За тридцать три года предъ симъ, именно въ этотъ день (10-го апрѣля 1821) въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Царѣградѣ, преданъ былъ турками мучительной смерти православный патріархъ Григорій, почивающій тѣломъ въ нашей Одессѣ. Достойная христіанскаго Запада годовщина! И мало ли еще соображеній представляютъ событія сего достопамятнаго дня! Французскимъ ядромъ отбило часть подножія монумента, воздвигнутаго достойнѣйшему изъ сыновъ Франціи, герцогу де-Ришелье, который у насъ, на чужбинѣ, оставилъ память въ благословеніяхъ, а въ своемъ отечествѣ изныль въ трудахъ и огорченіяхъ и кончилъ славную жизнь только что не въ изгнаніи. Англійскимъ же ядромъ пробило, въ домѣ М. А. Нарышкиной, портретъ *Нельсона*.

И вотъ приходитъ вѣсть о блистательномъ и человѣколюбивомъ подвигѣ союзныхъ флотовъ къ Лондонъ. Министры не дожидаются официальнаго донесенія адмирала *Дондаса*: основываясь на извѣстіяхъ частныхъ и на бюллетенѣ адмирала *Гамелена* (который, по всѣмъ признакамъ, сочиненъ былъ не на адмиральскомъ кораблѣ, а въ отдѣ-

леніи по управленію общественнымъ мнѣніемъ въ парижской префектурѣ полиціи), затрубили побѣду. Лордъ *Кларендонъ* (въ засѣданіи верхняго парламента, 5 го мая) обрадовалъ членовъ его офиціальнымъ подтвержденіемъ радостнаго слуха. Вотъ что сказано объ этомъ въ «Times» (6-го мая). «Вчера объявлено лордомъ *Кларендономъ* въ верхней палатѣ, что атака союзныхъ флотовъ была преимущественно направлена противъ фортовъ (которыхъ нѣтъ), батарей (одной) и военныхъ запасовъ (не имѣющихся) въ Одессѣ. и что истребленіе всего этого произведено было съ успѣхомъ. Взрывъ двухъ пороховыхъ магазиновъ (то есть одного зарядnаго ящика и досчатаго сарая съ небольшимъ запасомъ пороха) несомнѣнно доказываетъ, что бомбардировка производилась съ большою энергіею. и что она была направлена на ту часть города. гдѣ находились военные и морскіе запасы. Мы узнали сверхъ того, что двѣнадцать военныхъ кораблей были потоплены въ портѣ (ни одного) и взято тринадцать русскихъ транспортовъ, нагруженныхъ припасами (ни одного). но большая часть купеческихъ кораблей была спасена, а нейтральное и частное имущество было уважаемо. Разрушенные военные корабли едва ли, можно полагать. составляли важную часть русскаго флота. Это. вѣроятно. небольшіе корабли, содержавшіе сообщеніе между Одессою. Николаевымъ. Херсономъ и Севастополемъ, но пріятно знать, что большая часть этой флотиліи истреблена. и что если должно было нанесть этотъ ударъ, то онъ палъ. по крайней мѣрѣ, не на несчастныхъ одесскихъ купцовъ, а только на Россійскій Императорскій флагъ» (¹). Эти пре-

(¹) It was stated last night by Lord Clarendon in the House of Lords, that the attack of the combined fleets was mainly directed against the forts, batteries and military stores in Odessa, and that in the destruction of these works the operation proved eminently successful. The explosion of two magazines of powder is a strong proof that the bombardment was carried in with great energy, and that it was directedto that part of the city in which the military and naval stores were deposited. We learn, moreover, that twelve vessels of war were sunk in the port, and thirteen Russian transports with their stores in board, captured, while the greater part of the merchant ships were saved, and neutral and private property was respected. The ships of

увеличенія и лжи, умышленно разглашенныя до полученія офиціальнаго донесенія, произвели ожиданное дѣйствіе, и непосредственно, по объявленіи несбыточныхъ выдумокъ, министры предложили утвердить проэктъ закона объ удвоеніи подати съ доходовъ и другихъ налоговъ. Члены парламента разъѣжались, и даже старый радикалъ Юмъ охотно согласился на ассигновку министрамъ нѣсколькихъ милліоновъ, а прежде того онъ не хотѣлъ дать и тысячи. Оппозиція умолкла, и министерство торжествуетъ, но на долго ли? Туча неправды и коварства разсѣется по полученіи вѣрныхъ свѣдѣній объ одесской бомбардировкѣ, и тогда англійская публика увидитъ, какъ ее дурачатъ и обманываютъ (¹).

Вотъ какими жалкими и постыдными средствами хотятъ дать торжество неправому дѣлу! Еслибъ *Боско* былъ англійскимъ министромъ, и онъ устыдился бы дѣйствовать подобными фокусами. И точно эти господа дѣйствовали какъ Боско: фигярскими штуками вытащили (escamoté) изъ кармана вислоухихъ ротозѣевъ нѣсколько милліоновъ, а потомъ—вѣдайся формою суда. Уличай показаніями свидѣтелей, доводами здраваго смысла и самими послѣдствіями дѣла, что все это было обманъ, мороченье, насмѣшка надъ публикою англійскою и французскою, а что взято, то свято!

Достойно замѣчанія еще, что въ слѣдъ затѣмъ въ Times

war, said to be destroyed, can hardly be supposed to form an important part of the Russian fleet, and they were probably vessels of small force lying in the harbour of Odessa and used for the purpose of carrying on communications between Odessa, Nicholaew, Kherson and Sevastopol; but satisfactory to learn that a considerable portion of this flotilla has been destroyed, and that blow has fallen where it ought to fall, not on the unfortunate of Odessa, but on the Imperial flag of Russia.

(¹) Мы ошиблись, полагая, что реляція *Дондаса* откроетъ истину. И онъ въ своемъ донесеніи лжетъ, какъ товарищъ его *Гамелень*: и онъ сожигаетъ Одесскую цитадель и ему мерещится взрывъ пороховаго магазина. Достойно замѣчанія, что въ извѣстіяхъ объ одесскомъ дѣлѣ всего правдивѣе турки. Въ письмѣ изъ Константинополя, отъ 2-го мая (въ № 133 Allg. Zeitung), сказано: «Бомбардировка Одессы была, если не все насъ обманываетъ, даже *по турецкимъ реляціямъ*, предпріятіе неудачное. Доказано, что пріобрѣтенный ею результатъ равняется нулю».

называютъ нападеніе на Одессу возмездіемъ за Синопъ. Дерзаютъ сравнивать атаку непріятельскихъ военныхъ силъ, плывшихъ для подкрѣпленія арміи турецкой, дѣйствовавшей противъ русскихъ въ Азіи, съ разбойничьимъ набѣгомъ на беззащитный торговый городъ. И осмѣливаются называть это наказаніемъ (punishment)! Какъ-де смѣли русскіе не бояться насъ! Не боялись и не боимся.

Боимся Бога мы, а больше никого.

Любопытно знать, какими неправдами и лжеумствованіями облекутъ подвигъ лютаго тигра на мирныхъ берегахъ Одессы? Англійскій леопардъ тигру съ родни: какъ не вступиться! Нѣтъ сомнѣнія, что это происшествіе возбудитъ въ Англіи большой шумъ и сочувствіе, но такъ же вѣрно и то, что никто не будетъ ему радоваться такъ искренно, какъ вѣрные союзники англичанъ, великодушные французы. Разумѣется, что въ печатныхъ статьяхъ будутъ подлаживаться подъ британскій тонъ, но въ глубинѣ сердецъ (1)

Эта дружба кладязь мрачный:
Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно—
Ужасный крокодилъ на немъ лежитъ! (2).

И. Гр.

VI.

Сообщаемъ нѣкоторыя подробности о бомбардированіи Одессы, помѣщенныя въ письмѣ напечатанномъ въ «Journal de Francfort»: Пальба началась въ половинѣ седьмаго утра и продолжалась двѣнадцать часовъ. Стрѣляли ядрами, бомбами и конгревовыми ракетами, будто для истребленія батарей, но на самомъ дѣлѣ по городу. Дома на бульварѣ, которые, по видимому, подвергались совершенному уничтоженію, пострадали менѣе всего. Въ домъ М. А. Нарышкиной попало только одно ядро, своротило весь паркетъ

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 108.
(2) Соч. Батюшкова.

одной изъ залъ, повредило нѣсколько картинъ и произвело большія опустошенія. Въ домѣ Каруторса ядро влетѣло въ окно и ударилось въ портретъ Нельсона. Въ домъ князя Воронцова попала одна бомба, зажгла его, но огонь былъ, по счастію, тотчасъ же потушенъ. Пьедесталъ статуи герцога Ришелье тоже поврежденъ ядромъ, которое, отскочивъ, ударило въ домъ князя Евгенія Гагарина. Лѣстница на бульваръ и небольшая недостроенная церковь были повреждены. Въ домѣ Мазарли, гдѣ помѣщается канцелярія генералъ-губернатора, выбиты были однимъ ядромъ всѣ стекла, безъ дальнѣйшаго вреда. Домы Маринн, Вассали, Столыпина остались въ совершенной цѣлости. Кварталы, наиболѣе осыпанные ядрами, были: Пересыпь, Софійская, Елисаветинская и Херсонская улицы. Домы Манукъ-Бея, гдѣ находится уѣздное училище, Трощинскаго, Артемьева, Зарифори, Бржозовскаго-Либцовскаго, Гансена, Кирьякова, Скаржинскаго и Собанскаго всѣ повреждены ядрами и бомбами, но не загорались. Бомбы долетали до Новаго Базара, гдѣ убита была одна женщина. Даже поврежденъ домъ Репнина, бывшій Вальяна. Двѣ бомбы ударили въ церковь и произвели пожаръ, который вскорѣ былъ потушенъ. Подлѣ церкви, на площади, упало ядро, но никому вреда не сдѣлало. Въ Итальянской улицѣ, гдѣ комитетъ иностранныхъ колонистовъ, не было никакихъ поврежденій. Генералъ Крузенштернъ, живущій въ Софійской улицѣ, противъ архіепископскаго дома, выходилъ изъ своей комнаты въ ту минуту, какъ разорвало влетѣвшую бомбу: его не тронуло. Многія другія лица спасены были столь же дивнымъ образомъ. У одного унтеръ-офицера Иванова въ дребезги разбило ружье, а прикладъ остался у него въ рукахъ. Бульваръ былъ покрытъ народомъ. Нельзя было убѣдить любопытныхъ разойтись по домамъ. Однако же убитыхъ было очень мало. Присутствіе духа и мужество генерала барона *Остенъ Сакена* превыше всѣхъ похвалъ (¹).....

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 113.

Опроверженіе донесенія адмирала Гамелена.

Въ Journal de St. Pétersbourg напечатано:

«Съ удивленіемъ прочли мы донесеніе вице-адмирала *Гамелена* своему правительству о бомбардировкѣ Одессы. Въ немъ сказано, что союзныя эскадры истребили Императорскую гавань сего города, магазины, казармы, пороховой погребъ, батареи, адмиралтейство и тридцати-тысячный одесскій гарнизонъ, и семьдесятъ пушекъ одесской *крѣпости* (?) не могли предохранить Императорской гавани отъ разрушенія.

«Чтобъ оцѣнить эти увѣренія по всей истинѣ, достаточно сказать (впрочемъ, Европа знаетъ сей городъ, ежегодно посѣщаемый тысячьми иностранцевъ), что въ Одессѣ нѣтъ ни крѣпости, ни адмиралтейства, ни военнаго порта. Вице-адмиралъ *Гамеленъ* называетъ Императорскою гаванью портъ, слывшій военнымъ во времена Рибаса. Это названіе за нимъ осталось, но теперь это Практическая гавань, въ которую входятъ суда, очистившіяся въ карантинѣ. И молъ этой Практической гавани не былъ разрушенъ: онъ еще существуетъ, и это могутъ засвидѣтельствовать жители города и находящіеся въ немъ иностранцы. Батарея его, состоявшая изъ четырехъ орудій, шесть часовъ выдерживала бой противъ восьми паровыхъ фрегатовъ и одного пароваго корвета. Она была наконецъ подбита, но должно только удивляться, что она держалась такъ долго, и, не смотря на большое число непріятельскихъ пушекъ большаго калибра, разрушеніе продолжалось шесть часовъ, а не нѣсколько минутъ, какъ должны полагать люди, знающіе артиллерійское искусство. Судя по чрезвычайной несоразмѣрности силъ, такой исходъ, какъ кажется, нимало не оправдываетъ словъ вице-адмирала *Гамелена*, который такъ громко расхваливаетъ чрезвычайное превосходство стрѣльбы англо-французскихъ фрегатовъ. Думаемъ даже, что здравомысліе публики и безпристрастіе исторіи выведутъ совершенно иное заключеніе. Что же касается до разрушенія небывалыхъ заведеній, адмиралтейства, магазиновъ, казармъ и пороховаго погре-

ба, взлетѣвшаго будто бы на воздухъ при крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!» французскихъ экипажей и ура! англійскихъ матросовъ, какъ описываетъ *г. Гамеленъ*. замѣтимъ, что все это ограничивается незначительнымъ взрывомъ одного зарядиаго ящика и пожаромъ досчатаго сарая. сколоченнаго для артиллеристовъ батареи на молѣ.

Что же остается изъ разсказанныхъ подвиговъ начальника французской эскадры? Истребленіе нѣсколькихъ каботажныхъ судовъ и поврежденіе. нанесенное другимъ судамъ. По подробному донесенію. полученному департаментомъ внѣшней торговли. оказывается. что многіе корабли изъ предосторожности затоплены были самими шхиперами. Та же мѣра осторожности принята была. по приказанію начальства, и въ отношеніи къ единственному казенному пароходу «Андіи». находившемуся въ Одессѣ. и къ очаковскому плавучему маяку. Строительный Комитетъ потерялъ одну чистительную машину, а другія подобныя были повреждены.

«Мы и не думали. говоритъ *г. Гамеленъ*. нанесить сколько нибудь вреда городу Одессѣ, какъ равно и Коммерческой его гавани». Мы уже замѣтили, что портъ, обозначенный *г. Гамеленомъ* подъ названіемъ Императорской гавани. которую адмиралы предположили себѣ разрушить, не что иное. какъ Практическая гавань. назначенная для каботажныхъ судовъ. слѣдственно такой же коммерческій портъ. какъ и восточный. называемый Карантиннымъ. Вся разница между ними заключается въ карантинномъ ихъ значеніи. Обратимся къ городу. Судя по французскому донесенію. городъ былъ пощаженъ. Чтобъ узнать истину. стоитъ посмотрѣть на домы съ пробоинами и на бомбы. собранныя на улицахъ (нѣкоторыя даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ). Въ городѣ были убиты три человѣка и ранены восемь. Всѣ эти подробности, которыя можно видѣть на мѣстѣ. доказываютъ всю невѣрность французскаго донесенія. Можно отыскать въ немъ и другія погрѣшности.

«Полевая батарея, поставленная на Пересыпи. не была принуждена замолчать, а, напротивъ того, она заставила

постыдно отступить непріятельскія гребныя суда, посланныя къ берегу, подъ защитою пароходовъ, съ видимою цѣлью произвесть высадку.

«Вице-адмиралъ *Гамеленъ* говоритъ о безпорядкѣ, господствовавшемъ въ городѣ съ самаго начала бомбардировки. Жители Одессы и находящіеся въ ней иностранцы могутъ засвидѣтельствовать, что порядокъ не былъ нарушенъ ни на одну минуту. Богослуженіе великой субботы ни на мигъ не прерывалось; иностранцы были неприкосновенны, и иностранные консулы отдали, какъ извѣстно, въ томъ всю справедливость въ офиціальномъ документѣ, сообщенномъ уже публикѣ, выразивъ всеобщую благодарность за покровительство, оказанное ихъ единоземцамъ.

«Вице-адмиралъ *Гамеленъ* говоритъ, что два французскіе корабля, пользуясь мнимымъ безпорядкомъ при атакѣ, успѣли выйти изъ гавани. Мы обязаны сказать, что эти два судна, нагруженныя хлѣбомъ, получили дозволеніе Государя Императора выйти въ море, потому что они нагрузились и вышли изъ Одессы до обнародованія запрещенія о вывозѣ хлѣба. Бури принудили возвратиться эти суда въ гавань для починки.

«Вице-адмиралъ *Гамеленъ* приписываетъ безпорядку, господствовавшему въ Одессѣ, что во время боя нигдѣ не былъ выставленъ русскій флагъ. Это отсутствіе флага, которому онъ удивляется, можно объяснить очень просто тѣмъ, что въ Одессѣ нѣтъ никакой крѣпости, никакого адмиралтейства, и даже не было ни одного русскаго военнаго судна, хотя въ англійскихъ газетахъ великодушно взорвали на воздухъ въ Одессѣ одинъ фрегатъ, а девять другихъ истребили на верфяхъ. Одесскія батареи не составляютъ постоянныхъ укрѣпленій. Онѣ устроены временно для защиты гавани отъ отдѣльныхъ крейсеровъ, или отъ турокъ, потому что, признаемся, мы никакъ не ожидали нападенія на мирный, чисто коммерческій городъ со стороны союзныхъ эскадръ двухъ просвѣщенныхъ народовъ. Прибавимъ еще, что отдѣльныя батареи не выставляютъ у насъ флага.

«Геройскіе подвиги соединенныхъ эскадръ въ семь слу-

часъ внушали вице-адмиралу *Гамелену* слѣдующія замѣчанія: «Если, говоритъ онъ, высокое искусство войны состоитъ въ томъ, чтобъ наносить много вреда безъ собственнаго ущерба, то никогда подобное правило не было примѣнено лучше нынѣшняго». Эта прекрасная фраза имѣла бы логическій смыслъ только тогда, когда бъ одесскія батареи не нанесли ни малѣйшаго вреда непріятельскимъ судамъ. Но на дѣлѣ было вовсе не то. По какой причинѣ, спросимъ мы, 10-го (22-го) апрѣля три фрегата, а на другой день корветъ «Фюри» уведены были на буксиръ за выстрѣлы батерей? Когда должно послѣ боя выводить пароходные фрегаты на буксиръ? Можно полагать, что въ этомъ нѣсколько виновны батареи противной стороны.

«Гг. адмиралы увѣряютъ, что они совершенно достигли своей цѣли наказаніемъ военныхъ начальствъ Одессы. Но требованія ихъ состояли въ томъ, чтобъ имъ *тотчасъ* же были выданы всѣ англійскія, французскія и русскія суда, находящіяся въ Одессѣ. Послѣ же бомбардировки Одессы, съ разсвѣта до вечера, они оставили одесскій рейдъ, не получивъ требованныхъ ими судовъ. Когда требованіе было произнесено такъ грозно, когда для исполненія прибѣгли къ силѣ, и потомъ уходятъ, не получивъ желаемаго, то мы не иначе умѣемъ назвать это какъ *неудачею*.

«Наконецъ, что касается до преступленія, въ которомъ адмиралы обвиняютъ одесскія начальства касательно нарушенія правъ переговорнаго флага, намъ уже нечего прибавлять къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ прежде. Если въ письмѣ своемъ къ генералу *барону Остенъ-Сакену* говорятъ они, что отвѣтъ его состоитъ изъ ложныхъ показаній, то это выраженіе нѣсколько неучтиво, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ оно было справедливо. Почему же показанія ихъ должны служить авторитетомъ, когда ихъ самихъ при томъ не было, а показаніе русскихъ офицеровъ, у которыхъ въ глазахъ дѣло происходило, не заслуживаетъ никакой вѣры? Если съ одной стороны утверждаютъ, а съ другой отвергаютъ, то, судя по англійскимъ

и французскимъ увѣреніямъ, обвиняющимъ насъ всегда и во всемъ, мы должны ожидать, что и въ этомъ случаѣ на насъ падетъ вина въ нарушеніи общенародныхъ правъ. Но, по нашему мнѣнію, безразсудно предполагать, чтобъ кто либо безъ всякой причины сталъ стрѣлять въ переговорное судно. Порученіе, данное парламентеру, было уже исполнено лодкою съ фрегата «Фюри». По какому же законному поводу и для какого успѣха въ переговорахъ фрегатъ вздумалъ встать подъ выстрѣлы нашей батареи? Намъ это не понятно. Но этимъ фрегатъ сдѣлался виновнымъ въ нарушеніи установленныхъ правилъ. Очевидно, что еслибъ онъ держался какъ должно, внѣ выстрѣла, никто не думалъ бы стрѣлять въ него. Чтобъ подойти на выстрѣлъ, у фрегата были какія нибудь причины, не имѣвшія ничего общаго съ переговорами. Не знаемъ, хотѣлъ ли онъ ближе разсмотрѣть оборонительныя средства города, хотѣлъ ли изучить мѣстность или промѣрить рейдъ, но все заставляетъ думать, что у него была какая нибудь подобная цѣль.

«Всѣ эти объясненія могутъ служить къ опроверженію невѣрностей и въ донесеніи адмирала *Дондаса*. Онъ говоритъ объ одесской крѣпости, о взрывѣ пороховаго магазина, и увѣряетъ, что городъ и молъ, защищавшіе купеческіе корабли, были пощажены. Все вышесказанное служитъ объясненіемъ и этимъ показаніямъ» (1).

Высочайшій рескриптъ, данный на имя преосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго.

Преосвященный архіепископъ херсонскій *Иннокентій!* Въ тяжкій и вмѣстѣ достославный для Одессы день испытанія, когда союзники враговъ имени Христова, дерзнувъ

---

(1) „Сѣвер. Пчел.“ 1854 г. № 106. Къ числу статей, написанныхъ въ опроверженіе донесеній адмираловъ о бомбардированіи Одессы, относятся помѣщенныя въ „Сѣв. Пч.“ 1854 г. № 130 и 133. — Такъ какъ въ нихъ говорится то же самое, что въ вышенапечатанной, то они и не включены въ настоящій Сборникъ. *Ред.*

нарушить святость великія субботы, были, при всесильной помощи Божіей, отражены храбрыми нашими войсками, вы, съ твердостію духа, достойною пастыря душъ, священнодѣйствуя подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій и назидая паству словомъ вѣры и упованія, содѣйствовали и сами лично, и чрезъ подчиненное вамъ духовенство къ ободренію жителей и къ сохраненію общаго порядка и спокойствія,—и пламенная всѣхъ къ Господу силъ прибѣжность увѣнчалась небеснымъ благословеніемъ нашему оружію.

Въ ознаменованіе особеннаго монаршаго благоволенія къ столь доблестному служенію вашему, Всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемый при семъ алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.

Петергофъ, 25-го іюня 1854 года.

Извѣстіе о взятіи парохода „Тигръ".

Донесеніе генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена главнокомандующему дѣйствующею арміею отъ 30-го минувшаго апрѣля за № 329.

«Съ чувствомъ живѣйшей признательности къ промыслу, вновь благословившему оружіе Августѣйшаго Государя Нашего, спѣшу имѣть счастіе представить вашей свѣтлости флаги: кормовой и гюйсъ, съ сѣвшаго на мель и сдавшагося англійскаго парохода-фрегата «Тигръ» въ 400 силъ, который, по неимѣнію средствъ къ снятію съ мели и приводу въ гавань, въ присутствіи подоспѣвшихъ къ нему на помощь двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ, зажженъ и, въ слѣдствіе того, взорванъ на воздухъ».

Событіе это происходило въ слѣдующей послѣдовательности:

Помянутый пароходо-фрегатъ, шедшій изъ окрестностей Севастополя, сегодня утромъ, при необыкновенно-густомъ туманѣ, сѣлъ на мель, подъ крутымъ берегомъ дачи Картаци, въ 6 верстахъ на югъ отъ Одессы.

Подоспѣвшія во-время изъ колоніи Люстдорфъ, до прихода на помощь пароходу «Тигръ» двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ, 2 орудія 2-й батарейной батареи 16-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ поручика *Абакумова*, съ прикрытіемъ изъ двухъ ротъ резервнаго баталіона Днѣпровскаго пѣхотнаго и взвода Уланскаго графа Никитина полковъ, необыкновенно мѣткими выстрѣлами сдѣлали въ пароходѣ пробоины, оторвали ногу капитану и принудили фрегатъ къ сдачѣ. Выстрѣлы съ парохода ложились за батареею. Флагъ былъ спущенъ и лейтенантъ, принявшій начальство надъ фрегатомъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ объявленіемъ экипажа военно-плѣннымъ.

По приказанію моему, экипажъ высаживался на берегъ на шлюпкахъ, клалъ оружіе и отправляемъ былъ въ карантинъ вмѣстѣ съ ранеными, число которыхъ простиралось до пяти человѣкъ.

Между тѣмъ подоспѣли отправленныя изъ Одессы 8 орудій 2-й батарейной батареи 16-й артиллерійской бригады, 4 батарейныя орудія 10-й артиллерійской бригады, 2-я легкая батарея 16-й артиллерійской бригады, конно-легкая № 11-го батарея, — подъ прикрытіемъ баталіона Суздальскаго пѣхотнаго, резервнаго баталіона Украинскаго егерскаго полковъ, и дивизіона Уланскаго эрцъ-герцога австрійскаго Карла-Фердинанда полка. Не успѣли еще снять раненыхъ съ парохода «Тигръ», какъ показались въ туманѣ два другіе непріятельскіе парохода.

Не имѣя средствъ къ снятію съ мели садившагося фрегата и привести его въ гавань, въ присутствіи двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ, тѣмъ болѣе, что могли прибыть новыя непріятельскія суда, я приказалъ тотчасъ, по снятіи плѣнныхъ съ фрегата, зажечь его выстрѣлами.— Въ слѣдъ затѣмъ 2 непріятельскіе парохода, подойдя на ближній выстрѣлъ батарейныхъ орудій, открыли огонь по нашимъ батареямъ.

Наши 8 батарейныхъ орудій 16-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ полковника *Грановича*, и 4 батарейныя орудія 10-й резервной бригады, подъ начальствомъ капитана *Верховскаго*, стрѣляли, въ продолженіе двухъ часовъ, такъ вѣрно, что поврежденные непріятельскіе пароходы отступили и стали внѣ выстрѣла.

Бой прекратился около двухъ часовъ по-полудни.

Съ нашей стороны убиты: 2 рядовыхъ резервной батареи 10-й артиллерійской бригады и 3 лошади; оконтужены: командиръ 2-й легкой батареи 16-й артиллерійской бригады, полковникъ *Ильинскій*, и резервной батареи 10-й артиллерійской бригады поручикъ *Смирновъ*. Почти всѣ непріятельскіе выстрѣлы падали далеко за батареями.

Взяты нами въ плѣнъ: капитанъ фрегата *Грифѳфардъ*. Офицеровъ 24. Гардемариновъ и матросовъ 201.

По словамъ плѣнныхъ, фрегатъ былъ вооруженъ 16-ю бомбическими пушками.

Окончательный взрывъ затопленнаго фрегата послѣдовалъ въ $7^1/_2$ часовъ вечера.

Дѣятельное участіе въ боѣ принимали: прибывшій въ Одессу, по дѣламъ службы, генералъ-адъютантъ *Кнорринъ*, генералъ-маіоры: начальникъ штаба *Тетеревиковъ*, начальникъ пѣшаго постояннаго артиллерійскаго резерва *Майдель* и командующій одесскимъ гарнизономъ *Корвинъ-Красинскій*.

Между прочими офицерами были употребляемы мною во время боя: флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества: полковникъ *Чебышевъ* и капитанъ *День*.

Я приму всевозможныя мѣры, чтобы достать изъ моря неповрежденныя пушки и затопленные снаряды (1).

---

(1) „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 5. 2-го мая въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ было совершено молебствіе объ успѣхѣ одержанномъ надъ непріятелемъ при овладѣніи пароходомъ Тигръ. — Описаніе этого молебствія и слово, произнесенное по этому случаю преосвященнымъ Иннокентіемъ, желающіе найдутъ въ „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 113 и 141.

Англійскій пароходъ Тигръ.

(Письмо въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ русскаго флотскаго офицера).

Можетъ быть, провидѣніе, въ справедливомъ гнѣвѣ на *лупоносцевъ*, какъ называетъ союзниковъ Порты одинъ изъ нашихъ дѣльныхъ и остроумныхъ адмираловъ, пошлетъ намъ и новые, болѣе славные успѣхи, и память о «Тигрѣ» канетъ въ море забвенія. Теперь новость свѣжа, занимаетъ публику, и потому тороплюсь познакомить читателей вашихъ съ потерею, понесенною нашими противниками. Пароваго фрегата «Тигръ» я не видалъ, но знаю «Мажисіенъ», «Фюри» и «Валоруєъ», суда того же класса, точно такъ же вооруженныя, вообще весьма сходныя, да и о самомъ «Тигрѣ» имѣю достаточныя данныя. Напримѣръ: длина 210 футъ; ширина 36 футъ; глубина 24 фута 6 дюймъ; водоизмѣщеніе 1,220 тоннъ. Машины въ 400 силъ, Пена, лучшаго заводчика въ Англіи. Строилъ его Г. Эди, помощникъ англійскаго сервайера, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ инженеровъ. Судно спущено въ 1849 году, и стоило, безъ провизіи, пороха и снарядовъ, около 450,000 р. сер. Повѣрьте на слово, дѣло немножко знакомое. Вычислилъ бы все, до гвоздя, но некогда, и боюсь утомить васъ. Даже за введенныя техническія подробности въ другое время извинился бы, но теперь, кажется, все морское начало интересовать публику. Грянулъ громъ!...

Покойникъ «Тигръ» былъ то, что мы, *моряки*, называемъ пароходомъ-фрегатомъ, т. е. имѣлъ орудія въ закрытой батареѣ, какъ нашъ паровой фрегатъ «Камчатка». и на палубѣ, именно: четырнадцать 32-хъ фунтовыхъ пушекъ, въ 9 футъ длиною и 160 пудовъ каждая, да двѣ бомбическія 10 дюймов., или, по нашему, двухъ-пудовыя (здѣсь разумѣется вѣсъ снаряда), вѣсомъ каждая въ 250 пудовъ. Такими пушками вооружаютъ самыя почетныя батареи на корабляхъ и на берегу.

Командиръ парохода служилъ мичманомъ на кораблѣ «Азія», подъ флагомъ адмирала *Кондрингтона*, въ Наваринѣ, т. е. нѣкогда имѣлъ честь быть нашимъ союзни-

комъ. «Замѣтьте это», какъ говоритъ капитанъ Кёддль въ романѣ «Домби и сынъ», на случай, если страдальца познакомятъ съ публикою. Въ послѣдствіи, какъ командиръ брига «Крюйзеръ», онъ принималъ дѣятельное участіе во взятіи Кантона, Амоя и Шанхая, и имѣетъ медаль за китайскую войну. Тамъ же «la cause était mauvaise», но бѣдный Генри Уэльсъ *Гиффарда* дѣлалъ свое дѣло. Въ 1841 году его произвели въ постъ-капитаны (capitaine de haut bord; пожалуй не всѣ поймутъ, если не переведу: въ капитаны 1-го ранга), и 19-го іюня 1852 года назначили на лихой пароходъ, такъ нелихо кончившій свое поприще.

Къ падшему врагу должно быть особенно снисходительнымъ. На это подвигаетъ насъ послѣ лютой борьбы тотъ же голосъ чести, который заставляетъ стоять бодро, видя повсюду смерть и разрушеніе; человѣкъ истинно храбрый вѣрно вмѣстѣ истинно добрый и великодушный. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ можно быть строгимъ и къ сдавшемуся непріятелю, не смотря на его положеніе, и, кажется, *тигрицы* подходятъ подъ эту категорію, исключая, конечно, командира, заплатившаго кровію за свою неосторожность—этого упрека съ него снять нельзя ни въ какомъ случаѣ. Пароходъ шелъ въ туманѣ, явно не мѣряя глубины, не бросая лота, какъ выражаемся *мы*, а чтобъ поняли ваши читатели—сдѣлаю маленькое сравненіе. Пускай смѣльчакъ попробуетъ рипуться въ темную комнату, ему неизвѣстную, не протягивая впередъ рукъ—непремѣнно разобьетъ лобъ. Такъ и съ «Тигромъ»: Еслибъ онъ, не видя берега, бросалъ лотъ, то, при превосходныхъ картахъ Манганари, которыя англичане имѣютъ также какъ и мы (карты морей не секретъ), случиться несчастія не могло бы; я разумѣю въ апрѣльскую погоду на Черномъ морѣ, безъ большаго волненія, даже безъ всякаго, коли пѣхотинцы смогли перевезти команду съ стоявшаго на мели парохода. При морозномъ сѣверякѣ, въ декабрѣ, дѣло иное. Мѣстность мнѣ нѣсколько извѣстна. Берегъ приглубый, скрытыхъ опасностей нѣтъ, и я не желалъ бы быть въ кожѣ *Гиффарда*. Не спасетъ бѣдняка и оторванная нога. Но дѣло (хоть и не дѣльное) было сдѣлано; оставалась

честь. Не думайте, м. г., послѣ бомбардированія Одессы и сдачи «Тигра», что корабли пустое дѣло; не вводите въ заблужденіе и публики, иначе (да сохранитъ насъ Богъ!) «горько будетъ пробужденье». При всемъ желаніи быть снисходительнымъ къ побѣжденному противнику, не могу однакожь не выразить мнѣнія, что сдача его преждевременна. Предположивши, что пароходъ уткнулся носомъ въ берегъ (положеніе самое невыгодное для обороны), все онъ могъ дѣйствовать двухъ-пудовою бомбическою пушкою и 24-хъ-фунт. гаубицею. которою вооружался его барказъ, и которая обыкновенно стоитъ на англійскихъ пароходахъ на носу. Всего было пять раненыхъ, когда флагъ гордой Англіи смиренно сошелъ винзъ предъ огнемъ двухъ полевыхъ орудій! Призракъ великаго флотоводца поднялся изъ мрачнаго склепа Св. Павла (1), и единственная рука грозитъ тѣмъ, кто такъ недостойно сразилъ кумиръ, имъ воздвигнутый. Мы же напомнимъ только подобный же случай, на томъ же морѣ, съ однимъ изъ нашихъ пароходовъ: «Колхида» стала на мель у батареи поста Св. Николая, и четыре часа ее били пушки, правда. турецкія, но въ разстояніи, уравнивающемъ турокъ съ англичанами. Командиръ былъ убитъ, офицеры переранены, въ суднѣ насчитали сто двадцать пробоинъ -снялись, и отошли со славой. Здѣсь морякъ выказалъ все свое величіе, мужество, облеченное въ броню хладнокровія, храбрость не подъ вліяніемъ бѣшенства, а въ уздѣ свѣтлаго, сильнаго разсудка. Сравните же оба случая, и вспомните, что «Тигръ» плавалъ уже два года съ тѣми же офицерами и командою. Новобранцами оправдываться нельзя. Выходитъ, что собаку-то съѣлъ одинъ Кукъ, а не всѣ англичане (2).

По взятіи и сожженіи парохода «Тигръ», снято съ него и вынуто изъ воды, по настоящее время, всего девятнадцать пушекъ, въ томъ числѣ чугунныхъ шестнадцать: двѣ (бомбическія) 96-ти фунтовыя, четырнадцать 36-ти

(1) Адмиралъ Нельсонъ.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 112.

фунтовыхъ; мѣдныхъ три: двѣ 18-ти фунтовыя и одна 6-ти фунтовая. Изъ нихъ одиннадцать годны къ употребленію, а остальныя восемь испорчены. Всѣ эти пушки свезены на одесскія гавани. — По списку англійскихъ военныхъ судовъ, помѣщенному въ Морскомъ штандартѣ (The Nautical Standart) 1853 года іюня 13-го, пароходъ «Тигръ» показанъ былъ въ 560 силъ, и, дѣйствительно, машина его, которой часть уже вынута изъ воды, по видимому, должна быть сильнѣе, нежели въ 400 силъ (1).

Письмо англійскаго медика, бывшаго на пароходѣ Тигръ

«Любезный...! Пароходъ Ея Величества *Тигръ* сталъ на мель 12-го числа утромъ въ четверть шестаго, въ густомъ туманѣ, при ходѣ судна около четырехъ узловъ. Когда разъяснѣло, мы увидѣли, что находимся въ полуторастѣ ярдахъ отъ берега, подъ высокимъ крутояромъ. Немедленно завезенъ былъ якорь съ пенькэвымъ канатомъ, пушки отодвинуты на корму, ядра, уголь, вода, баластъ и проч. выброшены, словомъ употреблены всѣ средства для облегченія фрегата въ теченіе почти трехъ часовъ, въ продолженіе которыхъ насъ оставляли въ покоѣ. По истеченіи этого времени полевая батарея пушекъ въ восемь (2) открыла по насъ самый разрушительный огонь, и минутъ чрезъ десять судно загорѣлось въ двухъ мѣстахъ, а капитанъ и четверо другихъ тяжело ранены. Нѣкоторыя изъ нашихъ пушекъ были выброшены за бортъ, и единственная изъ нихъ, изъ которой мы стрѣляли, не могла быть употреблена съ успѣхомъ, по причинѣ необыкновеннаго возвышенія берега. При такихъ обстоятельствахъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе было безполезно, а потому поднятъ былъ русскій флагъ въ знакъ сдачи, и отправлена на берегъ шлюпка, для объявленія о томъ, послѣ чего стрѣльба немедленно прекратилась. Каждому дано было

---

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 136.

(2) Авторъ письма ошибается: при началѣ дѣйствія съ нашей стороны были только два орудія 2-й батарейной батареи 16-й артиллерійской бригады.

приказаніе тотчасъ съѣхать съ судна и взять съ собою все, что заблагоразсудитъ, но, при поспѣшности, весьма немногіе воспользовались этимъ дозволеніемъ, ибо, когда туманъ разсѣялся, показался пароходъ *Везувій*, и намъ было объявлено, что если мы не съѣдемъ на берегъ, то огонь будетъ возобновленъ. До съѣзда съ корабля я сдѣлалъ ампутацію капитану *Гиффарду* лѣвой ноги его, которая гранатою была оторвана по колѣно. Правая нога была также опасно ранена гранатнымъ осколкомъ, проникшимъ до кости. Г. Джонъ *Гиффардъ* (1) потерялъ обѣ ноги, а *Тренеръ*, бизань-марсовой, лѣвую ногу. *Гудъ*, юнга, израненъ осколками гранаты. Эти трое уже скончались. *Таннеръ*, матросъ второй статьи, опасно раненъ гранатою въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ бедро и лѣвую руку; какъ онъ, такъ и капитанъ *Гиффардъ* въ хорошемъ положеніи, и послѣдній болѣе терпитъ отъ раны въ правой ногѣ, чѣмъ отъ ампутаціи. Онъ много пострадалъ отъ продолжительнаго переѣзда съ берега въ городъ, на разстояніи отъ пяти до шести миль.

«Мы нынѣ помѣщены въ карантинѣ, въ комфортабельныхъ комнатахъ, и ничто не можетъ превосходить благосклонности и вниманія, оказываемыхъ намъ всѣми и каждымъ. Мы имѣемъ хорошую квартиру, хорошій столъ, и все что только намъ угодно; въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ ѣдѣ, мы поживаемъ лучше чѣмъ сколько возможно для насъ на эскадрѣ послѣ мѣсячнаго крейсерованія. Я тороплюсь писать, ибо вижу *Фюри* и *Везувій* въ заливѣ подъ переговорнымъ флагомъ, и надѣюсь послать съ ними письмо. *Лаулесъ* (2) и я оба заботимся о капитанѣ, и намъ дозволено ежедневно посѣщать нашихъ товарищей, между которыми весьма мало больныхъ. Всѣ они веселы, хорошо ведутъ себя, и имъ оказывается всякое возможное снисхожденіе. Вчера семь англійскихъ кораблей съ экипажами были освобождены по приказанію, полученному изъ С.-Петербурга.

---

(1) Мичманъ, племянникъ капитана.

(2) Лекарь парохода *Тигръ*, помощникъ автора письма.

«Мы ни въ чемъ не нуждаемся, и супруга генерала *Остенъ-Сакена* настояла на томъ, чтобъ капитану изъ ея собственнаго дома доставляемы были всякія мелкія удобства, принадлежащія болѣе къ роскоши, какъ, напримѣръ, желе. Ежедневно лично посѣщали насъ губернаторъ и другія начальствующія лица, которыя необыкновенно къ намъ благосклонны.

«Я посылаю вамъ этотъ очеркъ для общаго свѣдѣнія.

«Въ большой поспѣшности, вамъ преданный....».

Переводъ отрывка изъ письма г. Аллана.

«Играющіе въ опасныя игры должны готовиться къ случайностямъ. Нашъ несчастный пароходъ подъ Одессою былъ грустнымъ для насъ дѣломъ. Я обращаюсь къ нему однако потому, что изъ напечатанныхъ отчетовъ, преимущественно же изъ письма корабельнаго медика, міръ узналъ, что, по окончаніи битвы, русскіе не уступаютъ другимъ народамъ на земномъ шарѣ въ милосердіи и человѣколюбіи. Оказывается, что съ этими моряками обращались благосклонно и со вниманіемъ, и что съ женскою нѣжностью, назовемъ ее лучше ангельскою добротою, г-жа *Остенъ-Сакенъ* отрѣзала локонъ несчастнаго умершаго мичмана, и препроводила его волосы въ медальонѣ къ его роднымъ.

«Ахъ, г-жа Остенъ-Сакенъ! хотя я и не имѣю счастія знать васъ, я удивляюсь вамъ, почитаю васъ, и, въ той мѣрѣ какъ это дозволено супругу г-жи Карадори, люблю васъ, и здѣсь вписываю этотъ *mio publico segretto*. Да сохранитъ Господь васъ лично отъ печали, и помните, сударыня, что, если я могу услужить кому нибудь изъ вашихъ, даже до собаки вашей внучатной сестры, пришлите его ко мнѣ, и вы увидите, какъ я приму его съ отверстыми объятіями».

Эти письма не нуждаются въ коментаріяхъ (1).

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 130.

Извлеченіе изъ разсказовъ гг. Эдингтона и Селливана, служившихъ на англійскомъ пароходѣ „Тигръ“.

По разсказамъ англійскихъ офицеровъ, три парохода— «Тигръ», «Везувій» и «Нигеръ» были отправлены адмираломъ г. *Дондасомъ*, съ цѣлью препятствовать плаванію русскихъ судовъ по сѣверной части Чернаго моря. Въ началѣ плаванія эти три парохода шли вмѣстѣ по направленію къ Одессѣ; но 29-го апрѣля «Тигръ» потерялъ изъ виду два другіе парохода, однако же продолжалъ идти въ принятомъ направленіи до часу по полудни. Находясь отъ херсонесскаго маяка на NW въ десяти миляхъ, капитанъ приказалъ взять направленіе на островъ Фидониси. Пройдя по этому направленію 60 миль, опять перемѣнилъ курсъ и два съ половиною часа держался въ южной оконечности Царьградскаго устья. Въ девять съ половиною часовъ, когда пароходъ, по счисленію, находился отъ Тендровскаго маяка на StW въ семидесяти миляхъ, взятъ курсъ на N, чтобы приблизиться къ Тендровскому маяку. Здѣсь было дано приказаніе уменьшить пары.

Во всю ночь съ 29-го на 30-е апрѣля былъ штиль и густой туманъ, а потому «Тигръ» шелъ медленно и часто измѣрялъ глубину, и такъ какъ она уменьшалась подобно тому, какъ уменьшается по мѣрѣ приближенія къ острову Тендрѣ, то начальникъ парохода полагалъ, что они находятся въ пяти миляхъ отъ Тендровскаго маяка. Въ четыре часа по полуночи лотъ погрузился только на пять саженъ, а потому капитанъ, думая, что онъ слишкомъ близко подошелъ къ острову Тендрѣ, и желая нѣсколько удалиться отъ берега, приказалъ перемѣнить курсъ на NNW. Находя постоянно ровную глубину (5 саженъ), «Тигръ» держался въ этомъ направленіи полчаса. Въ четыре съ половиною часа пароходъ внезапно сталъ между двухъ подводныхъ камней. По обмѣру найдено воды подъ форштевнемъ 9 футъ, подъ ахтерштевнемъ 28 футъ (1). Тотчасъ были

(1) Невѣрность счисленія штурманскій офицеръ парохода Тигръ, Франциск Эдингтонъ, полагаетъ произошла отъ того, что скорость теченія принималась обыкновенная (до одной мили въ часъ), тогда какъ теченіе изъ Днѣпровскаго

приняты обыкновенныя мѣры для спасенія парохода. Машина дѣйствовала полнымъ заднимъ ходомъ—но нисколько не двигала парохода; люди переходили съ носа на корму и съ кормы на носъ, такъ какъ ни та, ни другая часть парохода не касались камней, но это не помогло. Завезли два якоря, выбросили за бортъ нѣсколько орудій, часть баласта и военныхъ снарядовъ, выпустили изъ котловъ воду—все напрасно. Тогда сдѣланъ былъ выстрѣлъ и начали звонить въ колоколъ, чтобы извѣстить другіе два парохода объ опасности.

Между тѣмъ съ одесскаго маяка извѣщаютъ одесское начальство, что, хотя уже пять часовъ по полуночи, и за густымъ туманомъ ничего не видно, но свистъ выпускаемаго пара и шумъ колесъ явно доказываютъ близкое присутствіе парохода. Въ то же время на маякѣ было слышно въ сторонѣ пять пушечныхъ выстрѣловъ. «Вѣроятно, непріятельскій пароходъ стоитъ на мели» — догадывается дежурный офицеръ на маякѣ.

Въ шесть съ половиною часовъ послышался колокольный звонъ; свистъ пара замолкъ; черезъ десять минутъ раздался вблизи пушечный выстрѣлъ; за нимъ послѣдовали два—но они были отдаленные. Въ семь часовъ все затихло; густой туманъ мѣшаетъ разсмотрѣть даже близкіе предметы; не осталось болѣе никакихъ признаковъ, доказывающихъ присутствіе парохода.

Въ половинѣ девятаго съ дачи купца *Картаци* увидѣли, что непріятельскій пароходъ стоитъ на мели у самаго берега, о чемъ немедленно было донесено начальнику войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ. Около этого времени прибыли съ колоніи Люстдорфъ два полевыя орудія и открыли по пароходу канонаду; черезъ десять минутъ прибыло оттуда же еще два орудія; а чрезъ полчаса явилась на мѣстѣ дѣйствія полевая артиллерія, въ числѣ шестнадцати орудій, и замѣнила прежнія четыре. «Сопротивляться

лимана, идущее вдоль береговъ, въ весеннее время достигаетъ необыкновенной быстроты, отъ 3 до 4 миль въ часъ. (См. Лоцію Чернаго Моря, изданную Гидрографическимъ Черноморскимъ депо въ 1851 году, стр 28).

имъ», говоритъ г. Эдингтонъ, не было никакой возможности, потому что крутизна берега не позволяла дѣйствовать элевацiонно даже единственною носовою пушкою, которую въ настоящемъ случаѣ слѣдовало употребить въ дѣло. Не находя никакихъ средствъ къ оборонѣ, капитанъ, которому однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ оторвало ногу, отдалъ приказанiе: уничтожить сигнальныя книги, журналъ и другiя важныя бумаги и спустить флагъ».

Въ исходѣ десятаго часа на форъ-брамъ-стеньгѣ парохода поднятъ былъ бѣлый флагъ, послѣ чего дѣйствiя русской артиллерiи прекратились, а съ парохода отправилась на берегъ шлюпка подъ переговорнымъ флагомъ; лейтенантъ, бывшiй на ней, объявилъ, что экипажъ сдается военноплѣннымъ,—и къ десяти часамъ всѣ, находившiеся на пароходѣ, съѣхали на берегъ на своихъ гребныхъ судахъ (¹).

Объ отпускѣ изъ одесскаго порта англiйскихъ купеческихъ судовъ.

Одесса, 4-го мая. Во время бомбардировки нашего города, экипажи англiйскихъ купеческихъ судовъ были, для предосторожности, отведены въ отдаленный кварталъ, менѣе подвергавшiйся непрiятельскимъ выстрѣламъ. Самыя же суда остались въ Карантинной гавани подъ охраненiемъ мѣстныхъ начальствъ. 1-го мая генералъ-адъютантъ баронъ *Остенъ-Сакенъ*, во исполненiе Высочайшей воли Государя Императора, объявилъ этимъ экипажамъ, что они свободны со всѣми сими кораблями, и могутъ безпрепятственно

(¹) Морск. Сборн. 1854 г. № 7. Къ числу статей относящихся до бомбардированiя Одессы, не вошедшихъ въ настоящiй Сборникъ, принадлежатъ слѣдующiя: «Грыцко и англичане» **Я. Псарева** („Сѣверная Пчела“ 1854 года № 101). «Копiи съ письма проживающихъ въ Одессѣ иностранныхъ консуловъ къ новороссiйскому и бессарабскому генералъ-губернатору объ огражденiи ихъ отъ опасности». «Письма изъ Одессы о раздачѣ наградъ за отраженiе нападенiя непрiятеля» („Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 113). „Показанiе греческаго подданнаго Лаваро, владѣльца коммерческаго брига Iоаннъ Предтеча, взятаго англичанами 28-го апрѣля 1854 г.“ (С.-Петерб. Вѣдом. 1854 г. № 185) и другiя. *Ред.*

выйдти въ море. Нельзя описать удивленія и радости шхиперовъ и матросовъ при этомъ извѣстіи, которое тѣмъ болѣе было для нихъ неожиданно, что, по сознанію самого вице-адмирала *Дондаса*, предложившаго размѣнять ихъ на плѣнныхъ, они должны были почитать себя въ плѣну. Возвратясь на свои суда, люди эти нашли всю свою собственность въ совершенной цѣлости и сохранности. Они выразили благодарность свою криками восторга и продолжительными ура, а также благодарственнымъ письмомъ къ начальнику карантина. 3-го мая, капитанъ англійскаго пароваго фрегата *Фюри*, пользуясь дозволеніемъ, даннымъ ему, передать офицерамъ и экипажу парохода «Тигръ», находящимся у насъ въ плѣну, разную одежду и до пятидесяти фунтовъ стерлинговъ золотомъ и серебромъ, написалъ письмо къ генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену* для выраженія ему благодарности за великодушное и человѣколюбивое обращеніе съ несчастными его товарищами (1).

Появленіе союзныхъ флотовъ въ виду Севастополя.

Севастополь. Во вторникъ, 30 мая утромъ, англійскій пароходъ, показавшійся въ виду нашихъ береговъ, сначала подъ австрійскимъ флагомъ, пытался увести шедшее въ Эвпаторію русское каботажное судно; но появленіе высланныхъ изъ гавани фрегатовъ *Кулевчи* и *Коварна* понудило его бросить означенное судно, снявъ его экипажъ. Во время погони, съ обѣихъ сторонъ сдѣлано нѣсколько дальнихъ выстрѣловъ. Наши пароходы не могли принять въ дѣлѣ участія, ибо пары ихъ не были еще подняты, когда непріятель съ поспѣшностью удалился.

Изъ Кинбурна сообщаютъ, что въ пятницу, 2-го апрѣля, непріятельскій винтовой пароходъ-фрегатъ, прикрываясь русскимъ флагомъ, подошелъ къ этой крѣпости внѣ пушеч-

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 109. Этотъ поступокъ вызвалъ со стороны всѣхъ иностранныхъ консуловъ, проживавшихъ въ Одессѣ, особую благодарность, изложенную въ письмѣ ихъ, напечатанномъ въ Сѣв. Пчел. 1854 г. № 92.

наго выстрѣла, и взялъ 6 купеческихъ судовъ. Въ тотъ же день, по донесенію изъ Аккермана, англійскій пароходъ сжегъ, у Бугаза, русское каботажное судно, ограбивши его; экипажъ успѣлъ заблаговременно спастись (1).

16-го сего апрѣля, утромъ, англо-французскій флотъ появился въ виду Севастополя въ слѣдующемъ составѣ; кораблей: трехъ-дечныхъ 5, двухъ-дечныхъ 12. Фрегатовъ паруснихъ 1, винтовыхъ 1. Пароходовъ 9.

При закатѣ же солнца видны были на горизонтѣ подходившія къ флоту еще два трехъ-мачтовыя судна.

Въ теченіе дня сближались съ Севастополемъ, на разстояніи отъ двухъ до трехъ миль, нѣсколько пароходовъ и, подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, винтовой корабль, который долженъ быть *Агамемнонъ*, съ адмираломъ *Лайонсомъ*. Другихъ дѣйствій соединенные флоты, до 18-го числа апрѣля, не предпринимали (2).

Извлеченіе изъ донесенія его свѣтлости начальника морскаго штаба генералъ-адъютанта князя Меншикова.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* увѣдомляетъ отъ 6-го мая сего года. Вчерашій день два непріятельскія парохода подходили къ Севастополю, но тотчасъ же обратились назадъ и скрылись въ туманѣ.

Передъ тѣмъ слышны были пушечные сигналы соединенныхъ флотовъ, но, по мрачности горизонта, судовъ нельзя было разсмотрѣть. Сегодня утромъ прибылъ изъ Николаева пароходъ Эльборусъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта *Попова*. Ему спеціально поручено было перевесть это судно, и онъ искусно воспользовался туманною погодою, къ исполненію сего порученія (3).

Отправленіе союзныхъ войскъ въ Турцію.

Парижъ 31 марта 1854 г. Наконецъ часть экспедиціон-

---

(1) Одесскій Вѣст. 1854 г. № 37.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 94.
(3) „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 4.

наго корпуса плыветъ къ Галлиполи. Въ оффиціальной газетѣ говорятъ, о 15,000 человѣкахъ, отправленныхъ изъ Алжиріи, но не сказано, когда они отправились, и изъ какихъ полковъ состоятъ. Въ алжирскихъ газетахъ упоминается объ отправленіи одного баталіона венсенскихъ егерей и одного баталіона зуавовъ. Они посажены на суда 23-го марта. Въ «Монитерѣ» опровергаютъ сегодня слухъ (вѣроятно, хотѣли сказать *мнѣніе*), что русскіе будутъ въ Константинополѣ ранѣе нежели французы. Это мнѣніе, конечно, слишкомъ смѣло, но оно доказываетъ, какъ недовольна публика медленностью правительства въ приведеніи въ движеніе такого незначительнаго корпуса. Самъ Монитеръ соглашается, что весь корпусъ будетъ на мѣстѣ назначенія не прежде первыхъ чиселъ мая. Удивляются также, что для укомплектованія нѣкоторыхъ полковъ переводятъ людей изъ другихъ командъ. Въ Монитерѣ увѣряютъ, также сегодня, что ремонтныя депо могутъ, въ случаѣ нужды, доставить потребное число кавалерійскихъ и обозныхъ лошадей. Зачѣмъ же ихъ такъ много закупаютъ въ Германіи? Въ Марсельской газетѣ «Нувеллистъ», сказано, что генералъ-лейтенантъ сэръ Дж. *Броунъ*, со свитою, прибылъ наканунѣ ввечеру изъ Парижа въ Марсель для отъѣзда въ Константинополь. Генералъ *Левальянъ*, отправился туда вчера на пароходѣ «Нилъ», съ маркизомъ *Грискуромъ*. Вчера же отправлены двѣнадцать пушекъ съ ящиками и снарядами. Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Тулона, что 26-го марта долженъ былъ отправиться третій транспортъ войскъ. Первый, какъ извѣстно, вышелъ изъ Марсели 19-го числа, и 23-го прибылъ уже въ Мальту. Второй, въ двѣ тысячи человѣкъ, долженъ былъ выйти изъ Алжира 24-го числа на паровыхъ фрегатахъ «Албатросъ» и «Монтезума». Третій, состоящій изъ линейной и морской пѣхоты, готовился отправиться 26-го, но останется еще дня на два въ ожиданіи обоза. Впрочемъ, господствующія на морѣ бури и безъ того задержали бы его. Неожиданная остановка воспрепятствовала также прибытію нѣсколькихъ полковъ изъ внутреннихъ провинцій. Рона, сдѣлавшаяся было судоходною,

вновь обмелѣла. Судоходство прекратилось, и полки изъ сѣверныхъ провинцій (между прочимъ 27-й линейный) принуждены идти на Авиніонскую желѣзную дорогу (1).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 3-го апрѣля 1854 года, что посланы приказанія объ отправленіи дивизіи генерала *Форе*, составляющей резервъ восточной арміи. Въ Монитерѣ уже объявлено, что весь первый транспортъ, въ двадцать тысячъ человѣкъ, вышелъ въ море. Извѣстно, что, для укомплектованія этихъ полковъ на военную ногу, должно было взять по пятнадцати человѣкъ съ'роты всѣхъ прочихъ полковъ, которые будутъ пополнены новымъ наборомъ. Говорятъ, что для этого правительство рѣшительно намѣрено представить Законодательной Палатѣ проэктъ закона о наборѣ за 1854 годъ ста сорока тысячъ человѣкъ вмѣсто обыкновенныхъ восьмидесяти тысячъ. Здѣсь ожидали прибытія англійскихъ войскъ сегодня или завтра, но теперь говорятъ, что они прійдутъ нѣсколько позже. Замедленіе это произошло отъ нѣкоторыхъ затрудненій въ отправкѣ. Дорогихъ гостей размѣстятъ по казармамъ егерей и вожатыхъ, которые, въ честь своихъ союзниковъ, отправятся на бивуаки на Марсово поле и на Елисейскія поля.... (2).

Въ «Тріестской Газетѣ» пишутъ изъ Константинополя, отъ 3-го апрѣля 1854 г., что первый транспортъ французскихъ войскъ прибылъ въ Галлиполи. Онъ состоитъ изъ тысячи пяти сотъ венсенскихъ стрѣлковъ. Турецкое правительство опасается, какъ кажется, возмущеній въ столицѣ. Конные и пѣшіе патрули безпрестанно ходятъ по улицамъ. Уже съ недѣлю запрещено выходить со двора послѣ одиннадцати часовъ вечера иначе, какъ въ сопровожденіи каваса, или солдата. У арсенальнаго моста выставлена была голова турка, казненнаго за то, что онъ, какъ говорятъ, хотѣлъ возмутить мусульманъ противъ ре-

---

(1) «Сѣверная Пчела» 1854 года № 72.

(2) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 75. Окончаніе письма относится до формированія отряда ста гвардейцевъ, обязанныхъ сопровождать всюду императора.

формъ Порты. Вездѣ видны примѣты волненій, которыя правительство старается подавить сильными мѣрами.

Въ «Zeit» сообщаютъ, что до 3-го апрѣля прибыли въ Галлиполи до восьми тысячъ французовъ и три тысячи пятьсотъ англичанъ. Солдаты, по непривычкѣ къ морю, страждутъ цынгою, и врачи совѣтовали оставить ихъ дней на десять въ Галлиполи. До тѣхъ поръ могутъ, конечно, произойти у Траянова вала важныя столкновенія; но генералъ *Бараэ д'Илье* думаетъ, что союзнымъ войскамъ должно отдохнуть (1).

Французскія войска, на другой же день прибытія своего въ Галлиполи, начали строить укрѣпленный лагерь на высотѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Онъ будетъ расположенъ поперегъ перешейка между Мраморнымъ моремъ и Сароскимъ заливомъ. Другой лагерь, на пятнадцать тысячъ французовъ, англичанъ и турокъ, устроенъ будетъ въ Буюкъ-Чекмеджѣ, близъ Силивріи, на Мраморномъ морѣ. Союзныя арміи, какъ кажется, имѣютъ главною цѣлію защитить столицу отъ внезапнаго нападенія. 8-го апрѣля прибыли въ Галлиполи первыя англійскія войска. Они расположились въ десяти миляхъ отъ города. Вообще думаютъ, что, по прибытіи всѣхъ экспедиціонныхъ корпусовъ, войска эти будутъ направлены на другіе пункты (2).

Корреспондентъ газеты «Clobe» сообщаетъ слѣдующія подробности о прибытіи союзныхъ войскъ въ Галлиполи.

Сюда прибылъ французскій фрегатъ «Christophe Colomb», буксировавшій транспортъ № 6. На этомъ фрегатѣ находились генералы *Канробер*ъ, *Боске* и *Мантентре* начальники 1-й и 2-й дивизій и генеральнаго штаба французской арміи, а равно 600 человѣкъ нѣшихъ стрѣлковъ, нѣсколько саперовъ и 30 лошадей для штаба. Генералы сошли на берегъ въ половинѣ двѣнадцатаго и были приняты адріанопольскимъ пашею, прибывшимъ сюда съ этою цѣлію нѣсколько дней тому назадъ, и членами коммиссіи учреж-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 83.
(2) „Сѣв. Пчела“ 1854 г. № 84.

денной для облегченія сношеній между иностранными войсками и туземцами. У насъ вовсе нѣтъ здѣсь офицеровъ, которые бы знали по турецки. Артиллерійскій маіоръ *Коллингвудъ-Диксонъ*, пять лѣтъ управлявшій турецкою лабораторіею въ Константинополѣ и служившій въ сирійской компаніи, составляетъ единственное исключеніе. Онъ прикомандированъ къ генеральному штабу нашей арміи, а пока собираетъ свѣдѣнія въ Болгаріи. Другой пароходъ «Africaine» прибылъ съ военными припасами и высадилъ 100 человѣкъ. Воинственный духъ замѣтенъ единственно только между турецкою молодежью. Г. *Вротеслей* осматривалъ городъ, чтобы поудобнѣе размѣстить войско, а также посѣтилъ греческаго епископа. Греки принимаютъ видъ, что охотно готовы помѣстить въ своихъ домахъ англійскихъ солдатъ, но турки явно выражаютъ свое неудовольствіе, потому что, не желая жить вмѣстѣ съ христіанскими солдатами, они принуждены вовсе выѣзжать изъ своихъ домовъ. Осмотрѣны также сосѣднія деревни и найдено возможнымъ помѣстить въ нихъ еще до 6,000 человѣкъ. Французскій инженеръ, въ сопровожденіи 150-ти человѣкъ, отправился въ Булагиръ, чтобы найти воды для войскъ, которыя будутъ употреблены для укрѣпленія этой мѣстности. Онъ нашелъ воду, но въ недостаточномъ количествѣ. Французы имѣютъ, какъ кажется, намѣреніе сосредоточить здѣсь значительныя силы. Коммиссіи сообщено о заготовкѣ сюда провизіи для большаго числа войскъ и на продолжительное время: 9,000 головъ рогатаго скота, 18,000 барановъ, кромѣ соразмѣрнаго количества кофе, сахару, дровъ и проч. Адріанопольскій паша отговаривался было трудностью поставить все это количество, стараясь убѣдить тѣмъ, что если союзная армія двинется впередъ, то прійдется снова все вывозить отсюда, но французы настояли на своемъ (1).

Вотъ отрывокъ изъ письма галлипольскаго корреспондента англійской газеты «Post», отъ 3-го апрѣля 1854 г.

Французскія войска будутъ расположены въ четверти

---

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 83.

мили отъ города, англійскія же за семь миль далѣе. Въ этихъ мѣстахъ оказался недостатокъ въ водѣ, а потому принялись рыть колодцы, о чемъ должно было бы позаботиться пораньше. Кромѣ того до трехсотъ англійскихъ солдатъ будутъ размѣщены въ домахъ грековъ, и такое же число французскихъ войскъ въ домахъ турокъ и армянъ. Имѣя предъ глазами неопрятность и бѣдность этихъ жилищъ, я не завидую тѣмъ, которые получатъ въ нихъ помѣщеніе. Одно изъ величайшихъ мѣстныхъ неудобствъ состоитъ въ трудности достать прислугу, которая могла бы понимать и быть понятою. Только въ Смирнѣ и можно нанять подобныхъ людей. Хорошій конь былъ бы здѣсь безцѣнною находкою. Я вздумалъ было попытаться купить себѣ лошадь, но мнѣ привели такихъ клячъ, какихъ свѣтъ не видывалъ со времени храбраго Донъ Кихота. До сихъ поръ въ Галлиполи необыкновенный холодъ, въ слѣдствіе сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые продолжатся, вѣроятно, до конца апрѣля. Погода кажется мнѣ здѣсь холоднѣе, чѣмъ въ Англіи въ продолженіе всей зимы; не смотря на это, въ Галлиполи почти нѣтъ вовсе печей, какъ будто бы температура въ теченіе года обыкновенно не превышаетъ градуса или двухъ. Я пишу теперь, помѣстившись около жаровни съ самымъ дрянным древеснымъ углемъ, до такой степени нездоровымъ и удушливымъ, что только боязнь замерзнуть заставляетъ меня прибѣгать къ нему. Англійскіе офицеры до сихъ поръ ладятъ съ адріанопольскимъ пашею, присланнымъ сюда къ качествѣ коммиссіонера турецкаго правительства, для облегченія сношеній союзныхъ войскъ съ обывателями, но, говорятъ, наши новые друзья, французы, вовсе не произвели на пашу такого хорошаго впечатлѣнія. Генералъ *Канробергъ* потребовалъ до 9,000 головъ скота, вдвое болѣе противъ этого количества овецъ и проч. и обмѣнялся по этому случаю съ пашею при первомъ же свиданіи нѣсколькими отнюдь не дружественными выраженіями. Второе свиданіе еще менѣе содѣйствовало къ водворенію между ними согласія. Генералъ потребовалъ для своихъ войскъ значительнаго количества дровъ; паша возразилъ, что дровъ въ та-

комъ большомъ количествѣ можно добыть только по другую сторону пролива, чрезъ который нѣтъ никакой возможности, до прекращенія бурной погоды, перевозить тяжести на обыкновенныхъ транспортныхъ судахъ. Тогда *Канробертъ* предложилъ разломать на дрова нѣсколько старыхъ не жилыхъ деревянныхъ домовъ, и обѣщалъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ своихъ саперовъ. Турецкій сановникъ воспылалъ гнѣвомъ и выразилъ желаніе узнать — союзною или покоренною страною считаютъ французы Турцію. Такая выходка вызвала со стороны генерала нѣсколько рѣзкихъ выраженій. Теперь онъ отправился въ Константинополь жаловаться (1).

Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ ей изъ Галлиполи: «генералъ *Канробертъ* послалъ своего адъютанта къ пашѣ, чтобы объяснить, что онъ, какъ солдатъ и начальникъ арміи, говорилъ, быть можетъ, слишкомъ-рѣзко. Паша отвѣчалъ, что самъ солдатъ, но не считалъ себя въ правѣ позволить себѣ такія выраженія. Выборъ мѣстъ для главной квартиры арміи далеко не удовлетворителенъ. Невозможно добывать припасы иначе, какъ моремъ или черезъ Малую Азію. Въ водѣ такой же недостатокъ, какъ и въ дровахъ и пристанищахъ. Войска буквально умерли бы съ голоду въ Галлиполи, еслибъ не получали провіанта съ судовъ. Во всей странѣ нельзя найти и фунта масла; говядины и дичи вовсе нѣтъ, и что всего удивительнѣе: яйца есть, а куръ нигдѣ не найдешь. Положеніе французовъ, занимающихъ турецкую часть города, по близости воды, гораздо удовлетворительнѣе положенія англичанъ, помѣщенныхъ въ греческомъ кварталѣ, который населенъ работниками, считающими ихъ своими врагами. У французовъ есть лазареты, у англичанъ нѣтъ ни одѣялъ, ни матрацовъ. Распоряженія сдѣланы съ неслыханной небрежностью. За виномъ для больнаго солдата должны были идти къ генералу, а для госпиталя не нашли нигдѣ ни кофе, ни сахару. Одному изъ врачей удалось, къ счастью, добыть въ домахъ 200 кроватей для больныхъ. Обнаружи-

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 87.

лось два случая оспы; впрочемъ здоровье войскъ вообще довольно удовлетворительно (1).

Путешественники, недавно прибывшіе изъ Константинополя, увѣряютъ, что до 6-го апрѣля прошло черезъ Дарданеллы сорокъ пароходовъ съ англо-французскими войсками и что число ихъ простиралось того числа уже до тридцати пяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ семь тысячъ англичанъ. Говорятъ, что турки совершенно упали духомъ и ожесточеніе ихъ на союзниковъ достигло высшей степени, потому что насильства французскихъ солдатъ въ Галлиполи превосходятъ всякое воображеніе. Турки жаждутъ прибытія русскихъ, надѣясь, что послѣдніе прекратятъ неистовства, которымъ они теперь подвергнуты (2).

Въ письмѣ изъ Галлиполи, отъ 12-го апрѣля 1854 г., помѣщенномъ въ «Allgemeine Zeitung», говорятъ между прочимъ: «Всего вѣроятнѣе то, что англо-французы не начнутъ дѣйствовать со стороны Варны. Французы, и въ особенности моряки, не одобряютъ этой войны, не понимая, почему они должны сражаться за выгоды англичанъ. Да и вообще французы не чувствуютъ къ русскимъ никакой ненависти. Общія складочныя мѣста, общія основанія и, слѣдственно, общія дѣйствія обоихъ войскъ произведутъ между ними не соревнованіе, а недовѣрчивость и ненависть. Это подтверждается опытомъ всѣхъ временъ. Пусть нѣкоторые утверждаютъ, что нынѣ невозможное становится возможнымъ, но, доколѣ существуютъ страсти человѣческія и разныя выгоды, должно сознаться, что подобные союзы не ведутъ къ цѣли, и болѣе выражаютъ взаимную подозрительность, нежели довѣріе. — Галлиполи принимаетъ видъ европейскаго города. Разумѣется, что при высадкѣ не обошлось у французовъ безъ промаховъ и бѣдъ: они наткнулись на одно сардинское судно съ масломъ и повредили его совершенно. Паровой фрегатъ «*На-*

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 89.
(2) Сѣверная Пчела 1854 г. № 104.

нама» сталъ на мель. Тщетно стараются стянуть его. Вѣроятно, его разгрузятъ (1).

Галлиполи, 21-го апрѣля 1854 г. Пишу вамъ изъ города болѣе французскаго, нежели турецкаго. Первымъ дѣломъ генерала *Канробера*, по прибытіи его, было водруженіе трехцвѣтнаго знамени на развалившемся галлипольскомъ замкѣ. Онъ овладѣлъ большею частію домовъ для размѣщенія генераловъ, штаба, войска и для храненія военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Комендантомъ назначенъ полковникъ, управляющій и полиціею. Онъ дѣйствуетъ здѣсь, какъ въ завоеванномъ городѣ. До сихъ поръ прибыли 5.366 англичанъ и 21.100 французовъ. Первые состоятъ изъ 91-го Шотландскаго полка, 6-го егерскаго, 4-го, 28-го и 48-го пѣхотныхъ. Послѣдніе—изъ стрѣлковъ-зуавовъ, одного полка пѣшей артиллеріи, роты инженеровъ, 20-го, 22-го и 27-го линейныхъ полковъ, и изъ десяти баталіоновъ венсенскихъ стрѣлковъ. Десять тысячъ французовъ занимаются укрѣпленіемъ города, который вскорѣ будетъ приведенъ въ хорошее оборонительное положеніе. Другіе пять тысячъ работаютъ надъ прорытіемъ перешейка на высотѣ Буланра. Въ этомъ войскѣ всѣ думаютъ, что война кончится безъ выстрѣла. Франція не выпуститъ уже изъ рукъ Галлиполи, и такимъ образомъ начнется раздробленіе Турецкой Имперіи; въ существованіе ея генералы наши уже не вѣрятъ, видя печальное положеніе этой страны. Мнѣніе сіе подкрѣпляется тѣмъ, что ни одинъ отрядъ еще не подвигался впередъ. Напротивъ того, зуавы, стоявшіе въ двѣнадцати миляхъ отъ города, вчера опять туда возвратились. Экспедиціонныя войска не имѣютъ до сихъ поръ ни одной пушки, ни одной лошади. Флотъ адмирала *Брюа*, изъ шести линейныхъ кораблей и четырнадцати паровыхъ фрегатовъ, стоитъ въ гавани, не готовясь къ обратному отплытію для подвоза новыхъ подкрѣпленій. До сихъ поръ войска обѣихъ армій живутъ довольно дружно. Надолго ли это, увидимъ. Турки, какъ и всегда, холодны и не сообщительны. Дѣятельность, поря-

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 95.

докъ и выправка европейцевъ ихъ не поражаютъ. Они, какъ осужденные судьбою, равнодушно смотрятъ на приближеніе своего послѣдняго часа, покоряясь фатализму. Ежечасно ожидаютъ принца *Наполеона*, маршала *Сентъ-Арно* и лорда *Раглана*, но ихъ главная квартира будетъ въ Константинополѣ. Въ проливѣ носятся обломки кораблей, погибшихъ во время бури на прошедшей недѣлѣ. — Погода все еще холодна, но въ войскѣ больныхъ мало (1).

Парижъ, 26-го апрѣля 1864 г. Здѣсь получены подробности о положеніи французскихъ войскъ въ Галлиполи. Они, къ несчастію, не нашли тамъ ожидаемыхъ ими средствъ и пособій. Офицеры очень удивились этому, и генералъ *Канроберъ* принужденъ былъ занять монастырь дервишей для помѣщенія въ немъ своего штаба. Все тамъ дорого невѣроятно. Уголь, который въ Марсели продается по 40 и 45 фр. за тонну, стоитъ тамъ отъ 140 до 146. Цѣна за лошадей здѣсь вдвое. Французское правительство, узнавъ, что русскіе отправили къ дунайской арміи значительную кавалерію, посылаетъ на востокъ нѣсколько кавалерійскихъ полковъ. Дивизія, стоявшая въ Ліонѣ, получила приказаніе выступить, и будетъ въ Марсели 11-го и 12-го мая; 7-й кирасирскій и 7-й драгунскій полки выступили тоже изъ Версаля и Мелена, но говорятъ, что они отправятся безъ лошадей, потому что провозъ лошади въ Галлиполи обходится въ 700 и до 800 фр. Для снабженія кавалеріи лошадьми, придумали слѣдующее средство: Омеръ-паша направитъ къ Адріанополю и Галлиполи всѣ иррегулярныя войска, которыя ему болѣе мѣшаютъ нежели помогаютъ, а на ихъ лошадей посадятъ французскихъ кавалеристовъ. Засимъ тѣхъ изъ турокъ, которые не захотятъ поступить въ регулярную пѣхоту, отправятъ домой или въ азіятскую армію (2).

Трієстъ, 26-го апрѣля 1854 г. Съ почтовымъ парохо-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 98.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 90.

домъ получены извѣстія изъ Константинополя отъ 17-го числа. Второй транспортъ англійскихъ войскъ прибылъ 14-го апрѣля и помѣщенъ въ мраморномъ дворцѣ султана. Флотъ стоялъ предъ Варною. Въ Галлиполи прибылъ французскій винтовой корабль «Наполеонъ». Тамъ уже высажено двадцать пять тысячъ французовъ и восемь тысячъ англичанъ. Они размѣщены по мечетямъ. Тамъ вообще большой недостатокъ въ хлѣбѣ (1).

Въ «Тріестской Газетѣ» сообщаютъ, что 14-го апрѣля, на колосальномъ англійскомъ пароходѣ «Гималая», привезены въ Константинополь двѣ тысячи англичанъ, подъ начальствомъ генерала *Адамса*. Они помѣстились въ казармахъ, на южномъ концѣ Скутари. Вотъ первые вооруженные христіане, явившіеся въ Константинополѣ въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ. Только день прибытія ихъ былъ выбранъ неудачно. Это случилось въ страстную пятницу (по новому стилю). Какими глазами смотрѣли въ этотъ день христіане Царяграда на полумѣсяцъ, сіяющій на Софійскомъ соборѣ, помышляя объ игѣ, тяготѣющемъ надъ христіанами? Уже четыреста лѣтъ константинопольскіе раіи ожидаютъ освобожденія отъ своихъ братьевъ христіанъ, и нынѣ видятъ они, въ страстную пятницу, что дѣйствительно явились въ Константинополь христіанскіе воины, но только не для битвы съ турками, а какъ вѣрные ихъ союзники. Стеченіе этихъ помышленій поразитъ глубокою скорбію всякаго, для кого всемірная исторія не заключается еще въ торговомъ балансѣ, для кого человѣческое общество по важнѣе ость-индской кампаніи. И сами турки сильно встревожены, видя вступленіе европейскихъ войскъ въ столицу и воображая, съ своей стороны, что наши ихъ измѣнили исламу и предали его гяурамъ. Они не понимаютъ, какую пользу принесутъ Турціи союзныя войска въ Константинополѣ, когда ее бьютъ на Дунаѣ. Въ фанатическомъ предмѣстьѣ Скутари народъ сильно волнуется противъ этихъ опасныхъ гостей.

..Губернаторъ Галлиполи, старый и миролюбивый ту-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 88.

рокъ, умеръ на дняхъ отъ тревогъ, причиненныхъ французскими союзниками. Генералы и полковники мучили его безпрестанно, возлагая на него отвѣтственность за все, что дѣлалось и что могло сдѣлаться впредь. Онъ отъ этого занемогъ, и не дожилъ до переворотовъ, угрожающихъ его отечеству. Пароходъ «Гималая», привезшій 2,100 человѣкъ англичанъ, прибылъ 13-го числа въ Галлиполи, откуда въ тотъ же день повезъ ихъ въ Скутари, въ самую неблагопріятную погоду: снѣгъ валилъ густыми хлопьями, сопровождаемый весьма холоднымъ вѣтромъ; высадка произведена была не ранѣе утра 15-го числа, и войска размѣщены были въ новыхъ казармахъ. Цѣна угля въ Константинополѣ дошла до 65-ти шиллинговъ за тонну. Отъ этого босфорскіе пароходы принуждены были прекратить свои рейсы, потому что они приходились имъ въ накладъ. Одна изъ причинъ дороговизны состоитъ въ томъ, что корабли, привозящіе уголь, не находятъ груза на обратный путь, потому что вывозъ хлѣба запрещенъ. Отъ этого фрахтъ за уголь, бывшій въ пятнадцать шиллинговъ, теперь дошелъ до 60-ти за тонну, а запасъ угля необходимъ для продолженія военныхъ дѣйствій (1).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 22 апрѣля 1854 г., что неблагопріятные слухи касательно Турціи тамъ безпрерывно возрастаютъ. По послѣднимъ письмамъ изъ Константинополя, прежняя безграничная довѣренность рѣшительно превратилась въ уныніе. Опасаются за Варну, и не знаютъ чѣмъ занять обширныя ея укрѣпленія. Дѣйствительно, крѣпость эта требовала отъ адмираловъ помощи, которой они не дали, но изъ галлипольскаго лагеря, вѣроятно, пришлютъ туда дивизію. Впрочемъ, думаютъ, что лагерь этотъ будетъ снятъ по причинѣ затрудненій къ размѣщенію, и потому что часть войскъ не имѣетъ еще убѣжища въ нынѣшнее суровое и холодное время года, извѣстное быстрыми перемѣнами температуры и бурями. Слѣдственно, Галлиполи будетъ толь-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 93.

ко временною стоянкою. Это былъ хорошій стратегическій пунктъ, но при событіяхъ, быстро совершающихся, должно будетъ идти, или, для сокращенія пути, плыть моремъ, въ Варну. Военные люди говорятъ, что ее трудно будетъ защищать. Укрѣпленій тамъ слишкомъ много, а войскъ мало; англо-французская дивизія, подкрѣпленная пушками флота, можетъ однако же оказать тамъ большія услуги. Если вѣрить письмамъ изъ Константинополя, не дисциплинированныя иррегулярныя войска были причиною пораженія и бѣгства турецкой арміи въ кровопролитномъ дѣлѣ, бывшемъ къ сѣверу отъ Варны. Впрочемъ, не говорятъ ни о днѣ, ни о мѣстѣ этого боя.—Достовѣрно только то, что эти жалкія неустроенныя войска возбуждаютъ всеобщее опасеніе. Съ ними побѣда невозможна. Офицеры, возвратившіеся съ востока, громко говорятъ о необходимости распустить эти жалкія ополченія (1).

Изъ Булаира (лагеря англійскихъ войскъ, близъ Галлиполи) пишутъ, отъ 20-го апрѣля 1854 г., что войска эти позволили себѣ всякія безчинства, вынудившія учрежденіе ночныхъ патрулей. Французскіе инженеры, сопровождаемые сэромъ *Дж. Броуномъ*, составили планъ укрѣпленій и завтра приступятъ къ работамъ. Французы будутъ работать на правой сторонѣ, а англичане на лѣвой. Съ той и съ другой стороны будетъ употреблено около 2,000 человѣкъ. Погода хороша, только ночи холодны (2).

Галлиполи, 22-го апрѣля 1854 г. Одинъ французъ, давно живущій въ Турціи, пишетъ: «Сегодня сильный пожаръ истребилъ домъ, въ которомъ жилъ генералъ *Броунъ*. Едва не сгорѣлъ англійскій госпиталь, и только усердію разныхъ отрядовъ войскъ и скорой помощи обязаны, что сгорѣло не болѣе двадцати домовъ. Опасались даже, чтобъ не загорѣлся старый генуэзскій замокъ, гдѣ сложенъ весь порохъ французскаго вспомогательнаго корпуса. Турки были, въ этомъ случаѣ, какъ всегда, спокойны, лѣнивы, не трогались съ мѣста, и только позволяли солда-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 88.
(2) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 96.

тамъ дѣлать что имъ угодно. Я ежедневно имѣю сношенія съ французскими офицерами: всѣ они чрезвычайно разочаровались турками и администраціею ихъ. Они еще почти ничего не видали, а сознаются, что Турція лежитъ въ предсмертномъ бореніи, и что всякая попытка къ воззванію ея къ жизни есть величайшая глупость. Армія пойдетъ впередъ и будетъ исполнять свою обязанность, но она сожалѣетъ, что французская кровь будетъ проливаться для такой націи. На пунктахъ, занятыхъ англійскими и французскими войсками, турки совѣмъ устранены. Видя колоссальную европейскую силу, они сами чувствуютъ свою незначительность и скрываются въ гаремахъ. Намѣстникъ Галлиполи, совершенно растерявшійся по прибытіи европейскихъ войскъ, которыя съ быстротою молніи овладѣли городомъ, какъ бы завоеваннымъ мѣстомъ, сознался, что царство чубука и кейфа окончилось, и чрезъ три дня умеръ. Онъ замѣщенъ адріанопольскимъ намѣстникомъ *Рустемъ-пашею*, который, для избѣжанія участи своего предмѣстника, рѣшился играть роль совершеннаго нуля» (1).

Извѣстно, что редакція «Times» отправила, въ числѣ корреспондентовъ, на Востокъ одного литератора для собранія тамъ на мѣстѣ всего, что́ можетъ быть любопытно, и для изложенія собраннаго имъ въ общепонятномъ видѣ. Онъ изображаетъ въ своихъ письмахъ пріемъ англійскихъ войскъ въ Галлиполи очень правдоподобно, вопреки всѣмъ отзывамъ въ парламентѣ о неосновательности сихъ извѣстій. Исправляющій въ парламентѣ должность военнаго министра, герцогъ *Ньюкестель*, старался ихъ опровергнуть. Понятно, что по военной части каждый газетный корреспондентъ болѣе или менѣе зависитъ отъ правдивости того, кто ему сообщаетъ свѣдѣнія; обязанность его очень затруднительна. Притомъ же, все, касающееся до военныхъ движеній, хранится начальствомъ въ тайнѣ, и корреспондентъ такой значительной газеты, какова «Times», долженъ быть очень остороженъ. Но какъ эта газета бо-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 102.

лѣе всего домогается гласности и извѣстности, то письма ея корреспондента, на котораго такъ жестоко нападали въ парламентѣ, достигли своей цѣли, заставивъ говорить и о сообщаемыхъ въ нихъ извѣстіяхъ, и о корреспондентахъ (1).

Лондонъ 25-го апрѣля 1854 г. Въ «Times» пишутъ изъ Галлиполи: «Едва можно вѣрить, что здѣшній британскій консулъ не былъ никѣмъ предваренъ о прибытіи перваго транспорта войскъ. Начальства послали туда только двухъ офицеровъ безъ переводчиковъ, за нѣсколько дней до прибытія войскъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ. Не зная языка, офицеры эти дѣйствовали очень медленно, и удивительно еще, что успѣли получить что нибудь, ибо французы, прибывшіе туда ранѣе, все прибрали въ свои руки. Къ счастію, англійскій консулъ, человѣкъ рѣшительный, тотчасъ же отправился въ Галлиполи, нашелъ, что французы, въ буквальномъ смыслѣ, овладѣли городомъ. Здѣсь говорятъ, что генералъ *Канробертъ* такъ повелительно требовалъ квартиръ, что паша спросилъ у него: союзникомъ ли онъ пришелъ или завоевателемъ. На другой день генералъ послалъ сказать ему, что, какъ солдатъ и начальникъ войскъ, онъ, можетъ быть, слишкомъ погорячился. Паша отвѣчалъ, что и онъ тоже солдатъ, но никогда не почиталъ себя въ правѣ говорить такимъ дерзкимъ образомъ. Тогда англійскій консулъ объявилъ городовому совѣту, что подходятъ англійскія войска, и успѣлъ выхлопотать помѣщеніе и для нихъ. Но на другой день турецкое начальство извинилось, что оно отвело это помѣщеніе ошибкою. Французы занимаютъ турецкую часть города на берегу, посреди добрыхъ и гостепріимныхъ жителей. Англичане же въ греческомъ кварталѣ, гдѣ жители, искусные и проворные ремесленники, смотрятъ на нихъ какъ на враговъ. Корреспондентъ «Times» находитъ, что помѣщеніе англичанъ вовсе неблагопріятно. Съѣстныхъ припасовъ получать тамъ нельзя иначе, какъ моремъ или изъ Малой Азіи. Нѣтъ ни прѣсной воды, ни

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 95.

дровъ. На постройку укрѣпленій на перешейкѣ нужно будетъ три мѣсяца. Лагерь карабинеровъ и саперовъ находится въ трехъ миляхъ (около пяти верстъ) отъ деревни Булаиръ, или Блеяръ, и командуетъ Саросскимъ заливомъ. Самой деревни не занимали по нездоровому ея положенію, но она будетъ укрѣплена. Деревня эта въ десяти съ половиною миляхъ (четырнадцати верстахъ) отъ Галлиполи; лагерь же въ семи съ половиною миляхъ (десяти верстахъ) отъ порта, гдѣ высаживаются подкрѣпленія войсками, и гдѣ составленъ уже планъ для устройства пристани. Корреспондентъ пишетъ, что Галлиполи находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Войска умерли бы тамъ съ голоду, если бъ не получали припасовъ съ кораблей. Во всѣхъ окрестностяхъ нельзя найти фунта коровьяго масла; мяса нѣтъ вовсе; живность тамъ неизвѣстна, а если есть яйца, то привозныя.—Погода здѣсь еще холодная, и на деревьяхъ едва начинаютъ показываться почки. Лошадей вовсе нельзя найти, и нѣтъ никакихъ удобствъ для жизни. Во всѣхъ отношеніяхъ французы помѣщены лучше насъ. У французовъ благоустроенные походные лазареты, а у англичанъ нѣтъ ни матрацовъ, ни одѣялъ. Всѣ мѣры приняты были съ неслыханною небрежностью. Для одного больнаго солдата принуждены были выпросить вина у генерала. Нѣтъ ни сахара, ни кофе для госпиталей. По счастію, одинъ изъ медиковъ набралъ по домамъ двѣсти кроватей. Оказались случаи оспы. Впрочемъ, больныхъ мало. Курсъ для размѣна денегъ неслыханно высокъ. — Французы составили для себя таксу на припасы и завели трактиръ по умѣреннымъ цѣнамъ (1).

Корреспондентъ «Times» продолжаетъ описывать самыми печальными красками положеніе англійскихъ войскъ въ Галлиполи. Одинъ солдатъ съ отчаянія лишилъ себя жизни. Кажется, что булаирскій лагерь будетъ оставленъ. Тамъ нѣтъ воды. Въ двадцати миляхъ къ сѣверу, въ Шевекѣ, найденъ ручей.—Весна очень холодна. Солдаты, ло-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 90. Срав. съ корреспонд. помѣщенную на стр. 150 настоящаго Сборника. *Ред.*

жась, не раздѣваются, а покрываются всѣмъ, чѣмъ могутъ, чтобъ согрѣться. Французамъ гораздо лучше. Генералъ *Канробер*ъ обходится съ турками повелительно, какъ съ кабилами, и за то его уважаютъ. Онъ обнародовалъ таксу товарамъ, и ему повинуются. Такъ, напримѣръ, одинъ зуавъ увидѣлъ у жителя курицу, отнялъ ее, далъ ему по таксѣ одинъ франкъ и понесъ домой добычу. Англичанинъ же хочетъ торговаться, и платитъ двадцатью или двадцатью пятью процентами дороже. Когда англичане ищутъ съѣстныхъ припасовъ, находятъ только яйца и лукъ, а французъ тащитъ вино, баранину, живность, рыбу. Англичане удивляются, и довольствуются яйцами. Французовъ ничто не останавливаетъ. Они проводятъ дороги чрезъ кладбища, тревожа кости турокъ, а англичане опасаются возбудить ихъ негодованіе. У французовъ пѣтъ въ лагерѣ женщинъ, кромѣ маркитантокъ; у англичанъ ихъ очень много. На одномъ кораблѣ изъ Мальты привезено девяносто семь, изъ которыхъ двѣ дорогою разрѣшились отъ бремени. — Приказъ о перевозкѣ полатокъ на счетъ офицеровъ и о доставленіи ими для сего муловъ произвелъ большое неудовольствіе; да и муловъ нигдѣ не нашли. Говорятъ, что въ Галлиполи были, 13-го числа, растрѣляны три зуава (1).

Въ засѣданіи верхняго парламента, 27-го апрѣля 1854 года, лордъ *Элленборо* сдѣлалъ министерству запросъ о недостаточности мѣръ, принятыхъ для пріема экспедиціонныхъ войскъ въ Галлиполи. Герцогъ *Ньюкестль*, отвѣчалъ, что правительство приняло всѣ нужныя мѣры, и что корреспонденты «Times», по статьямъ которыхъ дѣлаются эти обвиненія, большею частію сообщаютъ извѣстія самыя неосновательныя. Англійскій консулъ въ Галлиполи прислалъ донесеніе, что въ этомъ городѣ можно достать все (2).

Лондонъ, 28-го апрѣля 1854 г. Не смотря на объявленіе герцога *Ньюкестля* и лорда *Кларендона*, въ «Times» упорно продолжаютъ увѣрять, что извѣстія этой газеты о положеніи англійскихъ войскъ въ Галлиполи совершенно

---

(1) „Сѣверная Пчела» 1854 г. № 92

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 92.

справедливы. Корреспондентъ сей газеты сообщаетъ слѣдующія подробности, на основаніи которыхъ сдѣланы были вчера въ парламентѣ запросы министерству: «Единственною мѣрою, принятою начальствами для пріема нашихъ войскъ, было отправленіе, за два дня до прибытія ихъ, двухъ коммиссаріатскихъ офицеровъ, безъ переводчиковъ и безъ главнаго штаба, для принятія мѣръ къ ихъ продовольствію. Офицеры эти не знали языка, и не имѣли никакого средства объясниться; такъ что всѣ ихъ дѣйствія, по покупкамъ, контрактамъ и найму квартиръ, шли очень медленно. Начальникъ первой дивизіи, сэръ Дж. *Броунъ*, прибылъ ночью, въ среду, съ нѣсколькими офицерами, съ бригадою карабинеровъ и съ двумя ротами саперовъ и инженеровъ. Но войска были высажены не ранѣе субботы въ полдень, и разведены по квартирамъ. Отчего? Оттого, что ничего не было приготовлено. О *комфортѣ* (!) и удобствахъ нечего и говорить. Во всѣхъ отношеніяхъ французы могутъ быть нашими учителями въ этомъ дѣлѣ. У нашихъ больныхъ нѣтъ ни одного матраца, ни одного одѣяла; у французовъ есть все. У насъ вовсе нѣтъ медикаментовъ. Изъ Мальты ничего подобнаго не прислано. Потому-то и досадно смотрѣть на французскій госпиталь, гдѣ больные имѣютъ все, что имъ нужно (¹)».

— Корреспондентъ газеты «Chronicle» пишетъ изъ Галлиполи отъ 25-го апрѣля 1854 года: «Не разъ приходилось мнѣ слышать непочтительныя замѣчанія иностранцевъ о нашихъ убѣленныхъ сѣдинами полковникахъ. Продолжительное пребываніе этихъ ветерановъ въ нижнихъ чинахъ иностранцы объясняли себѣ дурнымъ поведеніемъ или неспособностью. Не всегда мнѣ удавалось разувѣрить ихъ. Контрастъ здѣсь въ этомъ отношеніи поразителенъ. Поутру видишь французскаго генерала первой молодости, окруженнаго блистательною свитою, а подъ вечеръ сѣдовласаго англійскаго офицера, старающагося смастерить себѣ изъ двери и двухъ изломанныхъ стульевъ нѣчто въ родѣ стола, чтобы помѣстить на немъ свой ужинъ, т. е.

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 93.

порцію говядины и хлѣба, которую приготовляетъ ему единственный его деньщикъ. Удивительно, съ какимъ единодушіемъ всѣ здѣшнія англійскія войска стыдятся своего перваго появленія въ Турціи, и какъ мало всѣ питаютъ надежды на улучшеніе. Въ прошлую субботу сгорѣли четыре дома; пожаръ произошелъ въ домѣ, занимаемомъ г. *Александромъ*, главнымъ докторомъ. Къ счастію, не было вѣтра, и усилія французскихъ инженеровъ потушить огонь увѣнчались успѣхомъ. Недостатокъ въ англійской почтѣ для насъ очень ощутителенъ. 24-го апрѣля пришла почта изъ Франціи, но ни одному англичанину не выдаютъ писемъ иначе, какъ если онъ заплатитъ за всю связку англійскихъ писемъ. Въ слѣдствіе этого связка остается до сихъ поръ неприкосновенною, хотя заключаетъ въ себѣ до пятидесяти писемъ. Французская экспедиціонная армія имѣетъ свою собственную почтовую администрацію. Французы установили цѣны на всѣ предметы и выше этихъ цѣнъ не дозволяютъ ничего продавать. Мы не участвуемъ въ выгодахъ этого распоряженія—напротивъ, испытываемъ на себѣ иногда его неудобства. Какъ то недавно одинъ англійскій офицеръ торговалъ у турка на улицѣ лошадь. Англичанинъ соглашался уже дать ему 20 фунтовъ стерлинговъ, но явился французскій офицеръ и велѣлъ турку отвести лошадь къ нему въ конюшню за 16 фун. стерл. Такъ какъ продавецъ колебался, то позванъ былъ солдатъ, который и взялъ у него лошадь. Считаю долгомъ прибавить, что, недѣли три тому назадъ, подобная лошадь стоила никакъ не болѣе 10 фунтовъ стерлинговъ. Французы совершенно завладѣли городомъ, и трехцвѣтный флагъ день и ночь развѣвается на замкѣ. Учреждена французская полиція, подъ властію которой состоятъ какъ туземцы, такъ и англичане. Англійскій офицеръ, хотя онъ въ военной формѣ, не допускается въ городъ иначе, какъ съ разрѣшенія французскаго караула, и если желаетъ обѣдать въ ресторанѣ, то долженъ сдѣлать это ранѣе семи часовъ. Англичане переносятъ всѣ непріятности съ терпѣніемъ и равнодушіемъ; безъ сомнѣнія, у нихъ достанетъ разсудительности, чтобы дѣйствовать такъ и на будущее

время, хотя желаніе предоставить это мѣсто въ исключительное пользованіе французовъ сдѣлалось всеобщимъ. Турецкая коммиссія передала въ распоряженіе англичанъ подъ госпитали и кладовыя три зданія въ Нагарѣ, а французамъ всѣ огромные галлиполійскіе ханы и магазины. Не смотря на это, генералъ *Канробергъ* потребовалъ большой лазаретъ въ Нагарѣ. Сэръ Дж. *Броунъ* уступилъ ему, и помѣстилъ въ одномъ изъ оставшихся у него зданій больныхъ, а въ другомъ медицинскихъ чиновниковъ. Французы, открывъ, что одинъ изъ ключей лазарета отпираетъ заднюю дверь этого послѣдняго дома, вошли туда. выгнали англійскихъ чиновниковъ и водрузили огромный трехцвѣтный флагъ. На наши представленія они отвѣчали, что мы отдали имъ лазаретныя зданія, которыя должны состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ строеній. Было бы въ высшей степени неблагоразумно сопротивляться подобному поведенію, однакоже это унижаетъ насъ въ глазахъ туземцевъ. Стоящіе здѣсь пять французскихъ линейныхъ кораблей и безъ того уже породили между здѣшними жителями высокую идею о превосходствѣ французовъ. такъ какъ жителямъ этимъ ничего неизвѣстно о нашемъ балтійскомъ флотѣ. Что это: случай или умыселъ?

Турецкое и англійское начальства въ Галлиполи признали за благо удалить отсюда всѣхъ женщинъ, все равно молодыя ли онѣ или старыя, чтобы этимъ самымъ уничтожить главную причину, отъ которой могутъ произойти враждебныя столкновенія между англійскими солдатами и мусульманами. Все женское населеніе перевезено отсюда чрезъ проливъ въ Лампсаки. Въ Скутари всѣ мѣста, лежащія близъ квартиръ англійскихъ войскъ, также покинуты прекраснымъ поломъ. Однакоже очень немудрено, что эта причина поведетъ къ какимъ-нибудь безпорядкамъ, особенно со стороны ирландцевъ, которые, говорятъ, бываютъ иногда очень рѣзки въ выраженіи своихъ чувствъ (¹).

Корреспондетъ газеты «Times» пишетъ изъ Галлиполи,

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 102.

отъ 1 мая (18 апрѣля 1854 года): «Со времени прибытія сюда бригаднаго генерала *Эйра* (Eyre) и его адъютантовъ: маіора *Гопа* (Hope) и лейтенанта *Граама* (Graham), каждый изъ находящихся здѣсь полковъ былъ предметомъ особой инспекціи. Послѣдствія были удовлетворительны для всѣхъ полковъ, исключая 28-го, смотръ котораго происходилъ вчера. Сэръ Джоржъ *Броунъ* остался недоволенъ этимъ полкомъ во многихъ отношеніяхъ и приказалъ подвергнуть его сегодня утромъ новой инспекціи. Пароходъ «Вулканъ», прибывшій вчера утромъ съ гвардейскимъ полкомъ Колдстримсъ (Coldstreams), отправился въ Константинополь послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ главной квартирой. Гренадеры и стрѣлки отправились еще прежде къ тому же назначенію. Бригадиръ *Эйръ* не оставляетъ въ покоѣ свои войска: 44-й полкъ, удостоившійся похвалы за свой хорошій надежный видъ, 28-й и 4-й, каждый день подъ ружьемъ въ $5^1/_2$ часовъ утра. Самъ генералъ постоянно въ лагерѣ съ ранняго утра, и какъ офицеры, такъ и солдаты считаютъ за счастіе, если отдѣлаются отъ него тремя часами маршировки и эволюцій.

«Не смотря на дурную погоду, войска находятся въ отличномъ состояніи. Однако, правительство поступило бы весьма хорошо, если бы имѣло болѣе попеченія о томъ, что касается ихъ благосостоянія. Что сталось съ пивомъ и съ бѣлымъ элемъ (ale), купленнымъ для офицеровъ? Гдѣ же этотъ здоровый картофель, это сушеное мясо (мясные консервы), всѣ эти прекрасныя вещи, о которыхъ мы такъ много слышали, но которыхъ никогда не видали и не отвѣдывали? Нашъ запасъ рома также, кажется, весьма сомнителенъ. Иногда говядину, которая идетъ на раціоны, вовсе нельзя ѣсть. Она такъ жестка и грязна, что солдаты принуждены выбрасывать ее, а прогулки ихъ во французскій лагерь, въ которомъ все въ изобиліи—и кофе, и сарачинское пшено, и сахаръ, и пр.—еще болѣе увеличиваютъ ихъ неудовольствіе и порождаютъ ропотъ.

«Почтовая часть также устроена весьма дурно, особенно въ сравненіи съ прекраснымъ устройствомъ ея во французской арміи. Вотъ вамъ примѣръ тому: извѣстное число

писемъ, назначенныхъ въ различные англійскіе полки, приходитъ въ Мальту. За каждое письмо, чтобы оно дошло до Мальты, уплачено или на немъ состоитъ долгу—одинъ шиллингъ. Въ Мальтѣ всѣ письма кладутъ въ одинъ чемоданъ и отправляютъ его съ французскимъ пароходомъ, адресуя въ англійскій лагерь. Несчастный чемоданъ приходитъ по назначенію, но французское начальство не иначе соглашается вскрыть его, или выдать письма, какъ послѣ уплаты всѣхъ денегъ за провозъ, то есть суммы въ 3 или 4 ливра. Желая услужить и угодить войску, генералъ-адъютантъ (1) уплачиваетъ всю сумму, и затѣмъ, вскрывъ чемоданъ, находитъ въ немъ только небольшое число писемъ и газетъ, провозъ которыхъ обошелся не болѣе 2-хъ шиллинговъ за каждое. Недавно такой чемоданъ былъ привезенъ въ Константинополь, а оттуда отправленъ въ Галлиполи. Въ немъ были старыя газеты и циркуляры, провозъ которыхъ обошелся по 1 шиллингу и 7 пенсовъ за каждый нумеръ. Письма стоили по 3 шиллинга и 2 пенса каждое. Одинъ мой знакомый заплатилъ около 11-ти шиллинговъ за пачку старыхъ газетъ. Правительству должно бы обратить вниманіе на это неустройство.

«Должно думать, что Эолъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ свой дворецъ на Липарскомъ острову, основалъ свое мѣстопребываніе въ какой-нибудь пещерѣ въ окрестностяхъ Галлиполи. Невѣроятная легкость, съ какою онъ вдругъ открываетъ тѣ классическіе мѣхи, въ которыхъ бушуютъ заключенные вѣтры, жестокіе ураганы, которые онъ устремляетъ тогда на горы, окружающія этотъ несчастный уголокъ земли, опустошенія и труды, которые онъ намъ приноситъ, удовлетворили бы самый яростный гнѣвъ Юноны, если бы мы должны были наслѣдовать ея ненависть къ троянцамъ. Внезапность этихъ бурь и, въ слѣдствіе того, безпрестанныя измѣненія температуры, очень утомляютъ наши войска. Впрочемъ, тѣмъ пріятнѣе засвидѣтельствовать, что число больныхъ гораздо менѣе

(1) Въ родѣ дежурнаго генерала.

значительно, нежели въ большей части лагерей, устроиваемыхъ даже въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

«Трудно составить себѣ понятіе объ этихъ внезапныхъ перемѣнахъ. Солнце величественно поднимается изъ-за горъ Малой Азіи. Нѣтъ ни одного облачка, которое помрачало бы ясное небо. Мраморное море, заключенное въ великолѣпную рамку синеватой и нѣсколько неясной черты азіятскаго берега, и болѣе ясной и изогнутой черты берега европейскаго, раскидывается на сѣверо-западъ, какъ гладкая серебряная ткань. Воды Дарданеллъ бѣгутъ между сжатыми берегами также спокойно, какъ Темза въ ясный лѣтній день между веселыми лугами Чертрея. На другомъ берегу пролива, холмы, окружающіе Лампсаки, раскидываютъ почти передъ нашими глазами свои зеленые ковры, богато испещренные различными посѣвами, а вдали, подобно ступенямъ громадной лѣстницы, подымаются выше и выше одна надъ другою вершины цѣпи горъ, надъ которыми величаво возвышается гора Ида. Селенія, разбросанныя по ущельямъ горъ и въ небольшихъ бухтахъ по берегамъ пролива, живописно рисуются вдали. Изъ черной чащи кипарисовъ рѣзко выдаются бѣлые дома и высокія стрѣлки минаретовъ, стремящіяся въ высь посреди нагроможденныхъ кровель, мачтъ и парусовъ у морскаго берега. Далѣе, нѣсколько на югъ, берегъ измѣняется вдругъ въ крутыя скалы, и проливъ принимаетъ видъ продолговатаго озера, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ горахъ.

«На европейскомъ берегу, вокругъ Галлиполи, ландшафтъ менѣе разнообразенъ и мѣстность болѣе ровная. За исключеніемъ одной плоской возвышенности, подымающейся на югѣ и на которой рисуется нѣсколько группъ деревьевъ, вся окрестная страна, на пространствѣ многихъ миль, походитъ болѣе на равнины, окружающія Брайтонъ. Здѣсь почти тоже отсутствіе лѣсовъ и плантацій. Почва, мягкая и нѣсколько песчаная, даетъ отличныя жатвы, но неспособна къ произращенію деревьевъ, кромѣ развѣ фиговаго и маслиннаго. Виноградъ, который садятъ здѣсь на вспаханномъ полѣ въ бороздахъ, а не располагаютъ лозами и не воздѣлываютъ какъ въ Италіи, прекраснъ на видъ.

Изъ него выдѣлывается красное вино, весьма крѣпкое и пріятное на вкусъ. Плугъ здѣсь еще менѣе усовершенствованъ, чѣмъ были за тысячу восемьсотъ лѣтъ назадъ земледѣльческія орудія, описанныя Виргиліемъ. Оттого бѣдный раія сѣетъ свою рожь и свой ячмень въ землѣ, едва приподнятой на поверхности. Со стороны города, на всякомъ возвышеніи виднѣются бѣлыя палатки англійскихъ и французскихъ войскъ, и глазу пріятно слѣдить за ихъ ломаными линіями въ глубинѣ долины, или отыскивать лагерь какого-нибудь отдѣльно стоящаго баталіона на большой высотѣ, въ ущельѣ. Небольшія облака пыли, среди которыхъ блестятъ стальные штыки и каски, закрываютъ тамъ и сямъ пейзажъ. Это наши европейскіе полки, совершающіе свои утренніе походы по здѣшнимъ песчанымъ дорогамъ, о которыхъ можетъ дать довольно вѣрное понятіе Чобхэмъ-Коммонская дорога, послѣ того, какъ она порядочно утоптана ногами людей и лошадей.

Вотъ истинно великолѣпное зрѣлище, полное движенія и жизни. Писатель не въ силахъ передать всѣхъ красотъ его. Но въ нѣсколько минутъ сцена совершенно измѣнила свой видъ. Сильная буря бушуетъ на морѣ и проливѣ, и вздымающіяся волны едва даютъ время турецкимъ лодкамъ пріютиться къ берегу. Густыя черныя тучи сбираются массами надъ берегомъ и разрѣшаются потоками дождя, ни въ чемъ не уступающими наводненіямъ тропическихъ странъ. Въ бухтѣ военные французскіе корабли убираютъ свои паруса, купеческіе корабли прикрѣпляются канатомъ и бросаютъ другой якорь. Раіи бѣгутъ по полямъ, отыскивая какой-нибудь уголокъ, гдѣ бы они могли спрятаться, пока не стихнетъ грозный ураганъ, и несчастные солдаты, измокшіе, испачканные грязью въ одну минуту, принуждены продолжать свой путь и идти въ палатки, пробираясь черезъ грязные ручьи и черезъ дороги, на которыхъ пыль мгновенно превратилась въ грязь. Въ такихъ случаяхъ палатки плохая защита: колья, которыми онѣ прикрѣплены снизу, не могутъ держаться въ распустившейся отъ дождя землѣ, и въ нихъ со всѣхъ сторонъ проникаютъ и вѣтеръ, и дождь. Въ прошедшую субботу, ураганъ опрокинулъ мно-

жество палатокъ во всѣхъ направленіяхъ. Около двадцати ихъ повалилось въ двухъ англійскихъ лагеряхъ, и обитатели ихъ должны были подвергнуться всей ярости свирѣпаго урагана. Въ этомъ числѣ была палатка леди Эрроль, и высокородная леди могла выйти изъ этой груды мокраго холста только ползкомъ по грязи и въ самомъ жалкомъ положеніи».

Въ англійскихъ газетахъ напечатано множество писемъ изъ Константинополя, Шумлы, Галлиполи и проч. Въ нихъ мало утѣшительнаго для западныхъ державъ. Англійскіе и французскіе офицеры, занявшіе квартиры въ Галлиполи, недовольны мѣстными распоряженіями. До сихъ поръ прибыло немного французскихъ войскъ, которыя должны были занять у турокъ палатки, чтобъ не оставаться на чистомъ воздухѣ. Въ городѣ нельзя помѣстить и 10,000 человѣкъ, не выгнавъ всѣхъ жителей. Со дня на день ожидаютъ кавалеріи, а ея негдѣ помѣстить. По крайней мѣрѣ три мѣсяца пройдетъ, пока въ Варнѣ сосредоточится военная сила, довольно значительная для открытія кампаніи съ надеждой на успѣхъ, а если умы государственныхъ людей или генераловъ будутъ объяты робостью и колебаніемъ, то все лѣто пройдетъ безъ похода, о которомъ послѣ октября мѣсяца не можетъ быть и рѣчи. Въ Константинополѣ лучше чѣмъ въ лондонскихъ обществахъ сознаютъ огромность средствъ Россіи. Люди, знакомые съ дунайской страной и Добруджей, отдаютъ должную похвалу тактикѣ русскихъ и говорятъ, что въ Лондонѣ нельзя себѣ представить, какъ затруднительна наступательная война съ превосходными войсками, посреди опустошенной страны и враждебнаго населенія. Болгарія, должно замѣтить, оставлена турецкими войсками безъ пропитанія. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ у сельскихъ жителей отнимали всѣ запасы, не заплативъ за нихъ ни одного піастра. Только въ нижней палатѣ утверждали, что турки за все платятъ наличными деньгами. На самомъ же дѣлѣ крестьянинъ получалъ векселя на государственное казначейство; то же повторится и теперь. Несчастные заимодавцы, наскучивъ тщетны-

ми понужденіями, будутъ рады продать спекуляторамъ-армянамъ векселя свои за десятую долю номинальной цѣны; послѣдніе предложатъ ихъ Портѣ съ 25% уступки, и паши будутъ весьма рады заключить столь выгодный торгъ. Весь убытокъ снова упадетъ на сельскихъ жителей. Чрезъ эти провинціи пройдутъ войска западныхъ державъ и оттуда же должны они получить провіянтъ. Страна истощена, и жители спокойны не потому, что боятся Турціи, а потому, что привязаны къ Россіи, отъ которой ждутъ весьма многаго» (1).

По извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ $^{5}/_{17}$ апрѣля 1854 года, полученнымъ черезъ Трієстъ и Марсель, нѣсколько французскихъ полковъ и шотландскіе полки отправились въ Адріанополь; лордъ *Редклифъ* приказалъ вывѣсить прокламацію о войнѣ на всѣхъ углахъ константинопольскихъ улицъ. Дворцы приготовлены для принятія герцога *Кембриджскаго* и принца *Наполеона*. Соединенные флоты находились при Варнѣ. Въ Галлиполи одна изъ мечетей превращена въ казармы, что́ возбудило между мухаммеданами общее негодованіе. Въ Салоникахъ обнаружилась сильная непріязнь между улемами и англичанами. Главная квартира экспедиціоннаго корпуса будетъ расположена въ Адріанополѣ. Движеніе туда войскъ уже началось. Эскадра адмирала *Брюа*, съ 6,000 человѣкъ экспедиціоннаго войска, встрѣчена $^{4}/_{16}$ апрѣля на высотѣ острова Тенедоса (2).

Въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ съ Нижняго Дуная, отъ 30-го апрѣля 1854 года, что своевольства и гнусные поступки французскихъ зуавовъ въ домахъ, гдѣ они были размѣщены въ Галлиполи, принудили генерала *Канробера* разстрѣлять троихъ изъ нихъ въ присутствіи всѣхъ турецкихъ жителей города. Съ 1-го до 17-го апрѣля прибыло въ Галлиполи двадцать пять тысячъ французовъ и семь тысячъ сто англичанъ съ генералами *Канробером*ъ,

(1) „С.-Петербург. Вѣдом." 1854 № 81.
(2) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. № 92.

Мартенпресмъ, *Эспинасомъ* и *Арминтомъ*. Десять тысячь французовъ и четыре тысячи англичанъ остаются въ Галлиполи, гдѣ они строятъ укрѣпленія, и разбиваютъ лагерь близъ древнихъ городовъ Карахіи и Лизимахіи. Остальная часть англо-французскихъ войскъ направлена на Родосто, чтобы оттуда идти въ Адріанополь и къ Балкинскимъ тѣснинамъ. Третья французская дивизія, генерала *Боске*, должна уже теперь быть въ Варнѣ; въ ней два полка и четыре баталіона французовъ и два полка англичанъ. Первымъ подвигомъ генерала *Боске* въ Варнѣ (куда онъ прибылъ сперва безъ войскъ), было обезоруженіе башн-бузуковъ, по усильной просьбѣ *Омеръ-паши*. До трехъ тысячъ этихъ звѣрей отправлены обратно въ Азію... (¹).

Экспедиціонный корпусъ англійскихъ войскъ въ Турціи составляютъ:

Генералъ-лейтенанты: Лордъ Рагланъ (Raglan) главнокомандующій; Сэръ Джоржъ Броунъ (Brown), генералъ-маіоры: Дюкъ де Кэмбриджъ (de Cambridge), Сэръ де Ласи Эвансъ (de Lacy Evans), Сэръ Ричардъ Энглендъ (England), графъ де Луканъ (de Lucan); бригадиры: Лордъ Г. Бентинкъ (Bentinck), Сэръ Колинъ Кемпбелль Пеннифазеръ (Colin Campbell Pennefather), графъ Кардиганъ (Cardigan), Ричардъ Эйри Адамсъ (Airey Adams), Скарлеттъ (Scarlett), Сэръ І. Кемпбелль (Campbell), Бюллеръ (Buller) и Айри (Eyre); главный адъютантъ: бригадный генералъ Эсткуртъ (Estcourt); генералъ квартирмейстеръ: Лордъ де Россъ (Ros).

Конная артиллерія:

Два отдѣленія.	366 ч.	Каждое отдѣленіе составлено изъ 188 человек. 204 лошадей, 4 гаубицъ: изъ нихъ двѣ 6-ти, а двѣ 12-ти фунтоваго калибра. Полевая батарея имѣетъ 190 человѣкъ, 170 лошадей, 4 гаубицы; изъ нихъ двѣ 9, а двѣ 24-фунтоваго калибра.
Шесть полевыхъ батарей.	440 „	
Инженеры и саперы . .	325 „	
Резервная артиллерія . .	300 „	
Итого	2,431 „	

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 97.

Кавалерія:

Четыре эскадрона 8-го и 11-го гусарскихъ полковъ . . .	500	человѣкъ.
— — 12-го и 13-го драгунскихъ полковъ . . .	500	—
Два эскадрона 17-го уланскаго полка	250	—
Шесть эскадроновъ 1, 4 и 6-го гвардейскихъ драгунск. полк.	750	—
Итого	2,000	человѣкъ

Пѣхота:

Гвардейскихъ полковъ		Линейныхъ полковъ			
Гренадерскаго	850 ч.	1-го королевскаго	1-й	баталіонъ	850 ч.
(Coldstreams) Колд.		4-го	—	—	850
стримъ	850 ч.	7-го	—	—	850
Шотландск. стрѣлк. . .	850 ч.	19-го	—	—	850
Итого	2,500 ч.	23-го	—	—	850
		26-го	—	—	850
		30-го	—	—	850
		33-го	—	—	850
		38-го	—	—	850

Общій перечень:

		41-го	—	—	850
		42-го	—	—	850
Артиллеріи	2,431 ч.	44-го	—	—	850
Кавалеріи	2,000 ч.	47-го	—	—	850
Пѣшей гвардіи . . .	2,550 ч.	49-го	—	—	850
Пѣхоты	18,750 ч.	50-го	—	—	850
		55-го	—	—	850
Итого	25,731 ч.	77-го	—	—	850
		79-го	—	—	850
		88-го	—	—	850
		93-го	—	—	850
		95-го	—	—	850
		Стрѣлковой бригады			900
		Итого			18,750 ч.

Эти цифры изображаютъ только число рядовыхъ, такъ что ежели къ нимъ присовокупить офицеровъ, коммисаріатъ и медицинскую команду, экспедиціонный корпусъ возрастаетъ до 30,000 человѣкъ. Полки, при отправленіи, имѣли болѣе 850 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ въ строю до 1,100 человѣкъ. Къ этому отряду должно прибавить 7.000 морскихъ солдатъ, находящихся на корабляхъ флота, дѣйствующаго въ Черномъ морѣ.

Экспедиціонный французскій корпусъ будетъ простираться до 46,000 человѣкъ (1).

(1) Морск. Сборн. 1854 г № 4.

Контръ-адмиралъ Эдуардъ *Боксеръ* (Boxer) собственно назначается для наблюденія за транспортами, магазинами и продовольствіемъ. Онъ отправляется въ Константинополь, гдѣ будетъ его главная квартира.

Пребываніе союзныхъ генераловъ въ Константинополѣ.

Въ вѣнскихъ газетахъ сообщаютъ, что генералъ *Раглань*, съ лордомъ *Редклифомъ*, имѣлъ аудіенцію у султана. Она была очень непродолжительна. Лордъ *Раглань* пригласилъ султана присутствовать при смотрѣ англійскихъ войскъ, 6-го мая, въ Скутари, но едва ли султанъ, по причинѣ нездоровья, пріѣдетъ на этотъ смотръ.

Корреспондентъ «Indépendance Belge» пишетъ изъ Константинополя, отъ 4-го мая 1854 г., что принцъ *Наполеонъ*, прибывшій туда 1-го числа, былъ, чрезъ два часа по пріѣздѣ своемъ, съ визитомъ у султана, а 3-го числа султанъ отдалъ ему визитъ, что произвело большое впечатлѣніе между турками (1).

За обѣдомъ, даннымъ 4-го мая въ честь принца Наполеона, онъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: «За здравіе Его Величества Султана! Съ радостію провозглашаю сей тостъ и горжусь быть представителемъ союзниковъ его, увѣряя, что мы твердо рѣшились помогать Турціи въ ея справедливой войнѣ, которую она начала съ такимъ мужествомъ, и о которой сами турецкіе министры говорятъ, что дѣло ихъ есть дѣло всей Европы и *цивилизаціи!* (2) Я увѣренъ, что западныя державы, всегда удивлявшіяся другъ другу, когда воевали одна съ другою, окажутъ ту же силу и въ союзѣ. Подписанный ими союзъ доказываетъ ихъ безкорыстіе. Будущее докажетъ ихъ силу. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахо-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 107.

(2) Тѣмъ, кто пожелалъ бы познакомиться на самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ эта цивилизація, предлагаемъ прочесть статью, помѣщенную въ газетѣ „Observateur Belge“ и переведенную въ «Сѣверной Пчелѣ“ 1854 г. № 115.
Ред.

жусь въ прекрасной здѣшней странѣ, гдѣ встрѣченъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ, искренно желаю счастія быть въ рядахъ высокаго союзника Императора Французовъ. Да здравствуетъ Его Величество Султанъ!» (1)

Константинополь, 10-го мая 1854 г. Маршалъ *Сентъ-Арно* прибылъ сюда третьяго дня въ половинѣ седьмаго вечера, въ то самое время, какъ генералъ *Барагэ-д'Илье* и все посольство отправлялись на офиціальный обѣдъ, данный султаномъ въ честь принца *Наполеона*. На этомъ обѣдѣ лордъ *Редклифъ* заставилъ себя ждать часъ съ четвертью, наконецъ прислалъ сказать, что не можетъ пріѣхать. Правда, что въ этотъ день шелъ сильный дождь, но это не воспрепятствовало другимъ посланникамъ явиться на приглашеніе султана. Притомъ же дождь начался не вдругъ, а продолжался съ утра, и легко было бы заранѣе извиниться, не заставляя принца и шестьдесятъ человѣкъ гостей ждать часъ съ четвертью. Впрочемъ, это значило бы поступить какъ всѣ поступаютъ, а лордъ *Редклифъ* хочетъ доказать, что онъ ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ общимъ правиламъ, и не обязанъ уваженіемъ ни къ кому. Онъ не былъ и на балѣ, данномъ вчера французскимъ посланникомъ принцу *Наполеону*. Отсутствіе это всѣми замѣчено, но никого не удивило. Всѣ этого ожидали, зная раздоръ, существующій между двумя посольствами (2).

18-го мая 1854 г. Вчера султанъ давалъ большой дипломатическій обѣдъ въ честь герцога *Кембриджскаго* въ Бейлербеѣ. Великій визирь предложилъ тостъ на турецкомъ языкѣ, а герцогъ на англійскомъ. Герцогъ переѣхалъ съ прежней своей квартиры въ султанскій кіоскъ въ Гайдерпашѣ. Онъ хотѣлъ быть ближе къ англійскому войску. Гордость оттоманская должна многое переносить отъ гяуровъ. Извѣстно, что до сего времени султанъ никогда не дѣлалъ визитовъ иностраннымъ принцамъ, и великій визирь тоже. По пріѣздѣ принца *Наполеона* почли

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 112.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 112.

нужнымъ отступить отъ этого стариннаго турецкаго придворнаго церемоніала. Какъ великій визирь, такъ и самъ султанъ посѣтили принца, разумѣется къ большой досадѣ всѣхъ правовѣрныхъ. Слѣдовало оказать ту же честь и герцогу *Кембриджскому*, и при «этомъ турецкая гордость претерпѣла новое униженіе: принцъ *Наполеонъ* посадилъ великаго визиря рядомъ съ собою, велѣлъ ему подать, по восточному обычаю, трубку и пр., но герцогъ *Кембриджскій* принялъ великаго визиря стоя. Этого турки не ожидали (1).

Несогласіе между генералами союзныхъ войскъ.

Генералъ *Боске*, прибывшій въ Шумлу, чтобъ условиться съ *Омеръ-пашею* о главномъ начальствѣ надъ тремя союзными арміями, нашелъ, что этотъ ренегатъ вовсе не расположенъ подчиниться маршалу *Сентъ-Арно*: говорили, что Омеръ-паша хочетъ быть главнокомандующимъ азіятскою арміею. Съ другой стороны, лордъ *Раглань* и герцогъ *Кембриджскій* также не хотятъ быть подъ начальствомъ французскаго военнаго министра. Вѣроятно, они кончатъ учрежденіемъ какого-нибудь военнаго совѣта (гофъ-кригсъ-рата), отказавшись отъ единства главнаго управленія арміями, столь необходимаго въ военныхъ дѣйствіяхъ. Войска, высаженныя въ Галлиполѣ, терпятъ недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ. Лагерное мѣсто выбрано дурно. Африканскіе солдаты ропщутъ и бунтуютъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были казнить (2).

Іера, 8 іюня 1854 г. Политическія новости здѣсь довольно незначительны. Несогласіе между англичанами и французами при дипломатическо-военныхъ сношеніяхъ лорда *Раглана* и маршала *Сентъ-Арно* скорѣе усилились, нежели уменьшились. Можетъ быть, они согласны въ томъ, чего не хотятъ, но едва ли въ томъ, чего хотятъ. По крайней

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 119.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 97.

мѣрѣ, не видно энергіи ихъ дѣйствій; у турокъ же нечего и искать ея: они покорились необходимости (1).

Движеніе судовъ черноморскаго флота въ іюнѣ 1854 года и перестрѣлка у Севастополя.

Для постановленія на пароходѣ «Тамань» новыхъ котловъ, которые первоначально предназначались для несуществующаго уже парохода «Еникале» и находились до сего времени въ Одессѣ, отправленъ былъ отсюда въ Николаевъ, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, подъ командою капитанъ-лейтенанта *Сотири*, пароходъ «Тамань».

Пароходъ этотъ прибылъ благополучно въ Николаевъ, не встрѣтивъ ни одного непріятельскаго корабля.

Капитанъ-лейтенантъ *Поповъ*, на котораго было возложено отправиться въ Одессу для доставки въ Николаевъ вышесказанныхъ котловъ, исполнилъ это дѣло въ два рейса, сначала на пароходѣ «Индія», а потомъ на пароходѣ «Турокъ», и притомъ съ тою распорядительностію, съ которою онъ вообще исполняетъ всѣ возлагаемыя на него начальствомъ порученія.

Передъ отсылкою въ Николаевъ парохода «Тамань», отправленъ былъ въ крейсерство пароходъ «Владиміръ», подъ командою капитана 2-го ранга *Бутакова*. Дойдя на видъ Синопа, гдѣ усмотрѣно имъ было только одно коммерческое судно, пароходъ «Владиміръ» возвратился сюда благополучно, не встрѣтивъ на пути никакого военнаго корабля.

30-го же числа прошлаго мѣсяца, передъ закатомъ солнца, подошли на видъ Севастополя *три* непріятельскіе парохода.

Немедленно отправленный для погони за ними отрядъ изъ пароходовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала *Панфилова*, всю ночь до разсвѣта прокрейсеровалъ въ морѣ, и, не догнавъ уходившаго непріятеля, возвратился въ портъ.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 136.

Все прочее во флотѣ обстоитъ благополучно.

P. S. При отправленіи сего донесенія, на горизонтѣ показались три непріятельскіе парохода.

Высланный отъ насъ пароходный отрядъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, но они, избѣгая сближенія, стали удаляться.

Преслѣдованіе нашимъ отрядомъ непріятельскихъ пароходовъ: *двухъ* англійскихъ и *одного* французскаго, трехмачтовыхъ и батарейныхъ, сопровождалось канонадою, отъ которой у одного изъ непріятельскихъ сбитъ кожуховый ботъ. У насъ же, на пароходѣ «Громоносецъ», поврежденъ ядрами трапъ, а на пароходѣ «Владиміръ» перебиты нѣкоторыя снасти, въ томъ числѣ фокштагъ и кожуховый мостъ. На семъ же послѣднемъ пароходѣ ранены: 41-го флотскаго экипажа мичманъ *Скарятинъ* и два унтеръ-офицера; сверхъ того легко контужены: 38-го флотскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ *Лесли* и четыре матроса.

Мичману *Скарятину* и двумъ вышесказаннымъ унтеръ-офицерамъ оторвало ядромъ каждому ногу, а одному изъ сихъ послѣднихъ — близъ самаго туловища, отъ чего онъ вскорѣ и умеръ.

Первые же двое, по выдержаніи операціи, находятся въ настоящее время въ весьма удовлетворительномъ состояніи здоровья.

Канонада, производившаяся съ перемежками и на дальнемъ разстояніи, только къ вечеру была, съ обѣихъ сторонъ, совершенно прекращена. Непріятель ушелъ въ море, а наши эскадры, какъ пароходная, такъ и парусная, выходившая изъ порта, но по маловѣтрію не могшая принять участія въ дѣлѣ, возвратились. По наружному виду трехъ непріятельскихъ пароходовъ, можно полагать, что это были тѣ же самые, которые подходили сюда и 30 числа минувшаго мая мѣсяца, и имѣютъ порученіе наблюдать движенія нашего флота.

Можетъ быть, эти же пароходы, прежде появленія 3-го іюня у Севастополя, были утромъ того же числа у Эвпаторіи, гдѣ они захватили, но безъ людей и безъ груза, одно каботажное судно, которое, отстоя отъ берега дальше

ружейнаго выстрѣла, никакой береговой защиты имѣть не могло.

Послѣ канонады, происходившей 3-го іюня, ежедневно крейсерующія наши суда усмотрѣли только однажды, и то въ весьма большой отдаленности, непріятельскіе пароходы, которые въ непродолжительномъ времени совершенно скрылись (1).

Іюня $^{3}/_{15}$ досталось крейсеровать, около Севастополя, кораблямъ: «Императрица Марія», «Храбрый», «Святославъ» и «Чесма»; фрегатамъ: «Кулевчи», «Коварна» и «Флора»; съ разсвѣтомъ они вышли въ море въ сопровожденіи парохода «Одесса».

Когда на горизонтѣ усмотрѣнъ былъ дымъ непріятельскихъ пароходовъ, то пять нашихъ пароходовъ, разведя пары, въ 11 часовъ вышли на встрѣчу непріятелю.

При ихъ приближеніи, усмотрѣнные пароходы стали удаляться отъ Севастополя.

Впослѣдствіи оказалось, что непріятельскую эскадру составляли: англійскіе пароходо-фрегаты «Terrible», въ 800 силъ и 1847 топновъ, самый большой и лучшій изъ всѣхъ военныхъ пароходовъ англійскаго флота, «Furious», батарейный 16-пушечный пароходо-фрегатъ, вооруженный, судя по «Тигру», двумя 10-дюймовыми и 14-ю 32-хъ фунтов. длинными пушками, и французскій — «Descartes», батарейный 20-пушечный, который во французскомъ флотѣ второй пароходъ по своей величинѣ.

Наши пароходы, гнавшіеся за непріятелемъ, на 30 миль отъ Севастополя, имѣли съ нимъ перестрѣлку на большомъ разстояніи; видя, что непріятель не намѣренъ принять сраженіе, не смотря на то что крейсеры, при совершенномъ безвѣтріи, остались за горизонтомъ, гнавшіеся пароходы возвратились.

Изъ этой ничтожной экспедиціи, капитанъ *Даррико* (Darrican), командиръ французскаго парохода, составилъ пышный рапортъ своему адмиралу *Гамелену*.

---

(1) „Морской Сборникъ“ 1854 г. №№ 4 и 6.

Такъ какъ до $^{3}/_{15}$ іюня еще не бывало встрѣчъ между эскадрами пароходовъ, то приходится взять сравненіе изъ дѣйствій парусныхъ судовъ; чтобы сказалъ Нельсонъ, если бы три фрегата позволили одному корвету и пяти бригамъ гнаться за собою 3 часа, и потомъ, когда послѣдніе были въ 30 миляхъ отъ всякаго подкрѣпленія, не раздавили бы ихъ, этотъ рой комаровъ, дерзнувшихъ жалить львовъ?

Когда «Владиміръ» находился отъ непріятеля на разстояніи трехъ верстъ, «Terrible» сдѣлалъ пробный выстрѣлъ и ядро его далеко не долетѣло (¹); когда разстояніе нѣсколько уменьшилось. «Владиміръ» сдѣлалъ первый выстрѣлъ. и его ядро упало правѣе «Terrible». «Владиміръ» продолжалъ сближаться и перестрѣливаться; остальнымъ нашимъ пароходамъ непріятель позволилъ къ себѣ приблизиться на разстояніе до трехъ верстъ, потомъ, увеличивъ ходъ, оставилъ ихъ внѣ своихъ выстрѣловъ. во все время перестрѣлки. При погонѣ наши пароходы могли дѣйствовать только семью носовыми орудіями, а непріятельскіе дѣйствовали девятью.

Французскій пароходъ, который, по конструкціи мы долго принимали за турецкій, все время держался далѣе всѣхъ отъ нашихъ выстрѣловъ. Онъ пробовалъ бросать бомбы, но они разрывались, до насъ не долетая.

Непріятели,желая отвлечь насъ отъ нашихъ крейсеровъ, разсчитывая встрѣтить помощь, ни разу во время этой погони не поворачивались къ намъ бортомъ, что дало бы имъ возможность дѣйствовать вообще двадцатью девятью орудіями. При такомъ же маневрѣ, наши пароходы могли дѣйствовать только изъ пятнадцати орудій.

Сперва мы полагали, что непріятель боится принять сраженіе въ виду нашихъ крейсеровъ; но когда послѣдніе, при совершенномъ безвѣтріи, остались за горизонтомъ, эта причина сдѣлалась недѣйствительною.

Непріятельскіе пароходы часто сосредоточивали по «Владиміру» весь свой огонь, но нашъ адмиралъ не позволялъ этому пароходу уходить далеко впередъ отъ своей флотиліи,

(¹) Капитанъ Даррико доноситъ, что *Владиміръ* начадъ пальбу.

чтобъ не подвергать его опасности драться противъ превосходныхъ силъ. Англійскіе снаряды ложились лучше французскихъ. Далѣе опишу дѣйствіе этихъ снарядовъ.

Видя, что непріятель не намѣренъ принять сраженіе даже въ тридцати миляхъ отъ Севастополя, адмиралъ, прекративъ погоню, возвратился къ Севастополю. Тогда непріятельскіе пароходы сошлись вмѣстѣ для совѣщанія, во время котораго поотстали отъ насъ; потомъ пошли за нами около четверти часа, дѣйствуя носовыми орудіями съ разстоянія, на которомъ ядра ихъ еще менѣе могли наносить намъ вреда, а за тѣмъ, повернувшись къ намъ бортомъ, открыли жестокій батальный огонь съ невиннаго разстоянія.

Остается прибавить, что смотрѣвшимъ съ высотъ около Севастополя на нашу перестрѣлку непріятельскіе пароходы, по громадности своей сравнительно съ нашими пароходами, казались весьма близкими къ намъ, и многіе полагали, что дѣло дошло уже до абордажа. Надобно думать, что союзные адмиралы строго запретили капитанамъ подвергать свои суда опасности получить поврежденія.

Когда «Владиміръ» былъ близко (1), на него сосредоточивался весь непріятельскій огонь. Шрапнелева картечь лопнула около флага и сдѣлала на немъ почетную пробоину, не причинивъ никакого другаго вреда. Бомба лопнула въ двухъ или трехъ саженяхъ отъ лѣвой скулы парохода, и хотя ея осколки брызнули въ средину людей — но никого не задѣло; нѣкоторыя ядра, перелетая «Владиміръ», вредили снастямъ; одно только, 32-хъ фунтовое, попало удачно: разбивъ въ куски правый шканъ-блокъ на фока-рѣ, перебило два длинныя звена передняго бакштага передней трубы парохода (одно звено разбилось въ куски, а другое, исковерканное, впилось концомъ въ площадку); оконтузивъ за тѣмъ правое колѣно капитанъ-лейтенанта *Лесли*, ядро это оторвало ступню правой ноги мичману *Скарятину* и, пробивъ площадку, оторвало правую ногу

(1) Не ближе однакожь 1200 саженъ.

у бедра квартермейстеру *Шпаку;* правую же ногу у колѣна боцманмату *Величкѣ;* окопгузило ноги боцманмату *Ѳедорову* и лѣвое плечо матросу *Чубову;* наконецъ, ударившись въ запасный марса-рей, перебило на ней найговъ и лисель-спиртъ и, принявъ горизонтальное направленіе, оторвало близъ грота-ванты кнехтъ со шхивомъ; — тутъ оно утратило свою силу и упало на палубу.

Жаль *Скарятина!* только три года офицеромъ, полный энергіи, прекрасныхъ наклонностей и любви къ морскому дѣлу; любо было смотрѣть на него подъ ядрами. Послѣ прекрасно совершенной операціи онъ говорилъ: «къ чему я теперь буду годиться? Какой я могу быть морской офицеръ!» Къ сожалѣнію, онъ скончался; тѣло его предано землѣ съ почестями. Адмиралы вынесли его изъ церкви, капитаны и офицеры несли до могилы. Миръ праху храбраго!

Квартирмейстеръ *Шпакъ* умеръ черезъ двѣнадцать часовъ. Ни одного стона, ни одной жалобы, не смотря на самую страшную боль. Твердый и хладнокровный, онъ сохранилъ присутствіе духа до послѣдняго момента, при полномъ сознаніи, что никакая человѣческая помощь не въ состояніи вылечить его. «Нѣтъ Ваше ..... мнѣ не жить! что же дѣлать? на то война: кому руку, кому ногу, кому голову; на все воля Господня! жаль только, что ядро не взяло немножко повыше— разомъ бы покончило».

На другой день съ моря были слышны въ отдаленіи пушечные выстрѣлы: разряжали ли орудія или хоронили кого-нибудь съ почестями—неизвѣстно. Но изъ Константинополя получено въ Одессѣ извѣстіе, что одинъ изъ англійскихъ пароходовъ получилъ значительныя поврежденія отъ русскихъ крейсеровъ; шхипера судовъ, шедшихъ изъ Константинополя въ Керчь, разсказывали о прибывшемъ въ Константинополь, около того времени, большомъ англійскомъ пароходѣ съ поврежденіями и ранеными, въ числѣ которыхъ—мичманъ безъ ноги и языка (¹).

(¹) „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 9.

Движеніе союзныхъ войскъ изъ Галлиполи къ Адріанополю и Варнѣ.

Съ Нижняго Дуная, отъ 22 апрѣля 1854 г., пишутъ въ «Neue Preussische Zeitung», что англо-французскія войска отправляются изъ Галлиполи по-баталіонно въ адріанопольскій лагерь, для защиты Балканскихъ тѣснинъ. Генералъ *Боске* прибылъ уже туда съ *Рустемъ-пашею*, а какъ въ Румеліи нѣтъ хлѣба для вспомогательныхъ войскъ, то Порта принуждена выписывать его на свой счетъ изъ Александріи и Галлиполи (1).

Французскій генералъ *Боске* отправился въ Адріанополь, гдѣ имѣетъ быть устроена главная квартира экспедиціонной арміи. Движеніе войскъ къ этому пункту уже началось. Англійскій полкъ вышелъ съ этою цѣлью изъ Галлиполи, гдѣ высажено 20.000 французовъ и 8.000 англичанъ. Эскадру адмирала *Брюа*, и 6.000 человѣкъ экспедиціоннаго войска, видѣли 16 апрѣля на высотѣ острова Тенедоса. Англійскія войска, прибывшія на пароходѣ «Исталаца», высажены въ Константинополѣ. Въ Адріанополь отправлено нѣсколько французскихъ и шотландскихъ полковъ. Лордъ *Редклифъ* прибилъ на всѣхъ углахъ объявленіе войны. Ненависть между улемами и англичанами достигла высшей степени въ Салоникахъ. Базаръ и Гетто сдѣлались жертвою пламени. Египетскія регулярныя войска ограбили рынокъ въ Воло (2).

Въ «Аугсбургской Газетѣ» пишутъ съ Дуная, отъ 3-го мая 1854 г., что до 25-го апрѣля прибыли въ Варну семь французскихъ баталіоновъ, два англійскіе полка и двѣ тысячи шестьсотъ египтянъ. Но эти войска не имѣютъ средствъ идти въ Шумлу, какъ равно и англо-французскія, находящіяся нынѣ въ Родосто и Галлиполи, не могутъ отправиться въ Адріанополь, потому что министръ *Гуссейнъ-паша* не находитъ возможности собрать двѣнадцать тысячъ подводъ, настоятельно требуемыхъ генералами *Канробером*ъ и *Броуномъ* (3).

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 93.
(2) „С.Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 88.
(3) Сѣвер. Пчела 1854 г. № 103

Въ «Вѣнскихъ и въ Тріестской Газетѣ» пишутъ изъ Константинополя, отъ 1-го мая 1854 г., что Варна теперь занята почти исключительно союзными войсками. Довольно значительные отряды французовъ отправились изъ Галлиполи въ Адріанополь. Тамошній турецкій гарнизонъ отправился въ Шумлу. И такъ, кажется, что крѣпости будутъ заняты союзными войсками, а турецкіе гарнизоны усилятъ армію *Омеръ-паши*, и будутъ сражаться съ русскими. Союзники же будутъ беречь себя для рѣшительной минуты, потому что на крайній случай рѣшено составить въ Родосто французскій резервъ въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, какъ для защиты Константинополя, такъ и для спасенія остатковъ арміи. Лишь только пріѣдетъ маршалъ *Сентъ-Арно*, начнутся наступательныя дѣйствія (1).

Затрудненія въ продовольствіи англо-французской арміи ежедневно возрастаютъ, и при движеніи ея къ Булгаріи усилятся до такой степени, какъ не воображаютъ люди, не знающіе здѣшнихъ мѣстъ. Пребываніе большой турецкой арміи, плохое хозяйство и злоупотребленія совершенно истощили всю эту страну. Сами жители, видя висящую надъ ними военную грозу, не помышляютъ о жатвѣ, которою имъ не суждено пользоваться. И такъ, союзныя арміи должны будутъ, если не желаютъ остановить военныхъ дѣйствій, завести огромные магазины въ своихъ лагеряхъ. Система реквизицій (поборовъ натурою, за которые уплачиваютъ впослѣдствіи) здѣсь невозможна. Извѣстно, какое важное вліяніе на военныя дѣйствія имѣетъ продовольствіе войскъ, и какія огромныя издержки предстоятъ союзникамъ. Смѣло можно сказать, что содержаніе здѣсь ста тысячъ человѣкъ стоитъ вдвое дороже, чѣмъ на западѣ. Вспомнимъ при этомъ финансовыя затрудненія Порты и неурожай, бывшій въ христіанскихъ провинціяхъ. Будущее представляется въ самомъ печальномъ видѣ. Говорятъ, что англо-французскія войска могутъ хорошо переносить недостатки, потому что солдаты ихъ свѣжи и не утомлены. Будущее докажетъ, справедливо ли это. Говорятъ, что

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 105.

Клапка, находящійся здѣсь, намѣренъ навербовать для Порты иностранный легіонъ. Можетъ быть, это и правда, но, за неимѣніемъ денегъ, планъ этотъ не можетъ приведенъ быть въ исполненіе, потому что сама Порта уже нѣсколько мѣсяцевъ не платитъ жалованья своимъ солдатамъ (1).

Вспомогательныя англо-французскія войска находятся въ весьма затруднительномъ положеніи. Во всей Европѣ нѣтъ такихъ препятствій для движенія арміи, какъ отъ береговъ Босфора чрезъ Адріанополь къ Балканамъ. Тамъ и нельзя подумать о наступательномъ движеніи безъ огромнаго обоза для везенія за арміею всѣхъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. Правда, что Порта старается исправить дороги, но до жатвы она не въ силахъ наполнить пустые провіантскіе магазины. Наполнитъ ли она ихъ и послѣ жатвы? Поля Румеліи вовсе не такъ плодородны, какъ въ Валахіи. Англо-французская кампанія, вѣроятно, кончится въ нынѣшнемъ году одною выставкою войскъ и готовностью къ походу. По крайней мѣрѣ, до сентября нельзя ожидать ничего (2).

Въ «Аугсбургской газетѣ» (по телеграфической депешѣ изъ Триеста) сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 8-го мая, что первая дивизія французскихъ войскъ двинулась наконецъ къ Адріанополю. Шесть тысячъ англичанъ должны были отправиться въ Варну, а другіе въ Батумъ (3).

Въ Адріанополѣ занимаются распоряженіями для размѣщенія и продовольствія 70,000 союзныхъ войскъ, которыя будутъ тамъ собраны въ концѣ мая (4).

Англо-французскія войска, въ числѣ 40,000 человѣкъ, отправлены въ Варну. Это ускоренное отправленіе войскъ къ театру войны — результатъ поѣздки маршала *Сентъ-Арно* и лорда *Раглана* въ Шумлу и плана военныхъ дѣйствій, составленнаго по соглашенію съ *Омеръ-пашей*. Объ этомъ

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 113.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 113.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 110.
(4) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 104.

планѣ разсуждали въ совѣтѣ министровъ султана, по возвращеніи главнокомандующихъ французскаго и англійскаго въ Константинополь (23-го мая). Онъ, разумѣется, былъ одобренъ, но его содержатъ въ тайнѣ. Султанъ пожаловалъ принцу *Наполеону* знаки ордена Меджидіэ и подарилъ ему трехъ коней съ великолѣпной сбруей. Маршалъ *Сентъ-Арно* взялъ у адмирала *Гамелена* всѣ большіе пароходы для ускоренія перевозки союзныхъ войскъ. Изъ Бальчикскаго залива пишутъ отъ 25-го мая, что союзныя силы простираются тамъ до 60 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 28 линейныхъ кораблей, считая и турецкіе (1).

Въ «Zeit» пишутъ изъ Константинополя, отъ 15-го мая, что туда не приходили еще французскія войска, а въ Галлиполи англійскихъ очень мало. Извѣстіе, распространившееся въ европейскихъ газетахъ о прибытіи, будто бы, въ Варну британскихъ полковъ совершенно ложно. Кромѣ небольшаго числа артиллеристовъ, отправившихся въ эту крѣпость, никакое сухопутное европейское войско не переходило за Босфоръ. О нападеніи союзныхъ флотовъ на Севастополь ничего не слыхать: они ограничиваются блокадою этого порта. На дняхъ прибылъ въ Галлиполи первый отрядъ французской артиллеріи и кавалеріи, но въ немъ только три тысячи лошадей. Надъ укрѣпленіями перешейка близъ Блажара работаютъ ежедневно десять тысячъ человѣкъ. Французскіе офицеры увѣряютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ проведенъ будетъ каналъ изъ Мраморнаго моря въ Сарасскій заливъ. И такъ Англія и Франція хотятъ, кажется, каждая для себя, имѣть дороги ведущія въ Константинополь. Турецкій флотъ стоитъ между Бальчикомъ и Ковариою. Англо-французская эскадра находится на крымскихъ водахъ (2).

Въ «Тріестской Газетѣ» пишутъ изъ Варны, отъ 20-го мая 1854 г., что генералъ *Сентъ-Арно* назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками (3).

---

(1) „С-Петерб. Вѣдомости“ 1854 г. № 120.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 116.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 118.

Константинополь 18 мая 1854 г. На дняхъ будетъ собранъ военный совѣтъ въ Варнѣ, въ которомъ будетъ участвовать *Омеръ-паша* и сераскиръ *Риза-паша* со свитою, также принцъ *Наполеонъ* и лордъ *Рагланъ*. Сколько извѣстны характеръ и обычаи *Омеръ-паши*, онъ будетъ присутствовать въ военномъ совѣтѣ только для того, чтобъ выслушать заключеніе военнаго совѣта, но не исполнить его, развѣ совѣтъ нашелъ бы средства избавить Порту отъ возрастающаго бѣдствія и спасти Болгарію отъ злодѣйствъ башн-бузуковъ, свирѣпствующихъ въ сей странѣ и всѣми проклинаемыхъ. *Омеръ-паша* упрямъ до крайности, и, при непомѣрномъ честолюбіи, имѣетъ непреодолимое отвращеніе ко всякому вмѣшательству въ дѣла военнаго управленія, такъ что союзникамъ трудно согласиться съ нимъ и дѣйствовать за одно (1)....

По депешѣ изъ Константинополя, отъ 22-го мая 1854 года, военный совѣтъ, бывшій въ Варнѣ, рѣшилъ, чтобъ союзныя войска отправились въ Адріанополь (2).

По телеграфической депешѣ изъ Константинополя, отъ 22-го мая 1854 года, генералы союзныхъ войскъ потребовали у разоренной и уничтоженной Порты тридцать тысячъ вьючныхъ лошадей и четырехъ тысячъ воловъ, объявивъ, что безъ того не двинутъ къ Балканамъ ни одного человѣка.

Рѣшенія военнаго совѣта, происходившаго въ Варнѣ, подали поводъ ко многимъ несогласіямъ и недоразумѣніямъ. Старые турки по справедливости утверждаютъ, что титулъ главнокомандующаго турецкими войсками не можетъ принадлежать иностранному генералу. Великій визирь, *Мустафа-паша*, узнавъ о назначеніи маршала *Сентъ-Арно*, замѣтилъ: «Балканы были въ родахъ и произвели мышь, т. е. французскаго генералиссимуса». За то его тотчасъ же и смѣнили. Нынѣшній визирь былъ прежде губернаторомъ въ Адріанополѣ, а еще прежде, въ молодости,

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 120. Окончаніе извѣстій относится до состоянія турецкой арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ.

(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 119.

трубконосцемъ (чубукчи) у *Хозрева-паши*. Маршалу *Сентъ-Арно* онъ будетъ полезенъ. Это несогласіе между турецкими сановниками производитъ сильное впечатлѣніе во всѣхъ политическихъ кружкахъ, а еще болѣе назначеніе *Галиля-паши* въ великіе адмиралы. Онъ, какъ извѣстно, глава такъ называемой русской партіи. *Ищету-паша*, намѣстнику Видина, дано знать о назначеніи маршала *Сентъ-Арно* въ должность главнокомандующаго. Это извѣстіе произвело на стараго турка тягостное впечатлѣніе. Маршала *Сентъ-Арно* называютъ теперь французскимъ великимъ визиремъ. *Галиму-паша* посланъ съ французскимъ офицеромъ приказъ французскаго главнокомандующаго изъ Варны. Турки въ большомъ смущеніи.

Въ вѣнской газетѣ «Soldatenfreund» сообщаютъ, что *Омеръ-паша* не могъ быть въ военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ Варнѣ, потому что боялся въ этотъ день нападенія русскихъ, и совѣтъ сей происходилъ въ Шумлѣ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Галлиполи, по недостатку кавалеріи, артиллерійскихъ лошадей и средствъ къ перевозкѣ, пройдетъ еще два или три мѣсяца, прежде чѣмъ французская армія будетъ готова для начатія кампаніи, такъ что нынѣшнимъ лѣтомъ русская армія будетъ, вѣроятно, имѣть дѣло съ одними турками (1).

Изъ Константинополя пишутъ въ газетѣ «Wanderer», отъ 25-го мая 1854 г.: «23-го маршалъ *Сентъ-Арно*, лордъ *Рагланъ* и *Риза-паша* возвратились сюда изъ поѣздки своей въ Варну и Шумлу. Г. *Сентъ-Арно* не совсѣмъ доволенъ ни укрѣпленіями послѣдняго изъ этихъ городовъ, ни военнымъ управленіемъ. О планѣ военныхъ дѣйствій ничего неизвѣстно. Три французскіе фрегата вышли вчера изъ Константинопольской гавани за бригадой третьей дивизіи, которую предполагается привезти туда, для чего теперь употреблены будутъ четыре военные парохода, находящіеся въ Галлиполи. Перевозка французскихъ войскъ въ Варну затруднительна, по недостатку средствъ, тогда какъ

(1) „Сѣверная Пчела 1854 г. № 128.

англичане приняли всѣ мѣры, чтобъ разомъ отправить всѣ свои силы (менѣе значительныя впрочемъ, чѣмъ французскія) на одинъ пунктъ, а именно въ Варну. Положеніе дѣлъ на Дунаѣ объясняетъ поспѣшность, съ которою посылаютъ вспомогательныя войска на театръ войны, потому что, строго говоря, *Омеръ-паша* располагаетъ въ Шумлѣ только 54.000 человѣкъ и положеніе Силистріи весьма плохо, по недостатку провіанта. О формированіи польскаго легіона нѣтъ болѣе и рѣчи, въ слѣдствіе сопротивленія интернунція (1).

Кажется, что, въ слѣдствіе сужденій военнаго совѣта, происходившихъ въ Варнѣ, и послѣ смотра, произведеннаго маршаломъ *Сентъ-Арно* и лордомъ *Раглаломъ* турецкой арміи, сосредоточенной въ Шумлѣ, рѣшено начать военныя дѣйствія въ большомъ размѣрѣ, а потому передано въ Константинополь главнокомандующими приказаніе немедленно отправить войска на судахъ въ Варну. Еще до 22-го мая собраны были въ Босфорѣ и Мраморномъ морѣ значительныя средства къ перевозу. Такимъ образомъ могли вдругъ отправить 25,000 французовъ и 17,000 англичанъ (какъ сказано въ депешѣ), которые чрезъ три или четыре дня по отплытіи могли быть высажены въ Варнѣ. — Принцъ *Наполеонъ*, долженствовавшій ждать въ Константинополѣ возвращенія маршала *Сентъ-Арно*, отправился самъ въ Варну 22-го мая, получивъ депеши отъ маршала. Послѣдній прибылъ однако же въ Константинополь 25-го мая съ лордомъ *Раглаломъ*, и военнымъ и морскимъ турецкими министрами, сопровождавшими ихъ, какъ извѣстно, въ Варну, для присутствія въ бывшемъ тамъ военномъ совѣтѣ. Въ тотъ же самый день, 25-го числа, маршалъ опять отправился въ Галлиполи».

Въ марсельской газетѣ «Semaphore» напечатано слѣдующее письмо отъ константинопольскаго корреспондента оной, отъ 25-го мая 1854 года, не совсѣмъ согласное съ подробностями, сообщенными въ «Indépendance Belge»:

---

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 122 и „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 124.

«Въ среду, 24-го мая, маршалъ *Сентъ-Арно*, *лордъ Раглань*, *Риза-паша* и *Мегеметъ-Кебресли-паша* возвратились въ Константинополь послѣ конференціи въ Шумлѣ съ *Омеръ-пашею* и союзными адмиралами. — На другой день маршалъ, *лордъ Раглань*, *Решидъ-пата*, *Риза-паша* и *Мегеметъ-Кебресли-паша* собрались у султана. *Омеръ-паша* горько жаловался, что останавливаютъ его дѣйствія, не присылая ему ничего, что̀ нужно для веденія войны, какъ-то: войска, боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, и забывая его совершенно, причемъ объявилъ, что если это продолжится, то онъ подастъ въ отставку или застрѣлится. Маршалъ *Сентъ-Арно*, который, при содѣйствіи генерала *Боске*, могъ удостовѣриться въ справедливости этихъ жалобъ, поддерживалъ ихъ у султана въ семъ собраніи. Тогда *Решидъ-паша* предложилъ выйти въ отставку. Говорятъ, что этотъ министръ, какъ равно и военный *Риза-паша*, можетъ быть, не долго останутся на своихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, положеніе дѣлъ очень сомнительно и требуетъ болѣе дѣятельности и усердія. — Англійскія войска праздновали вчера день рожденія королевы англійской смотромъ и маневрами, и отправятся въ концѣ этой недѣли въ Варну, въ числѣ 17,000 человѣкъ (1).

Въ «Тріестской Газетѣ» сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Константинополя, отъ 25-го мая, полученныя сухимъ путемъ: «24-го мая 1854 г., происходило въ Чераганскомъ дворцѣ, въ присутствіи султана и министра финансовъ, новое засѣданіе военнаго совѣта, служащее дополненіемъ къ бывшему въ Шумлѣ. Результатомъ онаго было то, что двѣ дивизіи англійскихъ войскъ и столько же французскихъ будутъ чрезъ недѣлю перевезены въ Варну, которой гарнизонъ, считая кавалерію и артиллерію, будетъ доведенъ до двадцати тысячъ человѣкъ составляя правое крыло союзной арміи въ Болгаріи. Впрочемъ европейскія войска будутъ дѣйствовать совокупно съ мусульманами только въ стратегическомъ, а не въ тактическомъ отношеніи; нынѣшній же гарнизонъ Варны и прочія ту-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 123.

рецкія войска должны присоединиться къ центру, подъ начальствомъ *Омеръ-паши*. Такимъ образомъ избѣгли споровъ о главномъ начальствѣ, предоставивъ каждой арміи дѣйствовать отдѣльно, хотя и по общему плану. Впрочемъ, правое крыло, которое должно быть сформировано въ Варнѣ, не въ состояніи будетъ такъ скоро начать наступательныя дѣйствія, потому что ему прежде всего нужно время на укомплектованіе, и оттого оно будетъ въ необходимости ограничиться до времени оборонительными дѣйствіями. Кажется, что не очень вѣрятъ неприступности укрѣпленій Шумлы, потому что другой отрядъ изъ французскаго лагеря при Галлиполи, въ десять тысячъ человѣкъ, получилъ, какъ говорятъ, приказаніе двинуться къ Адріанополю. Принцъ *Наполеонъ*, отправившійся въ Галлиполи, будетъ управлять этимъ движеніемъ (1).

Маршалъ *Сентъ-Арно* долженъ отправиться сегодня въ Галлиполи, откуда часть войскъ направлена будетъ въ Болгарію. Дивизіи принца Наполеона ожидаютъ здѣсь въ первыхъ числахъ іюня. Она прійдетъ частью моремъ, частью сухимъ путемъ. Принцъ отправился за нею въ понедѣльникъ, 22-го мая (2).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Константинополя, отъ 29-го мая 1854 г.: «Силистрія находится въ самомъ критическомъ положеніи, и союзники дѣйствительно хотятъ подать ей помощь. Двѣ дивизіи французскаго экспедиціоннаго корпуса, первая и вторая, подъ командою генераловъ *Канробера* и *Боске*, должны были отправиться вчера изъ Галлиполи въ Варну. Третья дивизія, принца *Наполеона*, идетъ сухимъ путемъ въ Константинополь. За четыре дня предъ симъ, французскій паровой фрегатъ «Кацикъ» перевезъ въ Варну роту инженеровъ для устройства тамъ пристани, вмѣстѣ съ экипажемъ корабля «Генрихъ IV», чтобъ предупредить неудобства и затрудненія, испытанныя при высадкѣ войскъ въ Галлиполи.—Англійская дивизія генерала сэра Джорджа *Броуна*, назначенная къ отправленію

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 128.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 123.

въ Варну, располагалась выйти въ субботу, 27-го мая, но вдругъ приказано ей было остановиться. Впрочемъ, поводомъ къ этому приказанію было только то обстоятельство, что транспорты со съѣстными и военными припасами еще не прибыли, между тѣмъ какъ необходимо было, чтобъ магазины были въ исправности до прибытія войскъ. Слѣдственно эта остановка будетъ продолжаться лишь нѣсколько дней. Отправленіе окончательно послѣдуетъ 1-го іюня, и какъ переѣздъ изъ Скутари въ Варну продолжается не болѣе пятнадцати или шестнадцати часовъ, то англичане вѣчески успѣютъ прибыть къ сроку, назначенному маршаломъ *Сентъ-Арно*. Кажется, что, въ слѣдствіе рѣшенія военнаго совѣта, бывшаго въ Варнѣ и Шумлѣ на прошедшей недѣлѣ, измѣненъ первоначальный планъ кампаніи, составленный союзниками. Дѣйствительно, сперва хотѣли начать съ экспедиціи въ Крымъ и овладѣть Севастополемъ, высадкою съ сухаго пути и атакою съ моря. Но опасеніе, что *Омеръ-Паша*, не имѣя болѣе пяти тысячъ человѣкъ, сосредоточенныхъ въ Шумлѣ, не въ силахъ остановить движенія русскихъ, приближающихся къ Балканамъ въ превосходныхъ силахъ, заставило маршала *Сентъ-Арно* рѣшиться на защиту дунайской линіи до прибытія новыхъ подкрѣпленій, ожидаемыхъ изъ Франціи и Англіи (1).

Въ «Preussischer Staats-Anzeiger», сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Константинополя, отъ 29-го мая 1854 г.: «Въ слѣдствіе совѣта, бывшаго 24-го числа въ присутствіи султана, маршалъ *Сентъ-Арно* отправилъ всѣ свободные пароходы въ Галлиполи для перевоза войскъ, ожидаемыхъ здѣсь съ часу на часъ. Сегодня посажены были въ Скутари на суда четыре тысячи человѣкъ англійскихъ войскъ, которыя, какъ думаютъ, назначены въ Варну, куда уже отправились саперы и инженерные офицеры. Коммиссія французскихъ офицеровъ въ Адріанополѣ, которой поручено было заготовить квартиры для союзныхъ войскъ, окончила свои занятія, и думаютъ, что въ половинѣ іюня будутъ тамъ пятнадцать тысячъ человѣкъ.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 127.

Въ «Аугсбургской Газетѣ» сообщаютъ изъ Смирны, отъ 27-го мая 1854 г., что армія, собравшаяся въ Галлиполи, начинаетъ свое движеніе. Офицеры главнаго штаба громко говорятъ, что солдаты не сдѣлаютъ ни одного выстрѣла, и что дѣло ограничится только истребленіемъ (??) русскихъ морскихъ силъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. 26-го мая принцъ *Наполеонъ* прибылъ въ Галлиполи, чтобъ выступить съ своею дивизіею въ Адріанополь. Англійскіе полки много терпятъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Англійское правительство, понадѣявшееся на обѣщаніе Порты касательно продовольствія иностранныхъ войскъ, видитъ себя жестоко обманутымъ. Притомъ же англичане терпятъ недостатокъ и въ способахъ къ сухопутной перевозкѣ, а у французовъ есть на то превосходныя средства (1).

«Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Константинополя, отъ 1-го іюня 1854 г.: «Генералъ *Канробертъ* прибылъ сегодня поутру на «Кацикѣ». Онъ пробылъ здѣсь нѣсколько часовъ для свиданія съ военнымъ министромъ. Дивизія его идетъ въ Черное море, частію въ Варну, а частію въ Бургасъ, гдѣ, какъ кажется, будетъ временно главная ея квартира. Сегодня прибыла эта дивизія въ Босфоръ, везомая на большомъ числѣ транспортныхъ судовъ, буксируемыхъ пароходными фрегатами французскими (2) и турецкими.—Вторая дивизія, о которой говорили, что она должна тотчасъ же идти въ Варну, отправится изъ Галлиполи 5-го іюня, и пойдетъ сухимъ путемъ въ Адріанополь. Но третья дивизія, командуемая принцемъ *Наполеономъ*, которая уже три дня на походѣ въ Константинополь, остановится въ сей столицѣ только на два дня; на третій же, послѣ смотра въ присутствіи султана, отправится въ Бургасъ и Варну.—Такъ какъ несогласія съ греческимъ правительствомъ окончены, то дивизія генерала *Форея* могла продолжать походъ, кромѣ одного полка, оставленнаго въ

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 128.

(2) Descartes, Sané, Vauban, Mogador и Magellan. (См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 127). *Ред.*

Пиреѣ. Эта дивизія немедленно отправлена будетъ въ Адріанополь. Султанъ дастъ восемь тысячъ человѣкъ своей гвардіи и полторы тысячи конницы, которые будутъ присоединены къ первой и третьей дивизіямъ. — Маршала *Сентъ-Арно* рѣшительно ожидаютъ здѣсь 4-го іюня ввечеру, а 6-го поутру онъ отправится въ Варну» (1).

Изъ Константинополя, отъ 1-го іюня 1854 г., пишутъ въ «Кельнской Газетѣ»: «Движеніе къ Балканамъ и въ Болгарію началось теперь съ полною дѣятельностью. Чрезъ два дня послѣдніе англичане выйдутъ изъ Скутари, кромѣ двухъ кавалерійскихъ полковъ и артиллеріи, которые будутъ тамъ ожидать своего укомплектованія. Въ прошедшій понедѣльникъ пѣхотные полки 7-й, 19-й, 23-й, 33-й, 77-й и 38-й отправились въ Варну на фрегатахъ «Камбрія», «Ардисъ», «Викторія», «Гольденфлисъ» и двухъ другихъ, ведущихъ на буксирѣ транспортныя суда, а за шесть дней предъ тѣмъ тридцать саперовъ легкой артиллеріи посланы туда для приготовленій къ высадкѣ сихъ войскъ. Такимъ образомъ, на будущей недѣлѣ соберется въ Варнѣ 23,000 англичанъ. Перевозка французовъ производится на турецкихъ и французскихъ пароходахъ и транспортахъ (2).

Въ письмѣ изъ Варны къ газетѣ «Times», 1-го іюня 1854 г., сообщаются подробности о матеріальномъ положеніи англійскихъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ въ окрестностяхъ этого города. Нѣсколько сотенъ подводъ, запряженныхъ волами, отданы въ распоряженіе арміи. Скотъ, употребляемый въ пищу, въ жалкомъ положеніи. Онъ малъ и худъ. Одинъ человѣкъ легко поднимаетъ быка, и мясо этого животнаго не превосходитъ вѣсомъ мяса англійской овцы. Лошади крѣпки, дики и необузданы, но при всемъ томъ очень дороги. *Омеръ-паша* запретилъ вывозъ зернового хлѣба изъ Варны и всѣхъ портовъ Румиліи. Въ хлѣбѣ у войска нѣтъ недостатка. *Омеръ-паша* предписалъ также пріостановить почтовое сообщеніе между Варной

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 129. — Извѣстіе это напечатано и въ „С.-Петерб. Вѣдом.„ 1854 г. № 127 съ слѣдующимъ добавленіемъ въ концѣ: „Первыя французскія войска прибыли въ Варну 26-го мая на пароходѣ Cacique.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 № 130.

и Шумлой для всѣхъ, кромѣ курьеровъ правительства или генераловъ. Это предписаніе удержитъ потокъ англійскихъ посѣтителей, безпрестанно наводнявшихъ лагерь. Послѣдній расположенъ въ долинѣ, на разстояніи одной мили отъ Варны и полу-мили отъ озера съ прѣсной водой. Вода этого озера изобилуетъ насѣкомыми и большими піявками, и солдаты должны ходить за водою въ городъ и черпать ее изъ фонтановъ. Это лагерное расположеніе, впрочемъ, только временное, и палатки имѣютъ быть перенесены въ деревню Девно. Люди жалуются на недостатокъ соли и перцу, равно-какъ и обѣщанныхъ портера и эля, которые остались въ казармахъ Скутари. Въ этой странѣ, кажется, ромъ лучшій напитокъ, чѣмъ пиво. А теперь необходимо довольствоваться дурною водой. Хлѣбъ, бураго цвѣта, нѣсколько киселъ, но не возбуждаетъ жалобъ. Лазаретныя и аптечныя вещи наконецъ привезены. Сэръ Дж. *Броунъ* хочетъ назначить имъ какъ можно менѣе мѣста и не совсѣмъ согласенъ на этотъ счетъ и на счетъ нѣсколькихъ другихъ распоряженій съ медицинскими властями. Англійскому консулу, г. *Пилю*, представлены жалобы на поведеніе нѣсколькихъ солдатъ, послѣ высадки ихъ. Сэръ Дж. *Броунъ* немедленно издалъ приказъ о строгомъ наказаніи за пьянство (¹).

Вотъ наиболѣе интересныя извѣстія, сообщаемыя изъ Варны корреспондентами англійскихъ газетъ.—Корреспондентъ газеты «Herald» пишетъ: «Войска помѣщены за городомъ, но близъ самыхъ стѣнъ Варны, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ моремъ и большимъ, чрезвычайно-живописнымъ озеромъ. На сѣверной сторонѣ города находится лагерь египетскихъ и турецкихъ войскъ, которыхъ здѣсь тысячъ семь. Французское войско расположено въ сосѣдствѣ турецкаго.—До сихъ поръ въ Варнѣ не болѣе 450 французскихъ солдатъ. Наши любезные союзники сыграли съ нами ту же шутку, какъ въ Галлиполи. Прибывшій сюда французскій авангардъ, изъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, завладѣлъ всѣми лучшими до-

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 135.

мами въ городѣ, тогда какъ англичанамъ, нужды кот-о рыхъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ вчетверо, превышаютъ нужды ихъ добрыхъ союзниковъ, приходится довольствоваться тѣмъ, что послала судьба. Говорятъ, что не нынче, такъ завтра прибудетъ сюда 42-тысячный французскій корпусъ. Въ такомъ случаѣ находящіяся здѣсь войска будутъ переведены въ Девно. Бригаду герцога также ожидаютъ на слѣдующей недѣлѣ. Вообще дѣлаютъ, кажется, всевозможныя усилія, чтобы сосредоточить войска какъ можно скорѣе. Французы повсюду строятъ пекарни и дѣлаютъ всѣ приготовленія для принятія большаго числа войскъ. Съ нашими турецкими и французскими союзниками мы будемъ имѣть здѣсь армію въ 80 или 90 тысячъ человѣкъ». — Корреспондентъ газеты «Chronicle» пишетъ отъ 4-го іюня: «Я только что возвратился изъ поѣздки въ лагерь. Дорога покрыта офицерами, солдатами, солдатскими женами, идущими въ лагерь или изъ лагеря; посреди нихъ тянется безконечный рядъ длинныхъ и низенькихъ болгарскихъ телѣгъ, нагруженныхъ съѣстными припасами для лагеря. Смуглые и черноглазые египетскіе солдаты стоятъ по сторонамъ дороги, съ смѣшнымъ любопытствомъ разсматривая проходившія предъ ними пестрыя толпы. Лагерныя женщины шли, нагруженныя съѣстными и другими припасами, не входящими въ полковую порцію, которую онѣ купили въ городѣ; французскіе баши-бузуки, т. е. зуавы, помогали имъ въ этомъ интересномъ занятіи. Наши соотечественницы и французская легкая инфантерія въ самой тѣсной между собою дружбѣ. Британскій лагерь начинается на противоположномъ отъ города концѣ гласиса; палатки размѣщены по обѣимъ сторонамъ дороги въ Шумлу. Положеніе лагеря посреди луга, на берегу рѣки Давны, очень живописно. Впрочемъ, говорятъ, мѣстность, занимаемая имъ, нездорова, потому что берега Давны извѣстны гибельными лихорадками. Прибытіе въ гавань новыхъ транспортовъ вызвало меня изъ лагеря къ мѣсту высадки войскъ. Вновь прибывшія войска были французскія. За этимъ первымъ отрядомъ транспортовъ послѣдовалъ второй и третій, каждый въ пять или шесть судовъ.

Въ настоящую минуту въ лагерѣ около Варны находится, по крайней мѣрѣ, 25,000 союзныхъ войскъ. Два французскіе полка помѣстились направо отъ англійскаго лагеря. Зуавы, вступившіе въ городъ подъ звуки военной музыки, привлекли всеобщее вниманіе. Женщины съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ въ щели дверей. Зуавы, въ свободное отъ службы время, въ самомъ щегольскомъ костюмѣ, возвращаются туда, гдѣ замѣтили пару черныхъ глазъ, и бродятъ около заборовъ и запертыхъ воротъ, въ надеждѣ уловить взглядъ и покорить сердце своихъ красавицъ. Легко предвидѣть, что въ Варнѣ зуавы пріобрѣтутъ такую же знаменитость, какъ въ Галлиполи» (1).

7-го іюня, генералъ Боске прибылъ въ Адріанополь съ отрядомъ кавалеріи и съ своимъ штабомъ; онъ остановился въ паркѣ стараго сераля. Къ 9-му числу ожидали въ Адріанополь перваго отряда французскихъ войскъ. Переходы ихъ устроены такъ, чтобы разомъ переходило не болѣе полуторы или двухъ тысячъ человѣкъ. Первая дивизія въ Варнѣ; за нею вскорѣ послѣдуетъ третья (2).

Корреспондентъ газеты «Daily News» пишетъ изъ Варны отъ 9-го іюня 1854 г.: «Со времени отхода послѣдней почты, сюда прибылъ семитысячный французскій корпусъ, подъ командою генерала *Канробера*. Войска эти, точно такъ же какъ войска, стоящія подъ начальствомъ генерала *Броуна*, расположились лагеремъ миляхъ въ восьми отъ Варны, на дорогѣ въ Шумлу. Пѣхота, кавалерія и артиллерія и военные припасы каждый день подвозятъ къ набережной. Между тѣмъ дѣла англичанъ находятся, по видимому, въ застоѣ. До сихъ-поръ нѣтъ и признака втораго корпуса, который, говорятъ, дожидается прибытія 42-го Шотландскаго полка. Почему корпусъ этотъ не можетъ оставить Скутари до прибытія Шотландскаго полка, или почему Шотландскій полкъ не можетъ такъ же легко сое-

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости 1854 г. № 141.
(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 142.

диниться съ корпусомъ въ Варнѣ, какъ и въ Константинополѣ, я предоставляю рѣшить тѣмъ, кому лучше извѣстны оффиціальные секреты. Имъ же предоставляю объяснить, отчего большіе корабли въ 1,800 и 2,000 тонн приходятъ сюда каждый день съ нѣсколькими тоннами военныхъ припасовъ и экипажемъ человѣкъ въ 26, когда на каждомъ изъ этихъ судовъ можно бы доставить тысячу солдатъ. Нерѣдко пароходъ въ 400 силъ отправляется въ путь только для того, чтобъ перевезти генерала съ его штабомъ; никому не приходитъ и на мысль, что, въ видахъ сокращенія расходовъ, пустыя мѣста на пароходѣ весьма-удобно могутъ быть заняты солдатами. Ошибки и неудачи случаются довольно часто. Одинъ штабъ-офицеръ въ Варнѣ получилъ изъ Константинополя приказаніе купить 1,500 лошадей и имѣть ихъ въ готовности на слѣдующій день. Приказаніе осталось неисполненнымъ, во-первыхъ, потому, что у офицера не было денегъ; а во-вторыхъ, 1,500 лошадей нельзя найдти на разстояніи пятидесяти квадратныхъ миль отъ Варны. Подобный примѣръ, какъ нельзя лучше, показываетъ глубокое незнаніе страны». Другой корреспонденъ газеты «Daily News» пишетъ: «Англійскіе саперы построили по ту сторону гавани деревянную пристань, выдающуюся въ море на сто-сорокъ футовъ. Французы соорудили себѣ подобную же пристань на старой набережной. Они хвастаются ею и много толкуютъ о ней, но пристань не стоитъ такихъ разглагольствованій. Французы выказываютъ необыкновенную дѣятельность. Улицамъ даны уже названія и къ угламъ прибиты выкрашенныя доски, къ величайшему удивленію турокъ. Улица, въ которой помѣщается французскій госпиталь, названа безъ сомнѣнія—*Госпитальною*; длинный и кривой переулокъ съ двумя порядочными домами, но замѣчательный преимущественно кучами навоза, продажею вонючей рыбы, избранное мѣсто подвиговъ одной особенно-свирѣпой собаки, получилъ пышное названіе—*Корсо*. Что бы подумалъ римлянинъ, если бы ему попалась на глаза доска съ подобною надписью? англичане и французы завладѣли почти всѣми лучшими домами и обратили ихъ въ офицерскія квартиры, кладовыя, мастерскія, госпи-

тали и т. п. На каждомъ перекресткѣ можно наткнуться на группы пьяныхъ французскихъ и англійскихъ солдатъ, поддерживающихъ другъ друга и клянущихся въ дружбѣ. Французы дѣлаютъ все это живо и съ большимъ шумомъ; напротивъ того, англичане не покидаютъ своей важности въ объятіяхъ новыхъ друзей. Тамъ и сямъ можно встрѣтить какого-нибудь зуава, который догоняетъ арабскаго солдата и кричитъ *cino, cino*, дополняя эти слова пояснительными жестами. Это значитъ, чтобъ туземный солдатъ указалъ ему, гдѣ есть поближе кабакъ. Если туземецъ ничего не отвѣчаетъ или не понимаетъ подобнаго способа выраженій, на него градомъ сыплются эпитеты — *дикарь, варваръ*. Съѣстные припасы страшно вздорожали. Кто не явится къ хлѣбнику рано поутру, не вступитъ мужественно въ борьбу съ пестрою толпою солдатъ, слугъ, турокъ, болгаръ, гѣснящеюся при входѣ въ пекарню, тотъ долженъ отказаться отъ всякой надежды получить малѣйшій кусокъ хлѣба въ продолженіе всего остальнаго дня. Обстоятельство это дѣлаетъ слабыхъ сильными, трусовъ храбрыми. Такимъ образомъ предметъ первой жизненной потребности раздается посреди крика, визга, брани и драки, напоминающихъ собою звѣринецъ во время кормленія животныхъ. Если пекарь одаренъ порядочной физической силой и человѣкъ рѣшительный, онъ, какъ троянецъ, отражаетъ нападающихъ, и предохраняетъ себя отъ всякаго убытка. Напротивъ, если это человѣкъ нерѣшительный или флегматическаго темперамента, то онъ полагается на великодушіе покупателей относительно небольшаго вознагражденія за его трудъ и муку. Мѣсяцъ тому назадъ хлѣбъ былъ такъ же бѣлъ и вкусенъ, какъ въ Лондонѣ; въ настоящее время онъ такъ же черенъ, какъ солдатскій. Сѣна и соломы нельзя достать ни за какія деньги. Лошадь, которая не можетъ удовольствоваться ячменемъ и небольшимъ количествомъ травы, не можетъ существовать вовсе. Всякій, кто хочетъ ѣсть мясное, принужденъ ограничиться бараниной, которая здѣсь въ изобиліи. Такая пища ожидаетъ его еще мѣсяцъ или два. Говядина—непзвѣстна. Въ скоромъ времени поспѣетъ огромное количество плодовъ. Турки давно уже сознавали,

что городскія ворота слишкомъ узки для телѣгъ и лошадей. Неудобства ощущались каждый день, но турки сносили ихъ годъ за годомъ, точно также какъ и отцы ихъ. Англійскіе саперы, тотчасъ по прибытіи въ Варну, проломали стѣну и обтесываютъ теперь камни для новыхъ воротъ». Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ изъ аладинскаго лагеря близъ Варны, отъ 14-го іюня: «12-го числа, прибылъ въ Варну пароходъ «Himalaya» съ 5-мъ полкомъ гвардейскихъ драгунъ. Пароходъ этотъ вышелъ изъ Корка 28-го мая и въ семь дней и 22 часа достигъ Мальты; на немъ находится 320 лошадей и 323 солдата. На переѣздъ изъ Корка въ Варну употреблено 11 дней и 19 часовъ. Сегодня поутру солдаты сошли на землю, и, сѣвъ на прибывшихъ съ ними же лошадей, отправились въ лагерь. Нынче я отправился изъ лагеря въ Варну и не узналъ города: такъ онъ измѣнился. Заборы по сторонамъ во многихъ мѣстахъ разломаны и открыты лавки, въ которыхъ можно найти даже предметы роскоши. По улицамъ, до сихъ поръ столь молчаливымъ, раздаются стукъ костей домино и смѣхъ, вылетающіе изъ вновь открытыхъ кофейныхъ домовъ. Виноторговцы и маркитанты изъ Алжира, Орана, Константины, Марселя, Тулона, раскинули шалаши и открыли лавки, въ которыхъ продаются ликеры, водки и вина по довольно низкимъ цѣнамъ. На одномъ амбарѣ красуется вывѣска: «Ресторанъ Восточной арміи для господъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ». Носятся слухи, что маршалъ *Сентъ-Арно* и нашъ главнокомандующій находятся не слишкомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Во время послѣдняго своего свиданія, они существенно разошлись въ мнѣніяхъ, какимъ образомъ вести войну. Всѣ говорятъ объ этомъ. Солдаты громко изъявляютъ свое неудовольствіе на то, что имъ не даютъ сахару, потому что весь запасъ его вышелъ, и объявляютъ, что не могутъ пить чаю или кофе безъ сахару. Они ворчатъ также, что сэръ *Джорджъ Броунъ* не позволяетъ перевезти въ лагерь портера, доставленнаго въ Варну для войскъ. Днемъ стоитъ сильный жаръ, ночи сдѣлались холоднѣе. Съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что англійскими солдатами сдѣлано нѣсколько

насилій жителямъ небольшой деревни Аладинъ, находящейся въ полумили отъ лагеря. Солдаты нѣсколько разъ врывались въ дома и наносили оскорбленія обитателямъ; офицеры посланы въ Аладинъ, чтобы предотвратить возобновленіе подобныхъ скандалезныхъ исторій. Генералъ *Эрей*, желая развлечь чѣмъ нибудь солдатъ, предложилъ офицерамъ устроить скачку. Тысячи двѣ человѣкъ собрались на лугу въ концѣ лагеря, ристалище расчищено, обнесено плетнемъ и скачка началась. Былъ одинъ несчастный случай. Г. Маркамъ упалъ съ лошади и ушибся. Онъ теперь выздоравливаетъ, лошадь же его убилась на мѣстѣ (1).

Парижъ 12-го іюня 1854 г. Со вчерашняго дня (11-го іюня) много толкуютъ въ Парижѣ о донесеніяхъ маршала *Сентъ-Арно*. Я имѣлъ случай узнать нѣкоторыя обстоятельства, за которыя могу ручаться. Главное извѣстіе состоитъ въ томъ, что маршалъ почитаетъ невозможнымъ, съ имѣющимися у него до сихъ поръ турецкими, французскими и англійскими силами, дѣйствовать противъ русскихъ, и потому настоятельно требуетъ еще цѣлаго корпуса, по крайней мѣрѣ изъ двухъ дивизій. О Силистріи не говоритъ онъ ни слова; она, какъ кажется, предоставлена своей участи. На принца *Наполеона* жалуется онъ горько, и явно выражаетъ желаніе, чтобъ его отозвали. Англичанами онъ недоволенъ, а на турокъ чрезвычайно сердится. Все это, правда, вовсе не то, что пишутъ въ восторженныхъ газетныхъ статьяхъ (2).

Въ «Preussicsher Staats-Anzeiger» пишутъ изъ Шумлы, что авангардъ союзныхъ войскъ прибылъ 12-го іюня, къ Праводамъ, куда, для встрѣчи ихъ, пріѣхалъ и *Омеръ-паша* (3).

Въ вѣнской газетѣ «Soldatenfreund» пишутъ изъ Шум-

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 143
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 128.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 142

лы, отъ 13-го іюня 1854 г. «Дивизія герцога *Кембриджскаго* и 1-я французская дивизія прибыли въ Варну; 3-й французской дивизіи тамъ ожидаютъ, а 2-я выступила 7-го іюня изъ Булагирскаго лагеря къ Адріанополю. Въ слѣдъ за нею пошелъ 4-й егерскій полкъ; 9-го же числа пойдутъ обѣ бригады той же дивизіи. Кавалерійская бригада, подъ командою генерала *Кассаніоля*, состоящая изъ 6-го драгунскаго и 6-го кирасирскаго полковъ, съ артиллерійскимъ паркомъ, была на походѣ въ Шумлѣ. Бригада дивизіи *Канробера* стоитъ лагеремъ въ Бургасѣ (1).

По достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Букареста, отъ 15-го іюня 1854 года (сказано въ «Preussischer Staats-Anzeiger»), англійскія войска, высаженныя въ Варнѣ 11-го іюня, пробыли тамъ одинъ день, а на другой день двинулись въ Кюстенджи. Изъ этого пункта, гдѣ дороги расходятся, неизвѣстно, пойдутъ ли они на Праводы или на Базарджикъ (2).

15-го іюня 1854 г., возникъ въ Кулелійской казармѣ, на азіятскомъ берегу Босфора, сильный споръ между англійскими и турецкими солдатами. Двое или трое изъ числа первыхъ возвратились домой пьяные; стража назвала ихъ «пьяными, невѣрными свиньями»; одинъ англичанинъ понялъ смыслъ этихъ выраженій. Дѣло началось съ пощечинъ, а кончилось саблями; 1 турокъ остался на мѣстѣ, 8 англичанъ и 7 турокъ тяжело ранены. Нарядили строгое слѣдствіе, изъ котораго оказалось, что обѣ стороны не правы и должны отвѣчать за свои поступки. Эта сцена нѣсколько отбила у турокъ ихъ англоманію. Извѣстно, что нѣкоторые полки зуавовъ носятъ вокругъ красной шапки зеленыя чалмы; послѣднія возбуждаютъ между турками всеобщее негодованіе, потому что у нихъ зеленая чалма составляетъ принадлежность извѣстныхъ сектъ и потомковъ Магомета. Одинъ старый турокъ остановился на дняхъ передъ зуавомъ и воскликнулъ: «О Боже, до какого паденія вѣры нашей ты принудилъ меня дожить!» Другой сбилъ чалму съ головы французскаго солдата, но

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 140.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 137.

зуавъ, человѣкъ ловкій и неустрашимый, однимъ ударомъ повергъ старика на землю и хотѣлъ заколоть его штыкомъ, но молодые люди усмирили бѣшенаго француза, и дѣло тѣмъ и кончилось (1).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Константинополя отъ 17-го іюня: «Вторая англійская дивизія, оставшаяся въ Скутари, отправилась наконецъ 12-го и 13-го іюня въ Варну, кромѣ отряда въ семь или восемьсотъ человѣкъ, оставленнаго, какъ говорятъ, для конвоированія обозныхъ лошадей». Слѣдственно, теперь въ Варнѣ пятнадцать тысячъ англичанъ и двѣнадцать или четырнадцать тысячъ французовъ. На будущей недѣлѣ послѣдніе будутъ въ числѣ двадцати пяти тысячъ, потому что дивизія принца *Наполеона*, которая уже два дня стоитъ въ Даудъ-Пашѣ, произведенъ будетъ смотръ 19-го іюня, въ присутствіи султана, а на другой день она отправится. Такимъ образомъ союзники будутъ имѣть чрезъ недѣлю на мѣстѣ военныхъ дѣйствій сорокъ тысячъ человѣкъ, съ кавалеріею, артилерію, и обозомъ, для вступленія въ операціонную линію. Союзныя эскадры находились еще 12-го іюня у Балчика (2).

Мы видѣли многія письма изъ Константинополи, въ которыхъ описываютъ затрудненія, претерпѣнныя дивизіею принца *Наполеона* на походѣ изъ Галлиполи къ столицѣ. Одинъ офицеръ пишетъ, что изъ одного баталіона осталось въ Родоста полтораста человѣкъ больныхъ. Дорогъ нѣтъ и слѣда: піонеры должны были прокладывать ихъ; при этомъ былъ ужаснѣйшій жаръ и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Изъ этого можно вообразить себѣ, какія затрудненія предстоятъ второй дивизіи и кавалеріи, которыя пойдутъ въ Адріанополь чрезъ горы. О смотрѣ сихъ войскъ уже извѣщали, но неизвѣстно, былъ ли на этотъ разъ султанъ исправнѣе. Англичанъ заставилъ онъ ждать три часа. Въ частномъ письмѣ говорятъ, что султанъ на дняхъ былъ вторично оскорбленъ однимъ фанатикомъ. Въ

---

(1) „С.-Петерб. Вѣд.“ 1854 г. № 150.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 142.

праздникъ рамазана давалъ онъ аудіенцію въ старомъ сералѣ. Вдругъ какой-то старый турокъ пробился сквозь толпу и закричалъ въ присутствіи султана: «сынъ гяура! Ты призвалъ невѣрныхъ собакъ въ царство ислама. Ты такой же гяуръ, какъ и отецъ твой. Да проклянетъ тебя пророкъ!» Султанъ теперь часто подвергается подобнымъ любезностямъ (1).

Въ «Fremdenblatt», пишутъ изъ Шумлы, отъ 20-го іюня 1854 г., что 20,000 англичанъ и 40,000 французовъ стоятъ между Варною и Шумлою, въ особенности близъ Праводъ. Къ 26 іюня ожидали дивизіи принца *Наполеона* съ двумя турецкими полками. 16-го лордъ *Раглань* имѣлъ конференцію съ *Омеръ-пашею*. По довольно положительнымъ свѣдѣніямъ союзныя войска не пойдутъ къ Дунаю. Герцогъ *Кембриджскій*, съ 14-го числа, находится въ Варнѣ. Союзный флотъ и транспортныя суда все еще находятся въ Балчикѣ и Коварнѣ, готовые къ выходу въ море (2).

Парижъ, 27-го іюня. Телеграфическою депешею изъ Марсели, отъ 25-го іюня 1854 года., сообщаютъ: пароходъ «*Синай*» прибылъ съ почтою изъ Константинополя отъ 15-го іюня. Дивизіи принца *Наполеона*, собранной въ Константинополѣ, произведенъ будетъ 16-го іюня, смотръ, а 18-го она отправлена будетъ въ Варну. Генералы *Боске* и *д'Алонвиль* прибыли въ Адріанополь 14-го числа съ четырьмя тысячями человѣкъ. Англо-французскій авангардъ дошелъ до Праводъ, между Варною и Шумлою. Говорили, что эскадра вице-адмирала *Брюа* войдетъ въ Черное море и присоединится къ прочимъ эскадрамъ, чтобы дѣйствовать совокупными силами» (3).

По письмамъ изъ Константинополя отъ 15-го іюня 1854 г., герцогъ *Кембриджскій* отправился, 13-го числа, съ 7,000 человѣкъ въ Варну. Лордъ *Раглань* и весь его главный штабъ сбирались уѣхать туда же 15-го числа (4).

---

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 143.
(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 144.
(3) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 140.
(4) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 142.

Англо-французская армія простирается теперь до 70,000 человѣкъ, изъ которыхъ 54.000 находятся въ Варнѣ и ея окрестностяхъ, а 16,000 на пути изъ Адріанополя въ Бургасъ, въ Черномъ морѣ. Армія будетъ усилена въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 15,000 англичанъ и 40,000 французовъ, но, при всемъ томъ, эти 125.000 человѣкъ не будутъ въ состояніи дѣйствовать, до начала зимы, ни въ Болгаріи, ни въ Крыму (1).

Въ «Presse» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 19-го іюня 1854 г., слѣдующія телеграфическія извѣстія: «По окончаніи байрама, ожидаютъ перемѣны министерства. Вчера возвратился сюда лордъ *Раглань* изъ Шумлы чрезъ Варну. Сегодня отправилась отеюда въ Варну третья французская дивизія, а потомъ два полка турецкой пѣхоты и полкъ уланъ. Вчера же двинулся туда полкъ зуавовъ. Въ Скутари остались уже только тысяча пятьсотъ англичанъ. Ожидаютъ прибытія свѣжихъ французскихъ войскъ, для усиленія восточной арміи. По извѣстіямъ изъ Смирны, отъ 23-го мая, туда безпрестанно подходятъ французскія войска. На зиму хотятъ поставить тамъ гарнизонъ въ четыре тысячи французовъ».

Въ «Аугсбургской газетѣ» сообщаютъ изъ Тріеста слѣдующія извѣстія изъ Константинополя, отъ того же числа: маршалъ *Сентъ-Арно* отправляется завтра въ Галлиполи, а потомъ въ главную квартиру въ Варну. По недостатку воды, французскій резервъ не можетъ оставаться въ Бургасѣ. Съ часу на часъ ожидаютъ новой перемѣны въ турецкомъ министерствѣ» (2).

Изъ Варны, *отъ 19-го іюня*, пишутъ въ «Аугсбургской газетѣ», что восточная армія все еще не имѣетъ достаточной артиллеріи, и что у ней совершенный недостатокъ въ подводахъ. Слѣдственно, движеніе войскъ изъ Девно, не имѣетъ, какъ кажется, по мнѣнію корреспондента, другой цѣли, кромѣ очищенія мѣста войскамъ, прибывающимъ

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 151.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 143.

вновь ежедневно и занимающимъ постепенно мѣста, оставляемыя выходящими отрядами (1).

Изъ Константинополя пишутъ, отъ 26-го іюня 1854 г., что всѣ иностранныя войска оставили Галлиполи и Константинополь. Шестнадцать тысячъ пришли въ Адріанополь. Двѣ турецкія бригады отданы подъ начальство: одна—французскаго, другая—англійскаго командировъ (2).

Маршалъ *Сентъ-Арно* получилъ лошадей отъ четырехъ тысячъ баши-бузуковъ, чтобъ посадить на нихъ отправившуюся теперь изъ Франціи кавалерію, и тѣмъ избѣжать продолжительной перевозки, сопряженной съ большими издержками и слишкомъ утомительной и гибельной для лошадей. Сверхъ того, маршалъ *Сентъ-Арно* предложилъ султану взять двадцать тысячъ человѣкъ изъ султанской гвардіи, стоящей, какъ извѣстно, въ окрестностяхъ Константинополя, и размѣстить ихъ по французскимъ полкамъ, гдѣ они пріучатся къ дисциплинѣ и будутъ подъ командою офицеровъ болѣе образованныхъ. Еще неизвѣстно, приметъ ли султанъ это предложеніе (3).

Корреспондентъ газеты «Chronicle» пишетъ изъ Адріанополя отъ 26-го іюня: послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, здѣшній французскій лагерь усиленъ нѣсколькими полками. 19-го числа прибылъ 7-й полкъ легкой пѣхоты, 21 го вступили въ городъ два французскіе кавалерійскіе полка. Въ главѣ послѣднихъ шелъ эскадронъ оттоманскихъ уланъ, который, вмѣстѣ съ нѣсколькими французскими офицерами, вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Когда французскія войска проходили городомъ, улицы были запружены зрителями. Число французскихъ войскъ, прибывшихъ сюда до настоящаго времени, простирается до 14,000 тысячъ чѣловѣкъ. На нынѣшней недѣлѣ войска эти начнутъ свое движеніе къ Бургасу, на Черномъ морѣ, откуда отправятся къ дальнѣйшему мѣсту назначенія. Генералъ *д'Алонвиль* командуетъ кавалерійскою бригадою и всѣми расположенными здѣсь

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 147.
(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 148.
(3) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 139.

войсками. Адріанополь не что иное, какъ станція для войскъ, которыя отдыхаютъ здѣсь нѣсколько дней и потомъ отправляются въ главныя турецкія квартиры. Однако же здѣсь будетъ находиться постоянное депо арміи и госпиталь на 2.000 кроватей. Двѣ тысячи зуавовъ отправились отсюда поправлять дорогу въ Бургасъ, для прохода артиллеріи (1).

Корреспондентъ газеты «Globe» пишетъ отъ 27-го іюня 1854 г.:—«Оффиціальное извѣщеніе о снятіи русскими осады Силистріи получено здѣсь въ субботу вечеромъ 24-го іюня. Послѣ удаленія русскихъ, турки разрушили всѣ ихъ укрѣпленія. Тотчасъ по полученіи этого извѣстія въ Варнѣ, лордъ *Кардиганъ* отправленъ съ двумя эскадронами по направленію къ Силистріи для рекогносцировки. Дивизія сэра Ричарда *Ишланда* прибыла въ Варну изъ Галлиполи. Число находящихся здѣсь союзныхъ войскъ, со включеніемъ турокъ, простирается свыше 70.000 человѣкъ».— Корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ отъ 26-го іюня слѣдующія свѣдѣнія: «Извѣстіе о снятіи осады Силистріи произвело здѣсь глубокое впечатлѣніе. Главнокомандующіе снова совѣщаются сегодня, но до сихъ поръ ни одной дивизіи не дано еще предписанія о выступленіи. Однакоже большое число военныхъ кораблей и транспортовъ собрано въ гавани Варны. Въ прошлую субботу прибылъ сюда принцъ *Наполеонъ* для принятія команды надъ своею дивизіею. Ему отсалютовали, какъ обыкновенно, по 101 выстрѣлу съ каждаго военнаго французскаго корабля, находящагося въ гавани. Наши корабли встрѣтили принца болѣе скромнымъ привѣтствіемъ, сдѣлавъ одинъ королевскій салютъ и поднявъ императорскій французскій флагъ. Вся равнина вокругъ Варны, на протяженіи двухъ или трехъ миль, покрыта палатками. Трава, пажити, кустарникъ изчезли, поля превратились въ песчаныя степи, изрытыя колесами телѣгъ, копытами лошадей и быковъ, покрытыя жилымъ лабиринтомъ парусныхъ пала-

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 159.

токъ. Никакъ не менѣе 40,000 человѣкъ французовъ, англичанъ, египтянъ и турокъ расположены лагеремъ вокругъ Варны, да, кромѣ того, самый городъ биткомъ набитъ солдатами. Въ субботу происходилъ на равнинѣ позади Варны смотръ 8,000 турецко-египетскаго войска. Солдаты производили маневры съ безпечностью и нерадѣніемъ, впрочемъ вполнѣ извинительнымъ, если принять въ соображеніе, что всѣ эти воины были голодные. Въ египетскомъ отрядѣ находилось нѣсколько негровъ, съ свирѣпою наружностью; лучшіе африканскіе полки не пренебрегаютъ находиться подъ командою нубійскихъ евнуховъ. Руки нѣкоторыхъ изъ египетскихъ солдатъ были изуродованы. Бѣдняги сами отрубаютъ большой или указательный палецъ, надѣясь этимъ избѣжать рекрутства. Каждый почти день разражается у насъ гроза съ дождемъ, чему мы очень рады, потому что послѣ этого температура поднимается обыкновенно на 10 или 12 градусовъ. Два французскіе солдата разстрѣляны за неповиновеніе. Третій будетъ разстрѣлянъ завтра, за нанесеніе смертельной раны своему товарищу. Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ англійскій солдатъ поспорилъ о чемъ-то съ туркомъ. Послѣдній выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, но солдатъ бросился на него, вырвалъ у турка пистолетъ и выстрѣлилъ. Пуля пролетѣла подлѣ принца *Эдуарда* Саксенъ-Веймарскаго, который случайно проѣзжалъ мимо, осматривая лагерь. Солдатъ арестованъ за неосторожность».—Корреспондентъ газеты «Post» пишетъ: недавно маршалъ *Сентъ-Арно*, въ сопровожденіи генерала *Канробера* и штаба, проѣзжалъ чрезъ британскій лагерь. Англійскіе солдаты окружили его и привѣтствовали громкимъ крикомъ, который не умолкалъ, пока маршалъ ѣхалъ лагеремъ. *Сентъ-Арно* оставался во все это время съ непокрытою головою и безпрерывно восклицалъ: «да здравствуетъ старая Англія!» Энтузіазмъ увеличивался въ такихъ размѣрахъ, что одинъ шутникъ, квартирмейстеръ, описывая эту сцену, увѣрялъ, что ребята, если бы дали имъ волю, понесли бы на рукахъ маршала вмѣстѣ съ лошадью. Подобнаго же рода восторгъ возбудилъ лордъ *Рагланъ* во французскомъ лагерѣ».—«Днемъ, пишетъ кор-

респондентъ газеты «Daily News», здѣсь стоитъ очень сильный жаръ. Въ настоящее время термометръ показываетъ въ моей палаткѣ болѣе 90 градусовъ по Фаренгейту, не смотря на всѣ старанія освѣжить воздухъ. Отъ солнца лицо и уши у насъ постоянно лупятся. Вечера однако же прохладны. Третьяго дня одинъ солдатъ умеръ у насъ отъ холеры, въ семь часовъ. Вчера и сегодня отправлено въ госпиталь нѣсколько человѣкъ, у которыхъ также открылись признаки холеры. Лордъ *Раглань* давно уже далъ приказъ имѣть въ каждомъ полку палатку для раздачи портера, колоніальныхъ припасовъ и пр., которые будутъ доставляться изъ коммисаріата два раза въ недѣлю. Если бы въ парламентѣ спросили, получаемъ ли мы все это, нѣкоторыя оффиціальныя лица отвѣтили бы утвердительно, потому-что имъ сообщена копія съ приказа лорда *Раглана*, но до настоящаго дня мы не видали капли портера, и только изрѣдка получаемъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ колоніяльные припасы» (1).

Въ газетѣ «Daily-News» напечатано: «Нашъ корреспондентъ описываетъ положеніе несчастныхъ солдатскихъ женъ, присутствіе которыхъ на востокѣ есть новый результатъ недальновидности и неспособности нашего военнаго начальства. Мы ѣхали, пишетъ онъ, по берегамъ Девны, мимо французскаго и британскаго лагеря, подъ палящими лучами солнца. Небольшіе флаги, обозначающіе помѣщеніе каждаго полка, висѣли безъ движенія на шестахъ; полуодѣтые солдаты лежали на солнцѣ; солдатскія жены съ большими кувшинами воды едва взбирались на гору. Внѣшній видъ этихъ женщинъ изобличалъ величайшее изнуреніе; съ ихъ трескавшихъ губъ слетали едва слышныя жалобы. Чепчики давно уже изчезли съ ихъ головъ, можетъ быть испорченные проливными дождями въ скутарійскомъ лагерѣ и брошенные потомъ какъ безполезныя вещи, которыя только грѣютъ голову, но не могутъ защитить ее отъ солнечныхъ лучей, вѣтра и дождя. Женщины, которыя намъ встрѣчались, имѣли на головахъ

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“. 1854 г. № 156.

скверные изношенные платки; лица несчастныхъ, красныя отъ солнца, а можетъ быть и крѣпкихъ напитковъ, носили на себѣ тотъ отпечатокъ страданія и лишеній, который кладетъ обыкновенно лагерная жизнь. Какъ онѣ живутъ и чѣмъ существуютъ, это тайна для свѣта, солдатъ и, можетъ быть, для нихъ самихъ, потому что военное начальство, давъ позволеніе женщинамъ слѣдовать за полкомъ, не сдѣлало, кажется, относительно ихъ никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій. Онѣ бродятъ съ мѣста на мѣсто, не зная куда преклонить голову. Для нихъ, кажется, нѣтъ вовсе палатокъ и лошадей для перевозки. Такимъ образомъ женщины эти служатъ бременемъ для себя самихъ, для своихъ мужей и для офицеровъ. Были примѣры, что солдаты прогоняли ихъ отъ себя. Весьма многія изъ этихъ несчастныхъ устали уже теперь отъ подобной жизни, въ будущемъ же ожидаютъ для себя еще худшаго. Съ своей стороны, турки вполнѣ убѣждены, что солдатскія жены принадлежатъ къ гаремамъ нашихъ генераловъ, и изъ этого выводятъ заключеніе, что англичане не выйдутъ изъ Турціи, потому что явились сюда вмѣстѣ съ своими семействами. На нашихъ же прачекъ, съ ихъ кипящими котлами, они смотрятъ какъ на вѣдьмъ, совершающихъ какое-то нечестивое колдовство». Въ одномъ письмѣ изъ Варны, отъ 29-го іюня, помѣщенномъ въ газетѣ «Plymouts Mail», сообщаютъ: «Живущіе здѣсь греки нѣсколько разъ стрѣляли по нашимъ войскамъ, но безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Виновныхъ тотчасъ же хватали, предавали суду и приговаривали къ смерти. Два грека разстрѣляны 26-го числа за то, что сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по офицерамъ, прогуливавшимся близъ лагеря. Еще одинъ подвергся той же участи 27-го числа, а 28-го числа взято шесть грековъ, стрѣлявшихъ по нашимъ артиллеристамъ. Виновные будутъ разстрѣляны сегодня поутру. По видимому, греки устроиваютъ засады и ждутъ удобнаго случая. Два артиллериста и женщина, отправившіеся три дня тому назадъ прогуляться, пропали безъ вѣсти» (1).

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 159.

По извѣстіямъ изъ Шумлы, до 1-го іюля, союзныя войска прибыли въ Праводы и Шумлу, и такимъ образомъ вошли въ сообщеніе съ лѣвымъ крыломъ войскъ, расположенныхъ на высотахъ послѣдняго города. Между Рассовомъ и Черноводомъ стоятъ, съ 28-го іюня, турецко-египетскія войска.

Изъ Шумлы, отъ 4-го іюля, сообщаютъ, что англійскія войска, въ числѣ шестнадцати тысячъ человѣкъ (въ томъ числѣ четыре батареи артиллеріи и три кавалерійскіе полка), выступили изъ Девно, и двинулись впередъ въ Болгарію, чтобъ дать мѣсто другимъ союзнымъ войскамъ. Того числа всѣ начальники дивизій, начальники штабовъ и главнокомандующіе англо-французскими войсками прибыли въ главную квартиру *Омеръ-паши* (1).

По письмамъ съ востока, въ «Times», оказывается, что 1-го іюля, на походѣ легкой кавалеріи, подъ начальствомъ лорда *Кардигана*, къ Дунаю, много лошадей пришло хромыхъ. Вся эта страна жалкая и безплодная. Англійскіе солдаты жалуются на тяжесть своихъ киверовъ: они принуждены носить ихъ на штыкѣ, прикрывая голову платкомъ. Англійскія войска произвели большіе безпорядки въ деревняхъ около Варны. Принуждены были учредить надъ ними самый строгій надзоръ.—Хотятъ устроить сообщеніе водою между Варною и аладинскимъ лагеремъ, чтобъ облегчить перевозку съѣстныхъ припасовъ: послѣ этого солдаты не будутъ больше осуждены питаться однимъ хлѣбомъ да водою, какъ было въ послѣднее время. По приказу главнокомандующаго, должна быть произведена по всѣмъ полкамъ раздача чая, кофе, сахару и рису. Оказывается большой недостатокъ въ башмакахъ. Должно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ заготовить большое количество ихъ въ Варнѣ (2).

Въ австрійской газетѣ «Soldatenfreund» извѣщаютъ о военномъ совѣтѣ, бывшемъ 3-го и 4-го іюля между турец-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 152.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 160.

кимъ, англійскимъ и французскимъ главнокомандующими. Въ сихъ извѣстіяхъ подтверждается выступленіе главной части балканской арміи къ Дунаю, кромѣ осьми тысячъ человѣкъ, оставшихся въ Шумлѣ, подъ начальствомъ *Фаисъ-паши*. Соединеніе съ виддино-калафатскимъ корпусомъ войскъ, составлявшихъ гарнизоны дунайскихъ крѣпостей, произошло въ Рущукѣ уже въ половинѣ іюня. Сверхъ того въ Варнѣ рѣшено, чтобъ египетскія войска, которыя до сихъ поръ присоединены были по-бригадно къ турецкой арміи, тоже собрались въ Рущукъ и составили двѣ дивизіи (извѣстно, что это лучшія войска въ турецкой арміи). Кромѣ девяти тысячъ человѣкъ, высаженныхъ въ Варнѣ морскою дивизіею адмирала *Брюа*, всѣ англо-французскія силы, прибывшія туда моремъ, стоятъ лагеремъ въ Девно, въ Праводахъ и въ Шумлѣ. Маршалъ *Сентъ-Арно* отправилъ всѣ турецкія войска, стоявшія въ западныхъ гаваняхъ Чернаго моря, на мало-азійскіе и кавказскіе берега для усиленія азіятской арміи (1).

Извѣстія о пораженіяхъ, претерпѣнныхъ сею арміею, получены именно въ день засѣданія военнаго совѣта. Наиболѣе и самымъ непріятнымъ образомъ изумило донесеніе адмирала *Лайонса*, что кавказскія племена рѣшительно отказываются соединяться съ турками, чтобъ сражаться противъ русскихъ, и что вообще эти горскіе народы находятся во всегдашней враждѣ между собою. — Англійскій адмиралъ сообщаетъ еще о совершенномъ разсѣяніи войскъ *Селимъ-паши*. Въ слѣдствіе сего должно было отказаться отъ преднамѣренной экспедиціи союзныхъ войскъ противъ Анапы или другаго пункта кавказскаго берега.

Въ «Soldatenfreund» утверждаютъ также, что на Дунаѣ нѣтъ еще англо-французскихъ войскъ. — Бригада *Броуна*, прибыла изъ Праводъ въ Шумлу, гдѣ находится и герцогъ *Кембриджскій*.—Маршалъ *Сентъ-Арно* прибылъ туда еще раньше. Лордъ *Раглань* остался въ Варнѣ (2).

Въ Монитерѣ пишутъ изъ Варны, отъ 5-го іюля 1854

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 161.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 161.

года, что вспомогательныя англо-французскія войска сосредоточились тамъ совершенно. Дивизія, шедшая сухимъ путемъ изъ Адріанополя, должна стать между Шумлою и Праводами. Генералъ *Боске* прибылъ въ Шумлу; вслѣдъ за нимъ идетъ кавалерія.

Въ «Frendenblatt» сообщаютъ, по новѣйшимъ телеграфическимъ извѣстіямъ съ береговъ Дуная, отъ 10-го іюля, что союзныя войска находятся въ полномъ движеніи изъ Шумлы въ Рущуку. До 8-го іюля однако же пришли въ послѣдній городъ только французскія войска, а англійскія находились еще въ Эмбелѣ, на половинѣ пути отъ Шумлы къ Рущуку (1).

6-го іюля. въ Монитерѣ напечатаны слѣдующія извѣстія: изъ Константинополя, отъ 28-го іюня, пишутъ, что принцъ *Наполеонъ* отправился 23-го числа, а генералъ *Сентъ-Арно* 24-го въ Варну, гдѣ собралось 50.000 челов. Генералъ *Боске* шелъ изъ Адріанополя къ Шумлѣ.—Флоты занимаютъ прежнія свои стоянки (2).

Въ «Zeit» сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Константинополя, отъ 10-го іюля: «Въ Адріанополѣ остался только одинъ отрядъ французскихъ жандармовъ. Всѣ иностранные путешественники должны быть снабжены видами на жительство отъ своихъ консуловъ. Всѣ англо-французскія войска, стоявшія въ Девно, Франкѣ, Праводахъ, какъ равно и часть дивизіи *Боске* изъ Бургаса, идутъ къ Шумлѣ, куда уже отчасти и прибыли. *Союзныя войска не подвигались впередъ къ Дунаю.* — Инспектору французскихъ телеграфическихъ линій, г. *Дювалю*, поручено устройство телеграфовъ между Варною и Адріанополемъ чрезъ Шумлу» (3).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа. «Въ послѣдніе дни говорили о приготовленіяхъ къ отъѣзду и да-

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 154.
(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 146.
(3) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 161.

же о самомъ отъѣздѣ англо-французскихъ войскъ, стоящихъ въ Варнѣ; но сегодня утверждаютъ, что еще ни одинъ баталіонъ не трогается съ мѣста. Еще болѣе: говорятъ, что маршалъ *Сентъ-Арно* въ письмѣ къ императору изложилъ ему, что онъ не можетъ перейти чрезъ Дунай и вступить въ княжества, не получивъ прежде того значительныхъ подкрѣпленій, для составленія резерва (котораго у турецкой арміи нѣтъ). Прибавляютъ, что маршалъ требуетъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, а лордъ *Раглань* тридцати тысячъ англичанъ. Впрочемъ, по газетамъ, видимъ мы, что часто посылаются подкрѣпленія въ восточную армію. Сообщаю вамъ это извѣстіе, не ручаясь за него, а замѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ, что событія, по видимому, его оправдываютъ» (1).

Изъ англійскаго лагеря, при Девно (близъ Варны), получены прямыя извѣстія отъ 13-го іюля. И офицеры, и солдаты, какъ кажется, упали духомъ. Армія утомлена своимъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ еще болѣе (если только можно), нежели европейская публика. Она очень хорошо видитъ, что еще ничѣмъ не содѣйствовала въ пользу турецкаго оружія, и что произведенные ей смотры и парады были бы такъ же хороши и еще лучше въ Англіи, нежели въ Турціи. Если кто въ лагерѣ заговоритъ о нападеніи на Севастополь, тому отвѣчаютъ: «такое предпріятіе было бы сумасбродствомъ». Генералы говорятъ: «Флотъ не устроенъ для подобной экспедиціи; нужно два года времени, чтобъ собрать средства для высадки достаточнаго числа войскъ въ присутствіи непріятеля». Они говорятъ объ огромной потерѣ, которой стоило бы нападеніе подобнаго рода. Съ тѣмъ вмѣстѣ, слышимъ мы о потерѣ отличныхъ офицеровъ въ Гамле-Карлеби, у Рущука и въ устьяхъ Дуная, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, предстояло мало случаевъ къ пожатію лавровъ. Подобныя извѣстія возбуждаютъ неудовольствія въ лагерѣ. Корреспондентъ «Times» говоритъ, что «безразсудно думать, чтобъ солдаты съ восторгомъ желали сражаться съ русскими. Все это ложь: люди наши

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 167.

вовсе не чувствуютъ ненависти къ русскимъ, и просто потому, что еще ни одного изъ нихъ не видали, и не имѣютъ сочувствія къ туркамъ потому, что эти ихъ часто обманывали и обходятся съ ними, какъ съ союзниками, непрямодушно, словомъ, войска утомлены до пресыщенія этимъ веденіемъ войны» (1).

Въ «Allgemeine Zeitung» пишутъ изъ Константинополя: «Г. маршалъ *Сентъ-Арно* заслужилъ бы благодарность, еслибъ обращалъ вниманіе на французскихъ солдатъ: они шатаются пьяные по улицамъ Варны, предъ его глазами. Я самъ видѣлъ одного мертвецки пьянаго въ канавѣ съ крестомъ Почетнаго Легіона: видѣлъ, какъ турецкіе жители Варны, на улицахъ, били пьяныхъ французовъ палками. Такимъ образомъ здѣсь не пожнутъ лавровъ! Джонъ Буль въ этомъ еще превосходитъ, если можно, своихъ союзниковъ: ежедневно случаются гнусныя драки между пьяными солдатами. Всего важнѣе было внушить туркамъ уваженіе къ народному характеру французовъ и англичанъ, посредствомъ строгой дисциплины. Вмѣсто того возбудили они въ трезвыхъ туркахъ омерзѣніе и ненависть» (2).

По письмамъ изъ Константинополя, восемдесятъ осадныхъ орудій, привезенныхъ изъ Англіи, выгружены въ Варнѣ. Сосредоточенныя на этомъ пунктѣ силы союзныхъ войскъ считаютъ въ шестьдесятъ тысячъ французовъ, тридцать тысячъ англичанъ и десять тысячъ турокъ (3).

Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ изъ Варны отъ 13-го іюля: «Лордъ *Кардиганъ* возвратился въ лагерь съ отрядомъ легкой кавалеріи. Онъ производилъ рекогносцировку вдоль береговъ Дуная, по направленію къ Силистріи и Рущуку. Въ продолженіе семнадцати ночей лордъ и его команда были безъ палатокъ и стояли бивуаками. На-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 170.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 № 175.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1865 г. № 165,

ши парады, смотры и ученья такъ же безвредны и невинны, какъ въ Сатори или Чобгамѣ. Всѣ наши наступательныя дѣйствія ограничились до сихъ поръ рекогносцировкой, произведенной лордомъ *Кардиганомъ*, и отправкою нѣсколькихъ инженерныхъ офицеровъ и саперовъ въ Силистрію и Рущукъ. Въ послѣднемъ городѣ предполагается построить мостъ съ берега на островъ, а отсюда на другую сторону рѣки. Въ прошлую субботу (8-го іюня) генералъ-маіоръ *Бентинкъ* обратился послѣ парада къ офицерамъ съ рѣчью, предлагая имъ прибѣгать чаще къ помощи бритвы. Герцогъ *Кембриджскій* передалъ этотъ предметъ на усмотрѣніе лорда *Раглана*, который рѣшилъ, что офицерамъ можно носить усы, бороды же рѣшительно воспретить. Французы по прежнему расположены вокругъ Варны; инженеры ихъ осматриваютъ проходы Балкановъ». — Въ газетѣ «Atlas» помѣщено слѣдующее письмо изъ лагеря близъ Варны, отъ 14-го іюля: «Во время своей рекогносцировки, лордъ *Кардиганъ* лишился не менѣе восемнадцати лошадей въ слѣдствіе трудностей пути. Лордъ разсказываетъ, что повсюду встрѣчены имъ незасѣянныя поля, развалины и опустошеніе. Съѣстныхъ припасовъ нѣтъ и слѣдовъ; цѣлые округи опустѣли. Однажды онъ встрѣтилъ среди пустыни отрядъ азіятскихъ волонтеровъ, нѣчто въ родѣ баши-бузуковъ, появленіе котораго въ Константинополѣ, подъ предводительствомъ амазонки, произвело, два или три мѣсяца тому назадъ, сильное впечатлѣніе. Удостовѣрившись предварительно, что оба отряда принадлежатъ къ той же воюющей сторонѣ, встрѣтившіеся вступили въ разговоръ при посредствѣ переводчиковъ, и старая амазонка подала лорду *Кардигану* нѣсколько совѣтовъ относительно образа веденія войны» (1).

Въ «Indépendance Belge» напечатаны перечни писемъ изъ Константинополя: *отъ 17-го іюля 1854 г.* «Не смотря на всю важность политическаго положенія дѣлъ, всеобщее вниманіе обращено уже нѣсколько дней съ живѣйшими опасеніями на состояніе здоровья. Намъ, какъ кажется, угро-

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 173.

жаетъ холера: она быстро усиливается въ войскахъ, стоящихъ въ Галлиполи; были даже нѣкоторые случаи въ городѣ. Почти внезапная смерть генерала *Нея* произвела весьма сильное впечатлѣніе и родъ паническаго страха. Онъ умеръ послѣ болѣзни, продолжавшейся менѣе двѣнадцати часовъ, чрезъ два дня по полученіи извѣстія о кончинѣ матери своей (супруги маршала), и съ часу на часъ ожидая сына своего, кавалерійскаго унтеръ-офицера; погребеніе его происходило 15-го іюля со всею церемоніею, какую дозволяли обстоятельства. Здѣсь господствуетъ всеобщій страхъ. Умеръ медикъ съ парохода «Египтусъ».

Отъ 20 го іюля. «Холера продолжаетъ свирѣпствовать въ Галлиполи и угрожаетъ сильнымъ развитіемъ. Французская армія ежедневно теряетъ значительное число солдатъ. Умеръ, между прочимъ, генералъ *Карбучіа*: онъ заболѣлъ 18-го іюля утромъ, и умеръ въ шесть часовъ вечера; одинъ изъ главныхъ турецкихъ чиновниковъ умеръ тоже въ нѣсколько часовъ. Этого было достаточно, чтобъ распространить ужасъ между турками. Вчера ввечеру пришелъ изъ Галлиполи пароходъ за врачами и медикаментами.

Правительство и жители константинопольскіе громко требуютъ принятія сильныхъ мѣръ для предохраненія столицы отъ вторженія язвы. По сему предмету медицинскій инспекторъ арміи, докторъ *Мишель Леви*, представилъ нѣсколько рапортовъ маршалу *Сентъ-Арно*. Вчера этотъ медикъ отправился въ Варну съ докторомъ *Фовелемъ*, ѣдущимъ къ маршалу отъ имени посольства, чтобъ объяснить ему настоящее положеніе дѣлъ и требовать содѣйствія его къ строгому наблюденію гигіеническихъ правилъ» (1).

Извѣстія о состояніи здоровья французской арміи на Востокѣ весьма неблагопріятны. По отходѣ послѣдней почты умерли еще два генерала. Имя одного изъ нихъ неизвѣстно, а другой кавалерійскій генералъ графъ *д'Аржувиль*, отличный офицеръ, командовавшій всею кавалеріею восточной арміи. О числѣ больныхъ и умершихъ солдатъ

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 168.

нѣтъ особыхъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ потеря четырехъ генераловъ весьма чувствительна для арміи, не видавшей еще непріятеля въ глаза (¹).

Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ изъ Рущука отъ 19-го іюля: «Со времени перехода чрезъ Дунай, турки укрѣпляются на сѣверномъ берегу. Русскіе передовые посты оставались въ Журжѣ до ночи 8-го іюля. Девятаго я отправился чрезъ Дунай въ свитѣ *Гуссейна-паши* и генерала *Канона*, чтобъ осмотрѣть нашу позицію. Мы переѣхали въ Журжу, рискуя попасть въ руки казаковъ, потому что турецкое начальство признало городъ слишкомъ обширнымъ, чтобъ занять его войсками. Журжа совершенно безлюдна; въ городѣ остались только австрійскій консулъ, да человѣкъ пятьдесятъ жителей. Прочіе, слыша о жестокостяхъ, совершенныхъ башн-бузуками въ Никополи, и боясь, что и здѣсь турецкій авангардъ будетъ состоять изъ подобныхъ же войскъ, удалились въ деревни за восемь или десять миль. Журжа гораздо менѣе Рущука, но имѣетъ болѣе цивилизированный видъ; улицы въ ней шире, домы сравнительно опрятнѣе и удобнѣе. Здѣсь есть кофейный домъ, куда мы тотчасъ же отправились, потому что не видали ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали изъ Константинополя, если не считать отвратительнаго трактира въ Шумлѣ. Мы увидали очень красивый домъ, расположенный на живописномъ мѣстѣ, съ удобной галереей. Жители, къ которымъ я обращался съ вопросомъ, разсказывали, что русскіе прекрасно платили за провизію и фуражъ. Они оставили нетронутыми всѣ валахскія суда, принадлежащія городу, но въ ночь своего удаленія сожгли три шлюпки, шедшія подъ англо-іонійскимъ флагомъ. Хозяинъ кофейнаго дома предупредилъ насъ, что русскіе офицеры часто заходили къ нему и хорошо ему платили, въ доказательство чего показалъ нѣсколько русскихъ золотыхъ монетъ. Мы возвратились въ Рущукъ безъ всякихъ приключеній. Позиція турокъ противъ Рущука очень сильна. Есть предположеніе построить чрезъ Дунай, прямо противъ Рущука,

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 № 173.

мостъ на судахъ. Въ судахъ не представится недостатка, но очень мало лѣса, такъ что не менѣе мѣсяца необходимо на то, чтобъ собрать нужные матеріалы и окончить мостъ. 12-го іюля прибылъ *Омеръ-паша*, сопровождаемый генераломъ *Примомъ* съ его арміею адъютантовъ и нѣсколькими французскими офицерами. Впрочемъ, прибытіе его не возбудило такого любопытства, какъ прибытіе тридцати англійскихъ матросовъ и такого же числа саперъ, пріѣхавшихъ сюда для того, чтобъ содѣйствовать постройкѣ моста. Саперы посланы въ Журжу, чтобъ помогать возведенію тамошнихъ укрѣпленій Такимъ образомъ частица англійской арміи переправилась наконецъ за Дунай (¹).

Въ брюссельской газетѣ «Observateur» пишутъ, между прочимъ, изъ Парижа отъ 3-го августа: Вчера г. *Колле-Мегре* (начальникъ отдѣленія въ министерствѣ по части журнальной), провожая одного изъ журналистовъ, котораго призвалъ къ себѣ по другому дѣлу, спросилъ мнѣнія его о восточныхъ дѣлахъ. Журналистъ отвѣчалъ: «Я получилъ изъ Варны такія важныя извѣстія, что, по моему мнѣнію, обнародованіе четвертой ихъ доли произвело бы опасное волненіе».—«Четвертой доли! возразилъ г. Колле: дѣйствительно, четвертой доли было бы много, даже слишкомъ много». Въ самомъ дѣлѣ, число людей, погибшихъ отъ эпидеміи, и не только отъ эпидеміи, но и отъ дурной администраціи, отъ нерадѣнія, отъ глупости и другихъ причинъ, простирается въ арміи до пятнадцати тысячъ. Это самая меньшая цифра. Какъ я слышалъ, офицеры, хвалившіеся полученіемъ свѣдѣній изъ военнаго министерства, говорили, что потери эти простираются отъ пятнадцати до семнадцати тысячъ. Не смѣю назвать вамъ числа умершихъ на экспедиціи въ Добруджу. Самая умѣренная оцѣнка доходитъ до восьми тысячъ изъ двѣнадцати.—Впрочемъ, гнѣвъ и негодованіе, возбужденные этою экспедиціею въ арміи, превыше всякаго воображенія. Солдаты осыпали бранью генерала *Канробера*: его обвиняютъ въ томъ, что онъ хотѣлъ предпринять эту экспедицію вопреки

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 173

совѣтамъ *Омеръ-паши*, который напрасно представлялъ ему всѣ гибельныя ея послѣдствія. — Между прочими печальными подробностями, сообщенными мнѣ (лицья очевидцами), разсказываютъ, что иррегулярные турки, прикомандированные къ экспедиціи, обвиняли французовъ въ отравленіи ихъ пищи: отъ этого произошли кровопролитныя ссоры между солдатами обѣихъ націй. Но жалобы на генерала *Эспинаса* приняли, по-видимому, самый непріятный характеръ. Кажется, я не ошибусь, утверждая, что его отослали во Францію, и онъ возвращается не по своей волѣ. Вы знаете, что онъ былъ сильно ушибенъ своею лошадью, и это служитъ предлогомъ къ возвращенію его, но предлогъ вымышленъ для того, чтобъ скрыть правду. Мнѣ не хотѣлось бы, однако же, быть отголоскомъ слуховъ, будто бы погибли почти всѣ войска, находившіяся подъ его начальствомъ. Я думаю, что въ этомъ есть преувеличеніе, но не могу сомнѣваться въ чувствахъ арміи со времени этого несчастнаго дѣла. Одинъ *очевидецъ* утверждаетъ, что слыхалъ, какъ зуавы кричали по возвращеніи: «*Долой Эспинаса! Долой Сентъ Арно! Мы хотимъ Ламорисіера и Кавиньяка!*» Впрочемъ, нельзя не согласиться, что разстройство дисциплины усилилось въ рядахъ нашей арміи самымъ плачевнымъ образомъ, и что никто не уважаетъ власти маршала Сентъ-Арно. Здѣсь, въ канцеляріи военнаго министерства, очень негодуютъ на главнокомандующаго восточною арміею, и я долженъ сказать, что имя его произносится не иначе, какъ съ весьма нелестными прилагательными. Не рѣдко, напримѣръ, называютъ его тѣмъ именемъ, которое онъ носилъ во время всего своего драматическаго поприща. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ военной канцеляріи, и по письмамъ съ Востока, неповиновеніе дошло во всѣхъ родахъ войскъ до такой степени, что сомнительно, сохранилъ ли маршалъ довольно власти, чтобъ заставить себѣ повиноваться въ важныхъ случаяхъ. — Недавно, за однимъ обѣдомъ въ Варнѣ, на которомъ былъ и главный штабъ, маршалъ громко жаловался на это положеніе дѣлъ. А какъ показалось, что онъ хочетъ свалить всю вину на дивизіонныхъ генераловъ

Боске и *Аллонвиля*. то они, въ свою очередь, отвѣчали обвиненіями маршала, и съ такою пылкостью и такими словами, что я не смѣю и повторять ихъ. Осуждая, въ свою очередь, маршала, они говорили, что бездѣйствіе, въ которомъ оставлены были войска, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, почти совершенное отсутствіе всякой предосторожности для охраненія здоровья арміи, объясняютъ нѣкоторымъ образомъ неповиновеніе солдатъ, и что генералы, видя такую предусмотрительность и такія опасенія, не имѣли уже довольно власти, чтобъ возстановить въ умахъ строгость дисциплины.—Разговоръ принялъ самый рѣзкій характеръ, и г. *Сентъ-Арно* замѣтилъ обоимъ генераламъ, что имѣетъ право отослать ихъ обратно во Францію; но генералы на это замѣчаніе отозвались, что главнокомандующій никогда не посмѣетъ на это рѣшиться. — Я могъ бы сообщить вамъ и другія подробности, но не могу долѣе разсказывать такихъ плачевныхъ событій. Однако же долгомъ почитаю упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, заключающемся въ письмѣ одного военнаго врача. Я передаю слово въ слово: «Посудите объ ужасѣ нашего положенія. У меня въ распоряженіи моемъ и для пищи моихъ холерныхъ больныхъ, въ теченіе трехъ недѣль, не было ничего, кромѣ дынь и арбузовъ. Уже двѣ недѣли лошадь моя кормится одною соломою; въ лагерѣ нѣтъ ни сѣна, ни ячменя, ни овса. Кофе у насъ довольно, но часто нѣтъ хлѣба (1)».

Медицинскія донесенія изъ восточной арміи ужасны. Баталіонъ зуавовъ дивизіи *Канробера*, напримѣръ, лишился 850 человѣкъ изъ 1100; эту страшную смертность приписываютъ преимущественно нездоровой водѣ въ Болгаріи, и особенно въ Добруджѣ. Приближенные принца *Наполеона* утверждаютъ, что онъ возвратится во Францію 15-го октября.- -Всѣ французскія газеты, безъ исключенія, получили другое предписаніе не печатать никакихъ неблагопріятныхъ подробностей о томъ, что происходитъ въ

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 197.

Варнѣ, а соображаться въ строгости съ показаніями «Монитера».

Корреспонденты англійскихъ газетъ, даже газеты «Times», сообщаютъ печальныя извѣстія о состояніи здоровья союзныхъ войскъ близъ Варны. Въ газетѣ «Chronicle» утверждаютъ, что они не могутъ пройдти и пяти миль. Число смертныхъ случаевъ неизвѣстно. Странно, что упущены изъ виду предостереженія, въ которыхъ не было недостатка. Со времени отправленія войскъ, г. *Уркуартъ* не переставалъ указывать на то, что при выборѣ мѣстъ расположенія необходимо обращать вниманіе на здоровыя мѣстности. Въ запискахъ, составленныхъ имъ по требованію лорда *Раглана*, и частью теперь обнародованныхъ, а также во время совѣщаній съ офицерами генеральнаго штаба, г. *Уркуартъ* обращалъ на это ихъ вниманіе и предостерегалъ именно отъ Варны (1).

Лондонъ, 3-го августа. Изъ лагеря при Девно пишутъ, отъ 14-го іюля, въ «Daily News»: «Только газеты могутъ избавить насъ отъ нашихъ галстуховъ. И потому передаю вамъ слѣдующіе дневные приказы:

Варнскій лагерь, 25-го іюня 1854 г.

«По приказанію главнокомандующаго, унтеръ-офицеры и солдаты могутъ снимать свои галстухи на походѣ, но, разумѣется, они вмѣсто ихъ не повяжутъ ни платка, ни чего либо другаго, и шея останется открытою, какъ скоро на ней нѣтъ галстуха. По приказанію начальства: *В. Сюлливанъ*».—Послѣ этого приказа солдаты отворотили стоячіе воротники своихъ мундировъ, для избѣжанія жара. Но этого не дозволили, какъ вы увидите изъ нижеслѣдующаго приказа:

13-го іюля.

«Хотя употребленіе галстуховъ въ арміи на время жаровъ прекращено, но не дозволено солдатамъ въ мундирахъ отворачивать воротники или растегивать мундиръ отчасти или весь. Генералъ-лейтенантъ желаетъ, чтобъ

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 191.

этотъ распашной обычай былъ впредь прекращенъ въ сей дивизіи. По приказанію начальства: *В. Сюлливанъ*».

Воскресенье, 16-го іюля.

«Велѣно было снова надѣть галстухи, и въ слѣдъ за тѣмъ нѣсколько людей упали въ обморокъ: ихъ отнесли въ госпиталь. Въ частныхъ письмахъ въ «Times» изъ Девно, отъ 19-го іюля, сообщаютъ слѣдующій документъ:

Варна, 18-го іюля.

«Главнокомандующій съ величайшимъ сожалѣніемъ замѣтилъ, съ какимъ неприличіемъ одѣваются офицеры арміи. Онъ не говоритъ уже о томъ, что не позволяется носить другую какую-либо одежду кромѣ мундира, потому что это настрого воспрещено, и онъ не имѣетъ повода предполагать, чтобъ въ этомъ отношеніи не повиновались его приказаніямъ. Онъ желаетъ только обратить вниманіе на приличіе одежды при мундирѣ. Правда, офицеры носятъ шпагу, жилетъ, какой слѣдуетъ по формѣ, и фуражку, какая предписана для полуформы; но мундиръ вообще носятъ съ такимъ нерадѣніемъ, что иногда мудрено узнать офицера. Жилетъ оставляютъ полуразстегнутымъ, такъ что видна изъ-подъ него фланелевая или красная рубашка. На шеѣ нѣтъ ничего, даже воротника бѣлой сорочки. Иногда носятъ надъ фуражкою чалму. Подбородокъ не выбритъ, и во всей наружности офицера видно совершенное отсутствіе приличія. Такое явное несоблюденіе благопристойности изумляетъ всякаго.

«Въ семъ положеніи дѣлъ главнокомандующій приглашаетъ офицеровъ арміи прекратить эти неустройства. Онъ не требуетъ, чтобъ жилеты были всегда застегнуты до самаго верха, но надѣется, что, стараясь о приличіи наружности въ мундирѣ, или и безъ онаго, они будутъ помнить, что форменный мундиръ надлежитъ носить въ надлежащемъ порядкѣ, въ какой бы странѣ армія ни находилась, или какого бы рода службу она ни исполняла. Главнокомандующій приглашаетъ генераловъ дивизіонныхъ и бригадныхъ сообщить сіи замѣчанія своимъ офицерамъ, и надѣется, что офицеры исполнятъ ихъ, измѣнивъ

свою одежду. По приказанію начальства: *Ж. Б. Б. Эстхоуртъ* (1)».

Корреспондентъ «Аугсбургской Газеты» пишетъ, отъ 19-го іюля: «Два эскадрона англійской кавалеріи дошли до Силистріи (извѣстно, по письмамъ изъ Варны въ «Times», что графу *Кардигану* поручено было произвесть съ своими гусарами рекогносцировку до Дуная). При семъ случаѣ убѣдились, что англійскія лошади въ здѣшнемъ климатѣ вскорѣ будутъ негодны къ употребленію; этого надлежало ожидать.—Армія крайне недовольна своимъ бездѣйствіемъ. Въ Варнѣ и окрестностяхъ все еще 50 т. французовъ, 20 т. англичанъ и отъ 15 до 20 т. турокъ. Бездѣйствіе маршала *Сентъ-Арно* объясняютъ только тѣмъ, что онъ, можетъ быть, имѣетъ приказаніе не трогаться съ мѣста..... Въ Константинополѣ распространился слухъ объ отозваніи маршала *Сентъ-Арно* и о замѣщеніи его генераломъ *Канробером*ъ. На маршала и на *Ризу-пашу* сильно нападаютъ за ихъ администрацію (2).

Въ «Medical Times» напечатано: «Намъ пишутъ изъ Варны, отъ 27-го іюля, что между войсками господствуютъ многія болѣзни. Поносомъ страдаютъ всѣ; лихорадки свирѣпствуютъ; холера усилилась. Госпиталь до того переполненъ, что больные лежатъ въ коридорахъ и даже на крыльцахъ. 23-го іюля, поступили въ госпиталь восемьдесятъ новыхъ больныхъ холерою. Полагали, что чрезъ нѣсколько дней значительное число больныхъ будетъ перевезено на корабляхъ въ другое мѣсто. Обыкновенная пора болѣзней наступаетъ тамъ не прежде сентября. Можемъ прибавить, основываясь на офиціальныхъ свѣдѣніяхъ, что 22-го іюля было 7,507 больныхъ въ англійской арміи, расположенной въ Варнѣ и въ окрестностяхъ. Какъ эта армія состоитъ изъ 25,600 человѣкъ, то пропорція больныхъ нѣсколько меньше шести процентовъ. Съ 22-го по 24-е

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 171.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1844 г. № 172.

іюля, въ лагерѣ при Девно умерли холерою 16 человѣкъ; съ 19-го по 25-е включительно, въ томъ же лагерѣ, цифры были слѣдующія: въ англійской арміи заболѣло 73, умерло 23; во французской заболѣло 139, умерло 71. Полагали, что холера завезена французами, прибывшими изъ Монпеліе (1)».

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ лагеря при Варнѣ и изъ Константинополя, до 30-го іюля, сообщаютъ, что состояніе здоровья арміи становится со дня на день неблагопріятнѣе. Между войсками, сосредоточенными близъ Варны, холера вспыхнула съ большею силою. Были случаи, что смерть слѣдовала непосредственно за первыми признаками болѣзни. Унтеръ-офицеръ 88-го линейнаго полка, заболѣвшій въ семь часовъ утра, умеръ въ полдень. Въ первой дивизіи обнаружились также примѣты тифуса. Эпидемія достигла и второй дивизіи, но еще слабо; она гораздо сильнѣе въ третьей. Первый и шестой драгунскіе полки понесли большія потери. Герцогъ *Кембриджскій*, заболѣвшій легкимъ припадкомъ инфлуэнцы, теперь выздоровѣлъ. Весьма сожалѣютъ о потерѣ одного коммисаріатскаго чиновника *Варрена*. Онъ былъ боленъ только восемнадцать часовъ. Офицеры, знакомые съ характеромъ холеры въ ость-индскихъ компаніяхъ, почитаютъ большою ошибкою слишкомъ продолжительное бездѣйствіе экспедиціоннаго корпуса. Перемѣна воздуха и дѣятельныя занятія суть, по ихъ мнѣнію, лучшія предохранительныя средства. Эта причина заставила, какъ кажется, ускорить движеніе англо-французскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала *Канробера* и сэра Дж. *Брауна*. Въ лагерѣ господствовало большое недоумѣніе касательно ихъ назначенія: въ Крымъ, въ Анапу или въ Одессу? Цѣль экспедиціи оставалась еще неизвѣстною. Одни говорятъ, что хотѣли только произвесть усиленную рекогносцировку, чтобъ приготовить нужныя средства къ нападенію на Крымъ; другіе же утверждаютъ, что намѣревались утвердиться на этомъ полуостровѣ въ Ѳеодосіи, или на сѣверъ отъ Севастополя. Въ Англіи взоры всѣхъ обращены на эту крѣпость,

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 184.

которую выставляютъ въ нынѣшнюю минуту главнымъ предметомъ войны, начатой на Востокѣ. Приготовленія къ правильной осадѣ съ сухопутной стороны продолжаются. Для сего отправляютъ изъ англійскихъ портовъ тяжелую артиллерію. Время, нужное для перевозки сихъ орудій, должно войти въ разсчетъ. Отъ этого происходитъ неизвѣстность о точномъ времени предпріятія, которое обѣщаютъ произвести вскорѣ, чтобъ успокоить нетерпѣніе англійской публики, не видавшей до сихъ поръ военныхъ подвиговъ своего войска и флота (1).

Корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ ей изъ Варны любопытныя извѣстія о состояніи здоровья союзныхъ войскъ, стоящихъ въ семъ городѣ и въ окрестностяхъ. Холера продолжается; кажется, она еще усилилась послѣ большой грозы, отъ которой медики надѣялись освѣженія атмосферы. Безпечность солдатъ — дѣло непонятное! Они валяются пьяные во рвахъ и лужахъ, подъ палящимъ солнцемъ, пожираемые мухами. Они страждутъ несваренiемъ желудка отъ употребленія огурцовъ, тыквъ, арбузовъ и сливъ, которыя они обливаютъ водкою; наѣвшись и напившись, ложатся они подъ деревьями на дорогѣ. А между тѣмъ порція производится имъ достаточная. Въ «Times» пишутъ: «*Горасъ Вернетъ*, сопровождавшій генерала *Канробера* въ Добруджу, утверждаетъ, что французы потеряли тамъ отъ холеры гораздо болѣе людей, нежели говорятъ. Изъ 1,200 зуавовъ, отправленныхъ къ Кюстенджи, воротилось 480. Вообще погибло отъ этой ужасной болѣзни болѣе десяти тысячъ человѣкъ». — Увѣряютъ, что между маршаломъ *Сентъ-Арно* и генераломъ *Канробером*ъ возникло большое разногласіе (2).

Варна, 6-го августа («J. de St. P.») за три дня предъ симъ англо-французскія войска начали снимать лагерь и садиться на корабли, которые должны были отправиться чрезъ два дня. Между тѣмъ получено приказаніе остано-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 178.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 190.

виться. Холера между солдатами и жителями обнаружилась съ такою жестокостью, что экспедиція отложена. Дивизія *Боске* тоже не пойдетъ уже въ Добруджу, а останется въ Айдосѣ.

Варнскій корреспонденъ газеты «Times» пишетъ ей, между прочимъ, отъ 9-го августа: «Здѣшній госпиталь до того плохъ, что французы рѣшились перевезти больныхъ своихъ за городъ, потому что большая часть ихъ умирала». Чтобы дать понятіе о чувствахъ турокъ къ своимъ англо-французскимъ союзникамъ, корреспондентъ разсказываетъ сцену кровопролитія, происходившую въ одной варнской кофейнѣ, въ слѣдствіе оскорбленій, нанесенныхъ турками *гяурамъ*. Многихъ французскихъ солдатъ измѣнически застрѣлили изъ пистолетовъ, по выходѣ ихъ изъ кофейни; тогда ихъ товарищи возвратились туда въ большомъ числѣ и окружили кофейню, въ ожиданіи прибытія паши съ его кавассами. Послѣдній велѣлъ схватить и отвести въ тюрьму 23-хъ баши-бузуковъ; ихъ сопровождали кавассы, окруженные французскими солдатами, которые имъ не довѣряли. Говоря о рекогносцировкѣ генерала *Канробера* къ Добруджѣ, корреспондентъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Экспедиція была самая несчастная. Генералъ дошелъ 1-го августа до Кюстенджи, но болѣзнь не замедлила обнаружиться въ дивизіи, которая оставила за собою 2,000 человѣкъ. Они видѣли нѣсколько козаковъ и обмѣнялись съ ними нѣсколькими ружейными выстрѣлами; самая же экспедиція была такъ же безплодна, какъ рекогносцировка лорда *Кардигана* (который дошелъ, со своими гусарами, до береговъ Дуная). Корреспондентъ слѣдующимъ образомъ оканчиваетъ длинное письмо свое: «Въ Варнѣ теперь 360 вымпеловъ и около дюжины большихъ плоскодонныхъ судовъ стоятъ у берега. Но у артиллеріи только шесть судовъ, могущихъ служить для перевоза на берегъ пушекъ большаго калибра. Генералъ *Тильденъ* нездоровъ, а генералъ *Эсткоуртъ* неспособенъ занимать его должность. Множество офицеровъ, по болѣзни, удалились на корабли. Многіе жители бѣжали изъ города и распо-

ложились въ окрестныхъ деревняхъ. Турки и греки одинаково страдаютъ и, какъ сами выражаются, «мрутъ какъ мухи (1)».

Британскія войска расположены вокругъ Варны слѣдующимъ образомъ: 1-я дивизія (герцога Кембриджскаго) въ Аладинѣ; вторая—между Девно и Аладиномъ; третья—въ монастырѣ, близъ Паравади, гдѣ находится также легкая дивизія; британская кавалерійская бригада помѣщена близъ Ени-Базара, а артиллерія растянута между Девно и Аладиномъ. Въ самой Варнѣ находятся роты почти всѣхъ полковъ, а четыре пѣхотные полка размѣщены въ Галата-Бурну (2).

Заимствуемъ изъ писемъ черноморскаго корреспондента «Times», отъ 21-го августа, слѣдующія любопытныя подробности:

«*Варна, 9-го августа.* Холера все еще производитъ опустошенія, но уже теряетъ свою силу. Англійскій вспомогательный корпусъ потерялъ до сего дня двѣсти шестьдесятъ человѣкъ. Болѣзнь сильно свирѣпствуетъ между французскими войсками, и у нихъ ежедневно умираетъ отъ семидесяти до восьмидесяти человѣкъ. Съ 14-го іюля умерло въ главномъ французскомъ госпиталѣ семьсотъ двадцать человѣкъ. Этотъ госпиталь служилъ нѣкогда казармами для турокъ. Онъ уже очень ветхъ, наполненъ насѣкомыми и, какъ всѣ зданія, которыя нѣсколько времени были заняты мусульманами, пропитанъ вредными испареніями. Французы убѣдились наконецъ, что это мѣсто вредно, и начинаютъ размѣщать своихъ больныхъ подъ палатками. Я недавно былъ въ этомъ госпиталѣ въ полночь, за медикаментами для одного изъ моихъ друзей, внезапно заболѣвшаго. Я нашелъ тамъ рядъ телѣгъ, которыхъ насчиталъ, при свѣтѣ луны, до тридцати пяти. Въ каждой лежали по три и по четыре больныхъ французовъ, ожидавшихъ помѣщенія въ госпиталь. Увидѣвъ еще пятнад-

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 184.
(2) „С.-Петерб. Вѣдо.“ 1854 г. № 187.

цать пустыхъ телѣгъ, я спросилъ у унтеръ-офицера, для кого онѣ назначены. Онъ отвѣчалъ мнѣ угрюмымъ голосомъ: «для мертвыхъ, сударь, для умершихъ французовъ!» Войдя въ госпиталь, я встрѣтилъ тѣла шести англичанъ, которыя несли на кладбище. Въ доказательство расположенія грековъ, долженъ я сказать, что настоятель церкви ихъ въ Варнѣ предупредилъ одного изъ нашихъ капеллановъ, что духовенство его нимало не противится погребенію протестантовъ на греческомъ кладбищѣ, но католикамъ нельзя дать подобнаго дозволенія. Въ госпиталѣ замѣтилъ я большой безпорядокъ и совершенное отсутствіе всякой методы. Всѣ устали, изнурены, утомлены.—Очень жаль, что мы не имѣемъ позволенія ненавидѣть турокъ и Турцію, но это дѣлается въ высшей степени и безъ дозволенія. Мы отдаемъ справедливость храбрости турокъ, но никогда не привыкнемъ къ ихъ обычаямъ, вкусамъ и образу жизни. — Когда наши турколюбцы въ Англіи узнаютъ отъ англійскихъ офицеровъ, возвращающихся на родину, все перенесенное ими, то, конечно, охладѣютъ въ своемъ восторгѣ и разочаруются въ своей любви къ мусульманамъ.—Нѣтъ еще ничего положительнаго о будущихъ экспедиціяхъ, но увѣряютъ, что отправленіе послѣдуетъ 15-го августа, и что экспедиція будетъ отправлена противъ Севастополя. Часть французскихъ осадныхъ орудій уже привезена. Въ Варнѣ теперь тридцать орудій. Подполковникъ *Флюдъ* отправился въ Англію по причинѣ болѣзни; осадною артиллеріею командуетъ подполковникъ *Гамбіе*.—Дивизія генерала *Канробера*, двинувшаяся въ Кюстенджи, понесла чрезвычайныя потери. Въ Добруджѣ погибли двѣ тысячи человѣкъ, и на одномъ переходѣ умерло, отъ холеры, въ продолженіе четырехъ часовъ, сто шестьдесятъ человѣкъ. Войско это поспѣшно возвращается въ Варну».

Одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ «Аугсбургской Газеты», по письму изъ Варны, говоритъ о чрезвычайныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ въ этомъ городѣ холерою. Нѣкоторые полки потеряли уже до двухъ сотъ

пятидесяти человѣкъ, и упадокъ духа между войсками возрастаетъ все болѣе и болѣе (1).

Въ берлинской газетѣ «Correspondenz-Bureau» пишутъ: «Съ прибывшею сюда почтою получены извѣстія изъ Константинополя до 14-го августа: принцъ *Наполеонъ* больной привезенъ въ Варну. Холера въ Константинополѣ не имѣетъ эпидемическаго свойства. По извѣстіямъ трiестскихъ газетъ, французскія и англійскія войска жестоко страдали отъ холеры и тифуса. Говорятъ, что изъ французской дивизіи *Канробера* умерли три тысячи человѣкъ» (2).

Константинополь, 22-го августа. ...Заслуживающіе довѣрія люди, недавно прибывшіе изъ Варны, говорятъ, что союзная армія находится въ самомъ печальномъ положеніи: упадокъ духа господствуетъ какъ между солдатами, такъ и у начальниковъ; всѣ громко ропщутъ. Корпусъ, посланный маршаломъ на военную прогулку къ Кюстенджи, много пострадалъ отъ недостатка воды и съѣстныхъ припасовъ и отъ сильныхъ жаровъ; солдаты падали какъ мухи; четыре тысячи человѣкъ умерло въ нѣсколько дней; трупы людей и животныхъ находили во всѣхъ колодезяхъ и источникахъ. Корпусъ этотъ поспѣшно воротился въ Варну. Холера все еще сильно свирѣпствуетъ въ арміи, и особливо въ англійскомъ лагерѣ (3).

Въ полученныхъ въ Парижѣ изъ Варны письмахъ описываютъ положеніе англо-французскихъ войскъ (совершенно согласно съ англійскими донесеніями) въ самомъ ужасномъ видѣ. Холера тамъ отнюдь не прекратилась, но изчезла дисциплина. Сформированные баши-бузуки явно возмутились, и начальникъ ихъ, генералъ *Юссуфъ*, съ трудомъ отъ нихъ спасся. Алжирскіе зуавы, до чрезвычайности уменьшившіеся въ числѣ, тоже начинали бунтовать и кричать: «да здравствуетъ *Ламорисіеръ*!» генералъ *Эспинасъ* (который, слѣдственно, не умеръ отъ холеры и не застрѣлился, какъ сообщали недавно) воротился во Францію

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 188.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 184.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 193.

съ *Горасомъ Вернетомъ*. Говорятъ, что у него есть секретное порученіе къ императору. Другіе же увѣряютъ, что его принуждены были выслать, чтобъ спасти отъ ярости солдатъ дивизіи *Канробера*, которыми онъ временно командовалъ. Не видно еще ясно, что онъ сдѣлалъ. Бонапартисты говорятъ, что маршалъ отправилъ его домой за то, что онъ въ Добруджѣ осрамилъ французское знамя. Въ Марсель прибыли многіе больные французскіе офицеры (1).

Изъ Парижа пишутъ объ ужасномъ положеніи французскихъ и англійскихъ войскъ въ Болгаріи. Эти извѣстія согласны съ помѣщенными въ австрійскихъ газетахъ и съ напечатанными въ главныхъ журналахъ англійскихъ. Въ каждомъ письмѣ сообщаютъ о новыхъ бѣдствіяхъ. Болѣе же всего ужасаютъ въ Англіи сотни писемъ, возвращающихся въ Востока нераспечатанными съ простою надписью: dead (умеръ). Не можемъ исчислить всѣхъ отдѣльныхъ бѣдственныхъ случаевъ, и довольствуемся сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей изъ доставленныхъ намъ писемъ. Генералъ *Эспинасъ* дѣйствительно съ трудомъ спасъ жизнь свою: взбунтовавшіеся солдаты нѣсколько разъ по немъ стрѣляли. Въ дивизіи *Канробера* умерло четыре тысячи человѣкъ.—Дисциплина, повидимому, совершенно разстроилась. Когда должно отправлять французскихъ или англійскихъ солдатъ на корабляхъ, экипажи этихъ кораблей бунтуютъ, боясь имѣть у себя холерныхъ, хотя болѣзнь свирѣпствуетъ уже и между корабельными экипажами. Попытка сформированія баши-бузуковъ не имѣла успѣха. Они оскорбили французскаго генерала *Юссуфа*, который долженъ былъ пробиться съ обнаженною саблею, иначе они бы его изрубили. У Кюстенджи распустили баши-бузуковъ; они разсѣялись по окрестности, распространяя болѣзнь повсюду, гдѣ ея еще не было, и грабя все, что еще не было разграблено. Всѣ цифры о холерѣ невѣрны. Во французскихъ газетахъ уменьшаютъ эти цифры, чтобъ скрыть пораженіе своей политической и военной гордости, и въ высшемъ кругу, гдѣ составляютъ эти цифры, нѣтъ единодушія,

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 195.

только отчаяніе и печаль. Потерявъ совершенно бодрость, многіе высшіе офицеры сказались больными и отправились въ Константинополь. Маршалъ *Сентъ-Арно* безпрестанно ѣздитъ между Варною и Константинополемъ. Говорятъ, что врачъ присовѣтовалъ ему всегдашнюю перемѣну воздуха, какъ лучшее средство отъ холеры. Друзья его опровергаютъ это, и увѣряютъ, что въ Константинополѣ онъ долженъ хлопотать для устраненія интригъ англійскаго посланника лорда *Редклифа* и ненависти принца *Наполеона*. Генералы, окружающіе маршала, находятся въ явной враждѣ между собою, и искренно ненавидятъ другъ друга. Напрасно маршалъ то хвалитъ, то бранитъ ихъ. Недавно осуждалъ онъ генерала *Боске* — который не изъ числа его любимцевъ, но опытный генералъ (другъ Бедо и Ламориціера) — за снисходительность его къ солдатамъ. *Боске* пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Они страдаютъ, они несчастны, во всемъ терпятъ недостатокъ и, вмѣсто того чтобъ драться, принуждены были воротиться въ Варну, чтобъ умирать отъ холеры». Вотъ самое вѣрное изображеніе положенія французскихъ войскъ въ Болгаріи! — Еще съ большимъ раздраженіемъ обратился маршалъ къ генералу *Аллонвилю*, но тотъ отвѣчалъ ему съ такимъ негодованіемъ, что *Сентъ-Арно* схватился за ефесъ шпаги, и приказалъ ему тотчасъ же выѣхать во Францію.

Въ «Times» сказано о солдатахъ, павшихъ на Востокѣ жертвами холеры: «Многіе храбрые воины, оставившіе родной берегъ съ мужествомъ и надеждою побѣды, готовые жертвовать жизнію за честь отечества, пали безславно, не видавъ непріятеля, даже не ступивъ ногою на его землю. Мы не хотимъ усиливать общей печали, возбужденной сими событіями, и не будемъ сваливать вины на недостаточныя распоряженія при устройствѣ лагеря. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достовѣрно, что именно тѣ лагерныя мѣста, которыя избраны были по причинѣ роскошной своей растительности и изобилія въ водѣ, оказались самыми смертоносными. Но экипажи кораблей, ведущіе жизнь регулярную и неподверженные измѣненіямъ пищи и климата, какъ на сухомъ пути, столько же постра-

дали, какъ сухопутные полки, и нѣкоторые потеряли десятую часть своихъ людей. Какъ на водѣ, такъ и на сушѣ французы потерпѣли гораздо болѣе. Это служитъ доказательствомъ, что тѣлосложеніе и діета англичанъ лучше противостоятъ чумной атмосферѣ. Никакая предосторожность не могла избавить отъ этой язвы, никакое искусство не могло отклонить ея. Когда корабли вышли въ море для перемѣны воздуха (пишетъ одинъ корреспондентъ), на нихъ пахнулъ съ земли жаркій вѣтеръ. Это случилось 14 числа по полудни, и въ ту же минуту захворали сильнѣйшіе люди и умерли, не смотря ни на какія медицинскія пособія. Впрочемъ, это ужасное испытаніе было непродолжительно. Злокачественная холера вспыхнула во флотѣ и въ арміи въ то самое мгновеніе, когда экспедиція должна была отправиться въ Крымъ (1).

Корреспондентъ «Times» сообщаетъ, что холера сильно обнаружилась на союзныхъ корабляхъ, стоящихъ въ Константинополѣ и Балчикѣ. Въ особенности потерпѣли нѣкоторые французскіе корабли. На одномъ«Монтебелло» умерло въ сутки сто человѣкъ. По письмамъ изъ Балчика, въ той же газетѣ, французы потеряли въ Добруджѣ семь тысячъ человѣкъ изъ четырнадцати (2).

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ частной корреспонденціи «Times»: *Константинополь, 15-го августа.* «Вы, конечно, узнали, по телеграфу, о болѣзни герцога *Кембриджскаго.* Она, вѣроятно, не опасна, и происходитъ отъ сильныхъ жаровъ и отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Говорятъ, что онъ такъ слабъ, что не можетъ ѣхать въ варнскій лагерь, отъ котораго находится на разстояніи тридцати пяти миль (верстъ пятидесяти), но когда поправится, то, безъ сомнѣнія, пріѣдетъ на нѣсколько дней въ Константинополь.

«Босфоръ, съ своими колоніями Терапіею и Буюкдере, сдѣлался какъ бы мѣстомъ отдохновенія и излеченія для арміи, то же, что во Франціи Монпеліе. На дняхъ прибылъ англійскій пароходъ «Бенши» со многими больными

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 195.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 192.

офицерами, блѣдными и исхудалыми. Нѣкоторые изъ нихъ похожи на мертвецовъ (живые трупы?), такъ что на нихъ страшно смотрѣть.

«Нѣкоторые люди думаютъ, что не весьма благоразумно отправлять моремъ большое число войскъ, когда на флотѣ господствуетъ такая сильная смертность. Французскіе корабли наиболѣе пострадали. «Вилль-де-Пари» потерялъ отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ. «Монтебелло» сто сорокъ; другіе корабли тоже понесли значительныя потери. Англійская эскадра была счастливѣе, однако же на адмиральскомъ кораблѣ «Британія» умерло двадцать семь человѣкъ.

«*Варна, 19-го августа 1854 года.* Холера уменьшилась въ арміи, но производитъ жесточайшія опустошенія на флотѣ. Въ концѣ прошедшей недѣли приняла она такое опасное свойство, что оба адмирала (англійскій и французскій) рѣшились оставить якорную стоянку у-Балчика, и крейсеровать въ морѣ. Въ среду пароходъ «Карадокъ», вышедшій наканунѣ изъ Константинополя, съ почтою, присоединился къ англійской эскадрѣ адмирала *Дондаса*. Къ «Карадоку» подъѣхала шлюпка съ «Британіи», и прибывшій офицеръ сообщилъ печальное извѣстіе, что, со времени выхода изъ Балчика, адмиральскій корабль потерялъ семьдесятъ человѣкъ, изъ которыхъ десять было брошено въ море въ то самое утро. На кораблѣ было болѣе ста больныхъ. На многихъ другихъ корабляхъ были также потери, но не въ такой ужасной степени. По послѣднимъ извѣстіямъ, состояніе здоровья на «Британіи» поправилось, но она потеряла отъ холеры восемьдесятъ шесть человѣкъ. Французская эскадра тоже много потерпѣла. На «Вилль-де-Пари» умерло болѣе двухъ сотъ человѣкъ, а на «Монтебелло», стоящемъ въ варнской гавани, почти такое же число.

«Со времени пожара холера, кажется, въ Варнѣ ослабѣла, и донесенія изъ разныхъ лагерей гораздо благопріятнѣе прежнихъ. Хорошимъ средствомъ для преодолѣнія болѣзни признано расположеніе войскъ въ просторныхъ лагеряхъ. Англійская армія расположена теперь по всей про-

винціи, отъ монастыря до Варны, на пространствѣ верстъ сорока. Дивизія герцога *Кембриджскаго* вышла изъ Аладина, и стоитъ теперь на юго-западѣ отъ залива. Не смотря на всю красоту страны около Аладина, здѣсь средоточіе лихорадокъ и поносовъ. То же самое въ Девно, который турками прозванъ «юдолью смерти». Если бъ мы посовѣтовались съ здѣшними жителями, то никогда не стали бы лагеремъ ни въ Аладинѣ, ни въ Девно, не смотря на всю красоту ихъ мѣстоположенія и на выгоду, представляющуюся отъ изобилія водъ и сосѣдственныхъ лѣсовъ.

«Гвардейская бригада до того была истощена въ прошедшій четвергокъ, что эти три тысячи человѣкъ, цвѣтъ англійскаго войска, должны были употребить два дня на переходъ изъ Аладина въ Варну, всего около пятнадцати верстъ. Это еще не все: принуждены были перевезти ихъ ранцы на фурахъ. Эта бригада потеряла сто человѣкъ, и имѣла шестьсотъ больныхъ до выступленія въ Варну.

«Бригада шотландцевъ еще не въ такомъ жалкомъ положеніи, однако же и эти три прекрасные полка упали духомъ.

«Капитанъ англійскаго военнаго корабля «Симунъ» г. *Смитъ* умеръ сегодня поутру. Онъ вчера обѣдалъ на кораблѣ адмирала *Лайонса*, и до десяти часовъ вечера одушевлялъ все общество своею веселостью. Сегодня утромъ сдѣлались у него въ желудкѣ судороги. Онъ переносилъ ихъ два или три часа, ничего не говоря; когда же прибѣгнулъ къ помощи медицины, уже было поздно.

«Французы, кажется, пламенно желаютъ оставить сію страну. Они устали сражаться съ холерою, и поражены ужасомъ при одной мысли о повтореніи чумы въ Добруджѣ.... Лордъ *Россъ* отправился въ Терапію, для поправленія своего здоровья. Онъ поступилъ довольно исловко, взявъ съ собою доктора *Бакстера*, для пользованія своей особы, тогда какъ въ лагерѣ и въ городѣ нуждаются во врачахъ. Генералъ *Каторъ* тоже поѣхалъ въ Константинополь; онъ отправится въ Англію, какъ скоро въ состояніи будетъ переносить путешествіе. Полковникъ *Фергюсонъ* и *Элліотъ* умерли.

«*Балчикъ, 19-го августа.* Холера дошла до флота. Сперва болѣзнь напала на французовъ, а чрезъ нѣсколько времени на англичанъ. 12-го августа наша эскадра, изъ кораблей: «Британія», «Албіонъ», «Трафальгаръ», «Вендженсъ», «Квинъ», «Родней», «Лондонъ», «Ретрибюшенъ», «Фюріусъ», «Трибюнъ» и «Діамондъ» вышла въ море. Въ первые два дня были смертные случаи только на «Трафальгарѣ», но въ ночи на 14-е число болѣзнь обнаружилась во всей своей силѣ. Въ продолженіе двадцати часовъ на «Британіи» умерло пятьдесятъ человѣкъ, а въ слѣдующіе двадцать часовъ еще тридцать. Видѣвшіе дѣйствіе холеры на сухомъ пути, не могутъ себѣ составить понятія объ ужасномъ зрѣлищѣ, представляющемся на морѣ. Вообразите себѣ тысячу человѣкъ, собранныхъ въ тѣсномъ пространствѣ и герметически запертыхъ по причинѣ дурной погоды, и въ числѣ ихъ пятьдесятъ или шестьдесятъ человѣкъ, борющихся со смертью! Офицеры и матросы до того утомились и ослабли, что едва могли исполнять обыкновенныя свои обязанности и управлять парусами. По счастію, вѣтеръ стихъ, и 17-го числа нѣкоторые корабли бросили опять якорь въ Балчикѣ. Наканунѣ отплытія, 11-го числа, струя теплаго воздуха съ твердой земли пролетѣла надъ флотомъ, и всѣ увѣрены, что она принесла зародышъ болѣзни. На «Британіи» погибло сто человѣкъ, на «Фюріусѣ» семнадцать, на «Албіонѣ» пятьдесятъ, на «Трафальгарѣ» тридцать пять. Всѣ суда, составляющія часть Безикскаго флота, пострадали болѣе или менѣе. Присоединившіеся къ намъ послѣ избѣгли въ нѣкоторой степени этой болѣзни. Къ счастію, положеніе наше поправляется. Будемъ надѣяться, что самая ужасная минута прошла, и что она будетъ намъ казаться только грознымъ сновидѣніемъ. Французы потеряли больше людей, нежели мы» (1).

Лондонъ, 5-го сентября 1854 года. Подробные разсказы о страданіяхъ англо-французскаго экспедиціоннаго корпуса въ Варнѣ пользуются въ Англіи гласностью, потому что

---

(1) Сѣв. Пч. 1854 г. № 194.

британское правительство желаетъ оправдаться нѣкоторымъ образомъ въ глазахъ Англіи въ ежедневныхъ отсрочкахъ экспедиціи, возвѣщенной уже давно съ такимъ шумомъ. Для отвращенія отъ правительства упрековъ въ добровольномъ и преднамѣренномъ замедленіи, стараются въ Англіи выставить всю великость бѣдствія. Извѣстія, обнародованныя во Франціи, гораздо скромнѣе (¹).

Въ туринскомъ журналѣ «Il Diritto» напечатано слѣдующее письмо изъ Константинополя отъ 20-го августа, писанное однимъ отставнымъ военнымъ, который уже съ давняго времени живетъ тамъ: «Съ іюля мѣсяца положеніе союзниковъ становится все болѣе и болѣе смѣшнымъ и неловкимъ, такъ что непремѣнно надобно выйти изъ него, чтобъ не возстановить противъ себя общественнаго мнѣнія двухъ націй, которымъ эта война стоитъ не дешево. Союзники присутствовали какъ праздные зрители при оборонѣ Силистріи, не сдѣлали ни малѣйшей попытки, чтобъ освободить ее отъ осады, и не думали даже тревожить русскихъ, когда тѣ предприняли отступательное движеніе. Между тѣмъ, въ то время они уже, вѣроятно, отказались отъ своего плана предоставить туркамъ драться сколько они могутъ, допустить русскихъ до Балкановъ, атаковать ихъ тутъ всѣми своими силами, остаться единственными побѣдителями и предписать законы обѣимъ сторонамъ (еслибъ удалось). Но обстоятельства, а отчасти и сами турки, разстроили этотъ планъ.

«Между тѣмъ союзную армію посѣтила страшная гостья—холера. Солдаты, особенно французскіе, начинали роптать. Маршалъ *Сентъ-Арно*, чтобъ успокоить ихъ и поддержать свою репутацію во Франціи, придумалъ знаменитую добруджскую экспедицію.

«Надобно было удостовѣриться, не скрываются ли гдѣнибудь русскіе въ засадѣ на этихъ болотистыхъ равнинахъ. Для этого стоило бы только послать какую-нибудь тысячу турецкихъ иррегулярныхъ кавалеристовъ, подкрѣпивъ ихъ

(¹) „Сѣв. Пчела“ 1854 г. № 197.

полкомъ линейной кавалеріи и батареею. Французскій маршалъ, напротивъ, назначилъ для этого три дивизіи, изъ которыхъ двѣ и выступили въ походъ 26 іюля. Когда онѣ углубились въ эти топкія равнины, ихъ настигъ страшный дождь, который лилъ потоками; до жилья даже и въ половинѣ ночи нельзя было добраться; войска провели ночь по икры въ водѣ. На слѣдующее утро восемьсотъ человѣкъ не явились на перекличкѣ: они погибли! Походъ, однакожъ, продолжался; за ливнемъ, бывшимъ наканунѣ, послѣдовалъ нестерпимый зной; провіантскія фуры невозможно было двинуть впередъ; во всѣхъ окрестностяхъ не было ни одного источника. Невыносимая жажда заставила многихъ солдатъ пить стоячую воду изъ канавъ, заваленныхъ трупами; — всѣ тѣ, которые напились этой воды, умерли. По временамъ показывался какой-нибудь казачій пикетъ, который спокойно удалялся, по приближеніи французскихъ войскъ. На третій день французы лишились уже 2,000 человѣкъ. По словамъ очевидца, несчастные гибли какъ мухи. Цѣлая бригада, видя, что на каждомъ шагу падаетъ человѣкъ, была поражена такимъ паническимъ страхомъ, что, еще не встрѣтивъ непріятеля, повернула тылъ, побросала ружья и ранцы и разбѣжалась.

«Наконецъ лѣвое крыло французскихъ войскъ встрѣтило какой-то кавалерійскій корпусъ, казавшійся регулярнымъ. Тотчасъ началась перестрѣлка; но вмѣсто предполагаемаго непріятеля, явился офицеръ съ бѣлымъ знаменемъ, и тогда узнали, что это турецкій полкъ, отряженный *Омеромъ-пашею* съ тою же самой цѣлію, что дѣлало содѣйствіе французскаго корпуса совершенно безполезнымъ. Приказано было идти назадъ. Когда корпусъ возвратился во французскій лагерь, трехъ тысячъ человѣкъ на лицо не оказалось (по другимъ извѣстіямъ гораздо больше), а убито было не болѣе тридцати человѣкъ. Это былъ страшный урокъ, который сильно разстроилъ нравственное состояніе всей французской арміи. Такъ какъ всѣ несчастія обыкновенно приписываются предательству, то придумали, будто греки отравляютъ источники; родилась месть; между греческимъ населеніемъ и французскими войсками на-

чались жестокія возмездія. Не подлежитъ сомнѣнію, что французскіе солдаты по временамъ изчезали, и что по морю носились трупы въ красныхъ брюкахъ.... (¹).

Парижъ, 5-го сентября 1854 года. Отправляютъ вновь десять тысячъ человѣкъ на Востокъ, чтобъ пополнить опустошенія, произведенныя въ нашихъ дивизіяхъ холерою. *Сентъ-Арно* потерялъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ, не видавши еще ни одного непріятеля. Объ этомъ совершенно неспособномъ человѣкѣ разсказываютъ самыя любопытныя дѣла. Такъ, напримѣръ, ходитъ по рукамъ письмо одного офицера дивизіи *Канробера*, въ которомъ сказано: «Къ чему былъ предпринятъ походъ въ Добруджу? Хотѣли составить бюллетень на 15-е августа и иллюстрацію для имянинъ императора. И точно! бюллетень состоялся, но его, конечно, не обнародовали: это былъ длинный списокъ умершихъ». Съ другой стороны разсказываютъ, что всѣ генералы экспедиціоннаго корпуса подписали записку о неспособности *Сентъ-Арно*, и представили ее императору при посредствѣ одной важной особы. Если это правда, то, конечно, о дисциплинѣ въ этомъ корпусѣ нѣтъ и рѣчи. Кажется вѣроятнымъ, что императоръ положилъ отправить на Востокъ военнаго министра *Вальяна*, для возстановленія арміи. Кто можетъ сказать, на сколько этотъ слухъ преувеличенъ, и на сколько вовсе не основателенъ? Обманчивая таинственность, которою «Монитеръ» облекаетъ всѣ извѣстія, увеличиваетъ опасенія тѣхъ, у кого есть родственники и друзья въ восточной арміи, опечаливаетъ самыхъ дальновидныхъ людей, и дѣлаетъ вѣроятнымъ самое невѣроятное. Не стану тревожить васъ иными, еще сильнѣйшими слухами, но могу васъ увѣрить, что въ другихъ мѣстахъ нельзя себѣ составить понятія объ опасеніяхъ, о безумномъ страхѣ и объ ожесточеніи, господствующихъ здѣсь, въ Парижѣ. Я увѣренъ, что *Сентъ-Арно*, по возвращеніи своемъ, будетъ здѣсь не безопасенъ. По нынѣшнимъ слухамъ, императоръ сказалъ въ Булони офицерамъ, что войска, собранныя въ этомъ лагерѣ,

---

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 года № 203.

только рекруты, подающіе надежды, но что лучшія войска находятся на Востокѣ. Не думаю, чтобы императоръ сказалъ это, но слухъ о томъ причинилъ большое неудовольствіе. Свиданіе императора съ королемъ бельгійскимъ было кратковременное, и, если вѣрить корреспондентамъ, въ высшей степени холодное (1).

— Въ другомъ письмѣ изъ Парижа, отъ 6-го сентября, пишутъ въ той же газетѣ: «Болѣе нежели пора маршалу *Сентъ-Арно* заставить замолчать своихъ противниковъ какимъ нибудь важнымъ подвигомъ, потому что число ихъ со дня на день увеличивается, и даже въ офиціальномъ кругу никто не смѣетъ защищать его. Маршалъ, кажется, знаетъ это, потому что обратился къ одному изъ своихъ друзей съ письмомъ, въ которомъ старается опровергнуть дѣлаемые ему упреки; онъ не обѣщаетъ ничего хорошаго западнымъ державамъ отъ австро-турецкаго трактата; сильно протестуетъ противъ упрека въ нерадѣніи, касательно попеченій объ арміи, и признается, что ненависть греческаго народонаселенія къ англо-французамъ выше всякаго выраженія, отчего положеніе арміи весьма затруднительно; ему невозможно найти шпіоновъ, чтобъ знать о происходящемъ въ Крыму, а русскимъ совершенно извѣстно, что дѣлается въ Варнѣ и проч. Бывшій тосканскій посланникъ въ Парижѣ, *Понятовскій* (извѣстно, что онъ вышелъ въ отставку), вступаетъ во французскую службу» (2).

Лондонъ, 11-го сентября.—Въ «Times» сказано: «Расходы на перевозъ восточныхъ войскъ стоили одни въ нынѣшнемъ году три милліона фунтовъ стерлинговъ (18 милліоновъ рублей серебромъ). Расходы Франціи на этотъ предметъ составляли такую же сумму, потому что хотя она и ближе къ Турціи, но французская армія, пѣхота и кавалерія гораздо многочисленнѣе нашей. По расходамъ отъ пяти до шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ за перевозку, можно судить объ огромномъ числѣ людей и

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 197.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 201.

военныхъ снарядовъ туда перевезенныхъ. Въ этотъ счетъ не входятъ обыкновенные расходы по флоту (1).

Извѣстія съ Чернаго моря.

На разсвѣтѣ, *14-го іюля*, въ виду Севастополя показался непріятельскій флотъ, въ числѣ: трехъ-дечныхъ кораблей 3, двухъ-дечныхъ кораблей 11, пароходовъ 7, всего 21.

Въ означенномъ числѣ кораблей было пять винтовыхъ. изъ которыхъ одинъ трехъ-дечный, вѣроятно французскій корабль «Монтебелло».

Паровые корабли и пароходы буксировали парусныя суда, причемъ весь флотъ, исключая трехъ пароходовъ, имѣлъ направленіе къ мысу Лукуллу. Эти три парохода приблизились къ батареямъ сѣвернаго берега, но когда одинъ изъ нихъ получилъ въ корму ядро, пущенное съ Волоховой башни, они удалились и, направившись къ сѣверу, занимались промѣромъ у мыса Лукулла, у котораго остановился и весь флотъ.

При закатѣ солнца, всѣ непріятельскія суда соединились и легли въ дрейфъ миляхъ въ 12-ти или 14-ти отъ Севастополя. Такъ какъ цѣлый день былъ штиль, то всѣ передвиженія непріятеля производились парами и буксировкой.

Непріятель, скрывшись на ночь съ 14-го на 15-е число въ море, отдѣлялъ отъ себя пароходы для рекогносцировокъ: къ Эвпаторіи, южному берегу и Ѳеодосіи. Приближеніе этихъ судовъ къ берегамъ не имѣло никакихъ послѣдствій. Съ одного изъ крейсерующихъ близъ Ѳеодосіи пароходовъ были отправлены на берегъ люди, на двухъ баркасахъ; но, при появленіи нашихъ казаковъ, они не замедлили возвратиться, помѣнявшись съ казаками нѣсколькими ружейными выстрѣлами, причемъ съ парохода сдѣланъ былъ одинъ выстрѣлъ ядромъ.

Послѣ того, въ продолженіе еще двухъ дней, непріятельская эскадра была въ виду крымскихъ береговъ.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 202.

Мертвый штиль, не дозволившій нашимъ судамъ выйти въ море, заставилъ непріятеля пароходами буксировать свои корабли.

На разсвѣтѣ 30-го числа минувшаго іюля, подходилъ непріятельскій пароходъ на видъ «Аю-дага» и потомъ скрылся. Впрочемъ, въ нашихъ водахъ непріятель давно уже не показывался (1).

Константинополь, 24-го іюля 1854 г. Въ минуту отъѣзда Ллойдова парохода получено извѣстіе, что 21-го числа четырнадцать судовъ союзной эскадры (7-мь англійскихъ и 7-мь французскихъ), съ нѣсколькими пароходными фрегатами, пошли съ Балчикскаго рейда, чтобъ произвесть, какъ говорятъ, рекогносцировку у береговъ Крыма. Генералъ *Канробертъ* находится на кораблѣ «Наполеонъ», а генералъ *Броунъ* на «Агамемнонѣ» (2).

Марсель, 7-го августа 1854 г. Пароходъ «*Нилъ*», вышедшій изъ Константинополя 30-го іюля, сейчасъ вошелъ въ здѣшнюю гавань. Вице-адмиралъ *Гамеленъ*, остававшійся въ Варнѣ съ двѣнадцатью кораблями, призвалъ обратно всѣ транспорты, находившіяся въ Константинополѣ, какъ равно и турецкій флотъ, стоящій въ Босфорѣ. Генералы *Канробертъ* и *Броунъ* возвратились въ Варну 27-го іюля съ сильною морскою дивизіею, которая ходила для быстраго осмотра всего сѣвернаго берега Чернаго моря отъ Анапы до Крыма и Севастополя. Англійскій пароходъ «*Фюри*» весьма близко подходилъ къ Севастополю. Русскій флотъ стоялъ неподвижно въ гавани (3).

Одинъ изъ корреспондентовъ газеты «Times» описываетъ слѣдующимъ образомъ плаваніе эскадры адмирала *Дондаса* по Черному морю.

«Вечеромъ *21-го іюля* адмираломъ данъ сигналъ: «готовься къ выходу въ море». На разсвѣтѣ слѣдующаго дня англійскій и французскій флоты снялись съ якоря при умѣ-

---

(1) Морской Сборникъ 1854 г. № 8.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 172. Эскадра сія появилась 14-го (26-го) іюля предъ Севастополемъ.

(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 174.

ремъ вѣтрѣ. На кораблѣ «Агамемнонъ» находились генералы *Броунъ* и *Канроберъ* и нѣсколько инженерныхъ офицеровъ, прибывшихъ наканунѣ изъ Варны. Цѣль нашего плаванія—сдѣлать рекогносцировку....

25-го «Fury». «Terrible» и «Cacique» отдѣлились отъ флота и направились къ Севастополю съ генералами *Броуномъ* и *Канробертомъ* и адмираломъ *Лайонсомъ*. Между тѣмъ флотъ, не смотря на темную ночь, тащился кое-какъ на парахъ. «Agamemnon» велъ на буксирѣ два линейные корабля, а «Napoléon» два трехдечные корабля и одинъ двухдечный. Въ полдень они находились въ разстояніи 56 миль отъ Севастополя. *26-го*. Въ половинѣ шестаго усмотрѣны пароходы, отправившіеся впередъ къ Севастополю. Соединившись съ ними, флотъ пошелъ вдоль берега къ сѣверо-западу, чтобы сдѣлать рекогносцировку. Обширная, покрытая травою равнина разстилается на нѣсколько миль во внутрь страны до Крымскихъ горныхъ возвышеній. Кавалеріи и артиллеріи здѣсь есть гдѣ разгуляться. Въ это время въ Крыму повсюду косятъ сѣно и вся равнина покрыта была копнами. Поплыли далѣе къ Севастополю, передъ которымъ простояли нѣсколько времени, считая пушки, мрачно выглядывавшія на насъ изъ амбразуръ многоэтажныхъ батарей, или чернѣвшія на ослѣпительно-бѣлыхъ стѣнахъ и земляныхъ укрѣпленіяхъ, покрытыхъ блестящею травою. При самомъ входѣ въ гавань, я сосчиталъ, на сѣверной сторонѣ, въ двух-этажной батареѣ, 32 орудія, на каждой сторонѣ, въ трех-этажной батареѣ, 102; направо отъ послѣдней, въ двух-этажной батареѣ, 108; далѣе направо, въ двух-этажной батареѣ, 48; еще правѣе 30 или 40 пушекъ на земляныхъ укрѣпленіяхъ; нѣсколько позади, между земляными укрѣпленіемъ и городомъ, находится трех-этажная батарея, вооруженная 18-ю орудіями, которая обстрѣливаетъ самый входъ въ гавань. На холмѣ къ югу видѣлись два лагеря. Сдѣлавъ обзоръ, мы отошли въ море. *27-го*. На разсвѣтѣ мы находились около мыса Ая, а въ 10 часовъ подошли къ небольшому живописному монастырю св. Георгія, пріютившемуся посреди деревъ на вершинѣ обрывистаго утеса. На возвышеніи, которое ле-

жить далѣе на сѣверъ, находится телеграфическая станція, которая, судя по шарамъ выставленнымъ по случаю нашего приближенія, ежедневно сообщаетъ въ Севастополь о всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ. Послѣ того мы зашли въ Балаклавскій заливъ. Берега здѣсь круты и скалисты. При входѣ въ Балаклавскій заливъ, на живописной скалѣ, находятся развалины византійскихъ временъ. На невысокихъ скалахъ замѣтили мы солдатъ съ ружьями....

Прокламація императора французовъ войскамъ, находящимся въ Турціи (1).

«Солдаты и матросы восточной арміи!

«Вы еще не сражались, а уже успѣли пріобрѣсть блистательный успѣхъ. Присутствія вашего и англійскихъ войскъ было достаточно, чтобъ принудить непріятеля возвратиться за Дунай, и русскіе корабли остаются въ своихъ гаваняхъ. Вы еще не сражались, а уже мужественно боролись со смертью. Грозная, хотя и скоропреходящая болѣзнь не остановила вашей ревности. Франція и государь, котораго она себѣ дала, съ глубокимъ чувствомъ видятъ это, и всѣми силами стараются помочь вамъ при такой энергіи и такомъ самоотверженіи.

«Первый консулъ сказалъ, въ 1799 году, въ одной прокламаціи къ своей арміи: «первое качество солдата состоитъ въ постоянномъ перенесеніи трудовъ и лишеній; храбрость составляетъ только второе качество». Первое вы обнаружили нынѣ; во второмъ, кто можетъ вамъ отказать? А потому враги наши, разсѣянные отъ Финляндіи до Кавказа, боязливо стараются угадать, на какой пунктъ Франція и Англія обратятъ свои удары, предвидя, что они будутъ рѣшительны, ибо право, справедливость и военное одушевленіе на вашей сторонѣ.

«Бомарзундъ и двѣ тысячи плѣнныхъ уже впали во власть вашу. Солдаты! вы слѣдуете примѣру египетской арміи; побѣдители при пирамидахъ и при горѣ Ѳаворѣ

---

(1) Прокламація эта напечатана въ Монитёрѣ отъ 21-го августа.

боролись, какъ и вы, съ привыкшими къ войнѣ солдатами и съ болѣзнію; но, не смотря на чуму и на три арміи, они съ честью возвратились въ свое отечество.

«Солдаты! имѣйте довѣренность къ вашему главнокомандующему и ко мнѣ. Я бодрствую надъ вами и надѣюсь, съ Божіею помощью, вскорѣ увидѣть уменьшеніе вашихъ страданій и увеличеніе славы. Солдаты, до свиданія» (1)!

«Наполеонъ».

Прокламація Лудовика-Наполеона произвела неблагопріятное дѣйствіе. Эта прокламація, явившаяся вовсе некстати, была, какъ видно, написана для ободренія войска. Знали, что холера показалась въ Галлиполи и въ Варнѣ, но истина никому не была извѣстна, и ни одинъ журналъ не смѣлъ ея обнаружить. И вдругъ Людовикъ-Наполеонъ самъ возвѣщаетъ намъ, что эпидемія произвела жестокія опустошенія, и что, въ слѣдствіе этого, предполагаемая экспедиція не состоится. Подобное извѣщеніе не могло не произвесть тягостнаго впечатлѣнія. По прокламаціи и по статьѣ въ Монитерѣ, за нею слѣдующей, заключили на биржѣ, что духъ войска требовалъ сильнаго и рѣшительнаго ободренія (2).

Прокламація къ восточной арміи написана уже давно. Къ ней прибавили только фразу о Бомарзундѣ. Заключительная фраза подала поводъ публикѣ ко многимъ лукавымъ толкамъ. Такъ, напримѣръ, находятъ страннымъ, что Людовикъ-Наполеонъ говоритъ «до свиданія» людямъ, которыхъ никогда не видалъ, и которые, сверхъ того, обречены на смерть. Что же касается до сравненія съ египетскою экспедиціею, оно очень неудачно, особливо желаніе видѣть восточныхъ солдатъ, возвращающимися какъ изъ Египта, а тѣ прибыли плѣнными на англійскихъ корабляхъ (3).

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 190.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 191.
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 193.

Приготовленіе союзниковъ къ высадкѣ въ Крымъ.

Частною телеграфическою депешею, полученною въ Парижѣ, сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 10-го августа, что англо-французская экспедиція, долженствовавшая отплыть съ береговъ Болгаріи и отложенная сперва съ 5-го до 15-го августа, окончательно отсрочена до конца сего мѣсяца, «по причинѣ чрезвычайныхъ жаровъ»—сказано въ депешѣ, но въ письмѣ изъ Парижа въ «Indépendance Belge», прибавляютъ: «по причинѣ холеры» (1).

Изъ Варны пишутъ, отъ 13-го августа, что 8-го числа начали сажать войска на суда. Ежедневно отправляютъ по три тысячи человѣкъ и по пяти сотъ лошадей. На корабляхъ везутъ припасовъ на три мѣсяца. Турецкій флотъ въ Бальчикѣ будетъ составлять резервъ. На транспортныхъ судахъ, между прочимъ, отправляютъ шесть новыхъ винтовыхъ экипажей. Изъ варнскаго арсенала отправлено сто шестьдесятъ мортиръ, восьмидесяти и сто-фунтовыхъ (2).

«*Константинополь, 15-го августа 1854 года.* Увѣряютъ, что французы не расположены въ пользу предпріятія, готовящагося въ Черномъ морѣ, и лучше желали бы сдѣлать правильную кампанію за Дунаемъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе лицъ, съ которыми я говорилъ, и въ нихъ невозможно замѣтить воинственнаго усердія къ экспедиціи. Англійскіе генералы, и въ особенности сэръ Дж. *Броунъ*, предложили эту экспедицію съ наибольшимъ жаромъ, а французскіе генералы согласились изъ уваженія къ нимъ. Конечно, желательно было бы, чтобъ она была исполнена нѣсколько раньше. Солдаты такъ пострадали отъ болѣзней и долгаго ожиданія, что въ нихъ едва можно узнать тѣхъ людей, которые, за четыре или за пять мѣсяцевъ предъ симъ, прибыли здоровые и полные усердія. Они чрезвычайно истощены, и разрушительное дѣйствіе климата произвело надъ ними обычное свое дѣйствіе. И между офицерами у многихъ потрясены нервы: зрѣлище болѣзней дѣйствуетъ на нихъ во сто разъ сильнѣе, нежели крово-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 183.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 188.

пролитіе на полѣ битвы. Между высшими чинами арміи также многіе сомнѣваются, чтобъ экспедиція была произведена; но это сомнѣніе, по видимому, ничѣмъ не оправдывается.... (1).

Въ Вѣнѣ получены извѣстія изъ Варны до 31-го августа. Часть города, въ которомъ находятся магазины, объявлена въ осадномъ положеніи. Подступы къ пороховымъ магазинамъ окружены баррикадами. Въ вѣнской газетѣ «Soldatenfreund» содержатся слѣдующія подробности: «Варнскій пожаръ истребилъ четыре тысячи амбаровъ, двѣ мечети, нѣсколько хановъ (постоялыхъ дворовъ). Австрійское консульство, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и агенство Ллойда, отстояно. Замѣчательно, что со времени пожара холера почти совсѣмъ прекратилась въ Варнѣ. Съ 16-го августа дѣлали приготовленія къ экспедиціи, отправляемой еще неизвѣстно куда. 20-го нагружены были на суда военные и съѣстные припасы, какъ равно и вся артиллерія. 26-го должна была отправиться флотская дивизія, подъ начальствомъ адмираловъ *Дондаса* и *Стопфорда* съ лордомъ *Раглаиомъ* и двадцатью тремя тысячами англичанъ. За сею дивизіею должна была слѣдовать главная часть флота. 28 или 29-го числа, подъ начальствомъ адмираловъ *Гамелена* и *Брюа*, съ генераломъ *Канробером*ъ, состоящая изъ двадцати восьми тысячъ французовъ и девяти тысячъ турокъ. Отъѣздъ третьей меньшей дивизіи изъ Константинополя съ адмираломъ *Лайонсомъ*, маршаломъ *Сентъ-Арно*, принцемъ *Наполеономъ* и герцогомъ *Кембриджскимъ* назначенъ былъ 1-го сентября. Корабли, вышедшіе изъ Варны 26-го числа, должны были идти къ сѣверо-западу, но цѣль пути ихъ неизвѣстна: Аккерманъ ли, Одесса, Херсонъ, Севастополь или другой какой пунктъ. Достовѣрно только, что, послѣ военнаго совѣта, бывшаго въ Константинополѣ, всѣ свободныя турецкія войска отправлены въ Анатолію» (2).

Въ вѣнской газетѣ «Presse» пишутъ изъ Константино-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 194. Окончаніе корреспонденціи относится до свирѣпствующей въ войскахъ болѣзни и до болѣзни герцога *Кембриджскаго*.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 196.

поля, отъ 17-го августа: «Послѣдніе корабли, назначенные для экспедиціи, приготовляющейся въ Варнѣ, отправились 15-го августа въ сію гавань съ двѣнадцатью тысячами человѣкъ турецкаго войска и съ двумя тысячами французовъ. На нихъ нагружены, сверхъ того, лошади, пушки, военные и съѣстные припасы; съ ними идетъ много плоскодонныхъ судовъ. Принцъ *Наполеонъ*, находящійся здѣсь съ 10-го числа, дѣйствительно боленъ лихорадкою.—Холера уменьшается въ Константинополѣ, какъ равно и въ Варнѣ. Ея уже нѣтъ въ Галлиполи, но она усиливается въ Дарданеллахъ. Торговля страдаетъ отъ взятія купеческихъ кораблей подъ военные транспорты, и хотя денегъ много, но на рынкахъ товаровъ очень мало. Въ Константинополѣ говорили о преобразованіи полиціи (1).

Въ «Fremdenblatt» пишутъ изъ Варны, отъ 23-го августа: «Вотъ уже сутки никто не смѣетъ съѣзжать съ кораблей на берегъ. Экспедиція ожидаетъ только сигнала къ отходу. Могу васъ увѣрить, что и командиры кораблей не знаютъ ея цѣли. Впрочемъ, сообщеніе съ варнскою гаванью будетъ сохранено, потому что оттуда будутъ отправляться депеши адмираловъ съ одной стороны въ Константинополь, а съ другой въ Рущукъ и въ Вѣну» (2).

Въ парижской газетѣ «Constitutionnel» пишутъ изъ Константинополя, отъ 24-го августа: «Корреспондентъ нашъ говоритъ, что отплытіе крымской экспедиціи назначено на этотъ разъ непремѣнно на 2-е сентября. Почтовый пароходъ, пришедшій въ тотъ день поутру изъ Варны, привезъ это извѣстіе, которое можно почитать оффиціальнымъ. Приказанія объ отправленіи уже даны, и первыя дивизіи пойдутъ 29-го числа въ Бальчикъ, гдѣ сядутъ на суда. Французская армія отправится въ два раза. Въ первый разъ нельзя будетъ отправить болѣе двадцати четырехъ тысячъ изъ тридцати пяти или шести, собранныхъ для этой экспедиціи. Полагаютъ, что англичанъ будетъ двадцать пять, а турокъ отъ восьми до десяти тысячъ, что

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 189.

(2) «Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 197.

всего составитъ около семидесяти тысячъ экспедиціонной арміи.

«Всѣ суда, принадлежащія къ двумъ англо-французскимъ эскадрамъ, имѣютъ приказаніе немедленно собраться въ Бальчикѣ, чтобъ принять на мѣстѣ надлежащія мѣры для отправленія войскъ, которое должно быть произведено въ наивозможно-скорѣйшемъ времени. Тяжелая артиллерія, осадные парки и всѣ военные запасы арміи уже нагружены на транспортахъ, готовыхъ выйти въ море по первому сигналу. Продовольствіе и госпитальная часть обезпечены.

«Лордъ *Раглань* былъ на короткое время въ Константинополѣ, чтобъ отдать визитъ герцогу *Кембриджскому*, который нѣсколько дней долженъ былъ провести на Босфорѣ, для излеченія своей лихорадки, которую получилъ, какъ говорятъ, въ Варнѣ. Англійскій генералъ долженъ былъ также сообщить султану отъ себя и отъ имени маршала *Сентъ-Арно* планъ предстоящей экспедиціи» (¹).

Хотя Монитеръ еще не подтвердилъ офиціально извѣстія объ отправленіи изъ Варны англо-французской экспедиціи, однако оно, по видимому, несомнѣнно, и мы скоро узнаемъ цѣль предпріятія, о которомъ было такъ много толковъ. Маршалу *Сентъ-Арно* пора заставить молчать своихъ противниковъ какимъ либо подвигомъ, потому что число его враговъ увеличивается, и даже въ высшихъ сферахъ защищаютъ его съ разными ограниченіями. Ему это, кажется, извѣстно, потому что у одного изъ его пріятелей есть письмо, въ которомъ маршалъ старается оправдаться. Сначала, говоритъ онъ, у него было не довольно войска чтобъ предпринять что нибудь, а потомъ ему не дали войскъ изъ уваженія къ Австріи, которая вела тогда переговоры съ Турціей о занятіи княжествъ. Маршалъ не обѣщаетъ западнымъ державамъ ничего хорошаго отъ австро-турецкаго договора. Онъ энергически протестуетъ противъ обвиненія въ безпечности относительно продовольствія войскъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 199. и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 196.

и сознается, что ненависть греческаго населенія къ англо-французскимъ войскамъ чрезвычайно сильна и очень затрудняетъ положеніе арміи (1).

Маршалъ *Сентъ-Арно* отправилъ изъ Варны 30 тысячъ человѣкъ своего собственнаго войска; онъ не могъ располагать болѣе значительнымъ числомъ, потому что остальное составляютъ гарнизонъ Галлиполи, обитатели госпиталей и умершіе отъ холеры.

Газета «Fremdenblatt» сообщаетъ слѣдующія извѣстія изъ Варны отъ 31-го августа. Большая дивизія союзнаго флота крейсеруетъ уже на высотѣ Одессы и Севастополя, чтобы герметически блокировать оба эти порта. Весьма сильный сѣверовосточный вѣтеръ препятствовалъ до сихъ поръ отправленію сухопутныхъ войскъ. 31-го прибылъ въ Варну пароходъ съ принцемъ *Наполеономъ* и герцогомъ *Кембриджскимъ*. По словамъ офицеровъ этого пароваго фрегата, маршалъ *Сентъ-Арно* намѣревался отправиться (изъ Константинополя) 2-го сентября, 3-го должна была слѣдовать за нимъ бургасская морская дивизія, а 4-го большая часть варнскаго флота—для присоединенія къ блокадной эскадрѣ. Корреспондентъ газеты «Fremdenblatt» присовокупляетъ, что, дѣйствительно, намѣреваются, какой бы то ни было цѣною, прорваться въ севастопольскій портъ. Офицеры сухопутныхъ войскъ и флота считаютъ себя обреченными на смерть. Изъ Варны пишутъ отъ 1-го сентября, газетѣ «Ллойдъ», что 25 кораблей вспомогательнаго флота съ 30-ю канонерскими лодками и транспортными судами уже вышли въ море.

Изъ Варны пишутъ, между прочимъ, газетѣ «Times», отъ 28-го августа: Всячески стараются по возможности уменьшить багажъ арміи отправляемой изъ Варны. На каждый полкъ полагается только по 5 лошадей, а такъ какъ у каждаго офицера есть по крайней мѣрѣ одна лошадь, а у нѣкоторыхъ даже двѣ или три, то изъ этого видно что изъ каждаго полка останется отъ 35 до 40 лошадей, о которыхъ необходимо будетъ позаботиться. Говорятъ, что близъ го-

---

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 196.

рода будетъ устроенъ паркъ оставленныхъ на мѣстѣ лошадей. Этотъ паркъ будетъ довольно значителенъ, т. е. въ составъ его войдутъ около 4-хъ тысячъ лошадей, принадлежащихъ правительству, и 1.200 офицерскихъ. Лордъ *Раглан*ъ возметъ съ собою только двѣ или три лошади (1).

Въ «Times» получено отъ константинопольскаго корреспондента длинное письмо, изъ котораго заимствуемъ нѣкоторыя мѣста: «Говорятъ, что число дѣйствующихъ войскъ, отправившихся изъ Франціи и Алжиріи, простирается до семидесяти тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ семь тысячъ человѣкъ умерли, а пять тысячъ выбыли изъ фронта».

«Вообще полагаютъ, что на проѣздъ экспедиціи съ береговъ Болгаріи до Крыма нужно пять дней (корреспондентъ думаетъ, что она отправится 4-го сентября, когда вся соберется въ Балчикѣ). Огромное число кораблей, простирающееся до четырехъ сотъ, значительное количество понтонныхъ барокъ, плотовъ, недостаточность пароходовъ и трудность буксированья, всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, замедлятъ плаваніе. Сверхъ того, кажется, что опасно или невозможно слѣдовать прямымъ путемъ. Господствующій въ это время вѣтеръ препятствуетъ плаванію кораблей прямо изъ Варны въ Севастополь, и притомъ необходимо, чтобъ *армада* могла бросить якорь при первомъ появленіи непогоды, чтобъ избѣгнуть несчастій, могущихъ случиться отъ бури въ такомъ огромномъ транспортѣ. По симъ причинамъ говорятъ, что экспедиція пойдетъ вдоль берега до Змѣинаго острова, откуда можно разсчитывать на 'благопріятный вѣтеръ».

«Моряки (пишетъ корреспондентъ далѣе) говорятъ, что невозможно защищать высадку войскъ линейными кораблями. Пароходы могутъ сдѣлать что-нибудь своими орудіями, стрѣляющими на далекое разстояніе, но армія должна болѣе всего полагаться на самую себя и на своихъ предводителей».

Далѣе, обсуждая вопросъ объ открытіи Чернаго моря

---

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 199. Тоже „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 201.

и проливовъ морскимъ силамъ всѣхъ державъ, корреспондентъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«Дозволить всякой націи имѣть право послать полдюжины военныхъ кораблей, которые безъ церемоніи пройдутъ между Стамбуломъ и Скутари, или станутъ въ Буюкдерской губѣ подъ окнами посольскихъ домовъ, было бы страннымъ средствомъ для усиленія безопасности Оттоманской Имперіи. Неприкосновенность (the sanctity) водъ, отъ Чернаго моря до Дарданеллъ, всегда была обезпечена за Турціею, и въ 1841 году право это торжественно утверждено трактатомъ, на который лордъ *Пальмерстонъ* согласился, если еще не былъ главнымъ дѣятелемъ при заключеніи его (1)».

Газета «Constitutionnel» получила съ Балчикскаго рейда, отъ 3-го сентября (22-го августа), кое-какія дополнительныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ крымской экспедиціи. Весь французскій флотъ былъ собранъ на Балчикскомъ рейдѣ; турецкій флотъ стоялъ тамъ на якорѣ уже въ продолженіе нѣсколькихъ дней; ждали только остальныхъ судовъ англійскаго флота. «Каждый флотъ», пишетъ корреспондентъ, «отправится двумя колоннами: французы къ югу отъ англичанъ, турки сзади. Флоты подойдутъ къ крымскому берегу 4-мя линіями. Первая—французская линія будетъ состоять изъ 14-ти линейныхъ кораблей, готовыхъ къ бою, 2-я изъ 13 фрегатовъ или пароходовъ, 3-я изъ 8-ти, а 4-я изъ 6-ти судовъ, за которыми должны слѣдовать транспортныя суда турецкой эскадры. Въ соединенныхъ флотахъ 32 линейныхъ корабля: 15 французскихъ, 10 англійскихъ и 7 турецкихъ».—По извѣстіямъ, полученнымъ въ Вѣнѣ, два транспортныя судна черноморской экспедиціи разбились передъ устьями Дуная, а при Варнѣ двѣ французскія канонирскія лодки опрокинуты турецкимъ пароходомъ. Авангардъ экспедиціонной арміи состоитъ изъ дивизіи *Канробера* и англійской бригады *Броуна* (2).

Корреспондентъ Аугсбурской газеты отъ 3-го сентября

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 206.

(2) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. №№ 206 и 207.

сообщаетъ, что, по извѣстіямъ съ Востока, между генералами *Боске*, *Аллонвилемъ* и маршаломъ *Сентъ-Арно* произошли важные несогласія, и послѣдній грозилъ отправить ихъ подъ арестомъ во Францію. Маршалъ сильно упрекалъ обоихъ генераловъ за неповиновеніе, обнаружившееся между ихъ войсками, а генералы объяснили тому причины, говоря, что отъ нихъ требовали невозможнаго и безъ малѣйшей надобности жертвовали тысячьми людей. Извѣстно, что генералъ Боске одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ французской арміи. Впрочемъ, не одни восточныя войска дурно расположены къ маршалу: во всей арміи не иначе зовутъ его какъ Флоривалемъ: подъ этимъ именемъ былъ онъ нѣкогда актеромъ (1).

Марсель, 5-го сентября 1854 г. Пароходъ «Синай» пришелъ изъ Константинополя съ письмами отъ 25-го августа. Осадная артиллерія, отправленная изъ Франціи, прибыла туда. Всѣ турецкія военныя суда, находившіяся на азіятскомъ берегу Чернаго моря, вызваны оттуда, и получили приказаніе прибыть въ Варну. Сдѣланы всѣ приготовленія, чтобъ экспедиція могла выйдти 1-го сентября. Герцогъ *Кембриджскій* все еще боленъ лихорадкою. Русскіе захватили одинъ валахскій корабль и увели его въ Севастополь. Они возвратили въ Константинополь трехъ шхиперовъ, взятыхъ недавно съ караблями ихъ близъ Геракліи русскими пароходами, вышедшими изъ Севастополя (2).

Изъ Константинополя отправляютъ въ Черное море много войскъ. Изъ Галлиполи почти ежедневно прибываютъ французскія войска, которыя посылаются въ Варну. 9-го сентября отправлена въ Бальчикъ турецкая кавалерія на двухъ большихъ пароходахъ. На дняхъ прибыли въ Константинополь 1,000 башн-бузуковъ изъ анатолійской арміи; у нихъ немедленно купили оружіе, а самихъ отправили на небольшихъ береговыхъ судахъ въ Скутари, откуда они разойдутся по домамъ (3).

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 200. Сравн. съ корреспонд. помѣщенною на стр. 219 настоящаго Сборника.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 196.

(3) „С.-Петербургскія Вѣдомости„ 1854 г. № 210.

Заимствуемъ изъ парижскихъ писемъ въ «Аугсбургской Газетѣ» нѣкоторыя подробности: «*Отъ 9-го сентября.* Сообщаемъ слухи, распространившіяся о послѣднемъ военномъ совѣтѣ, бывшемъ до отправленія крымской экспедиціи. Маршалъ *Сентъ-Арно* и лордъ *Раланъ* одни подали голосъ въ пользу этого предпріятія безусловно; адмиралъ *Гамеленъ* рѣшительно былъ противъ онаго. Адмиралъ *Дондасъ*, принцъ *Наполеонъ* и герцогъ *Кембриджскій* представили важныя возраженія, но кончили тѣмъ, что согласились съ мнѣніемъ главнокомандующихъ сухопутными войсками. Увѣряютъ, что адмиралъ *Гамеленъ* внесъ свой протестъ въ протоколъ, и уклонился отъ всякой отвѣтственности касательно результата экспедиціи; до такой степени убѣжденъ онъ въ невозможности успѣха (1)».

Изъ Варны пишутъ, отъ 10-го сентября 1854 г., что наканунѣ прибылъ туда французскій пароходъ съ нѣсколькими высшими офицерами и двадцатью сестрами милосердія, для хожденія за больными въ госпиталяхъ. Это судно будетъ ожидать скораго прибытія парохода «Nyl», также съ сестрами милосердія, а затѣмъ присоединится къ армадѣ (2).

Рѣшеніе французскаго правительства воротить экспедиціонный корпусъ и Балтійскую эскадру на зимовку въ Брестскую и Шербургскую гавани, не подавало до сихъ поръ повода ни къ какимъ замѣчаніямъ, со стороны полуофиціальныхъ англійскихъ газетъ. Молчаніе ихъ достаточно доказываетъ сожалѣніе, что онѣ обманулись въ надеждахъ своихъ на рѣшительнѣйшее содѣйствіе въ эту кампанію со стороны высадныхъ войскъ маршала *Барагэ-д'Илье*. Эта ошибка въ разсчетѣ, уничтожая преждевременное ожиданіе успѣховъ англо-французской экспедиціи въ Балтійскомъ морѣ, будетъ весьма важнымъ затрудненіемъ для англійскаго кабинета въ будущемъ засѣданіи парламента, когда прійдется представить ему сравненіе успѣховъ, которыхъ ожидали, съ тѣми, которыхъ не было. Чтобъ возна-

(1) "Сѣверная Пчела" 1854 г. № 206.

(2) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1854 г. № 210.

градить это, удвоили усилія на Черномъ морѣ. Всѣ взоры обращены на экспедицію противъ Крыма. Въ дневномъ приказѣ, обнародованномъ маршаломъ *Сентъ-Арно*, окончательно объявлено, что цѣлію этого предпріятія будетъ Севастополь. Англійскія газеты не могутъ отказаться отъ удовольствія выставить съ нѣкоторою насмѣшкою противорѣчіе между высокопарными словами французскаго главнокомандующаго и скромнымъ лаконизмомъ распоряженій лорда *Раглана*. Послѣдній удовольствовался приказаніемъ генералъ-интенданту о приготовленіи для англійскихъ войскъ, на нѣсколько дней, *добавочныхъ рацiоновъ*, которые они должны нести на себѣ. По мнѣнію лондонскихъ газетъ, эта мѣра полезнѣе краснорѣчія маршала *Сентъ-Арно*. Въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ въ Варнѣ, наканунѣ экспедиціи, замѣтили имя генерала сэра *Джона Бургоина*. По увѣренію англійскаго корреспондента, этотъ генералъ былъ другаго мнѣнія при избраніи мѣста для произведенія высадки. Если лордъ *Раланъ*, котораго здоровье, кажется, пострадало, не въ состояніи будетъ принять начальства, то по старшинству въ главѣ англійскаго экспедиціоннаго корпуса будетъ сэръ *Джонъ Бургоинъ*. Заслуги этого генерала извѣстны. Герцогъ *Веллингтонъ* особенно уважалъ его. Къ нему благородный герцогъ адресовалъ знаменитое письмо, о недостаточности оборонительныхъ средствъ Англіи, въ 1848 году. Сэръ *Джонъ Бургоинъ* пріобрѣлъ большую извѣстность какъ инженерный офицеръ, но никогда не исправлялъ должности главнокомандующаго. Состояніе здоровья арміи поправилось, но холера еще не прекратилась. Эта эпидемія послѣдуетъ за экспедиціею и на эскадрахъ. Къ числу мечтаній, которыхъ тщету общественное мнѣніе въ Англіи начинаетъ понимать, должно причислить и предпринятую союзниками реформу иррегулярныхъ баши-бузуковъ. Полковникъ *Бетсонъ*, которому поручено было приучить ихъ къ дисциплинѣ, уже отказался отъ этого неблагодарнаго дѣла. Толпа, изъ которой онъ хотѣлъ составить полки, разбѣжалась, унесши съ собою оружіе, которымъ была снабжена на счетъ Англіи. Эта неудачная попытка возбуждаетъ сильное негодованіе варнскаго корреспондента.

Онъ называетъ баши-бузуковъ разбойниками и трусами. Полковникъ *Бестонъ* разсудилъ, что сформированіе невозможно, и потому оставилъ оное безъ исполненія. Генералъ *Юссуфъ*, имѣвшій тоже порученіе со стороны французскаго правительства, кажется не былъ счастливѣе. И такъ это предпріятіе должно считать въ числѣ ошибокъ въ разсчетѣ.

Не приписывая свѣдѣніямъ этого англійскаго корреспондента большой важности, не можемъ однако не видѣть въ нихъ нѣкотораго характера правдивости: въ нихъ не стараются скрыть событій, еслибъ они являлись въ неблагопріятномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи извѣстія корреспондента довольно любопытны. Вотъ, по словамъ его, цифры разныхъ корпусовъ экспедиціонной арміи, назначенныхъ для нападенія на Крымъ: французскій корпусъ 30,000 человѣкъ, турецкій корпусъ 20,000 человѣкъ, англійскій корпусъ 25,000 человѣкъ.

Съѣстныхъ припасовъ заготовлено на сорокъ дней. Кажется, что потери, понесенныя въ варшскомъ пожарѣ, произвели нѣкоторыя затрудненія въ продовольствіи войскъ. Хотя и старались скрыть обширность этихъ потерь, но онѣ должны быть значительны.

Кавалерія англійскаго экспедиціоннаго корпуса слабѣе всего. Она потеряла большое число лошадей отъ болѣзней и отъ недостатка фуража. И холера содѣйствовала къ уменьшенію рядовъ англійской кавалеріи. У лорда *Кардигана* изъ 850 челов. выбыло изъ фронта 180 челов. Чтобы уменьшить по возможности затрудненія морской переправы, лордъ *Рагланъ* убавилъ обозы до самой необходимой степени. Въ слѣдствіе сей мѣры останутся на мѣстѣ до 4,000 лошадей. Отъ этого экспедиціонный корпусъ, при высадкѣ своей, будетъ, вѣроятно, нуждаться въ средствахъ къ перевозкѣ (1).

Увѣряютъ, что французскій адмиралъ *Гамеленъ* отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность по экспедиціи въ Крымъ, и что герцогъ *Кембриджскій* и принцъ *Наполеонъ* возставали противъ сего предпріятія, а какъ англійскія и

(1) «Сѣв. Пчела» 1854 г. № 202.

французскія войска весьма пострадали отъ болѣзней, то и опасаются, что во время переѣзда обнаружится на кораблях морская болѣзнь въ сильной степени (1).

Англійскіе корресподенты довольно-скептически выражаются на счетъ цѣли и дѣйствительности экспедиціи. Корреспондентъ газеты «Herald» пишетъ, что безпрестанно говорятъ о разныхъ другихъ планахъ, и что экспедиція отправится не скоро. Константинопольскій корреспондентъ газеты «Chronicle» оплакиваетъ позднее время года, до котораго отложили предпріятіе, замѣчаетъ, что все будетъ зависѣть отъ погоды, и рисуетъ ужасающую картину тумановъ и бурь Чернаго моря. Газетѣ «Times» пишутъ изъ Варны, что нѣкоторые люди не шутя говорятъ, что имъ вовсе не покажется удивительнымъ, если вся экспедиція противъ Севастополя будетъ отложена въ слѣдствіе нѣкоторыхъ неосторожныхъ статей лондонскихъ газетъ. Греки внѣ себя отъ приготовленій къ экспедиціи Почли нужнымъ удвоить караулы вокругъ пороховыхъ магазиновъ и поставить часовыхъ на малыхъ разстояніяхъ одного отъ другаго. Два человѣка, которые хотѣли прокрасться черезъ эту цѣпь, умерщвлены зуавами. Попытки зажигательства однако не прекращаются. Въ воскресенье ночью дважды пытались зажечь квартиру *Сентъ-Арно*. Покушенія противъ жизни англійскихъ и французскихъ офицеровъ также повторяются. По словамъ константинопольскаго корреспондента газеты «Daily-News», рѣшеніе выйдти въ море 2-го сентября противъ Севастополя принято не безъ сопротивленія. — Множество высшихъ офицеровъ, какъ изъ французскаго, такъ и изъ англійскаго лагеря, въ томъ числѣ принцъ *Наполеонъ*, герцогъ *Кембриджскій* и генералъ *Бургоинъ* объявили предпріятіе «необдуманнымъ, дерзкимъ и неисполнимымъ». Въ числѣ 28,000 французовъ, отправляемыхъ въ Крымъ, находится 3,000 канонировъ. Вся главная квартира сопровождаетъ экспедицію, только казна остается въ Варнѣ (2).

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 202.

(2) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 200. Тоже „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 203.

Кавалерія должна была отправиться со вторымъ транспортомъ изъ Бургаса десять дней спустя (1).

Отплытіе союзныхъ флотовъ къ берегамъ Крыма.

Въ Вѣнскихъ газетахъ обнародованы слѣдующія телеграфическія депеши: 1) «*Варна 6-го сентября (25-го августа)*. Всѣ египетскія и турецкія суда вышли въ море. Большіе французскіе корабли взяты на буксиръ съ ранняго утра; буксирующія суда будутъ къ вечеру въ открытомъ морѣ; завтра начинается буксированіе англійскихъ судовъ». 2) «*Коварна 6-го сентября (25-го августа)*. Находящіяся здѣсь суда меньшаго размѣра получили приказаніе выйти въ море и присоединиться къ дивизіи флота, собирающейся при Бальчикѣ». 3) «*Бальчикъ. 7-го сентября (26-го августа)*. Сегодня, въ 6 часовъ утра, отдано приказаніе вступить подъ паруса. Когда, въ 11 часовъ, австрійскій пароходъ *Кустоца* отправился отъ Бальчика къ Константинополю, въ открытомъ морѣ уже находилось 20 судовъ. Ожидаютъ, что и остальныя суда, стоящія при Балчикѣ, немедленно вступятъ подъ паруса. Буря на морѣ прекратилась».—Въ письмѣ изъ Варны, отъ 4-го сентября (23-го августа), сообщаютъ слѣдующее: «Кромѣ 40,000 туровъ (корзинъ для возведенія окоповъ), на суда нагружаются еще мѣшки съ пескомъ и шерстью, которые будутъ употреблены при возведеніи батарей. 1.000 человѣкъ болгарскихъ крестьянъ взяты для работъ въ укрѣпленіяхъ. Маршалъ *де-Сентъ-Арно* находится на кораблѣ *городъ Парижъ*, взятомъ на буксиръ *Наполеономъ*. Суда, перевозящія высадныя войска, возвратятся, по произведеніи высадки, въ Варну, чтобъ взять опять съ собою египетскія, турецкія, французскія и англійскія запасныя войска и резервы, которые, между тѣмъ, будутъ сосредоточены тамъ. Изъ Франціи и Англіи постоянно приходятъ сюда парусныя

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 203.

суда и винтовые пароходы.—Змѣиный островъ, гдѣ англійскій флотъ долженъ присоединиться къ французскому и турецкому, лежитъ насупротивъ устій Дуная, на половинѣ пути изъ Варны въ Одессу, и находится въ такомъ же разстояніи отъ Одессы, какъ и отъ береговъ Крыма. Выборъ этого мѣста для соединенія флотовъ заставляетъ многихъ предполагать, что, не смотря на прокламацію маршала *де-Сентъ-Арно*, Севастополь не есть первая и непосредственная цѣль экспедиціи (¹).

По извѣстіямъ, полученнымъ въ Вѣнѣ черезъ Галацъ, соединенные флоты находились 9-го сентября (28-го августа) близъ устій Дуная, у Иланъ-Адасси (Змѣинаго острова), и готовились на слѣдующій день отправиться оттуда къ берегамъ Крыма. Суда, на которыхъ нѣтъ высадныхъ войскъ, отправляются къ Севастополю, чтобы блокировать тамошнюю гавань, между тѣмъ какъ суда съ высадными войсками попытаются произвести высадку на берегъ крымскаго полуострова, къ сѣверу отъ Севастополя. Небольшіе пароходы будутъ разставлены между Змѣинымъ островомъ и крымскимъ берегомъ и образуютъ собою какъ бы длинный подвижной мостъ. Малыя транспортныя суда, нагруженныя запасами, не столь необходимыми, останутся при Змѣиномъ островѣ до произведенія высадки. Погода продолжала быть благопріятною.—Извѣстія изъ Варны доходятъ до 9-го сентября (28-го августа). Тамошняя гавань опустѣла. Больные офицеры и нижніе чины англо-французской арміи отправлены въ Константинополь. Суда, отправившіяся къ берегамъ Крыма съ высадными войсками, должны возвратиться въ Варну къ 18-му (6-му) или 20-му (8-му) сентября, чтобъ взять оттуда свѣжія войска, которыя, 8-го сентября (27-го августа), начали подвигаться туда изъ Константинополя, Шумлы и Адріанополя большими отрядами. 9-го сентября (28-го августа) прибылъ въ Варну англійскій бригъ «Конкордія», съ восемью мортир-

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 204.

ными батареями. Онъ въ тотъ же день отправился къ Змѣиному острову (1).

День отправленія крымской экспедиціи все еще измѣняется. Въ «Oesterreichische Correspondenz» сообщаютъ слѣдующее: 5-го сентября, французскій флотъ вышелъ изъ Варны, а 7-го англійскій изъ Балчика, оба съ десантнымъ войскомъ и при благопріятной погодѣ. Телеграфическою депешею изъ Варны тоже увѣдомляютъ о выступленіи большой армады (англійскихъ, французскихъ, египетскихъ и турецкихъ кораблей съ транспортными судами), но называютъ числа 6-го, 7-го и 8-го сентября. Въ этой же депешѣ исчисляютъ силу соединеннаго флота во сто пароходовъ, пятьдесятъ линейныхъ кораблей и триста судовъ меньшей величины. Наконецъ числа 6-го и 8-го сентября подтверждаются другою депешею изъ Варны, отъ 8-го числа, полученною въ Вѣнѣ чрезъ Бѣлградъ.

Въ «Presse» напечатаны телеграфическія извѣстія изъ Константинополя, до 7-го сентября. По письмамъ изъ Варны и Балчика, высадка англо-французской экспедиціи въ Крымъ должна была совершиться 7-го. Доказательствомъ готовности къ отчаянному бою служитъ, по видимому, учрежденіе въ Константинополѣ госпиталей на 15.000 человѣкъ (2)....

Въ «Times» напечатано длинное письмо варнскаго корреспондента, отъ 4-го сентября, отправленное въ минуту выхода эскадры. Въ немъ сообщаютъ самыя мелкія подробности объ отправленіи англійскихъ войскъ въ крымскую экспедицію. Мы заняли въ немъ слѣдующія мѣста:

Бомбей, великолѣпный корабль, ходящій въ Индію, въ 1.300 тонн., будетъ употребленъ на учрежденіе госпиталя. На немъ теперь четыреста больныхъ.

«Вообще можно допустить, что физически и морально каждая дивизія арміи уменьшена почти на одинъ полкъ.

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 205.

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 205. Окончаніе извѣстій относится до взаимныхъ отношеній Персіи и Турціи.

и что прибытіе дивизіи сэра Дж. *Каткарта* возвратило арміи немного болѣе первоначальной числительной ея силы. Съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что болѣзни на флотѣ ни въ Варнѣ, ни въ Балчикѣ не прекратились. Въ пятницу обѣдалъ я съ капитаномъ 8-го ирландскаго гусарскаго полка *Лонморомъ*: на другой день, въ субботу, онъ заболѣлъ холерою, а въ воскресенье поутру умеръ. Полковникъ *Бейль* умеръ вчера отъ лихорадки, а поручикъ 11-го гусарскаго полка *Сальтмарша*—отъ холеры. Трое больныхъ холерою высажены были вчера съ корабля «Эмпероръ». Корабли, стоящіе въ Балчикѣ, не избавились еще отъ эпидеміи.

Въ пятницу, 1-го сентября, турецкій пароходъ, употребляемый для буксированія судовъ съ войсками отъ пристани до транспортовъ, набѣжалъ на судно съ сорока зуавами, и потопилъ его. Эти несчастные, бывшіе въ полномъ вооруженіи и съ ранцами на спинѣ, пошли ко дну какъ камни. Только десятеро изъ нихъ, успѣвъ ухватиться за бортъ судна, могли быть спасены. Это происшествіе произвело большой упадокъ духа между зуавами, которые едва начинали оправляться послѣ потерь, понесенныхъ ими въ Добруджѣ.

«На переходѣ изъ Аладина въ Варну, 19-й полкъ второй легкой бригады потерялъ маіора *Макау*, который въ нѣсколько часовъ умеръ отъ холеры.

«Едва гвардія помѣстилась на кораблѣ «Симунъ», какъ уже въ рядахъ ея обнаружились случаи холеры, а какъ это судно потеряло уже нѣсколько матросовъ и бывшаго своего капитана, то и почли благоразумнѣе размѣстить гвардію по другимъ кораблямъ (1).

Въ газетѣ «Chronicle» напечатано письмо одного англійскаго офицера отъ 4-го сентября съ транспортнаго судна изъ варнскаго залива.—«Въ среду, въ 5 часовъ по полудни, мы оставили нашъ лагерь и въ 9 часовъ всѣ уже находились на судахъ. Нашъ генералъ со всѣмъ штабомъ переѣхалъ вмѣстѣ съ нами. Нагрузка на суда продолжа-

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 209.

лась болѣе недѣли. Кромѣ соединенныхъ флотовъ, паровой наемный флотъ наполненъ войсками и припасами. На «Himalaya», «Silma», «Jason» и «Victoria» болѣе чѣмъ по полку драгунъ. На каждомъ большомъ пароходѣ посажено человѣкъ по 800, другія же суда наполнены всевозможными припасами. Въ послѣдніе десять дней Варнская гавань представляла необыкновенно-оживленное зрѣлище. Въ одномъ мѣстѣ тянулась артиллерія по направленію къ кораблямъ; въ другомъ небольшой дунайскій пароходъ, биткомъ набитый пѣхотой, едва двигался къ какому нибудь транспортному суду. Такимъ образомъ нагружались одинъ корабль за другимъ. Турецкій флотъ вышелъ вчера въ Балчикъ съ 12,000 человѣкъ. Французы также спѣшатъ туда и въ понедѣльникъ всѣ тамъ соберутся. Купеческія суда, употребленныя для перевозки, величиною отъ 700 до 1.000 тонъ. Транспортное судно, на которомъ мы находимся, имѣетъ 1.400 тонъ. Мы помѣщены очень тѣсно; погода дурная. Намъ позволено взять съ собою только по одной лошади, другихъ мы принуждены были оставить въ Варнѣ. Драгуны съ нами не отправляются. Сегодня лордъ *Раглань* переходитъ на корабль. Съ сожалѣніемъ я долженъ сказать, что, ко всеобщему удивленію, наши французскіе союзники могутъ снарядить только 23,000 человѣкъ. Черное море не содержалось въ строгой блокадѣ, и *Дондасомъ* съ его флотомъ вообще не довольны. Адмиралъ *Лайонсъ* распоряжается посадкою войскъ на суда. Все готово къ отплытію въ Крымъ (1).

Самая экспедиція, предпринимаемая теперь къ берегамъ Крыма, есть какъ-бы нѣчто необходимое, и это доказывается уже безнадежностью, съ какою приступаетъ къ ней экспедиціонная армія. Гдѣ бы вы ни встрѣтили французовъ и англичанъ, принадлежатъ-ли они флоту, сухопутной арміи или гражданскому управленію, вездѣ только и слышите отъ нихъ, что предпріятіе это безумное и отчаянное.... Маршалъ *де-Сентъ-Арно*, въ своей прокламаціи, тоже ясно указываетъ на глубокое уныніе, въ которое по-

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 209.

гружена армія понесенными потерями, и старается подавить воспоминаніе о пережитыхъ ужасахъ надеждою на отчаянное предпріятіе. Общая безнадежность выражается и въ замѣчательныхъ словахъ прокламаціи: «Генералы, частные начальники и офицеры! вы *раздѣлите* надежду, которою исполнена душа моя, и постараетесь сообщить эту надежду солдатамъ». Маршалъ былъ принужденъ также поддержать мужество французскихъ войскъ, не нуждавшееся прежде въ подобныхъ средствахъ, слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Вы приведете это предпріятіе въ дѣйствіе съ помощію самыхъ страшныхъ военныхъ снарядовъ, какіе когда-либо видалъ міръ». Завоеваніе Севастополя маршалъ представляетъ «ручательствомъ за возвращеніе войскъ подъ родной кровъ» — странное средство ободренія для войскъ, не сдѣлавшихъ въ продолженіе цѣлаго похода ни одного выстрѣла»!—Одинъ изъ французскихъ офицеровъ, въ письмѣ изъ Константинополя къ своему родственнику, отъ 12-го (24-го августа), между прочимъ, говоритъ: «Любезный Ке....! Ты помнишь, съ какимъ восторгомъ, прощаясь съ тобою и своими, говорилъ я объ экспедиціи на Востокъ, въ которой долженъ былъ участвовать. Въ воображеніи моемъ носился тогда образъ египетской арміи, и я, подобно моимъ товарищамъ, надѣялся нести знамена побѣдителя при Аркольѣ изъ города въ городъ, въ быстромъ побѣдномъ шествіи. Мы мечтали о второй битвѣ при пирамидахъ или при горѣ Ѳаворѣ. Какъ жестоко обманулся я! Какіе ужасные часы я долженъ былъ прожить въ Варнѣ между больными лихорадкою и холерою! Я глубоко потрясенъ этимъ какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ. Еслибъ я остался въ Варнѣ, меня навѣрное уже не было бы; но, къ счастію, меня откомандировали, со многими изъ моихъ товарищей, въ Константинополь.... Здѣсь господствуетъ общее неудовольствіе: флотъ и армія одинаково ропщутъ. Штабъ и оберъ-офицеры, солдаты и матросы, французы и англичане, всѣ недовольны, и никто не скрываетъ этого. Я слыхалъ, какъ самъ принцъ *Наполеонъ* выражалъ это неудовольствіе громко и въ жесткихъ словахъ. Онъ дѣлалъ все что могъ, чтобъ возвратиться во

Францію, и остается на Востокѣ только въ слѣдствіе строгихъ приказаній (¹)...

Высадка англо-французовъ въ Крымъ.

Въ письмахъ изъ Константинополя, до 18-го сентября, все еще говорятъ о высадкѣ союзниковъ. Кажется, что отправясь изъ Варны и даже подойдя къ Крыму, генералы не имѣли еще никакого готоваго плана, и сами не знали гдѣ слѣдуетъ произвести высадку. Высадка въ Балаклавѣ признаваема была невозможною, потому что узкою гаванью, въ которой войска должны были высаживаться, командуютъ высокіе берега. Посему должно было отказаться отъ первоначальнаго проэкта утвердиться на юго-востокѣ сего города, и рѣшились выйти на западномъ берегу. Опытнѣйшіе офицеры единогласно совѣтовали произвести атаку съ сѣверной стороны; оставалось опредѣлить мѣсто высадки. Это было извѣстно еще такъ мало, что лордъ *Рагланъ*, сэръ Дж. *Броунъ*, г. *Канроберъ*, серъ Дж. *Бургоинъ* рѣшились, 10-го сентября, произвести рекогносцировку береговъ на *Карадокѣ*, въ то время, какъ 700 вымпеловъ было уже въ морѣ и достигали своего назначенія. Эвпаторія была неудобна по слишкомъ большому отдаленію. Армія должна была идти до линіи русскихъ укрѣпленій два дня безъ воды.—Устье Качи представляло опасности, потому что корабли не могли подойти къ берегу. — Пренія были весьма жаркія. Генералъ *Канроберъ* предложилъ произвести высадку, если даже нужно, открытою силою, какъ можно ближе къ Севастополю, и говорилъ, въ пользу своего плана, что понесенныя въ семъ случаѣ потери будутъ во всякомъ случаѣ менѣе тѣхъ, которыя союзники потерпятъ нападеніемъ на линіи Алмы, Качи и Бельбека. Однакоже разсудили, что благоразумнѣе будетъ, особливо послѣ испытаній, предстоявшихъ арміи, не подвергаться въ самомъ началѣ кампаніи неуспѣху, который подѣй-

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 203.

ствовалъ бы на нравственность войскъ, и посему рѣшились, наконецъ, предпочесть мѣсто близъ стараго укрѣпленія. Таково было мнѣніе сэра Дж. *Брауна*, который съ *Лайонсомъ* почитается душею экспедиціи. Эти два генерала управляли всѣми дѣйствіями. Маршалъ *Сентъ-Арно* былъ при отправленіи очень боленъ, и во весь переѣздъ опасались за жизнь его. Главнокомандующимъ будетъ въ этомъ случаѣ лордъ *Раглань*, пользующійся большимъ уваженіемъ между французами. Изъ Константинополя подходятъ подкрѣпленія для пополненія убылыхъ мѣстъ во французской арміи, которая отъ болѣзней потеряла, какъ говорятъ, до двѣнадцати тысячъ человѣкъ (1).

Изъ немногихъ извѣстій о высадкѣ англо-французско-турецкихъ войскъ на берегъ Крыма заимствуемъ слѣдующее: «8-го сентября (27-го августа), по прибытіи армады къ Змѣиному острову, настала неблагопріятная погода, которая и задержала тамъ флоты нѣсколько дней. 12-го сентября (31-го августа), въ полдень, когда подулъ попутный вѣтеръ, отдано приказаніе идти къ Эвпаторіи. Французскій егерскій и англійскій стрѣлковый баталіоны высажены на берегъ первые; за ними послѣдовали зуавы и турецкіе баталіоны. Войска, число которыхъ съ артиллеріею простиралось тысячъ до шестидесяти, перевезены на берегъ частію на небольшихъ пароходахъ» (2).

Лондонъ, 30-го сентября 1854 года. Въ послѣднемъ нумерѣ «Times» напечатано большое число писемъ корреспондента сей газеты въ крымской экспедиціонной арміи, отъ 14-го, 15-го, 16-го, 17-го и 18-го сентября, съ весьма обстоятельными подробностями о высадкѣ союзной экспедиціонной арміи. По недостатку мѣста и, сверхъ того, по мелочности и незанимательности большей части содержащихся въ нихъ извѣстій, не можемъ сообщить ни перевода, ни даже разбора этой огромной корреспонденціи, занимающей въ «Times» не менѣе шести огромныхъ столбцовъ, и

---

(1) Окончаніе извѣстія относится до сраженія на рѣкѣ Альмѣ, и потому помѣщено въ своемъ мѣстѣ. *Ред.*

(2) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 209.

должны ограничиться заимствованіемъ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ подробностей.

«По приближеніи, 13-го сентября, къ Эвпаторіи, весь флотъ, покрывавшій пространство вдоль береговъ на девять миль (около 14-ти верстъ), такъ что послѣдніе корабли находились за линіею видимаго горизонта, двинулся къ назначенному для высадки мѣсту, называемому *Старымъ Укрѣпленіемъ* и находящемуся близъ небольшаго озера (вѣроятно озеро Сакъ). Высадку начали производить французскія войска на южной оконечности плоской возвышенности, начинавшейся въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста высадки англичанъ; здѣсь отвѣсные берега вдоль моря простираются на двѣ мили. До высадки всѣ могли видѣть на флотѣ, что въ тысячѣ ста ярдахъ отъ кораблей разъѣзжалъ верхомъ русскій офицеръ съ тремя казаками по окраинѣ берега. Онъ ѣхалъ медленно, считая, вѣроятно, число кораблей и расположеніе оныхъ, и записывая свои замѣчанія съ величайшимъ спокойствіемъ. Этотъ офицеръ оставался въ продолженіе часа подъ выстрѣлами изъ карабиновъ, и спокойно срисовывалъ видъ флота, когда пароходъ «Гингфлейеръ» присталъ къ берегу. При удаленіи своемъ, казаки едва не захватили въ плѣнъ генерала сэра Дж. *Броуна*, который вышелъ впередъ пѣшкомъ съ генералъ-квартирмейстеромъ для нѣкоторыхъ распоряженій, и спасся только ружейнымъ огнемъ нѣсколькихъ фузелеровъ, которые послѣдовали за нимъ издали, а какъ на морѣ было довольно сильное волненіе, то кажется, что высадка англійскихъ войскъ не могла быть произведена съ тою правильностью, какъ предполагали, и потому большая часть офицеровъ были безъ лошадей, когда войско двинулось впередъ для занятія бивуаковъ; врачи не имѣли медикаментовъ, и нѣсколько солдатъ умерло на берегу, по неимѣнію помощи.

«Первый день и первая ночь были самые тягостные для англійскихъ войскъ; палатки ихъ не были еще свезены на берегъ. Въ первомъ часу по полудни пошелъ дождь, и во всю ночь продолжался ливмя. Вы можете вообразить себѣ, говоритъ корреспондентъ, положеніе всѣхъ этихъ

старыхъ генераловъ, молодыхъ лордовъ и джентельменовъ, подвергавшихся ежечасно сильной и ужасной бурѣ, не имѣя другой постели кромѣ грязи, и подъ одѣялами, промоченными водою, а также до двадцати тысячъ бѣдняковъ, которые не могли найти уголка сухой земли, и должны были спать, или пытаться заснуть, въ болотахъ, или въ небольшихъ ручейкахъ, безъ огня для отогрѣванія, безъ теплаго грога и съ надеждою, что нечѣмъ будетъ позавтракать. Прибавьте къ этому, что чистое бѣлье, взятое съ собою, было все промочено, и вѣсомъ своимъ оттягивало карманы людей, и вы можете вообразить, до какой степени было трудно пріучиться къ здѣшнему климату.

«Высадка кавалеріи и артиллеріи происходила 15-го сентября, но не безъ непріятностей. Нѣсколько дорогихъ лошадей потонули. Прочія высаженныя лошади похудѣли и занемогли отъ двухъ-недѣльнаго пребыванія на корабляхъ, гдѣ имъ было очень тѣсно. Число высаженной 15-го числа кавалеріи, говоритъ авторъ письма, съ командиромъ своимъ генералъ-лейтенантомъ, съ командующимъ подъ нимъ генералъ-маіоромъ, многочисленными дивизіонными и бригадными штабами, генералъ-квартирмейстерами и генералъ-адъютантами, старшими врачами, адъютантами, бригадными маіорами и офицерами коммиссаріата, простирается не свыше тысячи человѣкъ.

«Отъ недостатка палатокъ, съ 15-го числа оказалось между англійскими войсками множество больныхъ и обнаружилось нѣсколько случаевъ холеры. Одинъ офицеръ 23-го полка умеръ отъ нея въ нѣсколько часовъ. Недостатокъ прѣсной воды былъ также очень чувствителенъ. Лошади были тридцать часовъ безъ пойла.

«Кажется, что на флотѣ было также много больныхъ, потому что дано было приказаніе всѣмъ кораблямъ отправить своихъ больныхъ на пароходъ «Кенгуру», который долженъ былъ отвезти ихъ въ Константинополь. На него свезено было вскорѣ полторы тысячи человѣкъ, и ему нельзя было идти, не сдавъ нѣкотораго числа больныхъ на другіе корабли, тоже идущіе въ Константинополь, ибо на «Кенгуру» сдѣлалась такая тѣснота, что нельзя было править

кораблемъ. На сухомъ пути корреспондентъ тоже видѣлъ людей, умирающихъ на берегу или на походѣ, безъ всякой медицинской помощи, по недостатку врачей.

«Далѣе разсказываетъ онъ о грабежахъ, произведенныхъ французскими войсками. Въ одной деревнѣ, опустошенной въ ночи 16-го числа ихъ мародерами, совершены были такіе звѣрскіе и насильственные поступки, что корреспондентъ не рѣшается описывать ихъ подробности, «потому что, говоритъ онъ, они слишкомъ оскорбительны для человѣчества». Потомъ описываетъ второй набѣгъ, произведенный французскими спагами, въ вечеру 16-го числа, и прибавляетъ, что подобныя экспедиціи болѣе вредятъ арміи, нежели приносятъ ей пользы.

«18-го сентября корреспондентъ говоритъ, что армія, вѣроятно, не сдѣлаетъ никакого движенія прежде одного или двухъ дней, хотя она чрезвычайно терпитъ отъ недостатка въ водѣ, которую надо добывать въ четырехъ миляхъ оттуда, а пить ея нельзя, да и той мало. Въ этотъ день и наканунѣ, говоритъ онъ, было въ лагерѣ болѣе вина, нежели воды» (1).

Вотъ еще нѣкоторыя подробности о высадкѣ въ Крыму англо-французскихъ войскъ, сообщенныя корреспондентомъ «Times»: «Французы первые вышли на берегъ въ Крыму. Французскій адмиралъ далъ сигналъ къ высадкѣ, пушечнымъ выстрѣломъ, въ девятомъ часу утра. Въ двадцать двѣ минуты, по словамъ французовъ, они высадили 6,000 человѣкъ войска. Надобно прибавить, что почти весь французскій отрядъ находился на своихъ линейныхъ кораблях, и заразъ былъ свезенъ съ палубъ на гребныхъ судахъ этихъ кораблей. На линейномъ кораблѣ *Монтебелло* находилось, сверхъ экипажа, болѣе 1.400 солдатъ. На кораблѣ *Вальми* находилось всего 3.000. Въ такой же соразмѣрности были посажены войска и на корабли *Городъ Парижъ* и *Генрихъ Четвертый*. Всѣ французскіе линейные корабли и пароходы имѣли полный комплектъ дес-

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 218. Тоже „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 216.

сантныхъ войскъ. Это произошло по той причинѣ, что французскіе небольшіе бриги и шкуны оказались неудобными и небезопасными для войскъ, и на нихъ лучше было перевозить запасы и лошадей, а не людей. На французскихъ линейныхъ корабляхъ посажено было болѣе двадцати тысячъ человѣкъ войска. Вообще же весь французскій десантъ состоитъ изъ 23.600 человѣкъ. Нашъ (англійскій) экспедиціонный корпусъ простирается до 27.000 человѣкъ, посаженныхъ на большое число транспортовъ, покрывавшихъ море на значительномъ протяженіи. За то наши войска были перевезены со всѣми удобствами и не подвергались опасностямъ, и хотя болѣзни сильно свирѣпствовали на транспортахъ, однако, въ сравненіи съ смертностью между тѣсно-набитыми на кораблях французами, эти болѣзни ничего не значили. По мѣрѣ высадки французскихъ полковъ, отъ нихъ высылались впередъ застрѣльщики для рекогносцировокъ. Чрезъ часъ по высадкѣ перваго отряда, около 9.000 французскихъ войскъ находились уже на материкѣ, и ихъ передовые посты, въ пяти и шести верстахъ отъ берега, казались намъ, съ кораблей, маленькими черными крапинками.

«Высадка англичанъ была росписана по программѣ, равно какъ и движеніе флота къ самому мѣсту высадки, но какъ то, такъ и другое плохо исполнялось. Корреспондентъ пишетъ, что главнымъ нарушителемъ диспозиціи движенія флота былъ самъ адмиралъ, который, вмѣсто того чтобъ стать на назначенное его кораблю мѣсто въ самомъ центрѣ его эскадры, бросилъ якорь въ четырехъ миляхъ (шести верстахъ) отъ берега. Такъ же точно и англійскія гребныя суда отправились съ войсками къ берегу не въ порядкѣ, предписанномъ диспозиціею, а нестройными группами. Рота 7-го фузилернаго полка (изъ дивизіи легкой пѣхоты) первая высадилась на берегъ. Легкая пѣхотная дивизія была быстро свезена на берегъ и высажена, за исключеніемъ немногихъ ротъ, менѣе чѣмъ въ часъ; она высадилась на лѣвомъ флангѣ; затѣмъ первая дивизія, вторая и такъ далѣе. Составъ англійскаго корпуса слѣдующій: легкая пѣхотная дивизія, командиръ сэръ

Джоржъ *Броунъ*. 1-я пѣхотная дивизія, командиръ герцогъ *Кембриджскій*, 2-я пѣхотная дивизія, командиръ сэръ Д. Л. *Эвансъ*, 3-я дивизія, сэръ Р. *Ипиландъ*, 4-я дивизія сэръ Джорджъ *Каткартъ*. Въ каждой дивизіи показаны по шести полковъ, кромѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ, но, по выше означенному числу всѣхъ высаженныхъ англійскихъ войскъ, можно судить, какъ малочисленны ихъ полки. Кавалерійская дивизія (лорда *Лукана*) состоитъ изъ бригады легкой кавалеріи (командиръ лордъ *Кардиганъ*) и бригады тяжелой (бригадный генералъ *Скарлетта*), и составлена изъ двухъ полковъ легкихъ драгуновъ, двухъ гусарскихъ, одного уланскаго и трехъ гвардейскихъ драгунскихъ, составляющихъ тяжелую кавалерію. Одинъ полкъ послѣдняго войска и два пѣхотные полка еще не прибыли къ мѣсту высадки.

«Отъ 16-го сентября корреспондентъ пишетъ: «Сегодня утромъ лордъ *Кардиганъ* отправился въ рекогносцировку съ частію 8-го гусарскаго полка, 13-го легко-драгунскаго, 250-ти стрѣлковъ перваго баталіона и двумя орудіями конной артиллеріи. Онъ прошелъ 25 миль ($37^1/_2$ верстъ), не видавъ казаковъ, и войска возвратились сильно утомленными и жестоко пострадали отъ недостатка въ водѣ. Лошадямъ не давали пить, по неимѣнію воды, со времени перевозки ихъ съ кораблей до утра воскресенья, то есть болѣе чѣмъ въ теченіе тридцати часовъ».

Возставая противъ грабежей *образованныхъ* французовъ, корреспондентъ замѣчаетъ: «Пора наконецъ объяснить, что хотя мы и замѣшаны въ одномъ дѣлѣ, но не принадлежимъ къ одной націи, и что если французы грабятъ, то мы за это должны поплатиться. Турки же, о которыхъ столько писано дурнаго, спокойно остаются въ своемъ благоустроенномъ лагерѣ, и довольствуются скудными порціонами, доставляемыми имъ съ флота» (1).

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Одессѣ изъ Крыма, 1-го сентября въ виду Севастополя появился непріятельскій флотъ въ 106 вымпеловъ, за которымъ слѣ-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 219.

довало огромное количество транспортныхъ судовъ, расположившихся вдоль западныхъ береговъ полуострова, до Эвпаторіи. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни произведена была съ этого флота высадка непріятельскихъ войскъ, на пространствѣ между Эвпаторіею и устьями рѣки Альмы. По 6-е сентября эти войска не предпринимали ничего важнаго. Командующій нашими войсками въ Крыму расположенными, генералъ-адъютантъ адмиралъ князь *Меншиковъ* занимаетъ позицію на рѣкѣ Альмѣ; къ нему присоединился наказный атаманъ войска Донскаго, генералъ отъ кавалеріи *Хомутовъ*, съ состоявшими въ распоряженіи его войсками (1).

Командующій войсками въ Крыму расположенными, генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* донесъ Государю Императору, что, 1-го сентября 1854 года, въ виду Эвпаторіи появился многочисленный англо-французскій флотъ, и что въ слѣдъ за тѣмъ значительное число непріятельской пѣхоты, съ частію кавалеріи, высажено на берегъ между Эвпаторіею и д. Каптугаемъ.

Съ приближеніемъ непріятеля, всѣ жители удалились какъ изъ города, такъ и изъ окрестныхъ селеній.

Князь Меншиковъ, не признавъ возможнымъ атаковать высаженныя войска на плоскомъ берегѣ, обстрѣливаемомъ съ флота, сосредоточилъ большую часть своихъ силъ на выгодной позиціи, въ которой готовился встрѣтить противника. Въ заключеніе онъ присовокупляетъ, что состоящія подъ его начальствомъ войска, одушевленныя рвеніемъ и преданностью престолу и отечеству, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты сразиться съ непріятелемъ (2).

СРАЖЕНІЕ НА Р. АЛЬМѢ, 8-го СЕНТЯБРЯ 1854 ГОДА.

I.

Князь *Меншиковъ* занималъ 8-го сентября позицію за р. Альмою, съ 42-мя бат., 16 эск. и 84 оруд. (3). Центръ

---

(1) „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 100.

(2) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 203.

(3) Пѣхоты: 8 батальоновъ и 16 орудій 14-й пѣхотной дивизіи, 16 ба-

боеваго порядка расположенъ былъ по краю крутаго лѣваго берега, противъ деревни Бурлюкъ, а лѣвый флангъ на возвышенной мѣстности, въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ моря; правый флангъ составлялъ самую слабую часть позиціи (1). Впереди боевыхъ линій, на правомъ берегу рѣки, дер. Бурлюкъ и ближайшіе къ ней виноградники заняты были стрѣлками. Въ резервѣ, за центромъ, стояли 3 пѣхотные полка (Волынскій, Минскій и Московскій), съ двумя легкими пѣшими батареями; правѣе ихъ оба гусарскіе полка, съ двумя батареями конными, а позади праваго крыла—Угличкій егерскій полкъ. Одинъ батальонъ изъ резерва (Минскаго полка) отряженъ былъ для занятія деревни Улукуль, позади лѣваго фланга позиціи, близъ самаго берега моря.

Въ полдень непріятельскія войска двинулись къ р. Альмѣ и рѣшительно атаковали нашу позицію. Правое крыло составляли французы, лѣвое—англичане (2).—Тѣ и другіе наступали стройно, развернутыми линіями, подъ прикрытіемъ густой цѣпи штуцерныхъ стрѣлковъ. Наши стрѣлки встрѣтили непріятеля мѣткимъ огнемъ, и вскорѣ на всемъ протяженіи боевыхъ линій завязалась жаркая перестрѣлка. Съ самаго начала боя дѣйствіе многочисленныхъ стрѣлковъ непріятельскихъ, вооруженныхъ штуцерами съ коническими пулями, произвело сильное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Первыми жертвами сего смертельнаго оружія пали многія изъ начальствующихъ лицъ, и это неизбѣжно должно было имѣть большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ сраженія.

Занявъ виноградники праваго берега Альмы, непріятельскіе баталіоны свернулись въ колонны, перешли черезъ рѣчку и снова развернулись на лѣвомъ берегу ея,

---

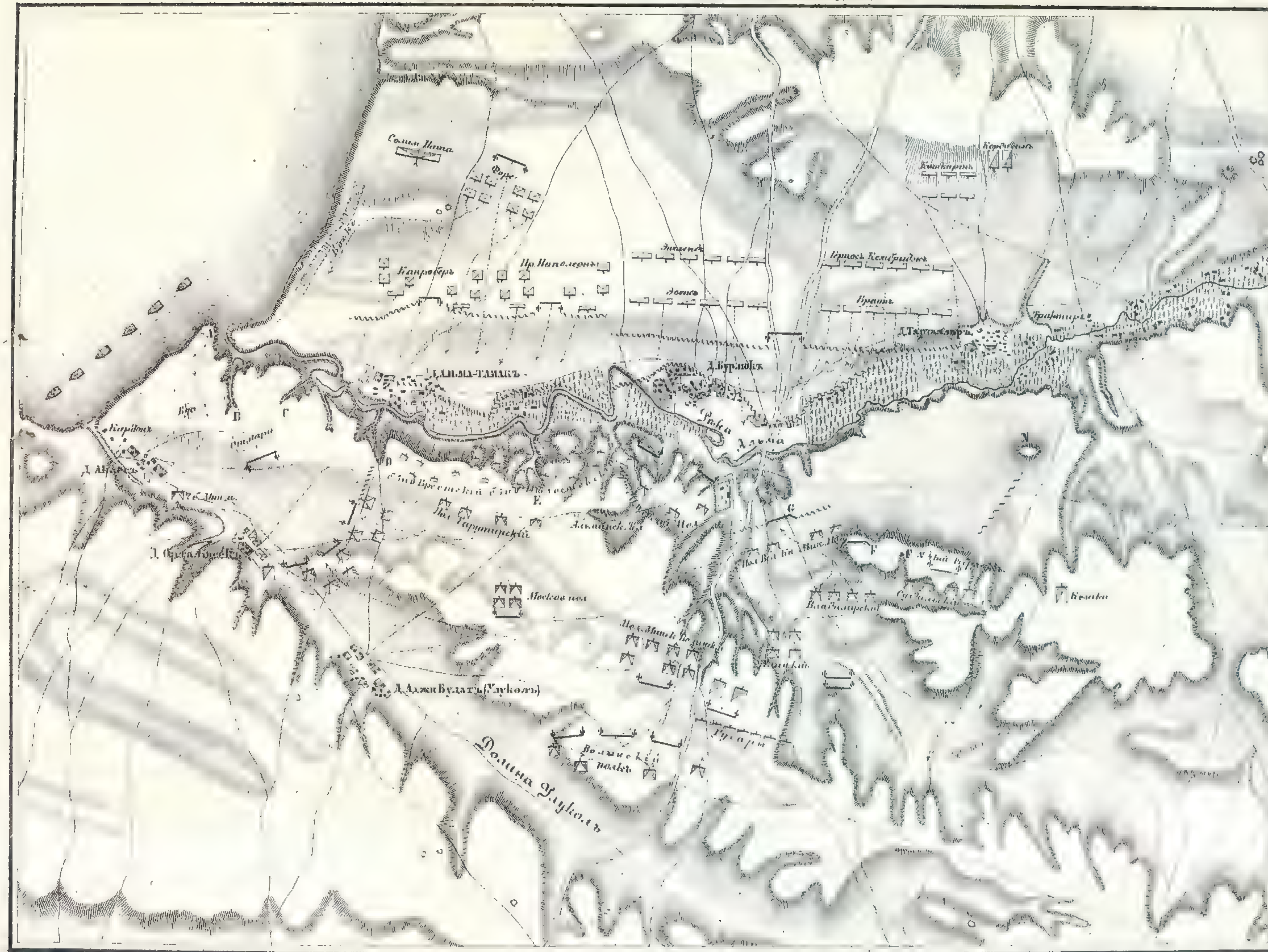
тальоновъ и 36 орудій 16-й дивизіи, 12 батальоновъ и 24 орудія 17-й дивизіи, 4 батальона резервной бригады 13-й дивизіи, 6-й стрѣлковый батальонъ, 6-й саперный и морской сводный батальонъ; кавалеріи: 2-я (гусарская), бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конною легкою № 12-го и донскою казачею № 4-го батареями.

(1) См. прилагаемый при семъ планъ сраженія.

(2) Турки оставались въ резервѣ, позади французскихъ войскъ.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ РѢКѢ АЛЬМѢ
8го Сентября 1854го года

Масштабъ въ Англ. дюймѣ 1 верста.



Лит. А. Степанова

не смотря на безпрерывное дѣйствіе нашихъ батарей. Князь *Меншиковъ* приказалъ первой линіи встрѣтить противника штыками, чтобы сбросить его снова къ рѣкѣ. Баталіоны наши нѣсколько разъ брали ружье на руку и бросались впередъ, въ слѣдъ за храбрыми своими начальниками, но каждый разъ, встрѣчаемые жестокимъ батальнымъ огнемъ развернутаго строя, или густою цѣпью штуцерныхъ, отражаемы были съ большою потерею. Непріятельская пѣхота стойко и непоколебимо выдерживала отличное дѣйствіе нашей артиллеріи: развернутые батальоны ложились на землю и скрывались за мѣстностію, пока стрѣлки поражали артиллеристовъ. Въ одномъ изъ нашихъ дивизіоновъ вся прислуга и лошади легли на мѣстѣ.

Между тѣмъ какъ упорный этотъ бой происходилъ въ центрѣ позиціи и на правомъ нашемъ крылѣ, лѣвый флангъ, не смотря на отдаленность свою отъ морскаго берега, поражаемъ былъ выстрѣлами непріятельскаго флота. Подъ покровительствомъ этого огня морской артиллеріи, одна французская колонна, имѣя въ головѣ африканскія войска (такъ называемыхъ зуавовъ), перешла близъ морскаго берега черезъ долину рѣки Альмы, и по едва замѣтной тропинкѣ, вдоль узкаго оврага, быстро взобралась на возвышенія. Появленіе этихъ войскъ на флангѣ нашемъ, и даже почти въ тылу, заставило князя Меншикова выдвинуть изъ резерва Московскій и Минскій пѣхотные полки, съ нѣсколькими эскадронами гусаръ; но французы успѣли уже выставить на высотахъ батарею, которая встрѣтила наши резервы сильнымъ огнемъ. Оба названные полка принуждены были отступить.

Тогда князь *Меншиковъ*, видя, что лѣвый флангъ обойденъ, что центръ и правый флангъ, послѣ понесеннаго ими тяжкаго урона, также не въ силахъ уже держаться, началъ отводить всѣ войска къ р. Качѣ. Для прикрытія ихъ отступленія, онъ выдвинулъ гусарскую бригаду; эта мѣра, а можетъ быть и значительная потеря, которую долженъ былъ претерпѣть непріятель, остановили его пре-

слѣдованіе. Онъ остался на р. Альмѣ, а наши войска, уже послѣ полуночи, перешли за Качу.

Въ этомъ кровопролитномъ бою, обѣ стороны сильно пострадали. У насъ убито 1,762 чел., ранено 2.315, контужено 405. Въ числѣ убитыхъ было 45 штабъ и оберъ-офицеровъ; въ числѣ раненыхъ: 4 генерала (начальникъ 16-й дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Квицинскій*, бригадный командиръ той же дивизіи, генералъ-маіоръ *Щелкановъ*, бригадный командиръ 17-й дивизіи, генералъ-маіоръ *Гогиновъ*, командиръ Московскаго пѣхотнаго полка, генералъ-маіоръ *Куртьяновъ*) и 96 штабъ и оберъ-офицеровъ.

Уронъ на сторонѣ непріятеля положительно неизвѣстенъ; по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ даже превышаетъ нашу потерю; но, во всякомъ случаѣ, упорное наступленіе батальоновъ, подъ градомъ нашихъ ядеръ и картечи, не могло не стоить дорого и союзникамъ (1).

II.

Описаніе сраженія, составленное капитаномъ Ениширловымъ (2).

Позиція нашихъ войскъ на высотахъ лѣваго берега рѣки Альмы, имѣющихъ отъ 100 до 150 и болѣе футовъ ко-

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 229. Статья эта перепечатана въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1854 года № 10; въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1854 года № 229; „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 227 и другихъ газетахъ. *Ред.*

(2) Послѣ вступленія, относящагося до взгляда автора на литературу вообще и военную въ особенности, онъ говоритъ:

«Находясь при генералѣ Квицинскомъ, почти во все продолженіе битвы, я имѣлъ случай видѣть весь ходъ боя на правомъ флангѣ и въ центрѣ нашихъ войскъ, и не былъ очевидцемъ только дѣйствій войскъ, сражавшихся лѣвѣе Бородинскаго полка.

«Лѣвый флангъ линіи непріятельскихъ пароходовъ, находившійся противъ устья Альмы, и всѣ почти движенія непріятельскихъ войскъ были хорошо видимы съ горы F, гдѣ большею частію находился генералъ Квицинскій, а слѣдовательно и я. Однакожь, замѣченнаго мною еще недостаточно для того, чтобы опредѣлить съ точностію всѣ движенія союзныхъ войскъ. Поэтому, для описанія дѣйствій непріятеля и тѣхъ изъ нашихъ полковъ, которые сражались на лѣвомъ флангѣ, принято мною къ руководству и соображенію все, что мнѣ удалось прочесть объ альмскомъ сраженіи на русскомъ и французскомъ язы-

мандованія надъ долиною рѣки Альмы, была изъ самыхъ выгодныхъ позицій, которыя представляются вдоль морскаго берега, между Каптуганомъ и Севастополемъ.

Отъ развалинъ древняго татарскаго укрѣпленія, лежащаго на вершинѣ мыса *A*, при устьѣ рѣки, до оврага *E*, находившагося противъ восточной окопечности деревни Альма-Тамакъ, высоты лѣваго берега рѣки Альмы обрывисты до того, что только мѣстами представляютъ едва доступные всходы, и то преимущественно по крутымъ и узкимъ оврагамъ. Близъ устья, обрывы эти тянутся надъ самою рѣкою, такъ что мѣстами верхняя окраина ихъ отстоитъ отъ праваго берега рѣки менѣе, чѣмъ на выстрѣлъ гладкоствольнаго ружья.

Далѣе, за оврагомъ *E*, постепенно отдѣляясь отъ рѣки, возвышенія лѣваго берега поворачиваютъ къ югу, возлѣ главной эвпаторійской дороги, и на этомъ пространствѣ скаты ихъ представляютъ уже болѣе доступныя покатости, съ уступами, образующими въ полугорѣ довольно обширныя площадки, въ видѣ покатыхъ террасъ. Здѣсь фронтъ позиціи пересѣкается балкою (1), спадающею къ рѣкѣ Альмѣ, противъ деревни Бурлюкъ. Черезъ эту бал-

---

ахъ, равно и то, что удавалось слышать отъ участвовавшихъ въ этомъ сраженіи офицеровъ, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ войскъ.

«Не смотря на это, я никакъ не могу ручаться, что въ состояніи безошибочно передать всѣ подробности боя, происходившаго на нашемъ лѣвомъ флангѣ, почему и не излагаю ихъ въ подробности, а описываю весь ходъ дѣла, такъ происходившаго, въ главныхъ чертахъ. Что же касается дѣйствій на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ находились полки 16 й пѣхотной дивизіи, то я изложу ихъ со всѣми подробностями, объяснивъ всѣ движенія войскъ, и думаю, что имѣю право ручаться за вѣрность изложенія, потому что всѣ почти движенія происходили на моихъ глазахъ. Кромѣ того, описаніе это признано за вѣрное нѣкоторыми офицерами полковъ 16-й пѣхотной дивизіи, офицерами, которые не только участвовали, но и наиболѣе отличались, какъ въ альмскомъ, такъ и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ сраженіяхъ.

«Впрочемъ, я былъ бы весьма благодаренъ, если бы кто нибудь изъ участвовавшихъ въ сраженіи при Альмѣ, найдя какую либо неточность въ моемъ описаніи, высказалъ свои замѣчанія, или же дополнилъ подробности, мною упущенныя и, стало быть, мнѣ неизвѣстныя. Истина всего дороже».

(1) *Балками* въ южной Россіи называютъ широкіе овраги, берега которыхъ покаты. Оврагъ узкій, съ обрывистыми берегами, называется *яромъ*. Въ войскахъ нашихъ эти названія сдѣлались общеупотребительными.

ку проходитъ главная эвпаторійская дорога. На востокъ отъ дороги возвышается гора *F*, имѣющая округленную вершину, продолговатой и неправильной формы, отъ которой во всѣ стороны идутъ въ началѣ довольно крутые, а потомъ весьма пологіе скаты. На сѣверо-восточномъ скатѣ этой горы, надъ рѣкой Альмой, находится почти круглый и довольно высокій холмъ *N*, за которымъ проходятъ двѣ дороги, идущія отъ трактира деревни Тарханларъ къ рѣкѣ Качъ. Между этими дорогами, во время сраженія, стояли козаки, и составляли крайнюю часть войскъ, на правомъ флангѣ отряда.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мысъ *A*, на которомъ находятся развалины укрѣпленія, очень высокъ и имѣетъ видъ совершенно недоступнаго утеса, на восточной сторонѣ котораго вьется искусственно сдѣланная дорожка, для спуска къ рѣкѣ Уничтожить всякую возможность подъема по этой, и безъ того чрезвычайно крутой и неудобной, дорожкѣ было не трудно. Тутъ же, рядомъ съ мысомъ, находится оврагъ *B*, глубокій и длинный, дно котораго хотя тоже весьма неудобно для подъема на высоты, но все не такъ круто, какъ въ прочихъ оврагахъ. Морской берегъ, на пространствѣ отъ мыса *A* до балки Улукулъ, высокъ и почти отвѣсный. По мѣрѣ приближенія къ балкѣ, высота его уменьшается, а балка Улукулъ представляетъ собою единственное мѣсто вблизи отъ нашей позиціи, на которомъ непріятель могъ сдѣлать высадку въ тылу нашихъ войскъ. Далѣе къ югу, далеко за мысъ Улукулъ, морской берегъ, будучи опять очень высокъ и обрывистъ, неудобенъ для высадки, хотя есть мѣста, гдѣ можно причалить гребному судну, а десанту, высадившись, взобраться по одиночкѣ на вершину берега.

На правой сторонѣ рѣки Альмы, къ сѣверу, простирается обширная и совершенно обнаженная равнина, которая съ высотъ лѣваго берега хорошо видима на большое пространство.

На всемъ этомъ пространствѣ, только самый берегъ рѣки покрытъ виноградниками, садами и строеніями деревень: Альма-Тамакъ, Бурлюкъ и Тарханларъ. Густые са-

ды, обнесенные каменными оградами, тянущимися по самой окраинѣ праваго берега, и виноградниками (въ коихъ также мѣстами. и особенно возлѣ оградъ. росли деревья), равно и строенія деревень, представляютъ удобную защиту отъ выстрѣловъ не только стрѣлкамъ, но и цѣлымъ колоннамъ. Рѣка Альма, извивающаяся вдоль всего фронта нашей позиціи. во многихъ мѣстахъ имѣетъ броды, и противъ деревни Бурлюкъ деревянный мостъ.

Вотъ въ чемъ состояли выгоды нашей позиціи: 1) въ командованіи надъ правымъ берегомъ; 2) въ томъ, что непріятель не могъ сдѣлать ни одного скрытаго движенія, тогда какъ у насъ онъ могъ видѣть только происходящее въ первой боевой линіи (2-я линія нашихъ войскъ была отъ него скрыта), и, наконецъ, 3) въ томъ, что флотъ нигдѣ. ни даже возлѣ татарскаго укрѣпленія, не могъ вредить прицѣльною или картечною пальбою, а только навѣсными выстрѣлами, посылаемыми наобумъ, потому что, кромѣ самой высоты берега, препятствующей картечной и прицѣльной стрѣльбѣ, овальная выпуклость вершины мыса *A*, тянущаяся отъ стараго укрѣпленія къ деревнѣ Аклесъ, будучи значительно выше мѣстности лежащей къ востоку, заслоняетъ ее совершенно со стороны моря.

Къ невыгодамъ нашей позиціи можно отнести ея растянутость отъ моря до холма *N*, около семи верстъ; но эта невыгода нѣсколько уменьшалась тѣмъ, что пространство отъ мыса *A* до телеграфа могло быть защищено весьма небольшимъ числомъ войскъ.

Вторая и главная невыгода состояла въ томъ, что вдоль всего фронта непріятель, приблизившись къ нашей позиціи, пріобрѣталъ превосходное закрытіе отъ выстрѣловъ въ деревняхъ, садахъ и оградахъ, которыхъ мы, по малочисленности нашего отряда, не могли и не намѣрены были отстаивать.

Легко можно было предвидѣть и еще легче устранить эти невыгоды, разрушивъ ограды и вырубивъ сады (1).

---

(1) Вскорѣ послѣ высадки, предположено было вырубить сады, но, не знаю почему, эта мысль не была приведена въ исполненіе.

Не получая приказанія разрушить ограды и вырубить сады, и привыкнувъ, во время походовъ, заботиться о сбереженіи собственности мирныхъ жителей, частные начальники строго запрещали рубить даже ракитникъ, росшій у садовыхъ оградъ. Такъ поступали въ томъ предположеніи, что, если позволить рубить ракитникъ, то и фруктовыя деревья не миновали бы той же участи. Для топлива на кухняхъ, за неимѣніемъ дровъ, дозволялось вырубать только то ничтожное количество ольхи и ракитника, которое росло на лѣвомъ берегу рѣки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было садовъ и виноградниковъ (¹).

Такимъ образомъ, къ 8-му сентября, собственными стараніями, мы сберегли непріятелю надежную защиту отъ нашихъ выстрѣловъ, а свой, и безъ того голый берегъ, обнажили окончательно.

II.

Войска наши лѣвымъ флангомъ примыкали къ дорогѣ, идущей изъ деревни Альма-Тамакъ, чрезъ оврагъ *D*, къ деревнѣ Аджи-Булатъ. Здѣсь на вершинѣ горы, въ первой линіи, находились пятые и шестые батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ въ ротныхъ колоннахъ, имѣя во второй линіи Тарутинскій, въ колоннахъ къ атакѣ, а въ резервѣ Московскій полкъ, и легкую № 4-го батарею 17-й артиллерійской бригады.

Пространство на двѣ версты отъ моря до нашего лѣваго фланга не было занято войсками: только второй батальонъ Минскаго полка былъ высланъ къ деревнѣ Аклесъ, для воспрепятствованія высадкѣ въ балкѣ Улукулъ.

Прежде, ежедневно, для наблюденія за непріятелемъ, высылались на мысъ Улукулъ одинъ батальонъ, съ четырьмя орудіями, а къ старому татарскому укрѣпленію одна рота. но 8-го числа утромъ, когда стали приближаться непріятельскіе пароходы, эти посты были сняты и

(¹) На лѣвомъ берегу рѣки только въ одномъ мѣстѣ были виноградники, а именно противу возвышеній, которыя были защищаемы резервными батальонами Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ.

на мѣсто ихъ посланъ 2-й батальонъ Минскаго полка къ деревнѣ Аклесъ, а мысъ *A* оставленъ былъ вовсе безъ наблюденія.

Причиною такого распоряженія было господствовавшее у насъ мнѣніе, что высоты отъ моря до оврага *D* недоступны, и что, слѣдовательно, сухимъ путемъ обходъ нашего лѣваго фланга невозможенъ.

Предъ телеграфомъ, въ центрѣ нашей позиціи, у подошвы горы, и почти надъ самымъ виноградникомъ стояли легкія №№ 1-го и 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады.

Позади ихъ, въ полугорѣ, на склонахъ покатыхъ террасъ, расположенъ былъ Бородинскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Его Величества) полкъ, построенный въ колоннахъ къ атакѣ.

По правую сторону эвпаторійской дороги, на сѣверо-западномъ скатѣ горы *F* и на картечный выстрѣлъ отъ Бурлюкскаго моста, въ эполементѣ, находилась батарейная № 1-го батарея той же бригады, имѣя за собою егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ.

На вершинѣ горы *F*, также въ эполементѣ, стояла № 3-го батарея 14-й артиллерійской бригады, и правѣе ея Суздальскій пѣхотный полкъ, съ легкою № 4-й батареею той же бригады.

За горою *F*, на южномъ скатѣ ея, были расположены Владимірскій и Угличкій полки, составляя собою вторую линію. За ними, въ резервѣ, находилась батарейная № 3-го и легкая резервная № 4-го донскія батареи.

Всѣ полки 16-й пѣхотной дивизіи были построены въ колоннахъ къ атакѣ. Правый флангъ прикрывали козаки.

Въ садахъ деревень Бурлюкъ и Альма-Тамакъ были разсыпаны 6-й стрѣлковый и сводный морской батальоны.

Саперы были расположены у моста.

Три батальона Минскаго и Волынскаго полковъ, съ легкою № 5-го батареею 17-й артиллерійской бригады, и гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конно-легкою № 12 го батареею, составляли общій резервъ и

были расположены при эвпаторійской дорогѣ, въ ложбинѣ, соединяющейся съ долиною Улукулъ.

Войска, находившіяся въ центрѣ и на правомъ флангѣ (1), т. е. противъ Бурлюкскаго моста и правѣе онаго, состояли подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи, князя *Горчакова*; расположенныя на лѣвомъ флангѣ (2) были ввѣрены начальнику 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту *Кирьякову*.

Въ заключеніе, должно присовокупить, что, кромѣ помянутыхъ двухъ эшелементовъ, на восточной оконечности горы былъ воздвигнутъ редутъ, для усиленія праваго фланга нашихъ войскъ, но какъ непріятель вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія обогнуть нашъ правый флангъ (что будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ), то этотъ редутъ не принималъ никакого участія въ сраженіи, и потому, вѣроятно не былъ упомянутъ въ реляціи, а, слѣдовательно, и въ описаніяхъ, составленныхъ по реляціямъ (3). За тѣмъ, другихъ укрѣпленій, ни даже ложементовъ для стрѣлковъ, мы не имѣли. Мѣстность занимаемой нами позиціи не представляла никакихъ естественныхъ укрытій для войскъ, ее защищавшихъ.

III.

Союзныя войска, 7-го сентября, приблизились къ нашей позиціи и стали тѣснить козаковъ, бывшихъ въ передовой цѣпи.—На подкрѣпленіе аванпостовъ, князь *Меншиковъ* выслалъ всю, бывшую при отрядѣ, кавалерію, съ конно-легкою № 12-ю и донскою № 4-го батареями, а также и 2-ю бригадою 17-й пѣхотной дивизіи. Послѣ небольшой перестрѣлки, стоившей и намъ, и непріятелю нѣсколькихъ человѣкъ, войска эти отступили на общую позицію,

(1) Полки 16-й пѣхотной дивизіи и козаки.

(2) Полки 2-й бригады 17-й и резервные баталіоны 13-й пѣхотныхъ дивизій.

(3) Къ мѣсту, гдѣ стоялъ редутъ, мнѣ не случалось подъѣзжать ни до сраженія, ни во время онаго, и самъ я не видалъ редута; но о существованіи его знаю отъ нѣкоторыхъ офицеровъ 16-й пѣхотной дивизіи, бывавшихъ тамъ съ рабочими.

а непріятель расположился бивуаками на лѣвомъ берегу рѣчки Булганакъ.

Въ тотъ же день, осмотрѣвъ, по возможности, мѣстность занятую нами, главнокомандующіе союзныхъ войскъ положили на слѣдующее утро атаковать насъ съ фронта и обойти съ фланговъ. Французской арміи предназначалось дѣйствовать на правомъ, а англійской на лѣвомъ флангѣ. Для обхода нашего лѣваго крыла, была назначена дивизія генерала *Боске*, въ распоряженіе котораго поступили и турецкія войска. Восемь пароходовъ должны были содѣйствовать атакѣ этой колонны. Но какъ обрывы высотъ лѣваго берега Альмы, при устьѣ ея, обѣщали мало успѣха атакующему, то колонна *Боске* предназначалась болѣе для того, чтобы отвлечь наши силы къ лѣвому флангу; рѣшительный же ударъ предоставлялось сдѣлать англичанамъ, обогнувъ нашъ правый флангъ. Въ слѣдствіе такихъ предположеній, время выступленія войскъ съ позиціи было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: колонна Боске должна была выступить въ $5^1/_2$ часовъ утра (чтобы предварительно отвлечь часть нашихъ силъ); чрезъ полчаса послѣ нея, предположено тронуться англійской обходной колоннѣ, а въ половинѣ седьмаго остальнымъ войскамъ.

Наступило утро 8-го сентября.

Какъ было опредѣлено, въ $5^1/_2$ часовъ, вдоль морскаго берега, двинулась колонна *Боске* (1). Болѣе часа прошло послѣ того, а въ англійскомъ бивуакѣ не было замѣтно никакого движенія. Французскій главнокомандующій, послалъ узнать о причинѣ промедленія къ лорду *Раглану*, остановилъ движеніе своей правой колонны (2). Оказалось, что часть англійскихъ войскъ слишкомъ поздно ночью при-

(1) Движеніе колонны генерала *Боске* не могло быть замѣчено съ нашей позиціи ранѣе того времени, какъ голова ея была уже на берегу р. Альмы: Боске шелъ по берегу моря, изъ которымъ тянется рядъ холмовъ, достаточно высокихъ для того, чтобы скрыть это движеніе. Замѣтить его ранѣе могли бы мы только съ мыса *A*, который оставался незанятымъ.

(2) Когда колонна генерала Боске была остановлена, эскадра, назначенная ей на помощь, продолжала движеніе, и потому прибыла ранѣе къ устью рѣки Альмы.

была на позицію при рѣкѣ Булганакъ, и требовала отдыха, почему англичане не могли выступить въ назначенное время. Часъ выступленія армій былъ отложенъ.— Въ исходѣ одиннадцатаго. тронулись наконецъ всѣ непріятельскія войска, въ походныхъ колоннахъ. Когда колонна *Боске*, бывшая значительно впереди прочихъ войскъ, была уже близъ устья рѣки Альмы, остальныя французскія войска, находясь въ разстояніи около двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ д. Альма-Тамакъ, стали строиться въ боевой порядокъ. Вѣроятно, въ слѣдствіе обычной медленности въ движеніяхъ, англійская армія отстала и предположеніе, по которому ея обходная колонна должна была слѣдовать нѣсколько впереди войскъ, назначенныхъ для атаки съ фронта, не было приведено въ исполненіе. Наконецъ и англичане стали въ боевыя линіи.

Въ слѣдующемъ порядкѣ построились къ бою союзники: лѣвѣе колонны *Боске*, противъ деревни Альма-Тамакъ и ея садовъ, построились дивизіи генерала *Канробера* и принца *Наполеона*, имѣя въ центрѣ по одной батареѣ. Батальоны каждой дивизіи стали въ двѣ линіи; нѣкоторые изъ батальоновъ первой линіи были развернуты, остальные въ колоннахъ.

Резервъ состоялъ изъ дивизіи генерала *Форе*, ставшей за срединой боевыхъ линій, и турецкихъ войскъ, оставленныхъ *Боске* близъ морскаго берега. Лѣвый флангъ французскихъ боевыхъ линій находился противъ альмскаго телеграфа.

Лѣвѣе французовъ, развернутымъ фронтомъ и на значительномъ одна отъ другой разстояніи, вытянулись въ двѣ линіи англійскіе батальоны. Первую линію составляли дивизіи *Эванса* и *Броуна*, съ одною батареею въ центрѣ, а вторую—дивизіи *Энгленда* и герцога *Кембриджскаго*. За лѣвымъ флангомъ послѣдней былъ расположенъ резервъ, состоявшій изъ дивизіи *Каткарта* и кавалеріи. Центръ боеваго порядка англичанъ находился противъ Бурлюкскаго моста.

Между тѣмъ, пока строились эти войска, *Боске*, подойдя къ рѣкѣ Альмѣ и видя значительную часть лѣваго бе-

рега нами не занятою, тотчасъ же сталъ переправляться въ бродъ и, по дну оврага В, взбираться на вершины высотъ лѣваго берега.

Въ это время, съ пароходовъ, вытянувшихся отъ устья Альмы почти до мыса Улукулъ, была открыта сильнѣйшая канонада. Снаряды долетали до лѣваго фланга брестскихъ батальоновъ. Въ головѣ французской обходной колонны находились зуавы. Едва достигнувъ вершины высотъ, они немедленно разсыпались и, охвативъ своею цѣпью значительное пространство, тотчасъ же открыли огонь по 2-му батальону Минскаго полка, у котораго внезапно очутились во флангѣ и даже въ тылу. Замѣтивъ это, князь *Меншиковъ* немедленно послалъ на этотъ пунктъ Московскій полкъ. съ легкими № 4 и 5 батареями 17-й артиллерійской бригады.

Между тѣмъ, угрожаемый опасностію быть отрѣзаннымъ отъ отряда, отъ котораго находился въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, и видя невозможность удержать за собою позицію при деревнѣ Аклесъ, гдѣ подвергался перекрестному огню съ фронта (пароходы обстрѣливали и долину Улукулъ), фланга и даже съ тыла, командиръ 2-го батальона Минскаго полка, подполковникъ *Раковичъ*, предпринялъ отступленіе вверхъ по долинѣ Улукулъ. Застрѣльщики его завязали сильную перестрѣлку съ французскими стрѣлками, удерживая ихъ на столько, чтобы дать батальону возможность отступить къ отряду въ порядкѣ. Такимъ образомъ, 2-й батальонъ Минскаго полка стройно отступилъ къ деревнѣ Орта-Кисекъ. За этой деревней, замѣтя приближеніе Московскаго полка, подполковникъ *Раковичъ* усилилъ цѣпь и прекратилъ отступленіе. Подоспѣвшая вскорѣ легкая № 4-го батарея 17-й артиллерійской бригады значительно помогла его батальону удержать за собою позицію близъ деревни Орта-Кисекъ, пока подошелъ и построился Московскій полкъ, который, впрочемъ, былъ уже близко.

Не предполагая возможнымъ обходъ нашего лѣваго фланга и не имѣя, въ слѣдствіе этого, даже наблюдатель-

наго поста близъ мыса (1), мы разумѣется, замѣтили движеніе *Боске* очень поздно, а именно въ то время, когда голова его колонны показалась изъ оврага B, почему Московскій полкъ (2), съ легкими № 4-го и 5-го батареями 17-й артиллерійской бригады, посланный только въ то время, когда непріятельскіе стрѣлки завязали уже перестрѣлку съ 2-мъ батальономъ Минскаго полка (3), опоздалъ

---

(1) Въ статьѣ, помѣщенной въ 3-й книгѣ «Военнаго Сборника», генералъ-маіоръ *Вунш* (статья генералъ-маіора Вунша помѣщена ниже на страницахъ настоящаго Сборника) упоминаетъ также только о 2-мъ баталіонѣ Минскаго полка, поставленномъ, въ видѣ наблюдательнаго поста, *у подъема съ моря*. Но такъ какъ позиція 2-го батальона Минскаго полка такимъ общимъ выраженіемъ опредѣлена неточно, а статья генералъ-маіора Вунша, какъ исправлявшаго въ то время должность начальника главнаго штаба, должна имѣть авторитетъ въ глазахъ читателей, то, въ отвращеніе всякаго сомнѣнія, считаю необходимымъ объяснить: что, кромѣ читанныхъ мною оффиціальныхъ бумагъ, опредѣляющихъ позицію 2-го баталіона Минскаго полка именно близъ деревни Аклесъ, я слышалъ объ этомъ отъ самого подполковника *Раковича*, командира батальона, и слышалъ вскорѣ послѣ альмскаго сраженія. Изъ этого слѣдуетъ, что собственно для наблюденія за движеніями праваго фланга непріятельскихъ войскъ и для предупрежденія нашихъ войскъ о нахожденіи непріятеля *сухимъ путемъ* обойти насъ слѣва, наблюдательный постъ не былъ поставленъ, потому что, въ противномъ случаѣ, генералъ-маіоръ *Вунш* не преминулъ бы упомянуть объ этомъ въ своей статьѣ. Минскій же батальонъ, отъ котораго вся долина рѣки Альмы была скрыта цѣлою грядою возвышеній, тянущихся по лѣвой сторонѣ рѣки и имѣющихъ нѣсколько десятковъ футовъ командованія надъ долиною Улукулъ, гдѣ была его позиція, могъ замѣтить движеніе генерала *Боске* только въ то время, когда голова французской колонны выбралась изъ оврага *B*, на вершину высотъ.

(2) Въ журналѣ военныхъ дѣйствій 6-го пѣхотнаго корпуса, составленномъ по донесеніямъ полковыхъ командировъ, сказано, что въ началѣ было послано главнокомандующимъ только два батальона Московскаго полка, съ одною батареею (№ 4), и что вскорѣ послѣ этого приказано идти и остальнымъ двумъ батальонамъ. Но какъ это сказано въ такомъ смыслѣ, что можно предполагать промежутокъ времени между отправленіемъ обоихъ эшелоновъ весьма ничтожнымъ, то я и не поясняю этого въ самомъ описаніи.

(3) Что Московскій полкъ дѣйствительно былъ посланъ въ этотъ моментъ, а не ранѣе, это подтверждаетъ тоже вышеупомянутая статья генералъ-маіора Вунша, въ которой сказано такъ: «Первый огонь по непріятелю открылъ 2-й батальонъ Минскаго полка, находившійся на наблюдательномъ посту у подъема съ моря. Главнокомандующій тотчасъ послалъ меня къ тому батальону, приказавъ немедленно двигаться назначеннымъ въ томъ пунктѣ войскамъ....» Мнѣ кажется, что это нельзя понять иначе какъ такъ, что войска были посланы въ то время, когда уже 2-й батальонъ Минскаго полка открылъ огонь. Генералъ-маіоръ Вунш утверждаетъ въ этой же статьѣ, что обходъ

прибытіемъ на позицію и, будучи слабѣе непріятеля въ этомъ пунктѣ (его встрѣтила цѣлая бригада *д'Отмара*, а бригада *Буа* также показалась изъ оврага B), не былъ въ состояніи сбросить его обратно къ рѣкѣ. Если бы мы, допуская возможность обхода лѣваго фланга, стерегли движенія непріятельской обходной колонны и ранѣе замѣтили намѣреніе обойти насъ, то, вѣроятно, Московскій полкъ (а равно и Минскій) не опоздалъ бы прибытіемъ, и непріятель былъ бы сброшенъ къ рѣкѣ.

Вскорѣ послѣ Московскаго, получилъ приказаніе слѣдовать къ тому же пункту и Минскій пѣхотный полкъ; но, находясь до сего въ общемъ резервѣ, полкъ этотъ долженъ былъ пройти значительно большее пространство, сравнительно съ Московскимъ, и потому прибылъ также не вовремя: вся дивизія *Боске*, съ артиллеріею, была уже на высотахъ, и непріятель опять былъ сильнѣе насъ въ этомъ пунктѣ. Не смотря на это, по прибытіи Минскаго полка, пристроившагося къ лѣвому флангу Московскаго, съ нашей стороны была сдѣлана попытка сбросить непріятеля штыками: но французы видимо уклонялись отъ рукопашнаго

лѣваго фланга былъ предвидѣнъ, и что даже на этотъ случай были предварительно назначены тѣ войска, которыя тамъ дѣйствовали. Не смѣю оспаривать, но должно думать, что войска не были *предварительно назначены*, а было, можетъ быть, только *предположено*: въ случаѣ обхода послать такіе-то полки, и что все-таки обходъ лѣваго фланга, хотя и былъ предвидѣнъ, считался несбыточнымъ по неприступности обрывистаго берега. Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что остальные три батальона Минскаго полка и батарея № 5, дѣйствовавшая противу генерала *Боске*, были расположены въ общемъ резервѣ, а не тамъ, гдѣ стоялъ Московскій полкъ; къ оврагу же *B*, позиція Московскаго полка была двумя верстами ближе позиціи общаго резерва, и войскамъ, назначеннымъ дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ, неминуемо слѣдовало бы стоять вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ. Слѣдовательно, Минскій полкъ былъ поставленъ вмѣстѣ съ Волынскимъ, въ слѣдствіе того же мнѣнія о невозможности обхода съ лѣвой стороны. По той же причинѣ не было и наблюдательнаго поста близъ мыса *A*, какъ это было уже сказано. Наконецъ то, что въ началѣ были посланы только два баталіона Московскаго полка, доказываетъ ясно, что, при внезапно загорѣвшейся перестрѣлкѣ близъ деревни Аклесъ, главнокомандующій, вполнѣ раздѣляя господствовавшее мнѣніе, не предполагалъ въ томъ пунктѣ возможности появленія большой массы войскъ, и въ первую минуту, принявъ явившагося тамъ непріятеля за одиночныхъ стрѣлковъ, вскарабкавшихся на обрывы, послалъ противъ нихъ только два батальона.

боя и встрѣтили нашу атаку картечью и батальнымъ огнемъ цѣпи и развернутыхъ батальоновъ. Не будучи въ состояніи, безъ огромныхъ потерь, пройти густой градъ пуль, почти въ разстояніи версты начавшій мѣтко поражать наши колонны, мы должны были отказаться отъ удара въ штыки и стали заботиться о томъ только, чтобы огнемъ батарей и застрѣльщичьей цѣпи удерживать напоръ непріятеля.

Обращенные фронтомъ къ сторонѣ моря, откуда обогнула насъ колонна генерала *Боске*, Московскій и Минскій полки примыкали лѣвымъ флангомъ къ деревнѣ Орга-Кисекъ, а правымъ къ дорогѣ, пролегавшей отъ деревни Альма-Тамакъ къ рѣкѣ Качѣ. Такимъ образомъ, линія фронта этихъ полковъ образовала съ первой боевой линіею нашихъ войскъ тупой уголъ. Съ этой минуты, войска прежде бывшаго нашего лѣваго фланга (1) можно считать уже въ центрѣ расположенія нашего отряда, и потому полки, высланные противу *Боске*, впредь мы будемъ называть лѣвымъ, а бывшіе въ распоряженіи князя *Горчакова* — правымъ крыломъ нашихъ войскъ.

Не успѣвъ отбросить штыками непріятеля съ вершины высоты, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи мы лишились всѣхъ выгодъ, которыя могла намъ предоставить мѣстность. На лѣвомъ флангѣ мы должны были сражаться уже на ровной и открытой плоскости, недававшей намъ никакихъ преимуществъ предъ непріятелемъ, а при одинаковыхъ шансахъ, относительно мѣстности, мы не могли разсчитывать на побѣду, имѣя дѣло съ врагомъ, лучше насъ вооруженнымъ и сильнѣйшимъ по числительности. Слѣдовательно, въ то время, когда на нашемъ правомъ флангѣ только что завязывался бой, на лѣвомъ судьба сраженія была уже рѣшена, тѣмъ болѣе, что мы не имѣли возможности послать сильное подкрѣпленіе къ Московскому и Минскому полкамъ.

Главнокомандующій *Сентъ-Арно* медлилъ наступленіемъ остальныхъ войскъ, пока первый выстрѣлъ французской

---

(1) Состоявшаго подъ начальствомъ генерала *Кирьякова*.

артиллеріи. раздавшійся на вершинѣ высотъ нашего берега. не убѣдилъ его въ томъ, что обходное движеніе колонны *Боске* удалось вполнѣ. сверхъ всякаго ожиданія. Тогда остальныя непріятельскія войска атаковали насъ съ фронта. Замѣтя удачу колонны *Боске* и не будучи въ состояніи одновременно съ французами совершить обходъ нашего праваго фланга. а равно и потому. что не могли исполнить этого иначе. какъ растянувъ свои остальныя войска до деревни Тарханларъ. и. слѣдовательно. рискуя атаковать нашъ фронтъ слишкомъ тонкимъ строемъ. англичане ограничились только фронтальною атакою. Стрѣлки ихъ. одновременно съ стрѣлками дивизій генерала *Канробера* и принца *Наполеона*. атаковали сады, занятые нашими стрѣлками. Наши два батальона, разсыпанные на протяженіи 5 верстъ, не могли долго удерживать непріятеля. Не имѣя непосредственно за собою никакого резерва, послѣ получасовой перестрѣлки, они отступили: саперы и моряки за 2-ю боевую линію. а 6-й стрѣлковый батальонъ, по полубатальонно, въ первую боевую линію: 1-й полубатальонъ его отошелъ къ правому флангу нашихъ войскъ, гдѣ и растянулъ свою цѣпь предъ Суздальскимъ полкомъ, между холмомъ *N* и горою *F*; 2-й же полубатальонъ отступилъ на лѣвый флангъ батальоновъ Брестскаго полка и разсыпался въ интервалѣ между этими батальонами и правымъ флангомъ Московскаго полка. Отступая, стрѣлки зажгли деревню Бурлюкъ, дѣйствуя, въ этомъ случаѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ чувства, которое заставляетъ насъ, русскихъ, всегда стараться истребить все, что приходится уступить непріятелю.

Какъ только сады были заняты цѣпью непріятельскихъ штуцерныхъ, дивизія *Канробера* получила приказаніе идти на помощь къ *Боске* и стала стягиваться за деревнею Альма-Тамакъ, а батальоны дивизіи принца *Наполеона* размѣстились въ садахъ этой деревни, за которыми, на высотахъ праваго берега Альмы, расположились двѣ батареи, открывшія огонь по войскамъ нашей первой линіи.

Англійскіе батальоны пододвинулись къ деревнѣ Бурлюкъ. Бригада *Буллера*, а впослѣдствіи и бригада *Колинъ-*

Кемпбля, заняли сады между деревнями Бурлюкъ и Тарханларъ: бригада же *Кондрингтона* свернулась въ колонны, и, поддерживаемая остальными войсками первой линіи, устремилась на мостъ, съ цѣлію овладѣть этою переправою. Пожаръ, распространившійся подъ д. Бурлюкъ, нѣсколько стѣснялъ движенія англичанъ.

Саперы приступили къ уничтоженію Бурлюкскаго моста только въ то время, когда стрѣлки наши стали уже отступать изъ садовъ, почему и нельзя было успѣть сломать его; по крайней мѣрѣ, изъ числа свидѣтелей переправы англійскихъ войскъ, я не знаю никого, кто бы замѣтилъ, что англичане предварительно починили этотъ мостъ. Во всякомъ случаѣ, требовалъ ли онъ исправленія, или нѣтъ, можно утвердительно сказать, что ни одинъ изъ англійскихъ батальоновъ, при обычной медленности ихъ движеній, не былъ бы въ состояніи переправиться въ этомъ мѣстѣ, если бы легкая № 1-го батарея 16-й артиллерійской бригады была прикрыта эполементомъ и могла держаться на своей позиціи.

Когда бригада *Кондрингтона* приблизилась къ мосту, эта легкая батарея, а равно и батарейная № 1-го, той же бригады, открыли по ней бѣглый картечный огонь. Штуцерные Бородинскаго и егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полковъ сосредоточили также свои выстрѣлы на этотъ пунктъ. Батальоны *Кондрингтона* не были въ состояніи пройти мостъ подъ такимъ огнемъ: потерпѣвъ огромную потерю, они отступили за Бурлюкскій трактиръ. Но непріятельскіе стрѣлки, скрываясь за каменными оградами садовъ, уже стали проникать въ виноградники, лежавшіе на лѣвомъ берегу. Мѣткій огонь ихъ штуцеровъ страшно вредилъ намъ, а особенно двумъ легкимъ батареямъ 16-й артиллерійской бригады, бывшимъ въ близкомъ разстояніи отъ этихъ виноградниковъ. Генералъ *Кирьяковъ* еще до начала сраженія находилъ неудобною занимаемую его войсками на полугорѣ позицію, не представлявшую никакой защиты даже застрѣльщикамъ; когда же градъ штуцерныхъ пуль сталъ поражать артиллерію и колонны Бородинскаго полка, то

генералъ, вѣроятно, приказалъ войскамъ своимъ отступить на вершину горы. Легкая № 2-го батарея 16-й артиллерійской бригады и пѣхота начали отступленіе еще въ то время, когда легкая № 1-го батарея продолжала поражать отступившіе батальоны бригады *Кондрингтона*. Эта батарея послѣдняя снялась съ своей позиціи и отъ большой потери въ лошадяхъ едва была въ состояніи увезти въ гору орудія. Съ этой минуты, переправа черезъ мостъ стала доступнѣе, тѣмъ болѣе, что войска генерала *Кирьякова* не остановились на вершинѣ горы, какъ это слѣдовало бы сдѣлать, а продолжали отступленіе за телеграфъ. Что было причиной ихъ окончательнаго отступленія изъ первой линіи, нельзя опредѣлить достовѣрно. Что войска продолжали отступленіе самопроизвольно, побуждаемыя паническимъ страхомъ, — этого предположить невозможно: огонь непріятельскихъ стрѣлковъ не могъ произвести подобнаго впечатлѣнія, къ тому же, находясь на вершинѣ горы, войска эти были уже почти внѣ выстрѣловъ. Нельзя также предположить, чтобы войска продолжали отступать, согласно съ намѣреніями генерала *Кирьякова*, который, хотя и могъ считать сраженіе проиграннымъ, видя большую массу непріятельскихъ войскъ на вершинѣ высотъ, во флангѣ нашего отряда, но, во всякомъ случаѣ, не могъ рѣшиться начать окончательное отступленіе, не будучи вынужденъ къ тому напоромъ сильнѣйшаго непріятеля и не получая на то приказанія отъ главнокомандующаго. Надо полагать, что обстоятельство это было просто дѣломъ случайнымъ (1).

(1) Въ статьѣ генералъ-маіора *Вунша* сказано, что князь *Меншиковъ*, пріѣхавъ къ телеграфу, не засталъ уже тамъ войскъ генерала *Кирьякова*, но самого его встрѣтилъ идущаго пѣшкомъ, и на вопросъ князя: «гдѣ его войска», г. *Кирьяковъ* отвѣчалъ, что «подъ нимъ убита лошадь». Князь уѣхалъ. Отсюда можно заключить, что дѣло было такъ: генералъ *Кирьяковъ*, желая занять позицію на вершинѣ горы, разослалъ бывшихъ при немъ адъютантовъ съ приказаніемъ отступать, не опредѣливъ притомъ, гдѣ войска должны остановиться, самъ же, быть можетъ, лично наблюдая движенія непріятеля, отсталъ отъ войскъ, начавшихъ отступленіе, и когда подъ нимъ была убита лошадь, пошелъ пѣшкомъ за войсками, которыя, не останавливаясь, продолжали отступать въ ожиданіи приказанія остановиться. Видя это, генералъ,

Какъ бы то ни было, но полки 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи (батальоны Тарутинскаго полка также отступили, сообразуясь съ движеніемъ войскъ первой линіи) и батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ отошли за телеграфъ и продолжали отступленіе въ то время, когда первый натискъ непріятеля на мостъ былъ отбитъ.

Англичане, между тѣмъ, снова устремились къ мосту. Двѣ англійскія бригады занимали уже сады, между деревнями Бурлюкъ и Тарханларъ, и оттуда могли совершить переправу въ бродъ тѣмъ удобнѣе, что въ этомъ мѣстѣ войска наши (Суздальскій полкъ) были значительно удалены отъ рѣки, и только двѣ роты 6-го стрѣлковаго батальона могли встрѣтить батальнымъ огнемъ переправу за холмомъ *N*. Переправясь здѣсь, а равно и ниже моста, гдѣ тоже были броды, англичане удобнѣе могли бы овладѣть эполементомъ *G*; но они упорствовали въ намѣреніи переправиться прямо черезъ мостъ и тѣмъ дали намъ возможность еще долгое время удерживать ихъ на переправѣ. Наконецъ, черезъ груды тѣлъ собратій, одному батальону, изъ числа смѣнившихъ бригаду *Кондрингтона*, удалось чрезъ мостъ достигнуть лѣваго берега Альмы. Видя это, князь *Горчаковъ* приказалъ менѣе пострадавшимъ отъ огня штуцернымъ 4-му, а вслѣдъ затѣмъ и 2-му батальонамъ егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка ударить въ штыки, а Углицкому полку, чтобы нѣсколько приблизить его къ эполементу *G*, было приказано стать въ балкѣ за лѣвымъ флангомъ

быть можетъ, и хотѣлъ остановить ихъ, но, будучи самъ безъ лошади и не имѣя при себѣ адъютантовъ, не могъ исполнить своего намѣренія. Адъютанты (если не были ранены) не возвратились скоро, быть можетъ, потому, что изъ-дали не могли замѣтить генерала, шедшаго пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе свое останавливали только на всадникахъ. Что адъютантовъ не было при генералѣ, когда подъ нимъ убита лошадь, это ясно: каждый изъ нихъ, вѣроятно, поспѣшилъ бы предложить свою лошадь начальнику, и князь *Меншиковъ* не встрѣтилъ бы его пѣшимъ. Только подобнымъ образомъ можно объяснить странное отступленіе войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генерала *Кирьякова*. Но это только предположенія, которыя могутъ быть ошибочны, и генералъ *Кирьяковъ*, вызванный статьею генералъ-маіора *Вунша*, быть можетъ, объяснитъ это дѣло обстоятельно.

эполемента, близъ того мѣста, гдѣ стояли донскія батареи. 4-й батальонъ полка Его Высочества двинулся прямо по направленію къ мосту и вскорѣ очутился между нимъ и эполементомъ *G*. 3-й батальонъ шелъ по слѣдамъ 4-го. Чтобы не стрѣлять по своимъ, батарея, бывшая въ эполементѣ *G*, должна была прекратить картечный огонь. Непріятель, понимая преимущества своего огнестрѣльнаго оружія, благоразумно избѣгалъ рукопашнаго боя и, не дождавшись удара, поспѣшно отступилъ за мостъ. Развернувъ ближайшія къ мосту колонны, онъ встрѣтилъ нашу атаку сосредоточеннымъ огнемъ стрѣлковъ и развернутаго фронта. Осыпанные пулями нѣсколькихъ тысячъ штуцерныхъ и не видя уже на лѣвомъ берегу непріятеля, егерскіе батальоны наши отступили; но какъ въ этой атакѣ былъ убитъ полковой командиръ, полковникъ *Селезневъ*, и оба батальонные командира, а равно и большая часть оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ также выбыли изъ строя, то остатки батальоновъ, никѣмъ не руководимые, отступали въ безпорядкѣ прямо на эполементъ *G*.

Такимъ образомъ, батарея, расположенная въ этомъ эполементѣ, была лишена возможности своимъ огнемъ прикрыть отступленіе. Непріятель воспользовался, какъ нельзя лучше, этимъ обстоятельствомъ. Разстроенные батальоны первой линіи англійскихъ войскъ были смѣнены батальонами второй линіи, и свѣжія войска, поспѣшно переправясь черезъ мостъ, двинулись по слѣдамъ нашихъ егерей прямо къ эполементу *G*. Лишенные начальниковъ и, вѣроятно, руководимые желаніемъ задержать преслѣдовавшаго непріятеля, егеря отступали отстрѣливаясь. Это значительно замедлило ихъ собственное движеніе, нисколько не задерживая непріятеля, и потому, когда, наконецъ, они перешли на фланги эполемента *G*, то непріятель былъ уже слишкомъ близко къ эполементу. Потерявшая во время боя большое число прислуги и лошадей, батарейная № 1-го батарея 16-й артиллерійской бригады, видя вблизи предъ собою непріятеля, готоваго броситься на эполементъ, должна была отступить вмѣстѣ съ полкомъ Его Высочества, тѣмъ болѣе, что 1-й и 2-й батальоны того же полка,

находившіеся на правомъ флангѣ эполемента, на мѣстности, открытой непріятельскимъ выстрѣламъ, были также значительно ослаблены потерею людей отъ огня непріятельскихъ штуцерныхъ. а потому не могли оказать достаточнаго сопротивленія наступленію англійскихъ колоннъ. Батарея, за убылью лошадей. не могла увезти съ собою два орудія: они остались на мѣстѣ и вскорѣ, вмѣстѣ съ эполементомъ, были въ рукахъ непріятеля.

Князь *Горчаковъ*. какъ только замѣтилъ отступленіе егерей, приказалъ двинуть къ нимъ на подкрѣпленіе два батальона Владимірскаго пѣхотнаго полка (1). Посланные батальоны (1-й и 2-й) подоспѣли во-время: непріятель не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ владимірцы, стремительнымъ ударомъ въ штыки, выбили его изъ эполемента. Англичане при этомъ едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Занявъ эполементъ, владимірскіе батальоны, изъза бруствера, открыли батальный огонь по непріятелю, бѣжавшему къ мосту.

Но теперь надо предварительно изложить то, что до этого момента успѣло совершиться на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ нашего отряда.

Легкія батареи 17-й артиллерійской бригады, дѣйствовавшія противу *Боске*, потерпѣли значительную потерю въ лошадяхъ и прислугѣ и были смѣнены двумя донскими батареями.

Кромѣ того, на подкрѣпленіе Московскаго и Минскаго полковъ выслана конно-легкая № 12-го батарея, которая заняла мѣсто на лѣвомъ флангѣ, близъ д. Орта-Кисекъ, и дѣйствовала подъ прикрытіемъ двухъ дивизіоновъ гусаръ, по одному изъ каждаго полка (2).

Не смотря на значительную потерю, Московскій и Минскій полки стойко удерживали французовъ, и генералъ *Боске*

---

(1) Въ это время командиръ Владимірскаго полка, полковникъ *Ковалевъ*, былъ раненъ на вылетъ въ грудь пулею и полкъ пошелъ въ атаку, лишившись уже полковаго командира.

(2) Въ статьѣ генералъ-маіора *Вунша* сказано, что гусарскій *полкъ* прикрывалъ батарею, но я въ этомъ случаѣ придерживаюсь свѣдѣнія, почерпнутаго въ журналѣ военныхъ дѣйствій корпуса.

ни шагу не двинулся впередъ до прибытія дивизіи *Канробера*, посланной къ нему на подкрѣпленіе, какъ это было уже сказано.

Замѣтивъ отступленіе войскъ, стоявшихъ близъ оврага *D*, *Канроберъ* не пошелъ по слѣдамъ колонны *Боске*, а поспѣшно переправился черезъ Альму, прямо въ деревнѣ Альма-Тамакъ и, частію по альма-тамакской дорогѣ, частію по оврагамъ, безъ большой потери, поднялся на высоты и явился во флангъ Московскаго полка. Двѣ роты 6-го стрѣлковаго батальона, дѣйствовавшія въ этомъ мѣстѣ, могли бы нанести огромный вредъ дивизіи *Канробера*, но, не имѣя патроновъ и не будучи въ состояніи отыскать своихъ патронныхъ ящиковъ, бывшихъ гдѣ-то за правымъ флангомъ отряда, стрѣлки отступили, когда 1-я французская дивизія еще не начинала подыматься на возвышенія. — слѣдовательно альма-тамакская дорога была совершенно открыта для непріятеля.

Московскій полкъ не могъ не отступить при появленіи во флангѣ цѣлой французской дивизіи (1), и линія фронта нашего лѣваго фланга подалась правымъ флангомъ назадъ.

Въ это время и дивизія принца *Наполеона*, изъ садовъ д. Альма-Тамакъ, переправилась также черезъ рѣку Альму и также безъ потери достигла вершины высотъ лѣваго берега противу телеграфа.

Въ нѣкоторомъ разстояніи, за телеграфомъ, были остановлены войска генерала *Кирьякова*, которыя встрѣтили дивизію *Наполеона* довольно сильнымъ огнемъ, но не на подъемѣ, а уже на вершинѣ горы. Тотчасъ же послѣ этого послѣдовала общая атака всѣхъ трехъ французскихъ дивизій, бывшихъ на высотахъ лѣваго берега, что заставило отступить всю линію нашихъ войскъ, расположенную отъ

(1) Всѣ мы, болѣе или менѣе, «жрецы минутнаго, поклонники успѣха» и потому многіе отзываются лучше о дѣйствіяхъ Минскаго полка отъ того только, что онъ долѣе Московскаго держался на первой своей позиціи. Мнѣ кажется, что оба полка равно отлично исполняли свой долгъ, и если бы Минскій полкъ стоялъ на мѣстѣ Московскаго, то точно также былъ бы вынужденъ отступить первый, не будучи въ состояніи бороться съ такою массой непріятельскихъ войскъ.

телеграфа до лѣваго фланга включительно. Маршалъ *Сентъ-Арно* прибылъ на высоты въ слѣдъ за дивизіею принца *Наполеона*. и какъ только войска овладѣли телеграфомъ. получилъ извѣстіе о томъ, что атака англичанъ отбита. и что они находятся въ затруднительномъ положеніи. Чтобы подать скорѣйшую помощь союзникамъ. французскій главнокомандующій приказалъ одной изъ своихъ батарей съ возможною скоростію ѣхать на оконечность горы и открыть огонь по нашимъ войскамъ, оборонявшимъ переправу чрезъ мостъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ наступательное движеніе своей пѣхоты. Московскій и Минскій полки остановились близъ деревни Аджи-Булать и продолжали перестрѣливаться съ французскими войсками; но войска генерала *Кирьякова* отступили окончательно по направленію къ р. Качѣ, куда и прибыли раньше всѣхъ (¹). Въ это время резервы французской арміи стали прибывать на вершину высотъ лѣваго берега Альмы. Такимъ образомъ, всѣ французскія войска были уже стянуты на бывшей позиціи нашего центра и лѣваго фланга, тогда какъ на правомъ флангѣ непріятель хотя и пріобрѣлъ значительный перевѣсъ надъ нами (на эполементѣ *G* уже не было артиллеріи), но долженъ былъ еще разъ отступить предъ грознымъ, хотя и напраснымъ, натискомъ Владимірскаго полка.

Князь *Горчаковъ* и генералъ *Квицинскій*, тотчасъ по отбитіи эполемента *G*, спустились съ горы *F* къ Владимірскому полку. Непріятельскіе батальоны, выйдя изъподъ выстрѣловъ гладкоствольныхъ ружей и поражаемые только выстрѣлами горсти штуцерныхъ Владимірскаго полка (штуцерные полка Его Высочества уже не имѣли патроновъ), остановились, саженъ 70 не добѣжавъ до рѣки, и стали строиться. Въ это же время, и выше и ниже моста, стали

(¹) Въ сумерки, 16-я пѣхотная дивизія прибыла на Качу и должна была пріостановиться, выжидая, пока пройдутъ обозы, скопившіеся и совершенно загородившіе дорогу на переправѣ чрезъ рѣку. Я былъ немедленно командированъ на лѣвый берегъ, чтобы засвѣтло высмотрѣть мѣста, гдѣ поставить полки, и нашелъ Бородинскій полкъ уже расположеннымъ бивуаками на вершинѣ высотъ лѣваго берега. Рядомъ съ нимъ, поздно ночью, былъ поставленъ Угличскій полкъ.

переправляться въ бродъ англійскія колонны, и вскорѣ надо было ожидать новой атаки на эполементъ, уже бывшій разъ въ рукахъ непріятеля. Возстановить бой могло только прибытіе какой нибудь батареи на помощь къ Владимірскому полку; но батарея не прибывала, и непріятель передъ мостомъ спокойно строилъ въ двѣ линіи свои батальоны. Батарейная № 1-го батерея 16-й артиллерійской бригады, по случаю огромной убыли въ лошадяхъ и прислугѣ, едва могла поднять оставшіяся 10-ть орудій и рѣшительно не имѣла возможности снова вступить въ дѣло. Донскія батареи были взяты къ войскамъ лѣваго фланга. Батарея, стоявшая въ эполементѣ *F*, нужна была на этомъ пунктѣ, и, кромѣ того, чтобы прибыть къ эполементу *G*, должна была сдѣлать значительный объѣздъ: спуститься прямо съ горы *F* было слишкомъ круто и опасно въ виду непріятельскихъ стрѣлковъ. Оставалась одна только легкая батарея, почти безполезно стоявшая при Суздальскомъ полку, которую можно было поставить въ эполементъ *G*; но ей тоже предстоялъ трудный объѣздъ по дну оврага, бывшаго за позиціею Суздальскаго полка, и она не могла прибыть въ скоромъ времени. При такихъ обстоятельствахъ, не получая давно никакихъ извѣстій о ходѣ дѣла на высотахъ лѣваго фланга и полагая нелишнимъ принести новую жертву для удержанія за собою позиціи, князь *Горчаковъ* приказалъ Владимірскому полку ударить въ штыки. Непріятель еще не успѣлъ окончательно построиться на лѣвомъ берегу рѣки, и потому, не смотря на его многочисленность, можно было надѣяться, смѣлымъ и быстрымъ ударомъ, опрокинуть его снова за рѣку, и такимъ образомъ выиграть время. Увлеченные примѣромъ офицеровъ, владимірцы, съ крикомъ «ура!» бросились, частію прямо чрезъ насыпь эполемента, частію же обѣжали его съ фланговъ, и быстро устремились на непріятеля, поспѣшно строясь на походѣ. Князь *Горчаковъ* и генералъ *Квицинскій* присутствіемъ своимъ ободряли солдатъ (¹). Рѣшимость и быстрота дви-

(¹) Во время этой атаки оба генерала находились при Владимірскомъ полку, но только на противоположныхъ флангахъ, что единогласно утверждаютъ офицеры Владимірскаго полка, бывшіе въ этомъ дѣлѣ.

женія Владимірскаго полка заставили дрогнуть первую линію англійскихъ батальоновъ, и они уже бросились къ мосту, какъ вдругъ загремѣлъ бѣглый огонь французской батареи съ прежде бывшей позиціи Бородинскаго полка. Это обстоятельство, поразивъ наши колонны неожиданностію, ободрило англичанъ: отступившіе батальоны ихъ остановились и открыли по Владимірскому полку батальный огонь, тѣмъ болѣе убійственный, что пространство, раздѣлявшее насъ отъ непріятеля, не превышало ста саженъ. Съ новымъ порывомъ и новымъ крикомъ «ура!« рванулись впередъ владимірцы; но перекрестный огонь нѣсколько тысячъ штуцеровъ и французской батареи мгновенно вырвалъ изъ рядовъ многія сотни храбрыхъ, и Владимірскій полкъ, лишенный большей части (чтобы не сказать почти всѣхъ) своихъ офицеровъ и не имѣя непосредственно за собою никакого подкрѣпленія (1), не былъ въ состояніи нанести удара, и отступилъ къ эполементу *G*. Такъ же какъ и прежде, по слѣдамъ отступавшихъ, англичане двинулись къ эполементу, который мы не успѣли вновь занять артиллеріею. Но остатки храбраго Владимірскаго полка, изъ-за брустверa эполемента, опять открыли бѣглый огонь и остановили движеніе непріятеля.

Было очевидно, что сраженіе потеряно, но, желая увезти два орудія, оставленныя батарейною батареею, и чтобы облегчить отступленіе артиллеріи, занимавшей эполементъ *F*, генералъ *Квицинскій* остался съ Владимірскимъ полкомъ на эполементѣ *G* и продолжалъ удерживать непріятеля. Остановившіеся въ перѣшимости, англійскіе батальоны отвѣчали батальнымъ огнемъ на выстрѣлы Владимірскаго полка. Французская батарея продольно дѣйствовала по эполементу и дорого стоили владимірцамъ тѣ 20 минутъ, въ теченіе которыхъ они удерживали натискъ болѣе чѣмъ цѣлой англійской дивизіи.

---

(1) Угличкій полкъ былъ оставленъ на мѣстѣ, въ верстѣ разстоянія отъ эполемента *G*, а значительно ослабленный потерею полкъ Его Высочества находился близъ прежде бывшей позиціи Владимірскаго полка и также не получалъ никакихъ приказаній о движеніи впередъ для поддержанія атакующихъ.

Наконецъ, видя справа и слѣва приближеніе свѣжихъ англійскихъ батальоновъ, генералъ *Кишинскій* приказалъ Владимірскому полку начать отступленіе. Едва генералъ успѣлъ отдать это послѣднее приказаніе, какъ три штуцерныя пули повергли его съ лошади. Подхвативъ раненаго въ бокъ, руку и ногу начальника, Владимірскій полкъ отступилъ отстрѣливаясь. Въ рядахъ полка остался только одинъ штабъ-офицеръ, два ротныхъ командира и 7 оберъ-офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые были ранены. Непріятель не преслѣдовалъ отступающихъ, а медленно потянулся прямо на гору *F*, откуда уже снялась артиллерія, и не пошелъ далѣе. Суздальскій полкъ также началъ отступленіе. Два орудія, оставшіяся въ эполементѣ *G*, увезти не было возможности—ими овладѣлъ непріятель.

Въ слѣдъ затѣмъ и Угличкій полкъ, прикрывъ собою остатки Владимірскаго и Его Высочества полковъ, сталъ подыматься въ гору, по дорогѣ, бывшей за его правымъ флангомъ.

Непріятель, между тѣмъ, успѣлъ втащить на вершину горы *F* нѣсколько орудій и открылъ по Суздальскому и Угличкому полкамъ артиллерійскій и штуцерной огонь, отъ котораго Угличкій полкъ, пока взбирался на гору, потерялъ болѣе ста человѣкъ (До этого времени, не будучи въ дѣлѣ, онъ имѣлъ только незначительную потерю отъ навѣсно-падавшихъ штуцерныхъ пуль). Когда же оба полка вышли изъ-подъ выстрѣловъ англійской батареи, англичане прекратили огонь.

Въ то время, какъ Угличкій полкъ достигъ вершины горы, въ остальной части отряда происходило слѣдующее: войска лѣваго фланга также отступали и находились уже за деревнею Аджи-Булатъ. Чтобы занять интервалъ, образовавшійся между войсками обоихъ фланговъ отряда, по удаленіи войскъ генерала *Кирьякова*, и прикрыть отступающихъ, по приказанію главнокомандующаго, генералъ-лейтенантъ *Кишинскій* поставилъ на небольшомъ возвышеніи, близъ бывшей позиціи главнаго резерва, три менѣе пострадавшія батареи: конно-легкую № 12-го и легкія №№ 3-го и 4-го 14-й артиллерійской бригады. Эти батареи, подъ

прикрытіемъ Волынскаго полка, открыли уже огонь. Правѣе ихъ строилась развернутымъ фронтомъ гусарская бригада.

Всѣ рѣшительно полки отступали безъ всякой суеты и въ совершенномъ порядкѣ; но здѣсь случилось обстоятельство, вслѣдствіе котораго генералъ-маіоръ *Вунш* въ своей статьѣ говоритъ такъ: «я засталъ войска наши уже отступившими отъ моста; одинъ батальонъ, безъ офицеровъ и въ числѣ менѣе 200 человѣкъ, отступалъ въ безпорядкѣ; главнокомандующій, замѣтивъ это, приказалъ собрать людей къ знамени, поставить передъ нимъ хоръ музыкантовъ и отступать съ музыкой; это было немедленно исполнено, и безпорядокъ изчезъ». Въ сущности же, это было иначе: Углицкій полкъ миновавъ уже строившуюся гусарскую бригаду, спускался въ лощину, образуемую вершиною долины Улукулъ, когда къ нему приблизился главнокомандующій съ своимъ штабомъ и поѣхалъ впереди полка. Полкъ шелъ стройно, предшествуемый хоромъ музыки; только батальоны, построившіеся на походѣ въ двѣ линіи, не соблюдали должныхъ интерваловъ и дистанцій и слишкомъ сблизились во время движенія. Уже давно полкъ вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ (1), и нѣсколько офицеровъ, идя кучкою сзади колонны, говорили, вѣроятно, о минувшемъ сраженіи. Въ пылу разговора, одинъ изъ нихъ произнесъ довольно громко команду: «бѣглымъ шагомъ, маршъ»; въ переднихъ рядахъ кто-то повторилъ эту команду (вѣроятно, принявъ ее за команду начальника), и полкъ побѣжалъ. Въ слѣдъ за этимъ два шальныя ядра, направленныя въ развернутую линію гусаръ, рикошетами пронеслись въ лощину, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ фланга полка. Шумъ ли этихъ ядеръ или топотъ бѣглаго шага заставилъ обернуться главнокомандующаго, ѣхавшаго саженяхъ въ двадцати впереди музыкантовъ, только князь остановилъ ло-

(1) Огонь французскихъ войскъ былъ отвлеченъ тремя батареями, дѣйствовавшими подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Кишинскаго*, и Углицкій полкъ, съ того времени какъ достигъ вершины горы, не подвергался выстрѣламъ.

шадь и съ неудовольствіемъ приказалъ остановить полкъ, а потомъ идти съ музыкою, что и было немедленно исполнено. Полкъ былъ огорченъ неудовольствіемъ князя: всѣ поняли, что ихъ подозрѣваютъ въ трусости; но—увы!—не нашлось никого, кто бы объяснилъ главнокомандующему причину, по которой батальоны шли бѣглымъ шагомъ. И такъ, не батальонъ безъ офицеровъ, въ которомъ было не болѣе 200 человѣкъ, а цѣлый полкъ, не участвовавшій въ дѣлѣ и уже долгое время не подвергаясь выстрѣламъ непріятельскимъ, считавшій себя внѣ всякой опасности, слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ небывшій подъ вліяніемъ паническаго страха, былъ остановленъ главнокомандующимъ. Что это былъ дѣйствительно Угличкій полкъ, а не разбитый батальонъ, это можетъ быть подтверждено тѣмъ, что только при одномъ этомъ полку, больной командиръ котораго оставался въ Симферополѣ, была полковая музыка. Командиры прочихъ полковъ, еще до сраженія, отправили музыкантовъ, вмѣстѣ съ обозами, къ рѣкѣ Качѣ. Кромѣ вышесказаннаго, какъ доказательство, что не разбитый и отъ моста отступавшій въ безпорядкѣ батальонъ былъ остановленъ главнокомандующимъ, можно привести слѣдующее: князь *Меншиковъ*, во время сраженія, не спускался внизъ съ вершины высотъ, тянувшихся на юго-востокъ отъ телеграфа, а изъ числа батальоновъ, сражавшихся при эполементѣ *G*, если который и отступалъ въ безпорядкѣ, то это могло быть лишь внизу, при подъемѣ на высоты, на которыхъ стоялъ общій резервъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока батальонъ могъ подвергаться выстрѣламъ англійскихъ войскъ, которыя, какъ сказано выше, не пошли далѣе горы *F*, а внѣ выстрѣловъ какая же причина могла заставить батальонъ отступать въ безпорядкѣ, т. е. бѣжать—говоря прямѣе?

Я счелъ долгомъ объяснить эти обстоятельства, чтобы, по словамъ генералъ-маіора *Вунша*, чье-либо подозрѣніе не пало на баталіоны Владимірскаго полка, который въ альмскомъ сраженіи исполнилъ все, что можно было требовать, и на который ближе всего можетъ пасть это обидное подозрѣніе, такъ какъ изъ всего вышеизложеннаго

читатель видитъ, что только этотъ полкъ выдерживалъ послѣдній напоръ непріятеля передъ мостомъ, а далѣе будетъ видно, что только его баталіоны, послѣ битвы, могли быть въ плачевномъ составѣ 200 человѣкъ. Вскорѣ послѣ этого эпизода, сдѣлавшаго самое непріятное впечатлѣніе на Углицкій полкъ, отрядъ, подъ прикрытіемъ котораго отступали войска, также началъ отступленіе. Непріятель не преслѣдовалъ и сраженіе было кончено. Весь отрядъ нашъ почевалъ за рѣкою Качею, а 9-го сентября отступилъ къ Севастополю.

Причины, по которымъ непріятель насъ не преслѣдовалъ, слѣдуетъ отнести ко многимъ обстоятельствамъ, которыя, взятыя вмѣстѣ, были достаточны для того, чтобы заставить союзниковъ отказаться отъ преслѣдованія; это было: упорное сопротивленіе наше, утомленіе войскъ, потеря, недостаточное количество кавалеріи, болѣзнь генерала *Сентъ-Арно*; но главная изъ нихъ состояла, вѣроятно, въ томъ, что власть надъ союзною арміею была раздѣлена между двумя главнокомандующими, и хотя *Сентъ-Арно* имѣлъ нѣкоторый авторитетъ, но все же дѣйствовалъ не иначе, какъ по соглашеніи съ лордомъ *Раглаиомъ*, и вопросъ о преслѣдованіи едва ли могъ быть положительно рѣшенъ передъ сраженіемъ. Сюда же надо отнести и то обстоятельство, что сраженіе кончилось довольно поздно, и непріятель не могъ разсчитывать на то, что, до наступленія ночи, успѣетъ овладѣть рѣкою Качею, лѣвый берегъ которой представлялъ тѣ же выгоды къ оборонѣ, какъ и позиція нашихъ войскъ, при р. Альмѣ. Слѣдовательно, послѣ неудачнаго преслѣдованія, за малочисленностію кавалеріи, союзникамъ могла предстать необходимость возвратиться на берегъ р. Альмы, потому что между Альмою и Качею лежитъ степь, совершенно безводная; а безъ воды нельзя же оставить утомленное войско.

Въ альмскомъ сраженіи мы потеряли убитыми, ранеными и безъ-вѣсти пропавшими 4 генерала, 23 штабъ и 170 оберъ-офицеровъ и 5,511 нижнихъ чиновъ: всего 5,708 человѣкъ; уронъ непріятеля состоялъ изъ 4,311. На долю полковъ 16-й пѣхотной дивизіи (не смотря на то, что они

вступили въ дѣло позже войскъ лѣваго фланга и менѣе подвергались артиллерійскому огню) приходится большая часть всей потери нашего отряда, а именно: 3 генерала, 9 штабъ и 82 оберъ-офицеровъ и 2,928 нижнихъ чиновъ, всего 3,022. Изъ числа выбывшихъ изъ строя, принадлежали: Владимірскому полку штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 42, въ томъ числѣ 14 ротныхъ командировъ. нижнихъ чиновъ 1.260; полку Его Высочества: 3 штабъ- и 25 оберъ-офицеровъ и 1,124 нижнихъ чиновъ; Суздальскому: 1 штабъ и 12 оберъ-офицеровъ и 407 нижнихъ чиновъ; Угличкій полкъ потерялъ оберъ-офицеровъ 5 и 137 нижнихъ чиновъ.

Столь значительную потерю 16-й пѣхотной дивизіи не слѣдуетъ ли отнести отчасти и къ тому, что у англичанъ цѣлые полки были вооружены штуцерами, тогда какъ у французовъ только 9 батальоновъ, изъ которыхъ не всѣ принимали дѣятельное участіе въ сраженіи. Огонь развернутыхъ французскихъ батальоновъ, вооруженныхъ гладкоствольными ружьями, хотя у нихъ употреблялись уже цилиндро-сферическія пули, все таки не могъ быть такъ губителенъ, какъ огонь развернутыхъ англійскихъ баталіоновъ, вооруженныхъ штуцерами.

IV.

Причину нашей неудачи въ альмскомъ сраженіи обыкновенно объясняютъ малочисленностію нашего отряда и недостаточнымъ числомъ штуцерныхъ, сравнительно съ союзною арміею. Иные же не вѣрятъ офиціальнымъ донесеніямъ главнокомандующихъ союзныхъ войскъ, и предполагаютъ, что потеря непріятеля въ альмскомъ сраженіи должна была равняться нашей. Но, вникнувъ во всѣ подробности сраженія, поневолѣ убѣждаешься, что причину нашей неудачи нельзя приписать исключительно малочисленности войскъ и недостатку въ штуцерныхъ, да и относительно урона со стороны непріятеля, кажется, можно допустить, что цифра 4,311 не должна значительно разниться съ истиной.

Оставя въ сторонѣ соображенія, руководившія нами при

избраніи момента и мѣста встрѣчи съ непріятелемъ, взглянемъ только на то, какъ приготовились мы защищать избранную нами позицію.

При первомъ взглядѣ, насъ поражаютъ три обстоятельства, которыя и были главною причиною какъ неуспѣха, такъ равно и большей потери съ нашей стороны. *Первое* то, что мы не расчистили садовъ и не уничтожили каменныхъ оградъ на правомъ берегу р. Альмы; *второе*—не позаботились объ устройствѣ хоть кое-какихъ ложементовъ для стрѣлковъ; для всѣхъ этихъ работъ недостатка въ людяхъ быть не могло: со дня высадки, стали прибывать войска, и къ 3 сентября, на Альмѣ, было болѣе 30 батальоновъ (что можно видѣть изъ примѣчанія къ таблицѣ № 1-й), и, наконецъ, *третье*: мы не заняли войсками и даже не поставили наблюдательнаго поста на высотахъ между оврагомъ *D* и мысомъ *A*. Эти высоты, кромѣ того, можно было окопать и сдѣлать недоступными для подъема, что не требовало большаго труда, потому что крутизны и сами по себѣ были едва доступны. Этого также не было сдѣлано.

Такимъ образомъ, мы сберегли непріятелю надежную защиту отъ нашихъ выстрѣловъ и свободный проходъ во флангѣ нашего отряда, а сами, оставаясь совершенно открытыми, приготовились вдобавокъ встрѣтить врага, большею частію, въ массивныхъ батальонныхъ колоннахъ.

Сады, окруженные каменными оградами, давали непріятелю столько удобствъ къ защитѣ, что мы лишены были возможности перейти въ наступленіе. Отбивъ атаку и обративъ въ бѣгство, мы не могли преслѣдовать врага и довершить пораженіе: переправясь за рѣку, онъ былъ уже за крѣпостными воротами.

Имѣя малое количество штуцеровъ, мы, по необходимости, употребляли простыхъ застрѣльщиковъ, вооруженныхъ гладкоствольными ружьями, при патронахъ съ круглыми пулями. Застрѣльщики, будучи совершенно открыты, не могли держаться на такомъ близкомъ разстояніи отъ цѣпи непріятельскихъ штуцерныхъ, чтобы выстрѣлы ихъ были достаточно мѣтки, а удары круглыхъ пуль вполнѣ дѣй-

ствительны (¹). Скрытые за оградами непріятельскіе стрѣлки такъ мало подвергались опасности отъ огня нашихъ застрѣльщиковъ, что, по собственному выбору, могли направлять свои выстрѣлы то на колонны, то на артиллерію. Это они дѣлали постоянно, ибо артиллерія и колонны представляли лучшую цѣль для выстрѣла, не смотря на нѣсколько большую дальность разстоянія. Еслибы застрѣльщики наши могли держаться поближе, то привлекали бы на себя огонь непріятельской цѣпи, что было бы для насъ несравненно выгоднѣе.

По недостатку штуцерныхъ, намъ слѣдовало стараться употребить въ дѣло какъ можно болѣе артиллеріи, которой мы имѣли въ достаточномъ количествѣ. Но у насъ было только два эполемента, въ которыхъ помѣщались двѣ батареи, а остальныя, не имѣя никакого прикрытія, теряли столько людей и лошадей въ короткое время, что не могли долго держаться подъ штуцернымъ огнемъ. Легкія батареи 16-й артиллерійской бригады, расположенныя на той же самой позиціи, гдѣ находились въ началѣ боя, могли бы принести огромную пользу и держаться столько же, сколько и батарейная батарея той же бригады, если бы были прикрыты эполементами и не имѣли въ столь близкомъ сосѣдствѣ садовъ и оградъ.

Но гибельнѣе всего было для насъ то, что мы не укрѣпили и не заняли войсками высоты между мысомъ *A* и оврагомъ *D*. Появленіе колонны *Боске* на флангѣ нашего отряда рѣшило судьбу сраженія, какъ это было объяснено выше, и только тогда мы постигли свою ошибку. Что мы могли занять войсками пространство отъ моря до оврага *D*, не опасаясь огня непріятельскаго флота, это можетъ доказать слѣдующій фактъ.

Въ день высадки союзныхъ войскъ, на мысѣ *A*, въ старомъ татарскомъ укрѣпленіи, стояла 2-я гренадерская

(¹) Въ слѣдствіе этого, легко могло случиться, что у союзниковъ, послѣ альмскаго сраженія число убитыхъ, сравнительно съ числомъ раненыхъ, было менѣе обыкновенной соразмѣрности одного убитаго на двухъ раненыхъ.

рота Владимірскаго полка (1). Въ $9^1/_2$ часовъ утра, къ устью рѣки Альмы подошли 8 непріятельскихъ фрегатовъ (то была эскадра, имѣвшая порученіемъ сдѣлать диверсію къ р. Качѣ), и четыре изъ нихъ открыли огонь по старому татарскому укрѣпленію. Почти до половины перваго, непріятель, не переставая, стрѣлялъ разрывными снарядами. Во все продолженіе канонады, гренадеры стояли въ ротной колоннѣ, и когда эскадра ушла по направленію къ р. Качѣ, оказалось, что только одинъ осколокъ бомбы попалъ въ ротный котелъ. Причиной подобнаго результата трехъ-часовой канонады была значительная высота мыса *A*. Слѣдовательно, мы могли безъ опасенія занять разсыпнымъ строемъ все вышеозначенное пространство. Если бы на этой мѣстности *кое-гдѣ были* обрыты *подъемы*, а въ оврагахъ устроены завалы и ложементы, то для обороны позиціи, на протяженіи двухъ верстъ, было бы достаточно одного баталіона и нѣсколькихъ десятковъ штуцерныхъ, и непріятель, послѣ первой же попытки, навѣрно отказался бы отъ намѣренія атаковать эти высоты (2). Позицію, занятую резервными баталіонами 13-й пѣхотной дивизіи, также легко можно было привести въ такое состояніе, что непріятель предпочелъ бы атаковать насъ тамъ, гдѣ мѣстность представляла легчайшіе подступы, а черезъ одно это мѣсто битвы могло быть удалено отъ моря не на двѣ, а на четыре версты, что дало бы намъ возможность сосредоточить почти всѣ наши силы только на остальныхъ трехъ верстахъ занятой нами позиціи. Такимъ образомъ могла быть устранена важная ея невыгода—растянутость.

(1) Выше было сказано, что ежедневно на мысъ Улукулъ посылался батальонъ при четырехъ орудіяхъ, а на мысъ *A* одна рота. Настоящую цѣль такого распоряженія трудно опредѣлить: для наблюденія было бы достаточно нѣсколькихъ козаковъ, высадка же войскъ въ этомъ мѣстѣ была неудобна, да и воспрепятствовать этому такіе ничтожные отряды не могли. Такимъ образомъ, войска напрасно подвергались утомленію и порою огню проходившихъ мимо непріятельскихъ судовъ.

2) Что колонна *Боске* предназначалась болѣе для отвлеченія нашихъ силъ къ лѣвому флангу, чѣмъ для рѣшительной атаки, это подтверждаютъ лучшія французскія описанія крымской войны.

Прибавивъ ложементы къ укрѣпленіямъ, бывшимъ на горѣ *F* и противу моста, мы могли сзади этой позиціи укрѣпить еще другую, не менѣе сильную мѣстность, на высотахъ, у подошвы которыхъ стоялъ Углицкій полкъ въ концѣ сраженія. Такимъ образомъ, скопленіе силъ непріятеля близъ деревни Бурлюкъ не могло быть намъ опасно.

Взглянемъ на то, что могъ предпринять непріятель, отказавшись атаковать насъ на высотахъ, между телеграфомъ и берегомъ моря. Всего вѣроятнѣе, можно предположить, слѣдующее: для поддержанія сообщенія съ флотомъ и наблюденія за войсками нашего лѣваго фланга, оставя небольшой отрядъ близъ деревни Альма-Тамакъ, вѣрнѣе всего турецкихъ войскъ (мы не могли рѣшиться, спустясь съ обрывовъ, атаковать непріятеля въ этомъ пунктѣ, и потому было бы довольно оставить однихъ турокъ), союзники стянули бы всю армію къ деревнѣ Бурлюкъ и, вѣроятно, черезъ деревню Тарханларъ направили бы сильную колонну для обхода нашего праваго фланга (Обходная колонна могла быть, при большей сосредоточенности войскъ, несравненно сильнѣе колонны *Боске*). Затѣмъ, непріятель атаковалъ бы насъ одновременно съ фронта и фланга. Допустимъ, что мы не могли бы удержаться въ первой линіи своихъ укрѣпленій. Тогда, продавъ дорогою цѣною гору *F* и мѣстность близъ эполемента *G*, мы встрѣчали врага на другой укрѣпленной и не менѣе сильной мѣстности, лѣвый флангъ которой составляла бы вершина телеграфной горы. Взять, одну за другою, двѣ укрѣпленныя позиціи на высокихъ горахъ тѣмъ болѣе было бы трудно непріятелю, что мѣстность, лежавшая правѣе ихъ, представляла возможность съ успѣхомъ употребить въ дѣло нашу кавалерію. Теперь, если прибавить ко всему сказанному, что на обѣихъ позиціяхъ мы всегда сохраняли возможность переходить изъ оборонительнаго положенія въ наступленіе, то преимущества вышеизложеннаго плана дѣйствій передъ тѣмъ, какого держались мы въ альмскомъ сраженіи, будутъ очевидны и, дѣйствуя по этому плану, не смотря на малочисленность отряда, мы могли бы одержать побѣду. Наконецъ допустимъ, что непріятель выбилъ

бы насъ и изъ второй нашей позиціи, —то, во всякомъ случаѣ, исходъ битвы былъ бы для насъ болѣе благопріятный: за побѣду непріятель заплатилъ бы потерею, превышающею, по крайней мѣрѣ, вдвое уронъ нашихъ войскъ.

Теперь предположимъ другой планъ дѣйствій со стороны непріятеля. Положимъ, что, увѣренный въ побѣдѣ, онъ рѣшился бы на время не имѣть сообщенія съ флотомъ и, не атакуя насъ съ фронта, обрушилъ бы всю массу своихъ войскъ лишь на правый флангъ нашъ, угрожая ему при этомъ атакой съ тыла. Въ такомъ случаѣ, принять бой съ малочисленнымъ отрядомъ нашимъ было бы дерзко, и намъ пришлось бы отступить безъ боя. Но непріятель, вѣроятно, не сталъ бы дѣйствовать такимъ образомъ, предвидя, что мы не примемъ сраженія: онъ долженъ былъ желать боя, чтобы разбить насъ прежде, чѣмъ явится подъ Севастополемъ. Наконецъ и отступить безъ боя намъ все таки было бы выгоднѣе, чѣмъ отступить съ потерею, превышающею на 1,400 человѣкъ уронъ непріятеля. По крайней мѣрѣ, это имѣло бы менѣе вредное вліяніе на духъ нашихъ войскъ.

Въ обоихъ случаяхъ, и вообще, какъ бы ни дѣйствовали союзники, мы не рисковали быть опрокинутыми въ море: атаки кавалеріи нашей, задерживая лѣвый флангъ союзной арміи, всегда могли дать намъ возможность отступить за рѣку Качу. Тѣмъ менѣе должны мы были опасаться такой катастрофы, что одна пѣхота не могла бы и преслѣдовать такъ стремительно; кавалеріи же непріятель не могъ имѣть много, что можно было предвидѣть, зная затрудненія, съ которыми сопряжена перевозка конницы на судахъ. Отступивъ безъ боя или съ боя за рѣку Качу, мы могли подняться вверхъ по ея теченію, и, предоставя союзной арміи слѣдовать къ Севастополю между нами и моремъ, нападать на нее при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ могли мы поступить и послѣ бывшаго альмскаго сраженія, тѣмъ болѣе, что намъ не было необходимости заходить въ Севастополь: можно было съ рѣки Качи отправить часть войска для усиленія гарнизона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, послать приказаніе артиллерійскому парку и другимъ

обозамъ немедленно идти къ Бахчисараю. черезъ Мекензіеву гору. Обозы 9-го сентября къ вечеру могли совершить это движеніе. Прочія подобныя распоряженія могли быть сдѣланы такимъ же образомъ; провіантъ былъ и въ Бахчисараѣ, и въ Симферополѣ, а войска, прибывшія отъ генерала Хомутова и усилившія собою нашъ отрядъ, могли присоединиться къ нему и внѣ Севастополя.

Въ заключеніе не могу не повторить, что для всѣхъ земляныхъ работъ у насъ не было недостатка ни во времени, ни въ рабочихъ: съ 3-го сентября, безъ особаго отягощенія для войскъ, мы могли ежедневно употребить на работу 10,000—15,000 человѣкъ, такъ что въ 5 дней непремѣнно всѣ предназначенныя работы могли быть готовы. Вспомнимъ работы въ Севастополѣ.

Къ чему же отнести нашу непредпріимчивость и непредусмотрительность?... Кажется, что было бы несправедливо сложить всю вину на одно лицо: всякому человѣку, порою даже и генію, свойственно болѣе или менѣе увлекаться общественнымъ мнѣніемъ, а до крымской войны всѣ мы, за весьма рѣдкими лишь исключеніями, смотрѣли на военное дѣло съ точки зрѣнія суворовской поговорки: «пуля дура, а штыкъ молодецъ». Въ этихъ словахъ, великій Суворовъ мѣтко изобразилъ характеръ военнаго дѣла своего времени; но со введеніемъ въ войскахъ штуцеровъ, односторонность такого понятія становится очевидной. Не испытавъ въ бояхъ дѣйствія штуцернаго огня, мы не обратили надлежащаго вниманія на это нововведеніе, и до дня альмскаго сраженія оставались при старой вѣрѣ въ могущество русскаго штыка и пренебрегали пулею. Вслѣдствіе этого, мы не предполагали, что штуцерный огонь будетъ играть главную роль въ предстоявшемъ сраженіи, и не считали крайней необходимостью какъ уничтоженіе садовъ и оградъ на правомъ берегу рѣки, такъ равно и возведеніе большаго числа укрѣпленій на занятой нами позиціи. Считая высоты противу д. Альма-Тамакъ мало доступными для подъема и разсчитывая, въ случаѣ нужды, безъ большаго труда сбросить съ нихъ непріятеля штыками, мы

не подумали увеличить препятствія къ обходу нашего лѣваго фланга.

Итакъ, разсмотрѣвъ приготовленія наши къ защитѣ избранной нами позиціи, мы видимъ, что въ нихъ именно, благодаря тактическимъ повѣрьямъ нашимъ, заключались главнѣйшія причины неудачнаго исхода альмской битвы.

Быть можетъ, нѣкоторые упрекнутъ меня въ томъ, что я придаю уже слишкомъ много важности тщательному укрѣпленію позиціи и предварительному расположенію войскъ; быть можетъ, приведутъ даже примѣры изъ военной исторіи, гдѣ ошибки диспозиціи въ первый же моментъ боя исправлялись маневрами, и сраженіе все-таки было выиграно. Согласенъ; но въ военномъ дѣлѣ не слѣдуетъ пренебрегать самымъ ничтожнымъ, повидимому, обстоятельствомъ, а какъ мы могли, то и должны были тщательнѣе обдумать предварительное размѣщеніе войскъ и укрѣпить нашу позицію, тѣмъ болѣе, что ожидали встрѣчи съ непріятелемъ, сильнѣйшимъ по численности.

Теперь обратимся къ обстоятельствамъ случайнымъ, имѣвшимъ важное вліяніе на неудачный исходъ сраженія. Нѣкоторыя изъ сихъ случайныхъ обстоятельствъ ускорили окончаніе боя. Къ этой категоріи должно отнести отступленіе войскъ ген. *Кирьякова*, которое облегчило подъемъ на высоты дивизіямъ *Канробера* и принца *Наполеона* и тѣмъ ускорило конецъ сраженія. Если бы войска *Кирьякова* оставались на своей позиціи, то дивизія *Канробера* должна бы была потерять лишнее время для обхода черезъ оврагъ *B*, а все же достигла бы вершины высотъ безъ потери и пристроилась бы точно также къ дивизіи *Боске*. Было бы неразсчетливо со стороны французовъ штурмовать гору, когда они могли, посредствомъ простаго обхода, сперва подняться на вершину ея, а потомъ уже атаковать насъ. Дивизіи принца *Наполеона*, размѣщенной въ садахъ д. Альма-Тамакъ, было за-глаза довольно, чтобы отбить атаку съ нашей стороны, если бы мы вздумали перейдти въ наступленіе на этомъ пунктѣ, что, впрочемъ, было для насъ и невозможно; слѣдовательно, дивизія *Форе*, бывшая въ резервѣ, могла бы также присоединиться къ *Боске*, и

тогда результатъ былъ бы тотъ же: мы не могли бы устоять противу совокупнаго натиска трехъ французскихъ дивизій. Вотъ, если бы въ самомъ началѣ боя мы сбросили съ вершины колону *Боске*, тогда еще можно бы было спорить за побѣду, и сдѣлать это, можетъ быть, удалось бы даже послѣ того, какъ Московскій полкъ опоздалъ прибытіемъ. Стоило только вмѣсто Минскаго полка послать Тарутинскій, которому легче было успѣть во-время присоединиться къ Московскому, т. е., когда Боске былъ на высотахъ. Лѣво-фланговый баталіонъ Тарутинскаго полка, безполезно стоявшаго во второй линіи за резервными баталіонами 13-й пѣхотной дивизіи, находился въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ вступилъ въ дѣло Московскій полкъ, тогда какъ Минскому предстояло пройти болѣе 3-хъ верстъ. Мы ничѣмъ не рисковали при такомъ распоряженіи: въ это время, непріятель, атаковавшій насъ съ фронта, не занялъ еще садовъ д. Альма-Тамакъ, и Минскій полкъ всегда успѣлъ бы стать во вторую линію на мѣсто Тарутинскаго, если это считалось необходимымъ.

Не бывъ очевидцемъ всего происходившаго на лѣвомъ флангѣ, я не могу сказать утвердительно, что, дѣйствуя такимъ образомъ, мы непремѣнно могли очистить вершину высотъ отъ непріятеля: могъ опоздать и Тарутинскій полкъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ подоспѣлъ бы вдвое скорѣе Минскаго, и это очевидно.

О дѣйствіяхъ полковъ 16-й пѣхотной дивизіи я могу говорить смѣлѣе.

Изъ хода сраженія можно заключить, что князь *Горчаковъ*, видя настойчивое стремленіе непріятеля переправиться черезъ мостъ, оставляя броды, составилъ слѣдующій планъ обороны: каждый разъ, какъ только часть англійскихъ войскъ, подъ градомъ картечи и пуль, достигнетъ лѣваго берега, опрокидывать ее штыками за мостъ, и потомъ снова обстрѣливать переправу картечью. Этотъ маневръ, хорошо выполняемый и повторенный два или три раза, дѣйствительно могъ разстроить, значительно ослабить непріятеля и приготовить намъ возможность перейти въ наступленіе.

Приказаніе идти въ атаку только двумъ батальонамъ Великаго князя Михаила Николаевича полка, противъ перваго перешедшаго мостъ англійскаго батальона (вслѣдъ за которымъ уже стремился, разумѣется, и другой), есть ни что иное, какъ выраженіе вышеизложеннаго плана: два батальона не могли быть посланы съ иною цѣлью, какъ только прогнать равносильнаго имъ непріятеля за рѣку и послѣ этого тотчасъ отступить. Въ сущности же, случилось не такъ: 3-й и 4-й батальоны пошли въ атаку, и непріятель тотчасъ же отступилъ за мостъ; стало быть, цѣль была достигнута, и батальонамъ слѣдовало возвратиться. Но командиръ полка, полковникъ *Селезневъ*, которому не была передана цѣль атаки, а только (1) приказано вести въ штыки два батальона своего полка, продолжалъ идти съ ними къ мосту. Послѣдствія этого извѣстны: два батальона лишились половины своего состава, и непріятель овладѣлъ эполементомъ съ двумя орудіями, которыя на немъ были оставлены.

Если бы полковникъ *Селезневъ* получилъ приказаніе *прогнать непріятеля обратно за мостъ*, а не «*ударить въ штыки такимъ то батальономъ*», то вѣроятно движеніе было бы исполнено удачнѣе.

При этомъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, для того, чтобы вышеизложенный маневръ принесъ надлежащую пользу, слѣдовало дать переправиться подъ картечью большему числу англійскихъ войскъ и тогда уже атаковать ихъ въ штыки, но не двумя, разумѣется, а соразмѣрнымъ числомъ батальоновъ. Англійская дивизія, ослабленная на переправѣ огнемъ артиллеріи, должна бы была неминуемо отступить при натискѣ двухъ нашихъ полковъ. Но, бросившись къ мосту, она не успѣла бы ускользнуть такъ, какъ это удалось одному батальону, и отсталые погибли бы на штыкахъ нашихъ. Кромѣ того, эта совершенно разстроенная и смѣшавшаяся на мосту дивизія, отступивъ въ безпорядкѣ, если бы даже и успѣла избѣжать нашего

(1) Офицеръ, передававшій приказаніе, и понынѣ служитъ въ 16-й пѣхотной дивизіи.

удара, то. стѣсненная на правомъ берегу оградами и строеніями, не могла бы такъ скоро построиться или очистить проходъ для войскъ второй линіи. какъ это сдѣлалъ одинъ батальонъ. Слѣдовательно. непріятель не могъ бы двинуться въ атаку по пятамъ нашихъ полковъ, когда бы тѣ начали отступать къ своимъ мѣстамъ. и англичане не овладѣли бы эполементомъ *G* такъ безнаказанно, какъ это случилось послѣ преждевременной атаки съ нашей стороны.

Но возвращеніи эполемента Владимірскимъ полкомъ. мы вторично атаковали непріятеля. Эта атака была сдѣлана, какъ сказано выше, въ надеждѣ выиграть время для занятія артиллеріею эполемента *G*. Здѣсь храбрый Владимірскій полкъ былъ совершенно напрасною жертвою. На лѣвомъ флангѣ. дѣло было окончательно проиграно. и если бы даже артиллерія успѣла занять эполементъ *G*. то и это не принесло бы ровно никакой пользы: правый флангъ нашъ долженъ бы былъ отступить съ появленіемъ французовъ на телеграфной горѣ. Слѣдовательно, было бы несравненно выгоднѣе для насъ, по возвращеніи эполемента *H*, оставить въ немъ владимірцевъ удерживать на нѣкоторое время непріятеля, а батареямъ, бывшимъ на горѣ *F*. тотчасъ же приказать начать отступленіе. Подобное распоряженіе сберегло бы намъ 1,000 человѣкъ, если не болѣе. Но князь *Горчаковъ* не могъ поступить такимъ образомъ, не зная объ отступленіи лѣваго фланга: объ этомъ онъ не получалъ увѣдомленія. Причина такого недоразумѣнія заключается въ ошибочности усвоившихся въ нашей арміи понятій: у насъ не было принято за непремѣнное правило, чтобы частные начальники какъ можно чаще увѣдомляли другъ друга о всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ боя. Если же увѣдомленія и посылались, то въ тѣхъ, развѣ, случаяхъ, когда побуждала къ тому лишь крайняя необходимость; а для одного соображенія тактическихъ дѣйствій считалось излишнимъ бременемъ часто сообщать сосѣднимъ войскамъ о всякой перемѣнѣ. Особенно же рѣдко соблюдалось это въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было предположить, что сосѣдняя часть войска и безъ того можетъ замѣтить происходящую перемѣну. причемъ обыкновенно упускалось

изъ виду, что хотя сосѣднимъ войскамъ съ ихъ позиціи и можно видѣть случившееся, но начальникъ ихъ, по какой либо необходимости, могъ находиться на мѣстности, съ которой не видѣлъ даже и большей части войскъ, ему подчиненныхъ. Такъ случилось и тутъ: князь Петръ Дмитріевичъ *Горчаковъ*, находясь у эполемента *G*, не могъ видѣть отступленіе лѣваго фланга.

Не могу при этомъ не присовокупить, что батарея, занимавшая эполементъ *G*, благополучнымъ отступленіемъ своимъ обязана исключительному мужеству Владимірскаго полка. Онъ былъ посланъ въ атаку, но вмѣстѣ съ этимъ не было сдѣлано никакого распоряженія, чтобы другая какая-либо часть заняла эполементъ *G* (лучше всего было употребить для этого Угличкій полкъ), съ цѣлію поддержать атакующихъ, или, въ случаѣ надобности, прикрыть ихъ отступленіе. Огонь непріятеля мгновенно вырвалъ половину Владимірскаго полка и большую часть его офицеровъ, въ слѣдствіе чего полкъ отступилъ въ неизбѣжномъ безпорядкѣ. Не смотря на то, равно и на то, что французы заняли уже телеграфную гору, съ которой гремѣла ихъ батарея, полкъ по приказанію сталъ за эполементомъ, и огнемъ своимъ остановилъ въ десятеро сильнѣйшаго непріятеля. Не будь этого, артиллерія не успѣла бы отступить съ горы *F* безнаказанно.

Вотъ все, что я могу сказать о ходѣ альмской битвы, заставившей насъ менѣе разсчитывать на непобѣдимость нашего штыка и обратить болѣе вниманіе на штуцерное оружіе.

Чтобы выказать вполнѣ степень нашего невниманія къ штуцеру до крымской кампаніи, я долженъ сказать, что, несмотря на малочисленность штуцерныхъ, бывшихъ при нашемъ отрядѣ, они не всѣ участвовали въ дѣлѣ. Тѣ же, которые находились въ цѣпи, будучи употреблены безъ должнаго разсчета, не принесли надлежащей пользы. Такъ, первый полубатальонъ 6-го стрѣлковаго батальона могъ бы быть употребленъ съ большею пользою противу моста, нежели на правомъ флангѣ, гдѣ можно было замѣнить его застрѣльщиками и штуцерными Суздальскаго полка. Кромѣ

того 1-я и 2-я стрѣлковыя роты, также какъ и роты 2-го полубатальона, не могли отыскать своихъ патронныхъ ящиковъ, и потому должны были расходовать патроны экономически. То же самое случилось съ нѣкоторыми полками, и даже, какъ я слышалъ, съ артиллеріею. Но о патронныхъ ящикахъ я скажу нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ; теперь же обратимся опять къ штуцернымъ. Кромѣ 6-го стрѣлковаго батальона, у насъ было при каждомъ полку по 96 стрѣлковъ, вооруженныхъ штуцерами. Слѣдовательно, всѣхъ штуцерныхъ мы имѣли около 1,700 человѣкъ, а можетъ быть и болѣе. Полковые штуцерные стрѣлки не только не были сведены въ одинъ или два батальона, но и въ полкахъ дѣйствовали большею частію не отдѣльными командами, а находясь при своихъ ротахъ. Въ слѣдствіе такого распоряженія, во время битвы, пальбу производили штуцерные только тѣхъ ротъ, коихъ застрѣльщики были разсыпаны; по этому большая часть (по крайней мѣрѣ $^2/_3$) полковыхъ штуцерныхъ не выпустила ни одного патрона. Тѣ же изъ нихъ, которые находились въ цѣпи, дѣйствовали не тамъ, гдѣ выстрѣлы ихъ могли принесть наибольшую пользу, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пришлось разсыпаться застрѣльщикамъ ротъ, въ которыхъ они состояли. Очевидно, что если бы до сраженія сформировали изъ штуцерныхъ сводные баталіоны, то было бы возможно употребить ихъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было нужнѣе, и сверхъ того они всѣ до единаго могли бы участвовать въ перестрѣлкѣ. Весьма важно также и то, что, дѣйствуя отдѣльно, штуцерные оставались бы подъ начальствомъ тѣхъ офицеровъ (завѣдывавшихъ въ полкахъ штуцерными командами), къ которымъ привыкли. Эти офицеры съумѣли бы направить ихъ выстрѣлы и не позволили бы стрѣлять на вѣтеръ (и кто поручится, что этого не случалось и съ штуцерными?) (¹); застрѣльщичьи же офицеры не обращали на это никакого вниманія.

(¹) Надо замѣтить, что для завѣдыванія штуцерными въ полкахъ назначали самыхъ опытныхъ, старательныхъ и вообще самыхъ лучшихъ офицеровъ; тогда какъ съ застрѣльщиками посылали обыкновенно неопытныхъ прапор-

Наши штуцерные были доведены въ стрѣльбѣ до такого совершенства, выше котораго излишне требовать; непріятельскіе же стрѣлки стрѣляли несравненно хуже (что можно было замѣтить и при Альмѣ, особенно же въ Севастополѣ), такъ что наши 1.700 человѣкъ стоили по крайней мѣрѣ 3,000 непріятельскихъ штуцерныхъ, и если бы всѣ эти 1,700 человѣкъ были употреблены въ дѣло съ должнымъ разсчетомъ, еслибъ къ тому же не случилось недостатка въ патронахъ, то, можетъ быть, не смотря ни на что, потеря непріятеля сравнилась бы съ нашей.

Я говорилъ уже, что стрѣлковый батальонъ и нѣкоторые полки не могли отыскать своихъ патронныхъ ящиковъ (1). Съ нѣкоторыми изъ батарей случилось почти тоже, но въ артиллеріи обыкновенно въ этихъ случаяхъ посылаютъ офицеровъ, которые, будучи верхомъ, рано или поздно, все-таки находятъ свой паркъ; въ полкахъ же ротные командиры посылаютъ за патронами пѣшихъ солдатъ, которыхъ розыски, разумѣется, не могутъ быть столь скоры и успѣшны, какъ если бы послали коннаго офицера. Въ полкахъ, впрочемъ, еще есть достаточное количество батальонныхъ адъютантовъ, и только по нераспорядительности они не бываютъ употребляемы для отысканія патронныхъ ящиковъ. Но положеніе ротъ стрѣлковыхъ батальоновъ, въ такихъ случаяхъ, можетъ быть иногда совершенно безпомощно, особенно же, когда ротамъ придется дѣйствовать не вмѣстѣ, а при разныхъ частяхъ отряда. Не могу сказать утвердительно, но я слышалъ, что стрѣлковые батальоны, подобно полкамъ, не всегда брали въ дѣло патронные ящики всѣхъ ротъ, и довольствовались однимъ или двумя на весь батальонъ. Въ каждомъ сраженіи, какъ было и въ альмекомъ, можетъ случиться, что совершенно неожиданно батальонъ раздѣлится на части и

щиковъ. Штуцерные въ мирное время постоянно находились въ отдѣльныхъ командахъ, такъ что не только застрѣльщичьи офицеры, но и ротные командиры были для нихъ мало знакомыми личностями, и въ ротахъ всегда считали штуцерныхъ какъ бы только значащимися по спискамъ.

(1) Это произошло отъ того, что не были предварительно опредѣлены мѣста, гдѣ именно должны стать патронные ящики.

всѣ четыре роты будутъ находиться въ цѣпи, въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи, — тогда какъ раздѣлить два патронные ящика между четырьмя ротами?... Кажется. что, въ избѣжаніе подобныхъ случаевъ, надо бы положить непремѣннымъ правиломъ, чтобы патронные ящики въ стрѣлковыхъ батальонахъ, передъ вступленіемъ въ бой. поступали въ непосредственное распоряженіе ротныхъ командировъ; ротнаго командира ближе всего касаются такія обстоятельства. и онъ, вѣроятно. не упуститъ изъ виду позаботиться. чтобы рота не осталась безъ патроновъ.

8-го сентября. какъ и въ остальныхъ сраженіяхъ крымской кампаніи. полки не взяли съ собою всѣхъ патронныхъ ящиковъ. а потому и въ этой битвѣ легко было замѣтить неудобство размѣщенія запасныхъ штуцерныхъ патроновъ во всѣхъ 16-ти патронныхъ ящикахъ: если изъ нихъ полкъ возьметъ съ собою только четыре, то штуцерные будутъ имѣть только четвертую долю своихъ запасныхъ патроновъ. Но на этотъ разъ. такое неудобство какъ-то ускользнуло отъ вниманія. и только послѣ сраженія 24-го сентября, въ полкахъ, дали штуцернымъ отдѣльные патронные ящики.

Весьма важное неудобство заключается также въ принятомъ у насъ и до сихъ поръ неизмѣнномъ порядкѣ доставленія въ цѣпь запасныхъ патроновъ, которые обыкновенно солдаты переносятъ въ полахъ своихъ шинелей. Неся такимъ образомъ патроны, солдатъ теряетъ ихъ и можетъ замочить въ ненастную погоду; но главное, онъ не можетъ принести въ полѣ шинели большаго количества патроновъ, почему приходится отряжать изъ цѣпи значительныя команды. Эти командировки стоютъ лишней потери въ людяхъ, особенно, если цѣпь пользуется какимъ-либо мѣстнымъ или искуственнымъ прикрытіемъ, и кромѣ того такое откомандированіе значительно ослабляетъ цѣпь на все то время. пока посланные не возвратятся съ патронами. Подобное неудобство, кажется, можно бы устранить измѣненіемъ внутренней конструкціи патронныхъ ящиковъ. Та часть ящика. въ которой хранятся патроны, имѣетъ слѣдующее устройство: внутренность ея раздѣлена

перегородками на четыре части, въ каждой изъ нихъ помѣщаются по два ящика, или двѣ веки, какъ ихъ называютъ. Слѣдовательно, всѣхъ векъ 8. Изъ нихъ одна содержитъ въ себѣ капсюли, а въ остальныхъ уложено 10,000 патроновъ, болѣе 1,400 въ каждой. 1,400 патроновъ солдатъ не въ состояніи пронести до цѣпи; но, умноживъ число векъ, можно уменьшить ихъ въ объемѣ, такъ, чтобы въ каждой изъ нихъ помѣщалось не болѣе 500 патроновъ. Века съ 500-ми штуцерными патронами будетъ вѣсить около 70-ти фунтовъ, тяжесть, которую можетъ перенесть одинъ человѣкъ на разстояніи версты и патроны могли бы быть доставляемы въ цѣпь не въ полахъ солдатскихъ шинелей, а въ векахъ. Но какъ солдатъ, неся ружье, имѣетъ только одну руку свободною, а одной рукой невозможно донести тяжесть въ 70 фунтовъ, то веки надо устроивать такъ, чтобы къ нимъ могли пристегиваться ременныя перевязи. На перевязи, надѣтой черезъ плечо, солдатъ безъ большаго труда донесетъ веку съ 500 патронами. Слѣдовательно, чтобы перенесть къ ротѣ полный комплектъ патроновъ (10,000), достаточно употребить 20 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ, тогда какъ при старомъ порядкѣ надо употребить не менѣе 60-ти,—въ полѣ шинели, придерживая ее только одною рукою, потому что въ другой долженъ нести ружье, солдатъ не можетъ донести болѣе 20—25 фунтовъ. Переноска патроновъ въ векахъ имѣла бы еще и тѣ преимущества, что патроны не терялись бы, а равно не замокали бы въ дождевую погоду. Такъ или иначе, но не мѣшало бы устранить неудобство, столь ощутительное для ротъ, находящихся въ цѣпи во время сраженія.

Въ альмекомъ сраженіи мы окончательно убѣдились также въ неудобствѣ тогдашнихъ патронныхъ сумъ, а равно и въ томъ, что каски скорѣе приносили вредъ, чѣмъ пользу. Доставая патроны, насыпанные какъ попало въ суму, висѣвшую сзади подъ ранцемъ, солдатъ, вмѣсто одного, захватывалъ нѣсколько патроновъ, и лишніе падали на землю. Сверхъ того, патроны терялись, выскакивая изъ растегнутой сумы при всякомъ быстромъ движе-

ніи солдата, и можно утвердительно сказать, что изъ числа патроновъ, израсходованныхъ пѣхотою во время сраженія, не менѣе третьей части было растеряно. Недавно введенные патронташи несравненно удобнѣе сумъ. Чтожъ касается касокъ, то онѣ, нагрѣтыя лучами солнца, причиняли головную боль, а въ сраженіи мѣшали цѣлить (¹), и блескъ ихъ мѣдныхъ украшеній указывалъ ясно непріятелю, за какимъ именно кустомъ залегъ нашъ застрѣльщикъ. Когда же войска стояли на бивуакахъ довольно долго, то, развѣшенныя на ружейныхъ козлахъ, каски до того сѣхались, что солдаты только съ большимъ трудомъ и не щадя головы, страдавшей отъ боли, могли надѣть ихъ.

Шанцевый инструментъ, столь красивый на инспекторскихъ смотрахъ, оказался также мало годнымъ къ употребленію: желѣзо было такъ мягко, что въ весьма короткое время острія въ инструментахъ (не выключая кирки и мотыги) тупились и загибались; кромѣ того, топоры соскакивали съ топорищъ, дерево ломалось и такъ далѣе. Впрочемъ, всѣ подобные недостатки въ нашемъ военномъ снарядѣ еще рѣзче выказались во время осады Севастополя. Съ наступленіемъ первой зимы, оказалось, что и полковой зеленый обозъ намъ также неудобенъ. Когда начались дожди, то тридцати-пяти пудовый полуфурокъ, безъ клади, едва могла тащить тройка подъемныхъ лошадей; а чтобъ перевезти въ немъ что-либо, надо было припрягать еще по крайней мѣрѣ двѣ лошади. Сломанное колесо, если не могло быть починено на-скоро и не имѣлось запаснаго, нельзя было никакимъ образомъ замѣнить колесомъ съ обыкновенной повозки, и полуфурки приходилось бросать на дорогѣ. Послѣдній недостатокъ нашего обоза былъ ощутителенъ особенно въ то время, когда подъ конецъ войны были употреблены въ дѣло всѣ запасныя колеса и

(¹) Въ каскѣ, съ чешуями, застегнутыми на козырькѣ, стрѣлять особенно неудобно въ лежачемъ положеніи: она ежемѣнутно свертывается на бокъ, а если чешуи застегнуты, то, оставаясь въ каскѣ долгое время, солдатъ ощущаетъ боль въ головѣ, и потому въ военное время у насъ было принято имѣть чешуи на козырькѣ.

мастеровые не успѣвали, работая на холодѣ, подъ дождемъ и въ грязи, подготовлять новыя. Странно, что военная литература наша послѣ крымской войны трактовала о всемъ, кромѣ обоза, который имѣетъ огромное значеніе для войскъ въ военное время и въ которомъ необходимы усовершенствованія (1).

Кстати, говоря объ обозѣ, я полагаю не лишнимъ упомянуть о томъ, что произошло въ нашемъ вагенбургѣ при отступленіи отряда, послѣ альмскаго сраженія, къ рѣкѣ Качѣ.

Главный штабъ крымской арміи былъ окончательно сформированъ послѣ альмскаго сраженія, и потому въ день этой битвы не было при отрядѣ лица въ должности генералъ-вагенмейстера. Обозы, еще до сраженія отправленные къ р. Качѣ, расположились на правомъ берегу ея, въ двухъ мѣстахъ: одна часть близъ главной эвпаторійской дороги, а другая возлѣ деревни Эфенди-кой; какъ въ той, такъ и въ другой отпрягли лошадей. Обозамъ не было дано знать объ отступленіи отряда, а потому, увидавъ отступающихъ (прежде всего, разумѣется, перевязочныя повозки и раненыхъ), они подняли страшную сумятоху. Не подчиненные одному лицу, обозы всѣхъ полковъ, а особливо офицерскія повозки, запрягли поспѣшно лошадей и бросились къ переправѣ чрезъ рѣку, не соблюдая порядка и очереди. Я былъ свидѣтелемъ того, что происходило близъ деревни Эфенди-кой, куда отступила 16-я пѣхотная дивизія и гдѣ была расположена большая часть нашего вагенбурга. Здѣсь, какъ и на Альмѣ, весь правый берегъ рѣки покрытъ садами, обнесенными оградами, и разными строеніями. Къ броду, единственной переправѣ въ этомъ мѣстѣ, ведетъ узкій переулокъ. Въ этомъ переулкѣ, отъ безпорядка, повозки сцѣпились до такой степени, что подошедшимъ войскамъ стоило много труда и времени очистить проходъ для артиллеріи: артиллерійскія лошади были утомлены, и потому ее спѣшили переправить

(1) Быть можетъ, какая-нибудь статья ускользнула отъ моего вниманія, но мнѣ ничего не случилось прочесть о нашемъ военномъ обозѣ.

прежде. Едва успѣла пройти артиллерія, повозки опять бросились къ переправѣ и опять сцѣпились въ узкомъ переулкѣ. Остановленная пѣхота, тщетно прождавъ долгое время, и наконецъ, видя наступленіе ночи, стала переправляться по одиночкѣ, пробираясь кое-какъ между повозками и перелѣзая черезъ ограды. Полки 16-й пѣхотной дивизіи только около полуночи стянулись на вершинѣ высотъ лѣваго берега рѣки Качи. Темнота ночи еще болѣе замедляла переправу обозовъ, оставленныхъ подъ прикрытіемъ кавалеріи, и они переправились окончательно только съ разсвѣтомъ. Такой безпорядокъ могъ бы быть гибельнымъ для отряда, еслибы непріятель преслѣдовалъ насъ послѣ сраженія.

Для полноты статьи, я долженъ сообщить еще нѣсколько замѣчаній о силѣ и дальности полета штуцерной пули.

Суздальскій полкъ, стоя на вершинѣ горы *F*, находился въ разстояніи около 700 саженъ отъ рѣки и терялъ людей отъ штуцерныхъ выстрѣловъ еще въ то время, когда непріятель былъ на правомъ берегу. Кромѣ того, пули, перелетая чрезъ колонны, падали далеко сзади ихъ. Но болѣе всего достойно примѣчанія то, что и на разстояніи 700 саженъ ударъ пули, падавшей уже навѣсно, былъ вполнѣ дѣйствителенъ. Угличскій полкъ, стоя въ балкѣ, за эполементомъ *G*, былъ скрытъ отъ непріятеля даже въ то время, когда послѣдній овладѣлъ эполементомъ. Не смотря на это, полкъ все-таки терялъ людей отъ навѣсно падавшихъ штуцерныхъ пуль въ продолженіе всего сраженія. То были выстрѣлы, направленные въ войска, занимавшія эполементъ *G*. Изъ этого очевидно, что, при чрезвычайной дальности полета штуцерной пули, является необходимость ставить войска второй линіи противъ интерваловъ войскъ первой, ибо, кромѣ артиллерійскихъ снарядовъ, вторая линія можетъ имѣть уронъ и отъ штуцерныхъ пуль, пролетѣвшихъ высоко надъ войсками первой линіи. Впрочемъ, опредѣлить однажды навсегда, гдѣ именно располагать батальоны второй линіи—невозможно. Иногда и противъ интервала можетъ быть опаснѣе, чѣмъ за войсками, если непріятель дѣйствуетъ по частямъ войскъ первой

линіи косвеннымъ или перекрестнымъ огнемъ. При дальности полета штуцерной пули, выстрѣлы могутъ скреститься даже на протяженіи второй линіи войскъ. Въ этихъ случаяхъ можетъ быть полезна только находчивость самихъ батальонныхъ командировъ, которымъ, по этому, слѣдуетъ внушать, что они имѣютъ право самопроизвольно передвигать свои батальоны, если видятъ, что мѣсто, ими занятое, есть точка, въ которую преимущественно ложатся снаряды. Сколько мнѣ извѣстно, у насъ и теперь еще есть батальонные командиры, считающіе себя не въ правѣ передвинуть свой батальонъ съ мѣста, опредѣленнаго уставомъ или указаннаго начальникомъ. Во время же крымской войны, такое пониманіе своихъ обязанностей встрѣчалось еще чаще и доводилось видѣть, что батальонъ, стоя во второй линіи, оставался подъ сильнымъ огнемъ, не смотря на то, что въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ него было безопасное мѣсто. Батальонный командиръ хотя и зналъ это, но не рѣшался передвинуть батальонъ съ мѣста, указаннаго начальникомъ, не смотря на то, что это не былъ пунктъ, который необходимо долженъ быть занятъ войсками, и что начальникъ указалъ его до начала сраженія, то есть когда нельзя было угадать, гдѣ преимущественно будутъ ложиться непріятельскіе снаряды.

Мѣткость и дальность штуцернаго выстрѣла (если характеръ мѣстности не обусловливаетъ исключительнаго расположенія войскъ) требуетъ также увеличенія дистанцій между линіями, построенія первой линіи изъ ротныхъ колоннъ, бо́льшаго удаленія цѣпи отъ твердаго фронта и употребленія артиллеріи не въ большихъ массахъ, сосредоточенныхъ въ одну батарею, какъ дѣлывалось прежде, а, напротивъ, въ возможно-меньшихъ отдѣленіяхъ, по два и по четыре орудія. Кромѣ того, нынѣ, при перестрѣлкахъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ употреблять вообще какъ можно менѣе артиллеріи, если она не можетъ быть чѣмъ либо прикрыта отъ штуцернаго огня. Выдвигать же ее въ большомъ количествѣ въ первую линію не слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ предстоять возмож-

ность дѣйствовать картечью. Только картечь приноситъ существенную пользу въ настоящее время; стрѣляя же ядрами и гранатами, артиллеріи при теперешней дальности и мѣткости ея выстрѣловъ не можетъ вредить непріятелю на столько, сколько сама понесетъ урона отъ штуцернаго огня. Если же и полезно употреблять ее въ небольшомъ количествѣ при перестрѣлкахъ, то развѣ по нравственному вліянію, которое артиллерія имѣетъ на войска, или же для дѣйствія противу непріятельскихъ батарей.

Выше было мною упомянуто о медленности движеній англійскихъ войскъ. Англичане, дѣйствительно, отличались въ теченіе всей крымской войны непомѣрною медленностію въ движеніяхъ, и въ сраженіи при Альмѣ они именно по причинѣ этой медленности понесли уронъ несравненно больший противъ французовъ. Французы, имѣвшіе возможность испытать дѣйствіе штуцеровъ въ Африкѣ, поняли еще до крымской войны, что, при дальности и мѣткости штуцернаго выстрѣла, необходимо какъ можно стараться пріучать войска къ быстрымъ движеніямъ. Кромѣ того, и война въ Алжиріи требовала также особенной быстроты въ движеніяхъ пѣхоты. По этому, во французскихъ войскахъ, еще за долго до крымской экспедиціи, солдаты тщательно обучались гимнастикѣ и, въ отношеніи тактическаго образованія солдатъ, французамъ безспорно принадлежало первенство даже передъ нами, не только что передъ англичанами. Французскія войска уступали намъ только въ мѣткости стрѣльбы артиллеріи и штуцерныхъ. Не говоря уже о ловкости и быстротѣ французскихъ стрѣлковъ, особенно зуавовъ, которые при этомъ мастерски умѣли пользоваться малѣйшимъ прикрытіемъ, самыя колонны французскія отличались быстротою въ атакахъ. Несомнѣнно, что этой быстротѣ въ атакахъ, болѣе нежели чему другому, французы обязаны славой взятія Малахова кургана. У насъ же, не только прежде, но даже и теперь, во многихъ частяхъ арміи, при обученіи войскъ, жертвуютъ быстротою для стройности и красоты движенія. Въ старые же годы, равненіе требовалось такъ педантически строго, что батальонъ, идя бѣглымъ шагомъ,

двигался лишь немного быстрѣе человѣка, идущаго съ среднею скоростію обыкновенной походки. Зная, что строже всего требуется равненіе, солдаты укорачивали шагъ до крайности, и рѣдко кто замѣчалъ это, лишь бы не сбились съ ноги, да не сквозили шеренги.

Послѣ крымской войны мы стали дѣятельно стремиться къ исправленію недостатковъ строеваго образованія нашей арміи, но, не смотря на это благое стремленіе, на преобразованіе устава сообразно требованіямъ современной тактики, успѣхи наши далеко еще неудовлетворительны. Причина этого заключается именно въ томъ, что не всѣ офицеры постигли современный характеръ военнаго дѣла и не всѣ убѣждены въ прямой пользѣ нововведеній. Привычка къ старому порядку вещей, встрѣчающаяся въ арміи, еще боретея съ необходимостью полезныхъ преобразованій; но это необходимо, слѣдовательно исходъ борьбы несомнѣненъ; остается только желать, чтобы усовершенствованія и преобразованія по военной части, во всѣхъ насъ, военныхъ, нашли полное сочувствіе, которое одно можетъ ускорить и обезпечить успѣхъ обученія нашей арміи сообразно современнымъ требованіямъ военнаго искусства.

Угличкаго пѣхотнаго полка капитанъ **М. Енишерловъ.**

ТАБЛИЦА № 1-й.

РУССКІЯ ВОЙСКА.

Пѣхота.

1-я бригада 14-ой пѣхотной дивизіи.	Минскій и Волынскій пѣхотные полки (1-й бригады).	8 батал.
Легкія № 3-го и 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады.		16 оруд.
16-я пѣхотная дивизія.	Полки: (1-й бригады) Владимірскій, Суздальскій пѣхотные и (2-й бригады) егерскіе: Угличкій и Великаго князя Михаила Николаевича.	16 батал.
Батарейная № 1-го и легкія № 1-го и 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады.		36 оруд.
Три полка 17-й пѣхотной дивизіи.	(1-й бригады) Московскій пѣхотный и (2-й бригады) егерскіе Бородинскій и Тарутинскій,	12 батал.
Легкія № 4-го и 5-го батареи 17-й артиллерійской бригады.		16 оруд.
13-й пѣхотной дивизіи.	Резервные (5-е и 6-е) батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго пѣхотныхъ полковъ.	4 батал.

6-й стрѣлковый батальонъ.	1 батал.
Сводный морской батальонъ (1)	1 батал.
Двѣ роты 6-го сапернаго батальона	1/2 батал.

Итого 42 1/2 батальоновъ, 12 батарейныхъ и 56 легкихъ орд.

Кавалерія.

2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи.	Гусарскіе полки: Князя Николая Максимиліановича и Гроссъ-Герцога Саксенъ Веймарскаго.	16 эскадр.
Конно-легкая № 12-го батарея		8 орд.
Донскихъ № 57-го Тацина и № 60-го Попова полковъ		11 сот.
Донскія: конно-батарейная № 3-го и конно-легкая резервная № 4-го батареи		16 орд.

Итого 16 эскадроновъ, 11 сотенъ, 8 конно-батарейныхъ и 16 конно-легкихъ орудій.

Численность всѣхъ этихъ войскъ простиралась до 35,000 чел.

Примѣчаніе къ таблицѣ № 1-й.

Порядокъ прибытія частей отряда на позицію при рѣкѣ Альмѣ:

Съ 17-го августа на лѣвомъ берегу рѣки Альмы стояла 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, съ батарейною № 1-го и легкою № 2 го батареями 16-й артиллерійской бригады. Вечеромъ 1-го сентября присоединились къ означенной бригадѣ четвертые батальоны полковъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи и Минскій пѣхотный полкъ, съ легкою № 4-го батареею 14-й артиллерійской бригады, бывшіе до сего въ Севастополѣ. 2-го сентября прибыли: также изъ Севастополя, остальные батальоны полковъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, съ легкими № 4-го и 5-го батареями 17-й артиллерійской бригады; Волынскій пѣхотный полкъ, съ легкою № 3-го батареею 14-й артиллерійской бригады, и 5-е и 6-е резервные батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ; изъ Симферополя: Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ, съ 6-ю орудіями легкой № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады и гусарскій Гроссъ Герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ. 3-го сентября прибыли изъ деревни Мамаглай, на рѣкѣ Качѣ, гусарскій Князя Николая Максимиліановича полкъ, съ конно-легкою № 12-го батареею. 6-го сентября присланъ изъ Севастополя одинъ изъ вновь сформированныхъ сводныхъ морскихъ батальоновъ и прибылъ Угличскій егерскій полкъ, съ 6-ю орудіями легкой № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады; изъ Перекопа, сверхъ того, казачій № 60-го Попова полкъ, стоявшій до сего въ разныхъ мѣстахъ. Вечеромъ 7-го прибыли изъ отряда генерала Хомутова первый, а утромъ 8-го сентября второй эшелоны Московскаго полка, также Донская конно-батарейная № 3-го батарея и казачьи сотни № 57-го Тацина полка. Саперы прибывали малыми частями въ разное время.

(1) Изъ журнала 6-го пѣхотнаго корпуса. У нѣкоторыхъ, по другимъ источникамъ, значится сводный морской стрѣлковый полубатальонъ.

ТАБЛИЦА № 2-Й.

ФРАНЦУЗСКІЯ ВОЙСКА.

Пѣхота.

Главнокомандующій маршалъ Сентъ-Арно.

Дивизіи.	*Бригады.*	*Полки.*	*Бата-льоны.*	*Сап. роты.*	*Орудія.*
1-я генерала Канробера.	1-я генерала Эспинаса.	1-й зуавовъ и 7-й линейный	4		
		1-й стрѣлковый батальонъ	1		
	2-я генерала Винуа.	20-й и 27-й линейный	4		
		9-й стрѣлковый батальонъ	1		
		Артиллеріи и саперъ		1	12
2-я генерала Боске.	1-я генерала д'Отмара.	3-й зуавовъ и 50-й линейный	4		
		Батальонъ африканскихъ стрѣлковъ	1		
	2-я генерала Буа.	6-й и 82-й линейные	4		
		3-й стрѣлковый батальонъ	1		
		Артиллеріи и саперъ		1	12
3-я принца Наполеона.	1-я генерала Моне.	2-й зуавовъ и 3-й морской	4		
		19-й стрѣлков. батальонъ	1		
	2-я генерала Томаса.	95-й и 97-й линейные	4		
		Артиллеріи и саперъ		1	12
4-я генерала Форе.	1-я генерала Лурмеля.	19-й и 26-й линейные	4		
		5-й стрѣлковый батальонъ	1		
	2-я генерала д'Ореля.	39-й и 74-й линейные	4		
		Артиллеріи и саперъ		1	12
Полковника Ронжу.	Артиллерійскій резервъ изъ 2-хъ батарейныхъ и 2-хъ легкихъ батарей				24
		Итого	38	4	72

Кавалеріи было только $^1/_2$ эскадрона спагисовъ.

ТАБЛИЦА № 3-Й.

АНГЛІЙСКІЯ ВОЙСКА.

Пѣхота.

Главнокомандующій лордъ Раглань.

Дивизіи.	*Бригады.*	*Полки.*	*Батал.*
Легкая генерала Броуна.	1-я генерала Кендрингтона,	7-й, 23-й и 33-й пѣхотные	3
	2-я генерала Буллера.	19-й, 77-й и 88-й	3
		2-й стрѣлковый (*Riffls*)	2
1-я герцога Кембриджскаго.	1-я гвардейская генерала Бентинка.	Гвардейскіе гренадеры	1
		Coldstream	1
		Гвардейск. Шотланд. фузел.	1
	2-я генерала Колинъ-Кемпбля.	42-й, 79-й и 93-й пѣхотные	3

2-я генерала Леси-Эванса.	1-я генерала Пеннефетера.	30-й, 55-й и 95-й	3
	2-я генерала Адамса.	41-й, 47-й и 49-й	3
3-я генерала Энгленда.	1-я генерала Джорджъ-Кемпбля.	1-й, 38-й и 50-й	3
	2-я генерала Эйра.	4-й, 28-й и 44-й	3
4-я генерала Катькарта.	1-я генерала Гольди.	21-й, 46-й и 57-й	3
	2-я генерала Торенса.	20-й, 63-й и 68-й	3
		Итого.	32

Артиллерія.

	Оруд.
Пѣшихъ батарей 3 роты.	18
Конныхъ батарей 1 рота.	6
Итого.	24
Бригада легкой кавалеріи лорда Кардигана	10 эскадр.

Баронъ Базанкуръ, утверждая, что цифры взяты имъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, опредѣляетъ числительность союзныхъ войскъ слѣдующимъ образомъ: французовъ и англичанъ по 27,600 человѣкъ, а турокъ 6,000, всего 61,200 (1).

III.

Переводъ изъ соч. Герена о сраженіи при Альмѣ (2).

Причины, по которымъ главнокомандующій русскими войсками въ Крыму не рѣшился противиться высадкѣ со-

(1) „Военный Сборникъ“ 1859 г. № 1.

(2) Въ статьѣ г. Енишерлова «Сраженіе при Альмѣ», изложены въ подробности дѣйствія только нашего войска, и преимущественно ходъ боя на правомъ флангѣ. Для составленія понятія, по возможности близкаго къ истинѣ и вѣрной оцѣнкѣ столь важнаго военнаго событія, каково было сраженіе при Альмѣ, необходимо также знать во всей подробности и дѣйствія противной стороны. Съ этою цѣлью, редакція «Военнаго Сборника» признала полезнымъ, въ слѣдъ за статьей, въ которой подробно изложены дѣйствія русскаго войска, предложить читателямъ описаніе того же сраженія, въ которомъ преимущественно изложены въ подробности дѣйствія нашихъ противниковъ. Описаніе это извлечено изъ одного новѣйшаго сочиненія о минувшей войнѣ, вышедшаго въ прошломъ году подъ заглавіемъ: *Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856), écrite au point de vue politique, stratégique et critique, sur les documents comparés français, anglais, russes, allemands et italiens, par Léon Guérin, historien de la Marine. Paris, 1858.*

Въ предлагаемомъ извлеченіи изъ этого сочиненія, заключается описаніе сраженія при Альмѣ; изъ сравненія двухъ описаній, читатель оцѣнитъ достоинства каждаго и отличитъ истину отъ прикрасъ, которыми французскіе писатели такъ обильны при описаніи подвиговъ своихъ соотечественниковъ.

Ред. Воен. Сборника.

юзниковъ (¹). объясняются тѣмъ, что русскій флотъ, не подвергаясь совершенному истребленію. не былъ въ состояніи атаковать союзные флоты. даже занятые высадкою, и что. по малочисленности сухопутныхъ войскъ, находившихся въ распоряженіи главнокомандующаго, онъ не могъ раздѣлить ихъ, не увеличивая опасности своего положенія. Не зная о пунктѣ высадки союзниковъ. онъ призналъ за лучшее сосредоточить войска въ центральной. совершенно оборонительной позиціи, которая прикрывала бы Севастополь и отъ котораго было опасно удалиться. Такую позицію князь *Меншиковъ* избралъ на лѣвомъ берегу Альмы и расположилъ войска на высотахъ, образующихъ крутые берега рѣки: позиція его представляла тѣмъ болѣе выгодъ, что въ тылу и на флангѣ ея находится Севастополь, и что, при занятіи ея, во власти русскихъ оставались сообщенія съ перекопскою дорогою, по которой могли прибывать подкрѣпленія. Чрезъ Альму велъ только одинъ деревянный мостъ. построенный близъ татарской деревни Бурлюкъ; впрочемъ, рѣка проходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ, но берега ея столь круты, и притомъ покрыты такимъ множествомъ виноградниковъ, что переходъ чрезъ нее для атакующаго былъ весьма затруднителенъ. Пять татарскихъ селеній: Лукулъ и Альма-Тамакъ, ближайшія къ морю, Бурлюкъ въ центрѣ, Тарханларъ и Каишкой на правомъ флангѣ позиціи русскихъ. и также нѣсколько сожженныхъ деревушекъ (хуторовъ) находились на правомъ берегу Альмы, и, вмѣстѣ съ отдѣльными строеніями на другихъ пунктахъ, виноградниками и густымъ кустарникомъ по берегу, могли служить прикрытіемъ для стрѣлковъ. Тылъ позиціи

(¹) Одинъ изъ иностранныхъ критиковъ крымской войны, Бюровъ, замѣчаетъ, что оборона береговъ противъ высадки непріятеля, какъ и оборона переправы черезъ рѣку, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ военнаго искусства. Военная исторія, говоритъ онъ, представляетъ множество примѣровъ удачныхъ переправъ и производства десантовъ, въ которыхъ противникъ всегда успѣвалъ обмануть оборонявшагося относительно избраннаго имъ пункта переправы или высадки на морской берегъ, до такой степени, что оборонявшійся не успѣвалъ во-время прибыть къ угрожаемому пункту, а особенно при малочисленности своихъ силъ.

русскихъ войскъ примыкалъ къ находившимся на высотѣ селеніямъ: Аклесъ, Орта-Кисекъ и Аджи-Булатъ (Улукулъ).

Признанная русскимъ главнокомандующимъ выгодною, и дѣйствительно выгодная, позиція при Альмѣ имѣла и свои недостатки: она была слишкомъ растянута, и потому не могла быть сильно занята тѣми войсками, которыя находились въ распоряженіи князя *Меншикова*. Кромѣ того, лѣвый флангъ ея примыкалъ къ морю и подвергался продольнымъ выстрѣламъ съ флота.

На этой позиціи князь *Меншиковъ* расположилъ войска свои, въ числѣ отъ 35 до 38 тысячъ человѣкъ, съ 96 орудіями, въ разстояніи около 22 километровъ (слишкомъ 20 верстъ) отъ пункта высадки союзниковъ, и въ одномъ усиленномъ переходѣ отъ Севастополя.

Маршалъ *Сентъ-Арно*, оживившій со времени высадки, желалъ воспользоваться поправленіемъ своего здоровья, и тѣмъ нетерпѣливѣе спѣшилъ начать наступленіе, чѣмъ ближе былъ непріятель; притомъ необходимо было вывести войска изъ Ольдфортскаго лагеря, гдѣ союзники не находили ни дровъ, ни воды, годной для питья, ни другихъ первыхъ жизненныхъ потребностей, не смотря на превосходныя описанія тогдашняго блестящаго положенія союзныхъ войскъ. Неготовность къ выступленію англійской арміи мучила союзнаго главнокомандующаго: онъ считалъ уже не дни, но часы, которые отдѣляли его отъ непріятеля. Французскія войска были готовы начать движеніе 17-го (5-го) сентября; англійскія только 19-го (7-го) сентября.

Въ этотъ день, съ шести часовъ утра, союзники выступили вдоль прибрежья, по направленію къ Севастополю; правый флангъ ихъ прикрывался союзнымъ флотомъ, который шелъ въ близкомъ разстояніи отъ берега. Самое движеніе было разсчитано такъ, чтобы до наступленія ночи успѣть стать лагеремъ вблизи Альмы; флотъ въ то же время долженъ былъ бросить якорь противъ устья этой рѣки.

Французы двигались въ одномъ общемъ каре (*dans l'ordre en losange*), походномъ порядкѣ, принятомъ марша-

ломъ *Бюжо* въ сраженіи при Исли. Передніе и задніе углы, равно какъ фасы каре, состояли изъ четырехъ дивизій и турецкаго контингента, построенныхъ въ колонны; въ срединѣ каре помѣщалась артиллерія, инженеры, госпитальныя повозки и обозы. По флангамъ шли цѣпи стрѣлковъ. Англійская армія находилась на лѣвомъ флангѣ французскихъ войскъ, правый флангъ которыхъ былъ поддерживаемъ флотомъ. Эти параллельныя движенія флота и союзной арміи, какъ разсказываютъ очевидцы, представляли въ цѣломъ величественное зрѣлище, которому много придавала торжественности мысль о близкой встрѣчѣ въ грозномъ бою съ непріятелемъ.

Союзники шли по мѣстамъ безводнымъ, необработаннымъ и пустыннымъ; кое-гдѣ видѣлись разрушенныя хижины съ почернѣвшими отъ дыма стѣнами. Впереди колонны союзниковъ, густые и безпрестанно увеличивавшіяся облака дыма, сквозь который мрачно проглядывало красноватое, бурое солнце, служили признакомъ пожара татарскихъ селеній.

Во время привалова, генералы объѣзжали ряды и обращались къ солдатамъ съ ободрительными словами, въ которыхъ, впрочемъ, никто не нуждался. «Англичане, сказалъ маршалъ *Сентъ-Арно*, проѣзжая вмѣстѣ съ лордомъ *Раглаиомъ* предъ 59-мъ пѣхотнымъ британскимъ полкомъ:— надѣюсь, что вы будете храбро драться». Воззваніе, однакожь, не понравилось и кто-то отвѣтилъ:

— «Надѣетесь!... можете быть въ этомъ увѣрены». Въ два часа союзники достигли высотъ и приблизились затѣмъ къ берегу высохшаго, въ то время, русла Булгонака. Здѣсь впервые видна была русская армія. Войска союзныя были остановлены и расположены бивуаками, на лѣвомъ берегу Булгонака. На вершинѣ и почти въ центрѣ высотъ лѣваго берега рѣки Альмы, видна была четыреугольная башня, на верху которой стояло нѣсколько человѣкъ. На башнѣ былъ устроенъ телеграфъ, откуда князь *Меншиковъ*, съ своимъ штабомъ, смотрѣлъ на палатки и корабли союзниковъ, стараясь опредѣлить силу и угадать цѣль движеній противника.

Вскорѣ онъ приказалъ нѣсколькимъ сотнямъ козаковъ и батареѣ конной артиллеріи произвести рекогносцировку на аванпосты союзниковъ; приказаніе это отдано было въ то самое время, когда лордъ *Кардиганъ*, съ частію своей легко-кавалерійской бригады, приближался къ русскимъ, чтобы ближе высмотрѣть ихъ расположеніе. Туда же былъ посланъ изъ главной квартиры англійской арміи французскаго генеральнаго штаба подполковникъ *де-Лагонди*. Офицеръ этотъ, имѣвшій весьма слабое зрѣніе, уже возвращался съ порученіемъ отъ лорда *Раглана* къ принцу *Наполеону*, какъ вдругъ попалъ на козацкую сотню, ошибочно принятую имъ за англійскую кавалерію; *де-Лагонди* былъ первый французскій плѣнный, взятый русскими.

Движенія козаковъ отличались чрезвычайною смѣлостію. Почему командовавшій англійскою кавалеріею, лордъ *Луканъ*, послалъ лорду *Кардигану* приказаніе остановиться, собрать флангеровъ и медленно отступать. *Луканъ* опасался, чтобы бригада *Кардигана* не истощила себя атакою на трудно-доступныя высоты и не подверглась опасности быть охваченною и разбитою превосходными силами, такъ какъ англійская пѣхота и остальная кавалерія была еще далеко. Ободренные этимъ движеніемъ, козаки, съ громкими криками, взъѣхали на холмъ, къ которому подходила бригада *Кардигана*, и вскорѣ приблизились къ англичанамъ, уже начавшимъ отступленіе. Англійская кавалерія останавливалась чрезъ каждые пятьдесятъ шаговъ для встрѣчи атаки. Вдругъ козацкія сотни развернулись и открыли мѣсто для дѣйствій слѣдовавшей за ними конной батареи. Огнемъ этой батареи англійская кавалерія была приведена въ замѣшательство, но вскорѣ оправилась и получила подкрѣпленіе изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій, быстро подосиѣвшихъ къ ней на помощь; лордъ *Кардиганъ* приказалъ этимъ орудіямъ стать за кавалеріею, съ цѣлью заманить козаковъ спуститься съ высотъ и завязать съ ними тогда дѣло. Между тѣмъ, въ ожиданіи общей атаки, войска союзниковъ строились къ бою. И съ другаго фланга часть русской кавалеріи выдвинулась противу французскихъ аванпостовъ; движенія этой кавалеріи отличались замѣчательною

точностію въ маневрированіи и построеніяхъ на быстрыхъ аллюрахъ. Князь *Меншиковъ* не намѣренъ былъ оставлять занятой имъ позиціи и вступать въ бой на правомъ берегу Альмы. Артиллерія, прибывшая къ лорду *Кардигану*, открыла огонь; козаки начали отступать въ разсыпную, производя весьма ловкія и вмѣстѣ любопытныя движенія, чтобы не подвергать себя напрасно дѣйствію непріятельской артиллеріи. Въ то же время, противъ русской кавалеріи былъ открытъ артиллерійскій огонь на правомъ флангѣ французовъ.

Русская кавалерія, не завязывая дѣла, отошла въ свои позиціи. Съ первыхъ стычекъ съ непріятелемъ, союзники постигли невыгодность своего положенія отъ недостатка кавалеріи, которой было всего 1,500 человѣкъ, въ томъ числѣ 1,200 англичанъ и только 300 человѣкъ французской кавалеріи. По отступленіи русскихъ отрядовъ, союзныя войска окончательно расположились бивуаками впереди Булгонака, а начальники ихъ могли приступить къ соображенію плана дѣйствій на завтрашній день.

Но былъ ли въ самомъ дѣлѣ составленъ опредѣленный планъ дѣйствій, заключавшій въ себѣ хотя что-нибудь похожее на военное соображеніе? Былъ ли другой планъ, кромѣ приказанія рѣшительно атаковать все, что каждый корпусъ союзныхъ войскъ встрѣтитъ на своемъ пути? Вообще, по словамъ французскихъ писателей, планъ дѣйствія состоялъ въ томъ, чтобы обойти оба фланга расположенія русскихъ войскъ и атаковать центръ ихъ позиціи. Съ этой цѣлію было рѣшено, что въ шесть съ половиною часовъ утра дивизія *Боске* выдвинется съ праваго крыла союзниковъ и, взобравшись на высоты, прилегающія къ морю, обойдетъ лѣвый флангъ непріятеля. Русскіе считали высоты лѣваго берега Альмы, прикрывавшія ихъ лѣвый флангъ, до того неприступными, что не устроили никакихъ искусственныхъ препятствій для прегражденія доступовъ къ нимъ по двумъ едва замѣтнымъ тропинкамъ. Англійскія войска, за исключеніемъ части, назначенной для поддержанія центра, въ то же время должны были выстроиться на лѣвомъ флангѣ, противъ праваго фланга позиціи рус-

скихъ, гдѣ проходила дорога на Севастополь и гдѣ были устроены сильныя искусственныя преграды. Дивизіи *Канробера* и *Наполеона*, первая въ центрѣ, а послѣдняя влѣво отъ нея, поддерживаемыя одною англійскою пѣхотною дивизіею, должны были начать наступленіе на мостъ у Бурлюка, чтобы атаковать центръ позиціи непріятельской у телеграфной башни, въ то время, когда русскіе ослабятъ оный отдѣленіемъ войскъ на фланги, для обезпеченія ихъ отъ обхода. Дивизія генерала *Форе*, турецкій контингентъ, часть артиллеріи и инженеровъ должны были составлять резервъ. Восемь французскихъ пароходовъ назначались для поддержанія дѣйствій праваго фланга союзниковъ (1).

Планъ этотъ, по крайней мѣрѣ въ частностяхъ, опровергается англійскими писателями, а писатели другихъ странъ вовсе его отвергаютъ. Они говорятъ, что, въ настоящемъ случаѣ, приписывать союзнымъ главнокоман-

---

(1) По словамъ начальника французскаго главнаго морскаго штаба контръ-адмирала *Буа-Вильомо*, планъ этотъ, вмѣстѣ съ предварительными распоряженіями къ атакѣ, изданъ имъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ сообщенъ ему 19-го (7-го) сентября, вечеромъ, генераломъ *де-Мортенпре*, начальникомъ главнаго штаба восточной арміи. Вотъ нѣкоторыя подробности этого плана, въ которомъ, можетъ быть, найдется болѣе простыхъ, тактическихъ, нежели стратегическихъ соображеній.

«Утромъ 20-го (8-го) числа, для наступленія къ Альмѣ, 1-я и 3-я французскія дивизіи выстроются въ двѣ линіи: первая въ развернутомъ фронтѣ, имѣя по одной ротѣ позади фланга каждаго баталіона, вторая — въ густыхъ батальонныхъ колоннахъ. Артиллерійскій резервъ въ 300 метрахъ (около 130 саженъ) за второю линіею. 4-я дивизія, въ резервѣ же, выстроится по полкамъ во взводныхъ колоннахъ; 2-я дивизія (*Боске*) двинется чрезъ Альму, въ бродъ, близъ морскаго берега; дивизія эта будетъ наступать по береговой дорогѣ и выйдетъ на плато, въ тылъ лѣваго фланга русскихъ, подъ покровительствомъ флота, и въ особенности выстрѣловъ съ французскихъ пароходовъ «Мегеры» и «Кассика» Англійская армія, тоже 20-го (8-го) числа, двинется въ обходъ праваго фланга русскихъ».

По нѣкоторымъ выраженіямъ, изъ подробностей приведеннаго плана, какъ напр., «плато, на которое выходитъ дивизія *Боске*», намъ кажется, что въ подробностяхъ этихъ смѣшаны достигнутый результатъ съ начертаніемъ проэкта. Кромѣ того, сообщенныя начальнику главнаго морскаго штаба, какъ это положительно извѣстно, 19 го (7-го) вечеромъ, распоряженія объ атакѣ, выражаютъ только предположенія французовъ—предположенія, которыя необходимо должны были бы подтвердиться очеркомъ плана той же атаки, сообщеннаго лордомъ *Раглаиомъ* англійскому флоту. *Прим. авт.*

дующимъ честь стратегическихъ соображеній значило бы совершенно произвольно приписывать имъ незаслуженную славу. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, иностранные писатели замѣчаютъ, что не могло существовать никакихъ серьезныхъ предначертаній для дѣйствія въ странѣ, совершенно незнакомой, особенно когда не было предпринято никакихъ мѣръ къ пріобрѣтенію необходимыхъ свѣдѣній, посредствомъ рекогносцировокъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ англійскихъ писателей, совершенно противоположному донесеніямъ маршала *Сентъ-Арно* (1), союзные главнокомандующіе рѣшили, что атака французскихъ войскъ противъ лѣваго фланга непріятеля должна была предшествовать наступленію англичанъ на правый флангъ русскихъ войскъ (2). Мнѣніе, что союзные главнокомандующіе были не совсѣмъ согласны между собою на счетъ плана атаки, и что стратегическія соображенія нисколько не были ими приняты во вниманіе, доказывается отвѣтомъ маршала *Сентъ-Арно* дивизіоннымъ его генераламъ, которые просили послѣднихъ инструкцій главнокомандующаго: «Каждый долженъ атаковать непріятеля *прямо передъ собою* и маневрировать *по собственному усмотрѣнію;* необходимо

---

(1) Въ своемъ первомъ донесеніи, не столь пространномъ какъ второе, маршалъ говоритъ только о двухъ дивизіяхъ на правомъ и лѣвомъ флангахъ: «Генералъ *Боске* маневрировалъ съ одинаковыми благоразуміемъ и храбростію. Движеніе его упрочило побѣду. *Я предложилъ* англичанамъ протянуть ихъ лѣвый флангъ, чтобы угрожать правому флангу русскихъ, въ то время, когда самъ двинусь на проломъ ихъ центра». Во второмъ донесеніи, *Сентъ-Арно* выражается яснѣе, говоря: «я условился съ лордомъ *Рагланомъ* что его войска произведутъ обходное движеніе съ лѣваго фланга, подобное тому, какое генералъ *Боске* произведетъ на правомъ». *Прим. авт.*

(2) Французскій главнокомандующій говоритъ, что онъ имѣлъ намѣреніе одновременно атаковать непріятеля съ обоихъ фланговъ, и что атака англичанъ была отбита атаками кавалеріи и многочисленными силами противника на высотахъ. Это совершенная неправда, и я имѣю вполнѣ уважительныя основанія сказать, что англійскій главнокомандующій никогда не думалъ дѣйствовать по такому плану. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сраженія, капитанъ корабля «Друммондъ» спросилъ лорда *Раглана*, отчего онъ не атаковалъ праваго фланга русскихъ? Оттого, отвѣчалъ англійскій главнокомандующій, что атака непріятеля съ обоихъ фланговъ, исключая единственнаго случая, когда атакующій имѣетъ огромный перевѣсъ въ силахъ, всегда весьма рискованное предпріятіе». *Прим. авт.*

овладѣть этими высотами — *Сентъ-Арно* указалъ на высоты берега Альмы: — болѣе у меня нѣтъ никакихъ инструкцій для людей, къ которымъ я питаю полную довѣренность». Подобный отвѣтъ могъ дать офицеръ, привыкшій къ смѣлымъ набѣгамъ противъ кабиловъ, но не главнокомандующій. По мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ людей, вмѣсто одновременнаго обхода обоихъ фланговъ, слѣдовало бы рѣшительно атаковать, съ соотвѣтствующими силами, правый флангъ русскихъ, которые тогда могли бы быть отброшены къ морю. но, въ такомъ случаѣ, вся честь побѣды принадлежала бы англичанамъ, стоявшимъ на лѣвомъ флангѣ союзниковъ (1). Напротивъ того, нѣкоторые англійскіе писатели утверждаютъ, что рѣшительная атака лѣваго фланга русскихъ потому только не была предпринята, чтобы не предоставить честь побѣды однимъ фран-

---

(1) Вмѣсто одновременнаго обхода обоихъ фланговъ, мнѣ кажется, было бы выгоднѣе обойти, съ большими силами, только правый флангъ русскихъ, и чрезъ то отбросить ихъ къ морю. Въ такомъ случаѣ, вся честь побѣды принадлежала бы англичанамъ, стоявшимъ на лѣвомъ флангѣ и, можетъ быть, именно это обстоятельство имѣло вліяніе на планъ атаки. Если подобное предположеніе основательно, то оно представляетъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ неудобство соединеннаго дѣйствія двухъ армій безъ общаго главнокомандующаго (*Приписка полковника Герѣна*).

Высказанное въ этой припискѣ мнѣніе, о сильной атакѣ на правый флангъ русскихъ, принадлежало большому числу офицеровъ, и было раздѣляемо многими военными критиками. Но генералъ Клапка опровергаетъ это мнѣніе слѣдующими словами: «Многіе военные критики увѣряютъ, что если бы союзники повели главную атаку на правый флангъ русскихъ, тѣсня ихъ къ морю то русская армія могла быть совершенно уничтожена. Съ своей стороны, мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Такое движеніе, при отсутствіи кавалеріи, могло быть исполнено не иначе, какъ съ величайшими затрудненіями и опасностію и только скорѣе принудило бы русскихъ оставить позицію на Альмѣ и отступить за Качу и Бельбекъ. Что касается до оттѣсненія русскихъ войскъ къ морю, какъ говорятъ критики, то этого навѣрное бы не случилось, потому что, отдавая лишь должное здравому смыслу русскихъ, нельзя думать, чтобы они не замѣтили опасности своего положенія и не поспѣшили поправить дѣло быстрымъ отступленіемъ». Ясно, что генералъ Клапка, не считая себя на сторонѣ мнѣнія въ пользу сильной атаки на правое крыло русскихъ, все-таки соглашается съ выгодами этой атаки, кромѣ, однакожь, оттѣсненія къ морю. Но для союзниковъ весьма важно было принудить противника къ скорѣйшему отступленію, чрезъ это они понесли бы меньшую потерю въ людяхъ, меньше истомили бы войска и могли бы скорѣе воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ.

цузскимъ войскамъ, не смотря даже на то, что этой атакѣ могъ значительно содѣйствовать флотъ (1). Всѣ эти различныя мнѣнія, каковъ бы ни былъ ихъ результатъ, ни въ какомъ случаѣ не подтверждаютъ совершеннаго согласія двухъ главнокомандующихъ, а, напротивъ, показываютъ довольно ясно невыгоды, происходившія для союзной арміи отъ того, что власть не была соединена въ одномъ лицѣ. Сентября 20 н. с. (8), какъ и наканунѣ, солнце взошло въ полномъ блескѣ. Генералъ *Боске*, съ шести часовъ утра, былъ готовъ къ выступленію. Выстроенная въ двѣ линіи, дивизія его стала тыломъ къ морю. Турецкій контингентъ, окончивъ свой завтракъ изъ пилава и выкуривъ трубки, двинулся по морскому берегу и сталъ въ резервѣ за 2-ю французскою дивизіею. Видя, что англичане еще не готовы къ движенію, генералъ *Боске*, вмѣстѣ съ старшими штабъ-офицерами, инженернымъ *Дюма*, артиллерійскимъ *Барралемъ*, а также съ своими офицерами генеральнаго штаба, поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть доступы къ Альмѣ. Они замѣтили два весьма трудные доступа, по которымъ надобно было взбираться на утесистый берегъ. Одинъ изъ нихъ, усмотрѣнный еще моряками, находился

(1) «Весьма естественно представляется вопросъ: зачѣмъ было жертвовать множествомъ людей, атакуя русскихъ именно тамъ, гдѣ они того желали (ихъ правое крыло), тогда какъ можно было атаковать лѣвый флангъ (русскихъ), гдѣ мы могли воспользоваться содѣйствіемъ флота? Случайности этого сраженія станутъ понятны, если мы обратимъ вниманіе на составъ каждой изъ союзныхъ армій и на то, что чувство національной гордости не дозволило бы англичанамъ оставаться спокойными зрителями, какъ сражаются французы на правомъ крылѣ (союзниковъ)».

Вотъ мнѣніе генерала Клапка, и объ этомъ: «Полагаемъ, говоритъ онъ, что направленіе противъ лѣваго фланга русскихъ, вмѣсто одной дивизіи *Боске*, цѣлыхъ трехъ дивизій, поддержанное одновременнымъ наступленіемъ по всему протяженію непріятельской позиціи, отрѣзало бы русскую армію отъ Севастополя и принудило бы ее броситься къ Бахчисараю. Если бы потомъ союзники безотлагательно воспользовались своимъ успѣхомъ, то русскимъ ничего болѣе не оставалось бы, какъ продолжать отступленіе на Симферополь, а отрѣзавъ этотъ путь отступленія — что было очень возможно — союзники отбросили бы русскихъ въ горы. Тогда часть союзныхъ войскъ могла бы наблюдать за русскою арміею, а остальная атаковать Севастополь». Ниже увидимъ, что противъ послѣднихъ словъ этого мнѣнія генерала Клапки существуетъ много возраженій.

близь самаго устья Альмы, гдѣ отъ прибоя воды образовалась узкая полоса наноснаго песку, по которой люди могли идти только въ одинъ рядъ. Другой состоялъ изъ едва замѣтной дорожки (почти въ верстѣ отъ первой переправы), которая по узкому оврагу поднималась на самый верхъ противоположнаго берега. Во время этой рекогносцировки, генералъ *Боске* не открылъ ни малѣйшаго признака о присутствіи непріятеля.

Отвѣсный берегъ, подмытый у подошвы теченіемъ рѣки, возвышался, какъ стѣна, на 150 футовъ вышины. Офицеры и солдаты сомнительно посматривали на этотъ берегъ и большинство ихъ еще не вѣрило въ возможность взобраться по этимъ крутизнамъ.

По разсчету французовъ, въ шесть или въ шесть съ половиною часовъ утра, англичане уже должны были находиться въ движеніи, но они были готовы не ранѣе девяти часовъ; поэтому французы принуждены были ожидать своихъ союзниковъ до 11-ти часовъ и безпрестанно останавливались на походѣ, что могло бы дать непріятелю время усилить свой лѣвый флангъ, потому что русскіе могли открыть намѣреніе непріятеля противъ ихъ лѣваго фланга.

Князь *Меншиковъ* не считалъ нужнымъ сдѣлать какія-либо перемѣны въ расположеніи своихъ войскъ. Выше мы видѣли общія черты этого расположенія; остается показать подробности. Сорокъ два батальона пѣхоты, шестнадцать эскадроновъ кавалеріи, шесть сотенъ казаковъ и 96 орудій, частію батарейныя, были поставлены слѣдующимъ образомъ:

Лѣвый флангъ, которому, впослѣдствіи, пришлось имѣть дѣло съ дивизіею *Боске*, расположенъ былъ на высотахъ въ разстояніи слишкомъ двухъ верстъ отъ моря, имѣя въ тылу деревни: Аклесъ, Орта-Киекъ и Аджи-Булатъ (Улукулъ), и передъ фронтомъ позиціи, въ долинѣ рѣки: деревни Альматамакъ, разворенный Лукулъ, Бурлюкъ и Тарханларъ. Лѣвый флангъ состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ: четырехъ батальоновъ Бѣлостокскаго и Брестскаго пѣхотныхъ полковъ, Тарутинскаго егерскаго полка, съ легкою

батареею; Московскій же полкъ, расположенный на высотѣ, позади и вправо отъ Тарутинскаго полка, составлялъ резервъ. Кромѣ того, для прикрытія лѣваго фланга, 2-й батальонъ Минскаго пѣхотнаго полка находился въ ближайшей къ морю деревнѣ Аклесъ. Такія распоряженія къ оборонѣ, при описанномъ характерѣ мѣстности на лѣвомъ крылѣ русскихъ, были бы вполнѣ достаточны противу арміи, привыкшей вести войну на мѣстности, не представляющей особыхъ затрудненій, но противу французскихъ войскъ, пріученныхъ въ Африкѣ къ эскаладамъ на крутизны Атласа, весьма было бы полезно усилить оборонительныя свойства мѣстности на лѣвомъ флангѣ.

Центръ русской арміи, противъ котораго находились дивизіи *Канробера* и *Наполеона* и которому съ праваго фланга угрожала англійская дивизія *Леси-Эванса*, находился на высотахъ, командующихъ деревнею Бурлюкъ. Влѣво отъ эвпаторійской дороги были поставлены двѣ легкія батареи и за ними Бородинскій егерскій полкъ, въ колоннахъ къ атакѣ; вправо отъ дороги, на превосходно избранномъ пунктѣ, расположена была сильная батарея, прикрытая эполементомъ; позади батареи, въ первой линіи стоялъ егерскій Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ, а во второй Владимірскій пѣхотный полкъ.

Правый флангъ, имѣвшій противъ себя только однихъ англичанъ, простирался за деревнею Тарханларъ. Онъ состоялъ изъ Суздальскаго пѣхотнаго полка, съ двумя легкими батареями, и Углицкаго полка, расположеннаго немного позади, въ лощинѣ, а вблизи этого послѣдняго полка находились въ резервѣ одна пѣшая и одна конная батареи. Главный резервъ русскаго войска былъ расположенъ на большой эвпаторійской дорогѣ и состоялъ изъ Волынскаго пѣхотнаго полка, трехъ батальоновъ Минскаго и одной легкой батареи. Вправо отъ главнаго резерва, гусарская бригада съ конною батареею, а еще правѣе—козаки, выстроенные развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ, большая часть козаковъ была выслана для наблюденій на правый берегъ Альмы. 9-й стрѣлковый батальонъ и морской полубатальонъ занимали виноградники и сады татарскихъ

деревень: Тарханлара, Бурлюка и Альматамака. Роты саперъ стояли близь моста у Бурлюка.

Изъ обзора расположенія русскихъ войскъ и оборонительныхъ свойствъ мѣстности позиціи, занимаемой ими на крутомъ берегу, прикрытой рѣкою, домами, виноградниками и засѣками, которые защищали, или, по крайней мѣрѣ, затрудняли доступы, почти повсюду пересѣченные рвами, можно судить о тѣхъ препятствіяхъ, которыя предстояло преодолѣть союзникамъ.

Итакъ, въ половинѣ одиннадцатаго, убравъ свой багажъ (1), который англичане всюду возятъ за собою, что очень затрудняетъ ихъ движенія, союзники французовъ, наконецъ, были готовы къ наступленію, — но эта медленность уже лишила союзниковъ возможности изумить непріятеля быстротою движенія на оба его фланга. Союзныя войска принуждены были дѣйствовать безъ надлежащей связи, каждое по усмотрѣнію ближайшихъ обстоятельствъ, и потому съ этихъ поръ энергія и храбрость солдатъ, болѣе чѣмъ способности генераловъ, составляютъ главный характеръ боя. Въ этомъ почти всѣ согласны.

Посреди готовившихся одиночныхъ богатырскихъ схватокъ, должно указать на превосходное движеніе генерала *Боске*, основанное болѣе на личныхъ соображеніяхъ, чѣмъ на неопредѣленныхъ приказаніяхъ, оставшихся, благодаря медленности англичанъ, лишь мертвою буквою, такъ что англичане, вмѣсто обхода праваго фланга русскихъ, атаковали ихъ съ фронта, на что предназначались войска, составлявшія центръ союзной арміи.

Генералъ *Боске*, какъ только узналъ, что англичане тронулись, продолжалъ свое наступательное движеніе, которое съ этого момента отличалось блистательною смѣлостію.

Впереди всей линіи союзниковъ шла густая цѣпь стрѣл-

---

(1) Впрочемъ, наканунѣ утромъ, предъ выступленіемъ, англичане отправили большую часть своего багажа на корабли, оставивъ при себѣ только необходимое; но необходимое для англичанъ было еще очень не легко тащить за собою, тогда какъ французскіе солдаты все несутъ на спинѣ, что нисколько не замедляетъ ихъ движенія, къ крайнему удивленію ихъ союзниковъ.

ковъ. У французовъ она состояла изъ зуавовъ, пѣшихъ егерей и африканскихъ стрѣлковъ.

Вторая англійская дивизія (*Леси-Эванса*) наступала лѣвѣе дивизіи *Наполеона*, по направленію къ деревнѣ Бурлюкъ; влѣво отъ 2-й дивизіи шла легкая пѣхота *Броуна*. Цѣпь стрѣлковъ (прежде называвшихся, въ память ихъ основателя орлеанскими стрѣлками), вооруженныхъ штуцерами, прикрывали фронтъ обѣихъ этихъ дивизій. Во второй линіи англичанъ шла 3-я дивизія, подъ командою генерала *Эйлмда*, и 1-я дивизія подъ начальствомъ герцога *Кембриджскаго*; за лѣвымъ ихъ флангомъ слѣдовали въ резервѣ: 4-я дивизія генерала *Каткарта* и легкая кавалерійская бригада лорда *Кардигана*. Но движеніе англичанъ было медленно; они какъ-будто чего-то ожидали; а это должно приписать или особенности національнаго ихъ характера, или дѣйствительно тому, что атаку на оба фланга, исключая случая огромнаго перевѣса въ силахъ, лордъ *Раглань* считалъ дѣломъ весьма опаснымъ.

Между тѣмъ дивизія *Боске* (бригада *д'Отмара* изъ трехъ полковъ: 3-го зуавовъ, 50-го линейнаго и алжирскихъ стрѣлковъ; бригада *Буа* изъ 3-го стрѣлковаго батальона, 7-го легкаго и 6-го линейнаго полковъ, съ двумя конными батареями *Барраля* и ротою саперъ), впереди которой находился дивизіонный начальникъ съ своимъ штабомъ и старшими штабъ-офицерами, инженернымъ и артиллерійскимъ, приблизилась на вѣрный пушечный выстрѣлъ къ высотамъ, на которыхъ стояли русскіе. Всѣ внимательно ожидали перваго пушечнаго выстрѣла.

Бригада *д'Отмара*, подъ непосредственнымъ начальствомъ *Боске*, шла по тропинкѣ, пролегавшей въ оврагѣ; бригада *Буа* двигалась правѣе, по песчаной отмели въ устьѣ Альмы; за этою бригадою слѣдовалъ турецкій контингентъ.

Съ лѣваго берега Альмы не было слышно ни одного звука. *Боске* пріостановилъ свою лошадь и сказалъ окружавшимъ: «эти господа рѣшительно не хотятъ драться». Потомъ, полагая, что непріятельскіе стрѣлки могли занять полуразрушенную деревню Лукулъ, лежащую между

Альматамакомъ и моремъ, и позади которой проходитъ дорожка въ оврагъ, по которой войска генерала *Боске* могли взобраться на высоты, онъ приказалъ одному батальону 3-го полка зуавовъ осмотрѣть эту деревню.

Въ двѣ минуты зуавы изчезли за деревнею Лукулъ и, къ общему изумленію, всѣ видѣли, какъ эти смѣльчаки тотчасъ же перешли чрезъ рѣку, разсыпались въ цѣпь и начали взбираться на крутизну, то цѣпляясь руками, то ползя на колѣнкахъ; иные шли по тропинкѣ и вскорѣ начали появляться на гребнѣ утеса, отвѣсно возвышающагося надъ Альмою и моремъ. Два русскихъ батальона Минскаго пѣхотнаго полка слишкомъ были удалены отъ пункта появленія непріятеля, и потому не могли остановить его при самомъ началѣ, потому что русскій главнокомандующій не вѣрилъ донесеніямъ о появленіи зуавовъ и непосылалъ подкрѣпленій своему лѣвому флангу. Флотъ, изумленный отважнымъ подвигомъ зуавовъ, тотчасъ же сильнымъ и мѣткимъ огнемъ, въ особенности съ французскихъ пароходовъ «Мегеры» и «Каспка», поддержалъ авангардъ праваго фланга французскихъ войскъ.

Боске, видя, что 1-й батальонъ зуавовъ такъ рѣшительно вступилъ въ дѣло, приказалъ всей бригадѣ *д'Отмара*, имѣя остальныхъ зуавовъ впереди, немедленно перейти Альму и подняться на высоты. Самъ же поскакалъ къ рѣкѣ, гдѣ остановился у брода, удобнаго для переправы людей и лошадей. Чтобы устроить спускъ для переправы артиллеріи, немедленно была приведена рота саперъ, которая тотчасъ исполнила свое дѣло. Начальникъ артиллеріи *Барралъ*, только почти одинъ, мгновенно рѣшилъ, что орудія можно ввезти по оврагу, и не ошибся. Одна изъ двухъ батарей второй дивизіи. именно та, которая шла съ бригадою *Буа* по берегу моря, вскорѣ присоединилась къ *Барралю* и батареѣ бригады *д'Отмара*, потому что увидѣла невозможность слѣдовать далѣе по узкой и опасной отмели въ устьѣ Альмы.

Зуавы. эшелонированные на крутыхъ откосахъ. замѣтили наконецъ непріятельскія войска и сдѣлали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Вскорѣ къ зуавамъ подошли цѣ-

лые батальоны. Двѣ батареи, подъ главнымъ начальствомъ *Барраля*, переправившись чрезъ Альму, устремились въ оврагъ, изъ котораго, съ неожиданнымъ успѣхомъ, въѣхали на плато. Генералъ *Боске* восхищался вѣрностію взгляда *Барраля*.

Подъ прикрытіемъ алжирскихъ стрѣлковъ, которые, то стоя, то лежа, стрѣляли по непріятелю и тѣмъ удерживали его на мѣстѣ, при содѣйствіи французскихъ пароходовъ, съ которыхъ, не смотря на значительное (до 2-хъ верстъ) разстояніе отъ непріятеля, часто падали въ войска лѣваго фланга русскихъ гранаты и даже ядра большаго калибра (1), вся бригада *д'Отмара* взошла на плато, гдѣ нѣсколько времени выжидала присоединенія бригады *Буа*, которая, перейдя чрезъ рѣку у устья, продолжала дальнѣйшее движеніе по самому труднѣйшему доступу.

Въ это время, къ оконечности лѣваго фланга русскихъ уже подоспѣли посланныя княземъ *Меншиковымъ* подкрѣпленія: двѣ батареи и Московскій пѣхотный полкъ, такъ что двумъ французскимъ батареямъ, находившимся на плато, пришлось выдержать жаркій бой впереди бригады *д'От-*

---

(1) Это потверждается не только донесеніемъ адмирала *Гамелена*, но и оффиціальною реляціею и историческимъ разсказомъ капитана *Аничкова*. *Гамеленъ* говоритъ: «Благодаря чудесамъ храбрости и быстроты, благодаря также, должно сказать, ужасу, который произвели выстрѣлы съ моихъ пароходовъ на непріятельскую кавалерію, находившуюся на его лѣвомъ флангѣ, — дивизія генерала *Боске* совершила свое движеніе съ блистательнымъ успѣхомъ». Въ оффиціальной русской реляціи сказано: «Лѣвый флангъ, не смотря на отдаленность свою отъ морскаго берега, поражаемъ былъ выстрѣлами непріятельскаго флота. Подъ прикрытіемъ этого огня морской артилеріи, одна французская колонна, имѣя въ головѣ африканскія войска (такъ называемыхъ зуавовъ), перешла, близъ морскаго берега, чрезъ долину рѣки Альмы, и по едва замѣтной тропинкѣ, вдоль узкаго оврага, быстро взобралась на возвышенія». Въ разсказѣ *Аничкова* находимъ: «Сраженіе началось въ полдень, атакою высотъ лѣваго фланга нашей позиціи. Въ то же время, съ непріятельскаго флота, стоявшаго у мыса Лукула, открытъ былъ сильнѣйшій огонь, и не смотря на то, что лѣвый флангъ нашъ отстоялъ на двѣ версты отъ моря, снаряды огромнаго калибра начали поражать войска наши. Подъ покровительствомъ этого огня, слѣдовавшая въ головѣ дивизіи Боске, бригада д'Отмара, имѣя впереди 3-й полкъ зуавовъ, перешла долину рѣки Альмы, близъ ея устья».

мара, принужденной въ ожиданіи бригады *Буа* неподвижно оставаться на мѣстѣ.

Бригада *Буа*, при которой уже не оставалось артиллеріи, могла подвергнуться большой опасности, потому что въ это время дивизіи *Канробера* и *Наполеона* бѣглымъ шагомъ устремились на деревню Альма-Тамакъ, занятую русскими войсками, и на высоты, лежащія въ лѣво отъ этой деревни, къ сторонѣ моря.

Князь же *Меншиковъ*, сознавая опасность своего положенія, ежели французы утвердятся на его лѣвомъ флангѣ, рѣшился усилить его, не смотря на то, что въ то же время противъ центра и праваго фланга наступали дивизіи *Канробера* и *Наполеона* и англичане, начавшіе наконецъ наступленіе. Съ этою цѣлью онъ послалъ противъ дивизіи *Боске* двѣ донскія и одну легкую конную батарею, три батальона пѣхоты и два гусарскіе полка.

Въ это время, бригада *Буа* взошла на плато и выстроилась параллельно бригадѣ *д'Отмара*, тыломъ къ морю и упираясь лѣвымъ флангомъ къ краю оврага.

Поражаемые съ фронта ядрами и гранатами и угрожаемые нападеніемъ русской кавалеріи, французскіе батальоны получили приказаніе приготовиться къ построенію каре. Генералъ *Боске*, сохранявшій наружное присутствіе духа, но нѣсколько озабоченный своимъ положеніемъ, послалъ одного изъ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба просить подкрѣпленіе изъ резерва, одну бригаду съ артиллеріею. Между тѣмъ, огонь съ пароходовъ, стоявшихъ у мыса Лукула, весьма много содѣйствовалъ къ удержанію непріятеля.

Въ то же время, съ возвышенія, гдѣ стояла дивизія *Боске*, сквозь густыя облака дыма, былъ замѣченъ пожаръ деревни Альматамакъ, откуда полковникъ *Бурбаки*, съ 1-мъ Зуавскимъ полкомъ, принадлежавшимъ дивизіи *Канробера*, въ десять минутъ выбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Потомъ увидѣли нѣсколько кучекъ солдатъ изъ дивизіи *Канробера* и *Наполеона*. Мало по малу, кучки росли, соединялись и образовывали цѣпь застрѣльщиковъ, постепенно увеличивавшуюся новыми группами солдатъ, которые

какъ будто выростали изъ земли. Вскорѣ цѣпь эта, какъ змѣй, начала охватывать холмы и всѣ мѣстные предметы, и хотя медленно, но все болѣе и болѣе подвигаясь впередъ. За нею составились другія линіи и также взошли на возвышенія, а между тѣмъ четыре батареи дивизіи *Канробера*, не будучи въ состояніи перейти Альму и взобраться на плато противу телеграфа, должны были сдѣлать дальній обходъ къ тому оврагу, по которому поднялась артиллерія *Барраля*.

Видя это, русская пѣхота, стоящая вблизи телеграфной башни, приблизилась къ берегу, имѣя позади кавалерію.

Французскіе застрѣльщики, поддерживаемые огнемъ своихъ батарей, которые удачно отвѣчали дѣйствію русской артиллеріи, подъ градомъ ядеръ и гранатъ, продолжали идти на гору. Въ числѣ всего до тридцати человѣкъ, застрѣльщики эти приблизились къ главнымъ силамъ русскихъ. Къ счастію, за тридцатью послѣдовало много другихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдъ за стрѣлками, вооруженными штуцерами Минье и наводившими ужасъ на непріятеля и заставившими даже русскую кавалерію отступить, перешли рѣчку дивизіи *Канробера* и *Наполеона*, одна около деревни Альматамакъ, другая близъ Бурлюка, которую зажгли козаки. Густыя облака дыма отъ пожара, мѣшаясь съ дымомъ выстрѣловъ, закрывали позицію русскихъ и ведущіе къ ней подступы. Французскіе солдаты спустились къ рѣчкѣ, кто по спускамъ, разработаннымъ саперами, кто придерживаясь за неровности земли, или цѣпляясь за нависшія надъ рѣкою деревья, и, перейдя рѣку, взобрались на противоположный берегъ.

Во то время, какъ артиллерійская дивизія *Канробера* приближалась къ оврагу, находящемуся на правомъ крылѣ союзниковъ, переправа войскъ въ центрѣ была поддержана только двѣнадцатью орудіями дивизіи *Наполеона*, которыя отвѣчали мѣтко и живо на выстрѣлы непріятельской батареи.

Бригада *Мане* (полки 2-й зуавовъ, 3-й морской и 19-й стрѣлковый батальонъ) дивизіи *Наполеона* понесла большую

потерю при этой переправѣ. Принцъ *Наполеонъ* не щадилъ себя, многіе изъ окружавшихъ его были ранены.

9-й стрѣлковый батальонъ и 1-й полкъ зуавовъ, дивизіи *Канробера* открыли путь; за ними шли 7-й, 20-й и 27-й линейные полки той же дивизіи, каждый оспаривая другъ у друга честь первому войти на террасу. Подававшій примѣръ храбрости и самоотверженія, генералъ *Канроберъ* былъ раненъ. Хотя непріятель весьма ослабилъ свой центръ отдѣленіемъ части войскъ на лѣвый флангъ, но все-таки дивизія *Канробера*, при всходѣ на террасу, была встрѣчена жестокимъ огнемъ и понесла сильную потерю: убитъ 1 и ранено 18 штабъ и оберъ-офицеровъ. При такомъ затруднительномъ положеніи, генералъ *Канроберъ*, къ которому еще не могла подоспѣть артиллерія его дивизіи, взбиравшаяся по нѣсколько уже расчищенному оврагу, на правомъ флангѣ союзниковъ, послалъ къ генералу *Боске* просить о присылкѣ одной изъ его батарей. *Боске*, узнавъ объ опасномъ положеніи своего сослуживца и не думая вовсе о своемъ собственномъ положеніи, немедленно командировалъ къ *Канроберу* свою батарею. Дорого могла бы обойтись *Боске* такая жертва, если бы артиллерія дивизіи *Канробера*, всходившая въ это время на террасу, не подоспѣла къ нему съ своими орудіями.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ офицеровъ генеральнаго штаба, окружавшихъ маршала *Сентъ-Арно* и начальника его штаба, генерала *де-Мартеннре*, замѣтили трудное положеніе части войскъ центра и разъединеніе его отъ праваго фланга. Потому бригадѣ *Ореля* приказано было быстро двинуться въ помощь *Канроберу*, а бригада *Лурмеля* (обѣ изъ дивизіи *Форе*) еще прежде послана была къ генералу *Боске*. Бригады эти были предшествуемы артиллеріей, которая быстро вынеслась впередъ и переправилась чрезъ рѣчку, при чемъ артиллеристы шли по поясъ въ водѣ и пособляли лошадямъ везти орудія.

На оконечности праваго фланга союзниковъ, противъ котораго собрались значительныя силы русскихъ, начальникъ 2-й французской дивизіи внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ центрѣ. Теперь генералъ

Боске, руководимый вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, которымъ онъ отличался въ продолженіе всей крымской кампаніи, воспользовался удобною минутою для наступленія, тѣмъ болѣе что генералъ *Канробертъ*, по прибытіи къ нему артиллеріи его дивизіи, возвратилъ батарею, взятую имъ отъ генерала *Боске* къ своей дивизіи. Генералъ *Боске* двинулся противъ лѣваго фланга русскихъ, которые, оспаривая у французовъ каждый шагъ, потеряли здѣсь генералъ-маіора *Куртьянова*, командира Московскаго полка полковника *Приходкина*, командира Минскаго полка и большое число штабъ и оберъ-офицеровъ. Генералъ *Боске* оттѣснилъ непріятеля и приблизился къ дивизіи *Канробера*, приведя такимъ образомъ въ подкрѣпленія къ нему уже не одну батарею, а цѣлую свою дивизію, поддержанную вскорѣ прибытіемъ бригады *Лурмеля* и турецкаго контингента, который, по прежнему, все стоялъ въ резервѣ.

Съ другой стороны, къ дивизіямъ *Канробера* и принца *Наполеона*, противъ которыхъ, на нѣкоторое время, сосредоточились главныя усилія русскихъ, подоспѣли подкрѣпленія изъ 39-го линейнаго полка, двухъ батарей изъ резерва и роты саперъ.

Русская артиллерія, поражаемая съ лѣваго фланга, принуждена была тоже отступить предъ атаками центра союзниковъ.

Вторая французская дивизія, бригада *д'Отмара* въ первой и бригада *Буа* во второй линіи, тѣснили непріятеля по направленію къ телеграфной башнѣ и подавались нѣсколько вправо, чтобы дать мѣсто бригадѣ *Лурмеля*, взбиравшейся по оврагу. Вскорѣ эта послѣдняя бригада пристроилась къ дивизіи *Боске*, которая, продолжая тѣснить непріятеля, поравнялась съ телеграфной башней и окончательно соединилась съ войсками *Канробера*.

На этомъ центральномъ пунктѣ позиціи были собраны русскіе батальоны, построенные въ обширное каре, не противъ кавалеріи, какъ это обыкновенно дѣлается, но противъ французской пѣхоты. Изъ этого каре, а также изъ оконъ и съ верху самой башни, производился безпре-

рывный ружейный огонь, а орудія, поставленныя позади, громили наступающаго ядрами и картечью.

Все предвѣщало, что каре скоро будетъ поддержано кавалерійскою атакою противъ французовъ, и тогда положеніе ихъ могло сдѣлаться критическимъ. Въ это время, въ слѣдъ за генераломъ *д'Орлемъ*, 39-й линейный, 1 и 2 полки зуавовъ наперерывъ спѣшили къ телеграфной башнѣ, стараясь предупредить наступательныя движенія русскихъ. При видѣ этой атаки, грозившей окружить русскія войска, оборонявшійся отступилъ, не выждавъ удара, и ограничился дѣйствіемъ своей артиллеріи. Полки, двинувшіеся для занятія оставленной непріятельскимъ центромъ позиціи, не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Всѣ русскія войска, составлявшія центръ ихъ позиціи, отступили, сохраняя, впрочемъ, совершенный порядокъ; артиллерія ихъ останавливалась и отстрѣливалась на каждой удобной позиціи. Маршалъ *Сентъ-Арно* послалъ генерала *Мартенпре* узнать, что дѣлается въ корпусѣ лорда *Раглана*, а самъ, поддерживаемый двумя человѣками, поѣхалъ, шагомъ, на террасу на лѣвомъ берегу Альмы; здѣсь еще разъ заблестѣвшіе взоры его могли насладиться новою славою французскаго оружія.

Рѣшительнымъ успѣхомъ своимъ противъ главныхъ силъ русскихъ союзники обязаны были не только двумъ французскимъ дивизіямъ, атаковавшимъ непріятеля съ фронта, и смѣлому движенію дивизіи *Боске* противъ лѣваго его фланга, но успѣху этому, какъ увидимъ ниже, много тоже помогли дѣйствія англичанъ противъ праваго крыла обороняющагося. Исполнивъ порученіе главнокомандующаго, генералъ *Мартенпре* донесъ о затруднительномъ положеніи англійскихъ войскъ. Въ слѣдствіе этого, французскія дивизіи были двинуты на правое крыло русскихъ, чтобы взять ихъ во флангъ, въ то время, когда англичане поведутъ фронтальную атаку. Батарея *Тусссня* быстро выѣхала впередъ противъ русскихъ застрѣльщиковъ праваго фланга и гранатами и картечью отвѣчала на ружейные выстрѣлы.

Но англійскія войска, поддерживавшія центръ союзниковъ, особенно дивизію *Наполеона*, въ продолженіе цѣлаго

полутора часа одни сражались противъ значительной части русскихъ войскъ, безъ всякой надежды на помощь французскихъ дивизій. Съ своей стороны, дѣйствія англичанъ представляли существенную важность и, по словамъ русскихъ реляцій, ни въ чемъ не уступали дѣйствіямъ французовъ.

Лордъ *Раглант*, который, какъ выше сказано, полагалъ начать свою атаку тогда уже, когда дивизія *Боске* завяжетъ рѣшительное дѣло на противоположномъ флангѣ союзниковъ, наконецъ, однако же, уступилъ настояніямъ маршала *Сентъ-Арно* и, около часа по полудни, двинулъ свои войска впередъ, но такъ медленно, какъ будто бы дѣло шло о церемоніальномъ маршѣ на парадѣ. Въ настоящемъ случаѣ, медленность эта, была ли она слѣдствіемъ разсчета или особенности англійскаго характера, могла дорого стоить союзникамъ. Въ два часа безъ десяти минутъ, англійскіе застрѣльщики подошли подъ выстрѣлы поставленной на возвышеніи русской батарейной батареи, которая немедленно и открыла огонь. Это случилось почти въ ту самую минуту, когда непріятель началъ жечь деревни, дома и скирды хлѣба по Альмѣ, препятствуя наступавшимъ, черезъ густыя облака дыма, хорошенько разсмотрѣть расположеніе его войскъ. Лордъ *Раглант*, находя, что французы сдѣлали еще очень мало успѣховъ, и что ему еще рано вести свои войска далѣе, приказалъ пѣхотѣ остановиться и прилечь; артиллерія его, между тѣмъ, сыпала градъ ядеръ, ракетъ и гранатъ. Русскіе отвѣчали также сильнымъ огнемъ, и снаряды ихъ часто попадали въ англійскихъ солдатъ, разлегшихся на землѣ.

Наконецъ, лордъ *Раглант* отдалъ приказаніе встать и наступать. Приказаніе было исполнено безъ увлеченія, которымъ такъ отличаются французскія войска; напротивъ, исполненіе этого приказанія отличалось полнымъ хладнокровіемъ, хотя выстрѣлы русскихъ производили ужасное опустошеніе въ рядахъ красныхъ мундировъ. Англійская артиллерія, между тѣмъ, открыла столь сильный картечный огонь противъ засѣвшихъ въ виноградникахъ и домахъ непріятельскихъ стрѣлковъ, что заставила ихъ пе-

рейти на лѣвый берегъ Альмы, при чемъ они разрушили мостъ.

Лордъ *Раглант* тотчасъ же приказалъ его исправить и, окруженный своимъ штабомъ, проѣхалъ по мосту впереди войскъ, съ спокойствіемъ и безстрашіемъ. Генералъ *Бургойнъ* постоянно ѣхалъ рядомъ съ лордомъ *Раглановъ*, подавая ему весьма полезные совѣты. Англійскія войска, которымъ главнокомандующій ихъ отдалъ приказаніе переходить чрезъ рѣку вездѣ, гдѣ найдутся броды, встрѣтили важное препятствіе въ горѣвшей деревнѣ Бурлюкъ: пламя и дымъ преграждали дорогу. Дивизія *Леси-Эванса* (2-я англійская дивизія, состоявшая изъ бригадъ *Пеннефетера*: 30-й, 55-й и 95-й пѣхотные полки, и *Адамса*: 41-й, 47-й и 49-й пѣхотные полки) принуждена была обойти деревню. Два полка бригады *Адамса* перешли чрезъ Альму въ бродъ, правѣе, а третій полкъ со всею бригадою *Пеннефетера* лѣвѣе деревни Бурлюка. Бригада *Пеннефетера* на минуту пріостановилась, но не отступила ни на пядь. Генералъ *Лёси-Эвансъ* былъ сильно контуженъ въ плечо.

Легкая дивизія *Георга Броуна* (7-й и 23-й фузилерные полки, одинъ стрѣлковый батальонъ, 19-й, 33-й, 77-й и 78-й пѣхотные полки; бригадные генералы *Кондрингтонъ* и *Буллеръ*) бросились прямо на непріятеля, въ виноградники между Бурлюкомъ и Тарханларомъ. Крутые и обрывистые въ этомъ мѣстѣ берега рѣки уже сами собою представляли весьма важное препятствіе для движенія, которое еще болѣе увеличивалось виноградниками и засѣками, такъ что, особенно подъ непріятельскими выстрѣлами съ высотъ, невозможно было сохранить правильнаго строя. Тѣмъ не менѣе, генералъ *Броунъ*, шедшій впереди своей дивизіи, и словами и знаками возбуждалъ мужество солдатъ. Встрѣченная градомъ пуль и картечей, бригада *Кондрингтона* принуждена была отступить: 7-й фузилерный полкъ потерялъ при этомъ половину своихъ людей, 23-й фузилерный и 33-й пѣхотные полки также понесли значительную потерю. Генералъ *Кондрингтонъ*, съ шпагою въ рукѣ, первый вошелъ въ укрѣпленія, но былъ отбитъ. Полковникъ 7-го фузилернаго полка, не смотря на потерю, не отступалъ ни

на вершокъ и, съ частію своего полка, продолжалъ стрѣлять по непріятелю, пока не подошли подкрѣпленія. Неустрашимый генералъ *Броунъ* упалъ съ лошади, посреди облака пыли и передъ батареею въ 18-ть орудій большаго калибра, которая жестоко поражала ряды англичанъ; но сейчасъ же поднялся и снова шелъ впереди 23-го фузилернаго полка. Одинъ изъ офицеровъ этого полка, маіоръ *Норкоттъ*, овладѣлъ-было русскимъ редутомъ, но не могъ удержаться въ немъ.

Въ это время, дивизія герцога *Кембриджскаго* (бригада *Бентинка*: гвардейскіе гренадеры, *Goldstream*, гвардейскіе фузилеры; бригада *Колена-Кемпбля*: 42-й, 79-й и 93-й пѣхотные полки, шотландскіе горцы, въ своихъ національныхъ костюмахъ) пришла на подкрѣпленіе къ генералу *Броуну*.

Гвардейская и шотландская (*Highlanders*) бригады наступали сквозь ряды дивизіи *Броуна* и взбирались на высоты праваго фланга позиціи русскихъ такъ же стройно, какъ будто бы проходили на смотру королевы, въ Гайдъ-паркѣ.

Командовавшій русскою пѣхотою, князь *Горчаковъ*, готовясь встрѣтить эту атаку англичанъ, поставилъ за Владимірскимъ полкомъ и двумя легкими батареями Углицкій егерскій полкъ и открылъ сильнѣйшій пушечный и ружейный огонь по дивизіи *Кембриджа*. Огонь этотъ распространялъ смерть въ первыхъ рядахъ британской фаланги. Въ то же время, князь *Горчаковъ* приказалъ одному каре спуститься къ батареѣ, на которой стояло 26 орудій, уже разгромившихъ дивизію *Броуна*.

Моментъ былъ рѣшительный: или англичане будутъ окончательно отбиты, на что русскіе уже не разъ могли надѣяться, и тогда движеніе русскихъ изъ-за укрѣпленія оправдалось бы успѣхомъ, или англичане не будутъ отбиты, и тогда русскіе сдѣлали ошибку, оставивъ свои укрѣпленія. Лордъ *Раглань*, обратясь къ артиллерійскимъ офицерамъ, спросилъ ихъ: нельзя ли навести два орудія противъ этой лавины, которая готовилась скатиться на его войска, уже и безъ того сильно пострадавшія. Отвѣтъ

былъ данъ утвердительный; тотчасъ привезены два орудія, которыя сначала не попадали въ цѣль, но вскорѣ стали стрѣлять съ такою мѣткостію, что разбили русское каре и принудили его отступить на возвышеніе. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояло это каре, осталось шесть или семь рядовъ раненыхъ и убитыхъ, плотно лежавшихъ другъ возлѣ друга. Не смотря на ядра и картечь тридцати-шести орудій, дивизія герцога *Кембриджскаго* продолжала свое великолѣпное шествіе на вершину высотъ. Въ то же время, легкая дивизія *Броуна* возобновила наступленіе, и генералъ *Кондрингтонъ* готовился вторично овладѣть непріятельскими укрѣпленіями.

Князь *Горчаковъ* лично подалъ примѣръ мужества войскамъ своимъ; употребляя послѣднія усилія противъ непріятеля, онъ выдвинулъ полки егерскій Великаго князя Михаила Николаевича и Владимірскій пѣхотный и, атакуя ими англичанъ въ штыки, старался сбросить непріятеля въ Альму. Но огонь атакующихъ, и въ особенности стрѣлковъ, поражая множество офицеровъ и артиллеристовъ, сдѣлалъ самое мужество безполезнымъ. Генералъ-лейтенантъ *Квицинскій*, генералъ-маіоры *Щелкановъ* и *Гогиновъ*, полковники *Селезневъ* и *Ковалевъ* ранены; почти всѣ батальонные и ротные командиры или убиты, или ранены. Владимірскій полкъ потерялъ 1,500 человѣкъ и 45 офицеровъ. Подъ княземъ *Горчаковымъ* убито двѣ лошади, а шинель его пронизана пулями. Часть орудій перестала дѣйствовать, потому что лишилась всей прислуги.

Во время этого геройскаго сопротивленія, англійская гвардейская бригада, потерявшая много людей, на минуту пріостановилась, еще разъ перестроилась и снова величественно двинулась впередъ, производя бѣглый огонь, но мѣрѣ приближенія къ русскимъ укрѣпленіямъ, которыя, мало по малу, пустѣли. Влѣво, гиглендеры, въ трехъ густыхъ массахъ, атаковали оконечность праваго фланга непріятеля и овладѣли его укрѣпленіями, между тѣмъ какъ гвардейцы шли на приступъ укрѣпленій, лежавшихъ лѣвѣе. Французы, двинувшіеся-было противъ праваго крыла русскихъ, по недостаточности мѣста, не могли соединить свои

усилія съ атаками своихъ союзниковъ, исключая, впрочемъ, батареи *Тусссня*, помощь которой не была полезна для англичанъ. Занявъ позицію русскихъ, англичане нашли тамъ только два легкихъ орудія, потому что князь *Меншиковъ*, заблаговременно еще давъ сигналъ къ отступленію, приказалъ убрать всю артиллерію. Его орудія уже не стрѣляли, но за то были спасены.

Въ это время французскія и англійскія войска сошлись на высотахъ Альмы; расположеніе союзныхъ войскъ походило тогда на огромную букву *V*. въ срединѣ которой отбивались и отступали русскія войска, поражаемыя въ тылъ съ обоихъ фланговъ. Изъ англійскихъ колоннъ бросали конгревовы ракеты, со свистомъ пролетавшія въ воздухѣ, на которыя отвѣчали слабые выстрѣлы уже далекой непріятельской артиллеріи. Видно было, какъ войска князя *Меншикова* сперва скрылись въ лощинѣ, потомъ взошли на отдаленный холмъ, остановились на немъ и начали формироваться въ батальоны. Главнокомандующій русскою арміею, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Севастополя, приказалъ князю *Горчакову* отвести войска центра и праваго крыла на другую позицію, верстахъ въ двухъ къ югу отъ мѣста сраженія; лѣвое крыло до самаго момента общаго отступленія упорно держалось вокругъ телеграфа, куда, какъ выше видѣли, оно было оттѣснено генераломъ *Боске*; наконецъ и это крыло отступило въ слѣдъ за прочими войсками (¹). Сраженіе, начавшееся въ половинѣ перваго, кончилось въ четыре часа.

(¹) Мы обращались къ одному свѣдущему офицеру, прося его объяснить намъ нѣкоторыя обстоятельства сраженія при Альмѣ, и въ особенности дѣйствія дивизіи *Боске*, при которой состоялъ этотъ офицеръ, и получили отъ него слѣдующее письмо, которое считаемъ не безполезнымъ представить здѣсь въ подтвержденіе нашего разсказа.

«Понимаю недоразумѣнія ваши относительно деревни, которую прошла дивизія *Боске* при началѣ дѣйствія. (Мы полагали, что эта деревня не могла быть Альматамакъ, какъ ее называли въ большей части описаній сраженія). Въ самомъ дѣлѣ, деревня эта, всего въ какихъ нибудь двадцать избъ, безъ сомнѣнія не показана ни на одной картѣ. *(На картѣ южной части Крыма, составленной на основаніи изысканій, произведенныхъ по порученію русскаго правительства, и изданной на англійскомъ языкѣ Джономъ Арроусмидтомъ, эта деревня значится при устьѣ Альмы и называется Лукуль).* Эта дере-

Русская артиллерія, подъ начальствомъ генерала *Кишинскаго*, отступила, везя орудія частію людьми, потому что почти всѣ орудійныя и ящичныя лошади были перебиты. Отступленіе этой артиллеріи прикрывалось полками Великаго Князя Михаила Николаевича и Владимірскимъ. Генералъ *Кишинскій* выставилъ на высотѣ, за оставленною позиціею русскихъ, двадцать-четыре орудія, которыя сильно потерпѣли, прикрывая ихъ двумя названными полками, а также еще свѣжимъ Волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ, гусарскою бригадою и козаками. Но русскіе писатели напрасно приписываютъ дѣйствію артиллеріи генерала *Кишинскаго* и схваткамъ англійской кавалеріи съ гусарами и козаками то, что союзные главнокомандующіе рѣшились не преслѣдовать побѣжденныхъ, а расположили войска бивуаками на взятой ими позиціи. Не говоря уже объ усталости войскъ, самое незнаніе страны не позволяло союзникамъ продолжать наступленіе вечеромъ.

вушка находилась на Альмѣ, почти въ равномъ разстояніи между деревнею Альматамакъ, которая, какъ мы видѣли, была атакована и взята дивизіею, стоявшею въ центрѣ. Она вовсе не была занята русскими, и послѣ перехода чрезъ рѣку, именно позади избъ этой деревни, зуавы и вся бригада *д'Отмара*, дивизіи *Боске*, овладѣли утесистымъ берегомъ, и на терасѣ, которая возвышается надъ рѣкою, завязали артиллерійское дѣло съ русскими войсками расположенными близъ телеграфа и возвышеній, противъ деревни Альматамакъ. Во время этого артиллерійскаго дѣла, продолжавшагося около полутора часа, съ полудня до половины втораго, мы, стоя на краю берега, совершенно ясно видѣли атаки на Альмутамакъ, въ одной верстѣ впереди насъ, тогда какъ въ верстѣ за нами бригада *Буа* и турецкій контингентъ шли морскимъ берегомъ, близъ самаго устья, и выстраивались къ бою, во второй линіи за бригадою *д'Отмара*, которая первая вошла на терасу. Около часа пополудни, деревня Альматамакъ была взята войсками центра, которыя взобрались на высоты и атаковали, дѣйствовавшую противъ насъ, русскую артиллерію. Между тѣмъ, бригада *Буа* заняла свое мѣсто во второй линіи, и дивизія *Боске*, съ ея подкрѣпленіями, двинулась къ телеграфу. Какъ видите, въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ и на планахъ совершенно ошибочно показывается, что вся дивизія *Боске* перешла рѣку при ея устьѣ. Такое показаніе вѣрно только относительно одной изъ бригадъ этой дивизіи. Впрочемъ, первое движеніе бригады *д'Отмара* было усмотрѣно только немногими французами, потому что французскія дивизіи въ это время были еще далеко отъ Альмы. Что касается русскихъ, то они не обращали на это движеніе никакого вниманія, потому что князь *Меншиковъ* считалъ мѣстность лѣваго фланга его позиціи совершенно неприступною».

Недостатокъ кавалеріи былъ главнѣйшею причиною, по которой союзники не могли извлечь изъ своей побѣды всѣхъ выгодъ. Ежели бы только обходное движеніе было произведено рѣшительнѣе, то союзники взяли бы много плѣнныхъ и отняли бы орудія у русскихъ, которые сначала отступали въ разстройствѣ. Французы, даже по окончаніи сраженія, думали, что цѣль англичанъ состояла во фланговой атакѣ непріятеля, и что только предполагаемое ихъ обходное движеніе было произведено слишкомъ медленно и не далеко простиралось; но мы видѣли выше, что лордъ *Раглань*, не раздѣлявшій мнѣнія объ атакѣ на оба фланга, приказалъ своимъ войскамъ атаковать непріятеля прямо съ фронта. Чрезъ это, правый и лѣвый фланги союзниковъ не успѣли обойти русскихъ, которые скоро и въ порядкѣ сосредоточились, а потомъ воспользовались приближеніемъ ночи, чтобы отойти за Качу, гдѣ и стали бивуаками, въ намѣреніи, перейдя въ послѣдствіи чрезъ Никерманскій мостъ на рѣкѣ Черной, направиться на южную сторону Севастополя.

И такъ, князь *Меншиковъ* успѣлъ увезти всю свою артиллерію, исключая двухъ легкихъ орудій, доставшихся англичанамъ. Но русскіе, во время отступленія, бросили на полѣ пять тысячъ ружей и до десяти тысячъ ранцевъ. Карета князя *Меншикова*, съ находившимися въ ней бумагами, была взята артиллерію, бригаднаго командира *дела-Буссиньера*, въ то время, когда она уже подъѣзжала къ главнымъ силамъ русской кавалеріи. Англо-французы взяли шестьсотъ плѣнныхъ, большею частію раненыхъ, и въ томъ числѣ двухъ генералъ-маіоровъ, жестоко израненыхъ во время разгара битвы.

Союзники провели два дня на полѣ альмскаго сраженія; отдыхали, перевязывали свои и непріятельскія раны и хоронили убитыхъ.

По русскимъ источникамъ, въ войскахъ князя *Меншикова* считалось: убитыхъ 1,892 человѣка, въ томъ числѣ одинъ генералъ и 40 офицеровъ; тяжело раненыхъ 2,698, въ томъ числѣ три генерала и 84 офицера; контуженныхъ 474, въ томъ числѣ одинъ генералъ и 57 офицеровъ. и

безъ вѣстипропавшихъ 735 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ; всего 5,799 человѣкъ, которые, за исключеніемъ около 474 контуженныхъ, выбыли изъ строя (1).

Союзники понесли также довольно большія потери, гораздо болѣе, чѣмъ приблизительно показано въ первыхъ реляціяхъ. Маршалъ *Сентъ-Арно*, въ первую минуту послѣ сраженія, показалъ 1,289 французовъ выбывшими изъ строя, и въ томъ числѣ убитыми трехъ офицеровъ и 253 нижнихъ чиновъ, раненыхъ 1,033, и въ томъ числѣ 54 офицера, а выбывшихъ изъ строя англичанъ 1,500 человѣкъ. Изъ донесенія лорда *Раглана* не видно потерь британскихъ войскъ. Между тѣмъ, въ «Монитерѣ», отъ 9-го октября 1854 года, напечатано, что въ продолженіе 24, 25 и 26 сентября въ константинопольскіе госпитали принято: 1,350 французовъ и 2,060 англичанъ, раненыхъ подъ Альмой (2). Наконецъ, по странному стеченію противорѣчій, въ «Монитерѣ» отъ 23-го октября публикованъ именной списокъ, по которому въ одномъ 3-мъ морскомъ полку считается 18 убитыхъ и 124 раненыхъ, а въ «Монитерѣ», отъ 27-го того же мѣсяца, въ одномъ только 7-мъ линейномъ полку 139 выбывшихъ изъ строя, изъ которыхъ 16 убитыхъ. Однако, видя общее безпокойство, скоро перестали печатать списки убитыхъ или выбывшихъ изъ строя, и съ тѣхъ поръ, увы! только въ понесшихъ горькія

---

(1) Цифры эти взяты изъ сочиненія русскаго офицера *Аничкова*: *Военно историческіе очерки крымской экспедиціи*. Эти цифры нѣсколько разнятся съ показанными княземъ *Меншиковымъ* въ его реляціи, присланной тотчасъ послѣ сраженія, и напечатанной въ «Русскомъ Инвалидѣ». У насъ убито, сказано въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1,762 человѣка, ранено 2,315, контужено 405. Въ числѣ убитыхъ было 45 штабъ и оберъ-офицеровъ, въ числѣ раненыхъ 4 генерала (начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ *Ковицинскій*, бригадный командиръ той же дивизіи генералъ-маіоръ *Щелкановъ*, бригадный командиръ 17-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ *Гогиновъ* и командиръ Московскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіоръ *Куртьяновъ*) и 96 штабъ и оберъ-офицеровъ».

(2) Въ самомъ дѣлѣ, въ «Монитерѣ» отъ 15-го (?) октября 1854 года сказано: «Вотъ *истинныя* цифры раненыхъ и больныхъ, прибывшихъ сюда въ теченіе 24-го, 25-го и 26-го сентября *во французскіе госпитали*: 1,350 раненыхъ французовъ, 220 раненыхъ русскихъ, 350 больныхъ; *въ англійскіе госпитали*: 2,060 раненыхъ англичанъ и 120 раненыхъ русскихъ».

потери семействахъ велся вѣрный счетъ убитымъ, раненымъ или попавшимъ въ госпитали, такъ какъ болѣзни не переставали сопутствовать восточной арміи. Что касается цифры убитыхъ подъ Альмой собственно французовъ, то донесеніе маршала *Сентъ-Арно* было близко къ точнымъ показаніямъ частныхъ, и довольно согласныхъ между собою, документовъ, по которымъ, чрезъ три недѣли послѣ сраженія, значилось 300 убитыхъ, и въ томъ числѣ около 12 офицеровъ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ. У англичанъ было показано только 153 убитыхъ. и въ томъ числѣ 23 офицера. Но цифра эта, конечно, далеко меньше истинной: стоитъ вспомнить обстоятельства сраженія и вырвавшееся, какъ говорятъ, у герцога *Кембриджскаго* грустное восклицаніе: «Еще такая же побѣда, и у Англіи не будетъ арміи». Словомъ, мы не преувеличимъ общую потерю союзниковъ, показавъ ее около 4,500 человѣкъ выбывшими изъ строя (¹). Но весьма трудно предположить, чтобы союзники не преслѣдовали отступившихъ не по недостатку кавалеріи, а въ слѣдствіе понесенныхъ потерь, какъ увѣряетъ въ томъ русскій сочинитель.

Альмское сраженіе представляетъ многія, и обыкновенно столь мало совмѣстныя съ понятіемъ о войнѣ, черты человѣколюбія, выказаннаго офицерами и солдатами какъ по окончаніи, такъ равно и во время самаго боя. Объ этомъ стоитъ замѣтить, какъ объ успѣхѣ нашего

(¹) «Монитеръ», отъ 23-го октября 1854 года, публиковалъ слѣдующее краткое извѣстіе: «*Изъ полученныхъ до нынѣ* свѣдѣній видно, что французская армія понесла подъ Альмой слѣдующія потери: 136 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, и въ томъ числѣ 4 офицера и 1,200 раненыхъ, въ томъ числѣ 61 офицеръ». Не на основаніи ли этого извѣстія, которое еще не приводитъ ни къ какому заключенію, г. *Дюкассъ* уменьшилъ, уже и безъ того довольно невѣрную, цифру маршала *Сентъ-Арно*, показавъ потерю французовъ въ 6 офицеровъ и 132 нижнихъ чиновъ убитыми, 59 офицеровъ и 1,140 унтеръ-офицеровъ и солдатъ ранеными, и двухъ безъ-вѣсти пропавшими; всего 1,339 убитыми и выбывшими изъ строя. Вышеприведенною выпискою изъ «Монитера», отъ 15-го октября, мы доказали невѣрность этой цифры — она меньше дѣйствительной. Г. *Базанкуръ* даетъ почти тѣ же цифры, какъ *Дюкассъ*: 6 офицеровъ, 253 унтеръ-офицеровъ и солдатъ убитыхъ; 59 офицеровъ и 1.033 унтеръ-офицеровъ и солдатъ раненыхъ; всего 1,351 человѣкъ убитыхъ или выбывшихъ изъ строя.

вѣка. Англійскій генералъ *Розъ* писалъ, что французы приносили пищу и перевязывали раны русскимъ и уносили съ поля на одинѣхъ и тѣхъ же носилкахъ побѣдителя и побѣжденнаго, ранившихъ другъ друга. Множество писемъ и замѣтокъ, и въ особенности полученныхъ отъ людей, отличившихся мужествомъ и презрѣніемъ собственной жизни въ бою, отзываются и глубокою грустію, и совершенною антипатіею къ войнѣ. Способнѣйшіе и преданнѣйшіе военному дѣлу люди вовсе не выказывали той жажды крови изъ честолюбія, которая могла быть господствующимъ характеромъ былаго времени, но рѣзко противорѣчитъ духу и прогрессу нашего вѣка. Переписка офицеровъ, и даже часто простыхъ солдатъ, выражала счастіе, но счастіе полное сочувствія въ человѣчеству, отнюдь, впрочемъ, не давая повода сомнѣваться въ самоотверженіи и хладнокровіи нашихъ героевъ. Они сражались съ полнымъ сознаніемъ долга къ родинѣ.

Поле битвы было покрыто умирающими, ранеными, которые, посреди стоновъ, просили кто лекаря, кто хоть немного воды, чтобы утолить мучительную жажду или обмыть раны; тутъ обломки оружія, тамъ изорванныя на части тѣла и группы людей и лошадей, плавающихъ въ крови. «Ежели это былъ день торжества и побѣды», сказано въ журналѣ одного молодаго офицера, о которомъ мы уже упоминали: «то что же такое день пораженія?» Не было ни одного мѣста на этой, изборожденной ядрами, землѣ, гдѣ не смущался бы взоръ и нога не останавливалась бы передъ некаженнымъ трупомъ. И еще счастливъ былъ тотъ, кто не узналъ въ убитомъ брата, родственника или друга. Каждый обѣгаетъ полки, освѣдомляясь объ участи близкихъ сердцу. Бѣдняжка-солдатъ, у котораго былъ только одинъ — можетъ быть единственная въ мірѣ его опора—землякъ-офицеръ, ищетъ его повсюду, думая, на кого-то онъ его оставилъ. «Видѣлъ ты его? Живъ онъ? Только раненъ? Какъ его ранили?» Вотъ вопросы, которые слышатся со всѣхъ сторонъ. Длинные ряды лошаковъ перевозили на корабли раненыхъ французовъ, англичанъ и русскихъ.—Тутъ же хоронили павшихъ, собирали окровав-

ленныя и разбросанныя части труповъ, которыя зарывали въ общую яму. Оружіе и одежда собраны были въ кучу и преданы пламени. Тамъ и сямъ попадались русскія письма, одни запечатанныя, другія еще несложенныя; писавшіе ихъ надѣялись, можетъ быть, еще не задолго передъ битвой, послать о себѣ вѣсточку роднымъ и друзьямъ. Часто, писавшая ихъ рука покоилась далеко отъ сердца. А между тѣмъ Альма, равнодушная къ событію, впервыя ознаменовавшему берега ея кровавою славою, катитъ въ море свои прозрачныя воды, подъ кущами зелени, измятой, поломанной проходившими войсками, подъ деревьями, сохранившими знаки ядеръ и пуль.—Стаи хищныхъ птицъ, привлеченныя запахомъ труповъ, которымъ уже начиналъ заражаться воздухъ, слетались отовсюду, и пронзительные крики ихъ мѣшались со стономъ раненыхъ, съ послѣднимъ хрипѣніемъ умирающихъ. «Но, говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, не должно убиваться этими тяжелыми сценами, чтобы не ослабѣть духомъ. На войнѣ, сердцу, болѣе даже чѣмъ тѣлу, надобно быть желѣзнымъ».

Вся Европа и сами русскіе приписываютъ главную честь альмской побѣды начальнику праваго крыла союзниковъ, генералу и его солдатамъ, которые съ неслыханнымъ самоотверженіемъ рванулись въ бой. Французскій народъ присудилъ пальму побѣды зуавамъ, зная, сколько они показали чудесныхъ примѣровъ храбрости. Тѣмъ не менѣе, огромное число раненыхъ въ 3-мъ морскомъ полку показываетъ, что полкъ этотъ ни въ чемъ не уступалъ ни отличнымъ африканскимъ стрѣлкамъ, ни ловкимъ и безстрашнымъ стрѣлковымъ батальонамъ, ни другимъ частямъ пѣхоты, бывшей въ бою. Артиллерія, по свидѣтельству самого маршала *Сентъ-Арно*, играла важную роль въ сраженіи и, конечно, рѣшила побѣду. Но публика такъ создана, что нѣсколько строчекъ, напечатанныхъ въ честь, впрочемъ весьма заслуженную, зуавовъ, сдѣлала ихъ до такой степени популярными, что общественное мнѣніе, въ продолженіе всей кампаніи, не всегда отличалось справедливостію къ другимъ войскамъ, не менѣе зуавовъ дѣятель-

нымъ, храбрымъ и даже, иногда, лучше дисциплинированнымъ, чѣмъ зуавы. Общественное мнѣніе видѣло зуавовъ и тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было; и самый Севастополь-то былъ взятъ безъ содѣйствія спеціальныхъ оружій и всѣхъ прочихъ войскъ — зуавы однимъ махомъ овладѣли имъ. Исторія, отдавая справедливость зуавамъ, протестуетъ противъ такого увлеченія публики.

Англичане также имѣютъ полное право приписывать себѣ честь въ альмской побѣдѣ. Георгъ *Броунъ*, съ своею легкою дивизіею; бригады гвардейская и гиглендеровъ, подъ начальствомъ герцога *Кембриджскаго;* генералы *Бентинкъ* и *Кемпбль* и бригады *Пеннефетера* и *Адамса*, конечно, много содѣйствовали успѣху битвы. Если лѣвое крыло русскихъ, атакованное генераломъ *Боске*, было укрѣплено самою природою, то правое, атакованное англичанами съ фронта, было весьма усилено искусствомъ. Съ одной стороны, французы дѣйствовали со свойственнымъ этому народу порывомъ; съ другой, англичане выказали также свойственную имъ настойчивость. Ссылаемся въ этомъ случаѣ на русскихъ офицеровъ, писавшихъ о крымской войнѣ; они говорятъ, что если наступленіе генерала *Боске* и смѣлое нападеніе зуавовъ на лѣвый флангъ было началомъ пораженія, то невѣроятная почти настойчивость англичанъ въ атакахъ на правый флангъ довершила успѣхъ союзниковъ (1).

IV.

Описаніе альмскаго сраженія, составленное по Кинглэку (2).

Колыбель христіанства, та часть Палестины, которая извѣстна подъ общимъ названіемъ Святыхъ Мѣстъ, и вы-

---

(1) Военный Сборникъ 1859 г. № 1.

(2) Передъ началомъ разсказа русскій авторъ статьи счелъ необходимымъ предпослать ей слѣдующую замѣтку: «Безъ малаго четверть столѣтія уже отдѣляетъ насъ отъ тѣхъ тяжелыхъ для Россіи дней, когда, послѣ безпримѣрной въ лѣтописяхъ военной исторіи обороны, палъ Севастополь. Всесокрушающая рука времени понемногу, одинъ за однимъ, сводитъ въ могилу и тѣхъ

соко чтится всѣми христіанами, и въ особенности православными, находится, какъ извѣстно, въ рукахъ поклонниковъ Магомета. Зная по себѣ, какое важное значеніе придаетъ ихъ собственная религія поклоненію своей святынѣ, гробу Магомета, турки вполнѣ понимали чувства христіанъ, приходившихъ изъ далекихъ странъ поклониться Гробу Господню, и дозволяли имъ имѣть тамъ монастырь и

немногочисленныхъ уцѣлѣвшихъ защитниковъ этого города, которые, будучи свидѣтелями этой ожесточенной борьбы съ самаго ея начала, могли бы поддерживать въ потомствѣ воспоминаніе о той храбрости, неустрашимомъ мужествѣ и отчаянномъ самопожертвованіи, которыя изумляли нашихъ противниковъ. Съ другой стороны, выросшее съ тѣхъ поръ поколѣніе, по юности своей не только не принимавшее участія въ событіяхъ того тяжелаго времени, но и не бывшее въ тѣ дни въ состояніи что нибудь знать о подвигахъ своихъ соотечественниковъ, въ настоящее время занято совершенно другими вопросами и интересами, едва-ли когда нибудь услышитъ подробное повѣствованіе какъ о всемъ ходѣ севастопольской осады и самого начала высадки союзниковъ въ Крымъ, такъ и о тѣхъ дипломатическихъ переговорахъ, которые имъ предшествовали.

«Полагая, что подобное повѣствованіе не можетъ не быть интереснымъ для всякаго истинно-русскаго человѣка, мы сочли за необходимое познакомить нашихъ читателей съ сочиненіемъ англичанина Кинглэка, начавшимся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но еще не доведеннымъ до конца.

«Относительная близость событій, описываемыхъ Кинглэкомъ, заставляетъ быть снисходительнѣе къ нѣкоторымъ пробѣламъ, неполнотѣ и неточностямъ, неизбѣжнымъ для всякаго историка, посвящающаго свой трудъ изученію самаго недалекаго отъ него прошлаго. Тѣмъ не менѣе, многочисленныя примѣчанія и приложенія указываютъ, что Кинглэкъ отнесся къ своему труду съ полною добросовѣстностью. Онъ изучилъ не только всѣ сочиненія, относящіяся до крымской экспедиціи, но имѣлъ также случай пользоваться дневниками и записками главныхъ дѣятелей крымской экспедиціи, какъ-то лорда *Раглана*, вице-адмирала *Корнилова* и другихъ. Относительно нѣкоторыхъ эпизодовъ этой войны, какъ-то: сраженій при Балаклавѣ, при Инкерманѣ, нѣкоторыхъ стычекъ подъ Севастополемъ, Кинглэкъ откровенно сознается, что не имѣетъ пока подробныхъ свѣдѣній. Что же касается самаго тона сочиненія, то нельзя не замѣтить, что оно отличается замѣчательнымъ безпристрастіемъ, въ особенности все то, что касается Россіи и русской арміи. Онъ отзывается съ большимъ уваженіемъ о своихъ бывшихъ врагахъ и говоритъ прямо, что оборона Севастополя занимаетъ видное мѣсто въ военной исторіи, что истинный правдивый разсказъ о крымской войнѣ можетъ только лишь увеличить славу русскаго оружія.

«Такое безпристрастіе встрѣчается, какъ извѣстно, довольно рѣдко у иностранныхъ писателей, и этимъ объясняется отчасти и то, почему мы, желая познакомить читателя въ сжатомъ очеркѣ съ общимъ ходомъ крымской экспедиціи, остановились на сочиненіи Кинглэка, съ которымъ русскіе читатели еще мало знакомы».

странноприимный домъ. Для поддержанія этихъ учрежденій, естественно необходимы были средства: вотъ причина, по которой за поклоненіе каждой святынѣ богомольцы обязаны были дѣлать приношенія, каждый по своему достоянію. Такимъ образомъ, понемногу каждое изъ святыхъ мѣстъ сдѣлалось особымъ источникомъ дохода, а за обладаніе этими источниками возникали споры между церквами различныхъ христіанскихъ исповѣданій, споры, которые окончательно разрѣшались повелителями страны, т. е. иновѣрными турками, опредѣлявшими, которой изъ церквей имѣть въ исключительномъ своемъ владѣніи извѣстную святыню. Турки, т. е. властитель Константинополя, во времена могущества своего, эти споры, возникавшіе постоянно, разрѣшали не безъ содѣйствія разныхъ вліяній, употребляемыхъ интригою и преимущественно при посредствѣ денегъ; съ упадкомъ же власти и значенія султановъ, представители той или другой церкви стали поддерживать свои требованія вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ.

Такъ, еще въ 1740 году, Франція заключила съ султаномъ договоръ, утверждавшій на всегда за латинской церковью въ Палестинѣ всѣ тѣ преимущества, которыми она въ то время пользовалась. Тѣмъ не менѣе, въ послѣдующее столѣтіе православная церковь, поддерживаемая Россіею, получила отъ султана нѣсколько фирмановъ, предоставлявшихъ ей преимущества, несогласныя съ договоромъ, заключеннымъ съ Франціею; но Франція противъ этого никогда не думала протестовать до самаго послѣдняго времени, когда *Лавалетъ*, представитель Франціи въ Константинополѣ, получилъ предписаніе потребовать отъ Порты точнаго исполненія договора 1740 года, что неизбѣжно должно было не только нарушить тѣ преимущества, которыми пользовалась столько времени, съ вѣдома Франціи, православная церковь, но также и раздражить до крайности православное духовенство и привести въ негодованіе милліоны православныхъ и съ ними вмѣстѣ Россійскаго Императора. Но, не смотря на все это, *Лавалетъ* предъявилъ свое требованіе въ такое время, когда всѣ сопричествующія церкви въ Іерусалимѣ пользовались со-

вершеннымъ спокойствіемъ, и этимъ самымъ первый нарушилъ миръ Европы. Лишь самый узкій и ограниченный взглядъ на вещи можетъ оправдать поступокъ Франціи на томъ основаніи, что она требовала только выполненія того, что предоставлено было ей прежнимъ договоромъ, никѣмъ и ничѣмъ не отмѣненнымъ, и что преимущества, предоставленныя Турціею православной церкви, не были облечены въ форму международнаго договора, а потому и могли быть во всякое время уничтожены султаномъ. Но Франція не имѣла никакой даже надобности въ выполненіи этого договора 1740 года; французы съ религіозной точки зрѣнія не придавали особаго значенія Святымъ Мѣстамъ, почти не посѣщали ихъ, тогда какъ православные стекались тысячами на поклоненіе имъ. Французы, если и проникали до Іерусалима, то въ видѣ французскихъ туристовъ.

Требованіе *Лавалета* очень встревожило Порту. Не было никакой возможности согласить условія договора 1740 года съ уступками, сдѣланными послѣдовавшими фирманами православной церкви, которая, въ лицѣ представителя Россіи въ Константинополѣ, въ свою очередь требовала точнаго соблюденія фирмановъ. Порта не могла иначе удовлетворить Францію, какъ оскорбивъ Россію. Франція настойчиво требовала обладанія ключемъ отъ главныхъ дверей Виѳлеемскаго храма и не довольствовалась ключемъ отъ одной изъ малыхъ дверей. Это требованіе вызвало выступленіе значительныхъ армій, движеніе событій, кровопролитныя битвы, гибель людей и, безпримѣрную въ исторіи, оборону Севастополя.

Дипломатическій міръ, изумленный подобнымъ требованіемъ, спрашивалъ, какъ говорятъ, что разумѣютъ подъ словомъ ключъ: простое ли орудіе, которымъ отворяютъ простыя двери, или какой-нибудь символъ, и получилъ въ отвѣтъ, что рѣчь идетъ о дѣйствительномъ ключѣ, который отворяетъ двери и впускаетъ въ храмъ католиковъ.

Порта, въ слѣдствіе рѣшительныхъ настояній *Лавалета*, рѣшилась, въ нотѣ отъ 9-го февраля 1852 года, признать основательными требованія Франціи, но вскорѣ, по настоя-

ніямъ Россіи, Порта издала фирманъ, подтверждавшій за православною церковью всѣ ея преимущества, чѣмъ на дѣлѣ уничтожалось всякое значеніе ноты, изданной незадолго предъ этимъ въ пользу латинянъ. Франція разсердилась; чтобы избѣгнуть ея гнѣва, Порта обѣщала отклонить торжественное объявленіе послѣдняго фирмана въ Іерусалимѣ. Русскій посланникъ настаивалъ на своемъ, и Порта обѣщала ему тайно намекнуть пашѣ іерусалимскому о томъ, чтобы онъ не выдавалъ ключей католикамъ. Въ слѣдствіе новыхъ настояній Франціи, Порта поручила *Асриф-бею* привести въ исполненіе ея противорѣчащія обязательства. Все это кончилось, наконецъ, тѣмъ, что католики получили требуемые ключи. Событіе это глубоко поразило Россію и ея Государя, а *Пессельроде* писалъ *Бруннову*, нашему посланнику въ Парижѣ (?), о необходимости принять мѣры къ возстановленію нарушенныхъ преимуществъ православной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскія войска подвигались къ границамъ дунайскихъ княжествъ.

Россія всѣ свои войны вела съ не единовѣрными ей народами и не разъ была спасаема воинственнымъ рвеніемъ своего духовенства. Поэтому любовь къ отечеству и преданность церкви были нераздѣльны, и до того составляли какъ бы одно чувство, что русскіе не могли раздѣлить эти два понятія. Они знали, что невѣрные оскверняютъ ихъ храмы въ столицѣ православія, и считали за богоугодное дѣло истребить турокъ по приказанію церкви. Разсказы о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ ихъ единовѣрцами отъ поработившихъ ихъ турокъ, возбуждали ихъ къ мщенію и избавленію своихъ единовѣрцевъ отъ ига турокъ и поддерживали желаніе водрузить святой крестъ въ Константинополѣ, изгнать турокъ изъ Европы и слить съ святою Русью тѣ обширныя провинціи, въ которыхъ жили и страдали милліоны братьевъ-христіанъ, желавшихъ освободиться отъ господства турокъ. Народъ русскій стремился къ обладанію древнею столицею имперіи Константина, нѣкогда владычицею міра, источникомъ вѣры для него; государственные люди — въ обладаніи Константинополемъ видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ господство надъ Босфо-

ромъ и Дарданеллами и новые задатки богатства и могущества государства. Русскій Императоръ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глава церкви въ Россіи. Всѣ религіозныя чувства страны были бы глубоко оскорблены, если бы оказалось, что глава церкви не раздѣляетъ благочестиваго желанія страны; а лица, свыкшіяся съ мыслію увеличенія имперіи, были бы опечалены, увидѣвъ, что Государь забываетъ о предметѣ ихъ стремленій. По своему положенію, Константинополь по видимому предназначенъ судьбою къ тому, чтобы сдѣлаться столицею обширнаго государства, хотя управлять съ береговъ Босфора всѣми обширными землями русскаго государства и было бы довольно трудно. Русскіе государственные люди хорошо сознавали всю важность перемѣнъ, которыя повлекло бы за собою завоеваніе Константинополя, но цѣль эта такъ завлекательна, что Русскій Государь находится въ необходимости показывать видъ, что онъ благопріятствуетъ подобному стремленію и постоянно стремится къ его выполненію, но что лишь другія важныя соображенія принуждаютъ все отдалять минуту полнаго его осуществленія. Занятіе Константинополя представляется какъ бы завоеваніе, исполненіе котораго постоянно откладывается, но никогда не покидалось вполнѣ.

Императоръ Николай имѣлъ неограниченную власть въ имперіи; онъ не нуждался ни въ чьихъ совѣтахъ, и, въ силу своей необычайной дѣятельности и особенной склонности къ занятіямъ управленія, онъ въ дѣйствительности, по большей части, управлялъ самъ государствомъ. Въ немъ сосредоточивалось все дѣйствительное могущество имперіи. Онъ гордился своимъ народомъ и понималъ его значеніе. Религія имѣла на него сильное вліяніе и глубоко проникала его душу. Онъ считалъ, что ему предназначено судьбою оказать услугу церкви какими-либо великими подвигами, а не искреннимъ обыденнымъ благочестіемъ. Онъ царствовалъ 27 лѣтъ и во все время ни разу государственные люди Европы не усомнились въ его, такъ сказать, рыцарской чести; всѣ на него смотрѣли, какъ на человѣка рѣшительнаго и прямаго, слишкомъ храбраго и гордаго, чтобы рѣшиться снизойти до лжи. Онъ зналъ,

какъ глубоко будетъ оскорблено народное чувство имперіи, если въ судьбахъ Турціи произойдутъ важныя измѣненія, безъ всякой пользы для Россіи и нисколько не приблизивъ ее къ Константинополю. Поэтому онъ считалъ выгоднымъ для себя сохранять въ цѣлости Турцію до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи принять участіе въ ея распаденіи. Другими словами, можно, по видимому сказать, что со времени адріанопольскаго мира, съ 1829 г. до начала 1853 года, взглядъ Императора на восточный вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: Онъ является ревностнымъ защитникомъ церкви православной, готовымъ даже позабыть исключительныя соображенія политики и осторожности. Но, независимо отъ этого, онъ нисколько не желаетъ подвергаться затрудненіямъ, которыя возникли бы отъ распаденія Турціи, не будучи увѣренъ заранѣе, что Англія будетъ дѣйствовать заодно съ нимъ. Англія всячески отказывалась войдти въ какія-либо обязательства, основанныя на предположеніи о паденіи Турціи, которую она всячески желала сохранить, а потому и Императоръ Николай, съ своей стороны, дѣлалъ не мало для сохраненія государства, которое онъ не могъ еще разрушить. Онъ старался пріобрѣсть господствующее вліяніе на Порту, которое бы отстраняло всякое другое, и обезпечить средства, которыя, если бы не ускоряли паденія Турціи, то, по крайней мѣрѣ, препятствовали бы ея развитію. Онъ старался устроить судьбы Турціи въ пользу Россіи, съ намѣреніемъ воспользоваться ею при благопріятномъ случаѣ.

Въ то время, какъ Николай I былъ очень недоволенъ торжествомъ католической церкви надъ православною, о которомъ мы только что упомянули выше, на границахъ Австріи и Турціи произошло слѣдующее: зимою 1852—53 года *Омеръ-паша* съ войскомъ преслѣдовалъ христіанъ въ Черногоріи. Австрійскій кабинетъ потребовалъ удаленія турецкихъ войскъ изъ Черногоріи. Россія поддержала это требованіе и заявила, что отказъ въ ономъ будетъ считаться поводомъ къ войнѣ между Россіею и Турціею. По-видимому Россія хотѣла, при отказѣ со стороны Турціи, воспользоваться этимъ случаемъ и навязать Турціи про-

текторатъ надъ всѣми ея провинціями, лежащими на сѣверъ отъ Балканскихъ горъ, вполнѣ увѣренная, что въ случаѣ войны вспыхнетъ возстаніе христіанскаго населенія въ Турціи.

Какое впечатлѣніе могло произвести подобное дѣйствіе на другія главныя европейскія державы, какъ отнеслись бы онѣ къ нему? Заинтересованная всего болѣе въ сохраненіи Турціи, Австрія первая предъявила ей требованіе несправедливое и унизительное: начавъ войну съ султаномъ, ей трудно было бы противиться силѣ обстоятельствъ и возвратиться къ тому, чтобы сохранить въ цѣлости Турцію. Пруссія всего менѣе интересовалась Турціею и не было причины думать, чтобы она не согласилась слѣдовать образу дѣйствія Россіи, съ которою она находилась въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ. Чтобы угадать положеніе, которое приметъ Франція, нужно было угадать, что признаетъ за самое выгодное для своего собственнаго положенія ея новый повелитель, *Наполеонъ III*; о ней Россія и не заботилась, хотя и не надѣялась видѣть Францію своею союзницею въ этомъ дѣлѣ. Оставалась только одна Англія, которую всѣ политики того времени считали страною слишкомъ промышленною, слишкомъ занятою торговыми интересами, чтобы начать войну. Образовавшееся въ то время (въ 1853 году) министерство *Абердина* еще болѣе убѣждало въ этомъ предположеніи. Можно было смѣло предполагать, что Англія не будетъ препятствовать раздробленію Турціи.

Представителемъ Англіи при петербургскомъ дворѣ въ то время былъ *Гамильтонъ Сеймуръ*, ревностный поклонникъ государя Николая, человѣкъ находчивый, быстро схватывавшій предметы и умѣвшій отвѣчать кстати. Въ первые дни 1853 года онъ не разъ имѣлъ случай разговаривать о восточномъ вопросѣ съ государемъ, высказавшимъ при этомъ, что Англіи и Россіи предназначено быть въ союзѣ между собою, что, въ такомъ случаѣ, часть остальной Европы не имѣетъ никакого значенія, что Турція въ критическомъ положеніи, дѣла ея очень разстроены, что паденіе ея будетъ большимъ несчастіемъ, и что необходимо

Англіи и Россіи вполнѣ согласиться объ образѣ дѣйствій въ отношеніи Турціи.

«Мы имѣемъ на рукахъ своихъ больнаго человѣка, опасно больнаго», замѣтилъ государь. Продолжая тотъ же разговоръ, другой разъ государь сказалъ, что, получивъ по наслѣдству огромныя земли Екатерины II, онъ не унаслѣдовалъ ея проэктовъ. Государство мое столь обширно, что было бы неблагоразумно съ моей стороны желать большей территоріи и большаго могущества. Единственное, быть можетъ, для насъ несчастіе можетъ произойдти отъ распространенія имперіи и безъ того уже слишкомъ обширной. Турція возлѣ насъ, и мы ея болѣе не страшимся, какъ это было прежде; тамъ живутъ милліоны христіанъ, судьбу которыхъ я охраняю; право это предоставлено мнѣ договоромъ; пользовался я имъ очень умѣренно, и должно признаться, что съ нимъ соединены нерѣдко трудныя обязанности. Турція представляетъ собою больнаго, который можетъ внезапно умереть. Паденіе ея будетъ безвозвратно. Нужно условиться, какъ поступить въ случаѣ надобности. Я откровенно признаюсь, что не потерплю, чтобы англичане утвердились въ Константинополѣ, и готовъ, съ своей стороны, обязаться также не присвоивать себѣ какого-либо другаго города. Я полагаю, что, въ случаѣ паденія Турціи, княжество Валахо-молдавское могло бы остаться подъ моимъ покровительствомъ. Такая же форма правленія можетъ быть предоставлена Сербіи, а также Болгаріи. Зная всю важность Египта для англичанъ, я бы нисколько не противился тому, чтобы англичане заняли Египетъ и Кандію. Постарайтесь узнать мнѣнія англійскаго правительства по этому предмету».

Изъ подобныхъ разговоровъ *Сеймуръ* легко могъ заключить, что, по мнѣнію Государя, насталъ часъ паденія Турціи, и счелъ необходимымъ сообщить объ этомъ своему правительству, которое увѣдомило его, что не раздѣляетъ этого мнѣнія и отказывается войдти въ какія-либо тайныя предварительныя соглашенія съ Россіею относительно вопроса о паденіи Турціи. Все это, конечно, происходило въ глубокой тайнѣ, сохранявшейся долѣе одного года; увидавъ,

что Англія не раздѣляетъ его воззрѣній, Николай счелъ за нужное принять прежній образъ дѣйствій по отношенію къ Турціи и отклонить войну съ нею; политика и благоразуміе принуждали ждать. Къ тому же Турція согласилась исполнить требованіе, предъявленное ей Австріею.

Тѣмъ не менѣе, Императоръ Николай рѣшился отправить въ Константинополь чрезвычайнаго посланника, для разрѣшенія вопроса о Святыхъ Мѣстахъ. Ему поручено было также заявить, что Россія принимаетъ на себя обязательство всѣми силами защищать Турцію противъ нападенія какой-либо изъ западныхъ державъ, и добиться, если возможно, трактата, по которому предоставлялось бы Россіи покровительство надъ всею православною греческою церковью въ Турціи. Собранныя войска въ Бессарабіи и усиленная дѣятельность въ Севастополѣ должны были показать Турціи, что Россія готова требованіе свое, въ случаѣ надобности, поддержать силою оружія.

Посланникомъ назначенъ былъ *Меншиковъ*—одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства: адмиралъ, генералъ-адъютантъ и бывшій генералъ-губернаторъ Финляндіи, пріобрѣвшій не малую извѣстность своими остротами и каламбурами. Онъ принадлежалъ къ русской партіи, желавшей избѣгнуть помощи и совѣтовъ иноземцевъ. Онъ презиралъ турокъ и не любилъ, какъ говорятъ, англичанъ. Онъ не былъ посвященъ въ тайны дипломатіи, но ему дозволялось принять угрожающій тонъ, который поддерживался войсками, расположенными на турецкой границѣ, и флотами, готовыми выступить въ море. Ему предоставлена была значительная свобода дѣйствія для указанной цѣли. *Меншиковъ* торжественно прибылъ въ Константинополь, на военномъ кораблѣ, сдѣлалъ визитъ великому визирю, но не посѣтилъ *Фуада-Эффенди*—министра иностранныхъ дѣлъ, какъ того безусловно требовалъ этикетъ. *Фуадъ-Эффенди*, одинъ изъ лучшихъ сановниковъ Турціи, оскорбленный такимъ невниманіемъ, тотчасъ же подалъ въ отставку, и султанъ его уволилъ. Паническій страхъ обуялъ Диванъ, страхъ, увеличившійся слухами, что русскіе войска проникли до Молдавіи, что въ княжествахъ закупается

продовольствіе для русскихъ войскъ, и что флотъ готовится немедленно выступить изъ Севастополя. Великій визирь полагалъ, что Турція утратитъ всю свою независимость и принуждена будетъ согласиться на унизительныя для нея уступки.

Англійскій флотъ въ это время стоялъ въ Мальтѣ. Великій визирь обратился къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, полковнику *Розу*, съ просьбою оказать ему поддержку флотомъ, приказавъ ему подойдти. *Розъ* не устрашился превысить предѣлы своей власти и согласился на просьбу визиря. Англійскій кабинетъ не одобрилъ дѣйствій *Роза*, но, тѣмъ не менѣе, одно обѣщаніе, данное *Розомъ*, не мало успокоило турокъ. Русское же правительство было очень довольно тѣмъ, что англійскій кабинетъ не одобрилъ распоряженія *Роза*, которое дошло, однако, до свѣдѣнія французскаго императора, приказавшаго своему флоту отправиться къ острову Саламину, не смотря на протестъ Англіи. Это не понравилось Россіи конечно.

Пользуясь страхомъ, обуявшимъ Диванъ, *Меншиковъ* предъявилъ ему свои требованія относительно Святыхъ Мѣстъ и старался добиться договора, предоставлявшаго Россіи покровительство надъ православною церковью въ Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ Турціи вполнѣ довѣриться великодушію Россійскаго Императора, освободиться отъ вліянія Франціи и Англіи, и сохранить въ тайнѣ отъ нихъ начавшіеся переговоры. Князь *Меншиковъ* заявилъ при этомъ, что Россія готова заключить въ тайнѣ союзъ съ Турціею, по которому, въ случаѣ надобности, обязывается выставить для помощи Турціи 400,000 войска и флотъ; Турція же должна сдѣлать тайное добавленіе къ кучукъ-кайнарджійскому договору, которое ставило бы всю греческую церковь въ Турціи подъ непосредственное и исключительное покровительство Россіи. Преемникъ *Фуада-Эффенди Рифаатъ-паша* не согласился на это, тѣмъ болѣе, что обѣщаніе, данное *Розомъ*, разсѣяло уже къ тому времени страхъ, наведенный *Меншиковымъ* на Диванъ. *Меншиковъ*, раздраженный такимъ отказомъ, намѣревался при-

бѣгнуть къ содѣйствію арміи, которая, какъ увѣдомлялъ англійскій вице-консулъ изъ Галаца, собиралась переправляться въ числѣ 120,000 человѣкъ. Но вскорѣ *Меншиковъ* долженъ былъ убѣдиться, что существуетъ сила, имѣвшая на государственныхъ людей Турціи несравненно большее вліяніе, чѣмъ многочисленная армія, подвигавшаяся съ сѣвера. Сила эта была — голова *Стрэдфорда*.

Въ Турціи различныя христіанскія исповѣданія существовали и процвѣтали отдѣльно, и никогда не дѣлали никакихъ попытокъ къ тому, чтобы уравнять свои права и преимущества. Порядокъ этотъ предоставлялъ различнымъ исповѣданіямъ столько отдѣльныхъ привиллегій, что они желали добиться еще большей независимости и отдѣлиться вполнѣ отъ вліянія турецкаго правительства. Съ этою цѣлію они прибѣгали не къ открытому возстанію, а къ содѣйствію и покровительству иностранныхъ державъ—къ протекторству. Такъ, Россія признавала за собою нравственное право покровительствовать 10—14 милліонамъ православныхъ турецкихъ подданныхъ, и, на основаніи неопредѣленныхъ выраженій кайнарджійскаго договора, старалась доказать, что эта нравственная обязанность обратилась для нея въ право, опредѣленное дипломатическимъ международнымъ актомъ. Австрія, на основаніи трактатовъ, имѣла право защищать католичество; Франція же всегда охраняла католическую церковь въ Палестинѣ и Сиріи. Правда, что церкви армянская и коптская, не пользовавшіяся особымъ покровительствомъ какой-либо иностранной державы, процвѣтали не менѣе другихъ церквей, но послѣдователи ихъ были очень незначительны въ сравненіи съ послѣдователями православной греческой церкви, привыкшими пользоваться покровительствомъ иноземнаго государства.

Турція же, съ своей стороны, всегда дозволяла иностранцамъ, находящимся въ Турціи, пользоваться покровительствомъ ихъ отечества и заключала на сей предметъ съ главными европейскими государствами особые договоры, по которымъ иностранецъ, жившій въ Турціи, почти вовсе не подчинялся законамъ страны. Такимъ образомъ не только отдѣльныя исповѣданія или націи, но и немалое

число отдѣльныхъ частныхъ лицъ постоянно обращались къ иноземному государству, призывая его вмѣшательство, и предоставляли къ тому удобные случаи. Но нельзя не замѣтить, что была огромная разница между протекторствомъ католической державы, распространявшимся только на нѣсколько тысячъ лицъ, и покровительствомъ Россіи, обнимавшимъ до 14 милліоновъ подданныхъ султана. Требованія Россіи чрезъ это получали несравненно большее значеніе и силу, и самое вмѣшательство ея въ дѣло Турціи становилось для послѣдней несравненно болѣе опаснымъ; оно угрожало существенно самостоятельности Турецкой имперіи. Къ тому же Россія заявляла свои требованія съ цѣлію утвердиться на территоріи своего сосѣда, тогда какъ Англія и Австрія интересовались въ сохраненіи Турціи, давали ей совѣты, имѣвшіе цѣлію выгоды самой же Турціи.

Вотъ на этомъ-то поприщѣ долго боролись Россія и Англія въ лицѣ *Каннинга*. *Страдфордъ-Каннингъ*, сдѣланный въ 1852 году графомъ *Страдфордъ-Редклифомъ*, родственникъ знаменитаго *Каннинга*, съ молодыхъ лѣтъ уже былъ посвященъ дипломатическому поприщу.—Въ самыхъ молодыхъ годахъ онъ участвовалъ въ заключеніи Бухарестскаго мира въ 1812 году, которымъ ускорялась гибель врага его отечества—*Наполеона I*. Онъ имѣлъ необычайную способность вести переговоры; умѣлъ не только составлять такіе планы политическіе, которые Англія могла принять безъ всякихъ уклоненій, но обладалъ способностью постоянно и настойчиво стремиться къ ихъ осуществленію, и искусствомъ добиваться осуществленія ихъ иностранными государствами и поддержки онаго Англіею всею силою оружія въ случаѣ надобности. Если былъ смертный, который могъ управлять судьбою Англіи, сохранить для нея миръ или вовлечь въ войну — то это былъ *Страдфордъ*. Онъ былъ необычайно горячъ; привычка одерживать при спорахъ верхъ заставляла его всѣ свои мнѣнія поддерживать горячо, всею душею, всею силою своего властолюбиваго характера. Онъ выражался рѣзко и опредѣлительно; не было возможности предположить, чтобы онъ когда-либо

измѣнилъ высказанное имъ однажды мнѣніе. Совѣты, даваемые имъ султану, быть можетъ весьма полезные, были очень часто непріятны для слуха и не легки для исполненія. Онъ старался достичь того, чтобы господство турокъ сдѣлалось сноснымъ для христіанъ, уничтоживъ различія, отдѣлявшія христіанскихъ подданныхъ Порты отъ мусульманскихъ, и поставивъ покоренныхъ на одну ногу съ завоевателями. Такое стремленіе было, очевидно, несовмѣстно съ системою Оттоманской имперіи, но туркамъ было трудно противиться повелительному посланнику, который, заботясь о благѣ Турціи, ревностно оберегалъ ее противъ всѣхъ ея враговъ. Турки ему повиновались и преклонялись предъ нимъ, какъ передъ судьбою своею.

Съ самаго начала своего поприща, *Стратфордъ* противодѣйствуетъ русскому правительству, что и продолжается почти во все время пребыванія его въ Константинополѣ. Императоръ Николай признавалъ его за своего явнаго антагониста и не любилъ его до того, что не согласился даже принять его какъ посланника Англіи при русскомъ дворѣ. Борьба между ними продолжалась довольно долго, жертвами которой былъ не одинъ турецкій министръ.

Уѣхавъ изъ Константинополя тому назадъ два года, *Стратфордъ-Редклифъ*, 25 февраля 1853 года, назначенъ былъ опять посланникомъ въ Турцію, въ виду критическаго положенія Оттоманской имперіи, и притомъ съ особенною цѣлью. Ему вмѣнялось въ особенную обязанность заботиться о неприкосновенности и независимости Турціи, внушать ей осторожность, а державамъ, предъявившимъ ей свои требованія—уступчивость и снисходительность къ Турціи; объяснить Турціи, что она находится въ очень затруднительномъ положеніи, что, продолжая свой прежній образъ дѣйствія, Турція лишится расположенія Англіи, которая не найдетъ возможнымъ долѣе охранять Турцію и предоставитъ ее всѣмъ неизбѣжнымъ слѣдствіямъ ея неосторожной политики и безпечной администраціи. — Въ случаяхъ опасности, *Редклифъ* могъ немедленно послать адмиралу, находившемуся съ флотомъ въ Мальтѣ, предло-

женіе быть готовымъ идти на помощь Турціи; но *Редклифъ* не долженъ былъ ему приказывать подходить къ Дарданелламъ безъ положительнаго разрѣшенія англійскаго кабинета.

Прибывъ въ Константинополь 5 апрѣля и познакомившись подробно со всѣми предшествовавшими событіями, *Редклифъ* увидѣлъ, что необходимо отдѣлить вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ отъ всѣхъ другихъ требованій и предложеній Россіи. — Уладивъ затѣмъ вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ, *Редклифъ* этимъ отнималъ у Россіи всякое разумное основаніе для другихъ ея требованій, такъ какъ Россія заявила, что только вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ составляетъ предметъ несогласій между ею и Турціею. Поэтому, поддерживая всякое другое какое-либо требованіе силою оружія, Россія нанесла бы явное оскорбленіе общественному мнѣнію Европы. *Меншиковъ* согласился на это, не замѣтивъ послѣдствій такого раздѣленія вопросовъ. Къ тому же этимъ самымъ онъ становился въ болѣе враждебное отношеніе къ Франціи, такъ какъ вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ поднятъ былъ какъ Франціею, такъ и Россіею. Нельзя не замѣтить, что требованія Россіи въ этомъ отношеніи были умѣренны и справедливы. Россія не добивалась исключенія изъ Святыхъ Мѣстъ послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій и сознавала, что уменьшеніе привиллегій, дарованныхъ католичеству съ большою торжественностью въ прежнія времена, было бы явнымъ оскорбленіемъ для всей католической Европы.

Настойчивыя требованія Франціи въ лицѣ *Лавалета*, сопровождавшіяся движеніемъ флота къ Саламину, не позволяли предполагать, что она въ чемъ либо добровольно уступитъ. Въ этой настойчивости *Меншиковъ* видѣлъ новое доказательство постояннаго стремленія католической церкви, называющей себя всемірной, распространить свое господство. Переговоры тянулись очень долго.—Наконецъ, 22-го апрѣля, при содѣйствіи *Редклифа*, рѣшили споры изъ за Святыхъ Мѣстъ покончить на слѣдующихъ основаніяхъ. Серебряная звѣзда, поставленная католиками въ пещерѣ, гдѣ родился Спаситель, оставалась на своемъ

мѣстѣ, а ключъ отъ Виѳлеемскаго храма остался въ рукахъ католиковъ, которые не пріобрѣтали чрезъ него какихъ либо новыхъ правъ. Стражемъ дверей храма остался по прежнему православный священникъ, но онъ не имѣлъ права препятствовать другимъ исповѣданіямъ пользоваться ихъ привиллегіею входить въ храмъ. Опредѣлено было, что въ церкви на гробѣ Богоматери первыми отправляютъ богослуженіе православные всякое утро, немедленно по восходѣ солнца, затѣмъ армяне и потомъ уже католики, имѣя въ своемъ распоряженіи по полгора часа каждый. Армянъ поставили между двумя соперничествующими церквами для избѣжанія всякихъ столкновеній, могущихъ произойти между ихъ послѣдователями при выходѣ изъ храма. Сады Виѳлеемскаго монастыря остались подъ общимъ покровительствомъ и надзоромъ православныхъ и католиковъ. Куполъ храма гроба Господня обязанъ былъ исправить самъ султанъ, нисколько не измѣняя его вида; наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этого возложено на греческаго патріарха въ Іерусалимѣ. Окна зданій, выходящія на террасу храма гроба Господня, должно было задѣлать наглухо: самыя же зданія оставались въ цѣлости.—(Россія требовала, чтобы зданія эти составляли не исключительную собственность какой либо націи, а какъ бы нейтральную землю, обнесенную стѣною). Всѣ эти постановленія должно было включить въ фирманъ султана.

Между тѣмъ *Меншиковъ* получилъ изъ Петербурга новыя приказанія. Извѣстіе о томъ, что французскій флотъ подвигается къ Саламину, и что *Редклифъ* назначенъ посланникомъ въ Константинополь, очень раздражили Николая I. Зная, что *Меншикову* трудно тягаться съ такимъ соперникомъ, государь повидимому рѣшился положить конецъ всѣмъ переговорамъ, предписавъ *Меншикову* окончить возложенное на него порученіе силою. «*Редклифъ* можетъ только убѣждать», писали *Меншикову* изъ Петербурга, «а вы можете угрожать. Дайте Дивану почувствовать все значеніе нашихъ военныхъ приготовленій въ Бессарабіи и Севастополѣ. Оканчивайте ваше порученіе, будьте рѣшительны и требовательны: требуйте настоятельно по-

кровительства надъ греческою церковью. Переговорите лично съ султаномъ; если ваше требованіе будетъ отвергнуто—оставьте Константинополь со всѣмъ нашимъ посольствомъ».

Меншиковъ предъявилъ сообразно этому требованіе Дивану, добавивъ, что всякое промедленіе въ удовлетвореніи Россіи онъ долженъ будетъ считать выраженіемъ къ ней неуваженія.—*Редклифъ*, къ которому Турція въ каждомъ случаѣ обращалась за наставленіями, совѣтывалъ выказывать уваженіе къ Россіи, вѣжливость, желаніе исполнить по возможности всѣ требованія, не унижавшія достоинства Турціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не терять твердости и рѣшительности. Онъ совѣтывалъ издать фирманъ, которымъ бы обезпечивались за христіанами въ Турціи всѣ ихъ привилегіи, духовныя и свѣтскія, сообщить его великимъ пяти державамъ, но не соглашаться на протекторство Россіи надъ православными въ Турціи.

Видя неуспѣхъ своихъ требованій и очень хорошо понимая, что виною всему *Редклифъ*, руководящій вполнѣ турецкими министрами, *Меншиковъ* просилъ аудіенціи у султана, но *Редклифъ* узналъ объ этомъ и самъ просилъ аудіенціи у султана, въ чемъ и успѣлъ предупредить *Меншикова*. Въ этой аудіенціи *Редклифъ*, узнавъ о требованіяхъ Россіи, предлагалъ султану не уступать до послѣдней возможности и, въ заключеніе, сообщилъ ему первому, помимо всѣхъ министровъ, что, въ случаѣ крайней опасности для Турціи, онъ уполномоченъ сообщить начальнику англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ, чтобы онъ былъ готовъ выступить въ походъ на помощь султану.

Извѣстіе это, сообщенное *Редклифомъ*, придало настолько храбрости и твердости султану, что аудіенція его съ *Меншиковымъ*, происходившая два дня послѣ этого, была совершенно безполезна и не имѣла никакихъ послѣдствій, кромѣ развѣ удаленія *Рифаатъ-паши*, мѣсто котораго занялъ *Решидъ-паша*, противившійся и прежде еще требованіямъ Россіи. Исходъ дальнѣйшихъ переговоровъ былъ слѣдующій. Турція соглашалась на всѣ требованія Россіи за исключеніемъ покровительства надъ православ-

ною церковью въ Турціи. *Меншиковъ*, не получивъ требуемаго, рѣшился прервать переговоры и сообщилъ объ этомъ Дивану. *Редклифъ* собралъ тогда представителей Австріи, Франціи и Пруссіи, познакомилъ ихъ подробно съ ходомъ дѣлъ, указалъ на уступчивость Турціи и предлагалъ принять мѣры къ предупрежденію разрыва Россіи и Турціи. Высказавъ одинъ общій взглядъ на дѣло, представители этихъ четырехъ націй поручили австрійскому посланнику отправиться къ *Меншикову* и, по возможности, уладить дѣло.

Поручепіе это осталось безуспѣшнымъ: *Меншиковъ* не соглашался ни на какія уступки и отвергъ всѣ предложенія Турціи, упустивъ изъ виду, что образъ ея дѣйствій одобряется не одною Англіею, а всѣми четырьмя державами. Онъ требовалъ настойчиво протектората; Турція рѣшительно отвергла это требованіе, и *Меншиковъ* оставилъ Константинополь; Англія какъ бы обязалась заключить съ Турціею оборонительный союзъ противъ Россіи, одобрила дѣйствія *Редклифа* и сообщила ему о необходимости принять мѣры для охраненія султана и его владѣній. Франція, искавшая случая дѣйствовать заодно съ Англіею, примкнула къ ней, и обѣ державы рѣшили немедленно двинуть свои флоты къ Дарданеллamъ. Выборъ войны или мира возложенъ былъ на *Редклифа*, спокойно жившаго на берегахъ Босфора въ Терапіи и ревностно оберегавшаго ввѣренную ему державу.

Неуспѣхъ *Меншикова* раздражилъ Николая I: графъ *Нессельроде* еще разъ предлагалъ *Решидъ-пашѣ* принять сдѣланныя *Меншиковымъ* предложенія, заявляя, что, въ случаѣ отказа, войска русскія перейдутъ границу, съ тою цѣлію, чтобы силою, *но безъ войны*, добиться отъ Турціи того, на что она добровольно не соглашается. Между тѣмъ, въ это время союзные флоты подошли къ Дарданеллamъ, и предложеніе Россіи было окончательно отвергнуто. Николай I приказалъ занять княжества русскими войсками, переправившимися Прутъ. Иностранныя державы не одобрили этого, и въ самый день перехода русскихъ войскъ чрезъ Прутъ, представители Пруссіи, Австріи, Франціи и Англіи

рѣшились послать коллективную ноту Россіи, предлагая ей требованія свои сообразовать съ достоинствомъ турецкой имперіи. Если бы союзъ этихъ четырехъ державъ удержался, то, вѣроятно, миръ не былъ бы нарушенъ. Не было бы ничего унизительнаго со стороны Россіи уступить требованіямъ всей Европы, тѣмъ болѣе, что одной сопротивляться было бы совершенно безполезно. Но не далѣе шести дней послѣ представленія коллективной ноты согласіе четырехъ державъ было разрушено извѣстіемъ о существованіи отдѣльнаго договора между двумя изъ нихъ. Интересы и благо Европы принесены были въ жертву отдѣльнымъ личнымъ выгодамъ нѣсколькихъ лицъ, искавшихъ счастія въ Парижѣ.

Декабрскій переворотъ 1847 года предоставилъ, какъ извѣстно, Францію въ полное распоряженіе президента ея Людовика *Наполеона*, вскорѣ провозглашеннаго императоромъ французовъ, и его приверженцевъ *Морни*, *Флери*, *Мопа*, *Персиньи*, *Сентъ-Арно*. Они выиграли въ борьбѣ съ республикой, и выиграли для себя всю Францію. Они отняли у нея ея свободу и обогатились ея достояніемъ; они жестоко изуродовали Францію, и, завоевавъ ея престолъ и захвативъ въ свои руки все правленіе, дѣлали изъ великой націи все что хотѣли, къ изумленію Европы. Враги свободы и недруги Франціи радовались такому зрѣлищу. Но хотя Франція и потеряла свою свободу, ошибочно было бы думать, что на развалинахъ республики возвысилась монархія, подобная существующей въ Россіи. Всѣ благонамѣренные люди во Франціи держались вдалекѣ отъ властителя и ждали только удобнаго случая къ тому, чтобы свергнуть новаго императора и его соучастниковъ. По врожденному чувству самосохраненія, императоръ, стоя на краю пропасти и имѣя въ своемъ распоряженіи правительственную организацію, долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы воспользоваться силами націи для своей выгоды, для спасенія себя и своихъ товарищей. Должно было ожидать, что къ этой же цѣли будутъ направлены какъ внутреннія распоряженія, такъ и сношенія съ иностранными государствами. Такъ, дѣйствительно, и случи-

лось. Послѣ 2-го декабря 1851, внѣшняя политика Франціи имѣла своею цѣлію охраненіе трона, воздвигнутаго *Морни* и его друзьями, которые хорошо понимали, что нужно развлечь Францію, нужно отвлечь ея вниманіе отъ того позора, который тяготѣлъ надъ нею, и обратить ея вниманіе на иностранныя государства. Для собственнаго своего спасенія, имъ необходимо было вызвать событія, которыя стали бы между ними и ихъ прошедшею жизнію и заслонили бы отъ опасностей, которымъ они могли подвергнуться всякій разъ, какъ нація вспоминала о 2-мъ декабрѣ и послѣдующихъ дняхъ. Это былъ вопросъ жизни и смерти, а не честолюбія. Если *Наполеонъ*, *Морни*, *Флери* и прочіе желали продолжать жить на счетъ Франціи, а не сидѣть въ тюрьмѣ, они неизбѣжно должны были нарушить спокойствіе Европы. Необходимыя къ этому мѣры были безотлагательно приняты. Такъ, вскорѣ послѣ декабрскаго переворота предъявлена была Турціи первая французская нота о Святыхъ Мѣстахъ, оскорблявшая Россію. Президентъ Франціи настойчиво продолжалъ поджигать Турцію къ разрыву съ Россіею, чего, наконецъ, и достигъ. Какъ скоро, однако, занявъ княжества, Россія явилась нарушительницею спокойствія Европы, *Наполеонъ* немедленно перемѣнилъ политику, объявилъ себя охранителемъ Турціи и предлагалъ дѣйствовать заодно съ нимъ Англіи, всегда охранявшей турецкіе интересы. Кромѣ того, онъ имѣлъ личное нерасположеніе къ Россіи и ея государю. Поэтому увидѣвъ, что военныя дѣйствія между Россіею и Турціею начались, онъ предложилъ Англіи въ 1853 году составить для охраненія неприкосновенности Оттоманской имперіи союзъ. Союза этого было бы вполнѣ достаточно для спокойствія Европы; но личныя выгоды *Наполеона* и его друзей настоятельно требовали, чтобы Франція вовлечена была бы въ столкновенія, съ цѣлію отстранить внутреннія ея опасности и отвлечь вниманіе страны отъ внутреннихъ дѣлъ государства. Франція и Англія, однѣ обладая флотами, которые могли дѣйствовать противъ Россіи, согласились не только дѣйствовать согласно, *но и заодно*, *какъ будто бы имъ однимъ принадлежало право рѣшать вопросъ о*

войнѣ и мирѣ и о примѣненіи силы оружія; онѣ забыли, что четыре державы согласились дѣйствовать заодно, а не двѣ. *Наполеону* удалось вовлечь Англію въ исключительный и отдѣльный союзъ съ нимъ, въ то самое время, какъ англійское министерство заявляло о согласномъ дѣйствіи четырехъ державъ. Послѣдствіемъ этого и была жестокая и упорная война, замѣнившая собою то мирное, но непреодолимое вліяніе, которое могло бы оказать на исходъ событій согласное дѣйствіе четырехъ державъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Россіи былъ графъ *Нессельроде*, политикъ опытный и дальновидный. Онъ не одобрялъ образа дѣйствія Россіи въ отношеніи Турціи, и не разъ высказывалъ это государю; но канцлеръ могъ только совѣтывать и разсуждать: по многимъ причинамъ взгляды его не раздѣлялись государемъ. *Нессельроде* принадлежалъ къ англиканскому вѣроисповѣданію, а въ то время носились слухи, что *Редклифъ* обратилъ къ англиканству самого султана. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ свѣтскій, но одаренный большимъ здравымъ смысломъ. Приближеніе флотовъ Англіи и Франціи къ Дарданелламъ привело въ негодованіе Николая, и онъ приказалъ *Нессельроде* написать по этому поводу воззваніе ко всей Европѣ, въ которомъ рѣзко порицался подобный образъ дѣйствій.

Должно замѣтить, что, по трактатамъ съ Турціею, ни одно иностранное военное судно не имѣло права вступать ни въ Дарданеллы, ни въ Константинопольскій проливъ (Босфоръ), что было очень выгодно для Россіи. Пребываніе иностранныхъ флотовъ въ Дарданеллахъ считалось до того пагубнымъ для Россіи, что одна мысль объ этомъ приводила въ ужасъ русскихъ государственныхъ людей. Поэтому возможность призвать иностранные флоты въ Босфоръ была сильнымъ орудіемъ въ рукахъ союзниковъ. *Наполеонъ* не замедлилъ сперва убѣдить англичанъ вступить въ Дарданеллы; въ послѣдствіи же флоты союзные подошли къ Константинополю и затѣмъ вступили въ Черное море, чтобы преградить дорогу русскому флоту. Это имѣло пагубное вліяніе на продолжавшіеся въ то время переговоры. Николай былъ въ высшей степени раздраженъ та-

кими дѣйствіями, а Турція пріобрѣтала опасную и сильную поддержку.

Между тѣмъ *Редклифъ*, сдѣлалъ новую попытку къ примиренію, убѣдивъ Порту сообщить Россіи, что православной церкви навсегда предоставляются всѣ ея привиллегіи, особымъ фирманомъ, который никогда не будетъ отмѣненъ. Этимъ удовлетворялось требованіе Россіи, которая не согласилась на это предложеніе именно потому, что этимъ самымъ очевидно православная церковь переходила подъ покровительство *Редклифа*. Планъ этотъ одобрили прочія державы и Турція, и послали соотвѣтственно этому ноту за подписью *Решидъ-паши*, въ Петербургъ чрезъ Вѣну. Въ Вѣнѣ. представители четырехъ державъ, участвовавшіе на происходившей тогда тамъ конференціи. составили свой проэктъ условій для примиренія сторонъ, извѣстный подъ именемъ вѣнской ноты, и послали ее Россіи и Турціи. Нота эта собственно сочинена была въ Парижѣ, но предъявлялась она отъ имени Австріи. какъ посредницы. Россія согласилась принять ее; но державы не позаботились узнать предварительное мнѣніе Турціи, т. е. *Редклифа*, безъ согласія которой нота не могла очевидно достичь желаемаго успѣха. Турція усматривала въ нотѣ выраженія, предоставлявшія Россіи по видимому покровительство надъ православною церковью; но, тѣмъ не менѣе, державамъ удалось настоять на принятіи ноты Турціею. *Кларендонъ* увѣдомлялъ *Редклифа*, что англійское правительство одобряетъ ноту и надѣется, что и Турція не замедлитъ ее принять. Поэтому *Редклифъ*, исполняя свою обязанность, доказывалъ также *Решидъ-пашѣ* необходимость принять ноту; но всѣ его слова и выраженіе лица явно показывали, что онъ не одобряетъ ноты. Турки это поняли и согласились принять ноту не иначе какъ съ поправками, которыя отвергла Россія. По прежнему, дѣло шло о покровительствѣ надъ православными, какъ это обнаружилось изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ объясненій Россіи и Турціи.

Четыре державы пришли къ заключенію, что замѣчаніе Турціи и *Редклифа* основательны. Турція рѣшилась объявить войну, и издала фирманъ, по которому миръ за-

висѣлъ отъ очищенія княжествъ отъ русскихъ войскъ; для исполненія этого назначался пятнадцатидневный срокъ. Требованіе это не было исполнено Россіею, и 23-го октября 1853 года началась война.

Должно замѣтить, что Россія старалась сохранить свои неопредѣленныя отношенія и не начинала войны съ Турцией. Циркуляръ *Нессельрода* отъ 31-го октября заявлялъ Европѣ, что, не смотря на объявленіе войны, Россія не будетъ предпринимать наступательныхъ дѣйствій и удержитъ свое положеніе въ княжествахъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ требуемаго.

Конференція, продолжавшаяся въ Вѣнѣ, составила проэктъ новой коллективной ноты, которая по видимому могла бы возстановить миръ. Но мѣра, принятая въ это время Англіею, по настоянію Франціи, положила рѣшительный конецъ всѣмъ мирнымъ переговорамъ. Въ Константинополѣ въ то время происходили манифестаціи въ пользу войны. Французскій повѣренный въ дѣлахъ, г. *Лакуръ*, нашелъ ихъ опасными для французскихъ подданныхъ живущихъ въ городѣ, и, послѣ переговоровъ по этому поводу съ *Редклифомъ* и представителемъ Австріи, потребовалъ помощи отъ стоявшаго не вдалекѣ флота, въ слѣдствіе чего въ Константинополь вошли два англійскіе и французскіе военные парохода. Въ Парижѣ депеша *Лакура* произвели большое впечатлѣніе. Валевскій доказывалъ *Кларендону* и *Абердину* необходимость двинуть флоты въ Константинополь. *Наполеонъ* требовалъ, чтобы флоты вступили бы въ Дарданеллы вопреки трактату 1841 года. Англія долго этому противилась и не соглашалась принять эту мѣру, пока Порта не объявитъ войны Россіи. Къ несчастію, *Кларендонъ* и *Абердинъ* добавили, что рѣшатся принять эту мѣру, какъ скоро это будетъ необходимо для безопасности интересовъ Англіи и Франціи, а также для защиты Турціи. Подъ вліяніемъ депеши *Лакура*, послана была депеша *Редклифу*, поручавшая потребовать англійскій флотъ въ Константинополь. Англійское министерство принимало такую важную мѣру, не получивъ извѣстій отъ *Редклифа* ни о положеніи дѣлъ въ Константинополѣ, ни о происшедшихъ манифес-

таціяхъ. Флоты вступили въ Дарданеллы 22-го мая, а султанъ объявилъ войну Россіи 23-го числа. *Бруновъ* протестовалъ противъ этой мѣры, положившей конецъ всѣмъ надеждамъ отклонить войну. *Нессельроде* объявилъ, что подобныя дѣйствія выказываютъ намѣреніе Англіи унизить Россію. *Государь рѣшился принять войну ему объявляемую* и приказалъ флоту выступить изъ Севастополя, а въ слѣдъ за этимъ союзные флоты должны были вступить въ то же море. Англія и Франція, не заключая договора, обязались защищать Константинополь или всякую другую турецкую территорію, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, которая подвергалась нападенію. Но, не смотря на это, онѣ не слѣдили за русскимъ флотомъ, который вскорѣ, 30-го ноября, подъ начальствомъ *Нахимова*, истребилъ турецкій флотъ подъ Синопомъ. Послѣдующія за тѣмъ событія — извѣстны; мы ихъ изложимъ въ немногихъ словахъ.

Синопское пораженіе, нанесенное туркамъ почти въ глазахъ союзныхъ флотовъ, произвело непріятное впечатлѣніе на французское правительство; въ Англіи же старались его представить какъ бы нарушеніемъ со стороны Россіи уговора съ Турціею о томъ, что театръ войны ограничивается лишь нижнимъ Дунаемъ. Подобное обвиненіе было совершенно неосновательно, такъ какъ передъ этимъ еще турки заняли Николаевское укрѣпленіе на восточномъ берегу Чернаго моря и начали военныя дѣйствія въ Малой Азіи. Англійскій народъ пришелъ въ негодованіе и требовалъ войны. *Наполеонъ* предложилъ Англіи предупредить Россію и объявить, что Англія и Франція рѣшились предотвратить второе синопское сраженіе, и что поэтому всякое русское военное судно, встрѣченное въ водахъ Чернаго моря, принуждено будетъ вернуться въ Севастополь, и что всякое нападеніе на земли или флотъ турецкій будетъ отражено силою. Предложеніе это иными словами выражало, что Англія и Франція заключили оборонительный союзъ съ Турціею противъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрывало для Россіи Черное море. Англія согласилась на такое предложеніе. Это заставило Россію отозвать ея пред-

ставителей изъ Парижа и Лондона: ей отвѣтили тѣмъ же. Россія приготовлялась вступить въ Турцію, а союзные флоты, 4-го января 1854 года, вступили въ Черное море.

Занятіе всей Валахіи русскою арміею было ошибкою съ стратегической точки зрѣнія. *Паскевичъ* не одобрялъ этого, а предлагалъ, перейдя Дунай, взять Силистрію, за тѣмъ Шумлу, и, совершивъ переходъ Балканскихъ горъ, идти на Адріанополь и далѣе къ Константинополю. Для этого нужно было очень много войска, но, по крайней мѣрѣ, фланги арміи находились бы въ значительномъ разстояніи отъ Австріи. Представился еще случай къ избѣжанію войны. *Наполеонъ* желалъ заставить позабыть свое прошедшее, волнуя Европу и стараясь прославиться. Въ виду личныхъ интересовъ, онъ тревожилъ Европу войнами въ то время, когда она наслаждалась спокойствіемъ, и являлся возстановителемъ мира, какъ скоро таковой былъ нарушенъ. Видя теперь, что война готова была вспыхнуть между великими державами, онъ рѣшился выступить на сцену предъ изумленными народами всеобщимъ примирителемъ, зная очень хорошо, что англичане никакъ не будутъ противиться возстановленію мира.

Съ этою цѣлію *Наполеонъ* написалъ собственноручно письмо Русскому Государю, въ которомъ изложилъ свой проэктъ примиренія. Онъ заявлялъ, что, какъ скоро Россія согласится на его проэктъ, который одобренъ Англійскою Королевою, то спокойствіе Европы будетъ возстановлено и міръ будетъ удовлетворенъ. Если же, по какимъ либо непонятнымъ причинамъ, Русскій Императоръ отвергнетъ его предложеніе, то Франція и Англія принуждены будутъ предоставить силѣ оружія и случайностямъ войны рѣшить то, что теперь можетъ быть рѣшено разумомъ и справедливостью. Изумительно, какъ *Наполеонъ* позволилъ себѣ писать такія слова въ то время, когда Англія еще нисколько не думала угрожать Россіи войною. Въ письмѣ этомъ предлагалось перемиріе, чтобы имѣть возможность вести переговоры: Россія отвергла это предложеніе.

Война становилась неизбѣжною; ея желалъ *Наполеонъ*

для того, чтобы упрочить свое положеніе во Франціи, и, подъ вліяніемъ разныхъ газетныхъ статей, общественное мнѣніе Англіи также требовало войны. Что же касается до Австріи, то она, въ виду собственныхъ существенныхъ интересовъ, рѣшилась настоятельно требовать очищенія русскими княжествъ. Пруссія раздѣляла мнѣніе Австріи и ея политику. Должно замѣтить, что Австрія, желая достичь требуемаго, старалась по возможности избѣгнуть войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія рѣшилась непремѣнно достигнуть требуемаго—очищенія княжествъ. Это заставило Австрію безпрекословно согласиться съ Англіею и Франціею въ томъ, что существованіе Турціи въ настоящихъ ея предѣлахъ безусловно необходимо для европейскаго равновѣсія. Пруссія также объявила, что раздѣляетъ мнѣніе западныхъ державъ, отказалась быть нейтральною, и готовилась къ войнѣ. Императоръ Николай былъ очень огорченъ, узнавъ, что Австрія переходитъ на сторону его противниковъ. Австрія въ февралѣ 1854 года усилила 50,000-нымъ корпусомъ свои войска, стоявшія на границѣ Валахіи, чѣмъ становилась во флангъ русскимъ и связывала всѣ ихъ дѣйствія; одновременно съ этимъ, она приводила на военное положеніе третью армію, и объявляла рекрутскій наборъ въ 95,000 для защиты границъ.

Всѣ четыре державы дѣйствовали пока совершенно согласно. Когда Греція пыталась сдѣлать диверсію въ пользу Россіи, представители Англіи, Австріи, Пруссіи и Франціи единогласно предложили Греціи согласиться на требованія Турціи. Вскорѣ онѣ заключили договоръ, по которому ни одна изъ четырехъ державъ не могла заключать обязательнаго договора съ Россіею безъ вѣдома остальныхъ.

20-го апрѣля Австрія и Пруссія заключили между собою договоръ оборонительный и наступательный, по которому нападеніе на владѣніе одной изъ нихъ считалось другою за враждебное дѣйствіе противъ ея собственной территоріи. Короче сказать, смыслъ этого договора былъ тотъ, чтобы вмѣстѣ потребовать отъ Россіи очищенія княжествъ; въ случаѣ же неуспѣха, Австрія должна принять на себя обязанность вытѣснить русскія войска изъ княжествъ. Прус-

сія обязывалась защищать Австрію, которая немедленно вмѣстѣ съ Пруссіею предъявила свое требованіе Россіи.

Россія не могла занимать княжества, какъ скоро на флангѣ и въ тылу ея армій собирались австрійскія войска. Къ тому же Австрія вскорѣ заключила договоръ съ Пруссіею, по которому ей предоставлялось занять княжества по очищеніи ихъ русскими; она же обязывалась защищать Турцію противъ Россіи. Она готовилась занять княжества силою; но Россія, какъ мы увидимъ ниже, очистила ихъ. Цѣль была достигнута Австріею и Пруссіею въ то самое время, какъ обнаруживалось намѣреніе Франціи и Англіи, оставивъ общій театръ военныхъ дѣйствій завоевать область удаленную отъ Австріи и Пруссіи, которыя тогда только замѣтили, что собственные ихъ интересы раздѣляютъ ихъ отъ великихъ морскихъ державъ западной Европы.

Между тѣмъ, ходъ дѣлъ былъ слѣдующій. Рѣчь шла, чтобы положить конецъ *занятію* русскими Молдавіи и Валахіи. Австрія, послѣ Турціи, всего болѣе оскорблялась подобнымъ занятіемъ. Поэтому она первая предложила Англіи и Франціи назначить для Россіи срокъ на очищеніе княжествъ, добавивъ, что неисполненіе этого къ назначенному сроку навлечетъ открытіе военныхъ дѣйствій. Во время переговоровъ по этому поводу между Англіею и Франціею, Австрія заключила союзъ съ Пруссіею, о которомъ мы выше сказали; Франція настаивала послать немедленно такое предложеніе Россіи; Англія колебалась, но наконецъ согласилась съ Франціею и сообщила *Нессельроде*, что если черезъ шесть дней по полученіи этого предложенія Россія не увѣдомитъ о согласіи своемъ на очищеніе княжествъ не позже 30-го апрѣля, то это будетъ считаться равносильнымъ объявленію войны.

Срокъ этотъ былъ назначенъ однако безъ предварительнаго согласія Австріи, которой показали только это предложеніе, выразивъ увѣренность, что она его раздѣляетъ. Россія не согласилась на это, и 19-го марта 1854 года миръ, существовавшій болѣе 38 лѣтъ между великими державами, былъ нарушенъ. Послѣдовали объявленія войны, и русскія войска, подъ начальствомъ князя *Горчакова*, пе-

рѣшли въ трехъ мѣстахъ Дунай и вступили въ пустынныя мѣста Добруджи. Кто же былъ истинный виновникъ этой войны? На первый взглядъ таковымъ является Россія, въ гигантскомъ образѣ ея представителя, Императора Николая. Онъ обладалъ изумительною силою воли и располагалъ по произволу всѣми средствами обширной имперіи; но въ началѣ онъ вовсе не думалъ и не желалъ вести войны изъ за покровительства надъ православными въ Турціи: онъ собралъ войско только для того чтобы устрашить Турцію. Всего менѣе предполагалъ онъ вести войну съ Англіею. Онъ никогда не предполагалъ, чтобы западныя державы предпочли бы всѣ бѣдствія большой войны незначительности предъявленныхъ имъ требованій. Но увидѣвъ, что борьба началась въ Константинополѣ, что рѣчь идетъ о православной церкви, что противникомъ его явился старый его антагонистъ *Редклифъ*, что *Редклифъ* безжалостно уничтожаетъ всѣ дѣйствія *Меншикова*, его посланника, Николай приказалъ занять княжества, не думая, чтобы и эта важная мѣра повлекла бы за собою войну. Должно признаться, что такой гордый властелинъ, какъ Императоръ Николай, не могъ хладнокровно смотрѣть на вліяніе *Редклифа*. Полная увѣренность въ большомъ вліяніи лорда *Абердина* и въ могуществѣ всей партіи мира въ Англіи долгое время руководили его политикою. Увѣренность эта въ послѣдствіи сдѣлалась для него пагубною. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ случай видѣть на своей сторонѣ всю Европу противъ Турціи — именно послѣ принятія вѣнской ноты; но это продолжалось не долго. Турція объявила войну Россіи; непріязненныя отношенія Франціи къ Россіи одержали верхъ надъ министерствомъ *Абердина*, и морскія западныя державы рѣшились закрыть Черное море для русскаго флота. Николай не могъ потерпѣть подобнаго униженія и долженъ былъ вступить въ войну, хотя и не могъ предвидѣть ея благополучнаго для себя исхода.

Турція выказывала уступчивость и умѣренность, не лишенныя достоинства и твердости. Этимъ она обязана была во многомъ *Редклифу*. Австрія, какъ мы видѣли, первая предъявила султану требованіе объ очищеніи Чернаго мо-

ря отъ турецкихъ войскъ, предписавъ своему агенту, графу *Линанжу*, не вступать въ переговоры, а требовать только отъ Турціи положительнаго отвѣта. Требованіе это имѣло пагубное вліяніе на послѣдующія событія. Кромѣ того, Австрія, по видимому, подчинялась въ политикѣ своей вліянію Россіи, скорѣе поощряла, нежели сдерживала ея стремленія, и этимъ самымъ какъ бы вовлека въ войну. Потомъ же, послѣ перехода русскихъ войскъ чрезъ Прутъ, Австрія перешла на сторону западныхъ державъ, и настойчиво требовала отъ русскихъ очищенія княжествъ. Пруссія была значительно удалена отъ театра войны и не имѣла большого вліянія на ходъ событій; король ея отличался слабостію характера, и не имѣлъ значенія въ глазахъ Николая I. привыкшаго не обращать вниманія на Пруссію и не придавать ей значенія. Представители Пруссіи, равно какъ и Австріи, вмѣстѣ съ русскими, благодарили Бога за синопское пораженіе. Но, чтобы не оттолкнуть отъ себя Германіи, Пруссія сочла нужнымъ воспрепятствовать Россіи утвердиться въ княжествахъ и чрезъ это на Нижнемъ Дунаѣ. Очищеніе княжествъ русскими отнимало какъ у Пруссіи, такъ и у Австріи всякій поводъ къ неудовольствію противъ Россіи; этимъ и объясняется послѣдовавшая за тѣмъ перемѣна въ составѣ этихъ двухъ государствъ.

Безспорно, Франція первая нарушила спокойствіе Европы. Личные интересы *Наполеона* вызвали войну, въ которую онъ же желалъ вовлечь Англію. Онъ руководилъ политикою Англіи до такой степени, что почти предписалъ ей стянуть флотъ къ Константинополю. Онъ пользовался искусно флотами; всякій разъ какъ скоро, по видимому переговоры клонились къ достиженію мира, *Наполеонъ*, давая предписанія адмираламъ, уничтожалъ всякую къ тому, надежду. Необычайная умѣренность французскихъ дипломатическихъ нотъ, а также образъ дѣйствія представителя Франціи въ Петербургѣ скрывали очень ловко настоящую политику Франціи. Императоръ французовъ можетъ приписать себѣ по преимуществу причину возгорѣвшейся войны.

Положеніе и интересы Англіи заставляютъ ее избѣгать

всякихъ войнъ въ мірѣ; она желаетъ, чтобы, по возможности, мирное спокойствіе странъ не нарушалось бы. Но въ отношеніи восточнаго вопроса Англія сдѣлала большія ошибки; она сначала не довольно опредѣлительно высказалась въ пользу сохраненія мира, т. е. не объявила положительно, что не допуститъ никакихъ раздробленій Турціи, ни ограниченій правъ султана, — въ послѣдствіи же Англія слишкомъ сильно высказалась въ пользу войны. Искренніе приверженцы мира, *Абердинъ* и *Гладстонъ*, не покидали министерства, принимавшаго все болѣе и болѣе воинственное настроеніе. Присутствіе ихъ дѣлалось вдвойнѣ пагубнымъ для мира. Искренніе приверженцы спокойствія, видя ихъ въ главѣ правленія, не безпокоились и не предполагали войну возможною. Въ послѣдствіи, видя что разрывъ съ Россіею дѣлается неизбѣжнымъ, самые благоразумные изъ нихъ были убѣждены, что только государственная, крайняя необходимость вызываетъ эту войну, въ которую вовлекаютъ страну *Абердинъ* и *Гладстонъ*, вопреки ихъ собственному желанію. Эти два лица, оставаясь въ министерствѣ, поддерживали въ Россіи убѣжденіе, что Англія не будетъ воевать, что, въ свою очередь, придавало Россіи не мало настойчивости въ отношеніи требованій, предъявленныхъ ею Турціи. Не сдѣлано ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы объявить Николаю I, что дружественнымъ отношеніямъ его къ Англіи грозитъ опасность. Кромѣ того на министерство *Абердина* падаетъ отвѣтственность за то, что оно заключило отдѣльный договоръ съ Франціею, и что оно согласилось на непріязненное движеніе флотовъ къ Константинополю, сдѣлавъ этимъ англійскій флотъ орудіемъ къ прекращенію тянувшихся еще мирныхъ переговоровъ.

Начавъ войну съ Россіею, Англія и Франція немедленно послали войска на Востокъ, не только для защиты Турціи, но и для самостоятельныхъ дѣйствій, поручивъ начальство надъ ними маршалу *Сентъ-Арно* и лорду *Раглану*. *Сентъ-Арно* намѣревался, не переходя Балканскія горы, занять позицію въ Айдосской долинѣ, опираясь къ Черному морю близъ Бургаса; къ Варнѣ же послалъ

только одну дивизію. Подобный планъ дѣйствій, по мнѣнію маршала, не могъ вовлечь его преждевременно въ столкновеніе съ русскими, съ которыми онъ хотѣлъ вступить въ сраженіе не иначе, какъ съ полнымъ вѣроятіемъ успѣха. Къ тому же союзники прибыли, по его мнѣнію, не съ тѣмъ, чтобы освободить Силистрію отъ осады, но чтобы спасти Турцію; спасеніе же Турціи было не въ одной Силистріи.

Лордъ *Раглань* настойчиво противился этому плану. Въ то время, какъ вниманіе Европы было обращено на Силистрію и Дунай, союзныя арміи, по его мнѣнію, не могли принять робкое оборонительное положеніе за Балканами и предоставить на произволъ непріятеля Болгарію, часть Румеліи и Балканскія горы. Къ тому же русскіе, не вполнѣ приготовленные къ большой войнѣ на Дунаѣ, лишенные содѣйствія флота, угрожаемые Австріею, не представлялись на столько грозными, что было бы очень рисковано напасть на нихъ на Дунаѣ. Кромѣ этого, союзники обѣщали уже *Омеру-пашѣ* двинуться къ Варнѣ: этого требовала честь Англіи и Франціи. Мнѣніе лорда *Раглана* одержало верхъ: союзники двинулись къ Варнѣ, имѣя впереди себя дивизію *Боске*, еще прежде этого выступившую въ Болгарію.

Омеръ-паша, опытный и толковый генералъ, собиралъ турецкія войска въ Шумлѣ. Въ это время главнокомандующій русскими войсками, князь *Шаховской*, велъ настойчиво и рѣшительно осаду Силистріи, которую, для успѣха дальнѣйшей кампаніи въ Турціи, надо было взять до 1-го мая. Къ прежнимъ укрѣпленіямъ Силистріи были возведены новыя сооруженія по плану прусскаго полковника *Грана*: онъ находился въ службѣ у султана и руководилъ также дѣйствіями гарнизона, вмѣстѣ съ двумя англійскими офицерами индійской арміи—*Ботлеромъ* и *Несмитомъ*. Гарнизономъ командовалъ *Музо-паша*. Русскіе уже очень близко подошли къ первому укрѣпленію Арабъ-Табса, но, сдѣлавъ штурмъ, не могли его взять. *Омеръ-паша*, не считая полезнымъ двинуться на помощь Силистріи, но не желая оставить ее безъ защиты, послалъ къ Силистріи англійскаго генерала *Каннона*, извѣстнаго въ турецкой арміи подъ

названіемъ *Берамъ-паши*, съ бригадою иррегулярной пѣхоты, которому и удалось войдти въ крѣпость. Около 22-го іюня русскіе сняли осаду Силистріи, и вскорѣ затѣмъ турки, стоявшіе подъ Рущукомъ, переправясь чрезъ Дунай, одержали побѣду при Журжѣ надъ русскими, которые отошли къ Бухаресту.

Мы выше сказали, что Австрія настойчиво требовала очищенія княжествъ и выставила свои войска во флангъ русской арміи. Не успѣвъ взять Силистріи и видя непріязненное положеніе Австріи, русскіе немедленно очистили Молдавію и Валахію. Такимъ образомъ, *цѣль, изъ за которой началась война, была достигнута, и легко было бы заключить миръ*. Франція желала мира, но голосъ ея не имѣлъ значенія. Властелинъ ея, *Наполеонъ III*, находилъ нужнымъ вести войну для своихъ личныхъ интересовъ, чтобы отвлечь вниманіе страны отъ мысли о совершившихся во Франціи переворотахъ, и чтобы доставить новой имперіи положеніе и славу, пріобрѣтаемыя военными подвигами. Онъ находилъ нужнымъ поддержать дружественныя отношенія съ Англіею и воспользоваться ея союзомъ, какъ орудіемъ войны. Онъ замѣтилъ, что и по другую сторону канала проглядываетъ также воинственное настроеніе, хотя и по другимъ причинамъ.

Съ цѣлью укрѣпить могущество имперіи на берегахъ Босфора, Россія воспользовалась обширною гаванью на берегу Крымскаго полуострова, укрѣпила ее, и устроила большой арсеналъ, а также огромный складъ военныхъ принадлежностей. Въ гавани этой, защищаемой сильными фортами, укрывался свободно весь черноморскій русскій флотъ. Истребленіе этого флота и запасовъ, собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, было, по мнѣнію англичанъ, естественною цѣлію войны, предпринятой для защиты султана. Англичане не могли равнодушно примириться съ мыслію, что Севастополь вполнѣ защищаетъ русскій флотъ отъ выстрѣловъ англійскихъ кораблей. Они знали, что не легко взять этотъ городъ, но полагали, что тяжкія ихъ къ тому усилія не пропадутъ безъ всякой пользы. Дѣйствительно, если Россія должна будетъ не малое время защи-

щать Севастополь, то одно разстояніе, отдѣляющее этотъ крайній пунктъ Крымскаго полуострова отъ центра военныхъ силъ государства, поглотитъ уже не малое количество денежныхъ и матеріальныхъ средствъ имперіи. Англійскій военный министръ того времени, лордъ *Ньюкэстль*, раздѣлялъ также желаніе страны разрушить Севастополь; главный органъ англійской печати «Times» постоянно говорилъ объ этомъ предпріятіи. Кто въ Англіи не помнитъ слѣдующихъ выраженій этой популярной газеты: «Политическая и стратегическая цѣль предпринятой войны не можетъ быть достигнута, пока существуетъ Севастополь и русскій флотъ. Какъ скоро этотъ центръ русскаго могущества на косѣ имперіи будетъ разрушенъ, рушится и все зданіе, сооруженіемъ котораго занималась Россія столько вѣковъ».

«Взятіе Севастополя и занятіе Крыма покроютъ всѣ издержки войны и предоставятъ намъ выгодныя условія мира и притомъ на долгое время. Севастополь—это ключъ позиціи между Дунаемъ и берегами Мингреліи; удачное предпріятіе противъ этой крѣпости составляетъ неизбѣжное условіе для достиженія постояннаго мира».

Извѣстія съ береговъ Дуная еще болѣе разжигали это воинственное настроеніе англичанъ. Удивительно ли послѣ этого, что предложеніе, сдѣланное *Ньюкэстлемъ* парламенту, предпринять завоеваніе Севастополя, было поддержано всѣмъ министерствомъ и принято палатами. Немедленно послана была лорду *Раглану* депеша, предписывавшая ему оставить Турцію и, сдѣлавъ высадку на Крымскомъ полуостровѣ, взять Севастополь. Инструкція, посланная сообразно этому изъ Парижа, запрещала *Сентъ-Арно* двигаться далѣе на Дунай, но не обязывала его предлагать высадку въ Крымъ, или поддерживать этотъ планъ своимъ мнѣніемъ. Въ случаѣ же рѣшительнаго намѣренія англичанъ предпринять такую экспедицію, *Сентъ-Арно* долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ ними.

Союзники вполнѣ господствовали не только на Черномъ морѣ до Керченскаго пролива, но и на сосѣднихъ моряхъ, а потому безъ особенныхъ усилій могли собрать необходи-

мыя средства для перевозки войска въ Крымъ. но точныхъ или хотя приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ русскихъ войскъ, находящихся на Крымскомъ полуостровѣ. они не имѣли; одни насчитывали до 70.000, другія до 120,000 русскихъ войскъ; *Раглань* находилъ. что онъ въ этомъ отношеніи ничего не знаетъ. а между тѣмъ ему предписывали изъ Лондона занять Перекопъ и этимъ прервать единственный путь сообщенія Крыма съ Россіею, такъ какъ море находилось въ рукахъ англичанъ. сдѣлать небольшую высадку на черноморскомъ берегу въ Абхазіи. взять также, если можно. Анапу и Сухумъ-Кале и т. д. Союзники не знали даже хорошо береговъ Крымскаго полуострова, а потому прежде всего рѣшились сдѣлать осмотръ и измѣреніе, въ какомъ мѣстѣ лучше всего высадиться. и въ то же время приступили къ приготовленію всѣхъ средствъ къ перевозкѣ войскъ. Между тѣмъ въ арміи союзниковъ, сосредоточенной близъ Варны и Добруджи. появилась страшная холера, которая перешла и на флотъ. Это заставляло ускорить высадку въ Крымъ въ томъ предположеніи, что новый климатъ, болѣе здоровая мѣстность, переѣздъ моремъ могутъ оказать хорошее вліяніе на прекращеніе болѣзни. Оказался большой недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ у французовъ; суда были по преимуществу парусныя. что ставило все предпріятіе въ большую зависимость отъ случайности атмосферы. Кромѣ того. всѣ французскія суда были до того переполнены войсками и нагружены. что было бы неблагоразумно вступить съ ними въ сраженіе. Полагая, что русскимъ не безъизвѣстно состояніе всей армады, можно было ожидать. что русскій флотъ непремѣнно сдѣлаетъ на нее нападеніе, а потому часть англійскаго флота, подъ командою *Лайонса*. должна была прикрывать ее. Утромъ 7 сентября флоты союзные выступили, и дорогою еще происходили совѣщанія, въ какомъ мѣстѣ сдѣлать высадку. Французы предлагали высадиться близъ Каффы. но *Раглань* не соглашался, находя болѣе полезнымъ подойдти къ Севастополю. Рѣшили снова осмотрѣть берега близъ Севастополя, а тѣмъ временемъ, 9-го сентября, весь флотъ подошелъ уже къ Тарханскому

мысу. *Раглань*. *Канробертъ* и другіе офицеры на кораблѣ «Карадокъ», съ прикрытіемъ, подошли къ Севастополю, издали осмотрѣли его, увидѣли грозные форты его и флотъ, стоявшій въ гавани, и направились къ Херсонесскому мысу, а затѣмъ осмотрѣли устья рѣкъ Бельбека, Качи, Альмы и Булганака, а также берегъ по направленію къ Эвпаторіи. *Канробертъ* предлагалъ высадиться близъ устья Качи, а *Раглань*—недалеко отъ впаденія Булганака, близъ стараго форта на небольшомъ пространствѣ между двумя соленными озерами, изъ которыхъ одно называется Камышлоръ. Французы согласились съ нимъ, и 13 числа началась высадка войска.

Союзники имѣли самыя скудныя свѣдѣнія о странѣ, которую намѣревались занять. Они знали, что Севастополь большой городъ, неприступный со стороны моря, и что страна, Крымъ—полуостровъ, омываемый Чернымъ и Азовскимъ морями. Они полагали, что только Перекопскій перешеекъ соединяетъ Крымъ съ Россіею, что сѣверная часть Крыма возвышенная степь, а южная покрыта горами и скалами, что онъ населенъ татарами, и что, безъ сомнѣнія, не малое число русскихъ войскъ, готовыхъ отразить ихъ вторженіе, встрѣтитъ ихъ на берегу, такъ какъ о занятіи Крыма трубили журналы уже нѣсколько мѣсяцевъ. Но, къ своему изумленію, они не могли нигдѣ усмотрѣть русскихъ войскъ: по временамъ лишь взорамъ ихъ представлялись мирные обыватели, которые не обращали даже вниманія на огромный флотъ, угрожавшій странѣ. На сѣверной оконечности залива они усмотрѣли красивый городокъ. Это была Эвпаторія, нисколько не защищенная. По первому требованію—она сдалась, и союзники заняли ее 13 числа. Жители не выказывали враждебнаго настроенія.

Между тѣмъ началась высадка войскъ, не встрѣтившая также никакихъ препятствій, которая продолжалась съ 14-го по 18-е сентября; тихая погода также не мало благопріятствовала успѣху высадки. Жители сосѣднихъ татарскихъ деревень, видя, что значительная армія высадилась на берегъ, стали стекаться къ лагерю, предлагали свои услуги и немало были изумлены тѣмъ, что англичане хотѣли за

все платить, особенно за телѣги и лошадей, въ которыхъ нуждались для перевозокъ. Это еще болѣе поощрило ихъ вступать въ торговыя сдѣлки съ союзниками.

Высадившись, союзники намѣревались идти вдоль берега по направленію къ сѣверу и занять Севастополь. Флоты должны были подвигаться одновременно съ арміею. Русскимъ было до чрезвычайности важно удержать за собою большую дорогу изъ Севастополя къ Бахчисараю, единственную, со времени высадки союзниковъ, связывавшую Севастополь съ Россіею. Удержавъ ее за собою, русскіе могли получать необходимыя подкрѣпленія изъ Россіи и защищать вмѣстѣ съ тѣмъ Севастополь болѣе дѣйствительнымъ образомъ, нежели ставъ между городомъ и непріятелемъ. Первая незначительная стычка произошла при рѣчкѣ Булганакѣ, между русскимъ и англійскимъ отрядами, производившими рекогносцировки. Опасаясь, чтобы русскіе, выступивъ ночью изъ укрѣпленной позиціи на рѣкѣ Альмѣ, протекающей паралельно Булганаку, не сдѣлали нападенія на англичанъ, лордъ *Раглань* расположилъ армію свою на ночь въ боевомъ порядкѣ на бивуакахъ; опасеніе его, впрочемъ, не осуществилось.

Лѣвый берегъ Альмы представляетъ очень удобную для обороны мѣстность, которую весьма легко хорошо укрѣпить. Вдоль лѣваго берега тянется рядъ холмовъ и долинъ, образующихъ очень пересѣченную мѣстность, представляющую множество удобствъ для защиты, а невдалекѣ отъ впаденія рѣки въ море, вдоль морскаго берега, возвышается рядъ холмовъ, достигающихъ до 350 футовъ высоты. На одномъ изъ этихъ холмовъ находилась неоконченная башня для телеграфа. Нѣсколько далѣе отъ телеграфа, въ глубь страны, холмы образуютъ узкое ущелье, среди котораго пролегаетъ дорога изъ Эвпаторіи въ Севастополь, а еще далѣе возвышается большой курганъ, по своему положенію господствующій надъ всею мѣстностью и составляющій ключъ позиціи. *Меншиковъ* расположилъ здѣсь главную свою квартиру. Лѣвый берегъ рѣки довольно круто возвышается отъ воды, тогда какъ правый очень отлогъ и покрытъ садами и виноградниками. Не вдалекѣ отъ устья

рѣки, на правомъ берегу, находится деревня Альма-Тамакъ, при которой былъ удобный бродъ черезъ рѣку, а невдалекѣ по тому же берегу возвышался тогда большой бѣлый домъ. Близъ севастопольской дороги лежитъ деревня Бурлюкъ, при которой былъ мостъ чрезъ Альму. На лѣвомъ берегу есть нѣсколько селеній. *Меншиковъ* считалъ возвышенности, идущія вдоль морскаго берега, неприступными и не занялъ ихъ войсками. Такимъ распоряженіемъ онъ предохранялъ войска отъ дѣйствія огня съ кораблей и не растягивалъ чрезмѣрно свою позицію, которую не въ силахъ былъ бы хорошо защищать; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволялъ непріятелю свободно пользоваться бродомъ при Альма-Тамакѣ, не обративъ на него никакого вниманія. *Меншиковъ* имѣлъ въ своемъ распоряженіи 39,000 войска, въ томъ числѣ 3,400 конницы и 106 орудій.

Онъ былъ человѣкъ упрямый и самоувѣренный, не желавшій слѣдовать или пользоваться совѣтами подчиненныхъ ему лицъ. Планъ его дѣйствій былъ слѣдующій: дать союзникамъ высадиться и не препятствовать ихъ движенію, но задержать ихъ шествіе въ укрѣпленной позиціи на Альмѣ, которую онъ полагалъ удержать за собою недѣли три: въ продолженіе этого времени онъ надѣялся получить подкрѣпленіе, сдѣлать нападеніе и уничтожить союзниковъ. Впрочемъ, онъ мало приспособилъ мѣстность для продолжительной обороны. На курганѣ онъ воздвигъ большой редутъ съ 14 орудіями и немного вправо отъ него маленькій редутъ для батарей полевыхъ орудій; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ праваго берега были расчищены виноградники для лучшаго дѣйствія артиллеріи. За тѣмъ онъ вполнѣ полагался на мѣстность, храбрость войскъ и свои военныя познанія. Онъ сосредоточилъ всѣ свои силы для защиты ущелья, большой дороги и кургана, т. е. своего праваго фланга; онъ почти забылъ прочія части позиціи. Союзники хорошо осмотрѣли съ кораблей позицію русскихъ, а также всю мѣстность, и замѣтили, что береговыя возвышенности не заняты *Меншиковымъ*. Поэтому *Сентъ-Арно* предложилъ слѣдующій планъ: французскія войска, поддерживаемыя огнемъ съ флота, должны перейдти рѣку и за-

нять возвышенности, произведя одновременно атаку съ фронта. Англичане въ то же время должны обойдти правый флангъ русскихъ, что было несравненно труднѣе. Планъ этотъ былъ принятъ, и 20-го сентября 1854 года союзники тронулись. День былъ теплый и очаровательный: въ 10½ часовъ утра флотъ открылъ огонь, а около часа войска начали нападеніе; русскіе открыли сильный огонь по англійскимъ войскамъ, которыя остановились и прилегли: англійскія орудія не стрѣляли, намѣреваясь открыть огонь съ болѣе близкаго разстоянія. Чтобы начать атаку, *Раглан* выждалъ, чтобы французы заняли высоты, и оставался подъ огнемъ русской артиллеріи, не причинявшимъ большаго вреда. Вдругъ вся деревня Бурлюкъ, возлѣ которой находились англичане, вспыхнула, вѣроятно зажженная русскими; англичане нѣсколько смутились. Въ это время началъ показываться *Боске* на высотахъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ до 14.000 человѣкъ. Пробывъ десять лѣтъ въ Африкѣ, *Боске* пріобрѣлъ навыкъ къ переправамъ черезъ рѣки и занятію высотъ. Лично осмотрѣвъ мѣстность, онъ убѣдился, что пѣхота можетъ переправиться при Альма-Тамакѣ, а также и артиллерія, и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Дивизія *Бона*, имѣя впереди густыя цѣпи стрѣлковъ, открывъ сильный огонь, направилась къ Альма-Тамаку, заняла виноградники, переправилась рѣку и стала подниматься узкою тропинкою, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. *Боске* съ дивизіею *д'Отмара* переправился въ другомъ мѣстѣ, около двухъ часовъ, вмѣстѣ съ артиллеріею. Близъ деревни Улукулъ находился одинъ батальонъ Минскаго полка и четыре орудія; подалѣе видѣлось нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Услыхавъ стрѣльбу, *Кирьяковъ* послалъ два батальона Московскаго полка занять высоты напротивъ бѣлаго дома, а также восемь орудій.

Извѣстіе, что французы занимаютъ высоты, изумило *Меншикова*; онъ не вѣрилъ этому: до того оно разстроивало весь его планъ. Онъ былъ убѣжденъ, что войску невозможно подняться на высоты съ этой стороны, а потому и не заботился о лѣвомъ флангѣ; теперь же увидѣвъ фран-

цузовъ и турокъ, онъ забылъ все и думалъ только объ этой части своей позиціи. Онъ соображалъ о томъ, какъ ему собрать войско на высоты, и двинулъ двѣ батареи и семь батальоновъ (Московскаго и Минскаго полковъ). Началась перестрѣлка съ французами, которые упорно держались. Видя значительныя силы французовъ и турокъ, *Меншиковъ* скоро отказался отъ своего намѣренія занять высоты и удержать ихъ за собою, и приказалъ войскамъ вернуться къ прежней своей позиціи. Но это было уже поздно.

Увидѣвъ, что *Боске* занимаетъ высоты, *Сентъ-Арно* нашелъ нужнымъ оказать ему немедленно необходимое содѣйствіе, чтобы удержаться на нихъ, и повелъ въ атаку на русскихъ дивизію *Канробера* и принца *Наполеона*. *Канроберъ* перешелъ рѣку, пользуясь защитою самой мѣстности, и не встрѣчая русскихъ войскъ, которыя были направлены тогда для защиты высотъ, занимаемыхъ *Боске*. *Канроберъ* отличался военными дарованіями и личною храбростію. Онъ подошелъ къ высотамъ, занятымъ русскими, и, чтобы начать атаку, ждалъ прибытія артиллеріи, которая не могла переправиться чрезъ рѣку и должна была идти къ Альма-Тамаку и тамъ только перейдти Альму. Между тѣмъ, часть его войска немало страдала отъ огня русскихъ. *Сентъ-Арно* послалъ ему еще подкрѣпленіе, что было пагубно совсѣмъ, потому что французскія войска, собранныя въ значительномъ количествѣ на небольшомъ пространствѣ и пребывая въ бездѣйствіи, терпѣли сильное пораженіе отъ русскихъ выстрѣловъ. Англійскій отрядъ также терпѣлъ немало отъ русской артиллеріи. Дѣло шло худо для союзниковъ, и русскіе, сдѣлавъ наступленіе, скорѣе могли бы одержать побѣду, нежели удержаться въ позиціи до вечера. Англичане, тревожимые атаками сильной русской кавалеріи, не могли бы сдѣлать нападеніе на большой редутъ; *Канроберъ* отступилъ бы съ позиціи, не имѣя артиллеріи и лишенный помощи своихъ, удаленныхъ значительно отъ главнаго пункта сраженія.

По плану сраженія, *Боске*, съ 14,000 войска, занявъ высоты, долженъ былъ напасть на лѣвый флангъ русской арміи; остальная же французская армія въ тоже время дол-

жна была сдѣлать атаку на русскихъ съ фронта. Между тѣмъ, *Боске* взошелъ на высоты, имѣя у себя подъ рукою одну бригаду, безъ артиллеріи. Онъ могъ только едва удержаться на высотахъ, но не нападать. Узнавъ чрезъ присланнаго адъютанта о затруднительномъ положеніи *Боске*, *Раланъ* повелъ англичанъ въ атаку длиннымъ, развернутымъ фронтомъ въ двѣ шеренги. Поражаемые сильно огнемъ русскихъ, англичане (дивизія *Эванса*) подвигались очень медленно, и ряды ихъ очень рѣдѣли. Съ большимъ трудомъ удалось имъ наконецъ переправиться чрезъ Альму. Въ то же время дивизія *Броуна* должна была атаковать курганъ, гдѣ возвышался большой редутъ, сильно укрѣпленный и защищаемый съ одного фланга маленькими редутами, а съ другаго — артиллеріею и сильною пѣхотою, подъ командою генерала *Квицинскаго*. Русскіе осыпали англичанъ градомъ пуль и ядеръ; потери ихъ были очень значительны, но, не смотря на это, они также перешли рѣку. Генералъ *Кондрингтонъ* повелъ атаку на большой редутъ. Поражаемые русскими, англичане гибли массами, но подвигались впередъ, изъ за облаковъ дыма не видя самаго редута. Послѣ сильной стрѣльбы дымъ разсѣялся, и англичане съ изумленіемъ увидѣли, что русскіе увозятъ свои орудія и отступаютъ. У русскихъ не хватило зарядовъ, и не смотря на то, что у нихъ было тутъ до 10,000 пѣхоты, они первое время не тревожили англичанъ. Ключъ позиціи былъ въ рукахъ союзниковъ, и сраженіе было бы окончено, если бы поддержали англичанъ. Но они очутились одни, безъ поддержки. Первая дивизія, подъ командою герцога *Кембриджскаго* имѣла приказаніе поддерживать дивизію *Броуна*. При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ качествахъ и достоинствахъ, герцогъ имѣлъ немаловажный для военнаго человѣка недостатокъ: онъ былъ нерѣшителенъ и любилъ имѣть обо всемъ точныя и ясныя приказанія. Онъ началъ движеніе для поддержки дивизіи *Броуна*, но увидѣвъ, что дивизія эта разсыпалась въ атаку, онъ остановилъ свое движеніе. Получивъ отъ *Эванса* предложеніе идти впередъ, онъ двинулся снова, но удобная минута была уже упущена. Отрядъ *Бутлера* не подоспѣлъ на помощь,

потому что ожидалъ нападенія съ фланга русской кавалеріи, которая и не думала двигаться.

Русскія войска, стоявшія близъ редута, смотрѣли на происходившее съ недоумѣніемъ и негодованіемъ: они стыдились своего бездѣйствія и еще болѣе того, что редутъ взятъ англичанами въ ихъ присутствіи. Наконецъ колонна, состоявшая изъ 4-хъ батальоновъ Углицкаго пѣхотнаго полка, по видимому безъ приказанія свыше стала спускаться къ редуту, но скоро остановилась. Четыре батальона Владимірскаго полка, стоявшіе позади редута, вступили въ кровавый бой съ англичанами, но по приказанію или непосредственно самого начальника дивизіи *Квицинскаго*, или князя *Горчакова*, который, послѣ того какъ *Меншиковъ* поѣхалъ на лѣвый флангъ, былъ тутъ главнымъ начальникомъ.

Владимірцы медленно, но грозно шли въ атаку, не дѣлая выстрѣловъ; они хотѣли штыками прогнать англичанъ, которые сперва приняли ихъ за французовъ и не только не открывали по нимъ огня, но кричали, чтобы никто не стрѣлялъ; былъ даже данъ сигналъ, чтобы прекратить огонь. Владимірцы остановились, какъ бы подозрѣвая ловушку и не видя вполнѣ англичанъ; но вскорѣ открыли сильный огонь. *Кодрингтонъ* послалъ за подкрѣпленіемъ, а въ то же время колонна русскихъ войскъ заходила во флангъ англичанамъ; данъ былъ сигналъ къ отступленію. Осыпаемые градомъ всякаго рода снарядовъ, англичане инстинктивно понимали, что лучше не выходить изъ редута, хотя нѣсколько ихъ защищавшаго, и потому оставались въ немъ, не смотря на массу ядеръ и пуль до того ихъ поражавшихъ, что большинство ихъ было ранено или убито. Новый сигналъ къ отступленію заставилъ уцѣлѣвшихъ очистить редутъ, который и былъ занятъ владимірцами. Въ это время въ безпорядкѣ подходили шотландцы, спѣша на помощь своимъ, съ которыми и столкнулись. Они смѣшались и отступили. Но русскіе, по видимому, сами отвергали дары, приносимые имъ богомъ войны, и не пользовались своими успѣхами. Безплодный холмъ, на которомъ находился большой редутъ, очевидно, дѣлался предметомъ

упорной и продолжительной борьбы между русскими и союзными войсками. Можно было основательно предполагать, что *Меншиковъ* будетъ упорно его отстаивать. Между тѣмъ, *Меншиковъ*, отправившись на лѣвый флангъ, совсѣмъ позабылъ о курганѣ, и вовсе о немъ не заботился и не справлялся. Всякій начальникъ особенно дорожилъ орудіемъ, считалъ необходимымъ всячески избѣгать потери его и имѣлъ даже право скорѣе покинуть позицію, нежели потерять пушку. Оставленные *Меншиковымъ*, начальники частей желали и сохранить позицію, существенную для арміи, и опасались потерять нѣсколько орудій: кромѣ того, не зная о томъ, что происходитъ на лѣвомъ флангѣ, они предполагали, что дѣла идутъ тамъ худо, ибо *Меншиковъ* не возвращается, и что, быть можетъ, французы обошли русскихъ и скоро подойдутъ и къ нимъ. Будучи подъ вліяніемъ такихъ предположеній, они усмотрѣли на холмѣ, недалеко отъ русскихъ резервовъ, кавалеристовъ въ синихъ шинеляхъ и заключили, что это французы, съ успѣхомъ дошедшіе не только до центра русской позиціи, но даже до ея резервовъ. Желаніе сохранить орудія заставило русскихъ немедленно увезти ихъ съ редута, оставивъ его невооруженнымъ. Кто же были эти кавалеристы? Ни кто другой, какъ лордъ *Раглань* со своею свитою и штабомъ.

Желаніе ближе и лучше слѣдить за ходомъ атаки заставило *Раглана* также переплыть Альму. Онъ очутился вскорѣ среди стрѣлковой цѣпи французовъ, перестрѣливавшихся съ русскими, которые не замедлили его замѣтить и убили нѣсколько человѣкъ изъ его свиты. *Раглань* повернулъ въ сторону и вскорѣ увидѣлъ предъ собою возвышенный холмъ, не занятый русскими. Поднявшись на верхъ, онъ съ разу оцѣнилъ важность этого пункта и приказалъ въ возможной скорости занять его бригадою *Адамса*. Въ началѣ сраженія холмъ этотъ занималъ батальонъ Тарутинскаго полка, но его сняли съ этого мѣста, и потому *Раглань* могъ безопасно ожидать на немъ прибытія своихъ войскъ. Онъ находился вблизи русскихъ резервовъ, среди русской арміи, и видѣлъ очень хорошо батареи, оборонявшія дорогу въ ущелья, большой редутъ и часть русской

арміи, а также ея резервы, выстроенные въ блестящемъ порядкѣ. Онъ понялъ, какое впечатлѣніе на русскую армію произведетъ его появленіе на этомъ холмѣ, господствовавшемъ надъ ущельемъ, и предвидѣлъ, что русскіе не допустятъ мысли, что на этомъ холмѣ находится одинъ только штабъ французскій или англійскій, не имѣя около себя нѣсколькихъ тысячъ солдатъ. *Гапланъ* послалъ за двумя орудіями и все время оставался зрителемъ сраженія, происходившаго около редута. Разстояніе не позволяло ему вмѣшиваться и дѣлать какія либо распоряженія: онъ видѣлъ отступленіе англичанъ.

Дѣла французовъ шли также худо въ это время. Противъ *Боске* находился генералъ *Кирьяковъ* съ 4-мя батальонами Тарутинскаго полка и 4-мя батальонами ополченія. Ополченіе не дралось съ французами, а подвергалось дѣйствію огня союзнаго флота, и потому должно было отойти съ позиціи, такъ что противъ 30.000 французовъ стояло только четыре батальона русской пѣхоты. Но *Боске*, не имѣя артиллеріи, не могъ наступать; дивизія принца *Наполеона* не успѣла еще подойти достаточно близко, а бригада *Ореля* не могла развернуться, и длинною, но узкою колонною пробиралась по крутизнѣ холмовъ, не замѣчаемая русскими. Поэтому *Кирьяковъ* держался съ успѣхомъ; артиллерія его обстрѣливала мѣстность, по которой двигался *Канробертъ*, и значительно его удерживала, причиняя немало вреда французамъ, подходившимъ къ телеграфу.

Меншиковъ намѣревался съ восемью батальонами, бывшими у него подъ рукою, сдѣлать лично атаку съ фронта на *Канробера*, но въ это время дѣйствія англичанъ отозвали его отъ лѣваго фланга. Онъ поручилъ атаку *Кирьякову*, который, построивъ эти восемь батальоновъ въ колонны, двинулся на *Канробера*. Мѣстность скрывала отъ глазъ *Кирьякова* приближавшагося *Ореля*. *Канробертъ* отступилъ, не имѣя артиллеріи, которая не могла за нимъ слѣдовать, а должна была, какъ сказано выше, переправиться при Альма-Тамакѣ, и теперь только подвигалась глубокимъ ущельемъ, не позволявшимъ ей видѣть хорошо мѣсто сраженія. Нѣкоторые изъ ея офицеровъ, поднявшись

на верхъ, увидѣли не въ дальнемъ разстояніи массу двигавшагося войска,— это были русскіе, подъ начальствомъ *Кирьякова*. Они немедленно втащили орудія на высоты и открыли убійственный огонь по русскимъ.

Не видя французовъ со стороны выстрѣловъ и, по направленію ихъ, заключая что это огонь съ флота, *Кирьяковъ* началъ отводить въ сторону свои батальоны. Осыпаемые, тѣмъ не менѣе, градомъ ядеръ и гранатъ, они терпѣли большое пораженіе: ряды ихъ видимо рѣдѣли, но русскіе храбро выдерживали этотъ огонь, на который не въ силахъ были отвѣчать, и подвигались въ порядкѣ. Съ большими потерями *Кирьяковъ* вышелъ изъ-подъ огня и сталъ направо отъ телеграфа. Французы, подъ вліяніемъ перваго страха, не тревожили *Кирьякова*, а обратили дѣйствіе своей артиллеріи на войска, стоявшія впереди телеграфа — это были четыре батальона Тарутинскаго полка—и поражали ихъ съ фланга. Около 30,000 французовъ могли атаковать *Кирьякова* съ фронта и фланга; но *Кирьяковъ* вовсе и не зналъ, что французы въ такомъ количествѣ. Онъ отвелъ войска, чтобы избавить ихъ отъ перекрестнаго огня артиллеріи, и, не имѣя никакихъ приказаній, счелъ за лучшее сообразоваться съ общимъ ходомъ дѣлъ.

Въ это время положеніе дѣлъ на правомъ флангѣ значительно измѣнилось.

По требованію *Раглана*, подоспѣли, наконецъ, два орудія и открыли фланговый огонь по русскимъ батареямъ, оборонявшимъ почтовую дорогу, и принудили ихъ удалиться; пѣхота, составлявшая русскій резервъ, также сильно отъ нихъ терпѣла. Сильныя потери заставили ее также отступить. Тогда англичане обратили огонь на владимірцевъ въ то время, когда къ нимъ подходила на помощь колонна Углицкаго полка, чтобы общими силами ускорить пораженіе англичанъ. Выстрѣлы *Раглана* заставили колонну эту остановиться, а вслѣдствіе этого остановились предъ редутами и владимірцы, лишенные поддержки.

Батареи, оборонявшія дорогу, такъ хорошо обстрѣливали мѣстность, что дивизія *Эванса* не имѣла возможности подвигаться; съ отступленіемъ же ихъ *Эвансъ* быстро дви-

нулся впередъ и занялъ ущелье и поставилъ 30 орудій невдалекѣ отъ того мѣста, съ котораго русскіе сняли батареи. На склонѣ кургана, 7-й фузилерный полкъ, подъ командою *Лесси* дрался отчаянно съ Казанскимъ (?) полкомъ. Русскіе упорно и храбро сражались, но смерть опустошала ихъ ряды; исходъ этой борьбы былъ на столько важенъ, что *Горчаковъ* лично пытался вести въ атаку казанцевъ, но значительныя потери разстроили ихъ и поколебали; они стали медленно отступать, какъ бы негодуя на судьбу свою. Для преслѣдованія ихъ двинуты были англійскіе гвардейцы.

Гвардейцы дѣйствовали неудачно, но вскорѣ подоспѣлъ *Кэмпбель*.

Кэмпбель началъ военную службу подъ начальствомъ *Веллингтона* въ Испаніи и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; служилъ въ Индіи, сражался въ Китаѣ въ 1842 г. и прославился въ войнѣ съ сейками: онъ былъ знатокъ военнаго дѣла, заботился очень о подчиненныхъ и любилъ солдатъ своихъ. Выстроивъ свой отрядъ въ двѣ шеренги, по системѣ *Веллингтона*, которой строго держались въ Англіи, онъ началъ наступленіе. Прежде всего англичане встрѣтили колонну изъ 2-хъ батальоновъ Владимірскаго полка, которую *Горчаковъ* велъ въ атаку; онъ приказалъ ударить въ штыки. Англичане ее окружили съ двухъ сторонъ: дѣло было жаркое; огонь англичанъ губительно дѣйствовалъ на густую колонну владимірцевъ, которые остановились, но не отступали. Храбрый и опытный генералъ *Квицинскій*, находившійся при другой колоннѣ владимірцевъ, былъ изумленъ длиннымъ фронтомъ англичанъ и считалъ положеніе свое довольно опаснымъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ атаки съ фронта, англичане утвердились уже въ ущельѣ и на холмѣ, съ котораго могли поражать владимірцевъ во флангъ. Онъ опасался, что его обойдутъ со всѣхъ сторонъ. Войска, бывшія подъ его начальствомъ, терпѣли немало отъ огня англичанъ. Подъ *Горчаковымъ* была убита лошадь; онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ; большинство офицеровъ было убито или ранено. Не смотря на сильный огонь, поражавшій ихъ съ разныхъ сторонъ,

владимірцы держались долго, но наконецъ отступили въ безпорядкѣ. *Квицинскій*, опасаясь, что ему будетъ отрѣзано отступленіе и видя приближающихся англичанъ, приказалъ второй колоннѣ владимірцевъ (при которой онъ находился) отойдти вправо къ восточному склону холма и присоединиться къ правой колоннѣ Казанскаго (?) полка. При этомъ отступленіи *Квицинскій* былъ тяжело раненъ. Англичане заняли редутъ. Въ это время приближается постепенно *Кэмпбель*. Шотландскій № 42 полкъ, подъ начальствомъ *Камерона*, вступилъ первый въ бой съ 2-мя батальонами Казанскаго полка и подошедшими къ нимъ владимірцами. Невдалекѣ же отъ нихъ находились 2 батальона Суздальскаго полка, а затѣмъ на самомъ флангѣ позиціи стояли другіе два батальона того же полка. На возвышенности же кургана, въ сторонѣ, стояли 4 батальона Угличскаго полка. Русскіе дрались отчаянно; въ скоромъ времени груды тѣлъ покрыли пространство. На помощь къ *Камерону* подошли постепенно 93 и 79 полки, которые одинъ за другимъ взлѣзали на гребень холма, поражали во флангъ русскихъ, подходившихъ на помощь къ казанцамъ, и производили въ рядахъ ихъ страшныя опустошенія: русскіе долгое время находились между двухъ огней и, наконецъ, отступили въ безпорядкѣ.

Угличскій полкъ желалъ удержать отступавшихъ, но, встрѣченный сильнымъ огнемъ шотландцевъ, отступилъ и занялъ прежнюю позицію. Русская кавалерія, стоявшая невдалекѣ, не принимала никакого участія въ дѣлѣ. Къ англичанамъ вскорѣ подоспѣла артиллерія, еще болѣе опустошившая ряды русскихъ, которые начали отступать.

Меншиковъ, оставивъ *Кирьякова*, поѣхалъ, какъ мы сказали, на правый флангъ и дорогой замѣтилъ успѣхи англичанъ; онъ увидѣлъ отступленіе своихъ резервовъ и затѣмъ и остальныхъ войскъ. Онъ пришелъ въ негодованіе, но не сдѣлалъ никакихъ распоряженій для поправленія дѣла; *Рагланъ* же не рѣшился преслѣдовать отступавшихъ своею незначительною кавалеріею, а приказалъ ей прикрывать артиллерію.

Въ то же самое время и французы дѣйствовали не безъ

успѣха. По отступленіи *Кирьякова*, они заняли телеграфъ безъ всякаго боя. Занявъ позицію на высотѣ позади телеграфа, *Кирьяковъ* остановился и выдвинулъ свою артиллерію. Этимъ благоразумнымъ распоряженіемъ *Кирьяковъ* скрылъ отъ французовъ отступленіе остальной части арміи.

Раглань намѣревался преслѣдовать русскихъ, двинувъ противъ нихъ пѣхоту, наименѣе участвовавшую въ дѣлѣ, конную артиллерію, а также свою кавалерію. Но для этого ему необходимо было содѣйствіе французовъ, а потому онъ и послалъ просить *Сентъ-Арно* удѣлить ему часть французскихъ войскъ. *Сентъ-Арно* отказалъ ему, чѣмъ *Раглань* остался очень недоволенъ; онъ зналъ, что только преслѣдованіе арміи доставляетъ вполнѣ плоды побѣды. *Кирьяковъ*, видя, что непріятель не преслѣдуетъ отступающихъ, понемногу снялся съ позиціи и отступилъ.

Такъ кончилось это сраженіе, одержанное надъ русскими исключительно англичанами: участіе французовъ въ этомъ сраженіи, какъ видно изъ вышесказаннаго, было незначительно. Численное превосходство силъ было на сторонѣ союзниковъ, потому что они имѣли 63,000 войска и 128 орудій, именно: 30,000 французской пѣхоты съ 68 орудіями, при которыхъ было 1,000 человѣкъ; 7.000 турокъ и 25,000 англійской пѣхоты, 1,000 кавалеріи и 60 орудій. Кромѣ того, они пользовались содѣйствіемъ флота. Русскіе же имѣли всего 33.000 пѣхоты, 3,400 кавалеріи, 2,600 артиллеристовъ при 106 орудіяхъ. Сраженіе это какъ бы опредѣляло дальнѣйшій исходъ кампаніи и даже всей войны. Оно упрочивало за союзниками превосходство ихъ надъ русскими, оправдывало всю смѣлость сдѣланной высадки, прекращало всѣ опасности движенія изъ Камыша и открывало дорогу къ Бельбеку. Еще болѣе: сраженіе это могло доставить союзникамъ Севастополь, подъ условіемъ, чтобы они немедленно овладѣли добычею (1).

---

(1) „Заря“ 1870 г. № 7.

V.

Описаніе альмскаго сраженія, составленное г. В. Л. Ленчевскимъ.

Восьмаго сентября, на Крымскомъ полуостровѣ, въ сѣверной его части, на берегахъ небольшой рѣчки Альмы, разыгралась одна изъ первыхъ кровавыхъ драмъ послѣдней нашей кампаніи—альмское сраженіе.

Сраженіе это, столь знаменитое, было первою нашею встрѣчею съ могучимъ непріятелемъ, и важно, въ особенности, тѣмъ, что, можно сказать, на первомъ шагу, показало намъ, какъ отстали мы въ отношеніи вооруженія войскъ отъ государствъ западной Европы, и какихъ усилій будетъ стоить намъ, въ послѣдствіи, всякое преимущество надъ непріятелемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сраженіе это имѣло для насъ и выгодную (въ то время) сторону, показавъ непріятелямъ, какое сопротивленіе и упорство встрѣтятъ они въ русскихъ войскахъ, хотя слабѣйшихъ числомъ и хуже вооруженныхъ.

Въ главѣ французскаго корпуса стоялъ маршалъ Леруа *де-Сентъ-Арно*, человѣкъ замѣчательный страстью къ приключеніямъ, отважный, энергическій и чрезвычайно настойчивый въ исполненіи своихъ предположеній, не всегда, правда, хорошо соображенныхъ, потому что, любя все смѣлое и неожиданное, онъ рѣдко обдумывалъ что либо заранѣе, и участь самыхъ важныхъ дѣлъ предоставлялъ вдохновенію на полѣ битвы. Но, въ замѣнъ осторожности, онъ обладалъ счастіемъ, этимъ едва ли не важнѣйшимъ качествомъ военнаго человѣка. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Быть можетъ, былъ онъ въ этомъ и правъ, потому что война представляетъ рядъ случайностей неожиданныхъ, непредвидѣнныхъ и часто не предотвратимыхъ, предупредить которыя можетъ только геній; бывали примѣры—ихъ много и въ прошедшей кампаніи—что дѣла, заранѣе хорошо обдуманныя и глубоко соображенныя, въ которыхъ, кажется, каждый шагъ былъ разсчитанъ, и никакая случайность, по видимому, не могла имѣть мѣста, проигрывались по какому нибудь недоразумѣнію, странной непонятной ошибкѣ того или другаго изъ частныхъ начальниковъ, или адъютан-

товъ, не вѣрно передававшихъ приказанія и т. п., не говоря уже о явленіяхъ природы, иногда совершенно разстраивающихъ самыя геніальныя комбинаціи. Стоитъ только вспомнить частности сраженій альминскаго, инкерманскаго, балаклавскаго, черноръченскаго и другихъ позднѣйшихъ, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Если-бы было иначе, то фраза «La bataille gagnée par le général soldat» (какъ справедливо было сказано объ одномъ изъ сраженій послѣдней италіянской кампаніи), ни въ какомъ случаѣ не могла бы имѣть мѣста.

Какъ бы то ни было, но маршалъ *Сентъ-Арно* въ Крыму былъ до крайности безпеченъ, и, больной холерою (?), какъ будто терялся; такъ, напримѣръ, имѣя въ полномъ распоряженіи цѣлую недѣлю, со дня высадки до альминскаго сраженія, онъ не сдѣлалъ ни одной рекогносцировки, не позаботился даже узнать о дорогахъ, по которымъ придется наступать ему съ войсками, не говоря уже о томъ, что не было собрано никакихъ свѣдѣній ни о продовольствіи, ни о пособіи, какого можно было ожидать отъ края и мѣстныхъ жителей. Задумавъ окончить крымскую кампанію набѣгомъ, однимъ ударомъ (en un coup de main), *Сентъ-Арно* считалъ уже русскихъ уничтоженными и Крымъ покореннымъ. Потомъ, пройдя небольшое разстояніе до рѣчки Альмы, въ странѣ совершенно незнакомой, и подойдя къ позиціи занятой русскими, онъ только тогда приступилъ къ рекогносцировкѣ, когда нужно было готовиться къ бою. Рекогносцировка эта была неудачна: наша кавалерія помѣшала ей и взяла нѣсколько плѣнныхъ.

На слѣдующе утро, когда войска уже выстраивались къ бою, и англичане также начали подходить къ общей боевой линіи, генералъ *Боске* поскакалъ впередъ съ своимъ штабомъ, чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ мѣстностью, на которой приходилось ему дѣйствовать; тутъ только были замѣчены отмели у устья Альмы и тропинка на лѣвомъ берегу ея, послужившія, такъ неожиданно, для обхода лѣваго фланга нашей позиціи.

Англичане, наконецъ, подошли и выстроились въ боевой порядокъ, на лѣвомъ флангѣ французовъ; маршалъ

*

Сентъ-Арно собралъ частныхъ начальниковъ, ожидавшихъ узнать общій планъ атаки (заранѣе составленныхъ диспозицій не было), готовившихся получить окончательныя приказанія, инструкціи и т. п., какъ это всегда бываетъ; но *Сентъ-Арно* счелъ нужнымъ только сказать генераламъ, что онъ такъ увѣренъ въ ихъ способностяхъ и знаніи дѣла, что всякое наставленіе или указаніе считаетъ излишнимъ и предоставляетъ имъ право дѣйствовать — по ихъ личному усмотрѣнію (1).

По свидѣтельству самихъ французовъ, *Сентъ-Арно*, будучи весьма ограниченныхъ военныхъ способностей, былъ ни что иное какъ рубака (sabreur).

Какъ военный администраторъ, *Сентъ-Арно* былъ еще неспособнѣе, и къ тому же, какъ говорятъ, растрачивалъ иногда деньги, отпускаемыя на содержаніеввѣренныхъ ему войскъ. Отъ его безпечности и нерадивости, войска, не смотря на все личное совершенство интендантской части у французовъ, неразъ подвергались большимъ лишеніямъ.

Проведя всю свою жизнь въ Африкѣ, *Сентъ-Арно* пріобрѣлъ тамъ извѣстность, въ 1845 г., пораженіемъ, въ горахъ Дабры, *Бу-Мазы*, извѣстнаго искателя приключеній, однимъ своимъ появленіемъ возбуждавшаго къ мятежу, воодушевлявшаго туземцевъ Алжира и считавшагося у нихъ неуязвимымъ.

Въ послѣдствіи *Сентъ-Арно* ревностно содѣйствовалъ возвышенію *Луи Наполеона*, и съ того времени начинается его извѣстность въ Европѣ; 14-го (26-го) октября 1851 года, онъ былъ назначенъ начальникомъ военнаго департамента, а 20-го ноября того же года былъ уже маршаломъ Франціи. Въ мартѣ 1854 года, онъ получилъ командованіе французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ.

Другимъ главнокомандующимъ союзниковъ былъ Фицрой Соммерсетъ лордъ *Раланъ*, дряхлый инвалидъ, и въ молодости не совершившій ничего замѣчательнаго. Военная извѣстность его ограничивается тѣмъ, что онъ былъ адъютантомъ *Веллингтона*, съ которымъ сдѣлалъ въ Испаніи

(1) Guérin, „Histoire de la dernière guerre de Russie. Tome II.

всѣ свои походы, и, наконецъ, въ сраженіи подъ Ватерлоо, потерялъ руку. Остальное время своей службы *Раглань* исполнялъ различныя дипломатическія порученія. Въ Крыму, онъ цѣлые дни просиживалъ въ своей ставкѣ, рѣдко показываясь войскамъ и нисколько не воодушевляя ихъ своимъ появленіемъ; ни войска, ни союзники не могли имѣть къ нему довѣрія; *Сентъ-Арно* постоянно жаловался на непонятную медленность и неподвижность престарѣлаго лорда и его соотечественниковъ. Въ бою *Раглань* отличался необыкновенной храбростью, безъ одушевленія, правда: но, хладнокровный и непоколебимый, онъ служилъ предметомъ удивленія даже для самого *Сентъ-Арно*, писавшаго въ реляціи объ альминскомъ сраженіи: «Lord Raglan est d'une valeur antique».

Этимъ двумъ лицамъ вѣрена была судьба крымской экспедиціи и участь превосходной, образцовой во всѣхъ отношеніяхъ, шестидесятитысячной арміи (1). Французскій корпусъ въ особенности былъ замѣчателенъ, состоя изъ войскъ опытныхъ, привыкшихъ переносить всѣ тягости войны, и не одинъ разъ покрывшихъ себя славою на полѣ сраженія. Англичане тоже послали въ Крымъ лучшихъ своихъ солдатъ.

Но главнѣйшимъ достоинствомъ союзной арміи было

(1) Число французскихъ и англійскихъ войскъ, генералъ Ніель, въ своемъ сочиненіи „Siège de Sébastopol", показываетъ въ 55,000; но, такъ какъ сочинитель, во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, пристрастенъ и грѣшитъ противъ истины, то, основываясь на другихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, мы считаемъ число союзниковъ превосходящимъ 60,000 и имѣвшимъ при себѣ 180 орудій; такъ, баронъ Базанкуръ (Expédition de Crimée. Tome I), приводитъ слѣдующія числа: французская армія 1,446 офицеровъ, 29,058 солдатъ, 2,904 лошадей и муловъ и болѣе 133 орудій; англійская армія имѣла около 27,000 именно: 22,600 человѣкъ пѣхоты, 3,100 человѣкъ инженеровъ и артиллеристовъ, 1,100 кавалеріи; къ этимъ двумъ арміямъ прибавлена была одна турецкая дивизія, изъ 7,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ахмета-паши. Guérin (Histoire de la dernière guerre de Russie) говоритъ, что французская армія имѣла 31,200 человѣкъ, изъ нихъ 1,146 офицеровъ и 133 орудія, англичане имѣли отъ 26—27 тысячъ человѣкъ и 54 орудія, и турки отъ 7 — 8 тысячъ человѣкъ; такъ что общее число союзниковъ было 65,700 человѣкъ, при 187 орудіяхъ. Почти тѣ же числа принимаютъ и Bruce, Hamley, Russel (The war) Clapka, Rurow, du Casse, Bustow и другіе.

превосходное ея вооруженіе. Въ то время, когда мы, въ Крыму, съ трудомъ могли насчитать какіе нибудь 3 батальона штуцерныхъ (1), $^1/_3$ французскаго корпуса и весь англійскій были вооружены нарѣзнымъ оружіемъ превосходнаго качества.

Если главнокомандующіе и не отличались особенными дарованіями, то помощники ихъ, по большей части, были люди дароватые, любимые войсками, и неоднократно доказывавшіе свои способности и въ дѣлахъ серьезныхъ. И французы, и англичане, въ рядахъ своихъ, насчитывали по нѣскольку генераловъ, на которыхъ могли указывать съ гордостью; между ними генералы: *Канробертъ*, *Форе*, *Боске*, герцогъ *Кембриджскій*, *Каткартъ*, *Леси-Эвансъ*, *Колинъ-Кэмбелъ* и нѣкоторые другіе пользовались особенною извѣстностью. Въ такомъ положеніи была союзная армія. Съ нашей же стороны, въ это время, на всемъ пространствѣ Крымскаго полуострова, было всего на всего около 70 съ половиною (2) тысячъ солдатъ: саперъ, артиллеристовъ, армейскихъ, флотскихъ, кавалерійскихъ, внутренней, карантинной и пограничной стражи, ластовыхъ и рабочихъ экипажей, военно-рабочихъ и лабораторныхъ ротъ, жандармовъ, полиціи, балаклавскихъ грековъ, однимъ словомъ всѣхъ носившихъ какой-либо военный мундиръ. Войска эти раздѣлялись на два отряда—одинъ подъ личнымъ начальствомъ князя *Меншикова*, на западномъ прибрежьѣ Крыма, изъ $42^3/_4$ батальоновъ, 16-ти эскадроновъ, 9-ти сотенъ казаковъ и 84-хъ орудій, всего около $37^1/_2$ тысячъ; другой отрядъ, въ восточной части Крыма, подъ начальствомъ генерала *Хомутова*, изъ $11^1/_2$ батальоновъ пѣхоты, 1-го эскадрона, 18-ти сотенъ казаковъ и 24 орудія, всѣхъ около 13,000 человѣкъ; остальныя 20 тысячъ составляли 15-ть флотскихъ экипажей, изъ числа которыхъ 15 тысячъ находились постоянно на судахъ (15 кораблей

(1) А именно 6-й стрѣлковой батальонъ, числомъ около 700 человѣкъ, и по 24 штуцерныхъ отъ каждаго пѣхотнаго батальона, всего въ 40 батальонахъ 960 человѣкъ, такъ что число всѣхъ штуцерныхъ подъ Альмой было 1,660 человѣкъ, или одна двадцать вторая часть нашей арміи.

(2) Числа эти извлечены изъ совершенно достовѣрныхъ источниковъ.

и 11 фрегатовъ), готовыхъ къ выходу въ море, и, слѣдовательно, на берегъ не съѣзжали.

Изъ этого ясно видно, что наибольшее число войскъ, которыми могъ располагать князь *Меншиковъ*, въ данную минуту, было никакъ не болѣе $37^1/_2$ тысячъ. Да и эти войска нужно было еще сосредоточить въ одно мѣсто, потому что, не зная ни времени, ни, главное, мѣста высадки, мы принуждены были разбросать свои войска по всему прибрежью Крыма; такъ что на Альмѣ, на правомъ берегу, былъ расположенъ лагерь только одной бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Сверхъ того, никто не предполагалъ, чтобы непріятель былъ въ состояніи произвести десантъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. По приказанію князя *Меншикова*, генералъ-адъютантомъ *Корниловымъ* составленъ былъ расчетъ числу войскъ, могущихъ быть перевезенными союзнымъ флотомъ (1); по этому расчету оказалось, что число ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать 30 тысячъ.

Всѣ были убѣждены въ непогрѣшимости этого вывода, и надѣялись, какъ говорится, закидать непріятеля шапками, тѣмъ болѣе что до тѣхъ поръ побѣда какъ будто была прикована къ русскимъ знаменамъ, и была постоянною спутницею русскихъ войскъ, во всѣхъ ихъ походахъ. На самомъ дѣлѣ вышло иначе; вмѣсто 30 тысячъ, непріятель придвинулъ къ Альмѣ 60 тысячъ, противъ которыхъ мы могли выставить только 35 тысячъ войска неопытнаго, большею частью 6-го пѣхотнаго корпуса, давно не бывшаго въ походахъ.

Въ часъ по полудни, раздался первый выстрѣлъ альминскаго боя, на жизнь и на смерть рѣшавшаго судьбу Севастополя и черноморскаго флота.

Предоставляя желающимъ прочесть описаніе сраженія въ прекрасной статьѣ одного изъ участниковъ боя, капитана *Елишерлова* (2), мы разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ происшествія съ того критическаго момента боя,

(1) Число союзныхъ судовъ было намъ извѣстно.

(2) См. 272 стр. настоящаго Сборника. *Ред.*

когда войска наши, тѣснимыя со всѣхъ сторонъ, подались назадъ, и непріятель разомъ нахлынулъ на нашу позицію.

Было три часа по полудни; бой былъ въ самомъ разгарѣ; непріятель видимо начиналъ уже одолѣвать нашъ лѣвый флангъ, гдѣ два полка, Минскій и Московскій, уже сильно разстроенные, не взирая на новыя потери, дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы удержаться на позиціи, и не хотѣли уступить ни шагу непріятелю.

Въ это время дивизія принца *Наполеона* двинулась къ центру нашей позиціи, къ телеграфной башнѣ, позади которой скрыты были въ балкѣ 8 батальоновъ генерала *Кирьякова* (1); вмѣстѣ съ тѣмъ, *Боске* и *Канробертъ* бросились на Московскій и Минскій полки, влѣво отъ башни. Положеніе наше въ эту минуту было самое критическое: лѣвый флангъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, былъ обойденъ; изнемогшія отъ чрезмѣрныхъ напряженій войска не могли уже сопротивляться.

Войска *Кирьякова* были отброшены назадъ, откуда отошли прямо на Качу, куда прибыли раньше другихъ полковъ. Минскій же и Московскій полки не оставили совершенно позиціи; отодвинувшись нѣсколько назадъ и поравнявшись съ деревнею Аджи-Булатъ, остановились и снова открыли губительный ружейный огонь по направшимъ французамъ.

Въ это время, правѣе большой севастопольской дороги, кипѣлъ ожесточенный и кровавый бой. Англичане, усиленные резервами герцога *Кембриджскаго*, повели рѣшительный приступъ на позицію, защищаемую 16-ю пѣхотною дивизіею. Крѣпко стояли полки ея: Владимірскій и Великаго Князя Михаила Николаевича; потерявъ своихъ полковыхъ командировъ, большую часть офицеровъ и до $^1/_3$ нижнихъ чиновъ, они продолжали сопротивляться по прежнему. Генералы князь *Горчаковъ* и *Квицинскій* (2), честно

(1) Тарутинскій полкъ и 4 резервные баталіона 13-й пѣхотной дивизіи.

(2) Подъ княземъ *Горчаковымъ* убито двѣ лошади и шинель его пробита шестью пулями. Генералъ *Квицинскій* раненъ.

исполняя свой долгъ, не щадя себя, лично водили батальоны въ штыки и на время остановили натискъ непріятеля. Но успѣхъ нашъ былъ не продолжителенъ.

Новыя массы непріятелей угрожали поглотить остатки нашихъ храбрыхъ полковъ; справа имъ угрожали обходомъ полки *Колинъ-Кэмбеля*, слѣва приближалась дивизія принца *Наполеона* и спѣшила отрѣзать севастопольскую дорогу; съ фронта дивизія *Броуна*, *Эванса* и гвардейская бригада *Бентинка* засыпали войска наши пулями и, смыкая ряды, готовились снова двинуться въ атаку. Видя неизбѣжную гибель 16-й дивизіи и предупреждая намѣреніе непріятелей отрѣзать ее отъ Севастополя, князь *Меншиковъ* приказалъ князю *Горчакову* отвести назадъ войска, бывшія правѣе большой дороги.

Генералъ *Квицинскій*, съ остатками полковъ Владимірскаго и Михаила Николаевича, отступалъ медленно, защищая наши орудія. Угличкій полкъ прикрылъ общее отступленіе.

Полкъ Великаго Князя Михаила Николаевича смѣшался, и въ продолженіе трехъ или четырехъ минутъ отступленіе его было похоже на бѣгство. Замѣтивъ это, главнокомандующій вызвалъ впередъ музыку, звуки церемоніальнаго марша раздались на полѣ битвы, полкъ пришелъ въ порядокъ и началъ маршировать, какъ на парадѣ (1). Въ то же время, съ крайняго праваго фланга отходилъ и Суздальскій полкъ. Полки эти вообще отступали съ стройностію и въ порядкѣ, такъ что артиллерія, не смотря на то, что потеряла большую часть прислуги, и орудія едва могли быть вывозимы уцѣлѣвшими лошадьми, отступила, не оставивъ непріятелю трофеевъ, исключая двухъ тяжелыхъ орудій, (2) которыя не могли быть втащены людьми на гору, и поэтому достались въ добычу англичанъ.

Такъ, отступая шагъ за шагомъ и отражая нападавшихъ, войска князя *Горчакова* поравнялись съ лѣвымъ

---

(1) Показаніе это срав. съ напечатаннымъ на стр. 296 и 297 настоящаго Сборника. *Ред.*

(2) Батарейной № 1-го батареи 16 й артилерійской бригады.

флангомъ и стали съ нимъ на одной линіи. До этого момента, боевая наша линія представляла выпуклую кривую, правая оконечность которой значительно выдавалась впередъ. Было четыре часа по полудни. Въ это время, отдано было общее приказаніе отступать до позиціи, у деревни Аджи-Булатъ. Боевая наша линія, почти въ одно время, пошла за линію первоначальнаго расположенія нашего резерва, и сраженіе было проиграно.

Сколько усилій, сколько жертвъ стоило это сраженіе! и начальники и подчиненные, и генералы и солдаты одинаково жертвовали собой, истощая всѣ усилія ума и физической силы, превозмогая жажду, усталость.... Грустно, однако же, подумать, что не всѣ одинаково были одарены силами душевными.... Впрочемъ, трудно найти массу людей одинаково высокихъ духомъ, одинаково героевъ (1).

Лишь только началось общее отступленіе, приказано было Волынскому пѣхотному полку, еще не участвовавшему въ бою, прикрыть отступленіе; командиръ его, полковникъ *Трушовъ*, расположился съ полкомъ на возвышенномъ холмѣ, командовавшемъ мѣстностью, а начальникъ артиллеріи, генералъ-маіоръ *Кишинскій*, выставилъ, впереди волынцевъ, общую батарею въ тридцать орудій, изъ батарей менѣе пострадавшихъ въ бою. Правѣе стала гусарская бригада, на правомъ флангѣ которой были казаки. Это были послѣднія наши войска, еще не участвовавшія въ бою, они должны были спасти артиллерію отъ пораженія.

Англичане, занявъ правый флангъ и центръ бывшей нашей позиціи, начали было преслѣдовать отступавшихъ. Кавалерійская бригада лорда *Кардигана*, такъ пострадавшая въ послѣдствіи, въ дѣлѣ подъ Балаклавою (13-го октября 1854 года), была тогда въ блестящемъ видѣ: перейдя рѣчку Альму, она примкнула къ лѣвому флангу бригады *Колинъ-Кэмбеля*, и, вмѣстѣ съ конною артиллеріею, двинулась впередъ. Гвардейская бригада *Бентинка* и части дивизіи *Эванса* и *Каткарта* поддерживали ее сзади; конная артиллерія открыла огонь по нашимъ войскамъ, но, по

1) Смотри статью генералъ-маіора Вуича. *Авт.* Статья эта помѣщена ниже. *Ред.*

причинѣ отдаленности ихъ, выстрѣлы были безвредны; когда же, подвинувшись впередъ, они замѣтили нашъ аріергардъ, твердо стоявшій на высотахъ, и когда орудія его открыли батальный огонь, англичане остановились и прекратили наступленіе.

Такимъ образомъ, аріергардъ далъ возможность главнымъ силамъ отойти безпрепятственно за рѣчку Качу, куда и самъ прибылъ къ девяти часамъ вечера.

Сраженіе окончилось незначительнымъ въ сущности происшествіемъ, но до того выходящимъ изъ ряда всего обыкновеннаго, что объ немъ много говорили. Это было въ то время, когда аріергардъ нашъ занималъ позицію; двѣ конныя французскія батареи изъ резерва выѣхали впередъ и приготовились встрѣтить ожидаемую атаку русской кавалеріи. Какая-то карета, запряженная тройкою лошадей, выѣхала изъ балки, въ полуверстѣ отъ французовъ и, замѣтивъ непріятелей, быстро повернула и помчалась къ своимъ; за нею понесся командиръ батареи капитанъ *Ла-Бусиньеръ* (1) съ 20-ю конными артиллеристами и, воображая, что это курьеръ изъ Севастополя, во что бы то ни стало старался нагнать карету, которую и настигъ уже въ какихъ нибудь пятидесяти саженяхъ отъ нашихъ эскадроновъ, не могшихъ подать ей никакой помощи, такъ какъ вся эта сцена происходила въ балкѣ и съ нашей стороны не была видна. Въ каретѣ было пять человѣкъ, защищавшихся пистолетами и не сдававшихся въ плѣнъ. Французы, раня одного изъ находившихся въ экипажѣ, повернули лошадей и отвезли плѣнниковъ въ главную квартиру. Говорятъ, что эта карета принадлежала князю *Меншикову*, и что въ ней находилось нѣсколько важныхъ бумагъ, послужившихъ въ пользу союзникамъ. Едва ли это справедливо, потому что свѣдѣнія *Сентъ-Арно* о состояніи нашихъ войскъ остались также неосновательны, какъ и были, и, сверхъ того, если-бъ въ каретѣ дѣйствительно найдены были какія либо интересныя бумаги, *Сентъ-Арно* не умолчалъ бы о подобномъ важномъ обстоятельствѣ въ сво-

(1) Такъ разсказываетъ баронъ *Базанкуръ*. (L'expédition de Crimée Tome I).

емъ журналѣ. Говорятъ еще, что въ каретѣ были нарочно-оставлены фальшивыя бумаги, съ преувеличенными свѣдѣніями о нашихъ войскахъ: будто бы, между прочимъ, тамъ находилось донесеніе, въ которомъ сказано, что въ Крыму сто тысячъ войска и еще ожидаютъ столько же.

Неосновательность этого факта очевидна: чье нибудь пылкое воображеніе создало эту фантазію, быстро распространившуюся въ народѣ, какъ распространяются обыкновенно всѣ нелѣпости (¹).

На ночь, непріятель, расположился бивуаками на позиціи, которую войска наши оросили своею кровью и, наконецъ, должны были покинуть. Поле сраженія осталось въ рукахъ союзниковъ, и какое поле! Тысячи убитыхъ и раненыхъ русскихъ, французовъ, англичанъ, покрывали землю, облитую ихъ же кровью; нѣкоторые изъ раненыхъ, въ предсмертныхъ судорогахъ, приветавали и, пройдя нѣсколько шаговъ, съ криками падали на землю: другіе скрежетали зубами, плакали, стонали, такъ что отъ однихъ этихъ звуковъ, выражавшихъ сверхъ-естественныя страданія, вздрогнуло бы и окаменѣлое сердце.

Но какъ ни поразительна эта картина, картина всякаго отступленія послѣ битвы бываетъ еще поразительнѣе; нельзя безъ содраганій слушать разсказы очевидцевъ, воображеніе которыхъ, пораженное этими сценами, воспроизводитъ даже отдѣльные эпизоды ихъ со всѣми подробностями.

Вплоть до рѣки Качи, видѣлись слѣды отступленія нашей арміи, растроенной и кровавою битвою, и огромными потерями. За отступавшими полками тащилась, какъ обыкновенно, длинная вереница раненыхъ солдатъ: иные изъ нихъ шли опираясь на ружье, какъ на костыль, другіе подвигались ползкомъ, третьи, пройдя и проползя нѣсколько шаговъ, въ слѣдъ за казаками, прикрывавшими

(¹) Что взята была французами какая-то карета, это не подлежитъ сомнѣнію; но принадлежала-ли она князю *Меншикову*—это неизвѣстно. *Авт.* Объ этой каретѣ см. показанія Яковлева и Таторскаго, помѣщенныя въ книгѣ „Современные разсказы“ Скальковскаго. *Ред.*

отступленіе, падали замертво и умирали въ изнеможеніи, въ лужахъ крови.

«Зрѣлище, говоритъ очевидецъ, было ужасное, поразительное, отъ котораго человѣку съ слабыми нервами легко было помѣшаться». И, дѣйствительно: можно ли равнодушно смотрѣть, какъ сотни изувѣченныхъ, изуродованныхъ, едва дышавшихъ, безсознательно тащились, кто какъ могъ, въ слѣдъ за своими, издавая на каждомъ шагу страшные, невыносимые вопли.... Но это неизбѣжныя послѣдствія войны.

Иные солдаты имѣли по нѣскольку ранъ, нѣкоторые по 6-ти и 7-ми во всѣхъ частяхъ тѣла, всѣ, по большей части, отъ штуцерныхъ пуль.

Смертельныя воспаленія и антоновъ огонь открывались на каждомъ шагу у раненыхъ; ихъ мучила страшная жажда; но ни воды, ни помощи взять было не откуда: отступающая армія не оставляетъ за собою ни докторовъ, ни фельдшеровъ, ни телѣгъ....

Раненые должны были заботиться о себѣ сами; полы шинелей и изорванныя рубахи замѣняли бинты; снявъ съ себя одежду, перевязывали они себя сами, кто какъ могъ, дрожащими отъ страданій руками, жалобно моля каждаго проходившаго о помощи, не замѣчая, что и проходящій самъ точно также пользуется послѣднею искрою жизни, чтобы добресть до своихъ и отдать Богу душу въ кругу земляковъ.

Трудно составить себѣ понятіе о томъ, что должны были выстрадать въ это время эти несчастные, но еще труднѣе объяснить ту изумительную твердость и терпѣніе, съ которыми переносили они эти неизобразимыя страданія.

Геройскія усилія, которыя дѣлали они, чтобы не отстать отъ своихъ, были, по истинѣ, невѣроятны; такъ напримѣръ, одинъ изъ нихъ, съ оторванною рукою, на мѣстѣ которой оставались только обрывки рукава шинели, въ другой рукѣ тащилъ ружье и еще помогалъ товарищу, жесточе его раненому; другой, съ раздробленною ногою, болтавшеюся по произволу, бодро тащился, опираясь на

свое ружье; иной, также съ помощью ружья, подвигался впередъ на пяткахъ, такъ какъ пуля пролла черезъ ступни обѣихъ ногъ, оторвавъ на нихъ пальцы; иной, раненый въ голову, изъ которой сочилась кровь и, запекшись на лицѣ, покрывала его какъ корою, съ помутившимися отъ мученій глазами, направлялъ шаги свои по слуху, безпрестанно оступался и падалъ, каждый разъ страшно вскрикивая, но снова приподнимался и снова тащился впередъ... И сколько подобныхъ подвиговъ, исполненныхъ необычайнаго мужества, истиннаго геройства, остались незамѣченными!

Все это двигалось за полками, оставляя за собою непрерывные слѣды крови, наполняя воздухъ страшными воплями, на каждомъ шагу призывая Бога на помощь.

Но не будемъ останавливаться на подобныхъ сценахъ; даже разсказъ о нихъ слишкомъ сильно дѣйствуетъ на сердце, а война, всегда требуя кровавыхъ жертвъ, всегда будетъ представлять подобныя зрѣлища.

Офицерскія и часть казачьихъ лошадей отданы были раненымъ, но лошадей было слишкомъ мало, и очень многіе изъ раненыхъ, не будучи въ состояніи сдѣлать никакого движенія, остались на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вражій снарядъ или штыкъ поразили ихъ.

Уже совершенно стемнѣло, когда войска наши пришли на позицію. Кавалерія осталась позади наблюдать за непріятелемъ и для подобранія раненыхъ, остававшихся еще на полѣ и отступавшихъ по одиночкѣ и малыми партіями. Нѣкоторые изъ начальниковъ Севастополя, въ томъ числѣ генералъ-адъютантъ *Корниловъ* и подполковникъ *Тотлебенъ*, ночью пріѣхали къ главнокомандующему.

Бивуакъ нашъ представлялъ мрачную картину. Огней не раскладывали, и только блѣдные лучи луны, по временамъ прорываясь сквозь тучи, освѣщали унылыя лица и группы солдатъ, собравшихся не для того, чтобы потолковать другъ съ другомъ, а для совершенія молитвы надъ только что умершимъ товарищемъ, или чтобъ перекрестить тѣло любимаго начальника... Кое-гдѣ, въ сторонѣ, слышался гробовой голосъ грамотнаго солдата, читавшаго отходную

надъ землякомъ, быть можетъ надъ другомъ, надъ братомъ... Монотонный прибой его заглушался иногда рѣзкими, иногда глухими и подавленными стонами раненыхъ, лежавшихъ всюду. Пробѣгавшій по временамъ вѣтеръ переносилъ съ одного конца бивуака къ другому звуки молитвы, предсмертные стоны и шопотъ фельдфебелей, сбиравшихъ свои роты и считавшихъ живыхъ. Въ эту торжественную ночь никто не рѣшался говорить громко, и если было нужно, то не иначе какъ шопотомъ спрашивали о товарищахъ, землякахъ, родныхъ, за нѣсколько часовъ тому назадъ живыхъ и бодрыхъ. Смерть замѣтными шагами ходила по берегамъ Альмы, принося съ собою облегченіе и покой страдальцамъ, съ такими мученіями ожидавшимъ ее!

Никто, однакоже, не падалъ духомъ и всѣ снова готовились вступить въ бой, теперь уже съ жаждою мести, потому что будущее рисовалось въ такихъ краскахъ, что смерть казалась единственнымъ спасеніемъ отъ тяготившихъ душу мрачныхъ предчувствій.

Вся ночь на 9-е (21-е) сентября прошла въ собраніи свѣдѣній о потерѣ и въ раздумываніи о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Потеря наша была огромная; нѣкоторые полки такъ пострадали, что, не имѣя ни начальниковъ, ни офицеровъ, едва могли быть выведены въ строй. Изъ полковъ въ особенности пострадали: Владимірскій и Великаго Князя Михаила Николаевича, Минскій и Московскій полки. Особенно чувствительны были потери въ начальникахъ; изъ строя выбыли пять генераловъ, именно: генералъ-лейтенантъ *Квицинскій* и генералъ-маіоръ *Куртьяновъ;* ранены: генералъ-маіоры *Гогиновъ* и *Щелкановъ*; оба раненые попались въ плѣнъ; генералъ-маіоръ *Кишинскій* контуженъ; 23 штабъ-офицера, въ томъ числѣ командиры полковъ: Владимірскаго—полковникъ *Ковалевъ*, Великаго Князя Михаила Николаевича — полковникъ *Селезневъ* и Минскаго — полковникъ *Приходкинъ*, и болѣе 150 оберъ-офицеровъ; число же нижнихъ чиновъ, убитыхъ и раненыхъ, опредѣлить на мѣстѣ

было рѣшительно невозможно (¹). Оказывалось, что вся вообще потеря была такъ велика, что нужно было благодарить судьбу за то, что насъ не преслѣдовали при отступленіи; помышлять о новомъ сраженіи съ непріятелемъ было рѣшительно безумiемъ, хотя на Качѣ и представлялась весьма удобная позиція. Прежде чѣмъ рѣшиться принять бой, надо было подумать о томъ, чтобы привести войска въ какой-либо порядокъ, нужно было пополнить истраченные боевые запасы, назначить новыхъ начальниковъ и т. п.

Какъ ни ужасны были результаты альминской битвы, однакоже они, отчасти, не могли быть неожиданны; ибо съ той минуты, когда сдѣлалось извѣстнымъ число непріятельскихъ войскъ, необходимо было оставить убѣжденіе въ возможности разбить ихъ, наличными тогда въ Крыму, нашими силами; всѣ усилія наши должны были клониться къ тому, чтобы, нанеся непріятелю сколь возможно большій вредъ при первой встрѣчѣ, отступить въ такомъ видѣ, чтобы онъ могъ опасаться встрѣтить въ нашемъ корпусѣ значительное сопротивленіе. Тогда мы успѣли бы оправиться и усилиться войсками, спѣшившими, хотя и въ незначительныхъ силахъ, къ намъ на подкрѣпленіе.

Цѣль эта не была достигнута, потому что мы встрѣтили въ непріятельской арміи совершенно неожиданное для насъ обиліе штуцерныхъ, открывавшихъ всегда столь губительный огонь, и съ такого дальняго разстоянія, что всѣ наши усилія поразить его напоромъ большихъ массъ войскъ были тщетны, а между тѣмъ, при сравнительно слабомъ вооруженіи нашей арміи, это былъ единственно возможный для насъ способъ дѣйствія.

Къ концу боя, почти всѣ войска были въ боевой линіи, и оставалось только нѣсколько свѣжихъ батальоновъ, готовыхъ сразиться съ непріятелемъ, но не могшихъ остановить его стремительнаго напора, такъ что, еслибы непріятель не остановился на занятой позиціи и сталъ бы

(¹) Потеря могла быть опредѣлена только по приходѣ въ Севастополь; оказалось, что она была слишкомъ 5,700 человѣкъ.

преслѣдовать отступающихъ, то, по всей вѣроятности, армія наша была бы разстроена окончательно и побѣда непріятеля была бы полная.

Но маршалъ *Сентъ-Арно* не умѣлъ воспользоваться выгодами, такъ дорого купленными его войсками. Допустивъ нашихъ безпрепятственно отступить за Качу и тамъ нѣсколько оправиться, онъ лишилъ себя возможности довершить начатое пораженіе нашей арміи, и, при наступленіи, долженъ былъ снова атаковать сильную позицію, гдѣ неминуемо встрѣтилъ бы самое упорное сопротивленіе.

Не входя въ разборъ причинъ, побудившихъ союзниковъ ограничиться занятіемъ только уступленной съ боя позиціи, нельзя не сказать, что благодѣтельная для насъ нерѣшительность ихъ была намъ чрезвычайно полезна, и положеніе нашей арміи, хотя и затруднительное, не было, однако же, таково, чтобы можно было отчаяваться. Правда, непріятели были гораздо сильнѣе насъ, но потеря въ сраженіи была для нихъ такъ же чувствительна, какъ и наша для насъ. Армія наша могла еще драться, если не съ успѣхомъ, то, по крайней мѣрѣ, могла надѣяться пріостановить побѣдоносное шествіе союзниковъ, такъ что главнѣйшее затрудненіе наше заключалось въ неизвѣстности дальнѣйшихъ предпріятій союзниковъ, отъ которыхъ зависѣли всѣ наши дѣйствія.

Послѣ сраженія непріятель могъ идти прямо на Севастополь, или перемѣнить направленіе, и идти на Симферополь и Бахчисарай. Три эти пункта имѣли каждый для насъ большую важность: въ первомъ — важнѣйшемъ городѣ Крыма, находились всѣ наши боевые запасы, флотъ, доки, адмиралтейство, множество морскихъ сооруженій и огромное количество запасовъ для флота; въ другихъ 2-хъ пунктахъ находились запасы провіанта, хотя весьма скудные, но единственные источники продовольствія войскъ. Слѣдовательно, занятіе непріятелемъ каждаго изъ этихъ пунктовъ было бы для насъ одинаково плачевно; сверхъ того, съ занятіемъ Симферополя и Бахчисарая, войско наше было бы отрѣзано отъ сообщеній съ Россіею, не

говоря уже о невыгодномъ нравственномъ впечатлѣніи, какое произвело бы оно на татарское населеніе, скопившееся въ большихъ массахъ къ Бахчисараю и глухо волновавшееся (1).

Трудно было извернуться въ подобныхъ обстоятельствахъ: принять сраженіе на Качѣ было невозможно, отступить къ которому нибудь изъ названныхъ пунктовъ было также опасно. Князь *Меншиковъ* рѣшился отступить къ Севастополю и быть, въ то же время, въ такомъ разстояніи отъ Бахчисарая, чтобы успѣть во-время поспѣть туда, въ случаѣ наступленія непріятеля. Съ этою цѣлью отдано подполковнику *Тотлебену* приказаніе осмотрѣть мѣстность по сѣверную сторону рейда и выбрать фланговую, подъ угломъ къ рейду, позицію.

Въ эту же ночь положено было принять самыя рѣшительныя мѣры для обороны Севастополя, въ слѣдствіе чего отдано было генералъ-адъютанту *Корнилову* приказаніе затопить у входа въ рейдъ самыя старыя изъ нашихъ судовъ, а экипажи кораблей употребить на защиту города. Мѣра эта, какъ говорятъ сами французы (2)—была ли она свѣтлою, геніальною мыслью, или явилась въ слѣдствіе внезапной рѣшимости въ крайнюю минуту—имѣла самыя важныя послѣдствія и огромное вліяніе на ходъ всей крымской войны.

Едва начало свѣтать, 9-го (21) сентября, какъ войска наши, въ нѣкоторомъ уже порядкѣ, построившись въ обыкновенныя походныя колонны, побатальонно, быстро двинулись къ Бельбеку, небольшой рѣчкѣ, протекающей почти параллельно Качѣ и Альмѣ, въ направленіи отъ запада къ востоку, и впадающей въ море, въ разстояніи 8-ми верстъ отъ Качи (3).

В. Л. Левчевскій.

(1) Статья генералъ-маіора Вуича, „Военный Сборникъ“ 1858 г. № 3.
(2) Guérin, „Histoire de la dernière guerre de Russie“.
(3) Иллюстрація 1860 г, № 140—142.

Отрывокъ изъ статьи: Нѣсколько замѣчаній очевидца на составленные капитаномъ генеральнаго штаба Аничковымъ „Военно-историческіе очерки крымской экспедиціи".

Изданные на дняхъ капитаномъ *Аничковымъ* «Военно-историческіе очерки крымской экспедиціи», безъ сомнѣнія, вполнѣ заслуживаютъ лестнаго объ нихъ отзыва въ «Русскомъ Инвалидѣ», вниманія и одобренія публики, по отчетливому и безпристрастному изложенію фактовъ, собранныхъ не безъ особенныхъ трудовъ. Отдавая такимъ образомъ должную справедливость г. автору, не могу однако же, какъ очевидецъ и лицо дѣйствовавшее, воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній и дополненій сихъ «Очерковъ» обстоятельствами, необходимыми для основательнаго заключенія по описаннымъ происшествіямъ. (1)

(1) Для лучшаго уясненія какъ этой, такъ и послѣдующихъ статей, помѣщенныхъ ниже на страницахъ Сборника, считаемъ не лишнимъ привести описаніе сраженія на рѣкѣ Альмѣ сдѣланное капитаномъ *Аничковымъ*. Вотъ оно:

«Сраженіе началось, пишетъ *Аничковъ*, въ полдень, атакою высотъ лѣваго фланга нашей позиціи. Въ то же время съ непріятельскаго флота, стоявшаго у мыса Лукулла, открытъ былъ сильнѣйшій огонь, и, не смотря на то, что лѣвый флангъ нашъ отстоялъ на двѣ версты отъ моря, снаряды огромнаго калибра начали поражать войска наши. Подъ покровительствомъ этого огня, слѣдовавшая въ головѣ дивизіи *Боске* бригада *д'Отмара*, имѣя впереди 3-й полкъ зуавовъ, перешла долину р. Альмы, близъ ея устья, и по едва замѣтной тропинкѣ быстро взобралась вдоль узкаго оврага на высоты; 2-я бригада, той же дивизіи, *Буа*, долго еще оставалась внизу, не будучи въ состояніи преодолѣть встрѣчаемыя ею мѣстныя препятствія. Такимъ образомъ положеніе *д'Отмара* начинало становиться опаснымъ, но въ это время принцъ *Наполеонъ* атаковалъ селеніе Альма-Тамакъ, а *Канробера* высоты, лѣвѣе его лежащія. Въ садахъ и виноградникахъ, которыми усѣяна долина Альмы, загорѣлся кровопролитный бой. Тарутинскій полкъ и батальоны резервныхъ бригадъ 13-й пѣхотной дивизіи, тѣснимые съ фронта превосходными въ силахъ непріятелемъ и съ фланга поражаемые огнемъ морской артиллеріи, находились въ затруднительномъ положеніи.

Какъ только появленіе *Боске* на высотахъ начало угрожать нашему лѣвому флангу, то на поддержаніе 2-го Минскаго батальона направлены сначала два батальона Московскаго пѣхотнаго полка и 4-я легкая батарея 17-й артиллерійской бригады, а въ слѣдъ затѣмъ остальные два батальона помянутаго полка и легкая № 5 батарея той же бригады.

Между тѣмъ, замѣтивъ опасное положеніе бригады *д'Отмара* на высотахъ, *Сентъ-Арно* подкрѣпилъ дивизію *Боске*, изъ резервной дивизіи *Форе*, бригадою *Аурмеля*. Другая бригада той же дивизіи (*д'Орель*) направлена въ то же время на помощь къ *Канроберу*. Артиллерійскій резервъ *Ронжу* выдвинутъ въ боевыя линіи.

Такимъ образомъ усилія четырехъ французскихъ дивизій, сопровожда-

Мѣстность на планѣ сраженія при Альмѣ изображена не совершенно сходно съ натурою: всѣ высоты центра и нашего праваго фланга на планѣ слишкомъ низки и приближены къ рѣчкѣ. Батарейная батарея 16-й бригады по-

мыхъ 70 орудіями, обратились противу слабѣйшей части нашей позиціи: лѣваго ея фланга. Дивизія *Боске*, усиленная бригадою *Лурмеля*, успѣла взвести на высоты свою артиллерію и выстроилась въ боевой порядокъ. Войска *Канроберъ* и принца *Наполеона* начали также взбираться на возвышенія.

Не смотря на то, войска нашего лѣваго фланга, подкрѣпленныя изъ общаго резерва еще тремя батальонами Минскаго полка, двумя Донскими и конно-легкою № 12 батареями, съ частью гусарской бригады, мужественно удерживали напоръ превосходнаго въ силахъ непріятеля, до тѣхъ поръ, пока центръ и правый флангъ не были вынуждены предпринять общее отступленіе (а).

Между-тѣмъ, кровавый бой кипѣлъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ нашего расположенія. Англичане, по приближеніи къ нашей позиціи, встрѣчены были смертоноснымъ огнемъ 6-го стрѣлковаго, своднаго морскаго и 6-го сапернаго батальоновъ, но, не смотря на то, стройно продолжали наступленіе. Артиллерія ихъ, скрываясь за дымомъ загорѣвшейся отъ выстрѣловъ деревни Бурлюкъ, подъѣхала къ садамъ и открыла по нимъ картечный огонь. Стрѣлки наши принуждены были къ отступленію на лѣвый берегъ Альмы, причемъ мостъ на большой дорогѣ былъ сломанъ саперами въ 32 минуты, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля (б). Англичане, замѣтивъ разрушеніе моста, поспѣшили исправить его, въ чемъ, впрочемъ, не предстояло особенной надобности, ибо, какъ выше сказано, рѣка вездѣ удобопроходима въ бродъ.

Пожаръ, распространившійся въ улицахъ Бурлюка, чрезвычайно стѣснялъ движеніе англичанъ черезъ Альму. Дивизія *Леви-Эваиса* обошла горѣвшее селеніе. Первые два полка 1-й бригады *Адамса*, 41 и 47, двинулись правѣе, 3-й же полкъ этой бригады, 49-й и вся вторая бригада *Пеннефетера* (полки 30, 35 и 95) лѣвѣе Бурлюка въ бродъ, въ то время какъ легкая дивизія *Броуна* бросилась въ виноградники, лежащіе между симъ селеніемъ и Тарханларомъ. Встрѣченная здѣсь страшнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, 1-я бригада сей дивизіи, г. *Кондригтона*, отброшена была назадъ, съ огромнымъ урономъ, большая часть составляющихъ ея 7, 23 и 33 полковъ легла на мѣстѣ, но въ эту критическую минуту, находившаяся во второй линіи, дивизія герцога *Кембриджскаго* бросилась на помощь разбитымъ войскамъ *Броуна* и, пройдя впередъ, вторично заняла виноградники.

Между тѣмъ генералъ отъ инфатеріи князь *Горчаковъ*, командовавшій атакованною англичанами частью боевыхъ линій, видя, что всѣ усилія непріятеля направляются на нашъ центръ, сдѣлалъ распоряженіе о подкрѣпленіи его частью войскъ праваго фланга, противъ котораго почти не было непріятеля.

(а) Здѣсь въ самое короткое время ранены командиры полковъ: Минскаго полковникъ *Приходкинъ* и Московскаго генералъ-маіоръ *Куртьяновъ*, а равно большая часть батальонныхъ и ротныхъ командировъ сихъ полковъ.

б) При семъ особенно отличились 6-го сапернаго батальона штабсъ-капитаны: *Ананичъ*, *Яницынъ*, поручикъ *Дьяченко*, прапорщики *Михалевъ*, *Бурлей* и 8-го запаснаго батальона Литовскаго егерскаго полка прапорщикъ *Друневичъ*.

казана на самомъ возвышеніи, тогда какъ она находилась у полугоры на площадкѣ. Она одна была прикрыта эполементомъ, а остальныя стояли открыто, кромѣ нѣсколькихъ орудій, предназначенныхъ въ укрѣпленіе, возведенное на крайней нашей правой оконечности, для усиленія его фланга. Легкія батареи № 1-го и 2-го 16-й бригады, показанныя на планѣ внизу у самой рѣчки и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ находившихся предъ ними виноградниковъ, съ самаго начала, въ числѣ 18-ти орудій (вмѣсто 24-хъ, для которыхъ не доставало удобнаго мѣста), стояли близъ большой дороги на отлогой, но довольно значительной возвы-

---

Съ этою цѣлью Угличскій полкъ придвинутъ для образованія за Владимірскимъ третьей линіи, а легкія № 3 и 4 батареи, 14-й артиллерійской бригады расположены близъ эполемента батарейной № 1-й батареи 16-й артиллерійской бригады; но войска герцога *Кембриджскаго*, преодолѣвая картечный огонь 36 орудій, бросились къ рѣкѣ. Гвардейская бригада *Бентинка*, свернувшись въ колонны, первая прошла въ бродъ черезъ Альму и, взобравшись на высоты, выстроилась вновь развернутымъ фронтомъ, открывъ губительный батальный огонь. Къ ней примкнули: съ правой стороны бригада *Пеннефетера*, а съ лѣвой—полки *Колина-Кэмбелла* (Highlanders).

Тогда генералъ *Горчаковъ*, собственнымъ примѣромъ ободряя войска, повелъ въ штыки егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича и Владимірскій пѣхотный полки, съ цѣлью сбросить непріятеля обратно къ рѣкѣ. Батальоны наши нѣсколько разъ брали ружья на руку и яростно бросались за храбрыми своими начальниками, но жестокій батальный огонь развернутыхъ англійскихъ батальоновъ и густой цѣпи штуцерныхъ, направленный преимущественно по офицерамъ и артиллерійской прислугѣ, въ самое короткое время, лишалъ войска и начальниковъ, и содѣйствія артиллеріи.

Начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Кашинскій*, оба бригадные командиры той же дивизіи, генералъ-маіоры *Щелкановъ* и *Гончиковъ* полковые командиры, полковники *Селезневъ* и *Ковалевъ*, а равно почти всѣ батальонные и ротные командиры были или убиты, или ранены. Подъ генераломъ отъ инфантеріи княземъ *Горчаковымъ* убиты двѣ лошади, а шинель его пронизана пулями. Владимірскій полкъ потерялъ 49 офицеровъ и до 1,500 человѣкъ нижнихъ чиновъ; артиллерія не могла дѣйствовать по недостатку прислуги.

Такимъ образомъ значительный перевѣсъ непріятеля въ силахъ и превосходство его вооруженія сдѣлали тщетными всѣ геройскія усилія нашихъ войскъ. Англичане тѣснили ихъ съ фронта, французы угрожали лѣвому флангу. Въ такомъ положеніи, дабы не быть отрѣзаннымъ отъ Севастополя, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ приказалъ князю Горчакову отвести войска нашего центра и праваго фланга на заднюю гряду возвышеній, куда отошли также и войска лѣваго фланга, выдержавшаго напоръ четырехъ французскихъ дивизій до минуты общаго отступленія.

шенности, примѣрно въ 300 саженяхъ отъ моста, который, равно какъ и дорога, обстрѣливались продольно. Почему и лейбъ-егерскій Бородинскій полкъ былъ не сзади этой общей батареи, а на высотахъ и отлогости у ея лѣваго фланга.

Изъ словъ автора должно заключить, что центръ и правый нашъ флангъ отступили прежде лѣваго, тогда какъ, напротивъ того, эти войска оставались на мѣстѣ, доколѣ французы, занятіемъ высотъ, защищаемыхъ Бородинскимъ полкомъ, не стали слѣва угрожать центру.

„Дѣйствіе англійской артиллеріи, о коемъ упоминается, было вообще довольно слабо, но ихъ штуцерной огонь, дѣйствительно, лишилъ наши войска почти всѣхъ начальниковъ, а артиллерію—прислуги и лошадей.

Въ подкрѣпленіе центра былъ призванъ не Угличкій, а Суздальскій полкъ.

Упоминая о потерѣ, понесенной Владимірскимъ полкомъ, можно бы присовокупить, что изъ егерскаго Его Императорскаго Высочества Михаила Николаевича полка выбыло почти то же число, и что онъ держался не менѣе стойко (1).....

Кн П. Г.

Письмо къ редактору Русскаго Инвалида.

Въ № 46 издаваемой вами газеты, въ вашей реценэіи нововышедшей брошюры: «Военно-историческіе очерки крымской экспедиціи» генеральнаго штаба капитана *Анучкова*, вы цитировали слѣдующія строки изъ описанія имъ альмскаго сраженія: «Тогда генералъ *Горчаковъ*, собственнымъ примѣромъ ободряя войска, повелъ къ штыки егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича и Владимірскій пѣхотный полки, съ цѣлью сбросить непріятеля обратно къ рѣкѣ».

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1856 г. № 58. Окончаніе этой статьи относится до сраженія подъ Инкерманомъ и будетъ помѣщено въ своемъ мѣстѣ.

Не стану входить въ критическую оцѣнку брошюры г. *Анучкова*, которой достоинства вы разсматривали въ вашей рецензіи; не стану разсматривать различные фазы кровавой альмской драмы, но долгомъ считаю обратить ваше вниманіе на вышеприведенныя слова и показать, въ чемъ разсказъ г. *Анучкова* невѣренъ ходу совершившихся событій.

Какъ самый близкій очевидецъ альмскаго дѣла, принимавшій дѣятельное участіе въ немъ, по званію начальника 16-й пѣхотной дивизіи, я постараюсь пояснить ходъ борьбы на правомъ флангѣ, которымъ командовалъ генералъ отъ инфантеріи князь *Горчаковъ*.

Когда жаркая канонада загорѣлась на лѣвомъ крылѣ, и князь *Меншиковъ* поѣхалъ туда, чтобъ лично разсмотрѣть положеніе дѣлъ, князь *Горчаковъ* и я находились на курганѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ эполемента батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады, куда въ послѣдствіи, распоряженіемъ его сіятельства, были придвинуты легкія № 3-го и 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады. Между тѣмъ, массы англійскихъ войскъ направлялись на полкъ Великаго Князя Михаила Николаевича; батареи нашей первой линіи открыли губительный огонь. Ядра и гранаты проводили кровавыя борозды въ рядахъ враговъ, но они снова смыкались и съ новою силою, подъ прикрытіемъ густой цѣпи штуцерныхъ и батареи, поставленной за дымившимися развалинами деревни Бурлюка, выстраивались и спѣшили форсировать переправу. Полкъ Великаго Князя Михаила Николаевича храбро встрѣтилъ ихъ, но, разстроенный губительнымъ огнемъ и потерявъ страшную массу людей, принужденъ былъ уступить напору враговъ вчетверо сильнѣйшихъ. Батарейная батарея была обнажена и принуждена взять на передки. Два орудія, гдѣ люди и лошади были перебиты, остались за эполементомъ. Уже англичане овладѣли имъ; уже знамя ихъ гордо развѣвалось на брустверѣ.... Минута была рѣшительная. Медлить было нельзя.... Спасеніе орудій требовало удара, и удара рѣшительнаго!.... Тогда я бросился къ батальонамъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, стоявшимъ во второй линіи, свернутымъ въ колонны къ атакѣ, и лично повелъ на

дѣло чести!... Атака была стремительна. Храбрые владимірцы, презирая градъ пуль, осыпаемые выстрѣлами англійской батареи, молодецки, какъ на ученьи, шли впередъ, взявъ ружья на руку, ведомые достойными начальниками. Непріятель дрогнулъ и бѣжалъ съ занятой имъ батареи, не дождавшись удара русскаго штыка. Цѣль была достигнута: орудія снова были въ нашихъ рукахъ. Продолжать наступленіе съ Владимірскимъ полкомъ я не рѣшился, не имѣя близко резерва, на который, въ случаѣ неудачи, могъ бы опереться. Англичане, отступя отъ батареи, шаговъ на 300, открыли сильный батальный огонь; новыя массы подходили на помощь къ нимъ; я приступилъ къ спасенію орудій, но усилія были тщетны, по тяжести батарейныхъ орудій и по большой убыли въ рядахъ владимірцевъ: а потому я и принужденъ былъ ограничиться перестрѣлкою. Съ жаромъ закипѣла она. Близость непріятеля уравновѣшивала жребій борьбы. Ружейные выстрѣлы храбрыхъ владимірцевъ достойно соперничали въ мѣткости съ англійскими штуцерами и карабинами Минье. Но страшное скопленіе непріятельскихъ силъ дѣлало положеніе мое опаснымъ. Лѣвый флангъ началъ уже подаваться и обнажать лѣвое мое крыло. Приказанія отступать я не получалъ: между тѣмъ подкрѣпленія, за которыми посланы были мои адъютанты, не подходили. Одинъ изъ адъютантовъ моихъ былъ раненъ, другой, хотя и контуженный, объявилъ, что войска уже отступаютъ. Тогда съ лѣвой стороны эшелемента подошелъ ко мнѣ князь *Горчаковъ* и объявилъ, что подъ нимъ убита лошадь, и что въ Его Высочества полку, при которомъ онъ былъ, перебиты всѣ начальники. По удаленіи князя, я все еще продолжалъ твердо держаться на занятой позиціи. Владимірцы употребляли послѣднія геройскія усилія: ряды ихъ рѣдѣли; начальники или пали смертію храбрыхъ, или отнесены тяжело ранеными; но и непріятель понесъ не менѣе чувствительную потерю: весь склонъ возвышенности, отъ эшелемента къ рѣкѣ, былъ усѣянъ трупами. Наступалъ переломъ боя, который я предчувствовалъ. Англичане переправили выше три колонны и угрожали обходомъ праваго моего фланга. Слѣва французы,

сломивъ лѣвое крыло наше, спѣшили на помощь союзникамъ, усилія которыхъ разбивались предъ геройскою стойкостью владимірцевъ. Французская батарея снялась противъ лѣваго фланга моего расположенія, и продольными выстрѣлами начала громить рѣдкіе ряды колоннъ владимірцевъ; шедшія сзади ея колонны спѣшили отрѣзать намъ путь отступленія. Поражаемый съ трехъ сторонъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, полкъ не дрогнулъ; это былъ послѣдній вздохъ героевъ. Полковой, батальонные и ротные командиры были перебиты. Тогда я увидѣлъ, что нужно было уже отказаться отъ спасенія орудій: честь требовала спасти святыню полка—знамена. Положеніе было критическое. Англичане и французы стали уже огибать фланги. Севастопольская дорога слѣва была уже отрѣзана. Тогда-то я отдалъ приказаніе отступать, подкрѣпивъ цѣпь. Для прикрытія отступленія, я поручилъ оную поручику *Брестовскому*. Лишь только горсть храбраго полка начала отступленіе, какъ подо мною убита лошадь; въ слѣдъ за тѣмъ я раненъ въ ногу. Уже на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ ружей, отдавалъ я послѣднее приказаніе поручику *Брестовскому*—отступать своевременно, показывая вправо на обходившія англійскія колонны: въ это время пуля окончательно повергла меня, раздробивши лѣвую руку и ребро. Вотъ картина этого кроваваго дня, вотъ истинный ходъ дѣла, гдѣ храбрые владимірцы покрылись лаврами. Не уменьшая заслугъ князя *Горчакова*, бывшаго моего многоуважаемаго начальника, ни личной его храбрости, показанной имъ въ событіяхъ этого дня, долгомъ считаю повторить, что честь вести Владимірскій полкъ въ штыки—принадлежитъ мнѣ. Не ложное самолюбіе заставило меня написать эти строки—оно недостойно званія воина—а строгая истина. Много еще осталось живыхъ свидѣтелей этого боя изъ офицеровъ Владимірскаго пѣхотнаго полка. Самъ князь *Горчаковъ* можетъ подтвердить истину моихъ словъ. Факты говорятъ за себя. Затѣмъ прошу васъ, милостивый государь, Петръ Семеновичъ, передать мои замѣчанія автору «Военно-историческихъ очерковъ крымской экспедиціи», который, какъ благонамѣренный и безпристрастный

историкъ современныхъ событій, не откажется принять ихъ отъ инвалида этого достопамятнаго боя (1).

Прошу принять и пр. Подписалъ: *Онуфрій Квицинскій.*

(Бывшій начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи.)

Москва, 16-го марта 1856 года.

Замѣча́нія на предъидущую статью (2).

М. Г.

Петръ Семеновичъ.

Въ письмѣ, помѣщенномъ въ 84-мъ нумерѣ издаваемаго вами «Русскаго Инвалида», генералъ-лейтенантъ *Квицинскій*, ссылкою на меня, вынуждаетъ вновь приняться за перо.

Чтобы безошибочнѣе оцѣнить мѣру, принятую генералъ-лейтенантомъ *Квицинскимъ* на себя, надлежитъ съ точностію вникнуть въ сущность происходившаго, и положительнѣе, чѣмъ въ его письмѣ, опредѣлить мѣстность каждаго случая, различить періоды битвы и постепенность ея хода. Это вовлекаетъ меня невольно въ разсказъ о собственныхъ распоряженіяхъ, какъ лица, начальствовавшаго на всемъ пространствѣ, правѣе большой дороги, вопреки желанія моего избѣгать подобныхъ о себѣ повѣствованій, для читателей болѣе или менѣе сомнительныхъ.

На основаніи предполагаемаго мною разбора, приступаю къ слѣдующему:

По приказанію главнокомандовавшаго, князя *Меншикова*, войска при р. Альмѣ были расположены частію по высотамъ съ лѣвой ея стороны, частію внизу, по отлогому скату, съ сильнымъ занятіемъ стрѣлками садовъ и различныхъ строеній на противоположномъ берегу. Намѣреніе его свѣтлости было удерживать зарѣчную часть только по удобности, а въ упорное сопротивленіе вступить предпочтительно у самой переправы. Въ этихъ видахъ были по-

(1) „Русскій Инвалидъ" 1856 года № 84.

(2) Письмо это получено редакторомъ «Русскаго Инвалида» отъ князя Петра Дмитріевича Горчакова.

ставлены 18-ть легкихъ орудій близъ дороги, саженяхъ въ 300 отъ моста, обстрѣливаемаго ими продольно, и 12 батарейныхъ, правѣе, на полугорѣ за эполементомъ, съ тѣмъ, чтобы ими прямо на бродъ дѣйствовать картечью, а на мостъ косвенно ядрами. Внизу, между этими батареями, стояли: сводный морской батальонъ, егерскій Его Императорскаго Высочества Михаила Николаевича полкъ и два Владимірскіе батальона. Мостъ непосредственно охраняли двѣ роты саперовъ. Всѣ эти войска, равно какъ и остальныя, имѣвшія передъ собою цѣпь застрѣльщиковъ, гдѣ требовалось, были выстроены въ батальонныя колонны къ атакѣ, кромѣ части Суздальскаго полка, стоявшей въ колоннахъ ротныхъ. Это распоряженіе было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы воспользоваться неизбѣжнымъ разстройствомъ непріятеля при переходѣ черезъ рѣку, стремительнымъ ударомъ отбросить его назадъ, о чемъ всѣмъ было положительно приказано княземъ и мною частнымъ начальникамъ напоминаемо неоднократно.

8-го сентября, генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ*, усмотрѣвъ усиленное движеніе французовъ къ прибрежью и начавшееся уже тамъ дѣло, признавая свое присутствіе въ той сторонѣ необходимымъ, отправился къ морю, поручивъ мнѣ начальствованіе противъ англичанъ, только-что подходившихъ, и я остался на площадкѣ, близъ центральной батареи, откуда открывалась вся окрестность и можно было слѣдить за непріятельскими движеніями.

Англичане, подойдши на дальній пушечный выстрѣлъ, остановились, выслали густую цѣпь штуцерныхъ и открыли огонь своей артиллеріи, которую, впрочемъ, наши батареи заставили скоро замолчать. Подъ этимъ прикрытіемъ они выстроились въ двѣ линіи развернутымъ фронтомъ съ резервами, совершенно какъ показано на планѣ г. *Аничкова*; потомъ примѣтивъ, что ихъ лѣвая оконечность не равнялась съ нашей правой, зашли повзводно на лѣво, и, пройдя параллельно намъ саженъ на 200, какъ будто угрожая нашему правому флангу, снова выстроили фронтъ и начали наступленіе, сперва вытѣснивъ нашихъ стрѣлковъ, а затѣмъ и общимъ приближеніемъ къ рѣкѣ. Тогда извѣ-

тясь, что командиръ егерскаго Его Императорскаго Высочества полка убитъ, что отъ града штуцерныхъ пуль войска передовыя уже несутъ немалую потерю, и убѣдившись, что настало время дѣйствовать рѣшительно, я пригласилъ генерала *Кашинскаго* отправиться къ нимъ и всѣми ближайшими къ рѣкѣ частями ударить на непріятеля, когда онъ приступитъ къ переправѣ. Мѣсто, гдѣ я отдавалъ это приказаніе, указано вѣрно: но въ сущности нашего разговора вкралась нѣкоторая ошибка, и начальнику 16-й дивизіи я тутъ отдалъ только упоминаемое приказаніе, отнюдь не распространяясь объ убитой подо мною лошади, на которую не имѣлъ тогда еще случая и садиться (1); но чрезъ нѣсколько времени, не усматривая ожидаемаго мною успѣха, потому что непріятель, не взирая на сильный нашъ огонь и удачное дѣйствіе артиллеріи, приближался уже къ мосту и бродамъ и полки наши оставались на мѣстѣ, почелъ себя обязаннымъ лично отправиться къ наиболѣе угрожаемымъ мѣстамъ, дабы не упустить единственнаго случая уравновѣсить бой. Предупредивъ о семъ намѣреніи флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества полковника *Исакова*, и. по званію начальника штаба, возложивъ на него наблюденіе за правой частью позиціи, я поскакалъ впередъ, сперва къ егерямъ, твердо стоявшимъ подъ жестокимъ огнемъ, не взирая на огромную потерю. Здѣсь покусился я ихъ повесть впередъ на-штыки; но убѣдившись въ ихъ разстройствѣ отъ недостатка начальниковъ, оставилъ продолжать производимый ими батальный огонь, потомъ поѣхалъ къ цѣпи, и, наконецъ, обратился къ Владимірскимъ батальонамъ, бывшимъ лѣвѣе и впереди эполемента. Въ продолженіе этого времени переранены почти всѣ находившіеся при мнѣ и подстрѣлена подо мною лошадь, а уцѣлѣвшаго адъютанта моего, маіора *Дурново*, долженъ я былъ въ скорости послать за первыми встрѣчавшимися ему войсками для необ-

(1) Тудъ, очевидно, идетъ рѣчь о моментѣ, когда оба генерала, послѣ отъѣзда князя *Меншикова*, находились на курганѣ близъ эполемента, а не о встрѣчѣ ихъ у самаго эполемента, въ концѣ сраженія.

ходимаго подкрѣпленія. въ ожиданіи которыхъ. дабы сколько нибудь остановить англичанъ, уже перешедшихъ на нашу сторону. приказалъ я баталіону владимірцевъ взять на руку и повелъ лично. не встрѣтивъ здѣсь никого изъ ближнихъ начальниковъ, уже раненыхъ. Батальонъ за мною двинулся безъ выстрѣла; непріятель пріостановился. по шагахъ въ 150 отъ него, когда передъ головой колонны упалъ я вмѣстѣ съ убитой подо мною лошадью. владимірцы и съ своей стороны открыли батальный огонь. Тогда, замѣчая приближеніе поспѣшавшаго съ горы подкрѣпленія, уже пѣшій. пошелъ я къ этимъ свѣжимъ войскамъ. подошедшимъ къ площадкѣ. гдѣ прежде стояли батарейныя орудія. На ней не нашелъ я ни англичанъ. ни своихъ. кромѣ одной пушки безъ передка и прислуги, разставилъ людей по брустверу для принятія сильно тѣснимыхъ уже нашихъ передовыхъ войскъ, и остался при нихъ. пока сбитый и здѣсь. съ слабыми послѣдними частями направился къ большой дорогѣ. гдѣ, встрѣченный вопросами князя *Меншикова*. откуда иду пѣшій, одинъ и въ крайней усталости. отвѣчалъ я. что лошадь моя осталась близъ рѣки, а одинъ я потому что всѣ. бывшіе при мнѣ, переранены или сбѣжены. и что слѣды горячаго боя начертаны на моемъ платьѣ шестью пулями. Я показалъ это князю.

Изобразивъ мое участіе въ альминскомъ дѣлѣ, обращаюсь къ относящемуся до генерала *Квицинскаго*.

Положительно опредѣлить, въ какое время и около котораго мѣста генералъ *Квицинскій* раненъ. я не въ состояніи, потому что, единожды отдавъ ему приказаніе. я его уже болѣе не встрѣчалъ.

Приказанія отступить я. дѣйствительно, не даваль. усиливаясь личнымъ примѣромъ до послѣдней крайности удерживать ввѣренную моей оборонѣ позицію. и мнѣ казалось бы. что генералу *Квицинскому*, безъ моего согласія. не слѣдовало приступать къ столь важной мѣрѣ; но какъ это отступленіе *въ сущности* началось слѣва частными начальниками, когда французы стали насъ огибать. то этому движенію, уже необходимому, я не противился.

О томъ, когда центральная батарейная батарея. оста-

вленная мною еще въ полномъ дѣйствіи за эполементами. спялась. какими событіями это сопровождалось—не знаю. находясь все это время недалеко отъ моста, въ разгарѣ сраженія и среди облаковъ дыма. Я душевно сожалѣю. что. вѣроятно. рана помѣшала генералу *Квицинскому* послать за подкрѣпленіемъ, которое, по моему распоряженію. стояло за противоположнымъ скатомъ, въ 200 саженяхъ разстоянія отъ мѣста, гдѣ происходилъ бой. Затрудняюсь тоже объяснить себѣ и читателямъ, какія колонны оказались на правомъ флангѣ нашемъ; ибо англичане, единожды выстроившись въ обычный свой развернутый строй. сохраняли его до занятія оставленной нами позиціи. Засимъ того. чего лично не видалъ и положительно не знаю. не позволяю себѣ ни отвергать. ни подтверждать.

Примите. милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи (1).

Князь Петръ Горчаковъ.

С.-Петербургъ 20-го апрѣля 1856 года.

Новыя подробности о сраженіи при Альмѣ (2).

Въ фельетонѣ № 46-го издаваемой вами газеты. разбирая сочиненіе *г. Аничкова*, вы пришли къ выводу, что въ дѣлѣ безошибочнаго изслѣдованія современныхъ событій достаточно таланта, подобнаго тому, которымъ владѣетъ авторъ «Военно-Историческихъ очерковъ крымской экспедиціи». Не принимая на себя права входить въ диспутъ относительно того. въ какомъ отдаленіи по времени над-

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1856 г. № 101

(2) Редакція «Русскаго Инвалида» получила эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

«Слѣдя за издаваемою вами газетою, я счелъ долгомъ отозваться, такъ же какъ и генералы Квицинскій и князь П. Д. Горчаковъ, о томъ, чего былъ свидѣтелемъ въ альмскомъ дѣлѣ; изложивъ мои мнѣнія по сему предмету, въ прилагаемой при семъ статьѣ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, не отказать мнѣ въ помѣщеніи этой статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ», чѣмъ премного обяжете сохраняющаго къ вамъ уваженіе вашего покорнѣйшаго слуги, *В. Кирьякова.*

лежитъ историку быть отъ совершившагося факта. чтобы не погрѣшить противу исторической достовѣрности. не могу, однако, остаться безмолвнымъ, когда рѣчь идетъ о предметѣ. священномъ сердцу русскаго человѣка—о чести нашего солдата и славѣ отечественнаго оружія.

Г. Аничковъ, описавъ альмскій бой по реляціямъ и газетнымъ извѣстіямъ, не коснулся вовсе изслѣдованія. почему сраженіе 8-го сентября нами проиграно. тогда какъ. по моему убѣжденію. основанному на фактахъ. знаніи духа и стойкости войскъ, участвовавшихъ въ альмскомъ дѣлѣ. успѣхъ боя долженъ бы непріятелю обойтись гораздо дороже. Численностію мы. правда, были вдвое слабѣе враговъ. но за нами были выгоды мѣстности. Мы расположились въ весьма крѣпкой позиціи. и со 2-го по 8-е сентября имѣли время и способы сдѣлать ее почти недоступною.

Авторъ, не будучи участникомъ боя и не имѣвъ случая видѣть въ натурѣ альмскую позицію, не могъ, конечно, представить правильно и оцѣнки ни мѣстному элементу, ни тому, въ какой степени въ размѣщеніи нашихъ войскъ на позиціи тактическія условія согласовались съ мѣстными свойствами, и на сколько уклоненіе. въ томъ и другомъ случаѣ. отъ общихъ правилъ имѣло вліяніе на ходъ и результатъ боя. Эта точка воззрѣнія должна быть начальною для историка альмскаго сраженія, потому что въ размѣщеніи войскъ на позиціи кроются. съ одной стороны: разгадка нашей неудачи и разъясненіе. появившихся въ настоящее время въ военныхъ листкахъ «Русскаго Инвалида», сужденій частныхъ начальниковъ о боѣ и личномъ ихъ въ немъ участіи; съ другой стороны: только вѣрный взглядъ съ той же точки зрѣнія можетъ *навести историка на мысль* опредѣлить: не слишкомъ ли уже преувеличено наше вѣрованіе въ превосходство непріятеля надъ нами въ оружіи и искуствѣ употребленія онаго. Съ однимъ лишь можно согласиться, что союзники имѣли перевѣсъ въ штуцерномъ вооруженіи; но наши стрѣлки дѣйствовали гораздо лучше ихъ, и мы знаемъ по позднѣйшему опыту, у Севастополя, что иногда 100 непріятельскихъ штуцер-

сыхъ не выдерживали въ траншеяхъ огня нашихъ двадцати итрѣлковъ.

Появленіе въ печати «Военно-Историческихъ очерковъ крымской экспедиціи» вызвало уже на объясненіе двухъ дѣйствователей 8-го сентября, имѣющихъ авторитетъ по праву очевидцевъ и участниковъ въ дѣйствіяхъ. Генералъ *Квицинскій* и князь Петръ Дмитріевичъ *Горчаковъ*, помѣстивъ въ Военныхъ Листкахъ свои замѣчанія на альмскій бой, коснулись дѣйствій войскъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ на лѣвомъ крылѣ позиціи, и не совсѣмъ точно обрисовываютъ послѣдніе моменты боя. Послѣ сего, хотя я, по прежнему, остаюсь чуждъ мысли навязывать кому бы то ни было мои мнѣнія, но хранить долѣе мое молчаніе считаю неумѣстнымъ, и, въ качествѣ начальствовавшаго 8-го сентября на лѣвомъ флангѣ позиціи, обязанъ вступиться столько же за истину, сколько и за честь войскъ, бывшихъ подъ моимъ вѣдѣніемъ и исполнившихъ на Альмѣ все, что русскому храброму солдату можно было исполнить. Васъ же, милостивый государь, прошу не отказать въ помѣщеніи замѣчаній этихъ въ Военномъ Листкѣ «Русскаго Инвалида».

Безпристрастіе и строгая истина обязываютъ меня повести разсказъ со слѣдующаго: по сдѣланіи непріятелемъ десанта въ Крымъ, армія князя *Меншикова*, въ 8 часовъ утра 2-го сентября, была уже на Альмѣ, за исключеніемъ Московскаго пѣхотнаго полка, два батальона котораго прибыли на позицію только за два часа до боя. Полки стали на лѣвомъ возвышенномъ берегу рѣчки, не строясь въ какой-либо боевой порядокъ, и на основаніи приказанія, переданнаго подполковникомъ *Вуншемъ*. Съ 2-го по 8-е число сентября, въ нашемъ лагерѣ ни работъ, ни приготовленій къ бою не предпринималось почти никакихъ; 6-го сентября намъ сдѣлалась уже извѣстна диспозиція боя. Боевыя линіи были размѣщены на скатахъ лѣваго берега Альмы, и въ тотъ же день войска заняли свои мѣста по жалонерамъ; будучи вполнѣ убѣжденъ въ невыгодѣ занимаемой мною позиціи на уступахъ лѣваго берега, я, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, изъ коихъ помню адъютан-

та князя Горчакова, подполковника *Дурново*, обратился къ подполковнику *Зальескому*, съ словами: «Если мы должны драться такъ какъ стоимъ, то вы, какъ офицеръ генеральнаго штаба, обязаны принести ваше самолюбіе въ жертву общей пользѣ и испытать всѣ средства, чтобъ упросить не сводить войскъ внизъ, но расположить ихъ на нагорной части берега». На другой день я уже имѣлъ право заключать, что подполковникъ *Зальескій* не раздѣлялъ моего мнѣнія.

7-го сентября непріятель подошелъ къ нашей позиціи на 2 или $2^1/_2$ пушечныхъ выстрѣла. Открытая мѣстность, нами занимаемая, дала ему возможность высмотрѣть какъ мы расположены, сколько и гдѣ у насъ батарей и баталіоновъ, и опредѣлить силу позиціи и силу войскъ.

Чтобы намъ самимъ раскрыть намѣреніе союзниковъ и заставить ихъ удалиться отъ позиціи, главнокомандующій поручилъ мнѣ въ тотъ же день произвести рекогносцировку. Движеніе ввѣреннаго мнѣ отряда противъ лѣваго фланга союзниковъ заставило ихъ отойдти назадъ. Вечеромъ, при отдачѣ его свѣтлости, князю Александру Сергѣевичу, отчета въ сдѣланной мною рекогносцировкѣ, случился князь П. Д. *Горчаковъ*. Указывая на эполеметъ, за которымъ стояла батарейная № 1-го батарея 16-й бригады, онъ обратился ко мнѣ съ словами: «какову батарейку насыпалъ: и туда бьетъ, и туда палитъ!» Я доложилъ князю Петру Дмитріевичу, что батарея находится внизу, и, въ случаѣ отступленія, будетъ трудно ее снять. Разговоръ на томъ и кончился.

Въ объясненіи расположенія войскъ на позиціи я ограничиваюсь только частію оной влѣво отъ большой дороги, или лѣвымъ флангомъ, гдѣ я командовалъ. Войска этого фланга стояли въ томъ почти порядкѣ, какъ показано на планѣ г. Аничкова, то есть: влѣво отъ большой дороги расположенъ былъ Бородинскій егерскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича (что нынѣ Его Величества) полкъ, въ двѣ линіи; лѣвѣе его, въ 1-й линіи, стали четыре резервныхъ батальона Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, а за ними, во 2-й линіи, помѣстился

Тарутинскій егерскій полкъ. Между 12-ю батальонами боевыхъ линій лѣваго фланга, на позиціи не было вовсе артиллеріи; обѣ боевыя линіи были сведены съ гребня высотъ внизъ и на уступѣ построены въ колонны къ атакѣ. На всемъ протяженіи лѣваго фланга не было насыпано эполементовъ. Расположеніе войскъ на покатостяхъ и у подошвы обрывистаго берега Альмы принудило, отъ тѣсноты мѣста, расположить 1-ю линію въ 150 шагахъ отъ 2-й, а цѣпь стрѣлковъ передъ батальонами разсыпать не далѣе 50 шаговъ; двѣ же роты 6-го стрѣлковаго батальона, высланныя въ цѣпь передъ Бородинскимъ егерскимъ полкомъ, были отъ него удалены на 10 шаговъ. Столь сгущенное размѣщеніе войскъ, имѣвшихъ въ своемъ тылу угрюмый берегъ Альмы, благопріятствовало непріятельскимъ выстрѣламъ, а потому, когда бой начался, войска тотчасъ нашлись вынужденными помышлять о томъ, какъ бы подняться на верхъ; столь же затруднительно было успѣшное противодѣйствіе огню непріятельскому, по причинѣ сгущенія линій и совершенно открытаго расположенія ихъ подъ выстрѣлами его батарей и огнемъ штуцерныхъ.

Все это и было причиною, что сраженіе 8-го сентября началось обходомъ нашего лѣваго фланга; затѣмъ разновременный подъемъ на нагорный берегъ различныхъ частей боевыхъ нашихъ линій легко могъ, незамѣтнымъ образомъ, какъ для войскъ, такъ и для частныхъ начальниковъ, превратиться въ отступленіе. Этимъ обстоятельствомъ только и можно объяснить начало отступленія, о которомъ опредѣлительно никто не приказывалъ. Что же касается до боя, происходившаго въ промежуткахъ между моментами подъема войскъ на верхъ и полнымъ съ позиціи отступленіемъ, можно сказать, что онъ состоялъ въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ частей, съ цѣлію покровительствовать и выручать товарищей: такъ, на правомъ флангѣ, Владимірскій полкъ выручалъ эполементную батарею и егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ; въ центрѣ, Бородинскій егерскій полкъ втаскивалъ на верхъ и прикрывалъ отступленіе легкой № 2-го батареи 16-й бригады. На лѣвомъ флангѣ, Московскій и Минскій

полки выходили изъ огня съ пароходовъ подъ покровительствомъ батарей: конной № 12-го и донской резервной № 3, выдвинутыхъ въ то время, когда полки эти, потерявъ до 1,600 человѣкъ, совершенно разстроились.

Очевидно, что если цѣль и связь въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ исчезли, и общій бой раздробился на частныя дѣла полковъ, то никто изъ начальствующихъ, увлеченныхъ въ бой съ ближайшими противъ нихъ частями, не могъ знать и видѣть того, что дѣлалось на другихъ пунктахъ поля сраженія, а какъ притомъ резервы были введены въ дѣло при самомъ почти началѣ боя, то и не осталось никакой возможности ни возстановить единства въ управленіи, ни дать ему иного оборота.

Послѣ сего, полагаю, никому не покажется страннымъ, что до сихъ поръ съ точностію не опредѣлено, кѣмъ начато полное отступленіе—правымъ ли флангомъ, центромъ (Бородинскій егерскій полкъ) или лѣвымъ флангомъ. Объясню только то, что касается войскъ, бывшихъ у меня въ командѣ.

Въ военномъ листкѣ № 58-го «Русскаго Инвалида», въ статьѣ подъ литерами: К... П... Г.. сказано, что «*центръ и правый флангъ оставались на мѣстѣ, доколѣ французы занятіемъ высотъ защищаемыхъ Бородинскимъ полкомъ, не стали сзади угрожать центру*». Въ томъ же листкѣ № 84-го «Русскаго Инвалида», бывшій начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ *Квицинскій*, выражается такъ: «*Положеніе было критическое; англичане и французы стали уже обходить фланги, севастопольская дорога сзади была уже отрѣзана и проч.*» Наконецъ въ № 101-мъ того же «Русскаго Инвалида», въ письмѣ, подписанномъ княземъ Петромъ Дмитріевичемъ *Горчаковымъ*, говорится: «*Отступленіе въ сущности началось сзади частными начальниками, когда французы стали насъ обходить, и проч.*» Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что генералъ *Квицинскій* и князь Петръ Дмитріевичъ *Горчаковъ*, хотя не съ достаточною ясностію, но даютъ чувствовать, что 8-го сентября отступленіе начато съ лѣваго фланга, и что правое крыло князя *Горчакова* уже вынуждено къ тому было впослѣдствіи.

Чтобы раскрыть, на сколько указанія эти близки къ истинѣ, необходимо прослѣдить за дѣйствіями лѣваго фланга. Будучи столько же далекъ, какъ и уважаемый мною, бывшій мой начальникъ, князь Петръ Дмитріевичъ, и достойный собратъ по оружію, генералъ *Квицинскій*, всякаго тщеславія и побужденія говорить о самомъ себѣ, долгомъ поставляю, въ огражденіе чести полковъ, которыми начальствовалъ, и которые вели себя въ альмскомъ дѣлѣ геройски, представить все то, что происходило на лѣвомъ флангѣ и чего свидѣтелемъ былъ лично самъ.

Въ 8 часовъ утра непріятель показался въ виду позиціи. Подполковникъ *Раковичъ*, отличный офицеръ, стоявшій со 2-мъ батальономъ Минскаго полка, въ наблюдательномъ посту, ближе къ морю, первый завязалъ перестрѣлку съ войсками дивизіи *Канробера*. Услышавъ оную, я взялъ изъ резерва два батальона Московскаго полка съ легкою № 4-го батареею, 17-й бригады, и поставилъ ихъ лѣвѣе телеграфа, фронтомъ къ морю, верстахъ въ $2^1/_2$ отъ берега, внѣ выстрѣловъ съ непріятельскихъ пароходовъ, а 3-й батальонъ того же полка, съ полковникомъ *Соловьевымъ*, послалъ лѣвѣе оконечности лѣваго фланга, на гребень берега Альмы; 4-й батальонъ оставленъ въ резервѣ. До $10^1/_2$ часовъ французы приближались и поднимались на лѣвый нагорный берегъ. Напрасно думаютъ, что *Канробертъ* шелъ по узкой тропинкѣ и былъ затрудненъ въ дебушированіи изъ долины рѣчки. Береговая дорога такъ же хороша и удобна, какъ и прочія крымскія дороги: по ней татары постоянно возили въ Севастополь сѣно, арбузы и другіе громоздкіе продукты земледѣльческой промышленности. Взойдя на верхъ, *Канробертъ*, подъ покровительствомъ огня пароходовъ, могъ свободно выстроиться и развернуться, что онъ и сдѣлалъ.

Около 11-ти часовъ на лѣвый флангъ прибылъ с. с. князь Александръ Сергѣевичъ *Меншиковъ*; сказавши мнѣ, что насъ обходятъ слѣва, его свѣтлость поѣхалъ въ направленіи къ морю и вскорѣ туда же потребовалъ Московскій, а потомъ и Минскій полки съ легкими батареями №№ 4-го и 5-го 17 й артиллерійской бригады. Полки дви-

нулись на французовъ, но, засыпанные ирапнелевой картечью и другими снарядами съ пароходовъ, скоро пришли въ разстройство. Видя это, и дабы удержать стремленіе непріятеля на нашъ лѣвый флангъ, я вызвалъ изъ резерва батареи: конную № 12-го и донскую резервную № 3-го и поставилъ ихъ на позицію близъ того мѣста, гдѣ въ резервѣ стоялъ Московскій полкъ. Батареи эти, открывъ огонь по дивизіи *Канробера* чрезъ головы тарутинцевъ и резервныхъ батальоновъ 13-й дивизіи, и вправо чрезъ Альму по войскамъ принца *Наполеона*, не позволили здѣсь спяться съ передковъ французской полевой артиллеріи.

Около 12½ часовъ князь Александръ Сергѣевичъ, возвратясь къ Тарутинскому полку, у котораго я до того времени находился, приказалъ мнѣ поѣхать къ Московскому и Минскому полкамъ и ихъ устроить. Подо мною только-что предъ тѣмъ была убита лошадь; пересѣвъ на другую, я поскакалъ къ полкамъ, устроилъ и повелъ ихъ въ атаку. Дивизія *Канробера* не выждала нашего наступленія: она сняла свои батареи и спустилась съ нагорнаго берега. Въ этотъ моментъ, когда на лѣвомъ флангѣ остановленъ былъ первый успѣхъ непріятеля, въ центрѣ и на правомъ флангѣ оборотъ боя становился для насъ неблагопріятнымъ. — О подробностяхъ происходившаго судить не могу, потому что занятъ былъ своимъ дѣломъ, и не видѣлъ, что происходило вправо отъ меня; не менѣе того нельзя было не замѣтить, что тамъ непріятель уже утвердился на лѣвомъ берегу Альмы.

Отразивъ натискъ французовъ, я началъ выводить Московскій и Минскій полки изъ-подъ огня непріятельскихъ пароходовъ. Французы насъ не преслѣдовали, потому ли, что не хотѣли заслонить дѣйствія своихъ пароходовъ, или что въ это время влѣво отъ меня показались два дивизіона нашихъ гусаръ, подъ командою полковника *Войниловича*—рѣшить трудно. Но отступленіе совершено нами въ примѣрномъ порядкѣ: батальоны отходили въ ногу, останавливались и поворачивались налѣво кругомъ. Легкія №№ 4-го и 5-го батареи, дѣйствовавшія съ сими полками, лишенныя прислуги и лошадей, съ рвеніемъ вывозили ору-

дія на двухъ, а ящики на одной лошади и на людяхъ. Непріятель не даромъ отзывался съ похвалою о нашемъ отступленіи—оно точно было примѣрно хладнокровное, и мнѣ непростительно бы было не свидѣтельствовать о семъ, и не отдать достойной чести полкамъ и батареямъ, сохранившимъ твердость, присутствіе духа и веселость.

Выведя Московскій и Минскій полки изъ-подъ огня съ пароходовъ, я сначала оставилъ ихъ за лѣвымъ флангомъ альмской позиціи, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально мною были поставлены москвичи. Французы, между тѣмъ, снова стали подаваться по верху нагорнаго берега и открыли, какъ оттуда, такъ и изъ-за Альмы, артиллерійскій перекрестный огонь по резервнымъ батальонамъ и тарутинцамъ.

Оставлять лѣвый флангъ подъ перекрестнымъ огнемъ французовъ было невозможно; ждать приказаній было некогда, ибо на правомъ флангѣ наши войска уже отступали. Въ слѣдствіе чего я и распорядился тѣмъ, чтобы отвести лѣвое крыло назадъ, и всѣ его войска выстроилъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги, за высотою, на которой первоначально стоялъ нашъ главный резервъ (минцы и волынцы). Убѣдившись здѣсь въ полномъ отступленіи праваго фланга и желая соображать съ его движеніями движеніе моего крыла, я отвелъ еще болѣе назадъ Московскій-Минскій, Тарутинскій полки и резервные батальоны 13-й дивизіи, выстроилъ ихъ на слѣдующей высотѣ, а впереди пѣхоты поставилъ на позиціи до 30 орудій (Донская № 3-го батарея и легкія № 4-го и 5-го, 17-й бригады). Лѣвѣе батарей стали два гусарскіе дивизіона полковъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и Саксенъ-Веймарскаго, прибывшіе ко мнѣ для прикрытія отступленія. На тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ было наше правое крыло и его резервъ, уже ясно видны были непріятельская пѣхота и кавалерія въ большихъ массахъ.

Непріятель, между тѣмъ, насъ не преслѣдовалъ. Простоявъ нѣсколько времени въ этой второй позиціи, я далъ приказаніе пѣхотѣ идти на Качу, куда отошли войска праваго фланга; 4 орудія Донской резервной № 3-го батареи

и кавалерія прикрывали отступленіе. Въ 9-ть часовъ вечера войска лѣваго крыла, за исключеніемъ Бородинскаго егерскаго Его Императорскаго Величества полка, прибыли на Качу, и въ темнотѣ переправились черезъ рѣчку: я самъ поѣхалъ отдать отчетъ главнокомандующему и прибылъ въ палатку его свѣтлости въ 12-ть часовъ ночи.

Изъ предшествовавшаго видно, что артиллерія и кавалерія, прикрывавшія отступленіе лѣваго крыла пѣхоты, были выставлены на позицію, по естественному ходу боя, на лѣвомъ крылѣ альмской позиціи. За тѣмъ споръ о томъ, начато ли отступленіе правымъ или лѣвымъ флангомъ, рѣшаетъ Бородинскій егерскій Его Императорскаго Величества полкъ. Полкъ этотъ стоялъ въ центрѣ, и хотя входилъ въ составъ войскъ лѣваго крыла, но во время отступленія легкой № 2-го батареи 16-й бригады вывезъ батарею на рукахъ, и вмѣстѣ съ отступавшимъ правымъ крыломъ двинулся съ позиціи; оттого-то бородинцевъ я не имѣлъ въ своемъ начальствованіи ни во время боя, ни во весь день 8-го сентября. При отступленіи на Качу изъ всѣхъ войскъ праваго фланга видѣлъ, что влѣво и далеко впереди своей колонны мелькалъ какой-то батальонъ въ бѣлой аммуниціи. Что же касается бородинцевъ, то они примкнули къ колоннѣ лѣваго крыла только на другой день, 9-го сентября.

Я могъ бы привести и другіе еще доводы тому, что лѣвый флангъ не начадъ, а прикрылъ отступленіе праваго крыла, но ограничиваюсь уже сказаннымъ.

За тѣмъ, не входя въ сужденія о томъ, чего не видалъ, гдѣ кто изъ частныхъ начальниковъ находился въ разные моменты боя и чѣмъ былъ занятъ, свидѣтельствую, что не былъ посвященъ ни въ какія намѣренія и планы, и до боя не получалъ ни одного особаго по сему приказанія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Василій Кирьяковъ.

(Генералъ-лейтенантъ, бывшій начальникъ 17-ой пѣхотной дивизіи).

Кіевъ, 31-го мая 1856 г.

(*) „Русскій Инвалидъ" 1856 г. № 136.

Нѣсколько словъ противъ „Новыхъ подробностей о сраженіи при Альмѣ“, изложенныхъ генераломъ Кирьяковымъ въ № 136 „Русскаго Инвалида“.

Съ той минуты, какъ составъ непріятельскихъ войскъ сдѣлался извѣстнымъ, и мы узнали, что на берега наши высадилась армія числомъ до 70-ти тысячъ человѣкъ, а не въ 30-тысячномъ составѣ (какъ нѣкоторые ожидали), необходимо было оставить убѣжденіе въ возможности разбить ее нашими наличными силами, а должно было, въ видахъ сбереженія собственнаго войска для будущихъ дѣйствій, обратить полное вниманіе на то, какъ бы нанести непріятелю, въ альмскомъ сраженіи, по возможности чувствительный уронъ и, уступивъ съ боя альмскую позицію, отступить въ такомъ положеніи, чтобы непріятель, опасаясь встрѣтить въ насъ еще сильное сопротивленіе, не осмѣлился дѣйствовать рѣшительно, и тѣмъ далъ намъ время оправиться. Вотъ главныя основанія распоряженій нашихъ передъ альмскимъ сраженіемъ. Всѣ послѣдующія должны были сообразаться съ дѣйствіями непріятеля, который, будучи гораздо сильнѣе насъ, имѣлъ ту выгоду, что могъ располагать своими движеніями, которыя мы, по растянутости непріятельской боевой линіи, не могли предупредить на всѣхъ пунктахъ нашими ограниченными силами. Слѣдовательно, намъ оставалось расположить войска такъ, чтобы во время сраженія, не затрудняясь, передвигать ихъ, куда укажетъ надобность; въ тѣхъ же видахъ и отступленіе предпринято нами не прямо въ Севастополь, а первоначально только на рѣку Качу. Предосторожность эта была тѣмъ болѣе необходима, что непріятель могъ перемѣнить направленіе и, вмѣсто слѣдованія по берегу моря, отъ Альмы идти на Симферополь и Бахчисарай. Здѣсь онъ лишилъ бы насъ запасовъ нашихъ — и такъ уже скудныхъ — занялъ бы Перекопскую дорогу, по которой всѣ запасы подвозились къ намъ, и, наконецъ, не допустилъ бы до насъ подкрѣпленій, которыя въ началѣ слѣдовали къ намъ, такъ сказать, горстями. Не говорю уже о томъ, какое вліяніе произвело бы это на татарское народонаселеніе, скопившееся въ значительномъ числѣ, со времени высадки непріятеля, въ Бахчисараѣ.

Само дѣло говоритъ за себя: непріятель, ознакомившись съ нами въ альмскомъ сраженіи, не рѣшился ни преслѣдовать насъ тотчасъ, ни двинуться на Симферополь, то есть, выйдти изъ подъ прикрытія своего флота, оставивъ у себя во флангѣ не разбитыя, а въ порядкѣ отступившія войска. На другой день сраженія оказалось, что непріятель былъ въ необходимости пріостановиться на занятой имъ позиціи, чтобы привести въ порядокъ свои разстроенныя силы. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ кавалеріи маячить передъ непріятелемъ, а самъ съ остальными войсками немедленно двинулся къ Севастополю, чтобы, не теряя времени, пополнить, сколько окажется возможнымъ, всѣ наши потери, усилить гарнизонъ Севастополя и приготовиться къ задуманному тогда фланговому движенію, которое было совершено нами столь удачно въ ночь съ 12-го на 13-е сентября и оставило за нами сообщеніе съ Перекопомъ и Сѣверную сторону, гдѣ всѣ приморскія укрѣпленія съ горами не представляли большихъ затрудненій непріятелю. Послѣдствія ясно говорятъ, какъ необходимо было предупредить это; а кто знаетъ, до какой степени ограничены были наши средства, тотъ не можетъ не удивляться успѣху.

Обращаюсь къ нѣкоторымъ подробностямъ альмскаго сраженія. Главнокомандующій, за нѣсколько дней до сраженія, лично осмотрѣвъ мѣстность, назначилъ позиціи войскамъ, при чемъ шла рѣчь о томъ, что необходимо бы было лѣвымъ флангомъ нашимъ упереться въ море, но что это неудобоисполнимо: во-первыхъ, потому, что линія наша, при незначительномъ числѣ войскъ, слишкомъ распространилась бы и, во-вторыхъ, потому, что непріятель, если предприметъ атаку съ моря, то, вѣроятно, прикроетъ свои войска флотомъ, и тогда нашимъ войскамъ, расположеннымъ близъ берега, прійдется сильно пострадать отъ огня морской артиллеріи. По этимъ соображеніямъ, главнокомандующій приказалъ поставить у подъема съ моря, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ только батальонъ, которому представлялась возможность, не выказываясь, встрѣтить непріятеля батальнымъ огнемъ въ то время, когда

передовыя части его начнутъ восходить на высоты. Генералъ *Кирьяковъ*, получившій тутъ же приказанія о расположеніи ввѣренныхъ ему войскъ, первый отозвался, что онъ на подъемѣ съ моря съ однимъ батальономъ «шапками забросаетъ непріятеля». Изъ этимъ словъ видно, что до альмскаго сраженія онъ находилъ подъемъ этотъ неудобопроходимымъ.

Войскамъ нашимъ приказано удерживать главнѣйшія позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ: переправу чрезъ Альмскій мостъ и севастопольскую дорогу — центру нашихъ силъ; бродъ чрезъ эту рѣку, выше моста и правѣе севастопольской дороги — правому флангу; бродъ ниже моста и подъемъ отъ рѣки Альмы, идущій небольшимъ ущельемъ къ нашей позиціи лѣвѣе севастопольской дороги — лѣвому флангу. Правый флангъ и центръ находились подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя *Горчакова*; лѣвый флангъ подъ командою генералъ-лейтенанта *Кирьякова*. За тѣмъ рѣшено было: если непріятель поведетъ атаку, упираясь правымъ флангомъ къ морю, и растянетъ линію атакующихъ силъ своихъ только до моста, тогда мы, получивъ возможность оставить для наблюденія за бродомъ, бывшимъ противу нашего праваго фланга, только часть кавалеріи и нѣсколько пѣхоты въ устроенномъ для нея редутѣ, остальными войсками праваго фланга въ состояніи будемъ усилить наши войска, которымъ поручена позиція у моста; войска же генерала *Кирьякова* останутся удерживать позицію лѣвѣе севастопольской дороги: а для образованія въ этомъ случаѣ лѣваго фланга противу подъема съ моря, гдѣ былъ поставленъ, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ батальонъ, представлялась возможность взять изъ резерва Минскій и Московскій пѣхотные полки, двѣ пѣшія и одну конную легкія батареи и одинъ гусарскій полкъ. Войскамъ этимъ предназначено было занять позицію въ то время, когда непріятельскія колонны начнутъ показываться на вершинѣ подъема, то есть, когда непріятель будетъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать по той позиціи съ моря осмотрительнѣе, чтобы не бить своихъ, и, слѣдовательно, когда огонь его

морской артиллеріи не могъ быть для насъ слишкомъ губителенъ.

Непріятель дѣйствительно повелъ атаку, упираясь правымъ флангомъ къ морю, и растянулъ атакующую линію свою до моста включительно. Первый огонь по непріятелю открылъ батальонъ Минскаго пѣхотнаго полка, находившійся на наблюдательномъ посту у подъема съ моря. Главнокомандующій тотчасъ послалъ меня къ тому батальону, приказавъ немедленно двигаться назначеннымъ на тотъ пунктъ войскамъ, которыя и поручено было вести прикомандированному къ генеральному штабу штабъ-ротмистру *Колобову*. Прибывъ къ батальону, я засталъ его нѣсколько подавшимся въ лощину, для избѣжанія сильнаго штуцернаго огня. Въ одно почти время со мною прискакала туда легкая № 4-го батарея 17-й артиллерійской бригады; тогда батальонъ, не ожидая прибытія остальныхъ войскъ, предводимый храбрымъ командиромъ, подполковникомъ (нынѣ полковникъ) *Раковичемъ*, вмѣстѣ съ батареею выдвинулся на позицію. Командиръ батареи, подполковникъ *Кондратьевъ*, распоряжался какъ бы на ученьѣ; не смотря на то, что у него прислуга едва успѣвала замѣнять убылыхъ товарищей, онъ молодецки дѣйствовалъ изъ своихъ орудій: подполковникъ *Раковичъ*, разсыпавъ батальонъ, открылъ сильный ружейный огонь, такъ что непріятель, постоянно усиливавшійся на высотахъ, соединенными дѣйствіями этихъ двухъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ, былъ пріостановленъ. Между тѣмъ подходили остальныя, предназначенныя на этотъ пунктъ, войска и прибыла легкая № 5-го батарея 16-й артиллерійской бригады. Главнокомандующій не замедлилъ прискакать къ мѣсту боя и, осмотрѣвъ расположеніе сражавшихся войскъ, самъ поставилъ легкую конную № 12-го батарею и гусарскій полкъ противу лощины, по которой, безъ этого предупрежденія, непріятель могъ обойдти нашу пѣхоту. Такимъ образомъ, по вышеобъясненному предположенію, составился на этомъ пунктѣ нашъ лѣвый флангъ, который до приказанія отступать удерживалъ сильно напиравшаго на него непріятеля, не давая ему и шагу двинуться впередъ. Вотъ на чемъ основывается

генералъ *Кирьяковъ*, оспаривая князя *Горчакова* и генерала *Квицинскаго*, что лѣвый флангъ отступилъ послѣ праваго. Лѣвый флангъ, какъ выше сказано, дѣйствительно отступилъ послѣдній; но дѣло совсѣмъ не въ томъ: г. К. П. Г. въ № 58-мъ «Русскаго Инвалида» (1) говоритъ: «Центръ и правый флангъ оставались на мѣстѣ, доколѣ французы, занятіемъ высотъ, защищаемыхъ Бородинскимъ (2) полкомъ, не стали слѣва угрожать центру». Въ № 84-мъ «Русскаго Инвалида» (3) генералъ *Квицинскій* выражается: «Положеніе было критическое; англичане и французы стали уже огибать фланги; севастопольская дорога, слѣва, была уже отрѣзана». Въ № 101-мъ той же газеты (4) князь *Горчаковъ* говоритъ: «отступленіе въ сущности началось слѣва, частными начальниками, когда французы стали обходить насъ». Изъ этого ясно видно, что ни князь *Горчаковъ*, ни генералъ *Квицинскій* не утверждаютъ, что лѣвый флангъ отступилъ прежде: они только говорятъ, что отступленіе началось слѣва отъ нихъ, и что севастопольская дорога слѣва была отрѣзана. Въ этомъ они совершенно правы, и, какъ видно, только изъ деликатности не хотѣли прямо сказать, что генералъ *Кирьяковъ* отступилъ первый. Обстоятельство это далѣе объясняется подробнѣе.

Главнокомандующій, устроивъ лѣвый флангъ на позиціи, о которой мы говорили, отправился по боевой линіи нашихъ войскъ къ мосту, гдѣ завязался уже сильный бой и гдѣ князь П. Д. *Горчаковъ*, съ генераломъ *Квицинскимъ* (дорого поплатившимся въ этотъ день), неоднократно водили войска въ штыки и упорно отстаивали свою позицію. Артиллерія наша и здѣсь дѣйствовала удивительно: колонны англичанъ валились отъ картечныхъ выстрѣловъ. Въ день альмскаго сраженія, наши артиллеристы, всѣ, отъ перваго офицера до послѣдняго рядоваго, вели себя геройски.

---

(1) См. 422 стран. настоящаго Сборника. *Ред.*

(2) Вся вторая бригада 17-й пѣхотной дивизіи была подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова.

(3) См. 425 стран. настоящаго Сборника. *Ред.*

(4) См. 429 стран. настоящаго Сборника. *Ред.*

На пути слѣдованія нашего къ этому побоищу, мы были изумлены, найдя, что позиція наша, слѣва отъ севастопольской дороги, оставлена генераломъ *Кирьяковымъ*,— изумлены тѣмъ болѣе, что и высоты, находившіяся сзади той позиціи и командовавшія ею, никѣмъ не были заняты; французскіе стрѣлки безпрепятственно взбирались уже на оставленную генераломъ *Кирьяковымъ* позицію—и открыли по насъ штуцерный огонь (одна пуля ударила въ копыто лошади главнокомандующаго). Проскакавъ еще нѣкоторое пространство, мы встрѣтили генерала *Кирьякова* въ лощинѣ, пѣшаго; на вопросъ: гдѣ его войска? онъ отвѣчалъ, что подъ нимъ убита лошадь! Некогда было терять времени, и потому главнокомандующій, пославъ отыскать войска, оставившія столь важную позицію, поспѣшилъ къ мосту. Между тѣмъ, французы успѣли выдвинуть на бывшую позицію генерала *Кирьякова* артиллерію, и открыли огонь во флангъ нашего праваго крыла. Вотъ чѣмъ оправдываются слова князя П. Д. *Горчакова* и генерала *Хвощинскаго*, что отступленіе началось слѣва отъ нихъ, и что они слѣва были обойдены; и вотъ настоящая причина, отчего войска ихъ понесли потерю значительнѣе, нежели могли ожидать, и отчего нѣкоторыя части, потерявъ всѣхъ своихъ начальниковъ, нѣсколько смѣшались. Здѣсь я былъ контуженъ и вынужденъ отправиться на перевязку. Возвратившись на поле сраженія, я засталъ войска наши уже отступавшими отъ моста. Одинъ батальонъ, безъ офицеровъ, и въ числѣ менѣе 200 человѣкъ, отступалъ въ безпорядкѣ; главнокомандующій, замѣтивъ это, приказалъ собрать людей къ знамени, поставить передъ ними хоръ музыкантовъ и отступать съ музыкой — это было немедленно исполнено, и безпорядокъ изчезъ.

Общее отступленіе началось, когда войска князя П. Д. *Горчакова* стали на одной линіи съ лѣвымъ флангомъ (¹), которому тогда только и послано приказаніе отступать. Боевая линія почти въ одно время прошла за линію ре-

---

(¹) Позиція наша шла дугою къ морю; слѣдовательно, лѣвый флангъ нашъ былъ загнутъ.

зервовъ; здѣсь приказано Волынскому пѣхотному полку и войскамъ генерала *Кирьякова*. бывшимъ на позиціи слѣва отъ севастопольской дороги. а именно: 2-й бригадѣ 17-й и четыремъ резервнымъ батальонамъ 13-й пѣхотныхъ дивизій. прикрыть отступленіе. Генерала *Кирьякова*. которому по старшинству слѣдовало принять начальство надъ аріергардомъ. не оказалось при его войскахъ. почему главнокомандующій приказалъ полковнику (нынѣ генералъ-маіору) *Хрущову* прикрыть отступленіе: это и было исполнено полковникомъ *Хрущовымъ* въ совершенномъ порядкѣ. Не могу не упомянуть здѣсь о Минскомъ пѣхотномъ полку, который съ отличнымъ мужествомъ дѣйствовалъ во все время на лѣвомъ флангѣ. противъ сильнаго непріятеля; командиръ полка. полковникъ *Приходкинъ*. получивъ двѣ тяжелыя раны. не оставлялъ своего мѣста до послѣдняго изнеможенія. Легкая №№ 4-го и 5-го батареи 17-й артиллерійской бригады. на томъ же пунктѣ. потерявъ большую часть прислуги и лошадей, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, сняли тѣла съ подбитыхъ лафетовъ и, подвязавъ ихъ подъ передки. отступали съ частію неповрежденныхъ орудій въ отличномъ порядкѣ, отстрѣливаясь, пока не вышли изъ подъ выстрѣловъ непріятеля.

Совершенно стемнѣло. когда мы заняли позицію на рѣкѣ Качѣ. Непріятель не преслѣдовалъ насъ, и потому ничего особенно замѣчательнаго не произошло. Не знаю. на какомъ основаніи генералъ *Кирьяковъ* около полуночи прибылъ къ главнокомандующему съ докладомъ. что войска расположились на позиціи; не знаю, что отвѣчалъ ему князь *Меншиковъ*, знаю только, что мы до прибытія нашего въ Севастополь не видѣли генерала *Кирьякова*.

Здѣсь не лишнимъ будетъ назвать тѣ войска нашей пѣхоты. которыя дѣйствительно дрались на Альмѣ. Вотъ ихъ перечень: саперы, сводный морской батальонъ. 16-я пѣхотная дивизія. Минскій пѣхотный полкъ и полки 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи: изъ нихъ два батальона Московскаго пѣхотнаго полка были въ весьма слабомъ составѣ, потому что. совершивъ въ тотъ день, усиленнымъ маршемъ, большой переходъ. прибыли прямо на позицію

изувѣченные, оставивъ на пути слѣдованія много отсталыхъ. Затѣмъ Волынскій пѣхотный полкъ оставался нетронутымъ изъ резерва, а 2-я бригада 17-й и резервные батальоны 13-й пѣхотныхъ дивизій, безъ боя выведены генераломъ *Кирьяковымъ* изъ нашей боевой линіи, и, какъ сказано выше, французы заняли ихъ позицію, откуда весьма удобно дѣйствовали во флангъ князя П. Д. *Горчакова*.

При этихъ условіяхъ, трудно согласиться съ генераломъ *Кирьяковымъ*, что легко взять верхъ надъ арміею, отлично образованною, снабженною превосходнымъ оружіемъ и значительно превышающею въ числительности; вполнѣ раздѣляю съ нимъ мнѣніе, что альмское сраженіе могло обойтись непріятелю дороже, но только въ такомъ случаѣ, еслибы генералъ *Кирьяковъ* не отдалъ французамъ безъ боя позиціи, которая дала имъ возможность зайдти во флангъ нашему правому крылу и тѣмъ преждевременно взять надъ нами перевѣсъ.

Какъ бы въ оправданіе своего отступленія, генералъ *Кирьяковъ* ссылается на невыгодность позиціи своей, и, между прочимъ, говоритъ, что онъ обратился къ подполковнику *Зальтскому* съ слѣдующими словами: «Если мы должны драться такъ какъ стоимъ, то вы, какъ офицеръ генеральнаго штаба, обязаны принести ваше самолюбіе въ жертву общей пользы и испытать всѣ средства, чтобы упросить не сводить войскъ внизъ, но расположить ихъ на нагорной части берега». Не смѣю оставить обстоятельство это безъ замѣчанія. Позиція генерала *Кирьякова* была лѣвѣе севастопольской дороги, противу небольшаго подъема отъ рѣки Альмы, берега которой въ этомъ мѣстѣ были покрыты кустарниками, весьма удобными для расположенія стрѣлковъ; сзади его былъ дѣйствительно еще одинъ уступъ высотъ, только не утесистыхъ, какъ говоритъ генералъ *Кирьяковъ;* — здѣсь расположены были войска именно съ тою цѣлію, чтобы препятствовать непріятелю подняться на высоты нашей боевой линіи и обезпечить дѣйствія нашего центра, удерживавшаго переправу чрезъ мостъ и севастопольскую дорогу. Позиція генерала *Кирьякова* представляла еще ту выгоду, что въ случаѣ сильнаго напора

непріятеля и необходимости отступать, войска его имѣли за собою еще высоты, которыя командовали первою ихъ позиціею и давали, такимъ образомъ, сильную возможность препятствовать непріятелю устроиться на ихъ мѣстѣ и дѣйствовать слѣва на севастопольскую дорогу. Не понимаю, какимъ военнымъ соображеніемъ руководствовался генералъ *Кирьяковъ*, оставляя свою первую позицію. Онъ не воспользовался бывшими сзади его высотами, а, перевалившись чрезъ нихъ, расположилъ войска въ лощинѣ, предоставивъ французамъ полную свободу дѣйствовать во флангъ нашему правому крылу. Не вижу также, что вынудило генерала *Кирьякова* уговаривать подполковника *Зальскаго*, чтобы онъ старался упросить о перемѣнѣ позиціи; мнѣ кажется, что генералъ *Кирьяковъ*, какъ начальникъ (а слѣдовательно и отвѣтственное лицо), будучи увѣренъ въ справедливости мнѣнія своего, обязанъ былъ приказать подполковнику *Зальскому* отправиться къ главнокомандующему и доложить отъ его имени о невыгодности позиціи; равнымъ образомъ не понимаю смысла словъ: «принести въ жертву самолюбіе». Въ чемъ же заключается жертва?—неужели въ неисполненіи обязанности? Быть вѣрнымъ своему долгу—это, мнѣ кажется, должно льстить, а не оскорблять самолюбіе. Наконецъ, если генералъ *Кирьяковъ* нашелъ возможнымъ отступить безъ приказанія, то не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, еслибы, не ожидая приказанія, расположилъ свои войска такъ, чтобы они не допустили непріятеля врѣзаться въ нашу боевую линію?

Далѣе генералъ *Кирьяковъ* говоритъ: «Столь сгущенное размѣщеніе войскъ, имѣвшихъ въ своемъ тылу утесистый берегъ Альмы (¹), благопріятствовало непріятельскимъ выстрѣламъ, а потому, когда бой начался, войска тотчасъ нашлись вынужденными помышлять о томъ, какъ бы подняться на верхъ». Здѣсь встрѣчается совершенно новая идея: кто согласится съ генераломъ *Кирьяковымъ*, что войска его осмѣлились помышлять объ отступленіи безъ при-

(¹) Рѣка Альма была впереди позиціи генерала Кирьякова, слѣдовательно берегъ ея не могъ быть сзади той позиціи.

казанія и тѣмъ болѣе въ началѣ боя? Кто не знаетъ, что войска наши слѣпо исполняютъ все то, о чемъ поразмыслитъ уже ихъ начальникъ? Зачѣмъ же свою вину взваливать на войска, честь которыхъ такъ горячо, въ началѣ статьи своей, генералъ *Кирьяковъ* взялся отстаивать?

Генералъ *Кирьяковъ*, усиливаясь доказать, что несвоевременное отступленіе его послѣдовало какъ бы случайно, и болѣе отъ того, что свыше не было никакихъ распоряженій, говоритъ: «Все это и было причиною, что сраженіе 8 сентября началось обходомъ нашего лѣваго фланга; затѣмъ разновременный подъемъ на нагорный берегъ различныхъ частей боевыхъ линій нашихъ легко могъ незамѣтнымъ образомъ, какъ для войскъ, такъ и для частныхъ начальниковъ, превратиться въ отступленіе. Этимъ обстоятельствомъ только и можно объяснить начало отступленія, о которомъ опредѣлительно никто не приказывалъ». Выше сказано, какія мѣры были приняты для утвержденія нашего лѣваго фланга противу праваго фланга непріятеля, который войсками нашими былъ задержанъ до тѣхъ поръ, пока не было предпринято общее отступленіе: самъ генералъ *Кирьяковъ* утверждаетъ, что лѣвый флангъ нашъ отступилъ послѣднимъ, слѣдовательно онъ не могъ быть обойденъ въ началѣ сраженія. Не знаю, какимъ образомъ разновременный подъемъ различныхъ частей войскъ могъ превратиться незамѣтнымъ образомъ, для частныхъ начальниковъ, въ отступленіе: не хочу вѣрить, чтобы войска, не будучи сбиты непріятелемъ, предприняли отступленіе съ указанной имъ позиціи безъ приказанія ближайшаго начальника, а потому не могу и согласиться, чтобы ближайшій начальникъ не замѣтилъ, что войска его уходятъ. Справедливо, что генералу *Кирьякову* ни опредѣлительно, ни неопредѣлительно не было отдаваемо приказанія отступать, потому что позицію его должно было удерживать до послѣдней крайности, чтобы не дать возможности непріятелю врѣзаться въ нашу боевую линію и отрѣзать севастопольскую дорогу слѣва. Зачѣмъ же онъ отступалъ? Это обстоятельство, дѣйствительно, только онъ можетъ объяснить. Прочія части отступили или вслѣдствіе

того, что непріятель преслѣлилъ ихъ, или вслѣдствіе даннаго имъ на то приказанія. Такъ, напримѣръ, войска, удерживавшія севастопольскую дорогу и переправу черезъ мостъ, отступили, потому что генералъ *Кирьяковъ* уступилъ свою позицію французамъ, которые зашли имъ во флангъ, отрѣзали слѣва севастопольскую дорогу и взяли тѣмъ надъ ними перевѣсъ, а войска, бывшія на правомъ флангѣ и на оконечности лѣваго, у подъема съ моря, — вслѣдствіе посланнаго имъ приказанія. Далѣе генералъ *Кирьяковъ* говоритъ: «Что же касается до боя, происходившаго въ промежуткахъ между моментами подъема войскъ на верхъ и полнымъ съ позиціи отступленіемъ, можно сказать, что онъ состоялъ въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ частей, съ цѣлію покровительствовать и выручать товарищей, какъ, напримѣръ, на правомъ флангѣ Владимірскій полкъ выручилъ эполементную батарею и егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ: въ центрѣ Бородинскій егерскій полкъ встаскивалъ на верхъ и прикрывалъ отступленіе легкой № 2-го батареи 16-й бригады; на лѣвомъ флангѣ Московскій и Минскій полки выходили изъ-подъ огня съ пароходовъ, подъ прикрытіемъ батарей: конной № 12-й и Донской резервной № 3-го». Этими словами не сказано ничего новаго. Кто жъ не знаетъ, что войска къ бою располагаются непремѣнно такъ, чтобы могли другъ друга выручить, и тѣмъ болѣе тогда, когда численность войскъ не даетъ возможности имѣть ихъ въ какомъ-либо одномъ пунктѣ въ значительномъ числѣ. Войска, выручая другъ друга, исполнили свой долгъ; ихъ взаимное содѣйствіе облегчалось именно тѣмъ, что расположеніе ихъ способствовало удобству выручки. Артиллерію нѣкоторыя войска вывозили на себѣ не потому, чтобы крутизна подъема не давала ей возможности выѣхать, но потому, что въ артиллеріи были перебиты лошади (*). Что жъ тутъ необыкно-

(*) Для пополненія лошадей въ артиллеріи, по прибытіи въ Севастополь, дано было имъ болѣе 300 полковыхъ подъемныхъ лошадей изъ подъ палаточныхъ ящиковъ.

вѣнчаго? Можно пожалѣть о томъ только, что войскамъ, бывшимъ подъ личнымъ начальствомъ генерала *Кирьякова*, а именно: Тарутинскому егерскому полку и резервнымъ баталіонамъ 13-й пѣхотной дивизіи, не досталось на долю быть полезными своимъ товарищамъ, единственно потому, что ихъ свели съ указанной имъ позиціи.

Въ остальной части своей статьи, генералъ *Кирьяковъ* доказываетъ, что лѣвый флангъ отступилъ послѣднимъ, не объясняя, впрочемъ, дѣйствій войскъ, бывшихъ подъ личнымъ его начальствомъ и составлявшихъ правый флангъ его лѣваго крыла, а описывая только подвиги на лѣвомъ флангѣ лѣваго крыла, гдѣ дрались дѣйствительно отлично Минскій и Московскій полки (особенно первый), подъ предводительствомъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ, полковника *Приходкина* и подполковника *Раковича*.

Выше я объяснилъ уже, что никто не утверждаетъ, будто лѣвый флангъ началъ отступленіе: это было бы несправедливо. Но справедливо то, что первый отступилъ генералъ *Кирьяковъ* съ войсками, расположенными лѣвѣе севастопольской дороги. Что отступленіе это совершено въ присутствіи генерала *Кирьякова* и не могло быть имъ не замѣчено, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее: г. главнокомандующій, какъ выше сказано, проскакавъ чрезъ оставленную уже генераломъ *Кирьяковымъ* позицію, встрѣтилъ его пѣшаго, около часу по полудни, и потомъ уже отправился къ мосту, гдѣ заталъ бой въ разгарѣ, и битва начала ослабѣвать съ нашей стороны только въ то время, когда французы, съ бывшей позиціи генерала *Кирьякова*, стали бить во флангъ войскъ нашихъ, бывшихъ у моста.

Въ заключеніе статьи нашей спросимъ: кого оспариваетъ генералъ *Кирьяковъ*, утверждая, что войска наши на Альмѣ дрались геройски? Мнѣ кажется, что никто не позволитъ себѣ увѣрять въ противномъ. Кому не извѣстно, что войска наши, предводимыя дѣльными начальниками, всегда, во всѣхъ войнахъ, оказывали чудеса храбрости? Если же въ альмскомъ сраженіи 2-я бригада 17-й и резервные батальоны 13-й пѣхотныхъ дивизій не исполнили

своей обязанности, то есть, не удержали за собою позиции, то это не потому, что у них не хватило мужества: въ послѣдующихъ дѣлахъ они доказали, что вполнѣ достойны званія храбрыхъ русскихъ воиновъ (1).

Генералъ-маіоръ **В. Вунш**ъ.

Г. Бобрынецъ, 15-го мая 1858 г.

Возраженіе на статью генералъ-маіора Вунша.

Въ «Военномъ Сборникѣ» (іюль 1858 года) помѣщена статья генералъ-маіора *Вунша*, написанная въ опроверженіе статьи, помѣщенной мною въ № 136-мъ «Русскаго Инвалида», 1856 года, подъ заглавіемъ: «Новыя подробности о сраженіи при Альмѣ». Въ статьѣ своей, генералъ *Вунш*, какъ очевидецъ, старается опровергнуть выставленные мною факты и доводы, и убѣдить, что альмское дѣло приняло неудачный для насъ оборотъ единственно по нераспорядительности моей, какъ командующаго лѣвымъ флангомъ.

Считаю долгомъ предетавить на судъ читателей и будущихъ историковъ настоящій ходъ дѣла.

Полковникъ *Вунш* (нынѣ генералъ-маіоръ), во время альмскаго сраженія, исполнялъ номинально должность начальника штаба, потому что его прямыя обязанности, какъ-то: составленіе диспозицій, назначеніе войскъ въ составъ отдѣльныхъ отрядовъ и проч., исполнялъ подполковникъ генеральнаго штаба *Зальсскій*.

Генералъ *Вунш* собирался слишкомъ два года возражать на мою статью и, вмѣсто того чтобы высказать что нибудь новое и полезное объ альмскомъ сраженіи, наполнилъ оную вымыслами и оскорбленіями моей личности; приписалъ мнѣ слова, которыхъ я не говорилъ, приказанія, которыхъ я не получалъ, и движеніе войскъ не въ тѣ моменты, въ которые они совершались.

Онъ пишетъ: «Главнокомандующій, за нѣсколько дней

(1) „Военный Сборникъ“ 1858 г. № 3.

до сраженія, лично осмотрѣвъ мѣстность, назначилъ позиціи войскамъ и, по соображеніямъ, приказалъ поставить у подъема съ моря, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ только батальонъ, которому представлялась возможность, не выказываясь, встрѣтить непріятеля батальнымъ огнемъ, въ то время, когда передовыя его части начнутъ восходить на высоты. Генералъ *Кирьяковъ*, получившій тутъ же приказанія о расположеніи ввѣренныхъ ему войскъ, первый отозвался, что онъ на подъемѣ съ моря, съ однимъ батальономъ, шапками закидаетъ непріятеля».

Генералъ *Вуншъ* приписалъ мнѣ фразу, которой я не могъ произнести даже и потому, что въ этотъ день осматривалъ мѣстность съ полковникомъ *Саблеромъ* (нынѣ начальникомъ штаба 2-й гренадерской дивизіи), на нашемъ правомъ флангѣ, и не былъ при отдачѣ главнокомандующимъ приказаній, а получилъ ихъ уже ночью, чрезъ покойнаго ротмистра *Колобова*, который и показалъ назначенное батальону мѣсто.

Далѣе, генералъ *Вуншъ* продолжаетъ: «На пути слѣдованія нашего къ этому побоищу (къ правому флангу), мы были изумлены, найдя, что позиція наша, слѣва отъ севастопольской дороги, оставлена генераломъ *Кирьяковымъ*, и изумлены тѣмъ болѣе, что и высоты, находящіяся сзади той позиціи и командовавшія ею, никѣмъ не были заняты: французскіе стрѣлки безпрепятственно взбирались уже на оставленную генераломъ *Кирьяковымъ* позицію и открыли по насъ штуцерной огонь (одна пуля ударила въ копыто лошади главнокомандующаго). Проскакавъ еще нѣкоторое пространство, мы встрѣтили генерала *Кирьякова* въ лощинѣ, пѣшаго; на вопросъ: гдѣ его войска? онъ отвѣчалъ, что подъ нимъ убита лошадь! Главнокомандующій послалъ отыскивать войска, оставившія столь важную позицію».

Не будучи очевидцемъ этой встрѣчи съ главнокомандующимъ въ тотъ моментъ, когда подо-мною убита лошадь, и не вникнувъ въ сущность этого случая, подробно описаннаго въ статьѣ моей, генералъ *Вуншъ* объясняетъ его произвольно. Теперь, какъ и прежде, я утверждаю, что, около

12½ часовъ, князь Александръ Сергѣевичъ, возвратившись къ Тарутинскому полку, у котораго я тогда находился, приказалъ мнѣ ѣхать къ Московскому и Минскому полкамъ и ихъ устроить. Войска въ этомъ мѣстѣ состояли: изъ 4-хъ батальоновъ резервной бригады 13-й дивизіи въ 1-й линіи и изъ Тарутинскаго полка, составлявшаго оконечность нашей позиціи на лѣвомъ флангѣ во 2-й линіи. Во время проѣзда главнокомандующаго, войска оставались на своихъ мѣстахъ, какъ первоначально были поставлены, и ни одинъ батальонъ не былъ передвинутъ ни на одинъ вершокъ. Главнокомандующій, при проѣздѣ мимо этихъ войскъ, видѣлъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ.

По словамъ генерала *Вунша*, я, оставивъ столь важный постъ и встрѣченный въ лощинѣ, въ близи непріятельскихъ стрѣлковъ, на вопросъ главнокомандующаго, «гдѣ ваше войско», отвѣчалъ: «подо-мною убита лошадь». Генералъ *Вунш* приписалъ главнокомандующему небывалую слабость, который могъ заставить меня дать прямой отвѣтъ, куда дѣвалась половина арміи; но онъ не сдѣлалъ этого, потому что видѣлъ войска на мѣстѣ, и приказалъ мнѣ ѣхать къ Минскому и Московскому полкамъ.

«Мы скакали съ главнокомандующимъ по линіи», — слова генерала *Вунша*; тогда какъ главнокомандующій ѣхалъ по линіи ровнымъ шагомъ, что всѣ видѣли и впослѣдствіи объ этомъ часто говорили въ арміи. Не понимаю, что хотѣлъ сказать генералъ *Вунш* тѣмъ, что штуцерная пуля попала въ конецъ лошади главнокомандующаго; тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго: пули могла попасть и въ самого главнокомандующаго, когда онъ скакалъ по линіи, точно также, если бы онъ ѣхалъ шагомъ.

«Французы успѣли выдвинуть на бывшую позицію генерала *Кирьякова* артиллерію, говоритъ генералъ *Вунш*, и открыли огонь во флангъ нашего праваго крыла. Вотъ чѣмъ оправдываются слова князя *Горчакова* и генерала *Коцинскаго*, что отступленіе началось слѣва отъ нихъ, и что они слѣва были обойдены; и вотъ настоящая причина, отчего войска ихъ понесли потерю значительнѣе, нежели могли ожидать, и отъ чего нѣкоторыя части, по-

терявъ всѣхъ своихъ начальниковъ, нѣсколько смѣшались. Здѣсь я былъ контуженъ и вынужденъ отправиться на перевязку».

Вотъ новыя подробности, о которыхъ до сихъ поръ никто не слыхалъ, и которыя, вѣроятно, одинъ генералъ *Бушъ*, какъ очевидецъ ихъ, можетъ описывать. Правда, что французы выдвинули артиллерію противъ нашего лѣваго фланга и тѣмъ начали сраженіе съ полками Минскимъ и Московскимъ: но какое вліяніе могла имѣть эта артиллерія на нашъ правый флангъ, тогда какъ она даже и лѣвому флангу не нанесла никакого вреда?

Генералъ *Бушъ* продолжаетъ: «Общее отступленіе началось, когда войска князя *П. Д. Горчакова* стали на одной линіи съ лѣвымъ флангомъ, которому тогда только и послано приказаніе отступать. Боевая линія почти въ одно время прошла за линію резервовъ: здѣсь приказано Вольнскому пѣхотному полку и войскамъ генерала *Кирьякова*, бывшимъ на позиціи отъ севастопольской дороги, а именно: 2-й бригадѣ 17-й и четыремъ резервнымъ баталіонамъ 13 й пѣхотныхъ дивизій прикрыть отступленіе: генерала *Кирьякова*, которому по старшинству слѣдовало принять начальство надъ арріергардомъ, не оказалось при его войскахъ, почему главнокомандующій приказалъ полковнику *Хрущову* (нынѣ генералъ-майору) прикрыть отступленіе; это и было исполнено полковникомъ *Хрущовымъ* въ совершенномъ порядкѣ».

Больно видѣть, что генералъ *Бушъ* позволилъ себѣ, по пасынкѣ, распространять печатную ложь. Если меня не было при войскахъ, какъ онъ утверждаетъ, то кто же управлялъ отступленіемъ? Также желалъ бы я знать, когда и кто послалъ ко мнѣ приказаніе начать отступленіе. Всѣ войска, бывшія подъ моимъ начальствомъ, могутъ подтвердить, что я все время былъ на своемъ мѣстѣ, ни отъ кого не получалъ приказанія отступать, а отдалъ это приказаніе самъ, когда не было никакой возможности держаться на моей позиціи, и что если бы я промедлилъ одну минуту, то весь лѣвый флангъ, обойденный справа, могъ поплатиться за это плѣномъ или совершен-

нымъ уничтоженіемъ, будучи прижатымъ къ морю. Отступленіе это подробно и вѣрно описано въ статьѣ моей, на которую возражаетъ генералъ *Вунш*.

Къ этому прибавлю, что я, съ войсками лѣваго фланга, достигнувъ направленія, по которому отступилъ правый флангъ къ Качѣ, выстроилъ войска къ бою, имѣя впереди до 30 орудій, принадлежавшихъ составу праваго фланга.

Когда войска лѣваго фланга были построены, то, для наблюденія непріятеля, я, съ нѣсколькими козаками, выѣхалъ впередъ, ближе къ нему. Въ это самое время, главнокомандующій, проѣзжая мимо командуемыхъ мною войскъ, потребовалъ меня, а самъ поѣхалъ далѣе: мнѣ дали объ этомъ знать, и я догналъ его за полторы версты. Тутъ же при немъ былъ и покойный адмиралъ *Корниловъ*, съ нѣсколькими офицерами своего штаба. Его свѣтлость, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Прикажите войскамъ, чтобы они, перейдя Качу, остановились ночевать, а завтра рано слѣдовали на Бельбекъ, гдѣ вы изберите позицію и поставьте войска лицомъ къ морю, такъ чтобы была прикрыта дорога въ Бахчисарай». Вѣроятно найдется кто нибудь, кто былъ свидѣтелемъ этого разговора.

На другой день войскамъ велѣно слѣдовать на Южную сторону, чрезъ Инкерманскій мостъ, а тѣ, которыя были ближе къ сѣверной сторонѣ, переправились на пароходахъ, оставивъ одинъ Тарутинскій полкъ на сѣверной сторонѣ.

Возвратившись къ войскамъ, я приказалъ пѣхотѣ и артиллеріи слѣдовать къ Качѣ, а самъ остался при гусарскомъ Принца Веймарскаго полку, при которомъ находились 4 орудія донской конной батареи. Когда, по моему разсчету, всѣ войска уже переправились за Качу, я двинулся съ гусарами туда же и прибывъ на Качу, отправился къ главнокомандующему доложить, что всѣ войска переправились; отъ него поѣхалъ на Бельбекъ, чтобы къ утру выполнить данное мнѣ приказаніе, на счетъ выбора позиціи.

Итакъ, не соображаясь ни съ какими обстоятельствами,

генералъ *Вунтъ* утверждаетъ, что альмское сраженіе могло бы обойтись непріятелю дороже, еслибы я безъ боя не отдалъ позицію, которая дала возможность зайти во флангъ нашему правому крылу, и тѣмъ преждевременно взять надъ нами перевѣсъ.

Если доказано, что занимаемая мною позиція никогда, ни безъ боя, ни съ боемъ, не отдавалась, а оставлена только въ то время, когда передовыя войска праваго фланга подходили почти къ долинѣ Качи.—то отчего не нанесено болѣе вреда непріятелю?

Всякій, кто видѣлъ мѣстность при Альмѣ и позицію мною занимаемую на лѣвомъ флангѣ, скажетъ, что при отступленіи невозможно скрыть не только такую массу войскъ, какую составлялъ лѣвый флангъ, но и унтеръ-офицерскій карауль будетъ виденъ на самое дальнее разстояніе; и еслибъ, въ то время, на мѣстѣ моей позиціи были непріятельская артиллерія и стрѣлки, какъ увѣряетъ генералъ *Вунтъ*, то навѣрное бы правый флангъ, и въ особенности полки Минскій и Московскій, были бы подвержены совершенному уничтоженію.

Въ сужденіяхъ генерала *Вунта* о томъ, для чего дано альмское сраженіе, нельзя не замѣтить оригинальности взгляда его на военное дѣло; напримѣръ: «чтобы нанести чувствительный уронъ непріятелю, должно было, въ видахъ сбереженія собственнаго войска для будущихъ дѣйствій, обратить полное вниманіе на то, какъ бы нанести непріятелю въ альмскомъ сраженіи по возможности чувствительный уронъ и уступить съ боя альмскую позицію»,— и для этого находитъ самымъ лучшимъ спустить наши боевыя линіи къ подошвамъ горъ, отъ того, что тамъ есть кустарники. При этомъ забыты всѣ правила военнаго искусства; на чемъ же основалъ генералъ *Вунтъ* успѣхъ альмскаго сраженія, спустивъ двѣ боевыя линіи и всѣхъ штуцерныхъ къ подошвѣ горъ, и тѣмъ далъ непріятелю превосходство даже въ мѣстности. Небольшое возвышеніе со стороны непріятеля командовало нашей позиціей. Спущенныя войска, особенно на правомъ флангѣ, встрѣтили нападеніе вдвое сильнѣйшаго насъ непріятеля. (Ре-

зервовъ, которые оставались на горахъ, нельзя было намъ спустить внизъ, какъ послѣднюю опору при отступленіи). Войска праваго фланга, атакуемыя превосходными силами, дрались упорно; но что они могли сдѣлать? Есть предѣлы стойкости; потерявъ почти всѣхъ начальниковъ, правый флангъ вынужденъ былъ отступать, но не отъ французской артиллеріи, которая явилась будто во флангъ на занимаемой мною позиціи; резервные батальоны и Тарутинскій полкъ никогда не были атакованы съ фронта, и потому оставались на мѣстахъ почти до самаго окончанія сраженія, то есть до полнаго отступленія праваго фланга.

Если необходимо было дать сраженіе на Альмѣ, какъ полагаетъ генералъ *Вуличъ*, съ цѣлью нанести по возможности болѣе вреда непріятелю и потомъ отступить, то, по моему, лучше было бы расположить войска на самыхъ высотахъ и заставить непріятеля штурмовать горы. Въ этомъ расположеніи, при неудачѣ, потеря съ нашей стороны была бы незначительна; большая же потеря со стороны непріятеля—неизбѣжна, по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Въ сраженіи при Альмѣ мы имѣли стрѣлковый батальонъ и болѣе 1,800 штуцеровъ. Пользуясь мѣстными укрытіями, намъ слѣдовало: расположить штуцерныхъ стрѣлковъ и густую цѣпь на высотахъ; первую линію, въ ротныхъ колоннахъ, поставить на той линіи, гдѣ во время сраженія стояли резервы; тогда вторая линія и резервы были бы удалены на столько, что французамъ былъ бы обходъ нашего лѣваго фланга почти невозможенъ: выдвинувшуюся впередъ высоту, по правую сторону севастопольской дороги (ту самую, гдѣ была палатка главнокомандующаго), занять стрѣлковой цѣпью, съ одной батарейной батареей и четырьмя батальонами; эти войска составили бы авангардъ, и, при неудачѣ, могли почти безъ потери отступить къ главнымъ силамъ праваго фланга.

При такомъ расположеніи войскъ, на нашей сторонѣ были бы слѣдующія выгоды: непріятель, приближаясь къ деревнѣ Бурлюкъ и еще не переходя рѣчки, долженъ былъ бы дѣйствовать навѣсными выстрѣлами: перейдя же рѣчку,

онъ терялъ вовсе изъ виду наши движенія и расположенія войскъ, и долженъ былъ дѣйствовать на-обумъ, тогда какъ его малѣйшія движенія у насъ въ виду. Спрашивается: какой способъ избралъ бы непріятель для овладѣнія высотами? Если атакуетъ цѣпью, то эта цѣпь на половинѣ горы уже будетъ до того слаба отъ нашихъ штуцеровъ и цѣпи, закрытыхъ въ ямахъ, что онъ едва ли осмѣлится продолжать наступленіе; если колоннами, то мы придвигаемъ къ тому направленію превосходное число войскъ, сосредоточиваемъ огонь батарей, и можемъ съ пользою употребить наше любимое, и въ этихъ случаяхъ превосходное, оружіе — штыки. Я убѣжденъ, что союзники, при всѣхъ усиліяхъ, не могли бы овладѣть въ тотъ и даже на другой день нашею позиціею, и только могли принудить насъ къ отступленію, направя большую часть силъ къ обходу нашего праваго фланга, но подобнаго движенія со стороны союзниковъ нельзя было ожидать, потому что и при такомъ выгодномъ, какъ было для нихъ, размѣщеніи нашихъ войскъ, они не предприняли ничего рѣшительнаго противъ праваго фланга, а пошли въ обходъ лѣваго, и сами стали на то мѣсто, куда должны были стараться прижереть нашу армію, именно къ морю, и потому, понеся почти одинаковыя съ нами потери, будучи вдвое сильнѣе насъ, не имѣли важныхъ результатовъ побѣды.

Кажется, французы поняли свою ошибку только во время самаго боя, именно въ тотъ моментъ, когда увидѣли успѣхъ англичанъ на правомъ флангѣ, и оттого такъ легко уступили атакѣ двухъ нашихъ разстроенныхъ полковъ Минскаго и Московскаго, спустились съ высотъ, съ бывшею тамъ артиллеріею, чтобы ослѣпить насъ минутнымъ успѣхомъ, и дать время англичанамъ обойти нашъ правый флангъ и прижать его къ морю. Это намѣреніе, однако, уже поздно было привести въ исполненіе, какъ и всѣ, о которыхъ прежде не подумаютъ.

Считая себя выше личныхъ оскорбленій, которыя генералъ *Вунтъ* позволилъ себѣ въ статьѣ своей противъ меня, и сознавая, что журналъ «Военный Сборникъ», служа органомъ для борьбы мнѣній о предметѣ, не долженъ

давать мѣста на страницахъ своихъ частной полемикѣ-перебранкѣ, я заключаю статью свою указаніемъ генералу *Вунша*, что даже самое исчисленіе войскъ, сражавшихся подъ Альмой, сдѣлано имъ неправильно. Между войсками, участвовавшими въ дѣлѣ, онъ называетъ первую бригаду 17-й пѣхотной дивизіи, состоящую изъ полковъ Московскаго и Бутырскаго, но Бутырскій полкъ въ сраженіи при Альмѣ совсѣмъ не участвовалъ и прибылъ къ арміи недѣли три спустя, прямо въ Севастополь.

Непростительно генералу *Вунша*, хотя и номинально исправлявшему должность начальника главнаго штаба арміи, не знать, какія именно войска участвовали въ сраженіи (¹).

Генералъ-лейтенантъ **Кирьяковъ.**

Отрывокъ изъ письма пѣхотнаго офицера (²).

Позиція на Бельбекѣ, 7-го октября 1854 г.

...«26-го августа, еще на прежнемъ мѣстѣ въ лагерѣ, мы замѣтили на разсвѣтѣ два винтовые фрегата, пароходъ и большой винтовый корабль, которые поутру были у Севастопольской бухты, измѣряя глубину моря, противу устья Бельбека, гдѣ мы стояли, а потомъ у сѣверной стороны Севастополя, разумѣется внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей. Къ вечеру они пошли по направленію къ Эупаторіи. Намъ это было не въ диковину: въ продолженіе всего лѣта мы видѣли крейсеровъ, которые приходили и уходили. Заключеніе наше объ этихъ четырехъ судахъ было какъ и прежде, то есть, что это были крейсеры. Стали забывать о нихъ, но 30-го числа того же мѣсяца замѣтили на горизонтѣ дымъ, къ сторонѣ Эупаторіи, который обличалъ присутствіе большой эскадры. Телеграфъ далъ знать, что замѣчено имъ до 30 вымпеловъ; на слѣдующій день дали

(¹) „Военный Сборникъ“ 1859 г. № 1.

(²) Отрывокъ этотъ заимствованъ изъ статьи *А. Скальковскаго*. „Русскіе крестовые рыцари къ борьбу 1851—1855 годовъ“. См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1855 г. № 124.

знать, что въ другомъ мѣстѣ показалось еще 42 вымпела, а потомъ и потеряли имъ счетъ; было несомнѣнно, что везли десантъ. Въ слѣдствіе этого нашъ полкъ 2-го сентября оставилъ свое четырехмѣсячное пребываніе, 3-го числа мы были уже на позиціи при д. Бурлюкъ, расположенной на рѣчкѣ Альмѣ (въ 35 верст. отъ Севастополя), почти у самаго моря, куда стягивались войска наши съ разныхъ сторонъ. Непріятель высаживался въ 17 верстахъ отъ насъ и въ 15 отъ Эвпаторіи. Ему не препятствовали, да и нельзя было препятствовать. 6-го числа всѣ наши войска были уже на позиціи довольно крѣпкой, по лѣвую сторону рѣчки Альмы, занимая высоты: артиллерія наша была расположена въ самыхъ удобныхъ мѣстахъ, съ которыхъ прекрасно обстрѣливала мостъ-переправу на нашу сторону и вообще всю деревню; лѣвый флангъ нашъ былъ въ 4-хъ верстахъ отъ моря. Все расположено было въ боевомъ порядкѣ готовы были встрѣтить непріятеля. О наступленіи нашемъ не было и помину, по малочисленности войскъ. Число нашихъ простиралось до 30 т., а ихъ до 70 т. человѣкъ, не считая флота.

«7-го числа они предприняли послѣ обѣда рекогносцировку нашей позиціи. Тутъ было небольшое авангардное кавалерійское дѣло, которое продолжалось не болѣе 1½ часа и ограничилось нѣсколькими ранеными и убитыми. Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ ихъ полковникъ генеральнаго штаба, который, принявъ одинъ эскадронъ нашихъ гусаръ, который былъ въ кителяхъ, за своихъ, попался въ руки нашего гусарскаго унтеръ-офицера, получившаго за такую любопытную добычу 150 руб. сер. — Ночь проспали мы спокойно, не предвидя, что будетъ завтра! Надѣялись, что будетъ сраженіе, потому что непріятель къ вечеру былъ уже въ 8 верстахъ отъ насъ, а ночью зажегъ безчисленные костры. Каждый готовъ былъ умереть; но не такъ страшна угрожающая смерть при мысли о долгѣ и чести! 8-го числа день Рождества Богородицы; въ полку служили молебенъ. Священнослужитель осѣнилъ насъ крестомъ и окропилъ святою водою. Съ 7-ми часовъ утра замѣтили движеніе ихъ колоннъ. На сторонѣ нашего лѣваго

фланга еще наканунѣ расположилась часть непріятельскаго флота, обстрѣливая берегъ; но выстрѣлы ихъ были безвредны. Мы не подозрѣвали ихъ хитрости, которую они собирались выкинуть. Все вниманіе наше было обращено на массы, двигавшіяся на деревню Бурлюкъ. Уже передовые полки наши стояли въ ружьѣ, уже фитили наши дымились, уже ставка его свѣтлости снята. Князь *Меншиковъ*, около 11-ти часовъ, объѣзжалъ войска, желая имъ побѣды. Крики *ура!* постепенно оглашали воздухъ. Непріятель всей массой войска двигался на насъ; уже мы различали цвѣтъ его мундировъ: онъ былъ въ 4-хъ верстахъ отъ насъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ завязалась первая перестрѣлка, именно тамъ, гдѣ мы не видѣли непріятеля; перестрѣлка эта усиливалась болѣе и болѣе. Подъ прикрытіемъ 9 кораблей и пароходовъ, которые расположились наканунѣ у самаго берега, пробрались къ намъ баталіоны французской африканской пѣхоты съ частію артиллеріи. Тутъ они были встрѣчены 2-мъ баталіономъ Минскаго полка *Раковича*, который стоялъ скрытно въ лощинѣ. Туда были посланы весь Минскій полкъ, два баталіона Московскаго полка, только что пришедшихъ изъ Ѳеодосіи, одинъ или два батальона резервовъ 13-й дивизіи съ частію артиллеріи. Завязалось очень жаркое дѣло: ихъ морская артиллерія сильно дѣйствовала по Минцамъ и Московцамъ, такъ что трудно и невозможно было стоять противъ этого адскаго огня. Не смотря на то, наши бросаются въ штыки: они отступаютъ, раздвигается фронтъ, и въ это раздвинутое мѣсто вторгаются ихъ батареи, которыя поражаютъ картечью наши колонны, такъ что мы и не видали ихъ хваленыхъ штыковъ при такомъ образѣ дѣйствія. Минскій и Волынскій полки составляли боевой резервъ: слѣдовательно они были въ 3-й боевой линіи. Но я уже сказалъ, что Минскій полкъ неожиданно очутился въ первой линіи и въ самомъ жаркомъ дѣлѣ. Нашъ полкъ стоялъ еще на своемъ мѣстѣ, готовый къ дѣлу. Пользуясь этимъ, я сталъ не вдалекѣ отъ своего полка на курганѣ и былъ пока только зрителемъ ожесточеннаго боя, происходившаго на лѣвомъ флангѣ; сердце билось и сжималось, лицо горѣло.

какъ опаленное солнцемъ. Между тѣмъ главныя непріятельскія силы, двигавшіяся на д. Бурлюкъ, были встрѣчены самымъ сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи, стрѣлковъ и штуцерныхъ; но они идутъ на переправу — на мостъ. Артиллерія мѣткою картечью заставляетъ нѣсколько разъ отступать назадъ, поражая сотни жертвъ, падающихъ у моста. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ попытокъ они переходятъ наконецъ Альму. Послѣ этого загорѣлся общій, страшный бой по всей линіи. Тутъ уже не до сильныхъ ощущеній!... Нѣсколько ядеръ провизжали мимо меня и падали даже за полверсты сзади. Я отправился къ полку, который началъ свои движенія, прикрывая артиллерію. По всей линіи неумолкаемый огонь, адъ! Болѣе 300 орудій гремѣло безпрерывно, аккомпанируемыя залпами съ кораблей. Трудно представить себѣ болѣе ужасную картину! Мы отступали тихо, какъ на маневрахъ. Колонны нашего полка, представляя большую мишень, были покрываемы ядрами; гранаты лопались надъ головой, осыпая насъ своими осколками. Спасибо храброму командиру полка: онъ своими искусными маневрами спасъ насъ отъ большой потери. Убитыхъ и раненыхъ у насъ въ полку не болѣе 50. По принятому плану, отступленіе въ порядкѣ совершилось всею линіею: батальоны бросались въ штыки, задерживая наступленіе непріятеля. За нами гнался тотъ же неумолимый ревъ пушекъ! Къ шести часамъ вечера все замолкло. Полагая, что непріятель будетъ наступать, войска опять выстроились въ боевой порядокъ на другой горѣ. Волынскій и Суздальскій полки, прикрывавшіе отступленіе, были въ первой боевой линіи. Но непріятель не думалъ идти впередъ... Къ девяти часамъ вечера всѣ войска наши были отведены за р. Качу: оттуда, на слѣдующій день, въ Севастополь. Послѣ сего начались тактическія движенія войскъ нашихъ, которыя хотя и важны, но для насъ будутъ темны, какъ и для всѣхъ насъ, пока мы не узнали въ чемъ дѣло. Довольно того, что мы успѣли выжить нашихъ враговъ съ сѣверной стороны Севастополя. 12-го числа англичане были въ Балаклавѣ (которая тоже защищалась почти два часа), а теперь, вмѣстѣ съ францу-

зами, облегаютъ южную и западную стороны Севастополя. Корабли ихъ стоятъ въ трехъ мѣстахъ: въ Балаклавѣ, возлѣ Севастополя и близъ р. Качи...»

Воспоминаніе о началѣ крымской кампаніи въ 1854 году.

Непріязненное положеніе, принятое Австріею въ началѣ 1854 года, было главною причиною поспѣшности, съ которою осада Силистріи была снята русскими войсками и наша армія перешла за рѣку Прутъ, въ границы Бессарабіи. Это обстоятельство совершенно измѣнило ходъ войны на Дунаѣ, вполнѣ развязывая руки союзному гиганту; турки ободрились и съ легкомыслiемъ, достойнымъ невѣжественнаго народа, стали говорить о предстоящемъ расширеніи владѣній Порты, въ ущербъ Россіи. Англо-французскія войска, непрерывно подвозимыя множествомъ транспортныхъ судовъ и пароходовъ, сосредоточивались въ Варнѣ, гдѣ ихъ главнокомандующіе, дѣятельно подготовляя всѣ средства, необходимыя для высадки большаго десантнаго корпуса, сохраняли въ тайнѣ свой планъ относительно мѣстности, избранной для осуществленія этого предпріятія. Хотя иностранные журналы давно уже писали, что главныя усилія союзниковъ будутъ направлены на Севастополь, для уничтоженія черноморскаго флота, но высадка въ Крымъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какихъ требовало это предпріятіе, казалась для многихъ невозможною; люди, спеціальные въ военномъ дѣлѣ, думали, что всякое покушеніе непріятеля высадить свои войска на Таврическомъ полуостровѣ неминуемо повлечетъ за собою гибель десантнаго корпуса. Я помню, одинъ гвардейскій генералъ писалъ къ своему родственнику (съ которымъ и жилъ, по отступленіи нашихъ войскъ къ Бахчисараю, въ одной палаткѣ), что, по мнѣнію его, Крымъ совершенно былъ безопасенъ отъ непріятельскихъ нападеній, потому что высадка въ большихъ размѣрахъ казалась ему неисполнимою, а въ малыхъ она противорѣчила стратегическимъ соображеніямъ непріятеля. Письмо это было по-

лучено моимъ товарищемъ въ то самое время, когда взятіе Севастополя, послѣ альмскаго сраженія, не представляло ничего невозможнаго.

Въ началѣ лѣта 1854 года, князь *Меншиковъ*, командуя въ то время войсками, расположенными въ Крыму, просилъ о присылкѣ ему конгревовыхъ ракетъ для усиленія дѣйствій береговой артиллеріи. Въ слѣдствіе этого мнѣ предписано было немедленно отправиться съ транспортомъ изъ 600 боевыхъ ракетъ въ Севастополь и, по прибытіи на мѣсто, состоять въ распоряженіи его свѣтлости, отъ котораго ожидать приказаній для употребленія ракетъ въ дѣло противъ непріятеля. Выѣхавъ изъ Петербурга 3-го іюля, я прибылъ въ Симферополь только въ концѣ августа мѣсяца, по причинѣ неисправности транспортныхъ ямщиковъ. Тутъ я узналъ, что нашъ пароходъ «Эльборусъ» подходилъ къ Варнѣ, гдѣ замѣтилъ необыкновенную дѣятельность: огромное количество транспортныхъ судовъ стояло въ гавани и нѣкоторыя изъ нихъ были уже нагружены разными принадлежностями десантнаго корпуса. Приготовленія, дѣлаемыя непріятелемъ, ясно выказывали намѣренія его произвести высадку на нашихъ берегахъ. Извѣстіе, привезенное пароходомъ «Эльборусъ», привело въ восторгъ военное населеніе Симферополя; всѣ видѣли съ особеннымъ удовольствіемъ приближеніе того времени, когда приходилось стать въ ряды защитниковъ отечества. На балѣ, данномъ офицерами Нигерманландскаго гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка симферопольскому обществу, танцы продолжались до 2-хъ часовъ утра; когда же дамы разъѣхались и офицеры остались одни, разговоръ обратился на предстоявшую кампанію. При мысли, что скоро настанетъ пора помѣряться силами съ непріятелемъ, восторгъ доходилъ до изступленія; сердца всѣхъ горѣли благороднымъ энтузіазмомъ, который, конечно, составляетъ одно изъ вѣрныхъ ручательствъ въ успѣхѣ. Увѣренные въ своихъ силахъ и съ полной готовностью умереть за отечество, всѣ выражали нетерпѣливое желаніе скорѣйшаго начала той драмы, въ счастливой развязкѣ которой никто не сомнѣвался.

Сентября 1-го я пріѣхалъ въ Севастополь. Здѣсь мнѣ повторили все слышанное мной въ Симферополѣ и, кромѣ того, я узналъ, что къ нашему береговому телеграфу подходилъ одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, съ котораго объявлено было офицеру, находившемуся на телеграфѣ, на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ: «мы скоро къ вамъ будемъ».— «Милости просимъ, мы давно васъ ждемъ» было ему отвѣтомъ. Хотя подобную выходку непріятельскаго парохода нельзя было считать непремѣннымъ доказательствомъ намѣренія союзниковъ высадить къ намъ свои войска, но тѣмъ не менѣе она служила нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія.

Въ день моего пріѣзда я явился къ князю *Меншикову* и доложилъ ему о моемъ порученіи. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе о приближеніи непріятельской эскадры съ десантомъ къ берегамъ Крыма. Извѣстіе это произвело на всѣхъ, бывшихъ у его свѣтлости, самое пріятное впечатлѣніе; разговоры оживились, начались догадки о томъ, гдѣ непріятель высадится, составлялись различныя предположенія. Не имѣя положительныхъ свѣдѣній о численности нашихъ войскъ, готовыхъ встрѣтить непріятеля, я обратился къ штабъ-ротмистру *Жолобову* (1), находившемуся при князѣ *Меншиковѣ* въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, и спрашивалъ его мнѣнія о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Его твердые и положительные отвѣты дали мнѣ полную надежду на скорое и блестящее окончаніе открывавшейся кампаніи; онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ нашего оружія, что въ разговорѣ со мной сталъ придумывать, кого могутъ послать съ донесеніемъ къ Государю о разбитіи непріятельской арміи. Хотя я и высказывалъ ему нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, чтобы непріятель могъ съ такой опрометчивостію начать свои военныя дѣйствія, однако, не менѣе того, увлеченный его благороднымъ краснорѣчіемъ, я и самъ былъ убѣжденъ въ вѣроятности нашихъ будущихъ побѣдъ, и потому,

(1) Жолобову оторвало ядромъ ногу въ сраженіи при Алмѣ; не согласившись на операцію, онъ умеръ спустя нѣсколько дней послѣ дѣла.

встрѣтивъ на другой день озабоченнаго и глубоко занятаго *Тотлебена*, я сказалъ ему, что труды его, безъ сомнѣнія, будутъ напрасны, потому что непріятели не допустятъ до Севастополя. Не помню, что мнѣ отвѣчалъ *Тотлебенъ*, но въ отвѣтѣ его, кажется, было гораздо менѣе увѣренности, чѣмъ въ словахъ *Жолобова*.

Вечеромъ 1-го сентября я поѣхалъ въ театръ: давали „Ревизора". Артисты довольно удовлетворительно выполняли свои роли, но умы всѣхъ такъ были заняты открывавшеюся кампаніей, что никто почти не обращалъ вниманія на даваемое представленіе. Въ антрактѣ между 3-мъ и 4-мъ актами прискакалъ посланный отъ князя *Меншикова* къ военному губернатору Севастополя, адмиралу *Станюковичу*, находившемуся съ семействомъ въ ложѣ, и объявилъ, что непріятель сталъ на якорь и готовитъ суда для перевозки войскъ на берегъ. Слухъ объ этомъ извѣстіи пронесся по театру съ быстротою электричества; губернаторъ тотчасъ уѣхалъ, а офицеры, толпясь въ партерѣ, толковали о привезенной новости. Представленіе вскорѣ кончилось, театръ опустѣлъ, но Екатерининская улица, по которой я шелъ домой, представляла необыкновенное въ этотъ часъ зрѣлище: всѣ окна въ домахъ были освѣщены, народъ ходилъ взадъ и впередъ, и на каждомъ перекресткѣ я замѣтилъ группы офицеровъ, преимущественно моряковъ, разсуждавшихъ о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Стараясь вслушаться въ ихъ разговоры, я узналъ между прочимъ, что предположено было изъ двухъ флотскихъ экипажей сформировать два батальона въ пѣшемъ строю и отправить ихъ для усиленія пѣхоты; одинъ изъ этихъ батальоновъ участвовалъ въ сраженіи при Альмѣ. Вся ночь съ 1-го на 2-е сентября была проведена въ различныхъ приготовленіяхъ къ открывавшейся кампаніи; на всѣхъ улицахъ замѣтна была необыкновенная дѣятельность и, конечно, большая часть военнаго населенія города эту ночь не спала. Сильныя впечатлѣнія дня отняли и у меня сонъ: на другой день, рано поутру, я былъ уже на ногахъ и отправился узнать, не получено ли новыхъ извѣстій о дѣйствіяхъ непріятеля. Мнѣ сказали, что союзники заняли

Эвпаторію безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны, и что, кромѣ того, они начали высаживать свои войска близъ стараго укрѣпленія, недалеко отъ устья Альмы.

Ракеты, которыя я привезъ, не могли быть употреблены ни въ полѣ, по непмѣнію легкихъ станковъ, ни на береговыхъ батареяхъ, по причинѣ малой дальности полета ракетъ, а потому, не желая оставаться праздными и полагая, что военныя дѣйствія ограничатся только полевыми сраженіями, я рѣшился просить о назначеніи меня въ дѣйствующій отрядъ, который собирался на Альмѣ, близъ деревни Бурлюка. Трудно описать радость, которую я почувствовалъ, когда получилъ предписаніе князя *Меншикова* отправиться немедленно въ отрядъ и находиться тамъ въ распоряженіи отряднаго начальника артиллеріи, генералъ-маіора *Кишинскаго*. Предписаніе это я получилъ 4-го сентября, а 5-го, въ 6 часовъ утра, я былъ уже въ отрядѣ.

Сначала положеніе мое было весьма непріятно; изъ первыхъ дней моего пребыванія между людьми, которыхъ я видѣлъ въ первый разъ и между которыми былъ совершенно чужой, я вынесъ грустное воспоминаніе. Мой гвардейскій мундиръ внушилъ многимъ изъ армейскихъ артиллеристовъ какое-то недружелюбное чувство, которое не старались даже отъ меня скрывать. Во мнѣ никто не хотѣлъ видѣть товарища, готоваго дѣлить и горе, и радость боевой жизни, искавшаго хоть слабаго сочувствія въ тѣхъ, между которыми его бросила судьба: во мнѣ видѣли человѣка, пріѣхавшаго за наградами, съ намѣреніемъ предъявлять на нихъ бо́льшія права, чѣмъ тѣ, которые носили армейскій мундиръ. Однако это первое, невыгодное впечатлѣніе, произведенное моимъ пріѣздомъ, вскорѣ совсѣмъ изгладилось, и со многими изъ артиллерійскихъ офицеровъ я былъ въ послѣдствіи въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, такъ что, три мѣсяца послѣ того, при отъѣздѣ моемъ изъ Крыма, меня провожали какъ настоящаго сослуживца, съ которымъ разставались не безъ сожалѣнія. Положеніе мое въ отрядѣ было сначала затруднительно еще и тѣмъ, что я не имѣлъ верховой лошади. Купить ее было негдѣ,

а оставаться пѣшкомъ было невозможно, въ слѣдствіе чего я долженъ былъ взять пристяжную, предложенную мнѣ ямщикомъ, который привезъ меня изъ Севастополя, и хоть она была совершенно разбита, не менѣе того я заплатилъ за нее 100 рублей серебромъ.

Недружелюбный пріемъ, сдѣланный мнѣ артиллеристами, заставилъ меня отказаться отъ желанія служить во фронтѣ одной изъ батарей. Генералъ *Кишинскій* оставилъ меня при себѣ, въ качествѣ адъютанта.

Пользуясь моимъ новымъ положеніемъ, я объѣзжалъ нѣсколько разъ нашу позицію, разсматривалъ со вниманіемъ расположеніе каждой части нашихъ войскъ, старался вникнуть въ планъ нашихъ будущихъ дѣйствій и, по неопытности моей въ военномъ дѣлѣ, а также по незнанію числительности высадившихся непріятельскихъ войскъ, полагалъ, что мы непремѣнно удержимъ за собой занятую нами позицію. Къ тому же духъ нашихъ войскъ былъ удивительно хорошъ: разговаривая съ солдатами, я болѣе и болѣе убѣждался въ ихъ рвеніи скорѣе сразиться съ непріятелемъ и въ полной готовности положить жизнь за царя и отечество: въ словахъ ихъ проглядывало какое-то негодованіе на враговъ за дерзкій ихъ замыселъ внести войну въ наши предѣлы. Прошло два дня послѣ моего пріѣзда; я поселился въ палаткѣ съ командиромъ легкой № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады, капитаномъ *Маіевскимъ*, и уже немного привыкъ къ бивуачной жизни, которая мнѣ была и прежде знакома по маневрамъ въ Красномъ Селѣ. Настало 7-е сентября. Въ этотъ день мы отобѣдали, по обыкновенію, въ первомъ часу дня. Не имѣя привычки спать послѣ обѣда, я, какъ нарочно, заснулъ въ этотъ день самымъ крѣпкимъ сномъ, послѣдствія котораго были для меня весьма непріятны. Непріятель выслалъ дивизію пѣхоты и свою кавалерію для рекогносцировки; съ нашей стороны послали также маленькій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Кирьякова*, чтобы остановить наступленіе непріятеля. Съ этимъ отрядомъ поѣхалъ и начальникъ мой, генералъ *Кишинскій*. Не зная ничего о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, я проснулся лишь въ то

время, когда раздались наши выстрѣлы. Въ одно мгновеніе я былъ на ногахъ, бросился въ палатку къ моему генералу, и узнавъ, что онъ уѣхалъ, поскакалъ къ нему на едва осѣдланной лошади; но дѣло (ограничившееся нѣсколькими выстрѣлами и не имѣвшее никакихъ послѣдствій) было уже кончено; я встрѣтилъ отрядъ на обратномъ пути. Трудно себѣ представить, что я почувствовалъ при этомъ. Генералъ *Кишинскій* молча выслушалъ мои извиненія, и это было для меня мучительнѣе, невыносимѣе всякой пытки. Я чувствовалъ оскорбленіе въ моемъ самолюбіи и понималъ, что самъ далъ поводъ сомнѣваться въ моей военной чести, тѣмъ болѣе, что мои извиненія имѣли видъ школьной отговорки; мнѣ казалось, что я погибъ въ общемъ мнѣніи, что мнѣ остается одно—искать смерти.

Рекогносцировка 7-го сентября замѣчательна была лишь маленькимъ недоразумѣніемъ: одинъ изъ дивизіоновъ Кіевскаго гусарскаго герцога Лейхтенбергскаго полка стоялъ въ этотъ день на аванпостахъ и былъ одѣтъ въ кителя: другіе же дивизіоны этого полка, выѣхавшіе на встрѣчу непріятелю съ отрядомъ генерала *Кирьякова*, имѣли на себѣ доломаны. Въ концѣ дѣла, при отступленіи гусаръ на позицію, съ ними отступилъ и примкнувшій къ нимъ дивизіонъ въ кителяхъ. Между тѣмъ одна изъ нашихъ батарей поставлена была на выгодномъ мѣстѣ и получила приказаніе, пропустивъ нашу кавалерію, немедленно открыть огонь по непріятельской, которая направилась въ слѣдъ за нашей. Мѣстность, по которой проходили гусары, была пересѣчена возвышенностями и надобно было, къ довершенію несчастія, чтобы дивизіонъ въ кителяхъ тогда только показался изъ-за возвышенія, когда другіе дивизіоны уже открыли мѣсто для стрѣльбы. Не сомнѣваясь, что показавшаяся кавалерія была непріятельская, командиръ батареи тотчасъ открылъ по ней огонь, и прежде чѣмъ разъяснилось недоразумѣніе, успѣлъ сдѣлать три или четыре выстрѣла. Отъ этихъ выстрѣловъ, сколько мнѣ помнится, былъ раненъ рядовой и убито двѣ или три лошади. Въ тотъ же самый день, 7-го сентября, былъ взятъ въ плѣнъ подполковникъ французскаго генеральнаго шта-

ба *де-Лагонди*, ѣхавшій съ порученіемъ отъ лорда *Раглана* къ маршалу *Сентъ-Арно*. По близорукости своей, онъ самъ наѣхалъ на нашихъ гусаръ, которыми тотчасъ же былъ схваченъ. Попавшись въ плѣнъ, *де-Лагонди* былъ въ отчаяніи: ему предложили послать парламентера за его вещами: онъ было-согласился на это предложеніе, но, подумавъ, просилъ не посылать за ними, говоря, что во французскомъ лагерѣ могутъ невыгодно истолковать посильную заботу его объ удобствахъ жизни въ плѣну, причемъ у него вырвалось восклицаніе: «que diront de moi les journaux!»

Послѣ рекогносцировки, сдѣланной непріятельскою арміей, союзныя войска приблизились къ нашей позиціи и расположились вереграхъ въ четырехъ отъ нашего лагеря: ясно было, что на другой день мы должны ожидать рѣшительнаго боя. Вечеромъ, какъ у непріятеля, такъ и у насъ, зажжены были огни. Обходя наши бивуаки, я видѣлъ во многихъ полкахъ веселые хоры пѣсельниковъ, слышалъ шумные разговоры солдатъ, гдѣ старые разсказывали молодымъ о своихъ прежнихъ походахъ. На лицахъ всѣхъ выражалась покорность судьбѣ и энергическая готовность защищать свою землю до послѣдней капли крови. Офицеры батарей, стоявшихъ на правомъ флангѣ нашей позиціи, собрались въ кружокъ и, толпясь около разложеннаго костра, горячо толковали о завтрашнемъ днѣ: одинъ только командиръ 3-й батареи 14-й артиллерійской бригады, котораго фамилію не припомню, отошелъ въ сторону и, не смотря на свой постоянно веселый характеръ, не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Онъ былъ убитъ на другой день пулею въ грудь, и, замѣчательное дѣло, кромѣ него въ батареѣ, имъ командуемой, не было ни одного убитаго, ни одного раненаго. Наконецъ, мало по малу, костры погасли, шумный говоръ стихъ, всѣ отправились по своимъ палаткамъ.... Мнѣ приказано было явиться на разсвѣтѣ въ главную квартиру за полученіемъ приказаній относительно артиллеріи. Хотя я прибылъ туда еще до восхода солнца, однако князь *Меншиковъ* и весь штабъ его были уже на ногахъ. Флигель-адъютантъ, пол-

ковникъ *Исаковъ*. исправлявшій должность начальника штаба при князѣ *Горчаковѣ*. узнавъ о причинѣ моего пріѣзда, поручилъ мнѣ передать всѣмъ батареямъ, чтобы онѣ немедленно снимали палатки. отправляли обозы и запрягали орудія. Передавъ это приказаніе. я возвратился около 8-ми часовъ утра. вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ *Кишинскимъ*, въ главную квартиру. гдѣ и находился до тѣхъ поръ, пока непріятель не двинулъ противъ насъ своихъ колоннъ. Въ промежуткѣ этого времени я успѣлъ два раза съѣздить на разные пункты расположенія артиллеріи, съ приказаніями генерала *Кишинскаго*; въ 12-мъ часу онъ послалъ меня въ третій разъ, но. по возвращеніи. я уже не нашелъ въ главной квартирѣ ни его. ни князя *Меншикова*: они уѣхали. какъ мнѣ сказали. на лѣвый флангъ, откуда я только что прибылъ. Это было въ началѣ перваго часа по полудни; непріятельскія колонны подходили въ то время къ нашей позиціи. Поскакавъ отыскивать генерала *Кишинскаго*, я встрѣтилъ его на лѣвомъ флангѣ. разставлявшаго легкія № 4-го и 5-го батареи 17-й артиллерійской бригады противъ французскихъ орудій. открывшихъ огонь; къ этимъ батареямъ вскорѣ присоединены были 12-я конная и 4-я донская. взятыя изъ резерва. Дѣйствіе всѣхъ этихъ батарей было такъ успѣшно. что французскія орудія вскорѣ должны были замолчать; мы подвинулись нѣсколько впередъ и, конечно. если бы пѣхота поддержала наступленіе артиллеріи. то непріятелю не легко было бы сбить насъ съ позиціи лѣваго фланга; но батальоны Московскаго полка. составлявшіе наше прикрытіе. стояли позади батарей и не получали никакого приказанія идти впередъ; самое положеніе ихъ за батареями, а не на флангахъ, было причиною огромныхъ потерь, которыя они понесли въ этомъ дѣлѣ; кромѣ того. они не выслали застрѣльщичьей цѣпи и тѣмъ дали возможность непріятельскимъ стрѣлкамъ, покровительствуемымъ мѣстными неровностями, подойти къ орудіямъ на 300 шаговъ и ближе и бить прислугу почти безнаказанно. Одно спасеніе противъ этихъ стрѣлковъ артиллеристы видѣли въ картечи. и, дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ.

штуцерной огонь непріятеля становился менѣе смертоносенъ. Не могу при этомъ случаѣ не разсказать слѣдующій эпизодъ изъ дѣйствія легкой № 4-го батареи 17-й артиллерійской бригады. Генералъ *Кишинскій*, замѣтивъ позади нашихъ орудій выгодную мѣстность для дѣйствованія артиллеріи, приказалъ 4-й батареѣ, въ самомъ разгарѣ боя, занять эту мѣстность. Батальонъ Московскаго полка, стоявшій позади батареи, пропустилъ ее черезъ свои ряды, но потомъ сомкнулся и тѣмъ закрылъ ея огонь: хотя артиллеристы требовали скорѣйшаго очищенія мѣста для стрѣльбы, но достигнуть того было не легко. Въ это самое время толпа непріятельскихъ всадниковъ, замѣтивъ происшедшее замѣшательство, кинулась батареѣ во флангъ, и такъ какъ пѣхота находилась въ самомъ неправильномъ строѣ и не могла оказать большаго сопротивленія атакѣ, а артиллерія и вовсе никакого не представляла въ рукопашномъ бою, то, конечно, кавалеристы могли бы нанести намъ огромный вредъ; къ счастію, командиръ 1-го взвода 4-й батареи, замѣтивъ во-время намѣреніе всадниковъ, повернулъ противъ нихъ фланговое орудіе и однимъ картечнымъ выстрѣломъ успѣлъ ихъ разсѣять. Находчивость этого офицера спасла насъ отъ большаго урона.

Стойкость нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ заставила непріятеля подкрѣпить свои колонны, противъ насъ дѣйствовавшія, дивизіею *Канробера*; при этомъ численный перевѣсъ оказался столь значителенъ на сторонѣ непріятеля, что отступленіе наше дѣлалось неизбѣжнымъ. При первыхъ отступательныхъ движеніяхъ, подо мной убита была лошадь; спѣшенный, я отправился назадъ, но прошелъ около двухъ верстъ прежде, чѣмъ успѣлъ выйдти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Рядомъ со мной шелъ раненый солдатъ Московскаго полка; у него была оторвана рука; рана причиняла ему сильныя страданія, онъ ужасно стоналъ и вскорѣ упалъ; къ довершенію несчастія позади насъ разорвало гранату, осколокъ которой попалъ ему въ ногу. Хотя мнѣ жаль было бросить этого несчастнаго, но, измученный усталостью и жаромъ, я рѣшительно не могъ тащить его на себѣ. Замѣтивъ, что по

полю въ разныхъ направленіяхъ шли другіе раненые, я успѣлъ собрать нѣкоторыхъ, которыхъ раны были не такъ тяжелы, и съ помощью ихъ довелъ перваго до лазаретнаго полуфурка. Сцены, которыхъ я былъ тутъ свидѣтелемъ, останутся мнѣ памятны на всю жизнь. Болѣе ста человѣкъ раненыхъ, въ лужахъ крови лежали около полуфурка, оглашая воздухъ самыми ужасными стонами; страданія нѣкоторыхъ были такъ велики, что они умоляли скорѣе ихъ приколоть; другіе, томясь жаждой, просили, какъ благодѣянія, дать имъ глотокъ воды, но воды не было. Фельдшеръ, при нихъ находившійся, не имѣлъ ни средствъ, ни времени всѣмъ подавать помощь: нерѣдко онъ подходилъ къ раненому въ то время, когда тотъ испускалъ послѣдній вздохъ. Я позабылъ и о жаждѣ, и о голодѣ, которые передъ тѣмъ чувствовалъ, позабылъ и объ усталости, и рѣшился отойдти отъ зрѣлища, раздиравшаго сердце. Въ это время подъѣхалъ изъ Севастополя генералъ-адъютантъ *Корнилов*ъ и остановился возлѣ насъ: я разсказалъ ему подробно все, чему былъ свидѣтелемъ; онъ съ грустію выслушалъ меня, взялъ у казака лошадь и поскакалъ отыскивать князя *Меншикова*. Въ то же время показалась невдалекѣ пѣшая батарея; я догналъ ее, сѣлъ на лафетъ одного изъ орудій и къ утру пріѣхалъ, вмѣстѣ съ батареей, на сѣверную сторону Севастополя. Батарея эта была легкая № 5-го 17-й артиллерійской бригады, при которой я находился почти во все время боя.

Альмское дѣло было съ нашей стороны дѣломъ артиллерійскимъ. Артиллерія наша принимала въ немъ самое дѣятельное участіе. Въ продолженіе трехъ часовъ она удерживала своимъ огнемъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля и, не смотря на огромныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, оставила на полѣ сраженія только два орудія батарейной № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады, которыя, послѣ потери всѣхъ лошадей, не могли быть взвезены на возвышенность, находившуюся позади батареи. Изъ батарей, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ, наиболѣе пострадали легкія № 4-го и 5-го 17-й артиллерійской бригады, во все время боя находившіяся подъ штуцернымъ огнемъ зуавовъ

и французских стрѣлков. Въ нѣкоторых орудіях этих батарей осталось едва по двѣ лошади, а въ других один нумер нерѣдко исполнял обязанности двух и трех нумеров. Потеря наша отъ огня французской артиллеріи и судов, стоявших у мыса Лукула, была, сколько мнѣ извѣстно, не велика. Трудно опредѣлить число убитых и раненых этим огнем, но подбитых лафетов и ящиков, послѣ дѣла, оказалось немало. Потеря же непріятеля произошла преимущественно отъ наших артиллерійских снарядов, потому что дѣйствіе нашей пѣхоты изъ гладкоствольных ружей было ничтожно. Потеря эта, по донесеніям главнокомандующих союзных сил, состояла изъ 4301 человѣка убитыми и ранеными. Эти цифры лучше всего могут свидѣтельствовать о дѣйствіи нашей артиллеріи 8-го сентября. Князь *Меншиков*, оцѣнивая заслуги артиллеристов въ этом дѣлѣ, далъ сравнительно болѣе георгіевских крестов въ батареи, чѣмъ въ прочіе роды войск.

Несправедливо было бы умолчать, что успѣшному участію наших батарей въ сраженіи подъ Альмой артиллерія много обязана распорядительности начальника ея, генералъ-маіора *Кишинскаго*. Слѣдя внимательно за движеніями непріятеля, онъ искусно направлялъ огонь наших орудій, поспѣвалъ всюду, гдѣ необходимо было присутствіе начальника, избиралъ самыя выгодныя для батарей позиціи и умѣлъ своимъ хладнокровіемъ и своею находчивостью внушить всѣмъ общее къ себѣ довѣріе (1).

Г. Д. Щербачевъ.

Дарья Севастопольская.

Въ одной изъ котловинъ инкерманских высотъ, въ Сухой балкѣ, стоялъ полуразвалившійся домикъ, принадлежавшій знаменитой *Дарьѣ Севастопольской*.

Дарья Александровна была дочь матроса черноморскаго

(1) „Артиллер. Журналъ“ 1858 г. № 1.

флота. Бѣдная *Даша*, въ 15 лѣтъ, была круглою сиротою, безъ опоры и всякихъ средствъ къ жизни. Передъ грознымъ появленіемъ непріятельскаго флота въ Крыму, *кое-какъ* жила она въ Севастополѣ. Флотскіе офицеры звали Дарью — *Даша*; старые матросы и ребятишки называли Дарью—*Дашкой*.

Многіе нехорошо говорили про сироту Дарью Александровну...

Явился непріятельскій флотъ передъ Эвпаторіею. Войска крымской арміи потянулись на Альму. Многіе встревожились; заговорили о предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи.

Призадумалась и Дарья Александровна. И о чемъ бы, казалось, думать ей!... Кого ждали траты да потери, а бѣдной Дашѣ терять было нечего!... Но не долго думала Дарья: собрала всѣ свои пожитки—и къ жиду... Добро у Дарьи Александровны было незавидное. Купилъ жидъ всю худобу Дарьи безъ чего-то за 20 рублей, а въ придачу далъ ей куртку да штаны матросскіе, положенные въ залогъ какимъ-то весельчакомъ.

Одѣлась Дарья въ нарядъ матроса, обрѣзала косу, захватила въ котомку тряпки и ножницы, купила «коняку» татарскую—въ сѣдло, да и въ Бурлюкъ

7-го сентября прибыла Дарья на альминскую позицію. Около полудня 8-го сентября началось кровавое дѣло.

Въ полѣ, подъ деревомъ, привязала Дарья своего татарскаго скакуна и, не смотря на непріятельскій огонь, учредила свой перевязочный пунктъ для раненыхъ: открыла котомку и, какъ умѣла, перевязывала раны офицеровъ и солдатъ.

Кончилось дѣло. Потеря наша была велика. Много было увѣчныхъ и раненыхъ. Дарья не покинула больныхъ. Въ то время еще не было сестеръ милосердія. Умирающіе страдальцы, благословляя безстрашную, сердобольную Дарью, завѣщали ей—кто часы, кто деньги.

Пожаловалъ Царь безстрашной Дарьѣ медаль; Царица прислала Дарьѣ золотой крестъ, съ надписью: «Севасто-

поль», а старослуживые инвалиды, общею складчиною, благословили Дарью образомъ Спасителя.

И стали всѣ называть Дарью — *Дарья Александровна*!..

Въ концѣ марта мѣсяца, съ прибытіемъ въ Севастополь сестеръ милосердія, Дарья Александровна оставила свои постоянныя занятія въ госпиталѣ и поселилась, въ *собственномъ* домикѣ, въ Сухой балкѣ.

Въ одномъ изъ угловъ полуразрушеннаго домика помѣщался одинъ изъ чиновъ штаба.

Съ пріобрѣтеніемъ извѣстности и собственности, Дарья Александровна не утратила, подобно многимъ героямъ нашего времени, своего безстрашія. Опустѣла Сухая балка, но знаменитая хозяйка и безпечный постоялецъ не покидали своего обиталища до той поры, пока главный штабъ не перемѣстился на инкерманскую позицію и жители сѣверной стороны не перекочевали на новыя мѣста, къ Бельбеку.

Довелось намъ слышать, отъ безпечнаго, запоздалаго жильца Сухой балки, что часто, вечеромъ, по возвращеніи изъ Севастополя, предавшись своимъ обычнымъ письменнымъ занятіямъ, при постоянномъ свистѣ ядеръ, при паденіи ихъ въ сосѣдствѣ и сильномъ колебаніи ветхихъ стѣнъ жилища Дарьи Александровны, онъ чувствовалъ «какъ будто въ плечахъ становился уже». Чувства этого онъ не испыталъ ни на батареяхъ, ни въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Справедлива пословица: «на людяхъ и смерть красна».

20-го мая, послѣдніе обитатели Сухой балки, странный постоялецъ и знаменитая Дарья Александровна, переселились: первый — въ Севастополь и потомъ на Инкерманъ, послѣдняя—на Бельбекъ.—По очищеніи Севастополя, Дарья Александровна вышла замужъ за отставнаго матроса, и въ 1856 году жила въ Николаевѣ, получивъ отъ щедротъ Императрицы 1,000 руб. сер. въ приданое (1).

---

(1) Русскіе Богатыри. Погосскаго. Къ числу статей, относящихся до сраженія при р. Альмѣ и не вошедшихъ въ настоящій Сборникъ, принадлежатъ:

Статьи иностранныхъ газетъ о сраженіи при рѣкѣ Альмѣ.

Корреспондентъ газеты „Times“ такимъ образомъ описываетъ день наканунѣ дѣла при Альмѣ.—„Въ девять часовъ утра вся наша армія приготовилась къ походу. День былъ жаркій и движеніе наше замедлилось транспортомъ съ багажемъ. Все не самое необходимое послано на корабли. Морскіе офицеры и матросы тотчасъ же очистили берегъ, какъ только сложили здѣсь свой багажъ и палатки. Шли въ продолженіе часа, потомъ остановились на 50 минутъ; лордъ *Раглань*, въ сопровожденіи большаго штаба, маршала *Сентъ-Арно*, генераловъ *Боске*, *Форе* и значительнаго числа французскихъ офицеровъ, объѣхалъ колонны. Чрезъ нѣсколько времени съ вершины холма открылась предъ нами обширная равнина, за которою поднималася хребетъ. Тамъ и сямъ чернѣлись массы, въ которыхъ опытный глазъ различалъ кавалерію. На лѣво отъ равнины, въ углубленіи, образуемомъ двумя хребтами, пылала большая деревня. Мимо насъ текъ небольшой ручей. Томимые жаждою, солдаты съ жадностію бросились къ нему. Они отошли теперь болѣе чѣмъ на восемь миль отъ лагеря. Послѣ короткаго привала близъ ручья, снова отправились въ путь. Кавалерія двинулась впередъ и, съ милю далѣе, наткнулась на казаковъ. Лордъ *Кардиганъ* выслалъ застрѣльщиковъ, которые прикрыли фронтъ, ставъ въ разстояніи отъ 10 до 12 ярдовъ одинъ отъ другаго. Казаки двинулись къ намъ на встрѣчу въ подобномъ же порядкѣ. Длинныя ихъ стальныя пики блестѣли на солнцѣ. Это дюжіе молодцы на небольшихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ. Правильность построенія и быстрота движеній изобличали, что это регулярное войско, и вовсе не ничтожные враги. Когда наши застрѣльщики двинулись впередъ, казаки пріостановились у подошвы холма. Резерва ихъ намъ не было хорошо видно, но время отъ времени ряды пикъ появлялись на вершинѣ холма и исчезали. Лорду *Карди-*

Русскіе солдаты раненые въ сраженіи при Альмѣ *П. Дьяконова*. („Одесск. Вѣстн.“ 1854 г. № 142) Разсказъ унтеръ-офицера, раненаго при Альмѣ. М. Кузнецова („Одесск. Вѣст.“ 1854 г. № 126 и 127).

лордъ хотѣлось испытать ихъ силу; ему дано позволеніе двинуться нѣсколько впередъ. Едва онъ исполнилъ это, какъ между возвышеніями появились черныя колонны кавалеріи. Всѣ увидали, что если наши сдѣлаютъ нападеніе на такомъ крутомъ откосѣ, то будутъ опрокинуты и подвергнутся опасности быть окруженными и разбитыми на части. Вслѣдствіе этого лордъ *Луканъ* велѣлъ кавалеріи остановиться, собрать застрѣльщиковъ и медленно отступить. Когда застрѣльщики остановились, казаки начали пальбу съ своей линіи ведетовъ. Два или три наши офицера, разъѣзжавшіе между кавалеріею и застрѣльщиками, съ безпокойствомъ посматривали назадъ, ожидая прибытія конной артиллеріи капитана *Мауда*. Вдругъ русскіе появились на вершинѣ холма и медленно начали спускаться четырьмя сомкнутыми колоннами. Наши застрѣльщики приняялись было отвѣчать на выстрѣлы казаковъ, но безуспѣшно: наконецъ отступили и присоединились къ своимъ эскадронамъ. Чрезъ каждые 50 шаговъ, наша кавалерія оборачивалась назадъ, чтобы встрѣтить казаковъ, если произведутъ атаку. Вдругъ одна изъ русскихъ кавалерійскихъ колоннъ раздѣлилась; взлетѣлъ клубъ бѣлаго дыма, и ядро пронеслось надъ головами нашей кавалеріи, ударилось въ ряды нашихъ стрѣлковъ, въ то самое время, когда они появились въ виду кавалеріи. Чрезъ секунду пронеслось другое ядро чрезъ 11-й гусарскій полкъ, ушибло лошадь, а у всадника оторвало ногу. Опять и опять пронеслись ядра. Удивительно, какимъ образомъ такъ мало еще досталось кавалеріи. Между тѣмъ артиллерія капитана *Мауда* спѣшила къ намъ на помощь. Русскіе канонеры стрѣляли отлично. Послѣ тридцати выстрѣловъ со стороны непріятеля, наша артиллерія открыла огонь. Непріятельскія колонны раздѣлялись на части и съ большимъ искусствомъ укрывались отъ нашихъ шести и девяти-фунтовыхъ ядеръ. Послѣ перестрѣлки, продолжавшейся съ четверть часа, непріятель удалился. Дано приказаніе остановиться и расположиться здѣсь бивуаками на ночь. Усталые наши солдаты принялись набирать сучья для того, чтобы развести огонь. Разнесли ромъ и мясо. Ночью би-

вуачные огни русскихъ видѣлись отъ насъ на лѣво. До разсвѣта подошло много отсталыхъ, преимущественно принадлежащихъ къ 4-й дивизіи. Ночь была холодная и сырая. Лагерь освѣщался только одними бивуачными огнями, которые мало давали тепла и едва нагрѣвали порціи. *Сэръ Джорджъ Броунъ. сэръ Леси-Эвансъ.* бригадные генералы и штабъ-офицеры проходили чрезъ свои дивизіи и бригады, давая приказанія на завтра. Вскорѣ послѣ сумерекъ полки разлеглись на землѣ, кутаясь въ шинели и одѣяла и стараясь какъ бы получше отдохнуть послѣ утомительнаго дня» (1).

Аугсбургской газетѣ пишутъ изъ Парижа отъ 8-го октября (26-го сентября): Оборотъ. принимаемый крымскими дѣлами, не кажется благопріятнымъ для нашего оружія, и если мы не возвратимъ утраченнаго блистательными успѣхами, то будетъ какъ нельзя болѣе смѣшны въ глазахъ всего свѣта. Судя по самымъ благопріятнымъ извѣстіямъ. какія только дошли до меня, дѣло при Альмѣ было не инымъ чѣмъ, какъ сшибкою съ русскимъ авангардомъ. силы котораго, какъ утверждаютъ. простирались всего до 22,000 человѣкъ. Ни въ одномъ оффиціальномъ донесеніи не говорится. чтобы союзники взяли у русскихъ хотя одну пушку. такъ что, по всѣмъ вѣроятностямъ, союзныя арміи не выиграли отъ этого дѣла ничего (*Людовикъ-Наполеонъ* былъ такъ увѣренъ въ справедливости помянутаго извѣстія, что военный министръ едва могъ уговорить его не снѣшить возвѣщеніемъ о томъ пушечною пальбою изъ инвалиднаго дома; всѣ прочіе министры вполнѣ раздѣляли увѣренность императора) (2).

Въ «Neue Preussische Zeitung» замѣчаютъ, что союзныя войска, высаженныя въ Крыму. потеряли цѣлыя двѣ недѣли (съ 12-го по 28-е сентября). и что сраженіе при Альмѣ не могло быть для нихъ выгодно, иначе они, безъ сомнѣнія, воспользовались бы побѣдою. Въ той же газетѣ говорятъ, что получены извѣстія, по которымъ 18 тысячъ

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 года № 225.
(2) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 227.

русскихъ выдерживали въ продолженіе пяти часовъ, 20-го сентября (на Альмѣ), нападенія англо-французскаго корпуса, и отступили предъ непріятелемъ, чрезвычайно превосходившимъ ихъ числомъ войска и артиллеріи, въ совершенномъ порядкѣ, не будучи тревожимы союзными войсками (1).

По послѣднимъ извѣстіямъ съ Востока, потери, понесенныя при Альмѣ англичанами, простираются свыше 2.000 человѣкъ и 86 офицеровъ; французы же потеряли 1.400 человѣкъ. Всѣ убѣждены, что эти числа не вѣрны, и что дѣйствительныя потери были гораздо значительнѣе, а потому за радостью послѣдовало уныніе. Будущее представляется англичанамъ въ самомъ печальномъ видѣ, а война только что началась. Биржа сильно взволнована. Въ Ливерпулѣ разразился настоящій паническій страхъ. Въ два дня произошло банкрутствъ болѣе нежели на милліонъ фунтовъ стерлинговъ (2).

Лордъ *Раглань* донесъ военному министру (отъ 23-го сентября, изъ Крыма), что бригадный генералъ *Тильденъ*, командовавшій королевскими инженерами, умеръ послѣ дѣла при Альмѣ отъ холеры; подполковникъ *Лагонди*, состоявшій, по приказанію Людовика-Наполеона, при англійской главной квартирѣ, взятъ въ плѣнъ 19-го сентября русскими, въ то время, когда онъ возвращался изъ дивизіи принца *Наполеона*, куда ѣздилъ по порученію лорда *Раглана*, и что потеря англичанъ въ дѣлѣ при Альмѣ составляетъ: *убитыми*: 26 офицеровъ, 19 сержантовъ, 2 барабанщика, 306 рядовыхъ и 26 лошадей; *ранеными*: 76 офицеровъ, 95 сержантовъ, 17 барабанщиковъ и 1,427 рядовыхъ; *пропали безъ вѣсти* 2 барабанщика и 16 рядовыхъ.

Адмиралъ *Дондасъ* донесъ адмиралтейству, отъ 23-го сентября, что наканунѣ отправлены имъ въ Константинополь два парохода, «Вулканъ» и «Анды», съ 800 раненыхъ и больныхъ, а 23-го сентября отправляются пароходы «Оринока» и «Коломбо» съ 900 раненыхъ и больныхъ.

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 221.

(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 222.

Въ вѣнской газетѣ «Soldatenfreund», допуская возможность нападенія на Севастополь съ двухъ сторонъ вдругъ, говорятъ: «Эта двойная атака можетъ, конечно, сначала затруднить защитниковъ города, но, съ другой стороны, она по необходимости раздѣлитъ силы союзниковъ. Лишь только обнаружится настоящій пунктъ атаки и начнутся осадныя работы, это развлеченіе силъ осаждающихъ можетъ представить большія выгоды русскому генералу, потому что, по соображенію всѣхъ полученныхъ нами свѣдѣній о мѣрахъ, предпринятыхъ къ защитѣ, можно, кажется, почитать достовѣрнымъ, что Севастополь довольно укрѣпленъ и съ сухопутной стороны, и можно предоставить эту крѣпость самой себѣ, съ оставленіемъ тамъ достаточнаго гарнизона. Изъ подробностей, получаемыхъ постепенно о дѣлѣ при Альмѣ, союзники, бывшіе вдвое сильнѣе, встрѣтили сопротивленіе, которое, по словамъ французскихъ и англійскихъ офицеровъ, явно свидѣтельствуетъ въ пользу духа и вооруженія русскихъ войскъ въ Крыму. Это достаточно доказывается и потерею союзниковъ, простирающеюся отъ 3 до 4,000 чел. убитыми и ранеными. — Въ «Morning Chronicle» представляютъ слѣдующія цифры этой потери: англичанъ 1.895 солдатъ, 96 офицеровъ, 114 сержантовъ и 23 барабанщика. Французовъ 1.400 солдатъ и 60 офицеровъ. Въ «Тріестской Газетѣ» сообщаютъ слѣдующее о дѣлѣ при Альмѣ: «Послѣ пяти-часоваго боя, русская армія, подъ прикрытіемъ кавалеріи, оставила свою позицію въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, взятъ былъ русскими въ плѣнъ одинъ изъ адъютантовъ лорда *Раглана*».

Въ «Morning Herald» 16 октября сказано: 33-й полкъ наболѣе потерялъ людей въ дѣлѣ при Альмѣ. Онъ пошелъ въ огонь въ числѣ 616 рядовыхъ и 40 сержантовъ, и потерялъ 232 рядовыхъ и 30 сержантовъ (¹).

«Въ «Morning Chronicle» сообщаютъ, что 23-й англійскій полкъ потерялъ въ дѣлѣ при Альмѣ всѣхъ своихъ офицеровъ, кромѣ троихъ. Подъ генераломъ *Бруномъ* убита

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 223.

лошадь. Одинъ англійскій генералъ, живущій въ Брюсселѣ и сражавшійся при Ватерлоо, увѣрялъ, что англичане потеряли менѣе офицеровъ въ этой знаменитой битвѣ, нежели при Альмѣ (1).

Одинъ французскій бонапартистъ пишетъ изъ Парижа, отъ 13-го октября, въ «Аугсбургской Газетѣ»:

«Наконецъ мы получили частныя извѣстія, достовѣрнѣе прежнихъ, о сраженіи при Альмѣ. Большая часть корреспондентовъ согласно показываютъ числительную силу русскихъ только въ двадцать тысячъ человѣкъ. Увѣряютъ, что войско ихъ, послѣ самаго геройскаго сопротивленія, отступило въ величайшемъ порядкѣ, плотными кареями въ шахматномъ порядкѣ, такъ что лордъ *Раглань* и сэръ Джоржъ *Броунъ* не смѣли нападать на нихъ, не слушая совѣтовъ французскихъ офицеровъ. Изъ сихъ писемъ положительно оказывается, что русскихъ не тревожили на ихъ отступленіи... (2).

Во многихъ газетахъ сообщено было, что въ дѣлѣ при Альмѣ союзныя войска захватили карету князя *Меншикова*, въ которой были весьма важныя письма, и пр. Въ «Neue Preussische Zeitung» сообщаютъ по сему предмету слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія: «Со времени прекращенія сообщеній моремъ между Севастополемъ и Одессою, отъ присутствія непріятельскихъ флотовъ, устроено между сими городами постоянное отправленіе дилижансовъ. Въ день сраженія дилижансъ, ѣхавшій своимъ обыкновеннымъ путемъ, захваченъ былъ союзными войсками; въ немъ нашли писаря (а не секретаря) и слугу князя *Меншикова*, возвращавшихся въ Севастополь съ покупками изъ Одессы. Вотъ, прибавляютъ въ «Прусской Газетѣ», та дорожная карета князя *Меншикова*, въ которой нашли драгоцѣнные предметы и важныя бумаги» (3).

Газетѣ «Presse» пишутъ изъ Константинополя: «Генералъ *Тома* сказалъ, что при Альмѣ два часа русскіе были

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 225.

(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 231. Окончаніе корреспонденціи относится до смерти *Сенть-Арно* и будетъ напечатано въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ. *Ред.*

(3) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 238.

непоколебимы. Градъ ядеръ и другихъ смертоносныхъ снарядовъ, падавшій на нихъ, не производилъ никакой пустоты въ рядахъ ихъ: убитаго немедленно замѣнялъ другой солдатъ. Мы видѣли ту непоколебимую силу, которую столько разъ испытывали отцы наши на поляхъ битвы во времена имперіи, силу, заставившую маршала *Нея* сказать, что русскаго не довольно убить, а надобно еще потомъ толкнуть его, чтобы онъ свалился (1).

Изъ Константинополя пишутъ, между прочимъ, «Тріестской Газетѣ»: «По словамъ раненыхъ англичанъ и французовъ, находящихся здѣсь, русскіе солдаты дрались въ дѣлѣ при Альмѣ съ невыразимой храбростью. Даже тѣ, которые падали на землю тяжело раненые, еще употребляли въ дѣло свое оружіе, какъ скоро замѣчали приближеніе непріятеля» (2).

Въ англійскихъ газетахъ напечатано множество писемъ изъ Крыма отъ офицеровъ и солдатъ дѣйствующей арміи, въ которыхъ, извѣщая о себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, они сообщаютъ подробности самаго сраженія. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ. Одинъ артиллеристъ пишетъ: «Русскіе дрались славно, и сдѣлали превосходное отступленіе въ совершенномъ порядкѣ. Это отнюдь не такіе плохіе солдаты, какъ представляютъ ихъ наши газеты; русскіе стояли хорошо и произвели сильное опустошеніе въ британскихъ рядахъ. 7-й фузилерный полкъ потерялъ было свое знамя, и только послѣ троекратной атаки, вмѣстѣ съ 79-мъ полкомъ, отбилъ его. 7-й фузилерный полкъ страшно пострадалъ отъ русскихъ батарей. Онѣ стрѣляли одними гранатами. Битва была ужасная: артиллеріи французская, англійская и русская стрѣляли гранатами въ одно и то же время и на самомъ близкомъ разстояніи, тогда какъ пѣхота и кавалерія рѣзались. Сраженіе началось въ часъ и кончилось въ четыре: вы можете сами судить, что это было. На каждыхъ ста ярдахъ у русской атиллеріи поставлены были большіе шесты, чтобъ обозначить разстояніе

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 225.
(2) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 227.

выстрѣла, такъ что, какъ скоро мы подходили къ этимъ шестамъ, русскіе открывали по насъ огонь. Надо отдать русской артиллеріи полную справедливость за ея дѣйствія».—Одинъ солдатъ 42-го полка шотландскихъ стрѣлковъ пишетъ: «На другой день послѣ битвы я отправился, изъ любопытства, на поле сраженія, и никогда впередъ не сдѣлаю подобной глупости. На протяженіи нѣсколькихъ миль, нельзя было сдѣлать шагу, чтобъ не наткнуться на людей съ оторванными головами, оторванными руками и ногами: у нѣкоторыхъ убитыхъ не было ни ногъ, ни рукъ. Цѣлый день послѣ того я не могъ прійдти въ себя. Лошади, ранцы, оружіе, шпаги, пушки, все это было перемѣшано! Боже мой! какой страшный видъ! Тысячи мертвыхъ и умирающихъ, залитыхъ кровью!»—Вотъ отрывокъ изъ письма одного полковаго доктора: «Канонада была необыкновенно сильная и причинила большой вредъ. Я шелъ съ моимъ полкомъ, пока онъ не остановился. Здѣсь я нашелъ гвардейцевъ, которые сильно пострадали. Я оказалъ помощь многимъ изъ ихъ офицеровъ. Раны нѣкоторыхъ представляли любопытное явленіе. Одинъ солдатъ упалъ возлѣ меня и простоналъ: «О! докторъ, я убитъ!» Разодравъ его мундиръ, я увидалъ, что пуля не прошла далѣе кожи. Мы спимъ на открытомъ воздухѣ, и въ шинеляхъ. Около 9,000 человѣкъ выбыло изъ строю. У насъ не было воды, и страданія наши были ужасны. Я осматривалъ вчера поле сраженія, и въ одномъ мѣстѣ нашелъ семерыхъ убитыхъ офицеровъ одного и того же полка».—Одинъ морякъ пишетъ: «На слѣдующее утро послѣ сраженія всѣ доктора съ флота были посланы на помощь раненымъ, а лодки, чтобъ перевезти послѣднихъ на транспорты. Меня отправили на берегъ, и я исполнялъ возложенную на меня непріятную обязанность въ продолженіе двухъ дней. Раненыхъ надобно было переносить до лодокъ на разстояніи пяти миль, и, представьте себѣ, для этой переноски не было приготовлено никакихъ средствъ. Пресловутые походные госпитали оставлены были въ Варнѣ. Какъ скоро сообщили адмиралу, онъ тотчасъ же послалъ по 50 человѣкъ съ каждаго корабля, чтобъ переносить раненыхъ на суда,

для чего сдѣланы нѣчто въ родѣ носилокъ. Вы не можете себѣ представить страданія раненыхъ. Людей, которымъ только что сдѣланы операціи отнятія членовъ, несли на плечахъ, на протяженіи шести миль, а потомъ клали на берегъ, гдѣ имъ приходилось лежать часъ или болѣе, въ ожиданіи лодки. Никогда не видалъ я такой нераспорядительности. Офицеры, принесенные вчера къ намъ раненые, разсказывали, что въ продолженіе 36 часовъ они лежали на полѣ безъ всякой врачебной помощи, и въ продолженіе двухъ сутокъ не имѣли никакой пищи, пока флотскіе доктора не дали имъ нѣсколько капель водки съ водою. Множество умерло единственно отъ недостатка вниманія. Я былъ на полѣ сраженія и слышалъ стенанія раненыхъ. Никогда не видалъ я подобнаго зрѣлища. Цѣлый день несчастные перевозились на суда. Многіе умерли на берегу, и мнѣ пришлось хоронить ихъ. Послѣ полудня открылось нѣсколько случаевъ холеры. Вообразите холеру на корабляхъ, биткомъ набитыхъ ранеными! Все время послѣ полудня умирали отъ этой ужасной болѣзни, и когда въ 9 часовъ вечера я переѣхалъ на берегъ, цѣлыя телѣги были полны нашихъ бѣдныхъ товарищей, находившихся при послѣднемъ издыханіи. Вы не можете составить себѣ понятія о страданіяхъ этихъ бѣдняковъ» (1).

Константинопольскій корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ нѣкоторыя подробности прибытія англійскихъ раненыхъ въ Босфоръ и приготовленій, сдѣланныхъ къ принятію ихъ. Онъ пишетъ отъ 25-го сентября: «23-го числа по утру, часу въ десятомъ, показался большой французскій пароходъ, который быстро приближался ко входу въ Босфоръ. Это былъ «Orénoque». Капитанъ могъ сообщить намъ весьма немногое о дѣлѣ при Альмѣ, потому что хотя оно происходило въ виду флота, но въ то время, когда пароходъ отвалилъ, ничего не было еще извѣстно; знали только, что англичане сильно пострадали, и что нѣкоторые полки ихъ совершенно уничтожены. Поздно

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости„ 1854 г. № 232.

ночью прошелъ внизъ по Босфору первый изъ ожиданныхъ кораблей съ печальнымъ грузомъ: винтовой пароходъ «Andes», отправленный съ 400 ранеными англичанами. 24 часа спустя послѣ дѣла. Онъ пошелъ прямо къ госпиталю въ Скутари, но раненые не были перенесены на берегъ до вчерашняго утра. Въ теченіе вчерашняго дня прибылъ также «Vulcan» съ 300 ранеными, а пароходъ «Simoom» ожидаютъ съ часу на часъ. Всѣ приготовленія къ принятію больныхъ сдѣланы. Когда британская армія отправлялась еще въ Варну, было рѣшено отдѣлить часть огромныхъ казармъ въ Скутари для госпиталя, въ которомъ предположено помѣщать пострадавшихъ въ битвахъ или сдѣлавшихся жертвами еще болѣе смертельнаго дѣйствія нездороваго климата. Чтобы дать понятіе объ обширности этого зданія, стоитъ только сказать, что одна сторона его и половина другой въ состояніи вмѣстить въ себѣ 3,500 больныхъ. Кромѣ того семьсотъ человѣкъ можно помѣстить въ госпиталѣ, прилежащемъ къ казармамъ, а въ случаѣ нужды, и другая сторона главнаго корпуса можетъ быть приспособлена для этой же цѣли. Такимъ образомъ всего здѣсь можно размѣстить до шести тысячъ больныхъ или раненыхъ. Положеніе казармъ удобно для доставки сюда больныхъ. Мѣстность идетъ отсюда, постоянно склоняясь къ морю. Число больныхъ, присланныхъ изъ Крыма, превзошло всеобщія ожиданія. «Kangaro» привезъ 600 человѣкъ больныхъ, «Dunbar» 500; всѣ они тотчасъ же помѣщены въ госпиталь, хотя нѣкоторые уже выздоравливали. На слѣдующій день прибыло еще 300 на другомъ кораблѣ. До сего времени въ госпиталѣ находилось около 1.000 человѣкъ; съ этимъ новымъ подвозомъ число увеличилось до 2.000. Холера и лихорадка произвели также сильное опустошеніе со времени выхода изъ Варны. Множество прибыло уже больными и слабыми на крымскій берегъ, а ужасная ночь на 14-е число, въ продолженіе которой вся армія оставалась по колѣна въ грязи подъ проливнымъ дождемъ, имѣла сильное дѣйствіе и на здоровыхъ. Вчера нельзя было равнодушно смотрѣть на длинные ряды раненыхъ, тянув-

шіеся съ кораблей «Andes» и «Vulcan» въ госпиталь. Съ утра до поздняго вечера работа не прекращалась. Таскали на берегъ матрацы, клали на нихъ больныхъ и медленно переносили въ госпиталь. Нѣкоторые изъ раненыхъ въ состояніи были идти, и тащились кое-какъ, опираясь на руку товарища; у однихъ подвязана рука, у другихъ распороты панталоны до колѣна, забинтована нога, у нѣкоторыхъ кровь запеклась на волосахъ, видѣются раны на лицѣ или головѣ. На многихъ лицахъ замѣтны были признаки приближающейся смерти: другіе умирали во время переноски, нѣкоторые просили дать имъ нѣсколько минутъ отдохнуть, и ихъ клали подлѣ дороги. Католическій священникъ напутствовалъ кое-кого изъ умирающихъ. Это былъ ирландскій монахъ изъ Галаты. Многіе изъ врачей, въ слѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ, близки къ тому состоянію, въ которомъ находятся ихъ паціенты. Въ продолженіе 48 часовъ, они не имѣли минуты покою. Проходя по госпиталю, нельзя не замѣтить, какъ много пострадали несчастные 23-й и 33-й полки. Можно сказать, что половина тѣхъ, которые лежатъ теперь въ госпиталѣ въ предсмертной агоніи, принадлежатъ къ этимъ злополучнымъ полкамъ. 23-й полкъ, говорятъ, лишился болѣе 400 человѣкъ (1)».

Въ «Journal de St.-Pétersbourg» сказано: По выпискамъ изъ корреспонденцій «Times» видѣли мы, что англійскіе раненые на Востокѣ терпѣли недостатокъ во врачахъ, фершелахъ, даже въ корпіи не только на полѣ сраженія, но и въ константинопольскихъ госпиталяхъ. Всю ночь 20-го сентября (нов. ст.) послѣ боя, и ночь и день 21-го числа занимались перевозкою раненыхъ на берегъ, а оттуда на корабли. Одинъ англійскій корреспондентъ пишетъ: «У насъ не было средствъ къ перевозу. Безъ помощи адмирала *Лайонса* и матросовъ его, не знаю что бы случилось. Не могу довольно нахвалиться ими. Они переносили раненыхъ на корабли и ухаживали за ними, какъ госпитальные прислужники. Офицеры и матросы день и ночь бы-

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 225.

ли въ тревогѣ. Французы. съ своей стороны, устроили эту часть очень хорошо. Врачи и духовные были повсюду. Генералъ *Канробер*ъ и всѣ офицеры наблюдали за перевозкою. У нихъ были мулы съ постелями и висящими креслами. Говорю вамъ что видѣлъ. Для усиленія нашего несчастнаго положенія. четвертая дивизія расположилась на мѣстѣ прежняго лагеря русскихъ. и холера въ нашемъ войскѣ усилилась».

«Никогда. говоритъ другой. никогда видѣвшіе все это не забудутъ страданій бѣдняковъ. которые. въ продолженіе ночи съ 20-го на 21-е число, лежали на голой землѣ безъ палатокъ и безъ другаго какого либо покрова. кромѣ шинели и одѣяла; раненые съ оторванными членами могутъ одни разсказать. какія потерпѣли страданія. когда. въ жару лихорадки и съ свѣжими ранами. переносили ихъ въ тряскихъ койкахъ. или перевозили на телѣгахъ». И до дѣла при Альмѣ. англичане понесли большія потери отъ холеры. Всѣ помнятъ. что первая ночь послѣ высадки была ужасна: англичане не успѣли выгрузить своихъ палатокъ и стояли въ водѣ. Но въ особенности при перевозкѣ съ Альмы въ Константинополь страдали раненые и больные.

Въ англійскихъ газетахъ сообщаютъ ужасныя подробности этого переѣзда. На одномъ пароходѣ «Вулканъ» нагружено было триста раненыхъ и 170 холерныхъ. и на всѣхъ ихъ было только 4 лекаря. Раненые хватались за ихъ платье и за ноги. и лекаря принуждены были вырываться изъ ихъ рукъ. Но это еще ничто въ сравненіи съ страданіями плывшихъ на «Коломбѣ». Мы приведемъ объ этомъ слова константинопольскаго корреспондента одной англійской газеты. «Коломбъ» пошелъ отъ Крыма 24-го числа. На него два дня переносили раненыхъ. и когда снялись съ якоря. на немъ было 27 раненыхъ офицеровъ, 422 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 104 русскихъ, всего 553 человѣка. Половина изъ нихъ были осмотрѣны лекаремъ послѣ сраженія. На всѣхъ было только 4 врача, изъ нихъ корабельный лекарь занятъ былъ своимъ экипажемъ. Весь корабль былъ буквально покрытъ тѣлами до такой степе-

ни, что они препятствовали дѣйствіямъ на кораблѣ. Офицеры не могли спуститься за своими инструментами для управленія ходомъ корабля, и отъ этого корабль пробылъ въ дорогѣ 12 часовъ долѣе обыкновеннаго. Больные лежали на палубѣ, которая чрезъ два дня превратилась въ гніющую массу. Въ необмытыхъ и не перевязанныхъ ранахъ, нанесенныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, зародились черви, ползали вездѣ и заражали пищу несчастныхъ, плывшихъ на кораблѣ. Отъ гніенія тѣлъ происходило такое зловоніе, что офицеры и экипажъ не могли переносить его. Капитанъ еще болѣнъ отъ этихъ пяти дней. Всѣ одѣяла, болѣе полуторы тысячъ, были брошены въ море, какъ негодныя къ употребленію. Тридцать человѣкъ умерли на переѣздѣ. Врачи дѣлали все, что могли, но ихъ было недостаточно, и многіе раненые были осмотрѣны не прежде истеченія шести дней послѣ сраженія. Теперь моютъ, чистятъ и окуриваютъ корабль, чтобъ избѣжать тифуса. «Коломбъ» велъ на буксирѣ два транспорта, которые были почти въ такомъ же состояніи».—Этотъ разсказъ уже довольно печаленъ, сказано въ «Journal des Débats» едва повѣрятъ тому, что мы почти буквально повторяемъ по письмамъ. И въ Константинополѣ, въ Скутари, гдѣ учреждены были госпитали, англичане распорядились не лучше, какъ въ Крыму или на кораблѣ. У нихъ даже не было корпіи, ни бѣлья для бандажей. Никто не угадаетъ, какого рода хожалые за больными назначены англійскимъ правительствомъ для отправленія на Востокъ. Въ Лондонѣ есть богадѣльня для ветерановъ, подобная парижскому инвалидному дому: это госпиталь въ Челси. Вздумали употребить старыхъ отставныхъ солдатъ въ хожалые при госпиталяхъ, и отправили нѣкоторое ихъ число въ армію. Но, говоритъ англійскій корреспондентъ, вскорѣ замѣтили, что эти бѣдные пенсіонеры сами болѣе имѣли надобности въ пособіи, вмѣсто того, чтобъ ходить за другими. Въ Галлиполи и въ Булгаріи умерло ихъ большое число, а прочіе были такъ слабы, что не могли исправлять самыхъ обыкновенныхъ обязанностей. И такъ оказалось, что эти бѣдные инвалиды только увеличили безпорядокъ, и теперь

солдаты сами ходятъ другъ за другомъ; выздоравливающіе прислуживаютъ другимъ (¹)».

Опроверженіе показаній маршала Сентъ Арно объ альмскомъ сраженіи.

Въ «Journal de St.-Pétersbourg» напечатано:

Одно изъ величайшихъ неудобствъ, съ какими мы должны бороться, когда дѣло идетъ о повѣркѣ какого либо событія, представленнаго въ неблагопріятномъ для насъ видѣ, заключается, безспорно, въ томъ, что мы принуждены опаздывать въ обнародованіи своихъ отвѣтовъ. Когда доходятъ до насъ точныя и подробныя свѣдѣнія о событіяхъ, совершающихся такъ далеко отъ насъ, публика, увлеченная событіями новѣйшими, принимаетъ запоздалыя объясненія наши уже не съ тѣмъ участіемъ, съ какимъ бы они были приняты въ свое время. Та же участь ожидаетъ, вѣроятно, и объясненія сегодняшнія; не смотря на то, мы все таки обнародываемъ ихъ, какъ изъ уваженія къ истинѣ, такъ равно и потому, что объясненія эти имѣютъ историческій интересъ.

Маршалъ *Сентъ-Арно* говоритъ въ донесеніи своему Государю, что наши силы на Альмѣ простирались до 40.000 пѣхоты, 6.000 чел. кавалеріи и 180-ти орудій. Въ другомъ донесеніи, военному министру, маршалъ опредѣляетъ число нашихъ кавалеристовъ только въ 5.000 челов. Указавъ на это разногласіе между двумя донесеніями, полученными отъ одного и того же лица, представляемъ дѣйствительное число нашихъ войскъ, занимавшихъ позицію на Альмѣ.

Пѣхоты: 42½ батальона, то есть около 30.000 чел. Кавалеріи: 16 регулярныхъ эскадроновъ и 11 сотенъ казаковъ 3.600 чел. всего 33.600 чел. Артиллеріи 8 батарей, 84 орудія.

Таковы были наши силы, тогда какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ и показаніямъ плѣнныхъ, а также по

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 232.

свѣдѣніямъ, собраннымъ при нашихъ собственныхъ рекогносцировкахъ, число непріятельскихъ войскъ должно было простираться почти до 70,000 человѣкъ.

«Всѣ высоты», говоритъ маршалъ, «были покрыты страшными редутами и батареями». На самомъ же дѣлѣ все ограничивалось двумя простыми эполементами, изъ которыхъ одинъ, въ нашемъ центрѣ, прикрывалъ 12 батарейныхъ, а другой, на нашемъ правомъ флангѣ, 10 легкихъ орудій.

«Князь *Меншиковъ*», говоритъ еще маршалъ, «оставилъ свою карету. Я взялъ ее съ его портфелемъ и перепискою. Я воспользуюсь драгоцѣнными данными, какія найду тамъ». Вотъ что было въ дѣйствительности: князь *Меншиковъ* не потерялъ никакой кареты, ни переписки, ему принадлежащихъ. Весь обозъ главной квартиры былъ заблаговременно отправленъ въ безопасное мѣсто. Потому единственною добычею, какая могла достаться въ руки непріятеля, былъ одинъ изъ писарей главной квартиры, отправившійся изъ Севастополя къ князю въ самый день сраженія. Этотъ писарь имѣлъ при себѣ нѣкоторое число маршрутныхъ бланковъ и еще кое какія неважныя бумаги. До сихъ поръ неизвѣстно, что съ нимъ сталось: вѣроятно, что онъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ, и что это то и подало поводъ къ ошибкѣ маршала *де-Сентъ-Арно*.

Начальники непріятельскихъ войскъ говорятъ, что они прилагали всевозможное попеченіе о нашихъ раненыхъ. Мы нисколько не сомнѣваемся ни въ ихъ человѣколюбивыхъ чувствахъ, ни въ ихъ желаніи доказать эти чувства на дѣлѣ. Но всѣмъ извѣстно, что въ непріятельской арміи не было достаточнаго числа хирурговъ: ея раненыхъ, разумѣется, надобно было предпочесть нашимъ. Отъ этого произошло, что многіе изъ нашихъ раненыхъ, остававшихся въ рукахъ непріятеля, догоняли нашу армію въ продолженіе слѣдующаго, третьяго и даже четвертаго дней, съ неперевязанными ранами. 320 человѣкъ нашихъ воиновъ, получившихъ самыя тяжелыя раны и оставшихся на полѣ сраженія, не видали отъ непріятеля никакой по-

мощи. Изъ этого числа, 70 человѣкъ успѣли дотащиться кое-какъ до Бахчисарая, а остальные были перевезены нами въ Симферополь. Другимъ печальнымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ мало заботились о нашихъ раненыхъ, служитъ въ высшей степени жалкое положеніе, въ какомъ находились раненые, высаженные въ Одессу 16-го сентября англійскимъ пароходомъ «Ивенсъ». Ихъ было 353 человѣка. Будучи перенесены, послѣ сраженія, на берега Альмы, они оставались тамъ въ продолженіе шести дней безъ крова и почти безъ помощи; лишь у нѣкоторыхъ были перевязаны раны, да и то сѣномъ и соломой вмѣсто корпіи, что, разумѣется, принесло имъ не пользу, а вредъ. Потому, по прибытіи ихъ въ Одессу, почти всѣ раны были поражены антоновымъ огнемъ, и 23-го сентября уже умерь 31 человѣкъ изъ этихъ несчастныхъ.

Увѣреніе маршала *Сентъ Арно*, будто бы на каждаго убитаго француза приходилось по семи убитыхъ русскихъ не болѣе справедливо. По единогласнымъ показаніямъ плѣнныхъ, англичане потеряли 3,000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 100 офицеровъ, а французы до 1.800 челов. Наша потеря, даже по оффиціальнымъ (!) французскимъ донесеніямъ, простирается до 5.000 человѣкъ. Изъ этого легко можно видѣть, до какой степени заслуживаютъ вѣроятія показанія французскаго главнокомандующаго.

Что касается до русскаго генерала и пяти пушекъ, взятыхъ, по словамъ письма, напечатаннаго во Всеобщемъ Монитерѣ, французами, то и это точно такъ же несправедливо. За исключеніемъ генераловъ *Гомпнова* и *Щелкапова*, которые оба были тяжело ранены и остались на полѣ сраженія, ни одного русскаго генерала не было взято въ плѣнъ. Что до пушекъ, то изъ нихъ брошены только двѣ: одна съ совершенно разбитымъ лафетомъ, а другая заклепанная предварительно нашими храбрыми артиллеристами.

Наконецъ, маршалъ *де-Сентъ-Арно* увѣряетъ, что онъ не могъ преслѣдовать насъ по недостатку кавалеріи. Дѣло въ томъ, что непріятельская кавалерія усердно пыталась

атаковать насъ и даже обойти нашъ правый флангъ, но что наши гусары принудили ее отступить (¹).

Редакція «Journal de St-Pétersbourg» получила изъ Курска слѣдующее письмо, отъ 19-го сентября 1854 года:

Г. Редакторъ. «Почему извѣстія, даже самыя оффиціальныя, всегда требуютъ поправокъ? Почему *лжи* и клеветы безпрестанно вплетаются въ разсказахъ о событіяхъ самыхъ важныхъ? Не такъ приготовляютъ матеріалы для исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что единственная цѣль нашихъ враговъ—льстить тщеславію ихъ соотечественниковъ. Я говорю о дѣлѣ при Альмѣ. Маршалъ *де Сентъ-Арно*, да упокоитъ Господь его душу, не побоялся написать своему Государю: «Тогда это было уже не отступленіе, а *безпорядочное бѣгство* (deroute): русскіе бросали свои ранцы (?) и ружья, *чтобы легче было бѣжать*. Если-бы у меня была кавалерія, Государь, я достигъ бы огромныхъ результатовъ, и у *Меншикова* не было бы арміи». Французы изъ арміи, которою командовалъ маршалъ *де-Сентъ Арно*, справедливѣе его: я слышалъ, какъ французы, находящіеся у насъ въ плѣну и которыхъ я могъ бы назвать поименно, говорили съ удивленіемъ о стойкости и храбрости русскаго солдата въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ, между прочимъ, цѣлый батальонъ легъ до послѣдняго человѣка, не подавшись назадъ ни на шагъ. Отступленіе, по словамъ этихъ плѣнныхъ, совершилось въ величайшемъ порядкѣ, и если насъ принудили отступить, то эта честь принадлежитъ большею частію морской артиллеріи, и мы желали бы видѣть, какъ поступили бы въ этомъ случаѣ, подъ пушками флота, войска сражавшіяся при Ленѣ и Ваграмѣ. Когда я спросилъ французовъ, зачѣмъ они воюютъ съ нами, они отвѣчали: «Этого никто не знаетъ ни въ арміи, ни во Франціи. Мы католики, а сражаемся за мусульманъ; мы монархисты, а трудимся для демагоговъ; мы должны бы быть союзниками Россіи, чтобы уравновѣсить морское

(¹) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 240.

могущество Англіи, а насъ посылаютъ истребить ваши флоты».

Читая описаніе дѣла при Альмѣ, мы замѣтили, что французская пѣхота не приняла сраженія на штыкахъ, которое наши батальоны неоднократно ей предлагали: она предпочла развернуть свой строй и разить ихъ своими коническими пулями. Конечно, къ войнѣ принято за правило наносить другъ другу какъ можно болѣе вреда, и противъ этого нечего сказать. Но для націи, имѣющей пристрастіе на все, что есть рыцарскаго, не благороднѣе ли было бы принять этотъ вызовъ и рѣшиться на честный рукопашный бой, нежели прибѣгать къ новоизобрѣтеннымъ способамъ истребленія, заставляющимъ мужество подчиняться механическимъ средствамъ? Маршалъ *де-Сентъ-Арно* жаловался, что у него не было кавалеріи въ дѣлѣ при Альмѣ; но что же сталось съ 1,800 англійскими кавалеристами, на превосходныхъ лошадяхъ, которые высадились вмѣстѣ съ экспедиціоннымъ корпусомъ? Маршалъ не говоритъ этого; я скажу за него. Англійская кавалерія увязла въ болотахъ Альмы и простояла тамъ все время боя. Но допустимъ, что *Сентъ-Арно* могъ употребить ее въ дѣло для преслѣдованія: развѣ мы не могли противопоставить ей свою кавалерію, которую маршалъ опредѣляетъ въ 6.000 человѣкъ, но которая, въ дѣйствительности, состояла только изъ двухъ гусарскихъ полковъ, въ 1,000 человѣкъ каждый, нетерпѣливо ожидавшихъ случая помѣряться съ заморскою кавалеріею. Значитъ, это мѣсто донесенія не имѣетъ смысла. У русскихъ было въ дѣлѣ при Альмѣ 42 батальона (менѣе 30,000 человѣкъ), 2.000 человѣкъ кавалеріи и 84 орудія. Союзники, по ихъ собственному сознанію, имѣли у себя 56,000 человѣкъ пѣхоты, столько же кавалеріи, сколько было и у насъ, и, по словамъ плѣнныхъ, о которыхъ я упоминалъ, 150 орудій. Силы ихъ, поэтому, вдвое превосходили наши. Что до результата сраженія, то, въ тактическомъ отношеніи, онъ былъ совершенно ничтоженъ для союзниковъ, потому что они не сдѣлали ни шага впередъ, а оставались трое сутокъ на мѣстѣ, хороня своихъ убитыхъ и размышляя о

томъ, что должны предпринять они, между тѣмъ какъ князь *Меншиковъ* употребилъ эти три дня на приготовленія къ самой энергической оборонѣ, какую только можно было противопоставить нашимъ многочисленнымъ врагамъ. И такъ, единственнымъ дѣйствительнымъ результатомъ дѣла при Альмѣ была значительная потеря въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ, и кто убилъ у своего непріятеля болѣе людей, тотъ, значитъ, и выигралъ сраженіе. Потеря русскихъ убитыми и ранеными, отъ рядоваго до генерала, простиралась почти до 4,500 человѣкъ. Это много, очень много; но мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что потеря союзниковъ превысила эту цифру, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда атакуютъ крѣпкую и мужественно защищаемую позицію.... (1)

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 256.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ГЕНЕРАЛЪ АДЬЮТАНТЪ

КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЬ ГОРЧАКОВЪ 2-й

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ КНЯЗЬ

М. Д. ГОРЧАКОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Жизнь и дѣятельность каждаго человѣка можетъ быть разсматриваема съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ: во-первыхъ, какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, составляющаго особую личность въ цѣломъ человѣчествѣ, и, во-вторыхъ, какъ жизнь члена извѣстнаго общества. Въ первомъ случаѣ разсматриваются его общія человѣческія достоинства и недостатки, во второмъ же общественная его дѣятельность, гражданская или военная. Конечно, между этими двумя сторонами человѣческой жизни должна находиться самая полная связь, такъ что личныя качества человѣка, его характеръ оказываютъ постоянное вліяніе на общественную его дѣятельность и обратно; то положеніе человѣка, которое является въ слѣдствіе этой дѣятельности, не можетъ, въ свою очередь, не вліять на самый характеръ его. Поэтому-то, разсматривая жизнь какого-нибудь человѣка, а въ особенности человѣка, занимавшаго высокое положеніе въ своемъ обществѣ, нельзя ограничиваться указаніемъ только одной стороны его дѣятельности: подобное разсмотрѣніе было бы въ высшей степени односторонне и могло бы повести къ самымъ ложнымъ заключеніямъ.

При подобномъ односторонпемъ изслѣдованіи, мы, напримѣръ, весьма легко могли бы осудить человѣка, который, имѣя въ своемъ характерѣ и въ своей личности всѣ данныя для блистательной карьеры, былъ, между тѣмъ, на столько несчастливъ, что судьба постоянно поставляла его въ самыя трудныя и безвыходныя положенія, въ слѣдствіе чего дѣятельность его не могла быть успѣшною и приносить тѣ результаты, какихъ можно было ожидать отъ него, въ слѣдствіе его личныхъ достоинствъ. Неужелижъ дерзнулъ бы кто нибудь осудить подобнаго человѣка за то только, что злополучная звѣзда его не только не устраняла преградъ для его дѣятельности, а, напротивъ, даже создавала постоянно такую обстановку, которая не только вредила этой дѣятельности, но даже могла оказывать вредное вліяніе на его характеръ? Справедливость требуетъ воздержаться отъ подобнаго осужденія, потому что оно было бы въ высшей степени неосновательно.

Подобныя мысли невольно навертываются при разсмотрѣніи жизни и дѣятельности покойнаго князя *М. Д. Горчакова*, который представляетъ собою именно рѣдкій примѣръ человѣка, одареннаго самыми возвышенными душевными качествами, съ характеромъ, вполнѣ достойнымъ всякаго уваженія, но котораго, какъ будто бы, преслѣдовала злополучная его звѣзда, не позволявшая счастію слишкомъ часто улыбаться ему. Что бы ни говорили, но счастіе всегда играло и играетъ великую роль въ судьбѣ государственныхъ дѣятелей. Иному любимцу фортуны оно постоянно благопріятствуетъ, такъ что даже самыя плохія соображенія вѣнчаются успѣхомъ; другой же, какъ бы ни былъ уменъ и предусмотрителенъ, вездѣ встрѣчаетъ однѣ лишь неудачи, и даже самыя лучшія его соображенія, безъ счастія, не будутъ приносить благодѣтельныхъ результатовъ. Къ числу людей послѣдней категоріи можно отнести и покойнаго князя Михаила Дмитріевича.

Конечно, еще не время писать полную біографію князя *Горчакова*, по невозможности совершенно точнаго отдѣленія того, что собственно принадлежитъ его ошибкамъ, которыя были и у него, какъ у всякаго человѣка, и что за-

тѣмъ выпадаетъ на долю неблагопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ. Подобная оцѣнка его жизни, какъ государственнаго дѣятеля на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, принадлежитъ исторіи. Мы же постараемся только обратить вниманіе нашихъ читателей на наиболѣе рѣзкія черты жизни князя *Горчакова* и на тѣ самыя крупныя стороны его характера, которыя могутъ и должны быть замѣчены и оцѣнены его современниками.

Князья *Горчаковы*—потомки стариннаго княжескаго рода, часто встрѣчающагося на страницахъ русской исторіи и происходящаго отъ князей Черниговскихъ. Такъ, при знаменитой осадѣ Смоленска поляками (въ 1609 году), князь Петръ Ивановичъ *Горчаковъ* былъ вторымъ воеводою въ Смоленскѣ и, послѣ мужественной двухъ-годичной защиты города, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ доблестнымъ воеводою *Шеинымъ*. Потомокъ этого-то воеводы, сынъ небогатаго дворянина Костромской губерніи, князь Михаилъ Дмитріевичъ, получивъ воспитаніе въ частномъ учебномъ заведеніи, въ 1807 году поступилъ въ службу юнкеромъ въ лейбъ гвардіи артиллерійскій батальонъ (нынѣ лейбъ-гвардіи 1-я артиллерійская бригада). Будучи въ томъ же году произведенъ въ подпоручики гвардейской артиллеріи, князь *Горчаковъ* въ 1809 году былъ командированъ въ грузинскій корпусъ (нынѣ кавказская армія), гдѣ, состоя адъютантомъ при генералъ-маіорѣ маркизѣ *Паулучци*, находился при отраженіи персидскаго отряда, вышедшаго изъ Делижанскаго ущелья, по направленію къ Шамхорскому мосту. Возвратясь въ 1809 году къ гвардейской артиллеріи, онъ вмѣстѣ съ нею дѣлалъ кампаніи противъ французовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и съ отличіемъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Бородиномъ, Люценомъ, Бауценомъ, при атакѣ Дрездена и подъ Лейпцигомъ. Если вспомнить, сколь разборчиво и даже скупо выдавались въ то время награды за военныя отличія, то надо удивляться, что за эти три года войны князь *Горчаковъ* получилъ очень много наградъ, а именно: ордена Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Св. Анны 2-й степени,

прусскій военный орденъ «за заслуги» и чинъ штабсъ-капитана за отличіе подъ Бауценомъ.

Уже въ то время способности и образованіе князя *Горчакова* обратили на него вниманіе начальства, въ слѣдствіе чего, съ производствомъ его въ полковники, въ 1817 году, онъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ, носившій въ то время названіе свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, а вскорѣ послѣ того, въ 1820 году, назначенъ въ должность начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, съ войсками котораго онъ, въ чинѣ уже генералъ-маіора, дѣлалъ турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ. Кампанія эта составляетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ боевой дѣятельности князя *Горчакова*, и онъ постоянно съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ о ней, и особенно о знаменитой сатуновской переправѣ, въ которой съ отличіемъ принималъ самое дѣятельное участіе и за которую удостоился получить орденъ св. Георгія третьяго класса. Не смотря на сильную, считавшуюся неприступною, позицію турокъ, защищаемую 8.000 отрядомъ *Гассанъ-паши*, не смотря на страшный перекрестный огонь, оборонявшій переправу, войска наши, ободренныя личнымъ присутствіемъ Государя Императора, подъ огнемъ непріятеля сѣли на суда, высадились на правый берегъ Дуная и сбили турокъ съ позиціи. Князь *Горчаковъ* переѣхалъ въ числѣ первыхъ на правый берегъ, устраивалъ войска въ боевой порядокъ и, подавая примѣръ неустрашимости, способствовалъ пораженію непріятеля. Затѣмъ, въ ту же войну, князь Михаилъ Дмитріевичъ участвовалъ при осадѣ и взятіи Силистріи, при блокадѣ Шумлы, а также и въ большей части всѣхъ дѣлъ и сраженій, происходившихъ въ окрестностяхъ обѣихъ этихъ крѣпостей. По окончаніи кампаніи 1829 года, князь *Горчаковъ* былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, а передъ самой польскою войною начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, въ должности котораго состоялъ до сраженія при Варшѣ, гдѣ, послѣ раненаго въ этомъ сраженіи генералъ-адъютанта Ивана Онуфріевича *Сухозанета* 1-го, вступилъ въ исправленіе долж-

ности начальника артиллеріи арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ. Исполняя съ обычною своею добросовѣстностію эту должность, князь Михаилъ Дмитріевичъ на совѣщаніяхъ, собираемыхъ главнокомандующими въ теченіе польской войны, высказывалъ свои дѣльныя и правдивыя замѣчанія на происходившія военныя дѣйствія; замѣчанія эти и предположенія князя неоднократно были единодушно всѣми одобряемы (1). Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по званію начальника артиллеріи арміи, князь *Горчаковъ* часто получалъ и разныя другія порученія, которыя всегда были имъ блистательно выполняемы: такъ, онъ распоряжался устройствомъ переправы черезъ Вислу, при Осѣкѣ, командовалъ иногда авангардами и, сверхъ того, вмѣстѣ съ арміею, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гроховымъ, при Остроленкѣ и при штурмѣ Варшавы, не говоря о множествѣ мелкихъ дѣлъ и стычекъ, при которыхъ онъ присутствовалъ.

Способности, выказанныя княземъ *Горчаковымъ* въ турецкую и польскую войны, были причиною назначенія его, еще въ концѣ польской войны (5 сентября 1831 года), начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, должность, въ которой онъ состоялъ до самаго назначенія его, въ 1853 году, командующимъ войсками 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ: слѣдовательно, собственно у фельдмаршала, графа *Паскевича-Эриванскаго*, онъ пробылъ начальникомъ штаба почти 22 года, да передъ тѣмъ еще, съ небольшими перерывами, исполнялъ почти 11 лѣтъ должность начальника корпуснаго штаба.

Очевидно, что столь продолжительное однообразіе служебной дѣятельности должно было отразиться не только на характерѣ, но даже и на самыя способности князя *Горчакова*. Начальникъ штаба находится въ постоянной зависимости отъ командующаго корпусомъ или арміею: онъ дѣлается только исполнителемъ приказаній высшаго начальства, причемъ долженъ непремѣнно входить во всѣ подробности дѣлаемыхъ распоряженій; круть же самостоя-

(1) На основаніи записокъ графа *К. Ѳ. Толя* о польской войнѣ.

тельной его дѣятельности крайне ограниченъ. Чтожъ удивительнаго, если подобныя занятія, особенно, если они продолжительны, имѣютъ вліяніе на развитіе чувства самостоятельности въ человѣкѣ и колеблютъ въ немъ увѣренность въ себѣ? Рѣдкій характеръ и не всякая личность въ состояніи устоять противъ подобнаго вліянія, а тѣмъ болѣе еще когда главный начальникъ не терпитъ возраженій, одаренъ желѣзною волею, огромною властію и, въ слѣдствіе того, не отличается мягкостію формъ своего обращенія съ подчиненными. Такимъ-то человѣкомъ, при всѣхъ его блестящихъ качествахъ, былъ фельдмаршалъ *Паскевичъ*, съ которымъ князь *Горчаковъ*, какъ начальникъ главнаго штаба дѣйствующей арміи и какъ генералъ-губернаторъ Варшавы (съ 1846 года), былъ въ постоянныхъ ежедневныхъ служебныхъ отношеніяхъ. Отношенія эти непремѣнно должны были оказать вліяніе на характеръ и личность князя *Горчакова*. Не обладая полною самостоятельностію, при вполнѣ ясномъ взглядѣ на предметы, онъ во многихъ случаяхъ бывалъ нерѣшителенъ и часто, при исполненіи самой вѣрной и обдуманной мысли, колебался. Одно, въ чемъ онъ выказывалъ самую полную рѣшимость, это въ желаніи своемъ посвятить всего себя на службу Государю и отечеству. Совершенно справедливо сказано въ коротенькой статейкѣ, посвященной памяти князя М. Д. *Горчакова* и перепечатанной почти во всѣхъ нашихъ газетахъ, что «не руку свою готовъ онъ былъ положить на огонь за отечество, но самъ кинулся бы въ пламя, если-бы зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу для государства».

Съ другой стороны, съ лишнимъ тридцатилѣтнее исполненіе обязанностей начальника штаба наложило привязало князя *Горчакова* къ разнымъ мелочамъ боевой жизни войскъ, мелочамъ, на которыя должно быть обращено полное вниманіе всѣхъ второстепенныхъ лицъ главнаго штаба, а не самого главнокомандующаго. Для послѣдняго этими мелочами только затемняются болѣе важные предметы.

Все это вмѣстѣ должно было оказать вліяніе на всѣ послѣдующія дѣйствія князя *Горчакова*, когда онъ полу-

чилъ возможность дѣйствовать самостоятельно. Притомъ же, и здѣсь судьба выбирала для него какъ будто бы самыя трудныя обстоятельства. Считаемъ совершенно лишнимъ, въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ, входить въ подробное изслѣдованіе всей затруднительности разныхъ положеній, въ которыхъ находился князь Михаилъ Дмитріевичъ во все продолженіе восточной войны. Событія этой войны и та роль, какую въ нихъ игралъ покойный князь, слишкомъ живы еще въ памяти всѣхъ, чтобы ихъ повторять здѣсь. Полагаемъ, однакожъ, не лишнимъ напомнить, что, не смотря ни на какую затруднительность положенія, князь *Горчаковъ* никогда не падалъ духомъ и всегда съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвящалъ всю свою дѣятельность на спасеніе чести нашего отечества и нашей арміи. Стоитъ вспомнить только всю неопредѣлительность его положенія на Дунаѣ, затруднительность дѣйствій въ княжествахъ и ихъ очищеніе, совершенное съ полнымъ успѣхомъ; за тѣмъ затруднительность этого положенія нисколько не измѣнилась съ возвращеніемъ нашихъ войскъ въ предѣлы Имперіи, и здѣсь-то князь Михаилъ Дмитріевичъ выказалъ вполнѣ все свое самоотверженіе и дѣйствительно рѣдкое благородство души. Имѣя противъ себя вооруженныя силы сомнительной въ своихъ сношеніяхъ съ нами Австріи, занимая частію южной арміи Добруджу, князь *Горчаковъ* съ самаго начала понялъ всю важность и значеніе высадки союзниковъ въ Крыму и не только съ полною готовностію отправлялъ отъ себя дивизіи и корпуса въ Крымъ, но и съ свойственною ему предусмотрительностію старался содѣйствовать удовлетворенію всѣхъ матеріальныхъ нуждъ крымской арміи. А, между тѣмъ, его собственное положеніе вовсе не было вполнѣ безопасно; онъ постоянно извлекивалъ всѣ средства для возможно лучшаго противодѣйствія непріятелю, на случай его вторженія въ Бессарабію. Не лишне здѣсь замѣтить, что, между тѣмъ какъ князь *Горчаковъ* съ такою полною готовностію ослаблялъ себя, лишь бы усилить крымскую армію, онъ самъ не получалъ въ замѣнъ того никакихъ подкрѣпленій и даже долженъ былъ вести огромную переписку изъ-за

того, чтобы присоединить къ своей арміи три сотни казаковъ, расположенныя въ Подольской губерніи.

Событія и военныя дѣйствія, происходившія въ Крыму, постоянно интересовали князя такъ, какъ бы онъ самъ принималъ въ нихъ участіе. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ возвращенія изъ Крыма своихъ курьеровъ, надѣясь постоянно, не принесутъ ли они какого нибудь благопріятнаго извѣстія. Одного изъ нихъ, штабсъ-капитана генеральнаго штаба *Лаврова*, везшаго извѣстія объ инкерманскомъ дѣлѣ, онъ встрѣчаетъ на дорогѣ во время поѣздки своей въ Бендеры; не смотря на поздне и ненастное время года, князь выскакиваетъ изъ кареты и, стоя въ грязи, съ лихорадочнымъ трепетомъ, выслушиваетъ разсказъ очевидца объ этой геройской, но неудачной попытки нашихъ войскъ.

Но вотъ наступаетъ самое тяжелое, безвыходное положеніе для Севастополя и крымской арміи: большая часть лучшихъ и ближайшихъ подкрѣпленій истощена, осаждающіе перенесли самое тяжелое время, стали отогрѣваться на весеннемъ солнышкѣ и, наученные опытомъ, сдѣлались вдвое сильнѣе и обезпеченнѣе прежняго. И вотъ, въ это-то именно трудное время князь *Горчаковъ* назначенъ главнокомандующимъ военно-сухопутными и морскими силами, въ Крыму находящимися. Все, что человѣчески возможно было сдѣлать для спасенія чести и славы нашего оружія, было сдѣлано: но вѣдь противъ невозможнаго нельзя идти, и позднѣйшее потомство и исторія, безъ сомнѣнія, признаютъ, что если въ командованіе князя *Горчакова* крымскою арміею и были дѣлаемы ошибки, то въ нихъ почти нельзя винить самого главнокомандующаго, и что, собственно съ своей стороны, онъ выполнилъ свое назначеніе честно и вполнѣ заслужилъ ту похвалу, которая выражена въ Высочайшемъ рескриптѣ, который князь Михаилъ Дмитріевичъ удостоился получить въ день коронаціи Государя Императора. Въ рескриптѣ этомъ, между прочимъ, сказано: «Явивъ себя въ сей тяжкой борьбѣ превыше враждебныхъ обстоятельствъ, васъ окружавшихъ, въ мужественномъ ихъ преодолѣніи, въ предусмотрительномъ сохране-

ніи ввѣренныхъ вамъ войскъ, вы, въ развалинахъ твердыни Севастополя, воздвигли памятникъ несокрушимой славы себѣ и арміи, вамъ порученной, и, въ кровавомъ бою оставивъ эти развалины, совершили съ арміею небывалую въ военной исторіи переправу чрезъ морской заливъ, не отдавъ болѣе ни пяди русской земли».

Дѣйствительно, князь *Горчаковъ* тѣсно связалъ свое имя съ Севастополемъ, положивъ начало этой связи въ то время еще, когда не былъ главнокомандующимъ крымскою арміею. Поэтому вполнѣ естественно послѣднее желаніе князя, завѣщавшаго, чтобы его похоронили въ сѣверномъ укрѣпленіи Севастополя. Сколько мыслей вызываетъ эта послѣдняя, предсмертная воля бывшаго главнокомандующаго крымскою арміею!

Постоянныя неудачи въ кампанію 1853—1856 годовъ непремѣнно должны были сильно поколебать и безъ того уже изнуренное прежними трудами здоровье князя *Горчакова*, который, съ обычною своею прямотою и откровенностію, нисколько не старался прикрашивать дѣйствительность. Прощаясь однажды въ Бахчисараѣ, вскорѣ по очищеніи Севастополя, съ однимъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ, получившимъ новое назначеніе, князь задумался и перешелъ къ воспоминаніямъ послѣднихъ событій.

— Да, началъ онъ: — въ одно время съ вами, мы покинули Варшаву, въ одно время явились на Прутъ и весело прошли на Дунай. И сколько пережили—цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного насчитаемъ мы дней радостныхъ!...

Слушавшій князя напомнилъ ему переправу черезъ Дунай, 11-го марта 1854 года, и переправу черезъ севастопольскую бухту 27-го августа 1855 года.... Дѣйствительно, объ эти переправы, вмѣстѣ съ переправами черезъ Дунай, въ 1828 году, и черезъ Вислу, при Осѣкѣ, въ 1831 году, составляютъ блестящую славу князя Михаила Дмитріевича *Горчакова* и тѣсно связываютъ его имя съ лучшими страницами нашей военной исторіи.

Съ назначеніемъ главнокомандующимъ войсками въ

Крыму генералъ-адъютанта *Лидерса*, князь *Горчаковъ* былъ отозванъ въ Петербургъ и въ январѣ 1856 года, по смерти фельдмаршала князя *Паскевича*, назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго, а вскорѣ послѣ того и главнокомандующимъ вновь образованною 1-ю арміею, въ каковой должности и оставался по день самой смерти своей, постигшей его на шестьдесять-девятомъ году отъ рожденія. И здѣсь также, на этомъ новомъ мѣстѣ, князь встрѣтилъ много неблагопріятствующихъ ему обстоятельствъ, однакожъ умѣлъ преодолѣвать ихъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, безпристрастные жители Царства Польскаго долго сохранятъ воспоминаніе о безкорыстіи и всегдашней прямодушной, рыцарской честности покойнаго князя Михаила Дмитріевича.

Такова была государственная дѣятельность князя *Горчакова*, дѣятельность, постоянно затрудняемая различными неблагопріятными обстоятельствами, изъ которыхъ, однакожъ, князь умѣлъ выходить на столько хорошо, на сколько это было человѣчески-возможно. Заслуги покойнаго постоянно справедливо были оцѣниваемы двумя Государями; а чтобъ оставить и на будущее время воспоминаніе о князѣ *Горчаковѣ* въ рядахъ нашей арміи, Государь Императоръ изволилъ приказать, чтобы полкъ, шефомъ котораго былъ князь *Горчаковъ*, именно Брянскій пѣхотный, именовался и впредь его именемъ—отличіе, даруемое только генералъ-фельдмаршаламъ.

Но обратимся къ личному характеру князя Михаила Дмитріевича. Въ этомъ отношеніи покойный заслуживаетъ самое полнѣйшее сочувствіе своихъ согражданъ и современниковъ. Въ его характерѣ было много такихъ сторонъ, которыя рѣдко встрѣчаются въ нашъ вѣкъ, да еще въ нашемъ обществѣ. Самоотверженіе его, какъ мы уже упоминали, не имѣло предѣловъ. Честность, открытый и прямой характеръ возбуждали къ нему общее уваженіе и любовь всѣхъ, кто зналъ его поближе. Правда, что, въ слѣдствіе прямоты своего характера, князь иногда говорилъ свои замѣчанія въ формахъ нѣсколько угловатыхъ, но за то съ своей стороны онъ допускалъ всякій споръ, допускалъ да-

же рѣзкость выраженій, выслушивая подчиненнаго съ большимъ вниманіемъ, и, весьма часто, въ подобномъ спорѣ, столь же быстро сознавалъ свои ошибки, какъ и впадалъ въ оныя. Во время спора князь не стѣснялся въ словахъ: «что за вздоръ!» было любимымъ его выраженіемъ. Ненавидя всякаго рода ложь, эффектность, неестественность, князь чуждался всякой изысканности, былъ простъ въ обращеніи со всѣми, не приноравливался ни къ обществу, ни къ личности, не искалъ популярности, не заискивалъ въ солдатахъ, не поддѣлывался подъ ихъ рѣчь и манеры, но за то заботился о нихъ денно и ночно.

Князь любилъ говорить съ солдатомъ, но, при неясной его рѣчи, онъ говорилъ крайне невнятно: солдаты не понимали его слова, но инстинктивно любили храбраго русскаго князя, довѣрчиво слѣдовали за нимъ и звали его *честнымъ княземъ*.

И дѣйствительно: простой русскій солдатъ какъ нельзя вѣрнѣе оцѣнилъ этимъ прозвищемъ князя *Горчакова*: честность и безграничное безкорыстіе составляли отличительную черту его характера, при чемъ не лишне замѣтить, что, при довольно многочисленномъ семействѣ, средства князя Михаила Дмитріевича были весьма ограничены и состояли преимущественно изъ получаемаго имъ содержанія и Высочайше жалованныхъ ему аренды и наградъ.

Трудно найдти, чтобы люди даже гораздо болѣе богатые были бы болѣе усердны въ сбереженіи казенныхъ интересовъ, чѣмъ князь *Горчаковъ*

Въ отношеніяхъ служебныхъ князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ холоденъ ко всему его окружавшему. По его мнѣнію, служба должна была двигаться какъ машина; въ ней изчезалъ человѣкъ, онъ дѣлался простымъ колесомъ, дѣйствующимъ для общественной пользы; оттого-то князь, въ случаѣ нужды, и самъ не зналъ отдыха, и не давалъ отдыха другимъ: по его мнѣнію, нельзя было отдыхать, пока остается еще хотя что нибудь не исполненнымъ. Всѣ труды и занятія свои князь *Горчаковъ* выполнялъ съ необыкновенною любовью къ дѣлу, съ самоотверженіемъ и съ какою-то лихорадочною живостію. Работалъ онъ весьма

много. Постоянная дѣятельность мысли была причиною почти постоянной разсѣянности, по поводу которой сохранилось очень много разныхъ разсказовъ и анекдотовъ. Въ ночныхъ занятіяхъ надъ планами и картами князь значительно повредилъ своему зрѣнію: онъ былъ очень близорукъ.

Князь писалъ собственноручно весьма много, преимущественно карандашемъ, и, притомъ, очень неразборчиво. Не будучи иногда въ состояніи самъ разобрать написанное, онъ обращался, обыкновенно, къ тѣмъ немногимъ лицамъ, которыя разбирали его руку. Князь вполнѣ владѣлъ языкомъ французскимъ и русскимъ: частныя письма его отличались прекраснымъ слогомъ, ясностію и правильностію изложенія и какою-то особою, замѣчательною оригинальностію: письма его на французскомъ языкѣ были особенно хороши.

О хозяйствѣ своемъ князь *Горчаковъ* вовсе не заботился. Какъ оно шло, это ему было совершенно все равно: про то зналъ его *Левонтій*, какъ онъ называлъ своего камердинера. Не смотря на слабое здоровье, не смотря на несостоятельность желудка, князь былъ невоздерженъ въ пищѣ, преимущественно въ слѣдствіе своей разсѣянности. Вина никогда не пилъ и запрещалъ даже ставить его близко къ себѣ, говоря, что въ разсѣянности онъ будетъ пить его какъ воду.

Не смотря на то, что постоянныя усиленныя кабинетныя занятія должны были совершенно изсушить сердце князя *Горчакова*, онъ, однакожъ, по временамъ выказывалъ полную, удивительную теплоту души. Вотъ что разсказывалъ намъ одинъ изъ бывшихъ близкихъ подчиненныхъ князя Михаила Дмитріевича.

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1848 года, я прибылъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи, и служебныя занятія вскорѣ поставили меня въ постоянныя, непосредственныя отношенія къ князю. Никогда я не встрѣчалъ, и, конечно, никогда не встрѣчу, другой личности, которая бы съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою любовью предавалась труду служебному, какъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. Не было

отрасли занятій, въ которую бы онъ не вникъ совершенно, даже пустые, по видимому, мелочные труды онъ обсуждалъ и рѣшалъ самъ.

«Занятія все болѣе и болѣе сближали меня съ княземъ. Но въ то самое время, когда я беззаботно предавался жизни и трудамъ, надъ моею головою собиралась грозная туча, которая была тѣмъ страшнѣе, что обрушилась совершенно неожиданно....

«Меня потребовали къ князю. Съ тревожнымъ и безпокойнымъ видомъ встрѣтилъ меня князь Михаилъ Дмитріевичъ.

— «Что вы сдѣлали, спросилъ меня князь: — васъ велѣно арестовать и отправить....

«Ничего я не сдѣлалъ и не было преступленія на моей совѣсти; но безпокойство князя, слова: арестъ, отправить, поразили меня. Кровь прилила къ сердцу, душно мнѣ стало.

— «Не написали вы чего, не проболтались ли? спросилъ меня князь.

— «Не знаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ я: — могъ я и прописаться, и проболтаться, но смѣю завѣрить васъ, что преступленія нѣтъ за мною.

— «Надѣюсь. Грустно мнѣ съ вами разставаться: но прощайте. Дай Богъ, чтобы во всемъ этомъ было одно только недоразумѣніе.

«Я направился къ дверямъ кабинета. Князь остановилъ меня и, притворивъ двери, началъ:

— «Я принимаю самое живое участіе въ вашемъ несчастіи, убѣжденъ, что вы не столько виноваты, увѣренъ, что вы не преступникъ.... Не какъ начальникъ штаба, а какъ князь *Горчаковъ*, чѣмъ могу быть полезнымъ вамъ?

«Меня глубоко тронуло такое вниманіе, выказанное притомъ самымъ сочувствующимъ мнѣ голосомъ, и я просилъ князя, чтобы, въ случаѣ какого либо несчастія со мною, извѣстіе о томъ дошло сколь возможно позже до моей престарѣлой матери, у которой я одинъ сынъ, и

чтобы, по возможности, были устранены отъ нея горе и нужда.

«Князь крѣпко пожалъ мнѣ руку, слеза блеснула на его рѣсницѣ, и онъ сказалъ:

— «Будьте покойны, я стану сыномъ вашей матушки.

«Мало того: когда меня отправили, князь призвалъ къ себѣ одного изъ близкихъ къ нему офицеровъ и поручилъ ему принять къ себѣ на сохраненіе всю мою мебель, имущество и лошадей и даже выдалъ ему деньги на содержаніе послѣднихъ.

«Когда же, черезъ мѣсяцъ, обстоятельства, бывшія причиною моего ареста, уяснились, и я вернулся снова въ Варшаву, то князь снова принялъ меня въ прежнюю должность».

Личная храбрость хотя и можетъ считаться не вполнѣ необходимою для полководца, однакожъ, не лишняя въ немъ, и особенно не та храбрость, которая заставляетъ человѣка съ увлеченіемъ идти въ огонь, а та, въ слѣдствіе которой человѣкъ остается совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ передъ лицомъ какихъ бы то ни было опасностей. Такою-то именно храбростію вполнѣ обладалъ князь *Горчаковъ*. Онъ не сознавалъ опасности; возможность быть убитымъ или раненымъ ему не приходила въ голову; онъ не допускалъ мѣръ осторожности; заботы о самосохраненіи онъ называлъ трусостію. Холодное пренебреженіе его къ смерти вовсе нельзя было остановить указаніемъ на великость опасности, а развѣ только намекомъ на нарушеніе этимъ служебныхъ обязанностей. Такъ однажды, въ 1854 году, при осадѣ Силистріи, князь ходилъ по траншеямъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и безпрестанно влѣзалъ на валъ траншеи, высовывался въ сложенныя изъ земляныхъ мѣшковъ бойницы и очевидно привлекалъ на себя непріятельскія пули. На всѣ замѣчанія, дѣлаемыя сопровождавшими его лицами, князь постоянно отвѣчалъ своей любимой поговоркой: «что за вздоръ!» Наконецъ, генералъ *Бельгардъ* доложилъ князю, что высовываться между мѣшковъ, вѣнчающихъ насыпь, строго запрещено солдатамъ, которые, видя, что главнокомандующій нару-

шаетъ это приказаніе, могутъ подумать, что онъ нарочно ищетъ турецкой пули.

— Правда, отвѣчалъ князь: — больше не буду, тѣмъ болѣе, что я ничего не вижу.

Совершеннѣйшее презрѣніе къ смерти дало поводъ многимъ утверждать, что будто бы въ дѣлѣ на Черной (4 августа) князь *Горчаковъ* искалъ смерти, кидаясь всюду подъ ядра и пули (1). Но это въ высшей степени несправедливо. «Человѣкъ этотъ никогда не думалъ о себѣ—сказано въ вышеупомянутой нами газетной статьѣ — ни во время войны, ни во время мира: забота о своей личности для него было чувство неизвѣстное. Онъ отдалъ всего себя служенію своему Государю и отечеству, которое лишилось въ немъ лучшаго гражданина, лучшаго человѣка».

Сжатость настоящаго очерка не позволяетъ намъ привести здѣсь весьма многіе разсказы, рѣзко характеризующіе князя *Горчакова*, которые намъ удавалось слышать отъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Но не можемъ не передать хоть одинъ изъ этихъ разсказовъ, какъ особенно выказывающихъ все благородство души и прямоту характера покойнаго князя Михаила Дмитріевича (2).

Послѣ переправы черезъ Дунай, въ 1828 году, въ которой князь *Горчаковъ* принималъ самое дѣятельное участіе, ему выдано было нѣсколько георгіевскихъ крестовъ для раздачи солдатамъ. При этой раздачѣ забытъ былъ егерь Брянскаго полка, Василій *Прохоровъ*, который былъ лично извѣстенъ князю, какъ бравый солдатъ, и въ числѣ первыхъ при переправѣ выскочилъ на берегъ, но, будучи раненъ, не попалъ въ число счастливцевъ, получившихъ георгіевскіе кресты.

(1) Въ Севастополѣ, когда князь Михаилъ Дмитріевичъ носилъ бѣлую фуражку съ широкимъ довышкомъ и, въ видахъ охраненія своего зрѣнія, съ очень длиннымъ козырькомъ, то солдаты, видя его ходящимъ безстрашно подъ самымъ сильнымъ огнемъ, говорили, что ему непріятельскіе снаряды не повредятъ, потому что фуражка ему служитъ блиндажемъ.

(2) Разсказъ этотъ переданъ намъ г.-м. *Меньковымъ*, слышавшимъ его отъ самого князя *Горчакова* въ 1855 году. *Авт.*

«Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переправы—разсказывалъ самъ князь *Горчаковъ*—Василій *Прохоровъ* является ко мнѣ и требуетъ у меня креста за переправу. Долго и напрасно увѣрялъ я его, что теперь поздно, что всѣ кресты уже розданы. Наконецъ мы помирились на томъ, что такому молодцу, какъ *Прохоровъ*, тужить не о чемъ, что вскорѣ начнется осада Силистріи, работы будетъ много. При первой вылазкѣ, сказалъ я *Прохорову*, или же при первомъ дѣлѣ съ непріятелемъ подъ крѣпостью, онъ найдетъ меня впереди, и тогда пусть явится ко мнѣ и я разквитаюсь съ нимъ крестомъ.

«1 мая 1829 года войска наши подошли къ Силистріи, 5 мая обложили крѣпость, при чемъ произошло нѣсколько жаркихъ схватокъ. Подо мною была убита лошадь въ самомъ началѣ дѣла, и я уѣхалъ въ лагерь.

«Въ ночь съ 5-го на 6-е число, далеко за полночь, я слышу около своей палатки громкій споръ кого-то съ моимъ камердинеромъ; кто-то настойчиво требуетъ, чтобы меня разбудили. Я выскакиваю изъ палатки—предо мною Василій *Прохоровъ*, сопровождаемый унтеръ-офицеромъ своей роты.—«Ваше сіятельство! смѣло началъ *Прохоровъ*: — сегодня было дѣло, я былъ впереди, дрался хорошо, вотъ и свидѣтель тому. Мѣсяцъ назадъ, вы сказали мнѣ, что будете впереди—и не сдержали слова: я искалъ васъ повсюду—и спереди и сзади — васъ не было! Я пришелъ вамъ доложить объ этомъ, а то, чего добраго, мой крестъ опять пропадетъ».—Насилу я могъ оправдаться передъ *Прохоровымъ*, насилу увѣрилъ его, что я былъ въ дѣлѣ, но уѣхалъ потому, что на первыхъ же порахъ подо мною убита была лошадь: я долженъ былъ показать ему мою ушибленную руку.

«На другой день я выпросилъ ему крестъ».

Всякій, кто хоть немного знаетъ князя *Горчакова*, согласится, что въ этомъ разсказѣ ничего не преувеличено, не прикрашено: къ этому неспособенъ былъ князь. Онъ, напротивъ, находилъ вполнѣ естественнымъ, что долженъ былъ оправдаться въ глазахъ простаго солдата, который

ночью поднялъ его съ постели, обвиняя въ томъ, что князь не сдержалъ своего слова.

— И этимъ еще не кончилось, прибавилъ князь въ заключеніе своего разсказа: Василій *Прозоровъ*, съ запоздалымъ крестомъ и несдержаннымъ словомъ, пилилъ меня лѣтъ двадцать сряду. По выходѣ въ отставку, онъ поселился въ Варшавѣ, увѣрялъ, что сдѣлался охотникомъ, и ежемѣсячно приносилъ мнѣ купленную имъ на рынкѣ дичь и всякій разъ требовалъ за это по червонцу» (1).

II.

Горчаковъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ, сынъ небогатаго дворянина Костромской губерніи, получилъ воспитаніе въ частномъ учебномъ заведеніи и въ 1807 г. поступилъ въ военную службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи артиллерійскій батальонъ (нынѣ лейбъ-гвардіи 1-я артиллерійская бригада). Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ подпоручики гвардейской артиллеріи, а въ 1809 г. командированъ въ Грузинскій корпусъ (нынѣ отдѣльный Кавказскій), гдѣ, состоя адъютантомъ при генералъ-маіорѣ маркизѣ Паулуччи, участвовалъ въ отраженіи персидскаго отряда, выходившаго изъ Делижанскаго ущелья, по направленію къ Шамхорскому мосту. Въ 1809 г. снова возвратился къ прежней должности, и, вмѣстѣ съ гвардейскою артиллеріею, участвуя въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, отличился въ сраженіяхъ подъ Бородиномъ, Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Наградою его подвиговъ въ этихъ битвахъ были ордена: св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, св. Анны 2-й степени, Прусскій военный орденъ «за заслуги» и чинъ штабсъ-капитана. Затѣмъ онъ получилъ слѣдующіе чины и въ 1817 г., уже въ чинѣ полковника, переведенъ въ генеральный штабъ (носившій въ то время названіе свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части), а чрезъ три года назначенъ начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго кор-

(1) „Военный Сборникъ" 1861 г. № 7. Статья эта перепечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1861 г. № 148.

пуса. Состоя въ этой должности, въ чинѣ генералъ-маіора, участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 и 1829 г. Здѣсь въ особенности онъ отличился при знаменитой сатуновской переправѣ, гдѣ. переѣхавъ на правый берегъ Дуная въ числѣ первыхъ, устраивалъ войска въ боевой порядокъ, не смотря на страшный перекрестный огонь, оборонявшій переправу, и, подавая примѣръ неустрашимости, способствовалъ пораженію непріятеля. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Въ эту же кампанію участвовалъ при взятіи Силистріи, при блокадѣ Шумлы и во многихъ сраженіяхъ, бывшихъ въ окрестностяхъ этихъ крѣпостей. По окончаніи кампаніи 1829 г., назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, а передъ польскою кампаніею начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса. Эту должность онъ занималъ до сраженія при Вавръ, гдѣ былъ раненъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ 1-й. вмѣсто котораго онъ и принялъ должность начальника артиллеріи польской арміи.

Независимо отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по этой должности, князь *Горчаковъ* часто получалъ и другія порученія: такъ, онъ распоряжался устройствомъ переправы черезъ Вислу, нерѣдко командовалъ авангардами и, сверхъ того, кромѣ множества небольшихъ стычекъ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гроховымъ, при Остроленкѣ и при штурмѣ Варшавы. Въ концѣ польской кампаніи (1831 г.), онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. Эту должность занималъ онъ (подъ начальствомъ фельдмаршала князя *Паскевича-Эриванскаго*) 22 года, т. е. до назначенія его въ 1853 г. командующимъ войсками 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ; вмѣстѣ съ этимъ съ 1846 г. занималъ должность генералъ-губернатора Варшавы. Затѣмъ настала эпоха дѣятельности князя *Горчакова* въ восточной войнѣ. Здѣсь, не смотря на всю затруднительность обстоятельствъ, онъ никогда не падалъ духомъ и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвящалъ всю свою дѣятельность на служеніе отечеству. Въ доказательство этого достаточно вспомнить затруднительность дѣйствій на Дунаѣ, занятіе княжествъ и ихъ очищеніе, со-

вершенное съ полнымъ успѣхомъ. Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ въ предѣлы имперіи, имѣя противъ себя вооруженныя силы сомнительной въ отношеніи къ нашему отечеству Австріи, тѣмъ не менѣе сознавая всю важность высадки непріятеля въ Крыму, онъ съ полною готовностію отправлялъ туда отъ себя войска и содѣйствовалъ удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ крымской арміи. Послѣ этого онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военно-сухопутными и морскими силами, въ Крыму находившимися, и совершилъ здѣсь все, что только возможно было дѣлать для спасенія чести и славы русскаго оружія. Князь *Горчаковъ* тѣсно связалъ свое имя съ Севастополемъ, и подвиги его здѣсь были вполнѣ оцѣнены Государемъ Императоромъ: въ рескриптѣ на имя князя Михаила Дмитріевича было сказано: «явивъ себя въ сей тяжкой борьбѣ превыше враждебныхъ обстоятельствъ, васъ окружавшихъ, въ мужественномъ преодолѣніи, предусмотрительномъ сохраненіи ввѣренныхъ вамъ войскъ, вы, въ развалинахъ твердынь Севастополя, воздвигли памятникъ несокрушимой славы себѣ и арміи, вамъ порученной, и въ кровавомъ бою оставивъ эти развалины, совершили съ арміею небывалую въ военной исторіи переправу черезъ морской заливъ, не отдавъ болѣе ни пяди русской земли». Съ назначеніемъ главнокомандующимъ войсками въ Крыму генералъ-адъютанта *Лидерса*, князь *Горчаковъ* былъ отозванъ въ С.-Петербургъ и въ 1856 г. назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго, а затѣмъ и главнокомандующимъ первою арміею; въ этой должности онъ оставался по день смерти, постигшей его на 69 году отъ рожденія. На этомъ поприщѣ онъ дѣйствовалъ съ прямодушіемъ и добросовѣстностію и скончался 19 мая 1861 года. Чтобы сохранить на будущее время воспоминаніе о князѣ *Горчаковѣ* въ рядахъ русской арміи, Государь Императоръ изволилъ повелѣть, чтобы Брянскій пѣхотный полкъ, шефомъ котораго былъ князь *Горчаковъ*, именовался впредь его именемъ—отличіе, даруемое только генералъ-фельдмаршаламъ (1).

(1) Мѣсяцесловъ на 1862 годъ.

Смерть князя М. Д. Горчакова.

Не біографію покойнаго хочу писать — нѣтъ, эти немногія слова вырвались невольно изъ груди моей при первой вѣсти о смерти князя Мих. Дм. *Горчакова*. Жизнь его, какъ полководца и правителя обширнаго края, принадлежитъ исторіи; но какъ человѣку, какъ гражданину — не можемъ мы не отдать ему дани полной справедливости и глубокаго уваженія къ его личному характеру и высокимъ душевнымъ качествамъ. Самоотверженіе было его отличительною чертою: не руку свою онъ готовъ былъ положить на огонь за отечество, но самъ кинулся бы въ пламя, еслибы зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу для государства. Какъ болѣе рѣзкій примѣръ этого самоотверженія приведемъ одно обстоятельство: конечно, военная слава имѣетъ болѣе обаятельную прелесть, чѣмъ всякая другая; тѣмъ не менѣе, когда покойный *Горчаковъ* узналъ о положеніи, болѣе чѣмъ затруднительномъ, нашей малочисленной арміи въ Крыму, отвсюду тѣснимой непріятелемъ, онъ, нисколько не колеблясь, не дожидая приказанія, послалъ на помощь ей часть войскъ своихъ изъ придунайскихъ княжествъ, не смотря на то, что самъ могъ быть атакованъ непріятелемъ, гораздо многочисленнѣйшимъ, потому что въ то время дѣйствія Австріи, въ отношеніи къ намъ, были слишкомъ сомнительны. Честность, въ обширномъ смыслѣ слова, и безкорыстіе этого человѣка были безпредѣльны: общество, въ которомъ существуютъ подобныя личности, смѣло можетъ надѣяться на свое нравственное исцѣленіе. Покойный князь *Горчаковъ* не терпѣлъ лжи, и потому чуждался всякой изысканности, всего, что было неестественно, эффектно, былъ простъ въ обращеніи со всѣми, не приноравливаясь ни къ обществу, ни къ личностямъ, и это многіе ставили ему въ упрекъ: онъ не искалъ популярности, не заискивалъ въ солдатахъ, подлаживаясь подъ ихъ рѣчь и манеры, но заботился о нихъ денно и нощно; никогда армія не была такъ хорошо продовольствуема, какъ подъ его начальствомъ, въ трудную пору войны нашей противъ соединенныхъ силъ союзниковъ:

солдаты знали, что ему обязаны этимъ, и любили его, хотя и не высказывали того минутнаго увлеченія, которое умѣли временно возбудить другіе полководцы восторженною рѣчью или искуственными мѣрами; но за то солдаты видѣли его въ дѣлахъ впереди всѣхъ, знали, что самый храбрый изъ нихъ не могъ сравняться съ своимъ предводителемъ въ томъ холодномъ, презрительномъ пренебреженіи смерти, которое онъ высказывалъ въ самыхъ отчаянныхъ битвахъ, и шли за нимъ повсюду. Странное дѣло— этотъ человѣкъ, обыкновенно разсѣянный, говорившій довольно невнятно, въ пылу самаго жаркаго дѣла былъ сосредоточенъ, опредѣлителенъ въ рѣчахъ, чрезвычайно точенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и ясенъ въ словахъ. Тутъ онъ являлся какъ бы въ другомъ видѣ, въ собственной своей сферѣ. Говорили, что князь *Горчаковъ*, въ дѣлѣ на Черной, искалъ смерти, кидаясь всюду подъ ядра и пули—несправедливо! этотъ человѣкъ никогда не думалъ о себѣ, ни во время войны, ни во время мира: забота о своей личности для него было чувство неизвѣстное. Онъ отдалъ всего себя служенію своему Государю и отечеству, которое лишилось въ немъ лучшаго гражданина, лучшаго человѣка (1).

Е. К.

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1861 г. № 114. Статья эта перепечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ„ 1861 г. № 113 и „Московскомъ Курьерѣ“ 1861 г. № 110.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХРУЛЕВЪ.

I.

Въ нашу современную, славную борьбу съ западными врагами. Провидѣніе судило многимъ счастливую долю — ознаменовать себя подвигами чудными на защиту отечества. Одни изъ этихъ героевъ погибли, сдѣлавшись черезъ смерть свою безсмертными въ памяти народа русскаго; другіе остались въ живыхъ для пріобрѣтенія новой славы дорогому отечеству, для выраженія всей мощности и доблести подданныхъ Царя русскаго. Объ одномъ изъ нашихъ современныхъ богатырей хочу я передать собранныя мною подробности, и желаю возбудить тѣмъ самымъ стремленіе въ другихъ дѣлиться съ публикою всѣмъ, что имъ извѣстно о нашихъ смѣлыхъ защитникахъ. Разныя статьи въ русскихъ журналахъ, полныя жизни и сочувствія, уже увѣковѣчили многіе дни и часы гигантской борьбы нашей. Примѣръ данъ—надобно только ему слѣдовать.

Родъ Хрулевыхъ—одинъ изъ древнѣйшихъ родовъ земли русской: при Великомъ Князѣ Симеонѣ Іоанновичѣ Гордомъ, въ 1350 году, пришелъ изъ Швеціи служить въ Русь честный мужъ Паулинъ (¹). Въ 7-мъ колѣнѣ отъ него происходилъ Андрей *Хруль*, у котораго было два сына, Ѳедоръ Большой и Константинъ. Отъ Константина Андреевича, въ 8-мъ колѣнѣ, былъ отецъ нашего героя - Алек-

(¹) Разрядный архивъ, подъ № 356: родословная *Наумовыхъ*, *Бухариныхъ Суворовыхъ* и *Хрулевыхъ*. А. «При Великомъ князѣ Симеонѣ Іоанновичѣ *Гордомъ*, пріѣде служить изъ нѣмецъ-свейской земли мужъ честенъ именемъ Паулинъ, въ 1350 году».

ГЕНЕРАЛЪ—ЛЕЙТЕНАНТЪ

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ ХРУЛЕВЪ

сандръ Аѳанасьевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, помѣщикъ тульскій и бывшій предсѣдатель гражданской палаты по выборамъ дворянства. Въ 17-мъ колѣнѣ отъ перваго предка находимъ мы имя генералъ-лейтенанта Степана Александровича *Хрулева*. Въ 7-мъ же колѣнѣ отъ Паулина былъ Юда-Суворъ — родоначальникъ знаменитой фамиліи князей италійскихъ графовъ Суворовыхъ-Рымникскихъ (1).

По дружбѣ къ отцу С. А. *Хрулева*, Владиміръ Богдановичъ *Броневскій* (2), извѣстный въ нашей литературѣ по «Запискамъ морскаго офицера», принялъ на себя образованіе его сына. Молодой *Хрулевъ* былъ выпущенъ изъ Тульскаго Александровскаго Военнаго училища, въ 1825 г., и послѣ экзамена во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ прикомандированъ на годъ, для узнанія службы, къ Дворянскому полку. Въ 1826 г., имѣя девятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ артиллерійскую конно-легкую № 25 роту прапорщикомъ. Не долго дожидался С. А. *Хрулевъ* той боевой жизни, къ которой стремилась его пылкая душа, сознававшая всю прелесть тревожныхъ впечатлѣній. Въ первую половину польской кампаніи 1831 года, онъ сражался въ отрядѣ генералъ-маіора, барона *Крейца*, участвовалъ въ 8-ми дѣлахъ, изъ коихъ замѣчательны Козеницкое (февраля 7-го) и взятіе Люблина (февраля 27-го). Наградою *Хрулеву* за эту кампанію былъ чинъ подпоручика и орденъ Св. Анны 4-й ст., съ надписью: «за храбрость». Во вторую половину той же кампаніи, того же года, С. А. *Хрулевъ* находился, съ 23-го августа по 5-е октября, въ 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ, при преслѣдованіи корпуса *Ромарино* отъ Брестъ-Литовска до границъ Гали-

(1) Россійская родословная книга П. *Долгорукова*. На стр. 64 сказано, что предокъ *Суворовыхъ* выѣхалъ изъ Швеціи въ началѣ XVI вѣка. Это ошибка: самъ Юда *Суворовъ* жилъ въ XVI вѣкѣ, а общій родоначальникъ всѣхъ этихъ фамилій *Хрулевыхъ*, *Суворовыхъ*, *Бухариныхъ*, *Паумовыхъ*, выѣхалъ изъ Швеціи въ XIV вѣкѣ. См. замѣч. 1-е и таблицу рода *Хрулевыхъ*.

(2) Капитанъ-лейтенантъ В. Б. *Броневскій* былъ впослѣдствіи генералъ-маіоромъ, инспекторомъ классовъ пажескаго корпуса.

ціи. и былъ въ 5-ти сраженіяхъ. за что удостоился получить орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

Въ венгерской кампаніи 1849 года. полковникъ С. А. *Хрулевъ*—уже командиръ 4-й конной артиллерійской бригады—получилъ трудное назначеніе быть начальникомъ аванпостовъ. Нужно-ли говорить, сколько требуется неусыпной дѣятельности отъ начальника передовой цѣпи. Онъ открываетъ путь арміи. первый долженъ осмотрѣть и разузнать положеніе враговъ и принять ихъ на себя при первыхъ движеніяхъ. Молодецки исполнилъ возложенную на него обязанность храбрый полковникъ! Упомяну объ одной стычкѣ въ Бартфельдѣ (1), за которую въ Возѣ почившій незабвенный Императоръ лично изволилъ благодарить *Хрулева*, наградилъ сотника *Голубова* орденомъ Св. Анны, поцаловалъ урядника *Кузнецова* и собственноручно надѣлъ на него знакъ отличія Военнаго Ордена; остальнымъ пятидесяти казакамъ отряда *Хрулева* пожаловалъ каждому по полуимперіалу. Дѣло происходило такимъ образомъ. Съ 3-го на 4-е іюня. полковникъ *Хрулевъ* былъ посланъ съ 50-ю казаками на рекогносцировку въ Венгрію. по дорогѣ къ г. Бартфельду. По дорогѣ. встрѣтивъ транспортъ, онъ разсѣялъ конвой, захватилъ 9 венгерскихъ фуръ съ провіантомъ; въ десяти верстахъ за городомъ. у деревни Лофальво. *Хрулевъ* открылъ лагерь венгерцевъ подъ командою *Высоцкаго*, взялъ съ боя въ плѣнъ конный ведетъ и пѣхотный пикетъ изъ 12 человѣкъ и отступилъ на городъ Бартфельдъ. преслѣдуемый двумя эскадронами венгерскихъ гусаръ. Въ улицахъ города завязался бой: *Хрулевъ* отбилъ двѣ атаки. взялъ въ плѣнъ 5 гусаръ и возвратился къ своему посту безъ всякой потери. Государь Императоръ находился въ то время въ мѣстечкѣ Змигродъ. на границѣ Венгріи, и былъ свидѣтелемъ отваги полковника *Хрулева*. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, главнокомандующій дѣйствующею русскою арміею въ Венгріи. фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ *Паскевичъ-Эриванскій*, нашелъ необходимымъ. для постояннаго наблюденія

(1) „Русскій Инвалидъ" 1849 г. № 157.

надъ дорогами, идущими отъ Дебречина къ Гросъ-Варденну, образовать два летучіе партизанскіе отряда. Начальство надъ однимъ изъ нихъ было предоставлено *Хрулеву*. Два эскадрона кавалеріи и сотня казаковъ составляли этотъ партизанскій отрядъ.

Извѣстно, что, при дѣйствіи отдѣльнымъ отрядомъ, болѣе всего нужна находчивость командира. Его быстрымъ взглядомъ рѣшается дѣло. Полная отвѣтственность лежитъ на немъ, и довѣріе къ нему происходитъ отъ сознанія этой быстроты соображенія. Именно таковымъ отряднымъ начальникомъ и былъ отважный *Хрулевъ*. Изъ множества случаевъ тогдашней боевой жизни партизана выдается одинъ. 8-го іюля (¹), въ 8 часовъ утра, поляковникъ *Хрулевъ*, посланный для того, чтобы неотступно слѣдить за венгерскою арміею, подошелъ, въ часъ по полудни, къ городу Лозончъ, гдѣ нашелъ непріятеля въ большихъ силахъ. Вдали отъ авангарда русской арміи, предъ лицемъ храбраго и многочисленнаго врага, *Хрулевъ* не только не потерялся, но, пользуясь мѣстностью, онъ искусно расположилъ свой отрядъ, чтобы скрыть его ничтожность отъ непріятеля, выдвинувшаго батарею, подъ прикрытіемъ 3-хъ эскадроновъ гусаръ. Вдали за городомъ былъ видѣнъ большой лагерь. Предвидя опасное положеніе отряда въ случаѣ боя и желая выиграть время, *Хрулевъ* послалъ подпоручика *Ридигера*, съ трубачемъ, передать начальнику непріятельскихъ войскъ, отъ имени генералъ-фельдмаршала, чтобы венгерцы положили оружіе: иначе онъ ихъ атакуетъ. Двѣнадцать венгерскихъ офицеровъ, съ обнаженными саблями, наскакали на нашего парламентера; но, узнавъ его предложеніе, объявили, что имъ нужно полчаса для извѣщенія генерала, бывшаго въ городѣ. Получивъ такой отвѣтъ, *Хрулевъ* потребовалъ, чтобы два офицера (штабсъ-ротмистръ *Котляровъ* и подпоручикъ *Ридигеръ*) были отправлены къ главнокомандующему венгерскою арміею *Гергею*, обѣщаясь, до ихъ возвращенія, не дѣлать нападенія. Желая еще болѣе скрыть свое положеніе, *Хрулевъ* предложилъ пере-

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1849 г. № 157.

миріе на время пребыванія его офицеровъ у *Гергея* и требовалъ, чтобы къ сумеркамъ не только резервы, но и пикеты непріятельскіе были отведены за городъ; у заставъ же долженъ былъ остаться только взводъ гусаръ, но съ большою бдительностію, потому что казаки могутъ увести у нихъ лошадей. Предложеніе принято. Большіе огни, разложенные ночью въ отрядѣ *Хрулева*, не долго оставляли въ заблужденіи непріятеля.

Истина должна была обнаружиться, а помощи ожидать было трудно; *Хрулевъ* рѣшился на крайность: онъ, рано утромъ, отправилъ назадъ бывшія съ нимъ два орудія, подъ прикрытіемъ одного эскадрона, а самъ оставался съ другимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ, намѣреваясь дорого продать свою жизнь, въ случаѣ, если хитрость не удастся. Офицеры наши видѣли *Гергея*, который, имѣя, кромѣ передоваго войска, еще 4 т. конницы въ Лозончѣ, шутилъ съ ними, и, желая также выиграть время, продержалъ нашихъ посланныхъ, обѣщаясь писать лично къ главнокомандующему. При прощаніи, онъ поручилъ передать *Хрулеву*, что считаетъ его очень дерзкимъ. Время было выиграно; отступленіе венгерской арміи снова началось, и тогда только вполнѣ открылась незначительность отряда партизанскаго. Но уже было поздно сдѣлать наступленіе. Генералъ-лейтенантъ *Зассъ* показался со своимъ отрядомъ и примкнулъ къ себѣ летучій отрядъ полковника. Такимъ образомъ хладнокровіе, настойчивость и спокойная распорядительность *Хрулева* спасли отрядъ. Его находчивость при посылкѣ парламентеровъ принесла и другую пользу.

Гергей видѣлъ рѣшительную невозможность противиться соединеннымъ усиліямъ Россіи и Австріи, и имѣлъ мысль отдаться во власть русскимъ. Войско не раздѣляло еще образа мыслей своего вождя и подозрѣвало его въ измѣнѣ. Офицеры, посланные съ предложеніемъ полковника *Хрулева*, дали венгерцамъ поводъ думать, что гибель арміи венгерской неминуема, главнокомандующій ихъ правъ, убѣжденія его вѣрны и основаны на ходѣ дѣлъ, а не на личныхъ отношеніяхъ. Эти первые переговоры дали воз-

можность *Гергею* дѣйствовать настойчивѣе, и къ рѣшительному шагу сдачи его арміи, какъ самъ онъ сознается въ своихъ запискахъ, первый поводъ подалъ начальникъ летучаго отряда, нашъ смѣлый рыцарь — полковникъ *Хрулевъ*. За свои отважные подвиги въ славную для русскаго войска венгерскую кампанію, С. А. *Хрулевъ* получилъ золотую саблю съ надписью: «за храбрость» и чинъ генералъ-маіора.

Скоро новая дѣятельность представилась генералу *Хрулеву* въ степи киргизской, противъ коканцевъ. По совершенной неизвѣстности этого похода, мы постараемся изложить его подробности и опредѣлить самый путь войска къ завѣтнымъ мѣстамъ древняго міра. Въ 1853 году, въ началѣ лѣта, отправился генералъ-адъютантъ *Перовскій* къ укрѣпленію Акъ-Мечети, чтобы завоеваніемъ этой крѣпости обезпечить судьбу подвластныхъ Россіи киргизскихъ ордъ, кочевавшихъ по нашему берегу рѣки Сыръ-Дарьи и угнетаемыхъ коканцами. При своемъ отправленіи, оренбургскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ у Государя Императора о назначеніи къ нему опытныхъ людей. Въ Возѣ почившій Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ назначить въ распоряженіе командующаго оренбургскимъ корпусомъ, состоявшаго при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ и числившагося по полевой конной-артиллеріи, генералъ-маіора *Хрулева*, который былъ лично извѣстенъ незабвенному Монарху своею опытностію и отличіемъ въ венгерскую кампанію. Отрядъ генералъ-адъютанта *Перовскаго* двинулся изъ Оренбурга въ укрѣпленіе Аральское, находившееся въ разстояніи 660 верстъ, куда и прибылъ въ концѣ мая. Особенно трудна была дорога песками Ямань-Кумъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія Аральскаго. По распоряженію генералъ-адъютанта *Перовскаго*, заранѣе должны были удалиться кочующіе киргизцы отъ пути слѣдованія отряда и тѣмъ сохранить подножный кормъ во всѣхъ мѣстахъ ночлега. Пустыня разстилалась далеко, и взоръ проходившихъ воиновъ только оживлялся многочисленными стадами сайгаковъ (родъ дикихъ козъ). Изъ Аральскаго укрѣпленія въ

Аральскъ отрядъ прибылъ въ 8-мь дней. съ 31-го мая по 7-е іюня. Онъ долженъ былъ проходить по самой трудной дорогѣ. пролегавшей песками Каракумъ. гдѣ жары бываютъ сильные. кормъ для лошадей бѣденъ. а вода достается изъ копаней. Копани находятся бо́льшею частію среди песчаныхъ бугровъ и доставляютъ воду дурнаго качества и въ количествѣ недостаточномъ. Съ достоинствомъ перенесъ и этотъ путь терпѣливый солдатъ русскій: ни одной сломанной телѣги, ни одной павшей лошади или верблюда не оставлено было на дорогѣ. Безъ больныхъ пришелъ отрядъ въ Аральскъ. Природа на этотъ разъ измѣнила своему обыкновенію: болѣе 35 не было на солнцѣ въ продолженіе всего пути до Аральска. Но здѣсь наступили жары, доходившіе до 40 на солнцѣ и уменьшавшіеся ночью только до 23°. Оставаться въ бездѣйствіи и искать защиты отъ палящихъ лучей солнца подъ войлокомъ. натянутымъ на пикахъ или штыкахъ. признано было болѣе утомительнымъ. нежели продолжать путь. Отрядъ отправился далѣе.

Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на подробностяхъ перехода и не спѣшимъ къ описанію геройскаго приступа къ Акъ-Мечети. въ которомъ принялъ блистательное участіе генералъ *Хрулевъ*. который. по порученію генералъ-адъютанта *Перовскаго*. управлялъ артиллеріею отряда и распоряжался осадою крѣпости. Мы полагаемъ. что трудности, перенесенныя войскомъ въ степи отъ жаровъ, безкормицы. безводія или воды дурнаго качества, также отъ множества насѣкомыхъ, комаровъ. оводовъ. слѣпней—суть также побѣды, побѣды надъ непріятелемъ непобѣдимымъ—климатомъ страны. Чего же не можетъ перенести русскій солдатъ, когда видитъ. что любимый вождь его. воспитанный въ роскоши и негѣ. подаетъ собою примѣръ самоотверженія? Отрядъ нашъ шелъ тремя эшелонами. Генералъ-адъютантъ *Перовскій* являлся всегда между войсками. раздѣляя труды похода съ каждымъ эшелономъ. Солдаты шли весело. съ пѣснями, подъ жгучими лучами солнца. Удалые уральцы, прослужившіе свой срокъ въ Аральскѣ, вмѣсто возвращенія на родину. просили, какъ мило-

сти. позволенія идти со своимъ любимымъ начальникомъ противу кокандцевъ. У всѣхъ было одно желаніе—скорѣе биться съ врагами, одно опасеніе, что непріятель уйдетъ до ихъ прихода или не окажетъ сильнаго сопротивленія. Съ такимъ войскомъ можно ходить въ степи: оно все преодолѣетъ, что только въ силахъ человѣка!....

Безпрерывные пески и солончаки угомляли зрѣніе пугника на каждомъ шагу по береговой дорогѣ низовья Сыръ-Дарьи. Здѣсь даже киргизы, эти привычные жители степей, только зимою укрываются со своими верблюдами въ камышахъ, съ наступленіемъ же весны они горопятся откочевывать въ мѣста болѣе привольныя. Отдѣльные могильные курганы и нѣмыя кладбища древнихъ и новыхъ временъ какъ бы ясно говорятъ, что тутъ только смерть оставляетъ слѣды свои, но нѣтъ мѣста для жизни... Мутная водами рѣка Сыръ-Дарья безплодно катитъ волны свои; дикость ея береговъ не манитъ къ себѣ людей; только изрѣдка киргизъ, на камышевомъ плоту, спускается со своей семьей по рѣкѣ и тѣмъ ускоряетъ путь свой къ новому, болѣе удобному жилью. Но теперь, во время похода въ Акъ-Мечети, огласилось и теченіе безплодной степной рѣки шумомъ, доселѣ неслыханнымъ. На Аральской верфи, капитанъ-лейтенантомъ *Бутаковымъ* были выстроены два парохода и спущены въ воды Сыръ-Дарьи. Они также получили направленіе къ Акъ-Мечети съ нѣкоторыми тяжестями. Памятный день 25-го іюня, день рожденія Николая I, былъ торжественно отпразднованъ въ степи. Въ этотъ день назначена была дневка. Въ $9^1/_2$ часовъ утра совершено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, сопровождавшееся пальбою изъ орудій отряда и съ парохода. Пустыня огласилась стройнымъ церковнымъ пѣніемъ о многолѣтіи Царю русскому. Воины благоговѣйно преклонялись предъ невидимымъ присутствіемъ Бога Всемогущаго, а дикіе киргизы съ удивленіемъ внимали служенію, для нихъ непонятному. Генералъ-адъютантъ *Перовскій* поздравилъ войско съ дорогимъ Новорожденнымъ и Именемъ Его пожаловалъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина, по фунту мяса

и по 50 к. сер. на человѣка. Вечеромъ въ лагерѣ былъ сожженъ фейерверкъ.

На одномъ изъ переходовъ отрядъ встрѣтилъ полетъ гибельной саранчи; въ продолженіе всего дня видны были цѣлые полки ея. Солдаты должны были идти по толстому слою саранчи. Корма для лошадей не было. Къ счастію, скоро войска вышли изъ этой полосы. Здѣсь густой дымъ ночью и зарево днемъ открыли отряду новую опасность. Коканцы зажли траву въ степяхъ, надѣясь заградить дорогу къ крѣпости, но сильные дожди и вѣтеръ въ противную отъ насъ сторону сдѣлали безвреднымъ злой умыселъ враговъ. 8-го іюля, почти послѣ мѣсячнаго странствованія по берегу рѣки Сыръ-Дарьи на разстояніи 402 верстъ, прибылъ весь отрядъ подъ Акъ-Мечеть и расположился лагеремъ при рѣкѣ. Коканцы уничтожили ненужный валъ своей крѣпости, углубили ровъ, утолстили стѣну и образовали такимъ образомъ четвероугольникъ съ 8-ю фланкирующими башнями. Вышина стѣны, построенной изъ твердой глины, была 4 сажени, толщина такая же. Гребень стѣнъ прикрытъ зубцами толщиною до $1^1/_2$ арш., а на башняхъ находились брустверы. Поврежденія въ стѣнахъ легко могли быть исправлены. Коканцевъ было до 400 съ 3-мя орудіями и 20-ю крѣпостными ружьями; на случай штурма были приготовлены на валахъ глыбы глины и толстыя бревна. Войска наши, не смотря на глубокій ровъ, мѣстами въ двѣ и мѣстами въ полторы сажени, толщину и высоту стѣнъ, жаждали прямо идти на приступъ, но командующій отрядомъ не хотѣлъ безъ пользы терять людей и приступилъ къ правильной осадѣ. Онъ приказалъ генералу *Хрулеву* устроить батареи. Неутомимо принялся за свое любимое дѣло *С. А. Хрулевъ*, исправилъ поврежденія артиллеріи, произведенныя дорогою, передѣлалъ заряды для дѣйствія навѣсными выстрѣлами и съ открытіемъ огня самъ производилъ рекогносцировки въ ближайшемъ разстояніи отъ города, подъ мѣткимъ огнемъ непріятеля. Все тотъ же хладнокровный и распорядительный, генералъ *Хрулевъ* самъ назначалъ мѣста для батарей, которыхъ возведено было 7; въ его присутствіи

ставили батареи на позиціи; онъ являлся всюду, гдѣ только видна была опасность. Мужество его уже было испытано; оно и здѣсь также проявлялось и вселяло энергію въ каждаго солдата. Генералъ-адъютантъ *Перовскій* достойно оцѣнилъ *Хрулева*. Въ донесеніи къ г. военному министру отъ 9-го іюля 1853 г. за № 512, онъ говоритъ: «въ лицѣ этого отличнаго офицера Его Императорское Величество соизволилъ дать мнѣ такого помощника и совѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся». *Хрулевъ* оправдалъ лестное довѣріе своего начальника: управляя артиллеріею, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ руководилъ и инженерными работами. Осада крѣпости лежала на немъ. Скоро подвигались апроши къ стѣнамъ укрѣпленія, оставался водяной ровъ, и здѣсь усиліями саперовъ переходъ совершенъ и мина заложена подъ самою стѣною. 28-го іюля, въ 4 часа утра, произведенъ былъ взрывъ заложенной мины и сдѣланъ приступъ. Непріятель отстаивалъ проломъ съ замѣчательнымъ и уваженія достойнымъ упорствомъ. Комендантъ Мухаметъ-Вели-бекъ и большая часть гарнизона погибли при защитѣ бреши. Двѣ штурмовыя колонны, послѣ двухъ отраженныхъ приступовъ, взошли по обваленнымъ покатостямъ на стѣну. Третья колонна изъ матросовъ парохода «Перовскій», со штуцерами, два раза опрокинутая, взошла въ третій разъ на брешь и покончила дѣло. Русскій флагъ уже развивался на стѣнахъ крѣпости! Въ донесеніи къ Государю Императору генералъ-адъютантъ *Перовскій* говоритъ: «осмѣливаюсь представить на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, о заслугахъ артиллеріи генералъ-маіора *Хрулева*: успѣшное и скорое производство осадныхъ работъ, удачное дѣйствіе нашихъ орудій, одушевленіе войска при штурмѣ личнымъ примѣромъ, сбереженіе ихъ, все это должно быть отнесено къ распорядительности этого генерала, къ его знанію дѣла и къ хладнокровной его неустрашимости, почему, по всей справедливости, принадлежитъ ему вполнѣ и самая честь завоеванія крѣпости». Вотъ еще новый лавръ, вплетенный въ вѣнокъ нашего героя рукою достойнаго начальника.

Государь Императоръ, награждая С. А. *Хрулева* чиномъ генералъ-лейтенанта, увѣковѣчилъ дѣло главнаго виновника побѣды, переименовавъ крѣпость Акъ-Мечеть въ Фортъ-Перовскій, и удостоилъ Высочайшаго рескрипта, въ которомъ выразилась вся душа незабвеннаго Монарха.

Выпишемъ этотъ достопамятный рескриптъ (¹).

«Василій Алексѣевичъ! Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, Я поспѣшаю выразить вамъ душевную мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою русское оружіе. Вы вполнѣ увѣнчали всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ Я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность; но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій. Вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи въ Акъ-Мечеть похода, не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначеннымъ, и не переставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности. Столь похвальное самоотверженіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашей ко Мнѣ привязанности, которую Я оцѣнилъ въ полной мѣрѣ. Повторяя вамъ сердечную Мою благодарность и, желая увѣковѣчить память вашего подвига, повелѣваю, чтобы крѣпость Акъ-Мечеть именовалась отнынѣ Фортомъ Перовскимъ.

«Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившихся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ передъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

Коканцы считаются храбрѣйшимъ народомъ изъ своихъ сосѣдей, бухарцевъ и хивинцевъ. Въ крѣпостяхъ они особенно храбро защищаются. Акъ-Мечеть считалась до сихъ поръ неприступною; по взятіи ея киргизы были освобождены отъ своихъ притѣснителей, и имя русское сдѣлалось почетнымъ и грознымъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ.

(¹). Приказ. по отд. оренб. корп. № 190, 12-го сентября 1853 г.

При совершеніи этого подвига явились частные эпизоды личной отваги и презрѣнія смерти. Разскажу объ одномъ случаѣ. Когда крытая сапна была кончена, то подъ закрытіемъ крутаго эскарпа на уступѣ его солдаты могли находиться безопасно. Рядовой 3-й роты Григорьевъ, работавшій постоянно при сапёрахъ по своей охотѣ, высмотрѣлъ оттуда, что на половинѣ обвала лежатъ набитые землею мѣшки, свалившіеся, вѣроятно, отъ нашихъ выстрѣловъ изъ ложемента, устроеннаго коканцами на верху. Совершенно неожиданно пошелъ онъ, середи бѣлаго дня, по берегу, взобрался на обвалъ, взялъ мѣшки, выбросилъ изъ нихъ землю и спокойно возвратился на свое мѣсто, подъ нѣсколькими неудачными выстрѣлами непріятеля. При выговорѣ, который былъ сдѣланъ Григорьеву за ненужную отвагу, онъ просилъ прощенья въ уваженіе того, что у него изорвалось неподнее платье, и что мѣшки нужны были ему на постройку новаго. Скажемъ, что за постоянное усердіе во время осадныхъ работъ и нѣсколько разъ оказанную храбрость Григорьевъ награжденъ генералъ-адъютантомъ *Перовскимъ* знакомъ отличія военнаго ордена.

Скоро послѣ паденія Акъ-Мечети раздался зовъ Царя русскаго на защиту православной вѣры: открылась война съ турками. Проникнутый отвагою, неутомимый *Хрулевъ* явился на Дунай сражаться за славу отечества. Онъ долженъ былъ дѣйствовать здѣсь подъ главнымъ руководствомъ начальника инженеровъ, генералъ-адъютанта *Шильдера*. Отрадно вспомнить объ этомъ старцѣ, съ живою душею, съ энергіею молодости. Что замышлялъ онъ въ своемъ пламенномъ воображеніи, что созидалъ онъ пытливымъ умомъ своимъ, то знали лица, его окружавшія и стремившіяся осуществить его изобрѣтенія! Какъ радушно писалъ онъ къ С. А. *Хрулеву* при его пріѣздѣ на Дунай:

«Степанъ Александровичъ! Прошу обратить особенное вниманіе на этотъ пунктъ (Систово) Дуная и заложить тѣ 5 батарей, какъ я вамъ объяснялъ... Вы меня, вѣроятно, найдете еще въ Ольтеницѣ, гдѣ я намѣренъ въ ма-

ломъ видѣ доказать на дѣлѣ то, что я замышляю противъ Калафата. Будьте мнѣ въ пользу Царя Россіи и священнаго дѣла усерднымъ помощникомъ.... Да поможетъ Господь!!!

Преданный вамъ
Шильдеръ».

На другой сторонѣ того же письма, написаннаго карандашемъ, генералъ-адъютантъ *Шильдеръ* высказываетъ свое мнѣніе объ инженерахъ и о своихъ открытіяхъ. Любопытно и это слово человѣка, погибшаго такъ славно и недостигшаго цѣли своихъ страшныхъ желаній. Не дожилъ онъ до безсмертной обороны Севастополя, но предчувствовалъ въ сердцѣ своемъ, что инженеры русскіе прославятъ Россію.

Вотъ продолженіе того же письма къ С. А. *Хрулеву*:

«Ахбауеру прикажите хорошенько изучить систему мою импровизированныхъ батарей и примѣнять, по обстоятельствамъ, и старое и новое, для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли. Всѣ саперные и инженерные офицеры суть моя лучшая надежда для приведенія въ исполненіе того (1), что пламенное мое воображеніе и проч. отразить на бумагѣ карандашикомъ... 11-го (2) января. Зимничъ, что противъ Систова».

Съ такимъ по истинѣ даровитымъ инженеромъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, которому онъ поручилъ устройство батарей противъ Никополя (10-го февраля) и Систова (12-го февраля) для уничтоженія турецкихъ флотилій, державшихся у праваго берега Дуная и для прекращенія плаванія турокъ по этой рѣкѣ. Заботливо и съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ это дѣло Степанъ Александровичъ. Никопольская флотилія совершенно разбита и на половину сожжена; изъ крѣпости и изъ города Никополя жители удалились. Турецкій мостъ на Осмолѣ сожженъ, движеніе судовъ на Дунаѣ прекра-

---

(1) Я съ точностію привожу слова, и если что нибудь прибавляю, то ставлю въ скобкахъ.

(2) Кажется, ошибка; надобно февраля, но я не хотѣлъ измѣнить и ошибки.

щено. Все это совершено артиллеристами, безъ всякой съ нашей стороны потери въ людяхъ и лошадяхъ, и во все продолженіе времени выпущено 507 снарядовъ. Работы произведены инженерными офицерами по плану генералъ-адъютанта *Шильдера* и по общему совѣщанію его съ генераломъ *Хрулевымъ* (1). Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, задержанный въ Браиловѣ, поручилъ генералъ-лейтенанту *Хрулеву* устройство батарей въ Калорашѣ и островѣ, выше по Дунаю, для дѣйствія противъ судовъ около Силистріи и идущихъ изъ Туртукая. Генералъ-адъютантъ *Шильдеръ* заключилъ свою инструкцію лестнымъ обращеніемъ къ С. А. *Хрулеву*: «Вошекіе ваши подвиги, уже извѣстные и столь блистательные, даютъ мнѣ право вполнѣ надѣяться, что вы съ отличною распорядительностію исполните возложенное на васъ порученіе (2)». Мы тотчасъ узнаемъ, какъ превосходно исполнилъ свое дѣло С. А. 16-го числа прибылъ онъ въ Калорашъ, распорядился постройкою 7-ми батарей и самъ лично дѣлалъ рекогносцировки. Турки знали всю важность этой позиціи и рѣшились, въ числѣ 6000 человѣкъ, переправиться на лѣвый берегъ Дуная, на разсвѣтѣ 20-го февраля, чтобы уничтожить возведенныя батареи. *Хрулевъ* принявъ командованіе надъ правымъ крыломъ, оставилъ центръ и лѣвое крыло позиціи генералъ-маіору *Богушевскому*. Турки были отброшены къ Дунаю и въ безпорядкѣ садились на лодки. Оставалось еще 500 человѣкъ за крутымъ берегомъ Дуная. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* спѣшилъ всѣхъ бывшихъ въ его отрядѣ и лично повелъ на непріятеля. Казаки и уланы ударили въ пики, артиллеристы (прислуга при орудіяхъ) въ шашки. Пораженіе на этомъ флангѣ было полное. Одна непріятельская лодка была взята, другая потоплена вмѣстѣ съ бывшею на ней пѣхотою (3). Предчувствовалъ и это удачное дѣло 20-го

(1) Донесеніе генералъ-адъютанта *Шильдера* къ князю *Горчакову*, 8-го марта 1854 г. за № 47.

(2) Предписаніе генералъ адъютанта *Шильдера*, за № 13, февраля 13-го 1854 года.

(3) Приказъ по войскамъ 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, 3-го марта 1854 г. за № 66, штабъ-квартира г. Бухарестъ

февраля покойный *Шильдеръ*. Онъ изъ Слободзеи, отъ 21-го февраля, писалъ къ С А. *Хрулеву*, что отправляется въ Бухарестъ, не можетъ заѣхать въ Каларашъ, и просилъ прислать къ нему извѣстіе обо всемъ, что случилось. Въ числѣ нѣсколькихъ статей своей инструкціи, въ 3-й онъ проситъ С. А. не растревожить турокъ (1), даже предпочитаетъ лучше срытіе ближайшихъ къ крѣпости батарей, считая не очень важнымъ уничтоженіе силистрійской флотиліи, которое можетъ быть отложено. Но полагая, какъ, дѣйствительно и случилось, что турки не оставятъ въ покоѣ нашу позицію въ Каларашѣ, онъ, въ заключеніе, откровенно сознается *Хрулеву*, что надѣется на его опытность и благоразуміе. «Я убѣжденъ», такъ онъ выражается, «что вы не позволите противнику торжествовать хоть минутною удачею на лѣвомъ берегу». Расправа въ это время уже была учинена съ дерзкими попытками турокъ, и *Шильдеръ* предсказалъ успѣхъ, еще не зная о случившемся, а только ввѣряя дѣло человѣку, для врага не уступчивому. Отбивъ турокъ отъ Калараша, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* исправилъ батареи, и 22-го февраля, послѣ молебствія, при возглашеніи многолѣтія Государю Императору, въ $9^1/_2$ часовъ, сдѣлалъ первый залпъ по крѣпости Силистріи, послѣ котораго началась пальба изъ орудій. Турки еще до разсвѣта открыли огонь, но имъ, по приказанію *Хрулева*, не отвѣчали. Успѣшнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи была уничтожена значительная часть непріятельской флотиліи; умолкла крѣпостная артиллерія Силистріи; прислуга при орудіяхъ, войско и жители бѣжали изъ города въ цитадель (2). Убѣжденія начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ - адъютанта *Шильдера*, утвердились въ томъ, что взятіе Силистріи возможно черезъ атаку на оба фланга крѣпости и со стороны Дуная. Далѣе, вверхъ по Дунаю, противъ города Турткая, находится островъ въ 60 саженяхъ отъ лѣваго бе-

(1) № 16-й, 21-го февраля 1854 г., село Слободзея.

(2) Донесеніе генералъ-лейтенанта *Хрулева* генералъ-адъютанту *Шильдеру*, отъ 22-го февраля 1854 года, за № 25-мъ.

рега. С. А. *Хрулевъ*. по распоряженію генералъ-адъютанта *Шильдера*, получилъ отрядъ генералъ-лейтенанта *Павлова* для очищенія этого острова. Усиліями *Хрулева*. въ продолженіе 3-хъ дней, 27-го и 28-го февраля и 1-го марта. большой отрядъ турецкаго войска, къ которому прибылъ и самъ *Омеръ-паша*. ожидавшій у Туртукая переправы князя *Горчакова*. принужденъ былъ уступить; при этомъ два мачтовыхъ судна подъ парусами потоплены со всѣми бывшими на нихъ войсками и два турецкія орудія подбиты.

Омеръ паша, совершенно убѣжденный въ мнѣніи о переправѣ всего нашего войска на правый берегъ Дуная около Туртукая. былъ обманутъ и отвлеченъ отъ мѣста настоящаго перехода главной арміи за Дунай (1). Потеря турокъ на островѣ. при выбитіи изъ-за завалокъ и ложементовъ 1-й линіи, была значительна отъ ружейнаго и картечнаго огня. Одинъ изъ ложементовъ сожженъ. Артиллерія, подъ управленіемъ полковника *Шейдемана*. нанесла вмѣстѣ съ тѣмъ и Туртукаю сильное пораженіе. Весь берегъ противъ острова, отъ ольтеницкаго карантина до редута, былъ покрытъ 20-ю батареями по одному орудію. готовыми къ вооруженію. Дѣлая попытку къ очищенію острова, С. А. *Хрулевъ* поручилъ подполковнику *Тотлебену* навести мостъ черезъ рукавъ Дуная. и выборъ мѣста былъ такъ хорошо сдѣланъ, что непріятель не могъ дѣйствовать по мосту артиллерійскимъ огнемъ ни съ острова. ни съ туртукайскихъ береговъ (2).

Здѣсь въ первый разъ представляются намъ вмѣстѣ эти два дорогія для насъ имена. Съ 24-го марта по 30-е апрѣля. С. А. *Хрулевъ* занятъ былъ устройствомъ траншей, батарей и занятіемъ острововъ противъ Силистріи. Послѣднимъ его дѣйствіемъ въ это время было занятіе

(1) По разсказамъ плѣнныхъ. увѣренность *Омера-паши* о переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай около острова, предъ Туртукаемъ находящагося, была такъ велика, что онъ хвалился, что князю *Горчакову* не удастся его обмануть.

(2) Это доказывается цѣлостію понтоновъ. Донесеніе генералъ-лейтенанта *Хрулева* командующему войсками князю *Горчакову* 2-му, за № 46, отъ 3-го марта 1854 г. село Ольтеница.

острова Маге, въ 160 саженяхъ отъ осаждаемой крѣпости. Укрѣпленіе на семъ островѣ было построено подполковникомъ *Тотлебеномъ*. Затѣмъ генералъ-лейтенантъ С. А. *Хрулевъ* поступилъ въ распоряженіе командовавшаго 5 мъ пѣхотнымъ корпусомъ генералъ-адъютанта *Лидерса* и получилъ начальство надъ особымъ отрядомъ, составленнымъ, по приказанію генералъ-фельдмаршала, для рекогносцировки окрестностей Силистріи и для собранія положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. 23-го мая, С. А. *Хрулевъ* вступилъ въ командованіе авангардомъ, который долженъ былъ расположиться на высотѣ оврага Амалуйскаго и оберегать расположеніе главной арміи, наблюдая за движеніемъ непріятеля по дорогамъ изъ Шумлы. Въ этой новой своей обязанности *Хрулевъ* осмотрительно и тщательно слѣдилъ за врагомъ. 28-го мая и въ ночь съ 8-го на 9-е іюня, онъ отбилъ непріятеля, потерпѣвшаго большое пораженіе. За дѣйствія на Дунаѣ, Государь Императоръ пожаловалъ С. А. *Хрулеву* саблю, украшенную брилліантами. Въ декабрѣ 1854 года, главнокомандующій военными сухопутными и морскими силами въ Крыму, генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ*, приказомъ отъ 15-го декабря, назначилъ С. А. *Хрулева* состоять при себѣ. Необходимость въ немъ тотчасъ оказалась. Постоянные опыты, производимые въ войскахъ, доказали, что стрѣльба изъ ружей полукруглыми пулями со стержнемъ оказывается очень дѣйствительною. Для совершеннаго удостовѣренія составленъ былъ, по приказанію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, комитетъ изъ 7-ми членовъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта *Хрулева*. Надобно было опредѣлить: 1) дальность полета полукруглыхъ пуль со стержнями и коническихъ съ чашечками, сравнительно съ круглыми пулями при стрѣльбѣ изъ обыкновеннаго солдатскаго ружья; 2) найти сравнительную вѣрность полета всѣхъ этихъ пуль; 3) количество пороха, потребное на зарядъ для полукруглыхъ и коническихъ пуль, и 4) вредъ, наносимый ружьямъ отъ стрѣльбы новыми пулями. И такъ, во время самаго разгара борьбы съ врагами, комитетъ спокойно, какъ въ мирное время, занимался ученою по-

вѣркою изобрѣтеній науки, нисколько не думая о близости врага. Одна мысль только занимала всѣхъ: какъ бы вѣрнѣе нанести ударъ, какъ бы удачнѣе соединить всѣ изслѣдованія и открытія для нанесенія рѣшительнаго пораженія нашимъ врагамъ. Вопросъ науки разрѣшенъ предъ лицомъ сильныхъ враговъ! Полушарныя со стержнями пули признаны лучшими въ сравненіи съ круглыми и коническими. Полетъ ихъ правиленъ. Ударъ пробиваетъ дюймовую доску на разстояніи 800 шаговъ, слѣдовательно, противъ непріятеля можно ими дѣйствовать въ 900 шагахъ. Впрочемъ не долго трудился С. А. *Хрулевъ* надъ вопросами науки и скоро былъ призванъ снова на поле боевое. По приказанію отъ 28-го января, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* временно принялъ начальство надъ эвпаторійскимъ отрядомъ, для дѣйствія противъ города. Въ это время англійскіе пароходы безпрерывно ходил къ Эвпаторіи съ десантными войсками (¹). На одномъ изъ нихъ былъ турецкій флагъ на гротъ-мачтѣ и, основываясь на салютѣ, можно было думать, что на этомъ пароходѣ самъ *Омеръ-паша*. Турки намѣревались дѣйствовать на наши пути сообщенія. Чтобы остановить ихъ попытки и, если возможно, овладѣть городомъ и его уничтожить, былъ посланъ С. А. *Хрулевъ*. Обдуманно былъ составленъ планъ атаки и совершенно одобренъ главнокомандующимъ. Въ ночь съ 4 го на 5-е февраля, войска заняли мѣста около Эвпаторіи, по диспозиціи генералъ-лейтенанта *Хрулева*. Всею пѣхотою распоряжался, по его приказанію, свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Урусовъ*, кавалеріею генералъ-маіоръ *Бобылевъ* (онъ же былъ начальникомъ правой колонны), сводною бригадою и резервными батальонами начальствовалъ генералъ маіоръ *Огаревъ* (онъ же командовалъ и лѣвою колонною). Центральная колонна находилась подъ начальствомъ генералъ-маіора *Тетеревникова*. Артиллерія, подъ управленіемъ храбраго полков-

(¹) Главнокомандующій князь *Меншиковъ* отъ 27-го января сообщилъ генералъ-лейтенанту барону *Врангелю*, командовавшему эвпаторійскимъ отрядомъ, что 4 англійскіе парохода съ десантными войсками въ значительномъ числѣ отправились отъ херсонесскаго маяка въ Эвпаторію.

ника *Шейдемана*, должна была открыть дѣло и облегчить приступъ пѣхотѣ. Въ темную ночь, послѣ двѣнадцати часовъ, полковникъ *Шейдеманъ* приступилъ къ устройству эполементовъ для 76 орудій и ямъ для штуцерныхъ такъ удачно и вѣрно, что къ утру наша артиллерія заняла позицію въ 250 саженяхъ отъ города. Въ 6 часовъ утра, 5-го февраля, раздался 1-й непріятельскій выстрѣлъ, а за нимъ общая по всей линіи канонада, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ огнемъ изъ штуцеровъ. Двѣ легкія батареи были поставлены къ лѣвому флангу нашей позиціи для обстрѣливанія города косвенными выстрѣлами. Подъ прикрытіемъ этой канонады, адъютантъ Е. С. князя *Меншикова*, подполковникъ *Панаевъ*, съ войсковымъ старшиною Донскаго казачьяго № 61-го Жирова полка *Селивановымъ* и Греческаго батальона волонтеромъ капитаномъ *Хрисовери*, подошелъ къ самымъ стѣнамъ города со стороны Сакскаго озера, и, не найдя тамъ непріятельской артиллеріи, тотчасъ двинулъ Греческій батальонъ, 300 спѣшенныхъ казаковъ № 61-го Жирова полка и сотню № 50-го Филина полка. Войска, укрываясь за стѣнками на кладбищахъ и въ каменоломныхъ ямахъ, подошли къ укрѣпленіямъ на 100 шаговъ и открыли съ непріятелемъ перестрѣлку. Для подкрѣпленія ихъ былъ отправленъ спѣшенный батальонъ драгунъ въ рогатыхъ колоннахъ, который расположился за каменною стѣнкой кладбища. На одномъ изъ передовыхъ кургановъ былъ начальникъ евпаторійскаго отряда С. А. *Хрулевъ*, и зорко слѣдилъ за ходомъ дѣла. Въ 9 часовъ утра, онъ далъ приказаніе лѣвой колоннѣ сдѣлать попытку штурма и, для поддержанія связи со среднею колонною, поставилъ дивизіонъ Уланскаго Его Императорскаго Высочества Эрцъ-Герцога Леопольда полка и полкъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Канонада по всему протяженію фронта нашихъ батарей была въ полномъ разгарѣ. На правомъ флангѣ линіи была выдвинута конно-легкая № 19-го батарея. Со стороны непріятеля участвовало до 100 орудій, почти на половину бомбическихъ, и съ разныхъ мѣстъ были бросаемы конгревовы

ракеты. Дальность полета этихъ ракетъ простиралась до 3-хъ верстъ. Со стороны нападающихъ отвѣчали 24 батареи и 76 легкихъ орудій. Дѣйствіе нашей артиллеріи, управляемой полковникомъ *Шейдеманомъ*, заставило многія изъ непріятельскихъ орудій на время прекратить огонь. Пять зарядныхъ ящиковъ или погребковъ были взорваны на воздухъ; особенно одинъ изъ взрывовъ былъ весьма значителенъ. Наши штуцерные, расположенные въ интервалахъ между орудіями, заставили своими мѣткими выстрѣлами умолкнуть штуцерныхъ непріятельскихъ и много содѣйствовали къ сохраненію прислуги при орудіяхъ.

Около 10 часовъ утра вся линія нашихъ батарей подвинулась къ городу на 150 саженъ и открыла картечный огонь. Между тѣмъ со стороны озера 3-й и 4-й батальоны Азовскаго пѣхотнаго полка введены были на приступъ, въ ротныхъ колоннахъ, храбрыми начальниками, генералъ-маіоромъ *Опаревымъ* и барономъ *Криднеромъ*, предшествуемые двумя легкими батареями, обстрѣливавшими городъ въ разстояніи 100 саженъ. На лѣвомъ флангѣ этихъ батальоновъ были греческіе волонтеры, предводимые отважнымъ подполковникомъ *Напаевымъ* и подкрѣпленные спѣшенными драгунами. Турки встрѣтили эти ротныя колонны сильнѣйшимъ огнемъ изъ бойницъ, изъ заборовъ и крышъ домовъ, и картечью изъ подвижныхъ полевыхъ орудій. Отважныя войска наши стройно подошли къ самому рву, но нашли его полнымъ водою: штурмовыя лѣстницы оказались короткими. Тогда, въ виду непреодолимыхъ препятствій, войска отведены въ находящіяся вблизи рва мѣстныя прикрытія. «Но есть невозможное и для героевъ»— какъ говорилъ нашъ обожаемый Монархъ. У турокъ, вмѣсто предполагаемыхъ 30 орудій (1), оказалось 100, изъ коихъ половина была большаго калибра. Нѣсколько пароходовъ изъ 24, подойдя съ обѣихъ сторонъ къ берегу Эвпаторіи, прикрыли фланги непріятеля и открыли по нашимъ войскамъ огонь, достигавшій не только во 2-ю боевую линію, но въ резервы и далѣе. Генералъ-маіоръ *Уру-*

---

(1) Диспозиція для канонады и штурма укрѣпленнаго города Эвпаторіи.

сочъ, начальствовавшій всею пѣхотою, уменьшилъ интервалы и приблизилъ резервы къ артиллеріи. По всѣмъ соображеніямъ, съ достовѣрностію должно было положить, что и число гарнизона въ городѣ простиралось до 40 т. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, начальствовавшій отрядомъ изъ 16 т. пѣхоты и 3.7-6 ч. кавалеріи, считалъ себя не въ правѣ жертвовать большимъ числомъ своихъ храбрыхъ воиновъ, не смотря на всѣ просьбы ихъ идти на штурмъ. Турки понесли значительную потерю отъ сосредоточенныхъ выстрѣловъ и отъ превосходнаго дѣйствія нашей артиллеріи, въ разстояніи 150 саженъ, ядрами и гранатами. Возможность имѣть вліяніе на наши сообщенія рѣшительно уничтожена этимъ смѣлымъ движеніемъ противъ сильнѣйшаго врага. Впрочемъ, и въ случаѣ успѣха считали невозможнымъ держаться въ Эупаторіи, отъ дѣйствія морской артиллеріи, и положено было занять ее малымъ отрядомъ. Самое отступленіе нашего войска по всей линіи было совершено какъ на учебномъ полѣ. Лѣвая колонна сдѣлала это движеніе подъ прикрытіемъ 1-го и 2-го батальоновъ Азовскаго пѣхотнаго полка. Турецкая конница (до 3-хъ эскадроновъ) рысью бросилась въ атаку на нашу пѣхоту. Батальоны грозно остановились и свернулись въ каре. Подлетѣвъ на ружейный выстрѣлъ, турки открыли огонь, но, видя стойкость нашей пѣхоты, которая, въ спокойномъ ожиданіи ихъ приближенія не стрѣляла, возвратились въ городъ.

Смѣло порывались наши войска на продолженіе дѣла, но *Хрулевъ* хладнокровно приказывалъ продолжать отступленіе и отвелъ войска съ боевой позиціи за 3 версты, гдѣ заблаговременно приготовленъ былъ обѣдъ. Потеря наша убитыми и ранеными не превышала 800 человѣкъ (убито 168, ранено 625); турки, по показаніямъ плѣнныхъ, потеряли до 2 т. чел. Грустно было С. А. *Хрулеву* отказаться въ это время отъ своего обычая, по примѣру римлянъ, искать, а не считать врага, но онъ былъ утѣшенъ милостивымъ одобреніемъ главнокомандующаго: «Вы весьма основательно поступили, воздержавшись отъ штурма и

ограничивъ экспедицію предѣлами усиленной рекогносцировки» (¹).

С. А. *Хрулевъ* былъ, между тѣмъ, отозванъ въ Севастополь. По случаю усиленныхъ непріятелемъ дѣйствій, лѣвый флангъ севастопольской оборонительной линіи нуждался въ общемъ начальникѣ, который бы завѣдывалъ 3-мъ и 4-мъ отдѣленіями славной обороны. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* назначенъ былъ, 4-го марта, комендантомъ Корабельной стороны, съ подчиненіемъ ему Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, Камчатскаго укрѣпленія и всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ отдѣленіяхъ оборонительной линіи. 5-го марта, въ первый разъ, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* сдѣлался распорядителемъ, вмѣстѣ съ контръ-адмираломъ *Истоминымъ*, удачнаго дѣла, около еще неконченнаго и невооруженнаго Камчатскаго редута. Лишь только начались сумерки и ночная цѣпь заняла свои мѣста передъ Камчатскимъ редутомъ, непріятель открылъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь и потомъ, вдругъ прекративъ его, бросился тремя колоннами, съ разсыпною передъ ними цѣпью, въ интервалы ложементовъ, въ которыхъ былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ якутцевъ. Въ этотъ моментъ, 3 роты Волынскаго полка были двинуты полковникомъ *Семяшкинымъ*, по приказанію генералъ-лейтенанта *Хрулева*, на встрѣчу французамъ, и отбросили ихъ штыками на наши же ложементы. Якутцы снова встрѣтили ихъ, на этотъ разъ уже штыками. Непріятель спасался бѣгствомъ въ свои траншеи, изъ которыхъ открылся сильнѣйшій ружейный огонь, обличавшій присутствіе многочисленнаго врага. Опытнымъ взглядомъ слѣдилъ за послѣдствіемъ дѣла С. А., и, ожидая новаго нападенія, приказалъ командиру Якутскаго полка, полковнику *Бялому*, вывести изъ редута одинъ батальонъ своего полка и, подкрѣпивъ его съ фланговъ двумя ротами Томскаго полка, готовиться встрѣтить непріятеля. Дѣло не замедлилось. Новыя колонны вышли изъ траншей съ ба-

(¹) Рапортъ начальника штаба главнокомандующаго въ Крыму, отъ 7-го февраля, за № 215.

рабанным боем и были встрѣчены полковником *Бялым*. Врагъ снова выбитъ штыками и прогнанъ въ свои траншеи. За нимъ ворвались туда и наши удальцы. Одинъ зуавъ былъ вытащенъ изъ траншей рядовым *Ерохиным*. Послѣ непродолжительнаго рукопашнаго боя, войска наши воротились къ своимъ ложементамъ, и перестрѣлка мало по малу затихла. Такимъ образомъ, на другой день своего вступленія въ управленіе обороною Корабельной стороны Севастополя, С. А. уже былъ руководителемъ упорнаго боя своихъ новыхъ подчиненныхъ. По показанію плѣнныхъ, французы, въ числѣ 12 т., занимали траншеи и имѣли рѣшительное намѣреніе взять Камчатскій редутъ. Объщаніе штурма Севастополя только послѣ занятія трехъ нашихъ новыхъ редутовъ было значительнымъ побужденіемъ къ проявленію той стойкости и мужества, которыя обнаружили французы въ этомъ дѣлѣ. 10-го марта былъ день блистательный для военной извѣстности *Хрулева* (1). Непріятель, наканунѣ этого дня, окончивъ свою переднюю траншею, пошелъ изъ нея двумя саппами на нашу линію передовыхъ ложементовъ. Дѣйствіемъ орудій изъ Камчатскаго редута и батарей 3-го и 4-го отдѣленій и отъ огня штуцерныхъ изъ ложементовъ, работы враговъ мало замедлялись. 10-го марта, при наступленіи сумерекъ, непріятель приблизился къ нам саппою и окончательно овладѣлъ всею линіею нашихъ передовыхъ ложементовъ. Надобно было выбить оттуда осаждающаго и разрушить его работы. Два батальона Камчатскаго полка занимали траншею передъ Камчатскимъ редутомъ. Для атаки непріятеля, С. А. *Хрулевъ* двинулъ на правый флангъ батальонъ Камчатскаго егерскаго полка съ полковникомъ *Голевым*, на лѣвый—батальонъ Днѣпровскаго полка съ подполковникомъ *Радомским*. Батальоны, разсыпавъ цѣпи и построившись въ ротныя колонны, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ; но, не смотря на то, безъ выстрѣловъ бросились

(1) Дѣло 10-го марта прекрасно описано въ № 7 „Современника“ 1855 г. очевидцемъ и участникомъ дѣла, флигель-адъютантомъ *Столыпиным*.

въ штыки и откинули непріятеля изъ нашихъ ложементовъ. Врагъ отступилъ, но изъ своихъ траншей открылъ сильный огонь. Ничто не могло удержать нашихъ храбрыхъ воиновъ! Три батальона камчатцевъ и столько же днѣпровцевъ заняли непріятельскія траншеи и отгѣснили французовъ за вторую ихъ линію. Подступы остались сзади и 4 роты моряковъ 35-го и 44-го флотскихъ экипажей разрушили ихъ, не смотря на сильный ружейный огонь непріятеля. Между тѣмъ завязался кровопролитный рукопашный бой. Французы, безпрестанно подкрѣпляемые резервами, ежеминутно готовы были перейдти въ наступленіе. Силы ихъ росли. На подмогу нашимъ посланы были: батальонъ Углицкаго егерскаго полка и два батальона волынцевъ. Борьба уравновѣсилась, но не надолго. Враговъ было больше. Вдругъ среди страшнаго боя раздалось звонкое пѣніе гропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Благовѣрному Императору Нашему на супротивныя даруя....» Іеромонахъ Іоанникій *Савиновъ*, въ эпитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, торжественно воспѣвалъ спасительную молитву, не обращая вниманія на носившуюся кругомъ его смерть. Солдаты, вдохновенные святыми словами божественной пѣсни, не думали объ отступленіи; они видѣли, что крестъ указываетъ имъ путь къ вѣчной славѣ будущей жизни, и восторженно бросались въ кровавую сѣчу. Вопли раненыхъ и умирающихъ, громъ выстрѣловъ, были заглушены спокойнымъ чувствомъ солдатъ, что духовный пастырь руководитъ ихъ къ смерти. Одинъ изъ враговъ бросился на безоружнаго монаха и успѣлъ ударомъ штыка разорвать на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но въ то же мгновеніе былъ убитъ юнкеромъ *Непребецкимъ*. Французы бѣжали и апроши остались въ нашихъ рукахъ. Іеромонахъ занялся ранеными, но въ это время пуля, пущенная въ него, оторвала нижнюю часть креста и контузила отважнаго монаха-воина. С. А. *Хрулевъ*, слѣдившій за всѣмъ ходомъ дѣла, приказалъ бить отбой, но солдаты не вѣрили. «Не таковскій генералъ», говорили они, «чтобъ велѣлъ отступать», и продолжали

дѣло съ увлеченіемъ (1). Правый флангъ былъ отведенъ своимъ начальникомъ, полковникомъ *Голевымъ*, уцѣлѣвшимъ среди тысячи смертей. Чтобы вызвать войска лѣваго фланга, командиръ котораго, подполковникъ *Радомскій*, былъ пораженъ пулею въ грудь на вылетъ, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* вызвалъ изъ передовой цѣпи іеромонаха *Савинова* (2) и поручилъ ему передать свое приказаніе. Солдаты, убѣдившись, что это было желаніе ихъ уже любимаго начальника, отступили. Еще и теперь воспоминаніе объ этомъ дѣлѣ живетъ въ памяти днѣпровцевъ и камчатцевъ, и выражается въ устахъ ихъ пѣснею солдатскою, сочиненною г. *Степановымъ*. Не ищите въ ней поэзіи, но только замѣтьте вѣрно схваченное отрадное чувство привязанности солдата къ своему командиру.

1.

«Гей! камчатцы—удальцы!
Гей! днѣпровцы—молодцы!
Собирайтесь водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоровъ,
Нашъ любимецъ—нашъ Хрулевъ!

2.

Что съ тобою намъ французъ!
Правду молвить, онъ не трусъ,
А какъ вздумалъ влѣзть въ траншею,
Такъ его турнули въ шею!
Слово молвилъ намъ Хрулевъ,
Всѣ мы бросились въ ровъ.

3.

Темный путь свѣтилъ монахъ
Онъ насъ велъ съ крестомъ въ рукахъ,

(1) Для поясненія этого необходимо сказать, что непріятель, узнавшій наши сигналы, часто пользовался этимъ, дабы остановить попытки, но всегда неудачно.

(2) Онъ умеръ, нѣсколько времени спустя, въ сѣверномъ укрѣпленіи. «Москвитянинъ» 1855 г. №№ 10, 15, 16.

А Хрулевъ разжегъ отвагу;
Глядь? французъ—кто легъ, кто тягу.
Штыкъ не хватитъ—камень есть,
И кулакъ французу въ честь.

4.

Слышь, капаву къ намъ вели,
Да по ней какъ въ гробъ легли:
Разъярились мы отъ боя,
Слышать не хотимъ отбоя.
Кто въ Викторію попалъ,
Въ Балаклаву прочесалъ.

5.

Съ той поры вотъ ни гугу,
Знать согнули ихъ въ дугу,
Знать Хрулевъ имъ задалъ перцу,
А ужь намъ-то какъ по сердцу;
Вотъ еще бы дать разокъ,
Такъ совсѣмъ повлибъ въ утекъ.

6.

Ну, камчатцы—удальцы!
Ну, днѣпровцы—молодцы!
Собирайтесь водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоровъ,
Нашъ любимецъ—нашъ Хрулевъ!

Трудно слѣдить день въ день за всѣми дѣйствіями С. А. *Хрулева* при управленіи имъ обороною Севастополя; ни одна незначительная вылазка не происходила безъ того, чтобы онъ не былъ ея свидѣтелемъ. Надобно сказать правду: умѣлъ онъ и цѣнить труды своихъ подчиненныхъ. Довольно привести въ примѣръ его заботливость о наградахъ медиковъ (1). «Съ самаго начала крымской кампаніи по настоящее время, врачи несутъ одинаковые труды съ дѣйствующими войсками, съ самоотверженіемъ подаютъ

(1) Рапортъ генералъ-лейтенанта *Хрулева* къ коменданту Севастополя графу *Остенъ-Сакену*, отъ 23-го марта 1855 г.

пособія подъ непріятельскими выстрѣлами, подвергаютъ себя всѣмъ лишеніямъ осажденнаго города, всегда днемъ и ночью готовы на призывъ больнаго..... Они не могли увлекаться тою славою, которая влечетъ офицеровъ на поле сраженія.... Сколько медиковъ во цвѣтѣ лѣтъ уже погибли въ Севастополѣ! Болѣзнь, ихъ поражающая, тифъ, которая большею частью бываетъ для нихъ смертельною, потому что они изнурены отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ при отправленіи своихъ трудныхъ обязанностей, въ воздухѣ обыкновенно зараженномъ. Между тѣмъ медиковъ, за болѣзнь и смерть въ слѣдствіе усиленныхъ трудовъ, не ожидаютъ ни георгіевскій крестъ, ни слава. На дняхъ еще профессоръ *Гюббенетъ* отнялъ прусскому уроженцу врачу палецъ, заразившійся гангреною, въ слѣдствіе нечаяннаго укола при производствѣ операціи. О такомъ печальномъ случаѣ никто не заботится, между тѣмъ какъ рана, полученная офицеромъ или солдатомъ на полѣ сраженія, не оставляется безъ вниманія». Сколько души, сколько сочувствія къ положенію сословія, которое всѣ свои дарованія употребило къ спасенію человѣчества! Здѣсь закаленный воинъ представляется въ другомъ свѣтѣ! Онъ безпристрастно оцѣнятъ труды своихъ подчиненныхъ! 5-го мая измѣнена была обязанность С. А.: онъ назначенъ былъ начальникомъ 1-го и 2-го отдѣленій оборонительной линіи. Опасность наболѣе угрожала Севастополю съ этой стороны, и сюда-то вызванъ былъ *Хрулевъ* для обороны. Послѣ внимательнаго осмотра мѣстности ввѣренныхъ ему отдѣленій, артиллеристъ и инженеръ *Хрулевъ* создалъ смѣлый планъ отбить наши траншеи у непріятеля; для этого предварительно предположилъ въ одну ночь заложить соединительную траншею по линіи нашихъ ложементовъ и кладбища. Въ письмѣ своемъ начальнику штаба Севастопольскаго гарнизона, Свиты Его Величества генералъ-маіору князю В. И. *Васильчикову*, такъ заключаетъ свой планъ С. А. «Когда все это будетъ сдѣлано, тогда, князь Викторъ Иларіоновичъ, мы оживемъ новою жизнью, а въ противномъ случаѣ—погибнутъ 4-й и 5-й бастіоны». Комендантъ Севастополя, генералъ-адъютантъ графъ *Остенъ-*

Сакенъ, препроводилъ проектъ С. А. *Хрулева* къ Свиты Его Величества генералъ-маіору *Тотлебену* и просилъ его разсмотрѣть съ большимъ вниманіемъ этотъ планъ и возвратить со своимъ мнѣніемъ. Славный нашъ инженеръ не замедлилъ отвѣтомъ 7-го мая, что онъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, совершенно согласенъ съ предложеніемъ генералъ-лейтенанта *Хрулева*. Въ ночь съ 8-го на 10-е мая была проведена траншея и приготовлено войско. 10-го числа, въ $9^1/_2$ часовъ вечера, началось движеніе нашихъ войскъ, почти въ одно время съ открытіемъ страшнаго огня изъ орудій и мортиръ непріятельскихъ батарей. Секретъ далъ знать, что непріятель идетъ въ значительныхъ силахъ. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* быстро двинулъ наши войска на встрѣчу атакующимъ. Завязался рукопашный бой, непріятель отбитъ и траншея занята. Новое нападеніе враговъ съ сильною подмогою возобновило дѣло и остановило наши работы. Битва производилась то ружейною стрѣльбою, то штыками; четыре ложемента и траншея переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Непріятель сражался лучшими своими гвардейскими войсками. *Хрулевъ* двинулъ подкрѣпленіе на помощь усталымъ войскамъ и бой продлился до 3-хъ часовъ. Послѣ 5 часоваго безостановочнаго сраженія, приказано было отступать тѣми же путями, а ложементы занять стрѣлками и штуцерными. Потеря наша была велика; въ числѣ убитыхъ былъ командиръ 2-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Адлербергъ*; но выигрышъ былъ на нашей сторонѣ. Попытки враговъ уничтожены и ихъ убѣжденія поколебались. Въ этомъ смѣломъ дѣлѣ исполнителями мысли *Хрулева* были: начальникъ 1-го отдѣленія, генералъ-маіоръ *Семякинъ*, начальникъ штаба гарнизона князь *Васильчиковъ*, начальникъ оборонительныхъ работъ, генералъ-маіоръ *Тотлебенъ*, генеральнаго штаба подполковникъ *Ростовцовъ*, командиръ 6-го сапернаго батальона, полковникъ *Гарднеръ*, командиръ 2-го батальона Житомирскаго полка, маіоръ *Романовичъ*.

День Ватерлоо, 6-го іюня, столь гибельный для могущественнаго и славнѣйшаго императора французовъ, былъ

днемъ торжества для Россіи. Рѣшительный приступъ къ Севастополю, послѣ двухъ-дневной адской канонады, сдѣланъ на разсвѣтѣ 6-го іюня. 32 тысячи союзниковъ напали на укрѣпленія корабельной стороны Севастополя: на правомъ флангѣ и въ центрѣ французы, на Пересыпку и Грибокъ вели атаку англичане.

Сильный картечный и ружейный огонь встрѣтили непріятельскія колонны, но передовыя ихъ части уже достигли рвовъ укрѣпленій, а смѣльчаки лѣзли на бруствер. Безстрашные защитники Севастополя не дрогнули, но приняли непріятеля грудью и штыкомъ. Отважные враги были сброшены со всѣхъ укрѣпленій; только въ одномъ мѣстѣ имъ удалось проникнуть въ городъ. Полтавцы, занимавшіе батарею *Жерве*, не устояли противъ многочисленнаго врага: они уже отступали, какъ вдругъ является защитникъ всей оборонительной линіи 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*: мгновенно очутился онъ среди отступающей колонны, громовымъ голосомъ приказалъ бить наступленіе, схвативъ роту Сѣвскаго полка, шедшую съ работы, и со словами: «благодѣтели, ко мнѣ!»—устремился впередъ. Увлеченные своимъ успѣхомъ, враги мужественно сопротивлялись, но сѣвцы дрались какъ львы, полтавцы имъ соревновали, а бѣлый конь носилъ *Хрулева* среди ожесточенной битвы. Увѣренность французовъ (1) еще болѣе поддерживала ихъ бойкость. Они бросились въ домы, выстроенные для нашихъ войскъ, и отсюда ихъ должно было выбивать силою. По приказанію С. А. *Хрулева*, генералъ-лейтенантъ *Павловъ* подошелъ съ батальономъ якутцевъ. Непріятель сброшенъ въ траншею, откуда наши войска, подкрѣпленныя ротою якутцевъ и батальономъ Елецкаго полка, не смотря на троекратное наступленіе непріятеля, отступали въ порядкѣ и заняли свои мѣста. Къ 5 часамъ утра штурмъ былъ от-

---

(1) Раненый французскій офицеръ, котораго *Хрулевъ* хотѣлъ отправить на сѣверную сторону для перевязки, просилъ его оставить здѣсь, говоря, что чрезъ полчаса Севастополь будетъ взятъ и тогда его перевяжутъ. „Москв." 1855 года № 12, стр. 62.

бить по всей линіи. Потеря враговъ была очень значительна; они подвергались губительному огню пароходовъ: «Владиміръ», «Громоносецъ», «Херсонесъ», «Крымъ», «Бессарабія», «Одесса» и дѣйствію батарей Сѣверной стороны Севастополя. Много было героевъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, но, по свидѣтельству генералъ-адъютанта князя *Горчакова* и по выраженію адмирала П. С. *Нахимова*, главная честь отбитія штурма принадлежитъ *Хрулеву*. Уже враги обратили на насъ орудія съ батареи *Жерве*; успѣхъ ихъ былъ несомнителенъ, и только отвага *Хрулева* спасла насъ. Любимецъ солдатъ, холодный въ опасности, неистовый при увлеченіи, онъ отважно шелъ на встрѣчу смерти и велъ съ собою безстрашныхъ сѣвцевъ. Изъ роты этого полка осталось 33 человѣка, но провидѣніе берегло *Хрулева*. Онъ остался невредимъ среди безпрерывныхъ опасностей, угрожавшихъ ему со всѣхъ сторонъ. Не могу не передать этого безсмертнаго подвига прекрасными стихами нашего любимаго поэта Аполлона *Майкова*, который, 7-го января, представилъ ихъ С. А. *Хрулеву* во время его кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ.

Какъ честныхъ [illegible]никовъ, какъ скромныхъ богомольцевъ,
Которыхъ жизнь среди святыни протекла,
Встрѣчаемъ мы теперь бойцевъ—Севастопольцевъ,
Готовностью на смерть очищенныхъ отъ зла.
Ихъ много разбрелось безруких и безногихъ;
И люди русскіе, въ палатѣ и въ избѣ,
Разсказы слушаютъ воителей убогихъ;
Во всѣхъ разсказахъ ихъ есть повѣсть о тебѣ.
«Разъ, говорятъ они, мы отдали траншею,
Ужь врагъ у насъ свои знамена водрузилъ,
И пушки обратилъ съ жервейской батареи
На насъ же громъ гремѣлъ и небо дымъ затмилъ.
Но нѣкто бодрствуетъ и духомъ не крушится:
Средь бомбъ вдругъ бѣлый конь является въ огнѣ,
Въ кавказскомъ папахѣ усатый всадникъ мчится,
И слышенъ кликъ его: «Голубчики, ко мнѣ!»
Какъ молнія въ сердцахъ довѣренность блеснула—
Любимаго вождя всесиленъ громкій зовъ —
Полтавцы строятся. Горсть сѣвцевъ къ нимъ примкнула,
И выбили врага подъ крикъ: «Ура! Хрулевъ».
Хрулевъ! Ты побѣдилъ любовію солдатской,
Наградой вѣрною, достоинствамъ вождя,—

Она намъ говоритъ, что самъ любовью братской
Ты меньшихъ возлюбилъ, ихъ къ чести предводя.
Въ томъ тайна нашихъ силъ, доступная немногимъ:
На подвигъ доблести, и въ мирѣ, и въ войнѣ,
Не нужно русскихъ звать команды словомъ строгимъ.
Но встанутъ всѣ на кликъ: «Голубчики ко мнѣ!»

Орденъ Св. Владиміра 2-й степени былъ наградою С. А. *Хрулеву* за этотъ славный день. Онъ уже имѣлъ Георгія 3-й степени. въ ознаменованіе дѣла 10-го марта.

27-го августа, Южная часть Севастополя, послѣ отраженія 6-ти отчаянныхъ приступовъ, отдана. Все войско перешло на Сѣверную сторону по мосту, устроенному чрезъ бухту генераломъ *Бухмейеромъ*. С. А. *Хрулевъ* былъ на Малаховомъ курганѣ при нападеніи сильнаго врага. Онъ шелъ предъ Сѣвскимъ полкомъ съ образомъ въ рукѣ, который снялъ съ груди: «Ребята, впередъ!» были его слова, но въ эту минуту пуля ударила его въ руку. Ординарецъ замѣтилъ и хотѣлъ ему сказать. «Молчать!» перебилъ его нашъ герой и продолжалъ идти на встрѣчу врагамъ, но скоро силы его покинули (¹).... и онъ уже не видалъ торжества непріятеля. С. А. *Хрулевъ* лишился большаго пальца на лѣвой рукѣ. Въ правую руку онъ былъ раненъ на Дунаѣ подъ Журжею. Провидѣніе сохранило его среди страшныхъ опасностей. Похожій по характеру на своего родича—великаго *Суворова*, *Хрулевъ* отваженъ, быстръ въ соображеніяхъ, неутомимъ при исполненіи дѣла. За мѣсяцъ до 27-го августа, С. А. *Хрулевъ* предлагалъ или сохранить Севастополь рѣшительнымъ наступленіемъ, или покинуть Южную часть города и перейти на Сѣверную, что́ въ послѣдствіи и сбылось. Въ первомъ случаѣ онъ предложилъ овладѣть Камчатскимъ редутомъ, 24-хъ орудійной батареей, Зеленой горой и, наконецъ, Викторіею, и вытѣснить непріятеля съ его позиціи, на оконечности Сапунъ-Горы за Килень-Балкой. Во второмъ онъ доказывалъ, что слава русскаго оружія, 10 мѣсяцевъ защищавшаго городъ противъ постоянно превосходнаго непріятеля и отбившаго

(¹) „Москвитянинъ“ 1855 г. № 17-й и 18-й, стр. 143.

рѣшительный приступъ, произведенный лучшими войсками французской и англійской арміи не однимъ огнемъ, но и штыками, нимало не страдаетъ отъ произвольнаго очищенія города, гдѣ все почти разрушено, гдѣ техническихъ заведеній адмиралтейства уже нѣтъ, гдѣ запасы, существовавшіе для ремонта флота, истощены для оборонительныхъ работъ. «Оборонял нынѣ Южную часть Севастополя, мы, въ сущности, защищаемъ лишь призракъ—имя безъ настоящаго значенія».

Оканчивая этимъ мнѣніемъ нашъ біографическій очеркъ жизни генералъ-лейтенанта С. А. *Хрулева*, мы ожидаемъ многаго въ будущемъ отъ нашего героя. Самые враги торопились взглянуть на него, когда, во время перемирія, онъ проѣзжалъ въ передовыхъ траншеяхъ на своемъ бѣломъ, всѣмъ знакомомъ, конѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, сердце говорило имъ, что имя *Хрулева* будетъ для нихъ надолго памятно (1).

В.

II.

Генералъ Хрулевъ.

Генералъ *Хрулевъ* принадлежитъ, безспорно, къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ новѣйшей военной исторіи и представляетъ типъ истинно-русскаго военачальника. Популярность между солдатами—отличительное качество всѣхъ нашихъ извѣстныхъ полководцевъ. Болѣе всѣхъ пользовался ею знаменитый *Суворовъ*, и потому храбрость русскихъ солдатъ не знала при немъ никакихъ преградъ. Первое качество и лучшая военная добродѣтель русскаго на полѣ битвы—дисциплина и полная довѣренность къ своимъ начальникамъ. Чтобы ни приказалъ командиръ—все выполняется. Извѣстно, что когда, въ 1794 году, *Суворовъ* взялъ штурмомъ Прагу, съ 21.000 человѣкъ, тогда какъ гарнизонъ состоялъ изъ 22,000 и былъ подкрѣпля-

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1856 г. № 56 и 57.

емъ жителями, русскіе солдаты на другой день ходили осматривать взятыя ими укрѣпленія, и одинъ изъ новичковъ громко выразилъ свое удивленіе, какъ могли взлѣсть на валъ, обставленный пушками и защищенный тысячами непріятелей. «Дурачина!—отвѣчалъ сѣдой фельдфебель:— Какъ могли взлѣзть?... Командиръ приказалъ, такъ и взлѣзли!» Въ этой чертѣ русскаго характера вся тайна нашихъ побѣдъ.

Генералъ *Хрулевъ* принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ военачальниковъ, которые съ самаго начала своего поприща умѣли пріобрѣсти довѣріе солдатъ. Кругъ его дѣятельности былъ ограниченъ, но и на второмъ планѣ великихъ событій онъ рельефно выдвинулся впередъ. Мы не намѣрены писать его біографію. Поприще его еще не кончено Не будемъ также выписывать формулярнаго списка о первоначальной службѣ, постепенныхъ повышеніяхъ въ чинахъ и полученіи заслуженныхъ наградъ. Скажемъ только нѣсколько словъ о подвигахъ *Хрулева*.

Имя его впервые сдѣлалось извѣстнымъ въ венгерской кампаніи 1849 года, когда Россія двинула свои полки на спасеніе погибавшей Австріи. Увѣряли, что Россія стремится къ всемірному завоеванію, а Россія, въ отвѣтъ на это, пошла спасать старыхъ союзниковъ и возстановить тронъ габсбурговъ, потрясенный до основанія. Если-бъ Россія имѣла тѣ завоевательные замыслы, которые ей приписывали, кто бы мѣшалъ ей спокойно выжидать разрушенія сосѣдственныхъ державъ?

Въ эту кампанію впервые явился полковникъ *Хрулевъ*, и мы встрѣчаемъ имя его въ донесеніи генерала *Чеодаева* отъ 26-го іюня, когда непріятель показался въ окрестностяхъ Паросла. Тогда, для охраненія арміи съ лѣваго фланга при дальнѣйшемъ движеніи ея, сформированъ былъ отрядъ изъ дивизіона уланъ и сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника *Хрулева*. которому и приказано слѣдовать къ Парослу, параллельно движенію арміи, а 6-го іюля, когда графу *Ридигеру* приказано было преслѣдовать *Гергея* всѣми силами до Ваткерта, *Хрулевъ* былъ отправленъ съ своимъ отрядомъ узнать, какое направленіе возь-

мутъ венгерцы отъ селенія Валласа. 7-го іюля *Ридигеръ* предпринялъ движеніе на Генгіешъ, оставя для преслѣдованія непріятеля отрядъ *Хрулева*, приказавъ, сколько можно, изнурять его быстрымъ и неотступнымъ преслѣдованіемъ. Все это было исполнено.

20 іюля *Хрулевъ* посланъ былъ съ четырьмя эскадронами уланскаго полка, четырьмя конными орудіями и 50-ю казаками чрезъ Сен-Миклошъ къ Чѳлноку, для облегченія переправы австрійскому корпусу чрезъ Тейсу.

24-го іюля, для наблюденія дорогъ изъ Дебречина къ Гроссъ-Вардейну, сформированы два партизанскіе отряда, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ полковника *Хрулева*, направленъ былъ въ селенію Деречкѣ, а 28-го іюля *Ридигеръ* послалъ изъ Гроссъ-Вардейна отрядъ *Хрулева*, открыть сообщеніе съ главною австрійскою арміею. При движеніи его мимо Арада, гарнизонъ этой крѣпости изъявилъ готовность сдаться ему, если онъ представитъ на это письменный видъ отъ *Ридигера*, вслѣдствіе чего и были получены письма на имя арадскаго коменданта, какъ отъ графа *Ридигера*, такъ и отъ *Гергея*. Сдача крѣпости послѣдовала 3-го августа.

Въ эту минуту окончилась знаменитая кампанія капитуляціею всей арміи *Гергея*, и русскіе возвратились въ свои предѣлы, избавивъ Австрію въ самую опасную минуту.

Въ 1854 году началась новая война съ Турціею. Напрасна была вся уступчивость русскаго кабинета на вѣнскихъ конференціяхъ: лорду *Редклифу*, лорду *Пальмерстону* нужна была война—и она началась.

Въ этотъ періодъ времени *Хрулевъ* изъ полковниковъ сдѣлался генералъ-лейтенантомъ.

Чтобъ развлечь вниманіе турокъ и нанести вредъ ихъ судамъ у Систова и Никополя, поручено было *Хрулеву* устроить противу этихъ пунктовъ нѣсколько батарей. Дѣйствіе ихъ было такъ успѣшно, что, въ теченіе 15-го и 16-го февраля, сожжено было девять большихъ судовъ и значительное множество малыхъ.

Встревоженные турки поспѣшили раскинуть уцѣлѣвшія суда на большомъ протяженіи по Дунаю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ *Хрулевъ* былъ командированъ въ городъ Каларашъ, устроить тамъ батареи и дѣйствовать ими по непріятельскимъ судамъ, находившимся у крѣпости Силистріи. Въ четыре дня *Хрулевъ* построилъ семь батарей, но, прежде нежели они были вооружены, турки, на разсвѣтѣ 20 го февраля, переправились на лѣвый берегъ Дуная, въ числѣ 6.000 человѣкъ. *Хрулевъ* встрѣтилъ ихъ такимъ сильнымъ ударомъ, что непріятель обратился въ бѣгство, потерявъ множество убитыхъ и плѣнныхъ. Когда же бѣжавшіе бросились на суда, чтобъ переправиться обратно, мѣткій огонь нашей артиллеріи потопилъ множество лодокъ и немногіе турки успѣли спастись.

Въ маѣ (28-го) предпринята была усиленная рекогносцировка, для развѣдыванія непріятеля въ окрестностяхъ Силистріи. У селенія Кало-Петри авангардъ *Хрулева* встрѣтилъ до 5,000 турецкой кавалеріи, опрокинулъ ее, отнялъ знамя, взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и заставилъ турокъ въ безпорядкѣ отступить. Въ эту самую минуту совершился извѣстный переворотъ всей кампаніи. Русскіе, бывшіе уже за Трояновымъ валомъ, принуждены были очистить Валахію и Молдавію, по причинѣ двусмысленной и враждебной политики Австріи, которая допускала продолженіе войны, но не иначе, какъ совершенно оборонительной со стороны Россіи. Это значило, что Россія можетъ, пожалуй, сражаться—но только со связанными руками.

Въ это время явились на позорищѣ войны и англо-французскія арміи. Началась знаменитая крымская кампанія—и имя Севастополя сдѣлалось знаменито во всемірныхъ лѣтописяхъ.

Генералъ *Хрулевъ* продолжалъ свои подвиги. Только 5 го февраля 1855 г. потерпѣлъ онъ неудачу при рекогносцировкѣ противъ Эвпаторіи. Въ началѣ бой былъ успѣшенъ и наши войска подошли уже къ самому городу; но когда *Хрулевъ* убѣдился, что въ Эвпаторіи до 40,000 войскъ, при 100 орудіяхъ, то въ совершенномъ порядкѣ отступилъ изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Подъ стѣнами Севастополя генералъ *Хрулевъ* отличил-

ся въ вылазкѣ съ 10-го на 11-е марта, отъ Камчатскаго люнета противъ французскихъ апрошей. Несмотря на отчаянное сопротивленіе непріятеля, русскіе ворвались въ главную траншею и срыли всѣ работы. Ожесточенный бой продолжался цѣлую ночь, и предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Подобный же подвигъ оказалъ онъ при вылазкѣ въ ночь съ 29 го на 30-е апрѣля для разсоренія непріятельскихъ работъ на скатѣ Зеленой горы.

Часть отряда бросилась на англійскія траншеи съ фронта, другая ударила съ тыла. Непріятель отступалъ съ величайшею поспѣшностію, оставивъ свои орудія, изъ которыхъ многія были заклепаны.

Съ 10-го на 11-е мая сосредоточены были впереди бастіона № 6 го два егерскіе баталіона Житомирскаго полка, подъ начальствомъ генерала *Хрулева*; но непріятель ввелъ въ дѣло до 18,000 войска—и начался самый упорный и кровопролитный бой; ложементы три раза переходили изъ рукъ въ руки—и непріятель былъ отраженъ до самыхъ окоповъ у кладбища. Генералъ *Хрулевъ* былъ героемъ этого дѣла.

Наконецъ, при знаменитомъ штурмѣ 6 го (18 го) іюня, въ день Ватерлоо, *Хрулева* можно, по всей справедливости, назвать истиннымъ спасителемъ линіи, атакованной непріятелемъ у батареи Жерве. Послѣ отраженія приступа на бастіоны № 1 и 2-й; послѣ отбитія атаки на пространствѣ между бастіонами № 2-го и Корниловымъ; послѣ отраженія отъ Корнилова бастіона—непріятель, выйдя изъ доковой балки, быстро ударилъ на батарею Жерве и, не смотря на сильный огонь, овладѣлъ ею. Баталіонъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, послѣ упорнаго рукопашнаго боя на брустверѣ, принужденъ былъ уступить. Французы, преслѣдуя его, заняли домики и развалины у подошвы западнаго ската Малахова кургана и устремились къ доковой плотинѣ. Но здѣсь былъ предѣлъ успѣховъ непріятеля. Генералъ *Хрулевъ*, зорко слѣдившій за ходомъ боя, немедленно явился тамъ, гдѣ болѣе всего угрожала опасность. Собравъ возвращавшуюся съ работъ 5-ю мушкетер-

скую роту Сѣвскаго пѣхотнаго полка и устроивъ отступавшій баталіонъ Полтавскаго полка, онъ двинулъ ихъ въ штыки на непріятеля. Въ то же самое время явились, по распоряженію *Хрулева*, изъ резерва шесть ротъ Якутскаго полка—и на этомъ пунктѣ завязался страшный бой. Французы, засѣвшіе въ домикахъ, защищались упорно, но наши солдаты взлѣзли на дома, разбирали крышки, врывались въ двери и кололи непріятеля. На батареѣ Жерве одно орудіе было обращено противу насъ, но, смѣлымъ натискомъ отряда *Хрулева*, батарея была отбита; французы были опрокинуты и преслѣдуемы до своихъ траншей. Три раза возвращались они къ батареѣ Жерве, но *Хрулевъ* всякій разъ отбивалъ ихъ. Такимъ образомъ приступъ былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ—и *Хрулевъ* былъ однимъ изъ первыхъ между героями знаменитаго дня.

Въ печальный день 27-го августа было не меньше героевъ—но участь Севастополя уже была рѣшена, и съ тѣхъ поръ генералъ *Хрулевъ* оставилъ поле битвы, прославленной столькими подвигами. Новое царствованіе возвратило Европѣ миръ, а Россію возвело на высшую степень могущества, не силою оружія, а просвѣщеніемъ (1).

III.

Переписка генералъ-лейтенанта Д. Б Бропевскаго съ генералъ-лейтенантомъ С. А. Хрулевымъ.

Степанъ Александровичъ!

Съ этимъ письмомъ вы получите адресъ за подписью одиннадцати особъ, призывающихъ на главу вашу благословеніе Божіе и заступничество Пресвятой Дѣвы, вмѣстѣ съ Ея образомъ. Изъ числа подписавшихся, я одинъ изъ немногихъ, котораго вы лично знаете; но долженъ вамъ сказать, что не мнѣ принадлежитъ мысль — послать къ вамъ святыню и помолиться за васъ Богу о сохраненіи

(1) „Иллюстрація“ 1858 г. № 4 стр. 65 и 66.

васъ отъ опасностей, которымъ вы подвергаетесь ежеминутно при оборонѣ Севастополя, такъ геройски отстаиваемаго нашими войсками. При чтеніи о подвигахъ вашихъ въ достопамятный день 6-го іюня, вы возбудили удивленіе вашею молодецкою храбростію, хладнокровною распорядительностію генерала и заслужили общую признательность на кару врагамъ отечества.

Съ сердечною радостію принявъ участіе въ благочестивомъ и патріотическомъ дѣлѣ, мнѣ особенно пріятно, что это пало на человѣка, котораго я знаю съ дѣтства, любимаго воспитанника моего покойнаго брата и друга и моего ратнаго сослуживца въ польскую войну. Да благословитъ и да сохранитъ васъ Господь на славную защиту Севастополя и чести русскаго оружія.

Маленькая ваша дочь, институтка, здорова, и я объ ней буду имѣть особенное попеченіе. Если бы искреннее мое желаніе исполнилось, то я бы раздѣлялъ съ вами теперешніе труды и опасности, но покойному Императору благоугодно было оставить меня въ Петербургѣ, для другаго рода службы. И такъ, не имѣя надежды служить отечеству мечомъ, я, какъ мирный гражданинъ, предлагаю вамъ свои услуги, на которыя вы имѣете двойное право, и какъ человѣкъ, дружески расположенный къ нашему семейству, и еще болѣе какъ воинъ, честно и славно защищающій Севастополь.

За обѣдомъ мы пили за ваше здоровье: стихи, прочитанные Б. М. Ѳедоровымъ, при семъ посылаю.

Съ душевнымъ уваженіемъ и преданностію, имѣетъ честь быть и проч.

Д. Броневскій.

Санктпетербургъ, 25-го іюля 1855.

IV.

Адресъ генералъ-лейтенанту Хрулеву

Милостивый государь,

Степанъ Александровичъ!

14-го іюля нѣсколько короткихъ знакомыхъ обѣдали на

одной изъ дачъ Невскаго прибрежья! Вскорѣ зашла рѣчь, да и могло ли быть иначе? о настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ: о Севастополѣ, о его великодушныхъ защитникахъ-герояхъ, подобныхъ которымъ едва ли гдѣ и когда нибудь представляла исторія. Подробности штурма 6-го іюня, такъ знаменито для насъ и такъ бѣдственно для враговъ нашихъ отбитаго, переходили изъ устъ въ уста; но чаще другихъ именъ повторялось имя вашего превосходительства; но болѣе всего разговоръ собесѣдниковъ одушевлялся воспоминаніемъ о томъ важномъ моментѣ кровопролитной этой битвы, когда вы, схвативъ роту Сѣвскаго и отступавшій батальонъ Полтавскаго полка, бросились съ ними въ штыки на непріятеля и выручили занятую имъ батарею Жерве. По отзыву самого главнокомандующаго, честь этого дня принадлежитъ въ особенности вашему превосходительству.

Гордясь, какъ русскіе, блистательными подвигами вашими, и отъ души желая вамъ новыхъ лавровъ, восторженные собесѣдники не могли въ то же время не призадуматься при мысли объ опасностяхъ, какимъ ежеминутно подвергается жизнь ваша по званію начальника атакуемыхъ линій.... «Господа, сказалъ вдругъ одинъ изъ присутствующихъ, соберемся опять на дняхъ всѣ вмѣстѣ, отправимся въ Казанскій соборъ, отслужимъ Заступницѣ молебенъ, поручимъ нашего витязя святому Ея покрову и пошлемъ ему, отъ имени всѣхъ насъ, Ея изображеніе». Предложеніе принято съ единодушною готовностію и приведено въ исполненіе. 21-го іюля молебенъ отслуженъ; въ тотъ же день, за дружескимъ обѣдомъ, выпито за ваше здоровье; образъ Казанской Богоматери при семъ препровождается.

Примите его, доблестный защитникъ Севастополя, какъ свидѣтельство нашего къ вамъ уваженія, нашей признательности! Да хранитъ васъ Царица Небесная отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Да будетъ для васъ священный ликъ Ея въ минуты опасности щитомъ непроницаемымъ! и да молитъ Она Господа Бога о продолженіи драгоцѣнныхъ Отечеству дней вашихъ!

Подписали: генералъ-лейтенантъ А. *Белогужевъ*, вице-адмиралъ П. *Казинъ*, генералъ-лейтенантъ Д. *Броневскій*, тайный совѣтникъ В. *Панаевъ*, тайный совѣтникъ и камергеръ П. *Клементьевъ*, генералъ-маіоръ Петръ *Казадаевъ*, генералъ-маіоръ *Роговскій*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Болтинъ*, полковникъ Евграфъ *Глинка*, коллежскій совѣтникъ Борисъ *Федоровъ*. Сергіевскаго всей артиллеріи собора протоіерей Петръ *Духовскій*.

На посылку иконы Казанскія Божія Матери генералъ-лейтенанту Хрулеву.

21-го іюля 1855.

Хрулевъ... отвага боевая,
Одно изъ славныхъ тѣхъ именъ,
На доблесть коихъ Русь святая
Надежнѣй, чѣмъ на крѣпость стѣнъ;
Хрулевъ, какъ мечъ надъ супостатомъ!
И Англо-Турокъ, и Французъ
Отпрянутъ водъ его булатомъ.
. . . . . .
По зову одному Хрулева
Вдругъ закалится полкъ стальной,
И брошенъ въ пламя силой слова:
«Вы, благодѣтели, за мной!....»

Да будутъ и Хрулеву внятны
Мольбы о немъ. — — —
Покровъ небесный, благодатный
Его въ путяхъ да осѣнитъ.
Ликъ той Заступницы всесильной,
Подательницы торжества,
Чудотвореньями обильной.
Которою — жива Москва!
Икону шлетъ ему Петрополь
Въ пріютъ Севастопольскихъ львовъ.
Да ограждая Севастополь,
Самъ будетъ огражденъ Хрулевъ!

Борисъ Ѳедоровъ

V.

Отвѣтъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

18-го августа 1855. Г. Севастополь.

«Съ сердечнымъ умиленіемъ принялъ я святую ико-

ну Казанскія Божія Матери, присланную мнѣ при письмѣ вашемъ, исполненномъ радости за побѣду надъ врагомъ.

«Не звучнымъ стихомъ г. Ѳедорова, а солдатскою прозою, исполненною искренности, отвѣчаю вамъ на дорогой привѣтъ.

«Не ко мнѣ одному относится честь и слава побѣды при отбитіи штурма: честь принадлежитъ русскому солдату, слава—достояніе всей Россіи, побѣда—воля Божія.

«Я счастливъ тѣмъ, что Провидѣніе, въ минуты испытанія Отчизны, благословило меня быть орудіемъ Его воли! Ваши желанія, задушевныя мольбы обо мнѣ, какъ выраженія единодушной любви къ общей нашей матери—Святой Россіи, я, подкрѣпленный утѣшительною мыслію вашего сочувствія къ святому дѣлу и надеждою на покровъ Богоматери, принимаю за вызовъ на новые труды.

Отъ всей полноты чувствъ моихъ благодарю васъ за ваше лестное вниманіе ко мнѣ.

Да поможетъ мнѣ Богъ оправдать ваше довѣріе (1).

Степанъ Хрулевъ.

VI.

Обѣдъ, данный въ Одесскомъ клубѣ, въ честь генералъ-лейтенанта Хрулева, 14-го ноября 1855 г.

Одесса, 18-го ноября 1855 года. Одесса, стоящая на рубежѣ войны и уже слышавшая надъ своею головою гулъ вражьихъ пушекъ, счастлива тѣмъ, что часто видитъ знаменитыхъ гостей — героевъ, прославившихся въ настоящую войну; и чѣмъ же мы — мирные граждане — можемъ выразить наше уваженіе храбрымъ защитникамъ отечества, какъ не простымъ и искреннимъ гостепріимствомъ?....

---

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1855 г. № 285.

Въ понедѣльникъ, 14-го ноября, члены одесскаго клуба собрались раздѣлить хлѣбъ-соль съ дорогимъ гостемъ. Этотъ гость былъ генералъ-лейтенантъ Степанъ Александровичъ *Хрулевъ* — имя, которое не нуждается въ объясненіи.

Обѣдъ, данный въ честь Степана Александровича, отличался единодушною веселостью и благородною непринужденностью; между членами клуба и гостями, генералъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, дѣлившихъ съ нимъ боевые труды на севастопольскихъ бастіонахъ и на берегахъ Дуная. Первый тостъ провозглашенъ былъ о здравіи Государя Императора—и громкое единодушное «ура!» долго, долго не умолкало. Потомъ одинъ изъ старшинъ клуба, въ простыхъ и искреннихъ выраженіяхъ, отъ имени всѣхъ членовъ клуба, поблагодарилъ дорогаго нашего гостя за день, подаренный одесскому клубу, заключивъ словами:

«Оцѣнять ваши доблестные военные подвиги, извѣстные всей Россіи и увѣнчанные участіемъ въ безсмертной оборонѣ Севастополя, не наше дѣло; мы только будемъ молить Бога о возстановленіи вашего здоровья — и просимъ наше сердечное «ура!» принять радушно!» Храбрый воинъ видимо былъ тронутъ и отвѣчалъ слѣдующими оригинально-прекрасными словами: «Господа, прошу васъ принять отъ меня благодарность за ваше радушное гостепріимство, которое происходитъ отъ любви къ Россіи. Для Россіи — я радъ стараться! — а вамъ — здравія желаю!»

Отъ души сожалѣемъ, что мы не могли также выразить наше искреннее уваженіе другому блистательному представителю севастопольскихъ героевъ, генералъ-адъютанту *Тотлебену*, который пробылъ у насъ въ Одессѣ слишкомъ короткое время (1).

II.

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1855 г. № 263.

VII.

Обѣдъ въ честь генералъ-лейтенанта Хрулева, данный членами московскаго англійскаго клуба, 18-го декабря 1855 года.

Кто изъ насъ остается равнодушнымъ къ событіямъ войны современной? Недавно всѣхъ порадовала вѣсть о сдачѣ Карса: на сердцѣ стало весело, какъ въ свѣтлый нашъ праздникъ, и мы готовы были, и въ семействахъ, и въ обществѣ, отъ радостной вѣсти обнимать и цѣловать другъ друга. Кого изъ насъ не тревожила на яву, не будила во снѣ одиннадцати-мѣсячная оборона Севастополя? Кто засыпалъ, кто просыпался, не побывавъ мыслію и сердцемъ тамъ, на этомъ огненномъ кострѣ любви, у нашихъ братьевъ-соотчичей, которые за насъ клали животъ и душу, тѣмъ знаменуя намъ любовь свою, во имя Вѣры, Царя и Отечества? Да есть ли то русское сердце, которому не былъ бы близокъ Севастополь, его герои, его жертвы, его страданія, его кровь, его огонь, его камни, обожженные тѣмъ огнемъ, облитые и упитанные тою святою кровію? Кто бы не положилъ такого камня, какъ святыни, къ своимъ образамъ? Кто бы, если можетъ, не воздвигъ на нихъ новыхъ алтарей во имя Божіе? Севастополь—это часть каждаго изъ насъ, часть лучшая, дорогая, святая! Это жизнь и духовная пища нашихъ дѣтей, которою растетъ и возвышается будущее по насъ племя; это для переду источникъ нашихъ вдохновеній, славныхъ пѣсенъ, поэмъ, преданій, повѣстей, орудіе нашего очищенія, возобновленія, возвышенія въ дѣлахъ, въ жизни, въ мысляхъ, въ словѣ! Такъ думаетъ, такъ чувствуетъ, конечно, вся Москва, не смотря на большое разнообразіе кружковъ ея, и эти-то мысли, эти чувства она давно желала выразить славнымъ героямъ великой защиты, орламъ гнѣзда богатырскаго. Но князь Александръ Сергѣевичъ *Меншиковъ* смиренно укрывался въ своемъ лѣтнемъ уединеніи села Ивановскаго, гдѣ онъ по-румянцовски землю пахалъ, да книжки читалъ, и въ теченіе временнаго своего отдыха собиралъ новыя силы на служеніе Царю и Отечеству. Эдуардъ Ивановичъ *Тотлебенъ* только промелькнулъ въ

Москвѣ, и она узнала о томъ, что онъ былъ въ ней, уже послѣ его отъѣзда. Степанъ Александровичъ *Хрулевъ* въ Москвѣ на нѣсколько дней: московское общество хочетъ угостить его радушнымъ пиромъ, въ залахъ своего древнѣйшаго клуба. Эта вѣсть, устами молвы, съ быстротой электрической облетѣла всѣ кружки столицы, и 18-го декабря собрала всѣхъ членовъ англійскаго клуба, въ его залахъ для славнаго гостя, для участія въ московскомъ ему угощеніи. Кто съ годъ или болѣе не бывалъ въ клубѣ, и тотъ пріѣхалъ; кто большой притащился, нарушивъ приказаніе доктора и забывъ на время о болѣзни. Тѣсно было въ первой залѣ вплоть до передней, отъ участниковъ пира, желавшихъ встрѣтить первымъ привѣтомъ славнаго гостя, взглянуть въ его молодецкія очи. Разговоръ шелъ о немъ: кто припоминалъ его подвиги при взятіи Акбаръ-Мечети; кто самую первую его службу въ артиллеріи; кто дѣла́ на Дунаѣ, рекогносцировку въ Эвпаторіи, вылазки и отраженія вражескихъ приступовъ къ Севастополю; нашлись и такіе, которые припомнили, что онъ родился у насъ, въ Москвѣ, въ домѣ на Тверскомъ Бульварѣ, и что они были даже на его крестинахъ. Онъ вошелъ—герой славно отраженнаго приступа 6-го іюня, которому, по свидѣтельству главнокомандующаго, принадлежала честь этого дня, незабвеннаго въ лѣтописяхъ обороны севастопольской, названнаго въ реляціи геройскимъ событіемъ нашей военной исторіи, когда густая цѣпь непріятеля, охватившая пространство на четыре версты, опираясь на колонны съ сильными резервами, была опрокинута подъ его личнымъ предводительствомъ. Ясно́ла въ умныхъ чертахъ его лица, въ его взорахъ, въ смиренно-богатырскомъ видѣ, та хладнокровная распорядительность, которой обязаны мы были славою этого дня, та находчивость, то присутствіе духа и умѣнье сообщать его своимъ солдатамъ, которымъ генералъ обязанъ своими лучшими подвигами. Съ почтеніемъ видѣли и признаки ранъ на рукахъ его, еще не совсѣмъ свободныхъ для того, чтобы снова поднять мечъ на защиту отечества, тѣхъ ранъ, которыя приняты имъ были въ роковой день 27 го августа. Роскошь обѣда

соотвѣтствовала славѣ гостя. Союзныя кухни и вина всѣхъ странъ призваны были на то, чтобъ угощать его. Камеліи съ бѣлыми и розовыми цвѣтами покрывали столы. Музыка гремѣла. Бесѣда шла живо, сосредоточиваясь болѣе на немъ. Но вотъ все встало: старшины провозглашаютъ нашъ первый, нашъ царскій тостъ: всегда громко гремитъ онъ на общественныхъ пирахъ московскихъ; но, казалось, громче отдавался онъ въ сердцахъ нашихъ, при видѣ славнаго воина, храбраго слуги Царя, принявшаго боевыя раны за Него и за Отечество. О, да гремитъ этотъ тостъ у насъ такъ громко, чтобъ отдавался онъ въ стѣнахъ Парижа и Лондона; чтобъ знали союзники, что мы всѣ, шестьдесятъ милліоновъ, вокругъ Царя нашего—Его живая крѣпость, несокрушимый Севастополь, ибо онъ есть плодъ нашей жизни, кладка Исторіи Русской, завѣтъ отъ отцовъ дѣтямъ, союзъ всѣхъ нашихъ народныхъ силъ. За тостомъ царскимъ вскорѣ подняли бокалы въ честь гостя. На академика и историка М. П. *Погодина*, старшины клуба возложили право быть органомъ всеобщихъ чувствъ на этомъ пиршествѣ, и онъ достойно исполнилъ ихъ порученіе. Вотъ его слово: «Члены нашего дружескаго общества поручили мнѣ выразить вамъ, генералъ, чувства, побудившія ихъ устроить настоящій праздникъ въ честь вашу. Мудрено было бы мнѣ, мирному гражданину, имѣющему очень темное понятіе о военномъ искусствѣ, исполнить это лестное порученіе, но наша настоящая война не похожа на всѣ прочія. Она, говоря простою пословицею, задѣла насъ за-живое съ самаго начала, и соединилась въ послѣдствіи съ такими событіями, что всѣ мы, кто бы чѣмъ ни занимался, получили военное настроеніе, всѣ начали раздѣлять ваши опасности, нести ваши тяготы, слѣдуя за всѣми вашими движеніями. Когда вы, въ минуту отчаяннаго натиска враговъ, схватили сѣвскую роту и понеслись на выручку Корниловскаго бастіона, повѣрьте, сердце наше дрожало не меньше вашего. Нѣтъ—ваше не дрожало: въ порывѣ бранной отваги, вы думали только о спасеніи русской чести, которой угрожала опасность. Съ тѣхъ поръ особенно, ваше имя, блиставшее въ реляціи

князя *Горчакова*, сдѣлалось для насъ любезнымъ. Я перескажу вамъ въ краткихъ словахъ наши тогдашнія ощущенія. Мы видѣли по ходу происшествій, по страшнымъ усиліямъ всей почти Европы, рѣшившейся взять Севастополь, во что̀ бы то ни стало, что нѣтъ человѣческихъ силъ держаться долѣе нашимъ героямъ, подъ губительнымъ огнемъ, кажется, всей западной артиллеріи; мы чувствовали, что Севастополь будетъ вскорѣ оставленъ, но, не смотря на это убѣжденіе, роковое извѣстіе отъ 27-го августа поразило насъ какъ внезапнымъ ударомъ. Севастопольскій громъ отозвался у всякаго въ сердцѣ. Вы не можете себѣ представить, что̀ мы всѣ перечувствовали въ краткій промежутокъ времени между первымъ и вторымъ телеграфическими извѣстіями. Многія женщины занемогли, совершенно разстроенныя. Что̀ сталось съ войскомъ? Куда оно отступило? Ну, если оно будетъ отрѣзано? Ну, если ему угрожаетъ плѣнъ! Простите эти опасенія нашего встревоженнаго невѣдѣнія! Только на другой день мы успокоились нѣсколько, узнавъ что войско, въ порядкѣ, заняло твердую позицію. Начались новыя, мучительныя опасенія; сколько же погибло на шести отраженныхъ приступахъ, на несчастомъ седьмомъ! Кто убитъ? Кто раненъ? И повѣрьте, что изъ трехъ сотъ человѣкъ, которыхъ вы видите въ этой залѣ, безъ сомнѣнія нѣтъ ни одного, который бы не спросилъ тогда нѣсколько разъ: а что̀ *Хрулевъ*? Такъ ли это было, мм. гг? Правду ли я говорю? Вотъ этотъ невольный вопросъ, вырвавшійся у каждаго изъ насъ, и лежитъ въ основаніи настоящаго праздника, который даемъ мы по обычаю предковъ, по преданіямъ гостепріимной Москвы, по правиламъ нашего дружескаго общества. Оборона Севастополя займетъ блистательную страницу въ Русской Исторіи. Одиннадцать слишкомъ мѣсяцевъ она содержала духъ всего русскаго народа на самой горней высотѣ человѣческихъ чувствованій; она сѣяла въ нашихъ душахъ, въ душахъ нашихъ дѣтей, такія благодатныя сѣмена, которыя дадутъ свой плодъ сторицею; она служила для всѣхъ васъ, ея участниковъ, животворною ба-

нею паки-бытія, освѣжая, обновляя, поднимая всѣ ваши нравственныя силы, возвышая духъ. Наконецъ, она заставляла самую враждебную Европу отдавать намъ должную честь, Европу, которая не предчувствуетъ, сколько добра, вмѣсто замышленнаго ею зла, Россія можетъ и должна извлечь и извлечетъ непремѣнно, милостію Русскаго Бога, внимая царскому гласу, изъ нашего грознаго и тяжкаго времени. Слѣдовательно, всѣ защитники Севастополя, начиная отъ князя *Меншикова*, который первый долженъ былъ принять на себя вражескіе удары и встрѣтить съ немногими полками всю ихъ несмѣтную силу, всѣ защитники Севастополя—до послѣдняго офицера, который, при отступленіи, зашелъ въ соборъ поклониться, какъ бы отъ лица всего войска, всего народа, священнымъ могиламъ *Лазарева*, *Корнилова*, *Нахимова* и *Истомина*—до послѣдняго матроса, который брелъ по сплоченному наскоро мосту «на Сѣверную», и со слезами, рыдая, оглядывался безпрестанно на пылавшій Севастополь—всѣ они намъ равно драгоцѣнны. Они сослужили славную службу отечеству, нашей матушкѣ святой Руси! Въ эту минуту, ты, храбрый, для насъ въ Москвѣ есть ихъ представитель. Жалѣемъ, что не видали *Тотлебена*. Прими радушный привѣтъ отъ насъ, присутствующихъ здѣсь московскихъ гражданъ, привѣтъ, который, безъ сомнѣнія, повторится всѣми отсутствующими, потому что Москва издревле любила, умѣла и старалась всегда воздавать Богови Божія, Кесареви Кесарева и всякому свое. Прими отъ насъ выраженіе нашей искренней благодарности за всѣ твои труды, за всѣ твои порывы, за пролитую кровь! Мы всѣ желаемъ мира, лишь бы онъ былъ честенъ и благороденъ, чтобъ намъ не стало стыдно ни предъ нашимъ Петромъ подъ Полтавою и при Прутѣ, ни предъ Екатериною, съ *Румянцовымъ*, *Потемкинымъ* и *Суворовымъ*, ни предъ Александромъ съ его славными сподвижниками 1812 года, ни предъ покойнымъ Государемъ, который ясно теперь видитъ, съ высоты, всѣ дѣла любезной ему Россіи, и который здѣсь свято охранялъ нашу честь,—чтобъ намъ не было стыдно предъ на-

шей Исторіей, предъ нашими отцами, отъ которыхъ мы получили священное наслѣдство, и предъ нашими дѣтьми, которымъ должны оставить его въ цѣлости и сохранности! И такъ, война можетъ продолжиться, если враги остановятся при первомъ своемъ намѣреніи насъ поразить и унизить. Ты явишься опять на полѣ сраженій. Храни жъ тебя, на многія лѣта, Богъ браней во всѣхъ твоихъ удалыхъ подвигахъ, для чести нашего оружія, нашихъ старыхъ знаменъ! За Богомъ молитва, за Царемъ служба, а за русскими людьми, прибавлю, добро не пропадаютъ! Мм. гг.! здоровье Степана Александровича *Хрулева*»!

Хотѣлось бы записать минуты всѣхъ впечатлѣній, которыя произвело это теплое слово. Помнимъ, какую электрическую силу имѣлъ вопросъ: «А что́ *Хрулевъ*?» Громкіе крики единодушнаго сочувствія и одобренія часто прерывали оратора; не одинъ раненый воинъ утиралъ слезу; ораторъ самъ останавливался иногда, глоталъ слезы, которыя слышались въ его голосѣ. Полнота души всего общества, возбужденная рѣчью, заключила се единодушнымъ привѣтомъ виновнику пира. Смиренный воинъ отвѣчалъ: «Михаилъ Петровичъ! Благодарю васъ за вашъ дорогой, патріотическій привѣтъ. Господа! Вниманіе ваше ко мнѣ есть блистательная для меня награда. Благодарю васъ за радушный пріемъ, который принимаю, какъ изъявленіе московской любви къ Царю и святой Россіи, за мою вѣрную солдатскую службу. За ваше здравіе».

Предъ окончаніемъ обѣда, пишущій эти строки, внезапно вызванный желаніемъ старшинъ клуба, заключить послѣднимъ привѣтомъ пиръ, сказалъ славному гостю эти слова: «Вы, храбрый генералъ, у насъ въ Москвѣ—и намъ видятся святыя стѣны Севастополя, и высоты Инкермана; предъ нами горитъ жертвенникъ любви къ отечеству; льется потоками кровь, которую вы проливали вмѣстѣ съ богатырями нашими; сіяютъ боевыя раны нашихъ славныхъ воиновъ!... Гдѣ же, если не въ Москвѣ, въ тепломъ сердцѣ нашей матушки Россіи, почувствовать сильно боль этихъ ранъ и привѣтствовать васъ горячимъ привѣтомъ

любви и благодарности?.... Извините меня, генералъ, сердце мое переполнено такими живыми чувствами, что я теперь скорѣе могъ бы плакать, нежели говорить». Послѣ обѣда нѣкоторыя лица, и особенно одинъ старый генералъ, по доброму расположенію своему къ пишущему, настаивали на томъ, чтобъ онъ договорилъ свое слово, считая конецъ его недоимкою. Онъ не можетъ вспомнить всѣхъ словъ, въ которыхъ вылилась тогда, въ отвѣтъ на этотъ добрый вызовъ, душа его, переполненная чувствомъ; но смыслъ ихъ былъ тотъ, что ему легче было бы вырвать сердце изъ тѣла, нежели вмѣстить въ слова тѣ чувства, которыя въ ту минуту его наполняли; что если бъ сто разъ потребовали отъ него теперь слова, онъ все-таки скажетъ одно, что отъ полноты души легче плакать, нежели говорить, а благоговѣніе свое къ славѣ героя онъ могъ бы выразить, развѣ только поцѣловавъ тѣ святыя раны, которыя онъ принялъ за Царя и отчизну. Радушный пріемъ московскаго общества удержалъ славнаго гостя въ залахъ клуба до половины одиннадцатаго часа. Бесѣда шла живо. Ему сладко было, вспоминая земляпки Севастополя, адскій огонь и грохотъ осады, отдыхать въ родной семьѣ друзей его славы, которые окружили его всѣмъ вниманіемъ любви и уваженія, и не могли довольно наслушаться. Старшины и члены клуба проводили гостя, повторяя въ умѣ и сердцѣ тѣ же самыя желанія, которыя выразилъ ему М. П. *Погодинъ* въ концѣ своей рѣчи: да возстановитъ онъ скорѣе свои силы на защиту отечества, да хранитъ его на многія лѣта Богъ браней во всѣхъ его удалыхъ подвигахъ, для чести нашего оружія, нашихъ старыхъ знаменъ!—18-е декабря останется навсегда прекраснымъ днемъ въ скромныхъ лѣтописяхъ московскаго англійскаго клуба (1).

С. Шевыревъ.

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1855 г. № 286. Рѣчь М. П. Погодина напечатана также и въ Москвитянинѣ 1855 г. № 23 и 24.

VIII.

Рѣчи, сказанныя на обѣдѣ, данномъ артиллеристами Степану Александровичу Хрулеву 8-го января 1856 г.

1) Рѣчь генералъ-адъютанта Безака.

«Позвольте, Степанъ Александровичъ, отъ лица всей артиллеріи, поздравить васъ съ славными подвигами, коими вы ознаменовали себя при оборонѣ Севастополя. Опытный въ дѣлахъ, вождь мужественный и прозорливый, князь Михаилъ Дмитріевичъ *Горчаковъ*, въ донесеніи своемъ Государю Императору, вамъ преимущественно приписалъ честь отбитія штурма 6-го іюня. Въ этотъ день совершился самый блистательный подвигъ всей безпримѣрной обороны Севастополя -и этотъ день принадлежитъ вамъ. Исторія военная внесла уже имя ваше въ свои скрижали на вѣки вѣковъ и тѣмъ сдѣлала участь вашу завидною для каждаго военнаго. Артиллерія русская должна гордиться, что изъ среды ея вышелъ генералъ, который покрылъ себя столь неувядаемою славою и доказалъ, что артиллерійскій генералъ вездѣ на мѣстѣ.—Выпьемте, господа, за здоровье доблестнаго героя Севастополя, Степана Александровича *Хрулева*!»

2) Рѣчь поручика Кремпина.

«Позвольте, ваше превосходительство, Степанъ Александровичъ, и мнѣ, одному изъ младшихъ чиновъ чествующей васъ артиллеріи, сказать нѣсколько словъ, чтобы возобновить сегодня въ вашей памяти то время, когда въ первый разъ стало извѣстно въ нашей артиллеріи, а потомъ и во всей Россіи, славное имя *Хрулева*.

«Война 1849 года въ Венгріи особенно достопамятна для насъ, артиллеристовъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что почти во всѣхъ случаяхъ этой войны артиллерія была главнымъ дѣйствователемъ, а во-вторыхъ потому, что изъ рядовъ артиллеріи вышелъ полковникъ *Хрулевъ*, который, находчивостію, присутствіемъ духа и

смѣлыми налетами, напомнилъ о дѣлахъ другаго артиллериста, *Фигнера*, и о прочихъ партизанахъ великой эпохи Императора Александра I.

«Помню, съ какимъ восторгомъ услышали мы, еще находясь передъ Карпатами, о томъ, что хотя войска наши не перешли ни въ одномъ пунктѣ границу Венгріи, но уже полковникъ конной артиллеріи сдѣлалъ удачный поискъ къ Бартфельду и возвратился къ своему мѣсту съ плѣнными и отбитыми провіантскими фурами. Главнокомандующій, его свѣтлость князь варшавскій, не смотря на свое запрещеніе переходить границу Венгріи, оцѣнилъ этотъ порывъ отваги и, предвидя въ Степанѣ Александровичѣ будущаго героя, прикомандировалъ его лично къ себѣ, чтобы, при первомъ случаѣ, дать смѣлому воину достойное его назначеніе. — Въ числѣ находящихся здѣсь артиллеристовъ, я одинъ изъ немногихъ, которые видѣли васъ, Степанъ Александровичъ, въ артиллерійскихъ дѣлахъ при Вайценѣ: тамъ въ оба дня, и 3-го и 5-го іюля, вы являлись на всѣхъ тѣхъ батареяхъ, гдѣ было наболѣе жарко (1), и мы, новички въ бою, выслушивали отъ васъ совѣты, исполненные хладнокровія и практическаго знанія боевой артиллерійской службы. Послѣ вайценскаго сраженія, вы, находясь съ летучимъ отрядомъ впереди нашего авангарда, наткнулись на всю венгерскую армію у Лозончи. Тутъ, присутствіемъ духа и смѣлою находчивостію, вы спасли отъ вѣрной гибели свой отрядъ, потому что онъ былъ почти окруженъ сильнымъ непріятелемъ, имѣвшимъ до пяти тысячъ кавалеріи. Этотъ подвигъ прославилъ васъ даже и въ рядахъ венгерской арміи, такъ что послѣ капитуляціи *Гергея*, когда намъ случалось говорить съ непріятельскими

(1) Полковникъ *Хрулевъ*, во время двухъ дневнаго сраженія при Вайценѣ, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакой отдѣльной части, а присутствовалъ на батареяхъ, какъ состоящій при главнокомандующемъ. Общее распоряженіе всею участвовавшею въ бою артиллеріею возложено было на генералъ-лейтенанта *Гербеля* и начальника 3-й артиллерійской дивизіи, генералъ-маіора *И. Ш. Миллера* (нынѣ генералъ-лейтенантъ и членъ государственнаго контроля).

офицерами, они выражались о васъ съ восторгомъ и непремѣнно хотѣли васъ видѣть.

«Свидѣтели вашихъ первыхъ ратныхъ подвиговъ, мы и вдали слѣдили за вами, съ гордою увѣренностью, что гдѣ генералъ *Хрулевъ*, тамъ и успѣхъ. — Акъ-Мечеть и дѣла съ турками на Дунаѣ еще болѣе утвердили это убѣжденіе вашихъ сослуживцевъ, а участіе въ славной оборонѣ Севастополя сдѣлало ваше имя, любезное для насъ, безсмертнымъ въ военной исторіи Россіи.

«Вамъ, Степанъ Александровичъ, за военныя заслуги выразили свою признательность три Императора: Николай I, Александръ II и Фридрихъ Іосифъ; во всѣхъ концахъ Россіи ваше имя произносится съ уваженіемъ и надеждою: послѣ этого будьте благосклонны къ одному изъ своихъ младшихъ ратныхъ сослуживцевъ, который рѣшился напомнить вамъ сегодня ваше начальное славное поприще, въ той увѣренности, что если человѣку сладко вспомнить о своихъ первыхъ дняхъ молодости, то тѣмъ болѣе ему пріятно обновить въ мысляхъ періодъ жизни, когда онъ могъ уже сознавать самъ и убѣдить другихъ, что имѣетъ много воинскихъ достоинствъ для службы своему отечеству на полѣ чести (1)».

IX.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

(некрологъ) (2).

22-го мая (1870) въ два часа по-полуночи, скончался генералъ-лейтенантъ Степанъ Александровичъ *Хрулевъ*. Смерть внезапно похитила человѣка, неоднократно презиравшаго

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1856 г. № 42. См. тоже „Артиллер. Журналъ“ 1856 г. № 1.

(2) „Русскій Инвалидъ“ 1870 г. № 115. Статья эта перепечатана также въ «Иллюстраціи» 1870 г. № 77, «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1870 г. № 58, въ «Народной школѣ» 1870 .. № 7, и въ «Кіевлянинѣ» 1870 г. № 66.

се на полѣ бранѝомъ и вышедшаго почти невредимымъ изъ грозныхъ огней Севастополя: Степанъ Александровичъ скончался скоропостижно.

Въ теченіе 44-хъ лѣтъ всей службы *Хрулева*, съ 18 6 года, онъ участвовалъ въ польской кампаніи 1831 года, въ венгерской кампаніи 1849 года, въ экспедиціи противъ кокандцевъ въ 1853 году, въ войнѣ на Дунаѣ и въ крымской кампаніи 1854—56 годовъ, причемъ принималъ славное участіе въ оборонѣ Севастополя; затѣмъ, командовалъ дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ. Одно исчисленіе кампаній, въ которыхъ участвовалъ Степанъ Александровичъ, уже указываетъ, какъ обширна была его боевая дѣятельность. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ боевымъ дѣятелемъ, имя котораго, отмѣченное многими блистательными боевыми подвигами, сдѣлалось извѣстнымъ не только въ арміи, но и во всей Россіи.

Мы не можемъ касаться здѣсь подробной оцѣнки боевой дѣятельности *Хрулева*, но, приступая къ перечисленію наиболѣе выдающихся его боевыхъ отличій, должны замѣтить: что если *Хрулевъ* и не былъ полководцемъ въ высшемъ значеніи этого слова, за то онъ отлично зналъ духъ нашего солдата и умѣлъ водить войска въ бой, какъ это блистательно доказано имъ при отбитіи штурма 6-го іюня.

Обратимся теперь къ исчисленію наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ служебной и боевой дѣятельности С. А. *Хрулева*.

Степанъ Александровичъ *Хрулевъ* родился въ 1807 году, и происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи. По окончаніи воспитанія въ Тульскомъ Александровскомъ училищѣ, въ 1826 году, *Хрулевъ* былъ произведенъ въ прапорщики конной артиллеріи въ конно-легкую № 25 роту.

Польская кампанія 1831 года впервые вызвала молодаго *Хрулева* на боевое поприще. Состоя въ войскахъ отряда генералъ-лейтенанта барона *Крейца*, прапорщикъ *Хрулевъ* участвовалъ въ дѣлахъ этого отряда, а съ 23-го августа находился въ составѣ войскъ 6-го корпуса, преслѣдовавшихъ корпусъ *Ромарино* до австрійской границы. За ока-

занныя въ сраженіяхъ отличія, *Хрулевъ* произведенъ въ подпоручики и награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени, съ надписью: «за храбрость», орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и польскимъ знакомъ отличія за военныя достоинства 4-й степени. Замѣтимъ, что орденъ св. Владиміра 4 й степени съ бантомъ, пожалованный молодому офицеру, былъ наградою блестящаго артиллерійскаго подвига, который впервые указалъ на *Хрулева*, какъ на необыкновенно храбраго и находчиваго офицера.

Въ 1835 году, поручикъ *Хрулевъ* былъ прикомандированъ къ образцовой конной батареѣ, а въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, оказанное при введеніи картечныхъ гранатъ въ нашей артиллеріи, переведенъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію. Здѣсь сначала онъ занималъ должность казначея, а потомъ исполнялъ строевыя обязанности. Въ 1844 г. Степанъ Александровичъ произведенъ въ полковники, съ состояніемъ по полевой конной артиллеріи и съ прикомандированіемъ къ образцовой конной батареѣ. Въ концѣ того же года, полковникъ *Хрулевъ* назначенъ командиромъ конно-легкой № 26 батареи, а въ слѣдующемъ — командиромъ 4-й конно-легкой артиллерійской бригады и легкой № 27 й батареи.

Во время венгерской кампаніи 1849 года, полковникъ *Хрулевъ* является уже весьма замѣтнымъ дѣятелемъ. Перейдя границу въ составѣ авангарда 4-го пѣхотнаго корпуса, онъ былъ назначенъ начальникомъ передовыхъ отрядовъ авангарда арміи, и, вслѣдъ затѣмъ, произвелъ нѣсколько удачныхъ рекогносцировокъ, и участвовалъ во многихъ стычкахъ съ передовыми войсками инсуррекціонной арміи, а также въ авангардныхъ дѣлахъ. Затѣмъ, длинный рядъ партизанскихъ дѣйствій, въ которыхъ онъ участвовалъ съ особымъ, ввѣреннымъ ему отрядомъ, доставили полковнику *Хрулеву* громкое имя смѣлаго и неутомимаго, находчиваго партизана. Приводимъ одинъ изъ примѣровъ находчивости *Хрулева*. Послѣ сраженія подъ Вайценомъ, полковникъ *Хрулевъ* былъ посланъ съ партизанскимъ отрядомъ для преслѣдованія разстроеннаго аріергарда венгерской арміи. Слѣдуя настойчиво по пятамъ непріятеля,

съ отрядомъ, состоящимъ изъ сотни казаковъ, двухъ эскадроновъ кавалеріи и двухъ орудій, *Хрулевъ* наткнулся на сильный непріятельскій корпусъ, и, что называется, врѣзался въ расположеніе непріятельскихъ силъ. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, *Хрулевъ* прибѣгнулъ къ хитрости, и тотчасъ же отправилъ къ *Наш-Шандору* парламентеровъ, будто бы отъ имени фельдмаршала, съ предложеніемъ сложить оружіе и разойтись по домамъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, немедленною атакою всею русскою арміею. Парламентеры были препровождены въ главную квартиру главнокомандующаго венгерскою арміею, *Гергея*, который, послѣ объясненій съ ними, написалъ письмо къ фельдмаршалу, прося дать ему 48 часовъ времени для того, чтобы спросить инсуррекціонныя войска о согласіи сложить оружіе, на предложенныхъ условіяхъ. Вскорѣ, всѣ эти переговоры оказались лишь «военною хитростію» начальника партизанскаго отряда, выжидавшаго сближеніе своего отряда съ передовымъ войскомъ главной арміи.

При дальнѣйшемъ преслѣдованіи венгерцевъ, *Хрулевъ* участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ венгерскою кавалеріею, открылъ сообщенія съ австрійской арміей, и затѣмъ, уже 5-го августа, послѣ сдачи крѣпости Арада, присоединился въ Гроссъ-Вардейнѣ къ главной арміи.

За оказанныя отличія, обнаруженныя въ смѣлыхъ партизанскихъ дѣйствіяхъ, полковникъ *Хрулевъ* былъ награжденъ золотою саблею, съ надписью: «за храбрость», а 1-го сентября 1849 года, произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, съ оставленіемъ командиромъ 4 й конно-артиллерійской бригады.

Затѣмъ, въ 1851 году, генералъ-маіоръ *Хрулевъ* сначала былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й легкой кавалерійской дивизіи, а вскорѣ — 1-й бригады 1-й драгунской дивизіи. Во время командованія этою бригадою, генералъ-маіоръ *Хрулевъ* удостоился получить Монаршее благоволеніе и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 й степени.

Въ 1853 году, Степанъ Александровичъ является на

новомъ театрѣ военныхъ дѣйствій—въ Средней Азіи. Назначенный въ распоряженіе командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, Степанъ Александровичъ, по прибытіи къ мѣсту назначенія, вскорѣ принялъ участіе въ экспедиціи, предпринятой подъ начальствомъ генералъ-адъютанта *Перовскаго*, чрезъ Киргизскую степь и р. Сыръ-Дарью, противъ кокандцевъ. Во время этого похода генералъ-маіоръ *Хрулевъ* командовалъ артиллеріею отряда, а при послѣдовавшей затѣмъ осадѣ кр. Акъ-мечети (нынѣ фортъ Перовскій), управлялъ осадными работами, и начальствовалъ штурмовыми колоннами при взятіи крѣпости. За оказанныя отличія, въ томъ же 1853 году, августа 24-го, Степанъ Александровичъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта.

Война 1853—56 годовъ увѣнчала боевую репутацію Степана Александровича: имя *Хрулева* прогремѣло во всей Россіи, какъ имя одного изъ храбрѣйшихъ и доблестнѣйшихъ участниковъ славной обороны славнаго Севастополя.

По открытіи военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, въ концѣ 1853 года, генералъ-лейтевантъ *Хрулевъ* былъ назначенъ въ распоряженіе командующаго 3 мъ, 4 мъ и 5-мъ пѣхотными корпусами, генералъ-адъютанта князя *Горчакова*. Вскорѣ по прибытіи на Дунай, Степанъ Александровичъ принялъ живое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ это время, на лѣвомъ берегу Дуная, начали воздвигать батарею, для дѣйствія противъ непріятельскихъ рѣчныхъ судовъ и укрѣпленій праваго берега. Генералу *Хрулеву*, послѣ дѣйствій его противъ непріятельскихъ судовъ у Систова и Никополя, было поручено отправиться въ Каларашъ и возвести батареи противъ Силистріи, лежащей на противоположномъ берегу Дуная. По прибытіи генерала *Хрулева* къ расположенному тамъ отряду, было тотчасъ же приступлено къ возведенію береговыхъ батарей. Турки рѣшились воспрепятствовать работамъ, и 20-го февраля 1854 года произвели вылазку на лѣвый берегъ Дуная, въ составѣ до 6,000 человѣкъ. Генералъ *Хрулевъ*, собравъ каларашскій отрядъ, состоявшій изъ одного пѣхотнаго полка, двухъ эскадроновъ кавалеріи, двухъ сотенъ казаковъ и кон-

ной и пѣшей батарей, двинулся съ нимъ противъ непріятеля, уже оттѣснившаго нашу передовую цѣпь и приступившаго къ срытію начатыхъ нами сооруженій. Предоставивъ общее управленіе центромъ и лѣвымъ флангомъ генералъ-маіору *Богушевскому*, генералъ *Хрулевъ*, съ двумя эскадронами уланъ, казаками и съ конною батареею, быстро двинулся противъ непріятеля. Турки праваго берега, обнаруживъ движеніе отряда *Хрулева*, открыли противъ него сильный огонь. Но это не остановило героя: осыпавъ непріятеля картечью, *Хрулевъ* двинулся впередъ. Турецкія войска бросились къ Дунаю. Часть ихъ, не успѣвшая сѣсть на суда, въ числѣ до 500 человѣкъ, столпилась на берегу Дуная. Генералъ *Хрулевъ*, спѣшивъ улановъ, казаковъ и артиллеристовъ, повелъ ихъ противъ турокъ, изъ которыхъ лишь немногіе успѣли спастись (1).

Вскорѣ затѣмъ, загремѣли выстрѣлы съ батарей, устроенныхъ генераломъ *Хрулевымъ* при Ольтеницкомъ карантинѣ, противъ Туртукая и острововъ, занятыхъ турецкими войсками.

Съ 24-го марта по 5-е мая, Степанъ Александровичъ состоялъ при генералъ-адъютантѣ *Шильдерѣ*, и завѣдывалъ подготовительными работами къ осадѣ кр. Силистріи, а также наблюдалъ за постройкою моста чрезъ главный рукавъ рѣки Дуная, ниже этой крѣпости. Затѣмъ, въ званіи начальника авангарда арміи, генералъ *Хрулевъ* принималъ дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ подъ крѣп. Силистріею, а при снятіи осады крѣпости, командовалъ аріергардомъ арміи. Послѣ того, Степанъ Александровичъ принималъ живое участіе въ жаркомъ дѣлѣ подъ кр. Журжею, на островѣ Родоманѣ, гдѣ былъ раненъ пулею въ правое плечо на вылетъ.

За оказанныя отличія во время военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, Степанъ Александровичъ награжденъ орденами: св. Станислава 1-й степени и св. Анны 1-й степени съ меча-

---

(1) См. «Воспоминаніе о войнѣ на Дунаѣ», Отставнаго, «Военный Сборникъ» 1860 г., № 8, стр. 415.

ми и саблею, украшенною брилліантами, съ надписью: «за храбрость».

Приказомъ главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, отъ 15-го декабря 1854 года генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* назначенъ состоять въ его распоряженіи.

Въ первые мѣсяцы пребыванія въ Крыму, Степанъ Александровичъ участвовалъ въ дѣлѣ при д. Чоргунѣ и въ дѣйствіяхъ подъ Эупаторіею, а также предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, назначенномъ для введенія новыхъ пуль въ дѣйствующей арміи. Съ начала марта 1855 года начинается блестящая боевая дѣятельность *Хрулева* въ стѣнахъ Севастополя. Приказомъ главнокомандующаго, 4-го марта, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, «по случаю усиленныхъ дѣйствій союзниковъ противъ лѣваго фланга севастопольской оборонительной линіи, назначенъ начальникомъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантомъ Корабельной стороны». Отбитіе нападенія непріятеля на Камчатскій редутъ, 5-го марта, бой впереди Камчатскаго редута 10-го марта, нѣсколько вылазокъ съ нашей стороны и отраженіе непріятельскихъ нападеній — вотъ наиболѣе выдающіеся факты этого періода времени, ознаменовавшагося, кромѣ того, жестокимъ бомбардированіемъ Севастополя съ 26-го марта по 6-е апрѣля.

5-го мая, Степанъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ 1-го и 2-го отдѣленій оборонительной линіи, гдѣ находился до 21-го мая, участвуя въ нѣсколькихъ горячихъ дѣлахъ съ союзниками. 21-го же мая, по случаю усиленія непріятельскихъ работъ, назначенъ командовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и приморскими батареями.

Приказомъ, 26-го мая, генералъ *Хрулевъ* вторично назначенъ начальникомъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи. Едва онъ принялъ въ свое командованіе эту часть линіи, какъ было произведено нападеніе непріятеля въ большихъ силахъ на передовую линію траншей и на передовые редуты. Предварительное, усиленное бомбардированіе сильно разстроило наши укрѣпленія, артиллерія которыхъ была демонтирована, а гарнизонъ значительно

ослабленъ. Французы, бросившись въ большихъ силахъ на редуты, захватили ихъ. По взятіи Камчатки, часть французовъ кинулась было на Малаховъ курганъ, но была съ большимъ урономъ прогнана. Въ слѣдъ затѣмъ, наши войска, предводимыя генераломъ *Хрулевымъ* и адмираломъ *Нахимовымъ*, отбили Камчатку назадъ, но свѣжія французскія подкрѣпленія снова овладѣли редутомъ и утвердились въ немъ.

День, 25-го мая, былъ весьма серьезнымъ въ исторіи осады Севастополя. Овладѣніе редутами ободрило французовъ и облегчило имъ дальнѣйшія дѣйствія. Послѣ усиленнаго бомбардированія Севастополя 5-го іюня, на слѣдующій день, *Пелисье* рѣшился снова штурмовать лѣвый флангъ оборонительной линіи. Штурмъ 6-го іюня былъ блистательно отбитъ нашими войсками. Героемъ этого славнаго дня былъ *Хрулевъ*, память о которомъ будетъ вѣчно связана съ днемъ 6-го іюня 1855 года. Особенно блистателенъ въ его дѣятельности былъ тотъ моментъ, когда французы, овладѣвъ батареею Жерве, прорвались до ската Малахова кургана и засѣли въ находящихся здѣсь домахъ; прибывъ на этотъ пунктъ и схвативъ возвращавшуюся съ работъ 5-ю мушкатерскую роту Сѣвскаго полка (138 чел.) съ словами: «Благодѣтели мои, за мною»! *Хрулевъ* бросился на непріятеля, который, послѣ отчаянной защиты, былъ выбитъ.

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ обороны южной стороны Севастополя, Степанъ Александровичъ участвовалъ въ безпрерывныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ. Появленіе Степана Александровича на его классическомъ, бѣломъ конѣ электризовало войска, внушало имъ болѣе энергіи, оживляло ихъ истощенныя силы.

Общій штурмъ 27-го августа, произведенный соединенными силами союзниковъ, послѣ 4-хъ дневнаго бомбардированія, заключился взятіемъ Малахова кургана. Генералъ *Хрулевъ* употребилъ всѣ усилія выбить французовъ съ Корниловскаго бастіона—но безуспѣшно: блистательное мужество ослабленныхъ боемъ солдатъ не могло преодолѣть

постоянно свѣжихъ силъ французовъ; самъ *Хрулевъ* былъ при этомъ раненъ штуцерною пулею въ большой палецъ лѣвой руки, съ раздробленіемъ кости.

За блистательные боевые подвиги, совершенные при защитѣ Севастополя, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* былъ награжденъ: орденомъ св. Георгія 3-й степени, орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами и арендою въ 1,500 р. на 12 лѣтъ.

Въ 1856 году, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* былъ назначенъ состоять въ распоряженіи главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, для командованія дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ; этимъ корпусомъ онъ командовалъ съ 15-го марта 1856 года по сентябрь того же года, когда генералъ *Хрулевъ*, по случаю роспуска ввѣреннаго его командованію корпуса, былъ вызванъ въ Петербургъ и награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Послѣ передачи турецкому правительству взятой нами крѣпости Карса и Карскаго пашалыка, *Хрулевъ* получилъ отъ султана орденъ Меджидіе 1-й степени.

Въ 1861 году, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* назначенъ командующимъ 2-мъ армейскимъ корпусомъ, а въ слѣдующемъ, 1862 году, награжденъ орденомъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, и вскорѣ затѣмъ, по случаю упраздненія корпусовъ, былъ зачисленъ по полевой конной артиллеріи.

Перечисливъ славные боевые подвиги генералъ-лейтенанта *Хрулева*, мы должны еще прибавить, что Степанъ Александровичъ отличался истинно добрымъ сердцемъ. Его любовь къ солдатамъ, горячая заботливость о нихъ, постоянное вниманіе къ ихъ нуждамъ были всѣмъ извѣстны и пріобрѣли всеобщую къ нему любовь и довѣріе солдатъ, которые его обыкновенно и называли: «нашъ старатель»; повторяемъ, Степанъ Александровичъ не имѣлъ всѣхъ качествъ вождя арміи, но у него былъ здравый взглядъ на военное дѣло и боевую подготовку войскъ; онъ умѣлъ владѣть душою солдата и водить его въ бой.

А Лавр—ъ.

Вчера, 26-го мая, происходило отпѣваніе тѣла покойнаго въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа Великаго Князя Николая Николаевича старшаго, боевыхъ товарищей усопшаго, находящихся теперь въ Петербургѣ, родныхъ его и знакомыхъ. Во время заупокойной литургіи, въ память покойнаго, было произнесено надгробное слово о. *Палисадовымъ*.

Затѣмъ прахъ, сопровождаемый войсками (1), былъ перевезенъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, гдѣ была отдана ему послѣдняя военная почесть.

Когда гробъ уже былъ поставленъ въ вагонъ и присутствовавшіе родные и знакомые вошли, чтобы еще разъ поклониться праху усопшаго героя, генералъ-маіоръ *Чернявъ* сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ о боевой дѣятельности покойнаго; другой участникъ въ защитѣ Севастополя, г. *Алабинъ*, положилъ на гробъ лавровый вѣнокъ; затѣмъ, гг. *Куртинъ*, бывшій секретарь сѣверо-американскаго посольства, и *Ральстонъ*, директоръ британскаго музея, сказали нѣсколько словъ въ память безпримѣрной въ исторіи обороны Севастополя и въ похвалу усопшему.

X.

Похороны С. А. Хрулева въ Севастополѣ.

Севастополь, 21-го іюля. 27-го числа прибыло на па-

(1) Войска: баталіонъ 147-го пѣхотнаго Самарскаго полка и приведенная, по распоряженію Его Высочества главнокомандующаго, изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ, 4-я батарея лейбъ-гвардіи конной артилеріи, сопровождали гробъ отъ собора до желѣзной дороги.

роходѣ изъ Таганрога тѣло генерала *Хрулева*, и съ военными почестями встрѣчено и перенесено въ адмиралтейскій соборъ, гдѣ стояло 28-го и 29-го числа. Въ 4 часа пополудни, 29-го числа, при собраніи войскъ и многочисленнаго общества, совершена Евгеніемъ, архимандритомъ херсонійскимъ, соборнѣ, въ соборѣ большая панихида, послѣ чего гробъ былъ поднятъ генералами и штабъ-офицерами, и въ процессіи отнесенъ на Графскую пристань. Здѣсь его поставили на катеръ подъ балдахинъ, и, въ сопровожденіи военныхъ катеровъ и цѣлой флотиліи частныхъ шлюбокъ, при пушечной пальбѣ съ военнаго судна, процессія поплыла на инженерную пристань сѣверной стороны, гдѣ была встрѣчена войсками и артиллеріею. По снятіи гроба съ катера, шествіе направилось на военное кладбище къ храму св. Николая, на могилахъ убіенныхъ. На кладбищѣ была совершена заупокойная литія, и при опущеніи гроба въ могилу произнесена была о. архимандритомъ рѣчь. При этомъ, артиллерія производила пальбу. При похоронахъ присутствовалъ, сопровождавшій тѣло, сынъ покойнаго генерала *Хрулева*, служащій въ лейбъ-уланскомъ Его Величества полку. По отданіи военныхъ почестей, всѣ участвовавшіе въ ней отплыли въ городъ. Гробъ съ сѣверной стороны былъ вывезенъ на погребальной колесницѣ подъ балдахиномъ.

Вотъ рѣчь, которую произнесъ, при опущеніи въ могилу тѣла генерала *Хрулева* на военномъ кладбищѣ въ Севастополѣ, благочинный монастырей таврической епархіи, херсонійскій архимандритъ Евгеній, 29-го іюля:

«Пораздайтесь холмы погребальные, посмежите хребты свои. Потѣснитесь и вы, *благодѣтели*-ратники,— вотъ *старатель* вашъ боевой пришелъ доказать вамъ любовь свою воинскую; дабы видѣли всѣ, что и въ славныхъ бояхъ, и въ могильныхъ рядахъ не отсталъ онъ отъ васъ. Рука объ руку вы ходили за нимъ собирать вѣнцы бранные; богатырскою грудью своею, по зову его, заслоняли вы каждый стягъ родной русской земли. И теперь, много лѣтъ спустя послѣ кровавой борьбы, бьетъ снова тревогу труба при

гробъ *Хрулева*. Сомкните же тѣсные ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя севастопольской битвы окружите дружнѣе въ семейной вашей могилѣ.

«Честные наслѣдники доблестной славы героевъ, живые защитники чести Россіи, благодѣтели-воины! Соберитесь и вы вокругъ этого гроба и вздохните надъ прахомъ *Хрулева*, которымъ гордится вся русская армія и отечество наше. Заунывную пѣснь разольютъ сейчасъ ваши трубы военныя и застонетъ земля отъ грома орудій и приметъ въ нѣдра свои останки того, чье имя извѣстно народамъ, которые умѣютъ гордиться славой и честью оружія. Не умретъ въ памяти нашей имя генерала *Хрулева—человѣка сердечнаго*, и не закроется великая книга исторіи: вѣка и потомство будутъ дивиться этимъ чудесамъ храбрости и этимъ спискамъ многочисленныхъ земляковъ его.

«Почивайте же съ миромъ, защитники Севастополя, до послѣдней трубы Архангела. Святая церковь, какъ матерь чадолюбивая, день и ночь молится о васъ, дабы сподобилъ всѣхъ васъ Господь вѣнцовъ небесныхъ. Возлюбленный августѣйшій нашъ Царь и все государство украшаетъ великую усыпальницу вашу достойнымъ памятникомъ: изъ рода въ родъ передаваться будутъ имена ваши славныя, и нѣтъ ни одного сына отечества по всему лицу земли русской, который бы не сказалъ вамъ вѣчную память. Да утѣшается духъ вашъ при видѣ того, что все воинство всероссійское идетъ и пойдетъ по торнымъ вашимъ путямъ; какъ одинъ человѣкъ станетъ грудью за Церковь и Вѣру, за Царя и Россію, и если затронетъ чья-либо гордость народную честь, то не успокоится мечъ въ ножнахъ своихъ, доколѣ хотя одинъ врагъ попирать будетъ русскую землю дерзкою стопою своею.

«Живой примѣръ показали вы на землѣ Севастополя, упоивъ ее кровію своею. Живая кровь и теперь кипитъ въ сердцахъ вашихъ товарищей по оружію, и дрогнутъ воинства чужеземныя, вспомнивъ рать севастопольскую.

«Осѣнимъ же, братіе, всѣ мы себя крестнымъ знаменіемъ, поклонимся снова гробницамъ этихъ великихъ му-

жей. и изыдемъ отсюда, повторивъ громогласно обычный нашъ кличъ: готовы мы всѣ до единаго и жить, и всегда умереть за Вѣру, Царя и Отчизну (1)».

Эта рѣчь архимандрита Евгенія, сказано въ «Русскомъ Инвалидѣ», прочтенная генералъ-лейтенантомъ *Меньковымъ* на севастопольскомъ обѣдѣ, 20-го февраля 1871 года, была прочтена съ такою теплотою чувства, съ такою силою душевнаго волненія, что насъ, людей далеко не нервныхъ, заставило нѣсколько разъ вздрагивать. — и не одну слезу подмѣтили мы, во время этого чтенія, на рѣсницахъ доблестныхъ ветерановъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ безъ страха, скорби и упрека, изо дня въ день, въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ, смѣло смотрѣвшихъ въ лицо смерти.

Единодушнымъ рѣшеніемъ севастопольцевъ было постановлено: надъ могилою севастопольскаго героя Степана Александровича *Хрулева* соорудить надгробный памятникъ на посильныя приношенія русской военной семьи. Въ концѣ обѣда, цифра приношеній отъ лицъ, присутствовавшихъ на обѣдѣ, достигла 815 руб. и, съ соизволенія Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, опредѣлено, чтобы деньги, поступающія на этотъ предметъ, принимались въ редакціи «Русскаго Инвалида».

Есть минуты въ жизни человѣка, которыя проходятъ какъ бы незамѣтно, не измѣняя обычныхъ ея проявленій, не выбрасывая изъ колеи, не надрывая грудь, но которыя, потрясая внутренно, глубоко западаютъ въ душу, и остаются памятными на вѣки. Къ числу такихъ минутъ нельзя не отнести пережитую нами вчера, при видѣ того общаго сочувствія, съ какимъ севастопольцы отнеслись къ памяти героя, къ боевымъ его заслугамъ;— того благоговѣйнаго уваженія, которое сказалось искренно не на словахъ—а на дѣлѣ. Уже послѣ обѣда намъ удалось подслу-

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1870 г. № 175.

шать экспромтомъ сказанное четверостишіе, обращенное къ памяти незабвеннаго *Хрулева*, написанное подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго.— Позволяемъ себѣ привести здѣсь этотъ экспромтъ:

«Кто *благодѣтелей* съ собою —
«Къ побѣдамъ доблестно водилъ,
«И тотъ, съ завѣтною мечтою
«Средь *благодѣтелей* почилъ!» (1)

(1) «Русскій Инвалидъ» 1871 г., № 42.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЬ ИСТОМИНЪ

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ИСТОМИНЪ(*).

I.

Происходя изъ дворянъ Эстляндской губерніи, Владиміръ Ивановичъ воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда и поступилъ 11-го марта 1823 года. Въ слѣдующемъ году, 31-го мая, онъ произведенъ уже въ гардемарины.

Будучи однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ корпуса, отличаясь отъ другихъ товарищей своими способностями и успѣхами, гардемаринъ *Истоминъ* былъ назначенъ на корабль «Азовъ» и поступилъ подъ начальство капитана 1-го ранга, а въ послѣдствіи знаменитаго адмирала М. П. *Лазарева*. Михаилъ Петровичъ группировалъ вокругъ себя лучшихъ молодыхъ людей, умѣлъ выбирать ихъ, слѣдилъ за ними упорно и настойчиво и, своею неутомимою дѣятельностію на этомъ пути, приготовилъ лучшихъ дѣятелей не только черноморскаго, но и всего русскаго флота. Въ числѣ вполнѣ достойныхъ учениковъ М. П. *Лазарева* былъ и *Истоминъ*.

Находясь на кораблѣ «Азовъ» и состоя въ званіи гардемарина, Владиміръ Ивановичъ поступилъ въ составъ эскадры вице-адмирала графа *Гейдена* и принялъ участіе

(*) Печатая краткій біографическій очеркъ *Владиміра Ивановича Истомина*, мы должны сознаться, что, за недостаткомъ матеріаловъ, онъ далеко не соотвѣтствуетъ кипучей и полезной дѣятельности доблестнаго контръ-адмирала. Мы соединили въ одно цѣлое всѣ свѣдѣнія, которыя находятся въ архивѣ морскаго министерства, и если свѣдѣнія эти скудны—въ томъ вина не наша.

въ наваринскомъ сраженіи, за отличіе въ которомъ получилъ первый офицерскій чинъ и знакъ отличія военнаго ордена Св. Георгія. Произведенный 8-го октября 1827 года въ мичманы, *Истоминъ* имѣлъ тогда отъ роду восемнадцать лѣтъ и былъ назначенъ въ 12-й флотскій экипажъ. Слѣдующіе за тѣмъ два года мичманъ *Истоминъ*, оставаясь на томъ же кораблѣ «Азовъ», сначала подъ командою капитана 1-го ранга *Лазарева*, а потомъ капитана 2-го ранга *Хрущева*, находился въ эскадрѣ вице-адмирала графа *Гейдена* въ Средиземномъ морѣ у блокады Дарданелль и Константинополя.

По окончаніи турецкой войны, въ награду за отличноусердную службу, *Истоминъ* награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

Въ 1832 году мичманъ *Истоминъ* переведенъ на корабль «Память Азова», а въ слѣдующемъ году произведенъ по экзамену въ лейтенанты и вскорѣ зачисленъ въ 32-й флотскій экипажъ. Въ 1837 году онъ былъ уже командиромъ парохода «Сѣверная Звѣзда», на которомъ и былъ удостоенъ особеннаго вниманія Ихъ Величествъ. Въ память пребыванія Государя Императора и Государыни Императрицы на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда», во время путешествія ихъ по южному берегу Крыма и къ кавказскимъ берегамъ, Владиміръ Ивановичъ получилъ въ подарокъ два брилліантовыхъ перстня и годовой окладъ жалованья.

Въ 1838 году *Истоминъ* былъ назначенъ командиромъ шкуны «Ласточка», а въ 1840 году произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Два года спустя, онъ получилъ въ командованіе корветъ «Андромаха», а въ 1843 году назначенъ командиромъ фрегата «Кагулъ».

Когда кавказскому намѣстнику генералъ-адъютанту князю *Воронцову* понадобился флотскій офицеръ, то *Истоминъ*, какъ лучшій и опытный, былъ назначенъ въ 1845 году состоять при князѣ *Воронцовѣ*. Въ этой должности Владиміръ Ивановичъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, 18-го мая 1847 года при выступленіи отряда къ Чираху, съ 1-го по 6-е іюля, при занятіи гер-

гебильскихъ садовъ и штурмѣ самого Гергебиля, съ 20-го по 25-е іюля, находился въ отрядѣ, расположенномъ на Турчидагѣ, а 26-го іюля прибылъ къ укрѣпленному селенію Салты, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ истребленіи этого аула. Отсюда отрядъ двинулся къ Цудахару и 10-го октября былъ распущенъ на зимнія квартиры.

За отличіе и храбрость, оказанныя при овладѣніи укрѣпленнымъ мѣстечкомъ Салты, Владиміръ Ивановичъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а черезъ два года (въ 1849 году) за отличіе по службѣ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ 1850 г. онъ назначенъ командиромъ 35-го флотскаго экипажа и корабля «Парижъ». На этомъ послѣднемъ кораблѣ, въ званіи командира его, Владиміръ Ивановичъ участвовалъ въ знаменитомъ синопскомъ сраженіи. Дѣятельность и распорядительность его въ этомъ сраженіи достаточно извѣстны читателямъ изъ описанія сраженія, помѣщеннаго въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи крымской войны». Съ своей стороны, мы прибавимъ только, что за отличіе при Синопѣ Владиміръ Ивановичъ, 28-го ноября 1853 года, произведенъ въ контръ-адмиралы.

Высадка союзниковъ въ Крымъ и послѣдовавшая за тѣмъ осада Севастополя вызвали *Истомина* къ новой дѣятельности на сухомъ пути, и кому неизвѣстно было въ Севастополѣ имя Владиміра Ивановича *Истомина!* Командуя четвертою оборонительною дистанціею, не зная ни сна, ни отдыха, *Истоминъ* день и ночь служилъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Вотъ что писалъ Государю Императору главнокомандующій князь *Меншиковъ*, 12-го ноября 1854 года, о трехъ дѣятеляхъ славной обороны города Севастополя.

«Вице-адмиралъ *Новосильскій* и контръ-адмиралы *Панфиловъ* и *Истоминъ*, съ самаго начала бомбардированія города Севастополя, по настоящее время командуя — первый 2-ю, второй 3-ю, а послѣдній 4-ю оборонительными дистанціями—постоянно служатъ примѣромъ храбрости и самоотверженія своимъ подчиненнымъ и, благоразумными

распоряженіями, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, уничтожаютъ различныя предпріятія враговъ.

«Послѣднее время, какъ извѣстно, В. И. В. изъ всеподданнѣйшихъ донесеній моихъ весь огонь французскихъ батарей устремленъ на бастіонъ № 4, откуда вице-адмиралъ *Новосильскій*, не взирая на полученную имъ контузію, не сходитъ въ продолженіе уже 34 дней, и, благоразумными и дѣятельными распоряженіями его, сильныя разрушенія батарей въ теченіе дня ночью исправляются съ изумительною поспѣшностію и снова выдерживаютъ молодецки бой; то же самое испытываютъ во все время бомбардированія отъ англійскихъ батарей дистанціи контръ-адмираловъ *Панфилова* и *Истомина* и съ тою же стойкостію и молодечествомъ отстаиваются».

По полученіи этого донесенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ пожаловать: вице-адмиралу *Новосильскому* орденъ Св. Владиміра 1-й степени, а контръ-адмираламъ *Панфилову* и *Истомину* ордена Св. Георгія 3-й степени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Высочество генералъ-адмиралъ писалъ *Истомину* отъ 25-го ноября 1854 года.

Владиміръ Ивановичъ! адъютантъ мой капитанъ-лейтенантъ *Юшковъ* вручитъ вамъ Всемилостивѣйшіе пожалованные вамъ знаки ордена Св. Георгія 3-й степени. Искренно поздравляю васъ съ сею наградою, которой вмѣстѣ со мною радуются всѣ балтійскіе товарищи ваши. Мы всѣ съ уваженіемъ слѣдимъ за вашими дѣйствіями на защиту Севастополя, исторія котораго украшается теперь вашими подвигами.

Пребываю къ вамъ искренно доброжелательнымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

КОНСТАНТИНЪ.

Принимая столь дѣятельное участіе въ оборонѣ Севастополя и появляясь первымъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, Владиміръ Ивановичъ, въ теченіе шести слишкомъ

мѣсяцевъ, счастливо отдѣлывался раною и контузіею, но 7-го марта, при возвращеніи съ Камчатскаго редута на Корниловскій бастіонъ (*Малаховъ Курганъ*), былъ убитъ ядромъ въ голову.

Смерть контръ-адмирала Истомина была прискорбна для русскаго флота и севастопольскаго гарнизона, и легла тяжелымъ камнемъ на участь его 80-ти лѣтней старушки матери и двухъ сестеръ, для которыхъ Владиміръ Ивановичъ былъ единственною поддержкою. За нѣсколько дней до смерти, какъ бы предчувствуя свой конецъ, *Истоминъ* писалъ матери, завѣщая ей, въ случаѣ если онъ будетъ убитъ, обратиться къ Его Императорскому Высочеству генералъ-адмиралу, съ просьбою объ обезпеченіи ихъ какимъ-либо пенсіономъ. *Истоминъ* былъ увѣренъ, что Его Высочество не оставитъ семейства того, кто считалъ себя счастливымъ сложить голову свою за Царя и Отечество. Такое предсмертное завѣщаніе и увѣренность не остались напрасными. По ходатайству генералъ-адмирала, Государь Императоръ повелѣлъ производить матери и сестрамъ, въ видѣ ежегоднаго, постояннаго пособія, годовой окладъ жалованья (860 руб.) покойнаго Владиміра Ивановича.

II.

Письмо Истомина къ Лайонсу.

Во время осады Севастополя, вице-адмиралъ англійскаго флота *Лайонсъ* написалъ къ контръ-адмиралу *Истомину* дружеское письмо, при которомъ послалъ ему честерскаго сыру. Они были прежде знакомы, встрѣчавшись во время плаваній по Средиземному морю. *Истоминъ* отвѣчалъ *Лайонсу* нижеслѣдующимъ письмомъ, которое тогда же ходило по рукамъ въ спискахъ и доставлено въ «Русскій Архивъ» А. Э. *Циммерманомъ* (участвовавшимъ въ оборонѣ Севастополя).

Севастополь, 25-го ноября (7-го декабря) 1854 года. Любезный адмиралъ! Я былъ очень доволенъ вашею присылкою; она привела мнѣ на память наше крейсерство,

отъ котораго сохранились у меня неизгладимыя впечатлѣнія, и вызвала передо мною со всею живою обстановкою то время, какого теперь нѣтъ. Я не забуду Аѳины и Мальту.

Нынѣ, черезъ столько лѣтъ, мы опять вблизи другъ отъ друга; но хотя мнѣ можно васъ слышать, чему доказательствомъ служитъ день 5-го октября, когда голосъ мощнаго Агамемнона раздался очень близко (1), но я не могу пожать вамъ руку. Въ такихъ-то, слишкомъ по моему церемонныхъ, формахъ благодарю я васъ за добрую память и за дружескую присылку. Позвольте мнѣ, въ свою очередь, предложить вамъ добычу недавней охоты: крымскія дикія козы превосходны. Вы отдаете справедливость нашимъ морякамъ, любезный адмиралъ; они дѣйствительно заслуживаютъ похвалу судьи, столь свѣдущаго, но, какъ мнѣ кажется, нѣсколько взыскательнаго. Они наша гордость и наша радость! Заговоривъ о морскомъ дѣлѣ, пользуюсь случаемъ, чтобы заявить объ одномъ обстоятельствѣ, которое, безъ сомнѣнія, есть дѣло случая, но которое, если будетъ повторяться, то можетъ повлечь къ непріятностямъ. Въ послѣдній разъ стимеръ, посланный для переговоровъ, подъ начальствомъ капитана *Кузовлева*, подошелъ къ самымъ пушкамъ крѣпости, тогда какъ онъ долженъ былъ внѣ линіи нашихъ огней дожидаться гребнаго судна, высланнаго къ нему на встрѣчу.. Вы хорошо сдѣлаете, сказавши словечко на этотъ счетъ, и впередъ, конечно, не выйдетъ недоразумѣнія. Примите, любезный адмиралъ, изъявленіе моей преданности (2).

III.

О кончинѣ контръ-адмирала Истомина.

7-го марта севастопольскій гарнизонъ имѣлъ несчастіе

(1) Въ день генеральной атаки севастопольскихъ укрѣпленій союзными флотами, 5-го октября 1854 года, трехдечный корабль „Агамемнонъ“, подъ флагомъ *Лайонса*, ближе всѣхъ прочихъ судовъ подошелъ къ русскимъ фортамъ.

(2) „Русскій Архивъ“ 1867 г. № 5 и 6.

лишиться начальника 4-го отдѣленія оборонительной линіи—контръ-адмирала *Истомина*.

Въ 10 часовъ утра, контръ-адмиралъ *Истоминъ*, послѣ осмотра работъ въ строющемся Камчатскомъ редутѣ, при возвращеніи на Корниловскій бастіонъ, пораженъ былъ въ голову ядромъ, направленнымъ на помянутый редутъ. Потеря этого блистательно храбраго, распорядительнаго, исполненнаго рвенія молодаго генерала, подававшаго прекрасныя надежды, истинно прискорбна для русскаго флота и севастопольскаго гарнизона.

Вице-адмираломъ *Нахимовымъ* приготовлено было для себя мѣсто въ соборѣ св. Владиміра, близъ могилы вице-адмирала *Корнилова*; но какъ *Истоминъ* перешелъ въ вѣчность прежде его, то первый уступилъ ему свое мѣсто, испросивъ позволеніе похоронить тамъ павшаго за Вѣру, Царя, Отечество и правое дѣло контръ-адмирала *Истомина* (1).

IV.

Письмо П. С. Нахимова, ко вдовѣ М. П. Лазарева.

Ваше высокопревосходительство,
Екатерина Тимофѣевна!

Священная для всякаго русскаго, могила нашего безсмертнаго учителя приняла прахъ еще одного изъ любимѣйшихъ его воспитанниковъ. Лучшая надежда, о которой я со дня смерти адмирала мечталъ — послѣднее мѣсто къ склепѣ подлѣ драгоцѣннаго мнѣ гроба, я уступилъ Владиміру Ивановичу *Истомину*! Нѣжная, отеческая привязанность къ нему покойнаго адмирала, дружба и довѣренность Владиміра Алексѣевича (2), и, наконецъ, поведеніе его, достойное нашего наставника и руководителя, рѣшили меня на эту жертву. Впрочемъ, надежда меня не покидаетъ принадлежать этой возвышенной, благородной семьѣ;

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1855 г. № 67
(2) *Корнилова*.

друзья-сослуживцы, въ случаѣ моей смерти, конечно не откажутся положить меня въ могилу, которую расположеніе ихъ найдетъ средство сблизить съ останками образователя нашего сословія. Вамъ извѣстны подробности смерти Владиміра Ивановича, и потому я не буду повторять ихъ; твердость характера въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, святое исполненіе долга и неусыпная заботливость о подчиненныхъ, снискали ему общее уваженіе и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнивъ завѣтъ, онъ оправдалъ довѣріе Михаила Петровича и подтвердилъ новымъ фактомъ, какъ много потеряла Россія въ преждевременной кончинѣ нашего общаго благодѣтеля (1).

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и искренней преданности имѣю честь быть и проч.

Павелъ Нахимовъ.

Севастополь, 24 марта 1855.

За сообщеніе этого письма и нижеслѣдующей объяснительной къ нему замѣтки мы обязаны графу Б. А. *Перовскому* (*Примѣчаніе П. Бартенева*).

«Сооруженіе храма Св. Владиміра въ Севастополѣ было любимою мечтою *Лазарева*. Когда онъ скончался за границею и тѣло его было привезено въ Севастополь, то сослуживцы и подчиненные его непросили разрѣшеніе похоронить его въ склепѣ, на томъ мѣстѣ, на которомъ должно было, по его предположенію, воздвигнуть храмъ во имя Св. Владиміра (храмъ этотъ нынѣ, кажется, оканчивается постройкою). При началѣ славной обороны Севастополя, *Нахимовъ* и *Корниловъ* изъявили желаніе, чтобы ихъ похоронили возлѣ Михаила Петровича *Лазарева*, такъ какъ склепъ, гдѣ покоится прахъ его, могъ вмѣстить еще двѣ могилы. Это желаніе было извѣстно всѣмъ, и потому, когда былъ убитъ *Корниловъ*, его тамъ и положили. За симъ единственное оставшееся въ склепѣ мѣсто *Нахимовъ* берегъ для себя, и только дружба и глубокое уваженіе къ

(1) Тутъ выпущено нѣсколько словъ, относящихся единственно до семейства Екатерины Тимофѣевны.

Истомину заставили его уступить ему эту дорогую для него собственность. Надежда его, однакоже, не обманула, и когда пришла его очередь, то друзья-сослуживцы, какъ онъ называетъ ихъ въ письмѣ, дѣйствительно нашли средство похоронить его въ томъ же склепѣ, гдѣ покоится и прахъ М. П. *Лазарева* (¹).

V.

Вѣсти изъ Севастополя.

(Отрывокъ изъ письма очевидца).

На вопросы твои, мой добрый товарищъ, которыми ты меня такъ часто бомбардируешь, спѣшу отвѣтить однимъ залпомъ: 8-й мѣсяцъ идетъ знаменитая оборона г. Севастополя, а дѣла враговъ нашихъ не двигаются — ждали они чудесъ отъ своей бомбарды и ошиблись въ разсчетѣ. *Тотлебенъ* и *Ползиковъ*, своей безпримѣрной дѣятельностію, построили столько защиты отъ вражескихъ гостинцевъ, что мартовская канонада дешевле октябрекой намъ обходится... Нельзя довольно надивиться недостатку духа г-дъ союзниковъ: 9 мѣсяцевъ держатъ въ осадѣ городъ, имѣютъ огромныя средства къ нападенію, и что же? во все это время одинъ только разъ, въ ночь 11-го февраля, надумались сами сдѣлать нападеніе, за то и расплатились съ ними по-русски.

Два новые редута наши, съ такою быстротою воздвигнутые, дѣйствуютъ отлично и много замедлили весь ходъ осады; одинъ только Камчатскій люнетъ, какъ передовой стражъ внѣ линіи укрѣпленія, предъ Корниловскимъ бастіономъ, страдаетъ болѣе другихъ. Особенно памятенъ для насъ останется печальный день 7-го марта, въ который мы лишились одного изъ знаменитѣйшихъ защитниковъ Севастополя, контръ-адмирала *Истомина*; полгода этотъ доблестный воинъ, какъ часовой безсмѣнный, сто-

(¹) „Русскій Архивъ“ 1868 г. № 3.

ялъ на Малаховомъ курганѣ,—то былъ морякъ вскормленный въ духѣ русскомъ! Самоотверженіе его было безграничное. Во время первыхъ дней октябрской бомбарды, онъ для себя выбиралъ постоянно самыя опасныя мѣста Малахова кургана. и долго полковникъ *Ползиковъ* не могъ уговорить его сдѣлать траверзъ для собственной его защиты.

Безстрашіе его возбудило общій восторгъ и соревнованіе подчиненныхъ: въ душѣ любя солдатъ, онъ дѣлилъ съ ними все, что могъ; бывало. гренадеры Бутырскаго полка (которые долѣе прочихъ имѣли честь служить подъ его командою) говорили: «Нашъ адмиралъ какъ-будто о 7-ми головахъ, въ самый кипятокъ такъ и лѣзетъ». И подлинно, онъ былъ душою всѣхъ насъ. и словомъ. и дѣломъ умѣлъ передавать геройскій духъ свой всѣмъ его окружающимъ.

Говоря объ *Истоминѣ*, нельзя умолчать о дѣятельномъ сотрудникѣ покойнаго, полковникѣ *Ползиковѣ*, который, въ самыя критическія минуты, всегда съ свѣтлымъ лицомъ одушевлялъ рабочихъ и. какъ тѣнь *Истомина*, былъ съ нимъ неразлученъ; его трудамъ и практическому знанію дѣла обязаны много севастопольскія укрѣпленія.

7-го марта, въ 10 часовъ утра, *Истоминъ*, по обыкновенію своему, осмотрѣвъ свою дистанцію, возвращался съ Камчатскаго люнета (въ сюртукѣ и эполетахъ—солдатской шинели онъ не любилъ и какъ будто стыдился ее надѣвать для сохраненія себя отъ выстрѣловъ); съ нимъ рядомъ шли саперный капитанъ *Чистяковъ* и капитанъ-лейтенантъ *Сенявинъ*. Истоминъ шелъ между ними: ядро, брошенное съ французской батареи, ударивъ въ лицо Истомина. костями его черепа ранило *Чистякова* въ високъ и сильно контузило въ руку *Сенявина*; одна только задняя часть затылка, отлетѣвшая назадъ, осталась отъ головы героя-адмирала; кровію его и мозгами облиты были *Чистяковъ* и *Сенявинъ*. Близко видалъ я смерть, и въ разныхъ видахъ, но подобнаго случая не помню ни въ нынѣшней, ни въ прежней кампаніи.

Западные хвастуны. вѣроятно, назовутъ басней, если

имъ сказать, что Истоминъ семь мѣсяцевъ, какъ часовой, не раздѣваясь, безвыходно хранилъ созданный имъ бастіонъ; по нѣскольку разъ въ день осматривалъ всѣ работы и цѣпь, даже въ секреты днемъ ѣздилъ въ эполетахъ (за что однажды чуть не поплатился жизнію, какъ и всѣ окружавшіе его). Презрѣніе къ смерти было въ немъ развито до фанатизма: когда становилось очевиднымъ для всѣхъ, что выстрѣлы непріятеля принимали вѣрное направленіе, онъ непремѣнно тутъ становился съ трубой въ рукахъ, и никакія убѣжденія не могли заставить его перемѣнить мѣсто.

Много видалъ я людей храбрыхъ въ разныхъ кампаніяхъ, но такая фантастическая храбрость, какъ въ *Истоминѣ*, есть явленіе рѣдкое и достойное подражанія для всякаго вѣрнаго слуги Царя и Отечества.

Миръ праху твоему, герой *Истоминъ*! Ты былъ украшеніемъ нашего флота, имя твое съ благоговѣніемъ будутъ произносить потомки, и исторія Севастополя поставитъ тебя въ число именитыхъ защитниковъ его (¹)...

V.

Похороны контръ-адмирала Истомина.

(Изъ донесенія коллежскаго совѣтника Мансурова, отъ 8-го марта 1855 г.)

«Къ несчастію, я долженъ начать мое донесеніе печальнымъ происшествіемъ, вѣроятно извѣстнымъ уже въ С.-Петербургѣ,—достославной кончиной контръ-адмирала *Истомина*. Въ кипящей жизни Севастополя давно уже привыкли къ мысли о томъ, что многимъ еще суждено положить голову за Государя и Отечество; незадолго предъ смертью, покойный адмиралъ лично говорилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ, и, какъ будто предчувствуя, что онъ будетъ непосредственнымъ послѣдователемъ *Корнилова*, шутя прибавилъ, что «онъ давно уже выписалъ себя въ расходъ и ны-

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1855 г. № 216.

нѣ живетъ на счетъ англичанъ и французовъ»;— это буквально его слова. Можно бы удивляться силѣ впечатлѣнія, произведеннаго смертью В. И. *Истомина*, если бы не было извѣстно, до какой степени всѣ уважали его личныя качества и военныя достоинства; на него возлагали большія надежды, и всѣ считали бастіонъ *Корнилова*, или Малаховъ курганъ, неприступнымъ, потому что съ *Истоминымъ* шагъ назадъ былъ невозможенъ. Сегодня отпѣвали покойнаго адмирала въ Михайловской церкви, возлѣ адмиралтейства; совершенно обезглавленное тѣло умершаго героя лежало въ гробѣ посреди церкви, покрытое кормовымъ флагомъ съ корабля «Парижъ», который онъ столь славно водилъ противъ враговъ отечества въ синопскомъ сраженіи; 35-й флотскій экипажъ, т. е. семейство покойнаго, былъ выстроенъ на площади около церкви и въ послѣдній разъ привѣтствовалъ своего любимаго и уважаемаго начальника. Общее сочувствіе къ новому, постигшему черноморскій флотъ, горю, выразилось въ многочисленномъ стеченіи народа, до того толпившагося около церкви, что трудно было въ нее войти; не нужно и говорить, что всѣ начальствующіе, всѣ подчиненные и всѣ тѣ, которые могли сойти съ своего поста, сочли обязанностью отдать послѣдній долгъ новому товарищу *Лазарева* и *Корнилова*; я стоялъ вблизи за П. С. *Нахимовымъ*; невозможно было спокойно видѣть слезъ этого воина, имя котораго такъ грозно разразилось надъ врагами и до нынѣ такъ страшно злоумышляющей противъ Севастополя разноязычной арміи. В. И. *Истомину* суждено было занять мѣсто, которое *Нахимовъ* готовилъ себѣ около незабвеннаго Михаила Петровича; дай Богъ, чтобы въ этомъ заключался залогъ сохраненія жизни, столь драгоцѣнной для Севастополя и всего русскаго флота. Послѣ грустной службы въ церкви, печальная церемонія съ хоругвями и крестами потянулась вверхъ къ бульвару мимо библіотеки, къ тому мѣсту, гдѣ покоятся *Лазаревъ* и *Корниловъ*. *Истомина* положили возлѣ нихъ въ склепѣ, и пушечными и ружейными залпами возвѣстили непріятелю о переселеніи въ вѣчность еще одного праведнаго предъ Всевышнимъ заступникомъ,

за русское оружіе и защищаемое имъ святое дѣло. Вся толпа, молившаяся за упокой павшаго героя, сопровождала его до послѣдней его обители; никто и не думалъ, что на проходимую процессіею мѣстность безпрестанно падали непріятельскія ракеты и бомбы; дѣйствительно, осаждающіе даже не почтили присутствія хоругвій церковныхъ; воспользовавшись большимъ скопленіемъ народа и войска, которое они ясно могли различить съ своей позиціи, ибо вечеръ былъ чудный, и теплый и прозрачный воздухъ какъ бы нарочно смѣнилъ утреннюю туманную погоду, они начали бросать бомбы въ городъ, но, къ счастію, слишкомъ поздно, т. е. въ то время, когда мы уже спускались съ возвышенія; одну бомбу разорвало саженяхъ въ 25-ти отъ библіотеки возлѣ аптеки, но, благодаря Бога, осколки не причинили никому вреда.—По удостовѣренію П. С. *Нахимова*, сколько мнѣ извѣстно, не осталось послѣдней воли покойнаго адмирала или завѣтныхъ желаній; знаю только, что послѣдній мой разговоръ съ нимъ начался и кончился изліяніями благодарности начальству и выраженіемъ, что «онъ и всѣ черноморскіе его товарищи съ избыткомъ уже взысканы милостями Государя Императора, и потому имъ много надобно еще заслужить» (1).

(1) „Морской Сборникъ“ 1855 г. № 3.

АЛФАВИТЪ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

Базанкуръ, баронъ. 323, 352, 405.
Безакъ, генералъ. Прилож. 71.
Броневскій, Д. В. Прил. 58, 59, 61.
Вушнъ, генералъ 452.
Геренъ. 323.
Горчаковъ, П. Д. князь 430.
Дьяконовъ, докторъ. 478.
Дюкассъ, 352.
Евгеній, архимандритъ. Прилож. 83.
Енишерловъ, 272, 320.
Картамышевъ, К. 87.
Квицинскій, генералъ 426.
Кинглэкъ, 355.
Кирьяковъ, генералъ 439, 460.
Кремнинъ, поручикъ. Прилож. 71.
Кузнецовъ, докторъ 478.
Ленчевскій, В. Л. 402, 418.
Мансуровъ, Прилож. 97.
Майковъ, Аполлонъ. Прилож. 51.
Ніель, 405.
Псаревъ, Я. 142.
Ростиславъ, 71.
Шевыревъ, С. Прил. 70.
Щербачевъ Г. Д. 475.
Ѳедоровъ, Борисъ. Прил. 61.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

Абакумовъ, поручикъ 132.
Абердинъ, лордъ 16, 362, 377, 382, 384.
Адамсъ, англійскій генералъ 154, 170, 323, 345, 355, 396, 420.
Адлербергъ, генералъ. Прилож. 49.
Алабинъ, Прилож. 82.
Александръ II, Императоръ 49. Прил. 73.
Александръ, главный англійскій докторъ 162.
Алланъ, англичанинъ 139.
Алонвиль, французскій генералъ 5, 202, 204, 219, 230, 251.
Анапичъ, штабъ-капитанъ 420.
Анисиковъ, генералъ-адъютантъ 51, 60, 92, 93.
Арлувиль, француз. генералъ 215.
Арманъ, француз. полковникъ 12, 170.
Асифъ-бей, 359.
Ахметъ-паша, 405.
Бакстеръ, англійскій докторъ 233.
Барагэ-д'Ильс французс. посланникъ въ Константинополѣ 147, 173, 252.
Барраль, французскій полковникъ 332, 336, 337, 340.
Бельгардъ, генералъ. Прилож. 14.
Бентинкъ, англійскій ге-

нералъ 6, 170, 214, 322, 346, 355, 409, 410, 421.

Бетсонъ, англійскій полковникъ 253, 254.

Бобылевъ, генералъ-маіоръ. Прилож. 39.

Богушевскій, генералъ-маіоръ. Прилож. 35, 78.

Боксеръ, Эдуардъ англійскій контръ-адмиралъ 172

Боркъ, 21.

Боске, французскій генералъ 3, 5, 147, 170, 174, 181, 188, 189, 195, 202, 211, 219, 225, 230, 251, 279, 280, 282, 283, 284, 285, 290, 291, 301, 302. 303, 306, 307, 322, 328, 329, 330. 332, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 348, 349, 355, 385, 392, 393, 394, 397, 403, 406, 408, 419, 420, 478.

Ботлеръ, англійскій офицеръ 385.

Брестовскій, поручикъ 425.

Брейтъ, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

Бропевскій, В. В. Прилож. 23.

Броунъ, Дж. сэръ англійскій генералъ 6, 145, 156, 161, 163, 164, 170, 181, 189, 193, 195, 210, 223, 240, 241, 244, 250, 262, 263, 264, 268, 280, 322, 336, 345, 346, 347, 355, 394, 409, 420, 480, 482, 483.

Брунновъ, нашъ посланникъ 359.

Брюа, французскій адмиралъ 34, 152, 169, 181, 202, 210, 245.

Буа, французскій генералъ 5, 283, 322, 336, 337, 338, 339, 342, 349, 392, 419.

Буллеръ, (Бюллеръ) англійскій генералъ 170, 285, 322, 345.

Бу-Маза, предвод. алжирцевъ 404.

Бурбаки, франц. полковникъ 339.

Бургойнъ, англійскій генералъ 12, 13, 253, 255, 262, 345.

Бурлей, прапоршикъ 420.

Буссиньеръ, французскій капитанъ 350, 411.

Бутаковъ, капитанъ 2-го ранга 175.

Бутаковъ, капитанъ-лейтенантъ. Прилож. 29.

Бутлеръ, англійскій офицеръ 394.

Бухмейстеръ, генералъ. Прилож. 52.

Буэ-Вильомс, французскій адмиралъ 329.

Бюжо, маршалъ 326.

Бялый, полковникъ. Прилож. 43, 44.

Вальянъ, франц. маршалъ 9, 11, 237.

Васильчиковъ, В. И. князь, генералъ-маіоръ. Прил. 48, 49.

Вайтбридъ, 21.

Веллингтонъ, герцогъ 253, 399, 404.

Велячко, боцманъ 180.

Верховскій, капитанъ 133.

Вестмореландъ, лордъ 19.

Видманъ, дѣвица 79.

Вилуа, франц. генералъ 5, 322.

Воронцовъ, князь. Прил. 88.

Войниловичъ, полковникъ 437.

Врангель, баронъ генералъ-лейтенантъ. Прилож. 39.

Вротеслей, англичанинъ 148.

Вуичъ, генералъ-маіоръ 282, 287, 288, 290, 296, 297, 410, 418, 432, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460.

Высоцкій, начальникъ венгерскаго отряда. Прилож. 24.

Галиль-паша, адмиралъ 186.

Галимъ-паша, 186.

Гамбіе, англійскій подполковникъ 227.

Гамелепъ, франц. адмиралъ 34, 46, 56, 58, 95, 102, 119, 121, 123, 126, 127, 128, 129, 177, 184, 240, 245, 252, 254, 338.

Гарднеръ, полковникъ. Прилож. 49.

Гассанъ-паша. Прил. 4.

Гай I. лордъ, англійскій капитанъ 33.

Гергей, венгерскій главнокомандующій. Прилож. 25, 26, 27, 54, 55, 72, 76.

Гербель, генералъ. Прил. 72.

Гейденъ, графъ. Прилож. 87, 88.

Гисъ, англійскій капитанъ 33.

Гиффардъ, англійскій капитанъ 57, 133, 135, 138.

Гиффардъ, Джонъ мичманъ, англійскаго флота 138.

Гладстонъ, англійскій министръ 16, 384.

Гогиновъ, генералъ-маіоръ 272, 347, 351, 415, 421, 493.

Голдсмисъ, англійскій капитанъ 33.

Голевъ, полковникъ. Прил. 44, 46.

Гольди, англійскій генералъ 323.

Гонъ, англійскій маіоръ 164.

Горасъ-Вернетъ, 224, 229.

Гордонъ, англійскій полковникъ 6.

Гортонъ, англійскій лейтенантъ 33.

Горчаковъ, М. Д. князь 381. Прил. 1 до 22, 37, 51, 67, 71, 77.

Горчаковъ, П. Д. князь 278, 284, 288, 290, 292, 293, 307, 309, 310, 346, 347, 348, 395, 399, 408, 409, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 430, 432, 433, 435, 436, 442, 444, 445, 447, 454, 455, 472.

Горчаковъ, П. И. князь. Прилож. 3.

Граамъ, англійскій лейтенантъ 164.

Грагамсъ, англійскій капитанъ 33.

Грановичъ, полковникъ 133.

Грахъ, прусскій полковникъ 385.

Грайлльсъ, англійскій лейтенантъ 33.

Гревилль, англійскій капитанъ 32.

Грискуръ, маркизъ 145.

Гудъ, англичанинъ юнга 138.

Гуссейнъ-паша, турецкій министръ 181, 216.

Гюббепетъ, профессоръ хирургіи. Прилож. 48.

д'Алонвиль. См. Алонвиль.
д'Арлувиль. См. Арлувиль.
Дакресъ, англійскій капитанъ 33.
Даррико, капитанъ франц. флота 177. 178.
Дарья-Севастопольская. 475 до 478.
Де-Кюстинъ. См. Кюстинъ.
Де-Лурмель. См. Лурмель.
Де-Мартенпре. См. Мартенпре.
Деминистръ, студентъ одесскаго лицея 71, 117.
Денъ, капитанъ 133.
Дерриманъ, англійскій лейтенантъ 33.
Дейксонъ, англійскій полковникъ 2.
Джонъ-Россель, 14, 16, 17, 22, 28.
д'Израэли. См. Израэли.
Дондасъ, англійскій адмиралъ 29, 31, 32, 38, 46, 52, 54, 55, 58, 65, 66, 92, 95, 97, 98, 102, 104, 105, 119, 121, 123, 130, 140, 143, 232, 240, 245, 252, 260, 481.
д'Орель. См. Орель.
д'Отмаръ. См. Отмаръ.
Друммондъ, англійскій капитанъ 33.
Друневичъ, прапорщикъ 420.
Дурново, маіоръ 428, 433.
Дьяченко, поручикъ 420.
Дюваль, начальникъ французскихъ телеграфовъ 211.
Дюма, французскій полковникъ 332.
Екатерина II, императрица 363.
Енишерловъ, капитанъ 272, 320, 323, 407.
Ерохинъ, рядовой. Прил. 44.
Жарра, французскій подполковникъ 5.
Жижи-Моки, боцманъ одесскаго карантина 65.
Жиффардъ, англійскій капитанъ 33.
Жолобовъ, штабсъ-ротмистръ 443, 453, 466, 467.
Жонсонъ, мастеръ англійскаго флота 33.
Залѣсскій, подполковникъ 433, 447, 448, 452.
Зассъ, генералъ-лейтенантъ. Прилож. 26.
Израэли, 16, 27, 28.
Ильинскій, полковникъ 133.
Ипглендъ, Ричардъ сэръ англійскій генералъ 7, 205, 268.
Иннокентій, архіепископъ 40, 51, 61, 90, 91, 92, 93, 130, 133.
Исаковъ, полковникъ флигель-адъютантъ Е. И. В. 428, 472.
Истоминъ, контръ-адмиралъ. Прил. 43, 68, 87 до 99.
Ицетъ-паша, намѣстникъ Виддина 186.
Іонсонъ, англійскій капитанъ 33.
Камеронъ, 400.
Канонъ (Берамъ-паша), англійскій генералъ 216, 385.
Канроберъ, франц. генералъ 5, 9, 147, 149, 150, 152, 153, 158, 160, 163, 169, 181, 189, 191, 195, 200, 206, 217, 219, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 237, 240, 241, 245, 250, 262, 280, 285, 291, 306, 322, 329, 334, 339, 340, 341,

342, 389, 393, 397, 406, 408, 419, 420, 436, 437, 473, 489.

Карбуччіа, франц. генералъ 215.

Кардиганъ, графъ англійскій генералъ 7, 170, 205, 209, 213, 214, 222, 225, 254. 268, 323, 327, 328, 336, 410. 478.

Картеръ, англійскій капитанъ 32.

Кассеньоль, франц. генералъ 6, 200.

Каткартъ, Дж. англійскій генералъ 259, 268, 280, 323, 336, 406, 410.

Каторъ, англійскій генералъ 233.

Квицинскій, генералъ-лейтенантъ 272, 292, 293, 294, 295, 347, 351, 394, 395, 399, 400, 408, 409, 415, 421, 426, 428, 429, 430, 432, 435, 436, 444, 445, 454.

Кембриджскій, герцогъ 6, 169, 170, 173, 174, 200, 202, 210, 214, 223, 226, 231, 233, 245, 247, 248, 251, 252, 254, 255, 268, 280, 322, 336, 346, 347, 352, 355, 394, 406, 408, 420, 421.

Кемпбель, Дж. англійскій генералъ 323.

Кемпбель, Коллинъ сэръ 6, 170, 285, 322, 346, 355, 399, 400, 406, 409, 410, 421.

Кемпбель, I. сэръ англійскій полковникъ 170.

Кингъ, англійскій капитанъ 33.

Кинкель, 7.

Кирьяковъ, генералъ-лейтенантъ 278, 284, 286, 287, 288, 291, 292, 295, 306, 392, 397, 398, 400, 401, 408, 430, 439, 440, 442, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 453, 454, 455, 460, 469, 470.

Кишинскій, генералъ-маіоръ 295, 296, 349, 410, 415, 468, 469, 470, 472, 473, 475.

Клапка, 183, 331, 332.

Кларендонъ, лордъ 15, 16, 122, 160, 376, 377.

Клеверли, М. англійскій капитанъ 33.

Кноррингъ, генералъ-адъютантъ 133.

Кобденъ, 14, 16, 28.

Ковалевъ, полковникъ 290, 347, 415, 421.

Коллингвудъ - Диксонъ, англійскій маіоръ 148.

Кондратьевъ, подполковникъ 443.

Кондригтонъ, англійскій адмиралъ 134.

Кондригтонъ, англійскій генералъ 286, 287, 288, 322, 345, 347, 394, 395, 420.

Корвинъ-Краспинскій, генералъ маіоръ 60, 133.

Корниловъ, В. А. вице-адмиралъ 356, 407, 414, 418, 456, 474. Прил. 68, 93, 94, 97, 98.

Котляровъ, штабъ-ротмистръ. Прилож. 25.

Кошутъ, 7.

Крейцъ, баронъ, генералъ-маіоръ. Прилож. 23, 74.

Кридцеръ, баронъ. Прил. 41.

Куртинъ, Прил. 82.

Куртьяновъ, генералъ-маіоръ 272, 342, 351, 415, 420.

Кюстинъ-де, маркизъ 118,

Лавалеттъ, франц. посланникъ въ Константинополѣ 14, 357, 358, 369.

Лавальянъ, генералъ 145.
Лавровъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба. Прил. 8.
Лагонди, франц. полковникъ 327, 471, 481.
Лазаревъ, М. П. адмиралъ. Прил. 68, 87, 88, 94, 95, 98.
Лазаро, грекъ 142.
Лакуръ, франц. повѣренный въ дѣлахъ 377.
Ласси, командиръ англійск. полка 399.
Лаулесъ, англичан. докторъ 138.
Лайонсъ. англійскій адмиралъ 29, 33, 144, 210, 233, 241, 245, 260, 263, 388, 488. Прил. 91, 92.
Лебефъ, франц. полковникъ 5.
Леви-Мишель, медицинскій инспекторъ франц. арміи 215.
Лесли, капитанъ-лейтенантъ 176, 179.
Линдерсъ, генералъ-адъютантъ. Прилож. 10, 38.
Линанжъ, агентъ австрійскій 383.
Ллойдъ, англійскій лейтенантъ 33.
Лонгморъ, англійскій капитанъ 259.
Лорингъ, англійскій капитанъ 33.
Луканъ, графъ англійскій генералъ 8, 170, 268, 327, 479.
Лурмель, франц. генералъ 6, 322, 341, 342, 419, 420.
Люшингтонъ. англійскій капитанъ 33.
Маврокордато, греческій посланникъ въ Парижѣ 4.
Маіевскій, капитанъ 469.
Маньянъ, франц. маіоръ 12.
Мартенпре, франц. генералъ 5, 147, 170, 329, 341, 343.
Масловскій, вольный штурманъ 53, 56.
Маудъ, англійскій капитанъ 479.
Майдель, генералъ-маіоръ 60, 133.
Мегеметъ-Кебресли-паша, 188.
Меншиковъ, А. С. князь 18, 20, 23, 144, 269, 271, 278, 281, 287, 288, 297, 324, 325, 326, 328, 333, 338, 339, 348, 349, 350, 351, 364, 365, 366, 369, 370, 371, 372, 382, 390, 391, 392, 393, 395, 396, 397, 400, 406, 407, 409, 411, 412, 418, 421, 423, 426, 427, 428, 429, 432, 433, 436, 437, 446, 454, 462, 465, 466, 467, 468, 471, 472, 474, 475, 483, 492, 494, 496. Прилож. 38, 39, 40, 64, 68, 89.
Меньковъ, П. К. генералъ. Прилож. 15, 85.
Мещерскій, подполковникъ 51, 60.
Миллеръ, генералъ. Прилож. 72.
Михалевъ, прапорщикъ 420.
Мишель, англійскій капитанъ 32.
Моне, франц. генер. 322, 340.
Монъ, франц. 373.
Морни, графъ франц. 373, 374.
Морри, франц. генералъ 3.
Музо-паша, 385.

Муръ, англійскій капитанъ 33.

Мустафа-паша, великій визирь 185.

Мухаметъ-Вели-бекъ, Прилож. 31.

Мэндсъ, англійскій капитанъ 33.

Наги-Шандоръ, Прил. 76.

Наполеонъ I, императоръ 367.

Наполеонъ III, императоръ 243, 362, 373, 374, 375, 377, 378, 378, 383, 386, 404, 480, 481.

Наполеонъ, Жеромъ, принцъ 4, 5, 6, 9, 153, 169, 172, 173, 174, 184, 185, 187, 189, 191, 199, 201, 202, 205, 211, 219, 228, 230, 245, 246, 248, 252, 254, 255, 261, 280, 285, 291, 292, 306, 322, 327, 329, 334, 336, 339, 340, 341, 342, 343, 393, 397, 408, 409, 419, 420, 437, 481.

Нахимовъ, адмиралъ 378. Прил. 51, 68, 80, 93, 94, 98, 99.

Негребецкій, юнкеръ. Прилож. 45.

Нельсонъ, англійскій адмиралъ 136, 178.

Непиръ, Чарлсъ англійскій адмиралъ 6, 119.

Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ 359, 372, 375, 377, 378, 381.

Несмитъ, англійскій офицеръ 385.

Ней, франц. генералъ 215.

Николай I, императоръ 73, 74, 131, 360, 361, 362, 364, 368, 370, 372, 375, 382, 383, 384. Прилож. 29, 73.

Новосильскій, вице-адмиралъ. Прилож. 89, 90.

Нолесъ, англійскій капитанъ 33.

Норкоттъ, англійскій маіоръ 346.

Ньюкестль, герцогъ 157, 160, 387.

Огаревъ, генералъ-маіоръ. Прилож. 39, 41.

Омеръ-паша, главнокомандующій 31, 153, 170, 174, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 199, 202, 209, 217, 218, 236, 361, 385. Прил. 37, 39.

Орель, франц. генералъ 6, 322, 341, 343, 397, 419.

Остенъ-Сакенъ, баронъ 37, 38, 45, 48, 49, 51, 53, 57, 58, 61, 64, 66, 72, 73, 78, 79, 84, 90, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 102, 104, 105, 110, 111, 125, 129, 131, 142, 143. Прилож. 48.

Остенъ-Сакенъ, баронесса 139.

Отмаръ, франц. генералъ 5, 283, 322, 336, 337, 338, 339, 342, 392, 419.

Павловъ, генералъ-лейтенантъ. Приложеніе 37, 50.

Пальмерстонъ, лордъ 16, 17, 20, 120, 250. Прил. 55.

Панаевъ, подполковникъ. Приложеніе 40, 41.

Панфиловъ, контръ-адмиралъ 175. Прил. 89, 90.

Паркеръ, Гайде англійскій капитанъ 33.

Паскевичъ-Эриванскій, графъ 379, 385. Прилож. 5, 6, 10, 18, 24.

Паулеттъ, лордъ англійскій капитанъ 33.

Паулуччи, маркизъ. Прил. 3, 17.

Пеллисье, маршалъ. Прилож. 80.

Пеппефетеръ, англійскій генералъ 323, 345, 355, 420, 421.

Перовскій, графъ генералъ-адъютантъ. Прилож. 27, 28, 29, 31, 33, 77.

Персиньи, франц. 373.

Пиль, англійскій капитанъ 33.

Пиль, консулъ 193.

Ползиковъ, полковн. Прилож. 95, 96.

Понятовскій, тосканскій посланникъ въ Парижѣ 238.

Поповъ, капитанъ лейтенантъ 144, 175.

Поппльсуль, англійскій капитанъ 33.

Потемкинъ-Таврическій. князь. Прилож. 68.

Поуэлль, командиръ англійскаго судна 33.

Примъ, англійскій генералъ 217.

Приходкинъ, полковникъ 342, 415, 420, 446, 451.

Пуль, студентъ одесскаго лицея 72, 117.

Раглань, лордъ, англійскій главнокомандующій 6, 153, 170, 172, 174, 183, 185, 186, 187, 188, 202 203, 206, 207, 210, 212, 214, 220, 245, 247, 249, 252, 253, 254, 260, 262, 263, 279, 298, 326, 327, 329, 330, 336, 343, 344, 345, 346, 350, 351, 356, 384, 385, 387, 388, 389, 390, 392, 394, 396, 397, 398, 400, 401, 404, 405, 471, 478, 481, 482, 483.

Радомскій, подполковникъ. Прилож. 44, 46.

Раковичъ, подполковникъ 281, 282, 436, 443, 451, 462.

Ральстонъ, Прилож. 82.

Решидъ-паша, 188, 371, 372, 376.

Рейнольдсъ, англійскій лейтенантъ 33.

Ридигеръ, графъ генералъ. Прил. 54, 55.

Ридигеръ, подпоручикъ. Прилож. 25.

Риза-паша, сераскиръ 185, 186. 188. 222.

Рифаатъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ 365, 371.

Робертсъ, мастеръ англійскаго флота 33.

Розъ, англійскій генералъ 353.

Розъ, англійскій повѣренный въ Константинополѣ 365.

Романовичъ, маіоръ. Прилож. 49.

Ромарино. Прил. 23, 74.

Ронжу, франц. полковникъ 322. 419.

Россъ, лордъ 170, 233.

Ростовцевъ, подполковникъ. Прилож. 49.

Румянцевъ, графъ. Прил. 68.

Руссель, Эд. лордъ, англійскій капитанъ 33.

Рустемъ-паша, андріанопольскій намѣстникъ 157, 181.

Саблеръ, полковникъ 453.

Савиновъ, іеромонахъ. Прилож. 45, 46.

Саксенъ - Веймарскій, принцъ Эдуардъ 206.

Саймондсъ, англійскій капитанъ 33.

Свищевскій, полковникъ. Прилож. 43.

Селезневъ, полковникъ 289, 308, 347, 415, 421.

Селивановъ, войсковой старшина. Прилож. 40.

Селиванъ, англичанинъ 140.

Селимъ-паша 210.

Семякинъ, генералъ. Прилож. 49.

Сентъ-Арно, главнокомандующій союзными войсками 4, 5, 8, 9, 10, 11, 153, 173, 174, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 198, 199, 203, 204, 206, 210, 211, 212, 213, 215, 218, 219, 222, 224, 230, 235, 237, 238, 245, 247, 248, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 260, 263, 284, 292, 298, 322, 325, 326, 330, 331, 341, 343, 344, 351, 352, 354, 373, 384, 387, 391, 393, 401, 402, 403, 404, 405, 411, 417, 419, 471, 478, 491, 492, 493, 494, 495.

Сенявинъ, капитанъ-лейтенантъ. Прилож. 96.

Сеймуръ, Гамильтонъ, англійскій послан. при Петерб. дворѣ 362, 363.

Скарлетъ, англійскій полковникъ 7, 170, 268.

Скарятинъ, мичманъ 176, 179, 180.

Скоробогатовъ, студентъ Одесскаго лицея 72, 117.

Смирновъ, поручикъ 133.

Смитъ, англійск. капитанъ 233.

Соловьевъ, полковникъ 436.

Сотири, капитанъ-лейтенантъ 175.

Спрэттъ, командиръ англійскаго судна 33.

Станюковичъ, адмиралъ 467.

Стеуартъ, англійскій капитанъ 33.

Стиль, англійскій полковникъ 6.

Столыпинъ, флигель-адъютантъ. Прилож. 44.

Стопфордъ, англійскій адмиралъ 245.

Страффордъ - Редклифъ, англійскій посланникъ въ Константинополѣ 15, 17, 18, 23, 31, 169, 172, 181, 230, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 375, 376, 377, 382. Прил. 55.

Стремецкій 78.

Суворовъ, генералиссимусъ. Прилож. 52, 53, 68.

Сухозанетъ 1-й, Прил. 4.

Сюлливанъ 220, 221.

Таперъ, англич. матросъ 138.

Татамъ, командиръ англійскаго судна 33.

Тетеревниковъ, генералъ-маіоръ 60, 133. Прилож. 39.

Тильденъ, англійскій генералъ 225, 481.

Томасъ, французскій генералъ 322.

Торенсъ, англійск. генералъ 323.

Тотлебенъ, Э. И. инженеръ-генералъ 414, 418, 467. Прилож. 37, 38, 49, 63, 64, 68, 95.

Треверъ, англич. бизань-марсовой 138.

Тринье, франц. полковникъ 5.

Туссенъ, франц. полковникъ 343, 348.

Уркуартъ 220.
Урусовъ, генералъ-маіоръ. Приложеніе 39, 41.
Фанеъ-паша 210.
Фергюсонъ, англ. полковникъ 233.
Фигнеръ, Прилож. 72.
Флери, франц. 373, 374.
Флюдъ, англ. подполковникъ 227.
Фовель, франц. докторъ 215.
Фоксъ 21.
Форе, франц. генералъ 6, 146, 191, 280, 306, 322, 329, 341, 403, 419, 478.
Фридрихъ Іосифъ, австрійскій Императоръ. Прилож. 73.
Фуадъ-эффенди, министръ иностр. дѣлъ 364, 365.
Хозревъ-паша 186.
Хомутовъ, генералъ 269, 305, 406.
Хрулевъ. Прил. 22 до 87.
Хрущовъ, полковникъ 410, 446, 455.
Хрущовъ, капитанъ 2-го ранга. Прилож. 88.
Чебышевъ, полковникъ 133.
Чемерзинъ, маіоръ 60.
Чодаевъ, генералъ Прилож. 54.
Черняевъ, генералъ. Прилож. 82.
Чистяковъ, капит. Прилож. 96.
Чубовъ, матросъ 180.
Шеинъ. Прилож, 3.
Шейдеманъ, полковникъ. Прилож. 37, 40, 41.
Шильдеръ, генералъ-адъютантъ. Прилож. 33, 34, 35, 36, 37, 78.
Шпакъ, квартирмейстеръ 180.
Щеголевъ, штабсъ-капитанъ 48, 49, 59, 65, 70, 71, 72, 81, 84, 86, 96, 97, 103, 114, 116.
Щелкановъ, генералъ-маіоръ 272, 347, 351, 415, 421, 493.
Эвансъ, Лесси, сэръ, англійскій генералъ 7, 170, 268, 280, 323, 334, 336, 345, 394, 398, 406, 409, 410, 420, 480.
Эденъ, С. англійскій капитанъ 33.
Эдингтонъ, англичанинъ, штурм. офицеръ 140, 142.
Элленборо, лордъ 160.
Эллiотъ, англ. полков. 233.
Эпглендъ, англійскій генералъ 170, 280, 323, 336. См. также Ингландъ.
Эспинасъ, франц. генералъ 5, 170, 218, 228, 229, 322.
Эсткоуртъ, англійскій генералъ 170, 222, 225.
Эйръ (или Айри), англійскій генералъ 164, 170, 323.
Юнгъ, англійскій лейтенантъ 33.
Юссуфъ, генералъ 228, 229, 254.
Юшковъ, капитанъ-лейтенантъ. Прил. 90.
Яницынъ, штабсъ-капитанъ 420.
Яновскій, полковникъ 60.
Ѳедоровъ, боцманматъ 180.

АЛФАВИТЪ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКЪ И ФЛОТА.

а) Русскія войска.

Азовскій пѣхотный полкъ. Приложеніе 41, 42.

Бородинскій егерск. полкъ 272, 277, 286, 292, 294, 320; 334, 422, 433, 434, 435, 439, 444, 450.

Брестскій полкъ 276, 285, 288, 320, 333, 433.

Бутырскій полкъ 460. Пр. 96.

Бѣлостокскій полкъ 276, 288, 320, 333, 433.

Великаго Князя Михаила Николаевича егерскій полкъ 277, 286, 288, 289, 292, 294, 295, 299, 308, 320, 334, 347, 349, 408, 409, 415, 421, 422, 423, 424, 427, 428, 434, 450.

Великой княгини Екатерины Михайловны полкъ. Прилож. 40.

Владимірскій полкъ 277, 290, 292, 293, 294, 295, 297, 299, 302, 309, 310, 320, 334, 346, 347, 349, 395, 398, 400, 408, 409, 415, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 429, 434, 450.

Волынскій пѣхотн. полкъ 270, 277, 283, 296, 320, 334, 349, 410, 438, 446, 447, 455, 462, 463. Прилож. 43, 45.

Вторая батарейная батарея, 16-й артиллер. бригады 132, 137, 474.

Вторая легкая батарея 16-й арт. бриг. 132, 277, 287, 320, 421, 434, 439, 450.

Гросъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго гусарскій полкъ 321, 438, 456.

Двѣнадцатая конно-легкая батарея 270, 277, 278, 290, 295, 321, 420, 435, 437, 443, 450.

Девятнадцатая легкая конная батарея. Прилож. 40.

Десятая артиллерійская бригада 132.

Десятая резервная артиллерійская бригада 133.

Днѣпровскій полкъ 132. Прилож. 44, 45, 46, 47.

Елецкій пѣхотный полкъ. Прилож. 50.

Камчатскій полкъ. Прил. 44, 45, 46, 47.

Кіевскій Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго гусарскій полкъ 438, 470.

Колывапскій егерск. полкъ 50, 59.

Минскій пѣхот. полкъ 270, 271, 276, 277, 281, 282, 283, 284, 290, 291, 292, 307, 320, 334, 337, 392, 393, 408, 415, 419, 420, 434, 436, 437, 438, 442, 443, 446, 450, 451, 454, 455, 457, 459, 462.

Морской сводный батальонъ 270, 277, 321, 334, 420, 427, 446.

Московскій пѣхот. полкъ 270, 271, 276, 281, 282, 283, 284, 285, 290, 291, 292, 307, 320, 334, 338, 392, 393, 408, 415, 419, 432, 434, 436, 437, 438, 442, 446, 450, 451, 454, 455, 457, 459, 460, 462, 472, 473.

Николая Максимиліановича гусарскій полкъ 321.

Одиннадцатая конно-легкая батарея 132.

Первая батарейная батарея 16-й арт. бриг. 277, 286, 289, 293, 320, 409, 420, 421, 423, 433.

Первая легкая батарея 16-й арт. бригады 277, 286, 287, 320, 421.

Полтавскій пѣхотн. полкъ. Прилож. 50, 51, 57, 58, 60.

Пятая артиллерійская бригада 50.

Пятая легкая батар. 17-й арт. бригады 277, 281, 282, 320, 419, 436, 437. 438, 443, 446, 472, 474.

Пятидесятый казачій Филина полкъ. Прилож. 40.

Пятдесятъ сельмой донской Тацина полкъ 321, 323.

Резервная № 14 батарея 5-й артил. бригады 50, 59.

Семнадцатая артил. бриг. 276, 277, 281, 282, 290, 419, 436, 438, 443, 446, 472, 473, 474.

Семнадцатая пѣхот. дивизія 270, 278, 288, 320, 444, 445, 446, 447, 451, 455, 460.

Сорокъ четвертый флотскій экипажъ. Прилож. 45.

Суздальскій пѣхот. полкъ 132, 277, 285, 288, 293, 295, 299, 310, 317, 320, 334, 400, 409, 422, 427, 463.

Сѣвскій пѣхотный полкъ, Прилож. 50, 51, 52, 58, 60, 66. 80.

Тарутинскій полкъ 276, 288, 307, 320, 333, 334, 396, 397, 398, 419, 434, 437, 438, 451, 454, 456, 458.

Томскій полкъ 50, 59. Прилож. 43.

Третья батар. 14-й арт. бриг. 277, 295, 320, 421, 471.

Третья батарейная донская батарея 277, 321, 435, 437, 438, 450.

Тридцать пятый флотскій экипажъ. Прилож. 45.

Тринадцатая пѣхот. дивизія 270, 278, 302, 307, 320, 419, 437, 438, 445, 451, 454, 455, 462.

Угличкій егерскій полкъ 270, 277, 288, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 303, 310, 320, 334, 346, 395, 398, 400, 409, 421, 422. Прилож. 45.

Украинскій егерск. полкъ 132.

Уланскій графа Никитина полкъ 132.

Уланскій эрцъ-герцога австрійскаго Карла-Фердинанда полкъ 132.

Уланскій эрцъ-герцога Іосифа полкъ. Прил. 40.

Четвертая легкая батар. 14-й артил. бриг. 277, 295, 320, 421, 423, 469.

Четвертая легкая батарея 17-й бригады 276, 281, 282, 320, 419, 436, 437, 438, 443, 446, 472, 473, 474.

Четвертая легкая донская батарея 270, 277, 278, 321.

Четырнадцатая артилл. бригада 277, 295, 421, 423, 469, 471.

Четырнадцатая пѣхотная дивизія 269, 320.

Шестая легкая кавалер. дивизія 270, 277, 321.

Шестдесятъ первый казачій Жирова полкъ. Приложеніе 40.

Шестидесятый донской Попова полкъ 321.

Шестнадцатая арт. бриг.

132, 133, 277, 286, 287, 289, 293, 301, 421, 423, 433, 434, 439, 450, 474.

Шестнадцатая пѣхот. дивизія 270, 273, 277, 278, 292, 298, 299, 307, 316, 317, 320, 407, 408, 409, 446.

Шестой саперный батал. 270, 321, 420, 446.

Шестой стрѣлковый батальонъ 270, 277, 285, 288, 291, 310, 311, 321, 334, 406, 420, 434.

Якутскій полкъ. Прил. 43, 50, 58.

b) Французскія войска.

Алжирскіе стрѣлки 322. 336.

Восемдесятъ второй линейный полкъ 322.

Вторая дивизія 200, 329, 332.

Второй полкъ зуавовъ 322. 340, 343.

Двадцать второй линейный полкъ 152.

Двадцать седьмой линейный полкъ 152, 322, 341.

Двадцать шестой линейный полкъ 322.

Двадцатый линейный полкъ 152, 322, 341.

Девяносто пятый линейный полкъ 322.

Девяносто седьмой линейный полкъ 322.

Девятнадцатый линейный полкъ 322.

Девятнадцатый стрѣлковый батальонъ 322, 340.

Девятый стрѣлковый батальонъ 322, 341.

Первая дивизія 200, 329.

Первый полкъ зуавовъ 322, 339, 341, 343.

Первый стрѣлковый батальонъ 322.

Пятидесятый линейный полкъ 322.

Пятый стрѣлковый батальонъ 322.

Пятидесятый линейный полкъ 336.

Седьмой драгунскій полкъ 153.

Седьмой кирасирскій полкъ 153.

Седьмой полкъ 322, 336, 341.

Семдесятъ четвертый линейный полкъ 322.

Третій морской полкъ 322, 340, 354.

Третій полкъ зуавовъ 322, 336, 337, 338, 419.

Третій стрѣлковый батал. 322, 336.

Третья дивизія 329.

Тридцать девятый линейный полкъ 322, 343.

Четвертая дивизія 329.

Четвертый егерскій полкъ 200.

Шестой драгунскій полкъ 200.

Шестой кирасирскій полкъ 200.

Шестой линейный полкъ 322, 336.

c) Англійскія войска.

Восемдесятъ - восьмой королевскій линейный полкъ 171, 322.

Восьмой гусарскій полкъ 171.

Второй стрѣлковый (Riffls) полкъ 322.

Гвардейскій - гренадерскій полкъ 171, 322, 346.

Гвардейскій-шотландскій полкъ 322.

Двадцать восьмой пѣхотный полкъ 152, 164, 323.

Двадцать первый полкъ 323.

Двадцать третій королевскій линейный полкъ 171, 192, 322, 345, 346, 420, 482, 488.

Двадцать шестой королевскій линейный полкъ 171.

Двадцатый полкъ 323.

Двѣнадцатый драгунскій полкъ 171.

Девяносто первый шотландскій полкъ 152.

Девяносто пятый королевскій линейный полкъ 171. 323, 345, 420.

Девяносто третій королевскій линейный полкъ 171, 322, 346.

Девятнадцатый королевскій линейный полкъ 171, 192, 322, 345.

Колдстримъ (Goldstream) полкъ 164, 171, 322, 346.

Одиннадцатый гусарскій полкъ 171, 479.

Первая пѣхотная дивизія 336.

Первый гвардейскій драгунскій полкъ 171.

Первый королевскій линейный полкъ 171, 323.

Пятдесятъ пятый королевскій линейный полкъ 171, 323, 345.

Пятидесятый королевскій линейный полкъ 171, 323.

Пятый гвардейскій драгунскій полкъ 198.

Седьмой королевскій линейный полкъ 171, 192, 322, 345, 399, 420, 484.

Семдесятъ девятый королевскій линейный полкъ 171, 322, 346, 484.

Семдесятъ седьмой королевскій линейный полкъ 171, 192, 322, 345.

Семнадцатый уланскій полкъ 171.

Сорокъ восьмой пѣхотный полкъ 152.

Сорокъ второй королевскій линейный полкъ 171, 322, 346.

Сорокъ второй шотландскій полкъ 195, 400.

Сорокъ девятый королевскій линейный полкъ 171, 323, 345, 420.

Сорокъ первый королевскій линейный полкъ 171, 322, 345, 420.

Сорокъ седьмой королевскій линейный полкъ 171, 323, 345, 420.

Сорокъ четвертый полкъ 164, 171, 323.

Сорокъ шестой полкъ 323.

Третья дивизія 336.

Тридцатый королевскій линейный полкъ 171, 323, 345, 420.

Тринадцатый драгунскій полкъ 171.

Тридцать восьмой королевскій линейный полкъ 171, 192, 323.

Тридцать третій королевскій линейный полкъ 171, 192, 322, 420, 482, 488.

Четвертая дивизія 336.

Четвертый линейн. полкъ 152, 164, 171, 323.

Четвертый гвардейскій драгунскій полкъ 171.

Шестдесятъ восьмой полкъ 323.

Шестдесятъ третій полкъ 323.

Шестой гвардейскій драгунскій полкъ 171.

Шестой егерскій полкъ 152.

АЛФАВИТЪ СУДОВЪ.

a) Русскія суда.

Индія, пароходъ 47, 127, 175.

Бессарабія, пароходъ. Прилож. 51.

Владиміръ пароходъ 175. 176. 178. 179. Прил. 51.

Графъ Никитинъ, бригъ 53.

Громоносецъ, пароходъ 176. Прил. 51.

Дѣпиръ, пароходъ 47.

Епикалс, пароходъ 175.

Императрица Марія, корабль 177.

Камчатка, паровой фрегатъ 134.

Коварна, фрегатъ 143, 177.

Колхида, пароходъ 136.

Крымъ, пароходъ. Прилож. 51.

Кулевчи, фрегатъ 134, 177.

Одесса, пароходъ 177. Прилож. 51.

Святославъ, корабль 177.

Тамань, пароходъ 175.

Тигръ, взят. у англич. пароходо-фрегатъ 33, 57, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 143, 177.

Турокъ, пароходъ 56, 175.

Флора, фрегатъ 177.

Херсонесъ, пароходъ. Прилож. 51.

Храбрый, корабль 177.

Чесма, корабль 177.

Эльборусъ, пароходъ 144.

b) Французскія суда.

Албатросъ, 145.

Аяччіо 32.

Байярдъ 34.

Вальми 34. 266.

Вилль-де-Пари. См. городъ Парижъ.

Вобанъ 34, 56, 57, 191.

Генрихъ IV 34, 189, 266.

Геронъ 31, 34.

Гомеръ 34.

Городъ Марсель 35.

Городъ Парижъ 34. 54. 232, 256, 266.

Декартъ 34, 54, 56, 177. 191.

Жанъ-Бартъ 35

Іена 34.

Кассикъ (Кацикъ) 30, 34. 189, 191. 192, 241, 329, 337.

Катонъ, 30, 34, 57.

Кафарелли 35.

Магеланъ 34, 191.

Мегеры 329, 337.

Меркуръ 34.

Могадоръ 34, 56, 191.

Монтебелло 35, 231, 232, 239, 266.

Монтеаумъ 145.

Монтенго 34.

Мюратъ 34.

Наполеонъ 32, 35, 154. 240, 241, 256.

Оливье 34.

Панама 151, 152.

Помона 35.

Примоге 35.

Прометей 34.
Роландъ 35.
Саламандра 34.
Санэ 34, 191.
Серіозъ 34.
Серфъ 34.
Сюффренъ 35.
Фридландъ 34.
Христофоръ Колумбъ 147.
Шерлеманъ 30, 34.
Юпитеръ 34.

c) Англійскія суда.

Агамемнонъ 33, 144, 240, 241.
Азія 134.
Альбіонъ 31, 33, 234.
Антелопъ 33.
Аполло 33.
Арденъ 33.
Ардисъ 192.
Аретузъ 33.
Беллерофонъ 33, 119.
Бенчи 33, 231.
Бомануаръ 34.
Британія 32, 66, 232, 234.
Валорусъ, 134.
Ванжансъ (Венджансъ) 33, 234.
Васпъ 33.
Везувіусъ 33, 138.
Викторія 192, 260.
Гайфлайеръ 33, 57.
Гималая 154, 155, 198, 260.
Гингфлейеръ 264.
Гольденфлисъ 192.
Діамондъ 33, 234.
Дюкъ-де-Веллингтонъ 34.
Инфлексибль 33.
Исталаца 181.
Каинъ 32.
Камбрія 192.
Кародокъ 29, 33, 232, 262, 389.
Квинъ 234.
Конкордія 257.
Крюйзеръ 135.
Леандръ 33.
Лондонъ 33, 234.
Маджиссіенъ 134.
Модестъ 33.
Нигеръ 33.
Ретрибюшенъ 30, 33, 53, 54, 56, 57, 88, 234.
Родней 33, 234.
Самсонъ 30, 32, 33, 57,
Санспарейль 33, 57,
Сидонъ 33.
Сильма 260.
Симунъ 233.
Синай 202.
Спитфайръ 33.
Террибль 33, 57, 178, 241.
Трафальгаръ 32, 234.
Трибюнъ 234.
Тритонъ 33.
Уаспъ. См. Васпъ.
Фиребраудъ 33.
Фроликъ 33.
Фюри 33, 37, 46, 47, 55, 57, 88, 89, 108, 117, 129, 130, 134, 138, 143, 240, 241.
Фюріезъ (Фюріусъ) 33, 234.
Циклопсъ 33.
Шируартеръ 33.
Язонъ 260.

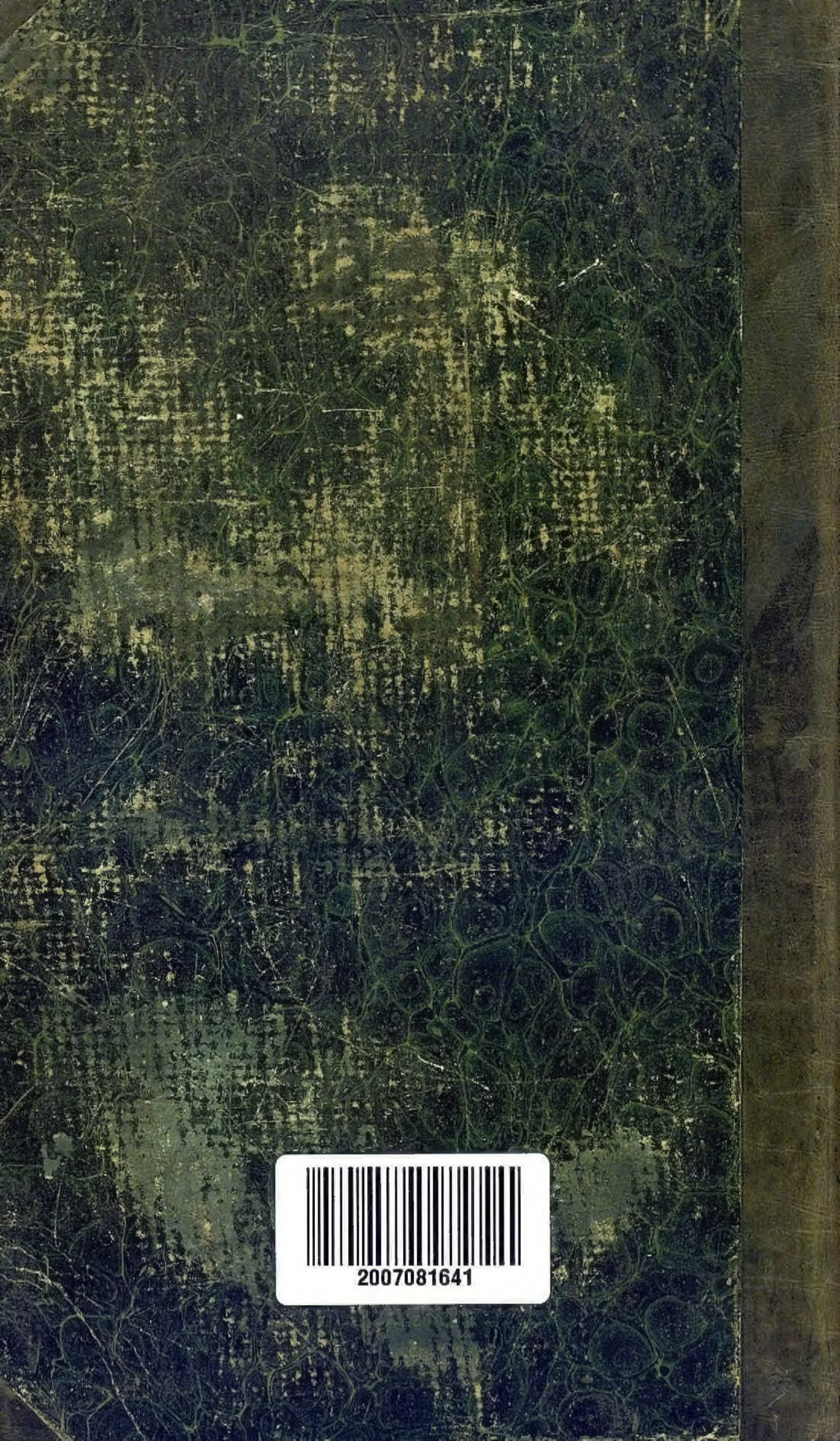
АЛФАВИТЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.

Бастіонъ № 2. Прил. 57.
Бастіонъ № 1. Прил. 57.
Бастіонъ № 4. Прил. 90.
Бастіонъ № 6. Прил. 57.
Батарея Жерве. Прилож. 50, 51, 57, 58, 60, 80.
Волохова башня 239.
Волынскій редутъ. Прилож. 43.
Камчатскій редутъ. Прилож. 43, 44, 52, 79, 80, 91, 93, 95, 96.
Малаховъ курганъ, (Корнилова бастіонъ) 319. Прилож. 52, 57, 66, 80, 91, 93, 95, 96.
Селенгинскій редутъ. Прилож. 43.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка* *съ верху*	*съ низу*	*Напечатано*	*Должно быть*
96	1	„	кшеницы	пшеницы
100	„	10	нашей	вашей
109	8	„	вертсъ	верстъ
133	15	„	*Гриффардъ*	*Гиффардъ*
135	„	19	заплатившиго	заплатившаго
147	„	9	*Мантеннре*	*Мартеннре*
154	14	„	Константиоополѣ	Константинополѣ.
173	13	„	воспрепятсвовало	воспрепятствовало
181	7	„	вномогательныхъ	вспомогательныхъ
188	5	„	*Решидъ-пата*	*Решидъ-паша*
254	2	„	*Бестонъ*	*Бетсонъ*
298	„	3	нижихъ чиновъ	нижнихъ чиновъ
334	„	2	9 стрѣлковый бат.	6-й стрѣлковый батальонъ.
405	„	1	Rurow	Burow
405	„	1	Bustow	Rustow
443	„	10	16 артиллерійской	17 артиллерійской
488	„	14	По вывоскамъ	По выпискамъ

Примѣчаніе. На стр. 171 слово «*общій перечень*» должно относиться только къ лѣвому столбцу.


2007081641